3 1761 08106762 1

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p3russkaiamy35mosk

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

МАРТЪ

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ
1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Валерія Брюсова**	1
II.	„НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА". Главы XI—XII.—**С. Н. Сергѣева-Ценскаго.** *Окончаніе*	3
III.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Александра Блока**	24
IV.	РОСГАЛЬДА. Романъ **Германа Гессе.** (*Hermann Hesse.* Rosshalde.) Авторизованный переводъ съ нѣм. **А. С. Полоцкой.** *Окончаніе*	25
V.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Александра Топольскаго**	63
VI.	СУДЪ. Этюдъ.—**П. С. Романова**	64
VII.	СТРАСТНАЯ ДРУЖБА. Романъ **Г. Дж. Уэллса.** (*H. G. Wells.* The Passionate Friends.)—Перев. **Э. К. Пименовой.** *Продолженіе*	85
VIII.	СЕЛЬСКІЯ ЭПИГРАММЫ.—**Юрія Верховскаго**	126
IX.	ОЛЬГА ОРГЪ. Романъ. Часть первая. Главы I—XV.—**Юрія Слёзкина**	136
X.	ОБЪ ОКАССЕНѢ И НИКОЛЕТѢ.—Перев. **М. И. Ливеровской**	167
XI.	СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ источникамъ.)—**А. А. Корнилова**	1
XII.	НОВАЯ ПЕЗЕМСКАЯ РОССІЯ.—**Ф. А. Щербины**	22
XIII.	ТОЛСТОЙ И СУДЪ.—**В. А. Маклакова**	35
XIV.	О ЧИТКѢ. Актеръ, критика, школа.—**Кн. Сергѣя Волконскаго**	73
XV.	ЗДРАВАГО СМЫСЛА ТАРТАРАРЫ. Діалогъ о футуризмѣ.—**Валерія Брюсова**	83
XVI.	НА ПЕРЕВАЛѢ. Къ чему готовить?—**А. С. Изгоева**	96
XVII.	ПОЧЕМУ ЗАСТОЯЛАСЬ НАША ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ?—**Петра Струве**	104
XVIII.	ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. **I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.** 1. Новое нападеніе. **Земца.**—2. Земская реформа на Кавказѣ. **Г. Туманова.**—3. Русская „Оранжевая книга" о балканскихъ событіяхъ. **И. О. Левина.**—4. „Обязанное" хозяйство. **Я. Яковлевича.**—5. „Эльзасская душа". **И. Л. II. Литература и искусство** 1. Разгадка или ошибка? **Валерія Брюсова.**—2. О футуризмѣ. **Евгенія Лундберга.**—3. Къ исторіи вѣнскаго Бургтеатра. **Б. Эйхенбаума.**—4. „Эръ романеско" и Трилусса. **М. Первухина. III. Историческая наука.** Евреи и капитализмъ. **С. О. Марголина. IV. Религія и церковь.** 1. Изученіе религіи массъ. **Н. Брюлловой-Шаскольской.**—2. На перепутьѣ. **В. Быстренина. V. Естествознаніе.** Ученыя животныя. **П. Эфрусси. VI. Некрологъ.**	1
XIX.	КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Критико-библіографическій отдѣлъ.** Книги: I. Литература, исторія литературы и литературная критика.—Философія и религія.—Исторія.—Политическая экономія, статистика и финансы.—Политика и публицистика.—Естествознаніе и математика.—Педагогика и народное образованіе.—Книги для дѣтей. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 февраля по 1 марта 1914 г.	97
XX.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	I

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЪ ПЯТЫЙ

КНИГА III

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1914

1975
AP
50
48
9 35
Кн.3

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Валерія Брюсова** 1

II. „НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА". Главы XI—XII.—**С. Н. Сергѣева-Ценскаго.** *Окончаніе* 3

III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Александра Блока** 24

IV. РОСГАЛЬДА. Романъ **Германа Гессе.** (*Hermann Hesse.* Rosshalde.)—Авторизованный переводъ съ нѣм. **А. С. Полоцкой.** *Окончаніе* 25

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Александра Топольскаго** 63

VI. СУДЪ. Этюдъ.—**П. С. Романова** 64

VII. СТРАСТНАЯ ДРУЖБА. Романъ **Г. Дж. Уэллса.** (*H. G. Wells.* The Passionate Friends).—Перев. **Э. К. Пименовой.** *Продолженіе* 85

VIII. СЕЛЬСКІЯ ЭПИГРАММЫ.—**Юрія Верховскаго** 126

IX. ОЛЬГА ОРГЪ. Романъ. Часть первая. Главы I—XV.—**Юрія Слёзкина** 136

X. ОБЪ ОКАССЕНѢ И НИКОЛЕТѢ.—Перев. **М. И. Ливеровской** 167

XI. СЕМЕЙСТВО БАКУНИНЫХЪ. (По неизданнымъ источникамъ.)—**А. А. Корнилова** 1

XII. НОВАЯ НЕЗЕМСКАЯ РОССІЯ.—**Ф. А. Щербины** . . . 22

XIII. ТОЛСТОЙ И СУДЪ.—**В. А. Маклакова** 35

XIV. О ЧИТКѢ. Авторъ, критика, школа.—**Кн. Сергѣя Волконскаго** 73

XV. ЗДРАВАГО СМЫСЛА ТАРТАРАРЫ. Діалогъ о футуризмѣ.—**Валерія Брюсова** 83

XVI. НА ПЕРЕВ'ЛЬ. Къ чему готовить?—**А. С. Изгоева** . . . 96

XVII. ПОЧЕМУ ЗАСТОЯЛАСЬ НАША ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ?—**Петра Струве** 104

XVIII. ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Обзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Новое нападеніе. Земца.—2. Земская реформа на Кавказѣ. Г. Туманова.—3. Русская „Оранжевая книга“ о балканскихъ событіяхъ. И. О. Левина. — 4. „Обязанное“ хозяйство. Я. Яковлевича.—5. „Эльзасская душа“. И. Л. II. Литература и искусство. 1. Разгадка или ошибка? Валерія Брюсова.—2. О футуризмѣ. Евгенія Лундберга.—3. Къ исторіи вѣнскаго Бургтеатра. Б. Эйхенбаума.—4. „Эръ романеско“ и Трилусса. М. Первухина. III. Историческая наука. Евреи и капитализмъ. С. О. Марголина. IV. Религія и церковь. 1. Изученіе религіи массъ. Н. Брюляловой-Шаскольской.—2. На перепутьѣ. В. Быстренина. V. Естествознаніе. Ученыя животныя. П. Эфрусси. VI. Некрологъ . . 1

XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библіографическій отдѣлъ. I. Книги: Литература, исторія литературы и литературная критика. — Философія и религія. — Исторія. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Политика и публицистика.—Естествознаніе и математика.— Педагогика и народное образованіе. — Книги для дѣтей. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1914 г. 97

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по понедѣльникамъ отъ $10^1/_2$—12 ч. и по пятницамъ отъ $1^1/_2$—$4^1/_2$ ч.

Секретарь—по средамъ отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

Два стихотворенія.

Дѣвочка и ангелъ.

Маленькая дѣвочка плакала вчера:
„Почему туманами полны вечера?
Почему не каждый день солнце—какъ алмазъ?
Почему не ангелы утѣшаютъ насъ?“

Маленькая дѣвочка вечеромъ, въ тѣни,
Плакала, и ангелъ ей прошепталъ: „Усни!
Какъ алмазъ, засвѣтится солнце поутру,
И съ тобой затѣю я подъ вечеръ игру!“

Маленькая дѣвочка улеглась въ постель...
За окномъ шептала ей сумрачная ель:
„Нѣтъ, не вѣрь ты ангелу! Онъ тебѣ солгалъ:
Поутру лучъ солнечный будетъ—какъ кинжалъ!“

Сказка.

Я учусь быть добрымъ, я хочу быть ласковымъ.
Вы, стиховъ новыхъ вѣрные хранители:
Это будетъ пѣсня, это будетъ сказка вамъ!
Нѣжныя признанья выслушать хотите ли?

Въ тайный боръ дороги конному и пѣшему
Дикими кустами строго загорожены.
Тамъ русалки вторятъ звонкимъ смѣхомъ лѣшему;
Карликовъ заморскихъ—норы вдоль изложины.

Тамъ, на курьихъ ножкахъ, есть изба Ягиная;
Плачетъ, заблудившись, Гретхенъ съ юнымъ Гензелемъ;
Въ чащѣ, гдѣ не молкнетъ пѣсня соловьиная,
Тамъ—высокій теремъ, съ древне-фряжскимъ вензелемъ.

Въ горницѣ тесовой, у окна открытаго,
Ждетъ меня царевна, Берта свѣтлорусая.
Къ ней, отъ жизни мѣрной, міра домовитаго,
На конѣ волшебномъ вдругъ переношуся я.

Маленькія руки я ласкаю длительно,
Аленькія губы я цѣлую, радостный;
Смѣхъ ея отвѣтный нѣжитъ такъ цѣлительно,
Взоръ ея мнѣ свѣтитъ: тихій, милый, благостный.

За окномъ Жаръ-Птица пролетитъ, вся въ пламени,
Рюбецаль киркою простучитъ съ участіемъ...
Намъ не нужно лучшихъ, непреложныхъ знаменій:
Въ теремѣ мы дышимъ волшебствомъ и счастіемъ!...

О чудесномъ лѣсѣ буду пѣсни складывать,
Разскажу про теремъ сказку-правду мудрую.
Вамъ, друзья напѣвовъ,—слушать и разгадывать:
Гдѣ я взялъ царевну, Берту свѣтлокудрую!

Валерій Брюсовъ.

„НАКЛОННАЯ ЕЛЕНА“. [1])

XI.

„Фу, въ какой грязи выкупался, въ какой гадости!“—все время болѣзненно морщась, думалъ Матіецъ, вспоминая ночь.

Онъ смотрѣлъ въ окно вагона, за которымъ парилъ дождь, и припоминалъ не все цѣликомъ, а толчками, и что ни вспомнитъ,—отчего же все какая-то дичь и чушь, точно это даже и не онъ, Матіецъ, всегда бережливый къ себѣ, а кто-то другой за него рѣшалъ, говорилъ, дѣйствовалъ?

Сонъ въ номерѣ подкрѣпилъ его, но навалилось снова все прошлое, то, что уже отлилось въ тяжесть, и теперь новое еще,—эта ночь. Появилась брезгливость къ самому себѣ, ко всему въ себѣ безъ исключенія, и неизвѣстно было, что же сказать Безотчетову? „Хоть и казню себя сегодня, все же... нехорошо“... Начальникъ станціи, проигравшій казенныя деньги, отравившись, можетъ быть, и оправдалъ себя, но онъ, Матіецъ, видѣлъ, что что-то останется неоправданнымъ послѣ его смерти, что сегодня онъ уже менѣе свободенъ, чѣмъ былъ вчера.

Поѣздъ тарахтѣлъ по рельсамъ не такъ, какъ въ сухую погоду, а гуще и глуше, съ перебоями, съ толчками и съ фырканьемъ. На одной маленькой станціи изъ палисадника выскочилъ прямо передъ окно, у котораго стоялъ Матіецъ, какой-то грязный пьяный мужикъ безъ шапки, въ растерзанной рубахѣ и закричалъ раздирающе:

— А вотъ и я, Максимъ Петровъ!... Я—вотъ о-онъ!

На другой, тоже маленькой, гдѣ ждали встрѣчнаго поѣзда и подъ колесами шныряли пушистые утята, лѣнивый откормленный кондукторъ освѣдомился у лѣниваго же обросшаго сторожа съ бляхой:

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. I и II.

— Какъ же это: утёнки ходятъ, а утки нѣтъ?

И сторожъ отвѣтилъ, значительно подумавъ:

— Индѣйка вывела.

А на третьей, на которой поѣздъ попалъ подъ ливень, мгновенно затопившій рельсы, и минутъ двадцать дожидался, когда онъ кончится, изъ двери вокзала строгій старикъ какой-то, похожій на прасола, въ синемъ картузѣ и суконной поддевкѣ, все посылалъ куда-то къ поѣзду молодого парня, и парень, накрываясь рогожкой, все порывался было выбѣжать на перронъ, но окаченный какъ изъ пожарной трубы, отшатывался назадъ и, наконецъ, закричалъ сердито:

— Папаша, разсудить надо!... Куда же пойду я по такому дожжу, какъ эдіопъ!

А въ дверяхъ надъ нимъ хохотали.

Это и многое другое еще отмѣчалось сознаніемъ потому только, что само непрошенно лѣзло въ глаза, но когда онъ ѣхалъ вчера, мелочи почему-то занимали его, теперь было только противно съ ними; теперь думалось только о томъ, чтобы писарекъ Безотчетова не вздумалъ прокатиться на станцію вмѣстѣ съ Матвѣемъ на Живописцѣ, съ нимъ было бы трудно говорить.

Но Матвѣй даже не выѣхалъ почему-то, пришлось взять извозчика и долго трястись на линейкѣ по раскисшей отъ цѣлодневного дождя дорогѣ. На рудникъ пріѣхали только въ сумерки, и когда увидѣлъ Матіецъ вѣчное пламя коксовыхъ печей, услышалъ вѣчные гудки и почувствовалъ вѣчный запахъ гари, показалось, будто и не уѣзжалъ никуда, и по-вчерашнему засверлило тонко надъ лѣвымъ ухомъ, и явно заболѣло сердце,—не толчками, а все сразу, сплошь.

На дворѣ дожидавшійся его Матвѣй объяснилъ, что у Живописца опухла нога,—побоялся ее растревожить ѣздой,—и просилъ осмотрѣть. Матіецъ ничего не сказалъ ему. Десятникъ Гуменюкъ дожидался его съ какою-то просьбой о перемѣнѣ квартиры, во что никакъ не могъ вслушаться Матіецъ, но обѣщалъ все сдѣлать, чтобы онъ поскорѣе ушелъ. Двое татаръ въ тюбетейкахъ и одинъ парень въ праздничной курткѣ изъ манчестера нашли какія-то конторскія ошибки въ своихъ книжкахъ и все совали ему эти книжки и тараторили наперебой; имъ скучно сказалъ:

— Ну, хорошо... Ну, послѣ... Завтра!... Ну, подите повѣсьтесь, если завтра нельзя.

А подойдя къ дверямъ своего домика, увидѣлъ раскинутыя ноги въ огромныхъ грязныхъ сапогахъ, а потомъ и всего, видимо, страшно пьянаго конюгона Божка.

При немъ, хватаясь за наличники и ставни окна, Божокъ поднялся и, прислонясь спиною къ стѣнѣ, хрипнулъ:

— Паничъ!...

Потомъ принялся стаскивать картузъ, долго стаскивалъ,—стащилъ и добавилъ, пленая непослушными губами:

— Господинъ... иженеръ!...

Должно быть, онъ явился проситься снова на работу, но не осилилъ хмеля, уснулъ, ожидая, у самыхъ дверей и теперь не пришелъ еще въ себя, но для Матійца вмѣстѣ съ нимъ какъ бы вся „Наклонная Елена" пришла, поднявшись со всѣми забурившимися вагонами, зашкивѣвшимися канатами на уклонахъ, съ гнилымъ крѣпленіемъ, обвалами, помпами, вентиляціей, неизмѣнной грязью и неизбывнымъ каторжнымъ трудомъ, и то, что было вчера въ темномъ штрекѣ, вспомнилось страшно ярко, и, схвативши внезапно Божка за рукавъ куртки, онъ толкнулъ его какъ-то всѣмъ тѣломъ, какъ толкаютъ изо всей силы набухшую тугую дверь, и пьяныя ноги не удержали Божка: онъ грохнулся тяжело на спину въ грязь и нѣсколько времени лежалъ такъ, озадаченный; но когда вошелъ уже въ двери Матіецъ, онъ увидѣлъ, что Божокъ всталъ, и всталъ проворнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и болѣе увѣренно, чѣмъ когда снималъ, напялилъ фуражку, а когда отыскалъ мутными глазами въ окнѣ его, Матійца, медленно погрозилъ ему пальцемъ и еще головой даже прикивнулъ, отходя за ворота.

Шахтерская вдова Домнушка была тоже навеселѣ ради воскресенья, и вся сѣрая гнетущая обстановка низенькихъ комнатъ особенно сильно бросилась теперь въ глаза. На кухнѣ развелось, хоть и настоящей теплой погоды еще не было, столько мухъ, что даже изъ комнатъ слышно было ихъ сытое жужжанье передъ сномъ.

Домнушка, весело вѣшая на кухнѣ его залапанное пальто, сказала, что Безотчетовъ только что спрашивалъ по телефону, пріѣхалъ ли онъ.

— Доложила, что нѣтъ еще: ихъ нѣту...

— Такъ и говори, если будетъ еще спрашивать.

— А ну, конечно-жъ... Что зря безпокоить уставши... Сейчасъ самоваръ подамъ.

Была жива еще у Матійца старая надежда получить нечаянно какъ-нибудь письмо отъ Лили; и теперь спросилъ:

— Письма не было... съ почты?

— Нѣту, забыли про насъ,—весело отвѣтила Домнушка, а Матіецъ сказалъ:

— И хорошо... Это хорошо, что забыли.

Передъ чаемъ онъ долго мылся въ ваннѣ: отмывалъ и оттиралъ съ тѣла вчерашнюю ночь и сегодняшнее утро. У него былъ большой флаконъ одеколону, онъ весь его вылилъ на себя. Бѣлье надѣлъ лучшее, позаботился о тѣхъ, кто будетъ осматривать, обмывать, можетъ быть, вскрывать, любопытствуя, его тѣло; и при этомъ думалъ:

„Очевидно, я дѣлаю это изъ самолюбія; значитъ, самолюбіе мое, хоть я и умираю, бдительно живетъ и какъ будто готовится пожить еще денекъ послѣ моей смерти“.

За чаемъ онъ выпилъ стаканъ вина, но вино было мѣстнаго армянскаго разлива и потому кислое; вынулъ было коробку съ печеньемъ, но къ ней противно было прикоснуться,—до того засидѣли мухи.

Хотѣлось что-то подарить Домнушкѣ напередъ за тѣ хлопоты, которыя предстоятъ ей и за которыя никто ей не заплатитъ: за безсонную ночь, за причитанье и оханье, за бѣготню и слезы (можетъ быть, поплачетъ немного). Нащупалъ въ жилетѣ оставшійся отъ игры золотой и сказалъ ласково:

— Вотъ, Домнушка, купишь завтра что-нибудь къ чаю... булокъ, меду, кажется, мало, и вообще... а на обѣдъ, что придумаешь, то и ладно...

Надѣялся на то, что послѣ его смерти не будетъ же она покупать ему булокъ и меду; пожалѣлъ, что больше никакихъ денегъ не осталось, и еще нечего дать. Потомъ сосредоточенно началъ разыскивать и рвать всѣ письма, какія у него завалялись.

Въ девять часовъ опять позвонилъ Безотчетовъ, и Матіецъ, услышавъ, какъ Домнушка, дѣлая скорбный голосъ, отчетливо солгала:—А ихъ все нѣту, все нѣту... Да-а... Нонче-то пріѣдутъ ли, неизвѣстно... Хорошо, баринъ, я тогда позвоню... — возбужденно крикнулъ ей вдругъ, для самого себя неожиданно:—Пожалуйста, пошли его къ чорту!... И трубку повѣсь!

Въ пустотѣ низкихъ комнатъ (чужихъ уже совсѣмъ, точно съ квартиры съѣзжалъ) то странное чувство, которое онъ испытывалъ и раньше, какъ будто не у него, Матійца, украли 540 руб., а онъ самъ, до этихъ поръ щепетильно честный, укралъ ихъ у Безотчетова, все какъ-то росло теперь, хоть онъ и не хотѣлъ этого. Была даже мысль написать Олѣ, чтобы она какъ-нибудь по частямъ уплатила за него долгъ послѣ его смерти. Но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ меньше понималъ въ этомъ, и потомъ никакъ уже не могъ отыскать, чьи же, собственно, эти деньги—

540 рублей? Безотчетова ли, или темныхъ шахтеровъ, которыхъ онъ штрафовалъ безбожно, получая за экономность преміи, или принадлежатъ онѣ невѣдомымъ бельгійцамъ, или многознаемому голодному русскому мужику, или по праву присвоены онѣ проституткой Полей, у которой двое малютокъ, которыхъ надо кормить (а хоть бы и не было малютокъ, все равно). Получалась какая-то безсмыслица, расплылось прочное понятіе: собственность, возникало множество лицъ, которыя вчера и сегодня промелькнули передъ Матійцемъ, и всѣ теперь говорили: деньги эти—наши... мои!

Машинистъ былъ особенно неотступенъ; тыча руками, онъ убѣждалъ горячо: „Деньги эти мои! У меня семь дупъ, вы представляете?—и все мелкія... двое послѣднихъ—близнецы! Помру я,—что они будутъ дѣлать? Куда пойдутъ?..." Даже околоточный въ подусникахъ, и тотъ заявилъ густо: „Это—мои. Платятъ мнѣ сущіе гроши, а торчу я на улицѣ каждый день, во всякую погоду, какъ эдіотъ!..." (Представивъ себѣ ясно это составное слово, не „эвіотъ" и не „идіотъ", а что-то среднее, Матіецъ улыбнулся длинно.)

Наконецъ, онъ понялъ, что это не онъ думаетъ о деньгахъ Безотчетова, что это какъ-то вмѣстѣ съ гнусными звонками телефона Безотчетовъ вошелъ въ него и думалъ самъ о себѣ и безпокоился о своемъ Мирзаянцѣ, а онъ, Матіецъ, тутъ ни при чемъ, и что же для него какіе-то Безотчетовы, облѣзлые инженеры съ блеющимъ голосомъ, если сейчасъ передъ нимъ огромная откроется надмірная тишина, и пустота, и холодъ, и никакихъ этихъ грибовъ—„Вертикальныхъ" и „Наклонныхъ Еленъ", оттуда уже никакъ не будетъ видно? „Ревите себѣ вѣчными гудками своими, торчите трубами и домнами, васъ не будетъ"... Вспомнилось стадо коровъ во снѣ, и сонъ показался вѣщимъ, и какъ во снѣ онъ ушелъ отъ коровъ въ бодрость, въ явь, просто,—проснулся, такъ и изъ жизни онъ уйдетъ въ праматерь—ничто, въ пустоту... „Ахъ, родимые, родимые,—говорилъ онъ кому-то насмѣшливо,—вы меня къ стѣночкѣ приперли, къ стѣночкѣ, вздумали раздавить какою-то своей тошной чепухой, а въ стѣночкѣ есть всетаки щель, не замѣчаете? Маленькая... Вотъ обернусь сейчасъ маленькимъ, какъ мышь, и уйду..." И такое странное удовольствіе было въ этомъ, что Матіецъ даже руки потеръ. Опять полностью появилось то, что онъ испытывалъ уже раньше здѣсь же, по ночамъ: важность въ душѣ, холодность, отчужденность, безличность и миръ.

Когда Домнушка убрала ужъ самоваръ, вымыла какую-то посуду на кухнѣ и улеглась, такъ что въ комнатахъ стало совсѣмъ пустынно и тихо, Матіецъ пріоткрылъ окно, выходившее на руд-

никъ (только невысокій деревянный заборъ отдѣлялъ домикъ отъ рудника), присмотрѣлся къ огнямъ, прислушался къ гудкамъ и рабочему пыхтѣнью машинъ, вдохнулъ запахъ гари и, такъ и бросивъ окно полуприкрытымъ, сѣлъ писать письма.

Безотчетову онъ написалъ длинное письмо. Онъ писалъ, что деньги его онъ потерялъ и весьма сожалѣетъ объ этомъ,—„можетъ быть, и не потерялъ, а кто-нибудь вытащилъ въ толпѣ на вокзалѣ или въ вагонѣ,—что, конечно, совершенно безразлично“... Онъ хотѣлъ закончить на этомъ, но подумалъ, что какъ-нибудь обнаружится вдругъ, что онъ былъ въ клубѣ, игралъ и проигрался, и Безотчетовъ можетъ подумать, что онъ передъ смертью солгалъ, тогда онъ добавилъ: „Ради Бога, не думайте, что я проигралъ ваши деньги; я, дѣйствительно, игралъ въ клубѣ, но проигралъ свои 800, а не ваши 540“... Потомъ мелькнула трусливая мысль, что Безотчетовъ, и всякій, кто будетъ читать это письмо, можетъ подумать объ этомъ жалкомъ проигрышѣ, что онъ то и послужилъ причиной самоубійства. Понадобилось выяснить подробно, когда и почему онъ рѣшилъ застрѣлиться. Такъ растянулось это письмо. Но сестрѣ Олѣ онъ написалъ уже совсѣмъ мало, только о тупикѣ, въ который онъ зашелъ и изъ котораго единственный выходъ—смерть. А чтобы не подумала она, что смертью своею онъ хочетъ прикрыть какое-нибудь преступленіе, онъ добавилъ: „Ничего преступнаго я не сдѣлалъ“. Письмо къ матери содержало всего четыре слова: „Милая мама, прости меня!“ И къ этимъ словамъ онъ, сколько ни думалъ, ничего не могъ добавить. А на отдѣльномъ листочкѣ онъ написалъ еще, что пишутъ съ огромнымъ достоинствомъ почти всѣ самоубійцы: „Въ смерти моей никого не винить“.

Теперь почему то свободнѣе стало, какъ бывало всегда, когда онъ что-нибудь заканчивалъ, какую-нибудь срочную работу, — и по привычкѣ, пріобрѣтенной въ послѣднее время, онъ разсѣянно прошелся по комнатѣ, снова подошелъ къ окну. Изъ окна въ теми только огни были видны, но за рудникомъ, на высокомъ горизонтѣ, гдѣ стоялъ металлургическій заводъ, весь окутанный тревожно озареннымъ дымомъ, точно въ пожарѣ, какъ разъ теперь изъ долины выпускали шлаки, и ярка была огненная рѣка, по откосу свергающаяся внизъ, какъ изверженіе вулкана. Отъ этой огненной рѣки, красиво потухающей въ темнотѣ, опять проклятымъ трудомъ повѣяло, никому рѣшительно не нужнымъ изъ тѣхъ, кто тамъ трудится, и на минуту досадливо жаль стало ихъ всѣхъ тамъ, безымянныхъ: зачѣмъ они это?

Недалеко былъ проходъ на рудникъ, — ворота съ будкой для

сторожа, — и съ той стороны услышалъ Матіецъ чей-то чрезвычайно дикій голосъ,—пѣлъ выразительно:

Я—красавица дѣвица,
А ты, парень слободской...
А ты, парень слободской,
Проведи ночку со мной...

Сторожъ, видно, закричалъ вслѣдъ пѣвуну:

— Эй, чортъ, красавица! куда попёръ?... Нельзя въ пьяномъ видѣ!

А сиплый дикій голосъ, откачиваемый вѣтромъ, уносился дальше, жалуясь темнотѣ, трубамъ, дыму:

...Я ждала тебя всю ночь,—
Свѣчка горѣла.
Сердечко болѣло...

Слова были нѣжныя, дѣвичьи, а голосъ—нелѣпый, шахтерскій, пьяный, точно нарочно хотѣлъ показать пѣвунъ, что жалкая чушь—эти слова, что не можетъ быть на землѣ такихъ словъ.

Голосъ пропалъ въ темнотѣ, но слова дѣвичьи расплылись здѣсь, въ комнатѣ, и отъ нихъ стало жаль себя,—малодушно жаль стало того, что не дожито.

Появилась стыдливая мысль написать письмо Лилѣ, но для того даже, чтобы только начать это письмо, не нашлось никакихъ словъ. Зато о ней хотѣлось думать теперь. Теперь было ужъ будто кончено все. Не звонилъ Безотчетовъ, уснула Домнушка, наступила знакомая (потому что представлялась раньше) послѣдняя, ото всего отошедшая ночь, половина одиннадцатаго, и ужъ посмотрѣлся долго въ зеркало Матіецъ и сказалъ самому себѣ: „Ну, Саша?...", и медленно улыбнулся себѣ, а револьверъ,—спокойную, мудро слаженную вещицу, положилъ рядомъ на столъ. Чтобы не обезобразить лица, которое вчера и сегодня, въ вагонѣ и въ номерѣ, назвали красивымъ, выстрѣлить онъ рѣшилъ въ сердце; притомъ же это было дальше отъ сознанія, хотя и такъ же смертельно, какъ въ високъ. Вотъ что, — непонятно почему, нѣсколько запутанно и сложно, похожее на сонъ, но не сонъ, потому что онъ только сидѣлъ за столомъ съ закрытыми глазами, и даже слышалъ всѣ гудки за окномъ и фуканье паровозовъ,—представилось ему теперь.

Хотѣлось увидѣть самое дорогое, что онъ зналъ въ этой жизни, — Лилю, такою, какой она представлялась ему издали: строгой и сдержанной, какъ будто все время носила въ себѣ

хрупкій и звучный монастырь съ тонкими, очень тонкими стѣнами, сводами, куполами. И Лиля пришла. Теперь, съ нарочно для этого закрытыми глазами, онъ ее такъ отчетливо, такъ близко увидѣлъ,—кивнула ему головой, коротко, какъ всегда, и совсѣмъ не показалось страннымъ, что храмъ, который она невидно носила въ себѣ, вдругъ появился,—точно она распахнулась, опала, разостлалась около, какъ снѣгъ, а онъ сталъ сельской церковью на горѣ, и потому, что день былъ солнечный, ярко загорѣлись кресты и главы, и снѣгъ былъ яркій, рѣзавшій весело глаза, а сосновый лѣсъ на горизонтѣ былъ чисто-синій: золотое—точками, бѣлое—кругомъ и чисто-синее — полоской вдали. Странно было то, что Матіецъ тутъ же сразу рѣшилъ, что это Всесвятское, хотя что это такое Всесвятское,— село ли это, или другое что, — не могъ бы объяснить... (а гудки за окномъ онъ слышалъ и отчетливо помнилъ, что все онъ сдѣлалъ, что нужно, и письма написалъ, и теперь половина одиннадцатаго, — значитъ времени еще у него—полчаса). Было Всесвятское, и почему-то онъ шелъ рядомъ съ другимъ, похожимъ на отставного военнаго, шелъ по очень хорошей, очень гладкой, какъ городская панель, дорогѣ и чувствовалъ, что церковь на горѣ осталась сзади, и что сзади за нимъ кто-то тоже идетъ, многіе, и впереди, видно было, тоже многіе шли,—растянулось шествіе по очень, очень далеко видной прямой дорогѣ.

— Это мы вѣдь съ поѣзда?—спросилъ онъ сосѣда; присмотрѣлся, чтобы разглядѣть чинъ по погону, но не разглядѣлъ погона.

— Конечно,—сказалъ военный.

— Гдѣ же наши вещи, полковникъ?

(Чинъ онъ придумалъ наугадъ, по возрасту.)

— Вещи наши доставятъ отдѣльно,—сказалъ полковникъ.

„Можетъ быть, онъ генералъ“,—подумалъ Матіецъ и спросилъ заботливо:

— А ихъ не перепутаютъ... генералъ?

— Нѣтъ, здѣсь не путаютъ, — сказалъ генералъ...

— Но, не правда ли, странно, что мы съ поѣзда идемъ пѣшкомъ?—спросилъ Матіецъ.

— Да. Здѣсь не ѣздятъ,—сказалъ сосѣдъ.

— А почему тутъ нѣтъ синяго лѣса на горизонтѣ?

— Здѣсь нѣтъ горизонта...

Потомъ генералъ повернулъ къ нему лицо совсѣмъ не военное, и проговорилъ:

— А вотъ гостиница.

Дѣйствительно, великолѣпное строгое зданіе стояло, все матово-бѣлое, карнизы черные.

— Вотъ какъ!—удивился Матіецъ.—Это не мраморъ ли?

— Вѣроятно.

— А почему же она одна въ пустой степи?

— А вонъ и другія.

Дѣйствительно, повсюду стояли зданія, такія же бѣлыя съ чернымъ и строгія. Всѣ, несомнѣнно, уходили вдаль, и всѣхъ безконечно было видно. Но чего-то нехватало въ нихъ или между ними. Матіецъ долго думалъ, пока догадался: деревьевъ.

— Почему же нѣтъ деревьевъ?—обернулся онъ къ военному.

Однако военнаго ужъ не было,—рядомъ съ нимъ стоялъ небольшой скромный мальчикъ, и онъ показалъ на каменныя бѣлыя глыбы здѣсь и тамъ:—Вотъ деревья.

„Это, должно быть, только для защиты деревьевъ,—догадался Матіецъ.—Подъ мраморомъ—деревья".

— Вѣдь это мраморъ?

— Можетъ быть,—сказалъ мальчикъ скромно.

— Здѣсь, должно быть, страшно холодно?—спросилъ Матіецъ, увидѣвши кругомъ чистый, кристаллами, снѣгъ.

— Нѣтъ. Видите, тутъ купаются?

И Матіецъ увидѣлъ неширокую рѣчку, — скорѣе ручей. На снѣгу берега стояла изумительной красоты голая дѣвушка, приготовясь купаться, и нѣсколько такихъ же сидѣло и стояло дальше.

— Это мы въ Россіи?—изумленный спросилъ Матіецъ.

— Это называется Всесвятское, — отвѣтилъ просто мальчикъ.

— Какъ же можно купаться въ такой рѣкѣ?

— О, она глубокая.

— Нѣтъ... снѣгъ, холодъ!... Я объ этомъ.

— Нѣтъ, здѣсь тепло.

— Здѣсь холодно... снѣгъ!—упрямо повторилъ Матіецъ и почувствовалъ, что ему холодно, что это, должно быть, изъ открытаго окна дуетъ.

— Нѣтъ, здѣсь тепло, — повторилъ ставшій съ нимъ рядомъ голый, сильно сложенный юноша... Здѣсь жарко.

И Матіецъ почувствовалъ, что дѣйствительно жарко. Но когда юноша погрузилъ въ воду стройную, какъ у дѣвушки на томъ берегу, ногу, — то отъ этой голой ноги въ ледяной, какъ казалось, водѣ опять стало холодно нестерпимо: пронизало холодомъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Матіецъ съ тоской. Тутъ нѣтъ церкви на горѣ, нѣтъ лѣса на горизонтѣ, нѣтъ даже и горизонта... Какъ

это? Это, должно быть, не Россія... Нужно на поѣздъ и уѣхать. Найти свои вещи,—и на поѣздъ... Это навѣрное не Россія.

...Почему-то обыкновенный, запачканный углемъ около носа кочегаръ попался на дорогѣ.

— А-а, голубчикъ! — обрадовался Матіецъ. Когда отсюда поѣздъ?

— А вамъ куда отсюда?—спросилъ кочегаръ.

— Все равно, куда... Пойдетъ вѣдь поѣздъ?

— Пойти пойдетъ, только поздно.

— Какъ поздно? Когда именно? — Но кочегаръ уже уходилъ медленно, уходилъ быстрѣе... ушелъ. Оглянулся Матіецъ, чтобы взять извозчика, но вспомнилъ, что ихъ тутъ нѣтъ. И люди кругомъ показались очень странными уже потому, что никто не улыбался. Пошелъ, стараясь итти къ вокзалу, и вдругъ попался носильщикъ съ мѣдной бляхой, какъ будто очень знакомый,— ну, да, его носильщикъ, черный бородачъ.

— А-а, пріятель!—радостно крикнулъ Матіецъ, но носильщикъ вдругъ быстро повернулся къ нему спиной. Онъ зашелъ съ лица, а носильщикъ тутъ же, четко каблуками стукнувъ, повернулся спиной. И еще разъ такъ, и еще...

А кто-то подошелъ и спросилъ его, Матійца:

— Вы не понимаете?

— Нѣтъ, я не понимаю,—сказалъ Матіецъ и подумалъ, что нужно поглядѣть на часы. Поглядѣлъ,—было безъ двадцати одиннадцать; онъ взялъ револьверъ, посмотрѣлъ на себя въ зеркало и тутъ же почувствовалъ, что почему-то необходимо повернуться назадъ, а повернувшись, увидѣлъ, какъ изъ окна, съ подоконника въ комнату свѣсился большой грязный шахтерскій сапогъ, а надъ нимъ, изогнувшись, глядѣло знакомое какое-то недавнее лицо, до того странное теперь, до того страшное, до того непонятное, что Матіецъ въ удивленіи выронилъ на полъ револьверъ, и только когда онъ стукнулъ глухо, догадался, что сквозь незакрытое окно въ комнату тяжело лѣзетъ Божокъ.

„Ты зачѣмъ, Божокъ?“—хотѣлъ онъ спросить, а звуковъ не вышло; Божокъ же вытянулъ въ окно и другую ногу и всталъ въ комнатѣ весь — сутулый въ шеѣ, согнутый въ колѣняхъ, съ жесткой желтой щетиной на выпяченномъ подбородкѣ... Матіецъ замѣтилъ, что ничего не было у него въ рукахъ, что пришелъ онъ къ нему такъ, какъ бродилъ по руднику или по улицѣ между казармъ, грязный, съ глазами мутными, щеками черными, какъ чугунъ; но вѣдь этимъ рукамъ ничего и не было нужно: онѣ гвозди вбиваютъ въ дубъ.

Шевеля небольшой, какъ у черепахи, головой, какъ бы съ тѣмъ, чтобы какъ слѣдуетъ нашарить его мутными глазами, Божокъ сказалъ хрипуче:

— Ага, цуцикъ паршивый!...—какъ вчера въ шахтѣ: у него вѣдь словъ было мало,—и все еще плохо представлявшій,—дѣйствительность это или сонъ, Матіецъ сразу понялъ, что Божокъ явился, чтобы его убить, что смерть не бѣлая, не желанная, не своя, а вотъ она смерть,—черная, грязная, уродливая, страшная... чужая... Было нѣсколько мгновеній, наполненныхъ мутнымъ сопѣньемъ Божка и нѣмою ясностью Матійца, и къ револьверу, валявшемуся на полу, не нагнулся Матіецъ, — револьверъ этотъ былъ себѣ смерть, а не Божку,—но зато Божокъ почему-то потянулся прежде всего къ револьверу, а въ это время быстро схватившій вѣнскій стулъ Матіецъ ударилъ его по головѣ и шеѣ сидѣньемъ такъ, что подломилась ножка.

Послѣ не могли догадаться, какъ это удалось ему, худощавому и слабому, такъ долго бороться съ огромнымъ коногономъ, но это былъ удачный ударъ, отъ котораго нѣсколько ослабѣлъ, а главное опѣшилъ Божокъ, и окрѣпъ Матіецъ.

Когда-то, еще студентомъ, онъ усердно занимался гимнастикой, и какъ ненужное званіе лежала въ немъ добытая тогда сообразительность тѣла,—теперь она вспыхнула. И еще разъ удалось по рукамъ ударить Божка, когда онъ подымался, такъ что выпалъ поднятый имъ револьверъ. Ослѣпленно освирѣпѣлый Божокъ кинулся на хрупкаго инженера, чтобы сразу смять, но Матіецъ отбросился за этажерку, съ книгами и толкнулъ ее въ сторону Божка. Затопленный книгами и упавшій на этажерку, такъ что все сломанно захрустѣло подъ нимъ, Божокъ бормотнулъ, снова опѣшивъ: „Ишь, сволочь паршивый!" а Матіецъ успѣлъ крикнуть въ окно: „Эй, рѣ-бѣжуть! Э-эй!..." Къ окну же и подвинулся онъ,—можетъ быть, удастся выпрыгнуть задомъ (двери обѣ онъ притворилъ плотно, а одну даже заперъ, только забылъ теперь, какую именно, и обѣихъ боялся). Не сводилъ глазъ съ Божка, Божокъ же, неожиданно быстро вскочивъ, стоялъ передъ нимъ, вытянувъ голову и растопыря руки... Было жутко, что никто не шелъ... Кто-то долженъ былъ сорваться откуда-то, прибѣжать, запыхавшись, и спасти... Глядѣлъ на огромнаго Божка, боясь пропустить хоть одно движеніе, а самъ коротко вскрикивалъ: „Эй!... Эй!... Эй!..." Старался вспомнить какое-то слово, которое надо кричать, и не могъ, — но его выкрикнула въ сосѣднее окно Домнушка, разбуженная стукомъ, и Матійцу показалось, что онъ уже спасенъ, когда услышалъ это пронзительное: „карау-улъ!"

Божокъ пододвинулся къ нему медленно, приподнявъ руки, чтобы схватить стулъ. У Матійца холодная судорога готова была начаться. Но вотъ рванулъ Божокъ, и только сломанная ножка осталась въ рукѣ у Матійца. Онъ зналъ, что такъ и будетъ, и хотѣлъ было воспользоваться этимъ мигомъ, чтобы подброситься на подоконникъ и выпрыгнуть, а Божокъ, сопя, въ окнѣ уже, поймалъ его жесткой лапой за колѣно и сдернулъ на полъ... Онъ навалился на него, дыша зловонно, и бормоталъ, довольно кряхтя: „Ага, сволочь паршивый!...“ и, должно быть, ткнулъ въ лицо, потому что стало вдругъ солоно во рту, и верхній клыкъ вонзился въ нижнюю губу, — ротъ забрякъ сразу, нельзя было разжать.

Матіецъ забился всѣмъ тѣломъ сразу, какъ грудныя дѣти, но Божокъ, вырвавъ у него деревяшку, наклонившись и замеревъ на секунду, стукнулъ его по головѣ. Былъ моментъ страшной боли, во время котораго Матіецъ подумалъ отчетливо: „Вотъ когда конецъ... все!“ и потомъ пересталъ сознавать.

А въ это время, привлеченные криками Домнушки, лѣзли уже въ окно шахтеры изъ проходившей мимо смѣны, и свистя подбѣгали сторожа.

XII.

Когда очнулся Матіецъ утромъ, онъ не сразу вспомнилъ, что̀ съ нимъ случилось: мелькнула догадка, что, должно быть, клѣть упала—оборвался канатъ, а что сейчасъ было утро, онъ это узналъ по привычному синему съ желтыми отсвѣтами кружочку на стѣнѣ (въ ставнѣ окна надъ его диваномъ былъ выпавшій сучокъ) и по гудку, и по тому, что Домнушка встала. Потомъ отъ сильнѣйшей боли потерялъ сознаніе еще часа на два, а очнулся снова отъ новой боли и отъ того, что голова его была въ чьихъ-то мягкихъ рукахъ: это забинтовывалъ ее рудничный врачъ Кораблевъ, а ему помогала фельдшерица Ксенія Ивановна, и первое, что увидѣлъ Матіецъ, когда открылъ глаза, былъ ярко блеснувшій золотой зубъ, кутній, нижній, въ ея влажномъ рту, и первое чувство, которое онъ осозналъ, была благодарная умиленность: точно снова дѣтство, раннее дѣтство,—боленъ, и надъ нимъ мать. А Кораблевъ вполголоса говорилъ въ это время Ксеніи Ивановнѣ:—„Положительно, чудо: кость цѣла!...“ И Матіецъ подумалъ:—„Значитъ, я сильно расшибся, если...“ И вдругъ вспомнилъ: стыдъ... Почему-то стыдъ этотъ былъ синій... И странно было: стыдъ—стыдъ, стыдъ синій, а въ чемъ же, собственно, этотъ

стыдъ?... По-дѣтски хитря, прикрывъ глаза дрожащими вѣками, онъ усиленно зашевелилъ медленную мысль: какой стыдъ? И представилъ, наконецъ, ясно синіе конверты, въ которые онъ вкладывалъ письма, на своемъ столѣ въ кабинетѣ; въ кабинетѣ, можетъ быть, теперь тоже чужіе люди, какъ и въ спальнѣ, и кто-нибудь читаетъ письма,—это стыдъ и есть... И все хотѣлось сказать Домнушкѣ, чтобы спрятала письма, которыя теперь не нужны, но при чужихъ сказать было нельзя. Въ мягкихъ рукахъ Кораблева легче было головѣ, особенно, когда онъ чуть приподнималъ ее, чтобы пропустить бинтъ, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ мысль отчетливо сплела догадку: „я стрѣлялся, но остался живъ, даже кость какая-то цѣла“...

Стыдъ остался и послѣ этой догадки, и больше отъ этого стыда, чѣмъ отъ боли, простоналъ, не открывая глазъ, Матіецъ, когда неловко дотронулся до раны кто-то, закалывая бинтъ.

— А? Больно?... Ничего, ничего, мы сейчасъ...—зашептала виновато Ксенія Ивановна, а Кораблевъ добавилъ громко и по-докторски шутливо сытымъ баскомъ:

— Пустяки, совсѣмъ пустяки... Гораздо могло быть хуже! Счастливъ вашъ Богъ.

„Почему говорятъ такъ нелѣпо: счастливъ вашъ богъ?“—смутно думалъ Матіецъ, все стараясь представить, какъ онъ стрѣлялъ въ себя, и почему въ голову, а не въ сердце. Обрывки какіе-то все показывались и прятались, и никакъ нельзя было ухватить ничего и вытащить цѣликомъ. Почему-то мерещилась этажерка съ книгами, и какъ будто это было важное и нужное, но что же могло быть важнаго въ этажеркѣ?...

И только, когда, собравшись уходить, наставлялъ Домнушку Кораблевъ, что не нужно отворять окна въ спальнѣ, чтобы не безпокоилъ шумъ, Матіецъ представилъ вдругъ: *окно*, — въ немъ огромный шахтерскій грязный сапогъ, и надъ нимъ грязную отъ угля, — только бѣлки блестѣли, — склоненную личину Божка, и въ нѣсколько терпкихъ мгновеній все вспомнилъ и оглядѣлъ комнату разрѣшенно, лица всѣхъ глазами: и доктора, и Ксенію Ивановну, и Домнушку,—улыбаясь глазами сквозь туманящую боль и мясистому лицу нестараго еще Кораблева при лысинѣ спереди и въ золотыхъ очкахъ, и фельдшерицыну золотому зубу, который поблескивалъ и теперь (что-то она приказывала тихо Домнушкѣ: она вся была располагающая, добрая, мягкая, тихая) и Домнушкѣ, наконецъ, у которой тоже, казалось, было что-то золотое, кромѣ золотого сердца, не вспоминалось ясно, что именно, но увѣренно почему-то представлялось: было золотое.

Такъ оглядѣвши всѣхъ, Матіецъ растроганно сказалъ: „Спасибо вамъ!“... это и было первое, что онъ сказалъ, очнувшись.

Въ обѣдъ зашелъ къ нему Безотчетовъ. Онъ чувствовалъ, видимо, себя нѣсколько неловко около своего младшаго помощника, съ которымъ случилось несчастье на одной изъ его „Еленъ“, и вся бѣлая отъ марли, ваты и бинтовъ голова какъ будто смущала его, но къ его приходу Матіецъ уже настолько оправился, что могъ говорить, хотя и съ перерывами, и съ трудомъ подъискивая слова. И когда онъ далъ ему понять, что̀ съ нимъ произошло,—конечно, только то, что касалось Божка,—онъ, улыбнувшись, добавилъ ему:

— А знаете, одно къ одному... вѣдь у меня ваши деньги украли.

Онъ зналъ уже отъ Домнушки, что письма, которыя онъ писалъ ночью,—синій стыдъ его,—запрятала она въ папку, по привычкѣ приводя утромъ все въ порядокъ. У нея былъ ужъ навсегда заведенный порядокъ: всѣ бумаги, которыя разбросаны бывали на столѣ, прятать въ папку, а которыя на полу, — въ печь,—это не всегда было кстати, но теперь пригодилось.

— Какъ? Божокъ? — удивился Безотчетовъ. — Или ихъ двое было?... Значитъ, вы не нашли Мирзоянца?

— Нѣтъ, у меня ихъ въ Ростовѣ, а не Божокъ... Гдѣ-то въ Ростовѣ... Я вамъ ихъ, конечно, верну... Пятьсотъ сорокъ...

Безотчетовъ подозрительно посмотрѣлъ было на него, но тутъ же заспѣшилъ:

— Ну, что же, бываетъ... Это пустяки. Вы заявили полиціи?

— Заявлялъ,—вспомнилъ околоточнаго и улыбнулся тому, что даже не лжетъ, Матіецъ.

— Ну, вотъ... Можетъ быть, и найдутъ.

— Безразлично,—найдутъ или нѣтъ... А Мирзоянцъ... Мирзоянцу пошлите: вѣдь у васъ срочный платежъ.

— Пустяки... — Безотчетовъ постучалъ пальцами и нашелъ нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о Божкѣ.—Но какой же негодяй,—а!

— Знаете ли, напрасно... — поморщился отъ боли и еще отъ чего-то Матіецъ. — Онъ не столько негодяй, сколько... спьяну... Его и судить не стоитъ.

— Нѣтъ-съ! Это великодушіе лишнее... — Безотчетовъ посмотрѣлъ было на него строго, но отвелъ глаза. — Оставьте такой случай безнаказаннымъ, и тогда...

— О, это—рѣдкій случай,—живо подхватилъ Матіецъ.—Этотъ случай—рѣдчайшій!

— Не скажите!... На моей памяти это — четвертое нападеніе на инженера... даже пятое.

И онъ хотѣлъ было разсказать, какъ, гдѣ и когда были нападенія на инженеровъ, но, видя, что сильно утомился Матіецъ, простился съ нимъ, а черезъ часъ Марья Павловна заѣхала посмотрѣть раненаго и привезла коробку конфетъ.

Съ Автономомъ Ивановичемъ увидѣлся Матіецъ вечеромъ, послѣ наряда. Блестя своими донскими разбойничьими, при лампѣ очень яркими глазами, сначала-было шумно, а потомъ шопотомъ, но выразительнымъ, онъ разсказывалъ, какъ въ шахтѣ его жалѣли, и это растрогало Матійца, но потомъ всплыло изъ памяти, что вѣдь онъ его обидѣлъ тогда, вотъ этого, съ бравымъ лицомъ, съ такими густо и прямо и длинно стоящими черными волосами, точно просмоленная дратва, а не волосы. Онъ извинился конфуаливо, что совершенно смутило Автонома Иваныча. Красный, онъ промямлилъ что-то, но тутъ же нашелся:

— Да вы вѣдь и правы оказались: оно ужъ тогда вонъ куда мѣтило, это чудище! Вы то догадывались, а я нѣтъ.

— Оно въ кордегардіи пока, чудище?—спросилъ Матіецъ.

— Пока здѣсь... До слѣдователя, что ли, или... вообще, урядникъ имъ вѣдаетъ.

— Голубчикъ, знаете ли что?... Нельзя ли устроить, чтобы его сюда,—просительно улыбнулся Матіецъ.

— Что вы?... Мало вамъ?—удивился было штейгеръ, но, увидя, что Матіецъ имѣетъ какую-то цѣль, добавилъ: — Устраивать тутъ и нечего: сказать просто уряднику,—и привезутъ.

— Скажите, голубчикъ.

Автономъ Иванычъ обѣщалъ.

Положительно, это была какая-то неприкрытая радость для Матійца, точно свиданье съ любимой, когда, на другой день по топоту многихъ ногъ въ прихожей и коридорѣ, онъ догадался, что привели Божка. Съ нимъ пришелъ и урядникъ,—побоялся ли онъ отпустить конвоя съ двумя казаками изъ рудничной стражи, или хотѣлъ послушать, о чемъ будетъ говорить съ нимъ инженеръ, но онъ вошелъ первый въ спальню Матійца, толстый, съ простовато-хитрымъ черноусымъ лицомъ, остановился въ дверяхъ и доложилъ по-строеному:

— Ваше благородіе, арестованнаго доставилъ.

— Сюда его, конечно,—заторопился Матійца — а ка...

— Конвой съ нимъ будетъ.

— Нѣтъ, именно, не нужно. Пусть одинъ онъ... а вы... ну, посидите тамъ гдѣ-нибудь... это недолго.

Урядникъ понятливо кивнулъ головой, и Божка ввели и притворили за нимъ дверь, но уходящихъ отъ двери ногъ не слыхалъ Матіецъ.

Божокъ стоялъ молча у порога, прямо противъ изучающихъ, чрезмѣрно внимательныхъ глазъ Матійца и смотрѣлъ на него посвоему, попрежнему, глубоко исподлобья. Теперь это былъ какъ будто нѣсколько не тотъ Божокъ: всегда онъ былъ черный и грязный или почище, но пьяный, теперь же одѣтъ онъ былъ все въ ту же праздничную куртку изъ полосатаго рыжаго манчестера, какъ и въ воскресенье, шестого мая, но былъ трезвъ, поэтому лицо у него посвѣтлѣло, осмыслилось, и явная правда была въ томъ, что говорили о немъ шахтеры: „Рожей не очень удался, зато фи-гу-ра!...“ Теперь, отвыкая отъ низкаго штрека, онъ выпрямился за эти 2—3 дня, и ужъ не такъ сгибались ноги въ колѣняхъ и спина: показался громаденъ. Безъ картуза его тоже никогда не видѣлъ Матіецъ; теперь, оказалось, у него были свѣтлые волосы, способные къ причесу на косой проборъ, а около глазъ, тоже свѣтлыхъ, появились жалостливыя бабки складки, можетъ быть, отъ вида безсильно лежащаго тѣла и забинтованной, какъ въ чалмѣ, головы. И что особенно бросилось въ глаза Матійцу какъ будто новое въ немъ, чего онъ не замѣчалъ такъ ясно раньше,—это руки его, тяжело висѣвшія по бокамъ, огромныя, какъ рачьи клешни,—каждая ладонь вдвое больше лица.

— Ну?—сказалъ, наконецъ, Матіецъ, пропустивъ наружу и опять поспѣшно убравъ невольную улыбку.—Ты что?... Какъ?...

— Простите, господинъ инженеръ,—бормотнулъ Божокъ.

Отъ какой-то невнятной еще радости, какъ то ни съ чѣмъ несообразной, но уже владѣвшей всѣмъ его существомъ, Матіецъ невольно закрылъ глаза и такъ, тяжело дыша, лежалъ нѣсколько длинныхъ мгновеній, пока не сказалъ шутливо:

— Это ты меня здорово ляпнулъ!

Божокъ переступилъ съ ноги на ногу, вздохнулъ, помялъ въ рукѣ картузъ—синій, съ надорваннымъ козырькомъ,—какой и тогда ночью былъ на немъ, и промолчалъ, а Матіецъ уперся глазами въ его руки,—руки, которыя ночью поднялись на него, поймали за колѣно, сдернули съ окна на полъ... ну, и руки-жъ были! Большіе пальцы оттопырились вершка на два, кажется, и въ кулакъ не могли они сжаться какъ слѣдуетъ,—такъ много было между ними и остальной ладонью упругаго, жесткаго, чугуннаго мяса.

И улыбнулся этимъ рукамъ Матіецъ:

— Ишь, ла́пищи!—и вдругъ нахмурился.—Ты что, убить меня прилѣзъ тогда, а, Божокъ?

— Вотъ истинный крестъ,—съ мѣста не сойти!...—Божокъ замоталъ лапищей передъ лицомъ, глаза отъ явнаго испуга стали чуть шире и темнѣе, и челюсть дрогнула. Потомъ вдругъ остановясь, точно неопровержимая мысль осѣнила:—Баринъ! Какая-жъ бы мнѣ отъ этого польза, если бы я...?—сказалъ и даже присѣлъ въ колѣняхъ и ротъ открылъ.

— Пользы-то, конечно, пользы никакой... Ты на меня золъ былъ, поэтому можетъ быть...

— Да я-жъ выпивши былъ, истинный крестъ!... Хиба-жъ я шо помню?

— Ну, однако-жъ, окно-то мое ты нашелъ?

— Да это я на свѣтло пошелъ... По всѣхъ казармахъ спать полягали,—гляжу,—свѣтло горитъ...

— Постой-ка, а „Матаню" какую-то это не ты ли пѣлъ? — ясно припомнилъ вдругъ его, именно его дикій голосъ Матіецъ.

— „Матаню"?

— Да... „Свѣчка горѣла,—сердечко болѣло"...

Нахмуривъ и собравъ складками низкій недоумѣнный лобъ, Божокъ усиленно вспоминалъ, и по тому, какіе тревожные глаза у него были, Матіецъ почувствовалъ, что это онъ и пѣлъ и хорошо помнитъ это, только не знаетъ, какъ сказать теперь,—что будетъ лучше: пѣлъ или не пѣлъ?

— Свѣчка горѣла,—сердечко болѣло!—улыбнулся ему прямо въ глаза Матіецъ.

— Можетъ, это, дѣйствительно, я,—бормотнулъ разрѣшенно Божокъ.—Какъ я тогда на рудникъ шелъ, а сторожъ меня воротилъ, черезъ то, что я пѣлъ...

— Ты, значитъ, поешь иногда, когда выпивши?

Матіецъ думалъ, что Божокъ теперь конфузливо улыбнется и скажетъ что-нибудь согласное, но Божокъ молчалъ, такъ же страдальчески нахмуривъ немудрый лобъ, пропотѣвшій надъ рѣдкими бровями и переносьемъ.

— Какой ты губерніи, Божокъ?—вдругъ спросилъ Матіецъ.

— Я?...—Черниговской... Изъ Васильковки...

— Ишь... Значитъ мы съ тобой почти что земляки: у меня дѣдъ черниговскій былъ...

И, подавшись было къ нему плечомъ, чтобы спросить то, что хотѣлось больше всего спросить, Матіецъ застоналъ отъ залившей всю голову ослѣпительной боли: потревожилъ рану. Стис-

нувши зубы и закрывъ глаза и пальцами впившись въ матрацъ, чтобы не закричать во весь голосъ,—такъ съ минуту лежалъ Матіецъ,—когда же открылъ глаза, застланные слезой, то увидѣлъ, что Божокъ смотритъ на него съ жалостью почти женской, вытянувъ впередъ голову черепашью и поднявъ брови. И—боль-болью,—но умиленность какая-то отъ одного этого взгляда Божка вошла уже прочно въ Матійца.

— Вотъ какъ ты меня... какъ Зорьку...—съ усиліемъ сказалъ онъ.—Можетъ, я теперь ужъ и не встану...—Помолчалъ немного, подождалъ, не скажетъ ли что Божокъ, и добавилъ:—Ну, а не подоспѣй люди, былъ бы мнѣ каюкъ... Ты бы меня добилъ, какъ щенка,—такъ?

Спросилъ неувѣренно, какъ будто просто изъ любопытства, но когда спросилъ ужъ, увидѣлъ, что это—самый важный для него вопросъ и есть: добилъ бы или не добилъ его Божокъ, если бы не случайно проходившая смѣна? Если даже и не убить его, а только попугать (вѣдь терять ему, уволенному, все равно нечего ужъ было), если только нечаянно, спьяну, на свѣтъ въ открытомъ окошкѣ зашелъ въ щель между домикомъ и заборомъ Божокъ, то, при силѣ его древней, какъ онъ могъ удержаться, чтобы не примять его до конца?

А Божокъ бормотнулъ въ отвѣтъ:

— Я себя на испугъ взялъ, господинъ инженеръ.

— Что „на испугъ"?... Испугался?

— Такъ точно... Я послѣ этого сразу въ себя пришелъ...

— Послѣ чего?

— Черезъ то, какъ ударилъ... Я послѣ этого прямо сомлѣлъ отъ страху: что же это я какъ неудобно сдѣлалъ: инженера убилъ!

Потъ на его немудромъ лбу сталъ холодный на видъ, и глаза потускнѣли.

— Такъ ты, значитъ, думалъ, что ужъ совсѣмъ убилъ?

— Думалъ,—совсѣмъ.

— Потому-то ты и не добивалъ меня: незачѣмъ ужъ было?—усмѣхнулся горько Матіецъ, помолчалъ немного и добавилъ:—Ну, а теперь-то, теперь-то радъ, что не убилъ?

Божокъ ничего не отвѣтилъ,—онъ только благодарно и не исподлобья ужъ, а просто, вровень, смотрѣлъ ему въ глаза, и Матіецъ почувствовалъ, что больше спрашивать объ этомъ не нужно.

— Ну, ладно, помиримся,—сказалъ онъ шутливо.—Ни на комъ.

Онъ подумалъ было подать ему руку для пожатія, какъ дѣлаютъ борцы въ циркѣ, но этого ужъ не могъ, только въ огром-

ныя лапищи, которымъ, казалось, всякая работа на землѣ просто милая шутка, вглядѣлся еще пристальнѣй: всѣ онѣ были какъ въ халдейскихъ письменахъ, въ синихъ отъ угля шрамахъ съ тылу и въ желтыхъ сплошныхъ, должно быть, какъ копыто твердыхъ мозоляхъ съ ладони... И вдругъ капризно захотѣлось, чтобы при немъ онъ здѣсь сдѣлалъ то же, что, говорили, дѣлывалъ онъ въ казармѣ: вдавилъ бы гвоздь въ дубовую коробку двери.

— Можешь?

Божокъ нѣсколько недоумѣнно повелъ плечомъ, поглядѣлъ на стѣны кругомъ, замѣтилъ гвоздь дюйма въ четыре, вбитый для полотенца, вытащилъ пальцами, какъ клещами, пристукнулъ его кулакомъ и привычно, почти не отрывая ладони, вдавилъ въ дверную коробку сквозь наличникъ.

— Вотъ какъ!—удивился Матіецъ.—Значитъ, у меня крѣпкая голова, если даже и ты черепа не пробилъ!... Должно быть, ты неловко ударилъ... вскользь...

Въ этотъ моментъ урядникъ, все время слушавшій, должно быть, въ замочную скважину, любопытствуя, тихо пріотворилъ дверь и выставилъ голову.

— Да-да-а...—продолжалъ, не замѣчая его Матіецъ.—Выходитъ, что если я послѣ тебя уцѣлѣлъ, то это тоже не малое чудо... а?

Когда же замѣтилъ урядника и за нимъ красный лампасъ казака, спросилъ:

— Что, ужъ итти ему?... Пожалуй, пусть идетъ...

Чувствовалъ ужъ сильнѣйшую усталость, клонящую въ сонъ, и шумъ въ головѣ.

— Если еще онъ вамъ, ваше благородіе, требуется...—разрѣшающій жестъ сдѣлалъ урядникъ.—Я только отъ стука безпокоился.

— Ничего... Можетъ итти... Я тамъ скажу, гдѣ нужно, Божокъ,—ты это знай: и про тебя... и про себя.. вообще, что могу,—все сдѣлаю... Прощай теперь... Можетъ быть, удастся взять тебя на поруки...

Божокъ бормотнулъ, неловко поклонившись, и повернулся, и солнечный лучъ въ дверяхъ насквозь прошелъ черезъ его горящія, немного завороченныя наружу, круглыя уши и захватилъ растопыренные толстые и длинные пальцы, и такъ и донесъ ихъ до другихъ дверей, въ прихожую, гдѣ закрылъ ихъ широкій урядникъ, выходившій послѣднимъ.

Дня черезъ три Матіецъ получилъ треножное письмо отъ матери: она что-то почувствовала и объ этомъ писала.

Она была добрая и нестарая еще,—лѣтъ сорока пяти,—но уже горячо начала вѣрить во все таинственное, что плохо или совсѣмъ не поддается разуму и что такъ любятъ находить въ жизни всѣ женщины пожилыхъ лѣтъ. Иногда она писала ему такъ: „Саша, сейчасъ вотъ, въ половинѣ восьмого вечера, мы съ Олей сказали себѣ: „Будемъ въ теченіе пяти минутъ думать о нашемъ Сашѣ“... И мы закрыли глаза и думали о тебѣ до безъ 25 минутъ восемь. Дошли ли въ это время до тебя наши флюиды? Непремѣнно припомни и непремѣнно напиши“.

Жила она на небольшую, но достаточную пенсію и давала уроки по языкамъ, пожалуй больше изъ-за того, чтобы не бездѣльничать, чѣмъ отъ нужды.

Сюда она пріѣзжала въ первый мѣсяцъ его службы, но показалось ей здѣсь очень скучно и очень неуютно и очень грязно, и больше для того, чтобы не обидѣть его, уѣзжая, сослалась она на то, что Оля—дѣвица совсѣмъ неопытная и слишкомъ довѣрчивая и нельзя въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, оставить ее безъ призора одну. Кромѣ того, мечта всѣхъ матерей пристроить дочь замужъ, конечно, владѣла и ею, и Матіецъ понималъ это и согласился на ея отъѣздъ.

Теперь то, что она безпокоилась о немъ, онъ объяснялъ проще: не столько предчувствіями, сколько долгимъ его молчаніемъ и вообще обстановкой его жизни: частыми несчастіями въ копяхъ. И когда оправился онъ настолько, что могъ уже ходить по комнатамъ и подписывать ордера рабочимъ, онъ написалъ ей вмѣсто тѣхъ четырехъ словъ, которыя одни только явились ему 6 мая, необычно для него длинное письмо:

„Милая мама. На этотъ разъ флюиды тебя не обманули, такъ что я готовъ въ нихъ повѣрить и самъ,—только едва ли то, что случилось со мной за это время,—несчастіе. Я даже склоненъ думать, что, наоборотъ, это—какая-то удача, и что начинаетъ она собою рядъ другихъ удачъ.

„Видишь ли,—у меня „забурѝлся вагонъ“,—техническій нашъ терминъ, означающій, что вагонъ сошелъ съ рельсовъ,—забурился отъ разныхъ причинъ, о которыхъ упоминать не стоитъ,—но нечаянно спеціалистъ по части поднятія забурившихся вагоновъ поставилъ на рельсы и мой вагонъ... вотъ и все, что со мной случилось. Вообще говоря,—мало, но для меня лично—очень много: окрѣпнуть и возмужать за одну ночь не всякому удается.

„Вотъ вѣдь никогда этого не бывало со мною раньше, чтобы я смотрѣлъ на трубы, на груды угля, на шаткія эстокады, на

все кругомъ, что изъ моего окна видно, и чувствовалъ радость, а теперь чувствую. Я недѣли двѣ не былъ въ шахтѣ, которую возненавидѣлъ было до послѣдняго, и вотъ теперь меня неудержимо тянетъ туда, опять лазить по штрекамъ и квершлагамъ, дышать угольной пылью, мазутомъ, слушать, какъ гремятъ бензиновозы, лошади.

„Раньше я (вполнѣ, впрочемъ, добросовѣстно) *служилъ* чужому дѣлу, но только теперь я начну считать это дѣло своимъ и *работать*. Есть люди, которые безъ всякой встряски входятъ въ рабочій хомутъ, а мнѣ, должно быть, именно и нужна была такая встряска, какую я испиталъ. Мнѣ нужно было переболѣть, чтобы полюбить,—просто нужно было какое-то посвященіе въ рыцари труда, и посвящать явился ко мнѣ тотъ, кто имѣлъ на это безспорное право. Правда, пріемы у него жестокіе, но жизнь не дала ему другихъ. Можетъ быть, я что-нибудь и потеряю въ „человѣкѣ", котораго создали бѣлоручки-вздыхатели, зато во мнѣ выигралъ „работникъ", зато единственная поэзія, въ которую я вѣрю теперь,—это поэзія труда, грубаго-грубѣйшаго земного труда, который все исцѣляетъ и все освѣщаетъ. Главное, теперь меня ужъ не собьешь: некуда сбивать: рельсы проложены на всю жизнь безъ ремонта, колеса смазаны, и тяга налажена, — какъ же можетъ забуриться вагонъ? Я знаю, мама, у тебя есть счастливые дни и несчастные: запиши 6-е мая въ рубрику счастливыхъ дней, потому что для меня, напримѣръ, день этотъ оказался необычайно счастливымъ (послѣ когда-нибудь я тебѣ разскажу, почему); потомъ, я знаю, у тебя ведутся какіе-то синодики (точнѣе, не знаю, какъ ихъ назвать.) Запиши на память нѣсколько странную на первый взглядъ фамилію: Божокъ, и когда будешь вспоминать ее, вспоминай съ благодарностью: человѣку съ этой странной фамиліей я обязанъ чрезвычайно многимъ, чтобы не сказать „всѣмъ", потому что пребываніе на землѣ нужно искупить такъ же, какъ и рожденіе на землю. И вотъ я смотрю на небо, — оно мое, смотрю на трубы,—онѣ тоже мои... Онѣ дымятъ, но дымятъ онѣ по-рабочему,—бодро и дружно, и дымъ этотъ для меня теперь не закоптитъ и не испортитъ неба... А юность прощай!..."

Недѣль черезъ пять судили Матійца за обвалъ въ забоѣ, стоившій жизни двумъ рабочимъ. Какъ и предсказывалъ Кефели, онъ былъ осужденъ на мѣсяцъ ареста при тюрьмѣ. А вскорѣ послѣ этого судился коногонъ Божокъ и по суду былъ оправданъ.

С. Сергѣевъ-Ценскій.

Totentanz.

1.

Пустая улица. Одинъ огонь въ окнѣ.
Еврей-аптекарь охаетъ во снѣ.

А передъ шкапомъ съ надписью: *venena*,
Хозяйственно согнувъ скрипучія колѣна,

Скелетъ, до глазъ закутанный плащомъ,
Чего-то ищетъ, скалясь чернымъ ртомъ...

Нашелъ... Но ненарокомъ чѣмъ-то звякнулъ,
И черепъ повернулъ... Аптекарь крякнулъ,

Привсталъ,—и на другой свалился бокъ...
А гость межъ тѣмъ—завѣтный пузырекъ

Суетъ изъ-подъ плаща двумъ женщинамъ безносымъ
На улицѣ, подъ фонаремъ бѣлесымъ.

2.

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Безсмысленный и тусклый свѣтъ.
Живи еще хоть четверть вѣка—
Все будетъ такъ. Исхода нѣтъ.

Умрешь—начнешь опять съ начала,
И повторится все, какъ встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Александръ Блокъ.

РОСГАЛЬДА.

Романъ Германа Гессе.

Авторизованный переводъ.

Hermann Hesse. „Rosshalde". Velhagen u. Klasings Monatshefte, 1913 VII—VIII. [1])

XII.

Съ тѣхъ поръ какъ Верагутъ жилъ одинъ въ своей маленькой пристройкѣ, его жена едва ли разъ была у него. Когда она, не стучась, быстро и взволнованно вошла въ его мастерскую, онъ сейчасъ же понялъ, что случилось что-то серьезное. И такъ силенъ былъ въ немъ инстинктъ, что еще прежде, чѣмъ она успѣла сказать слово, у него вырвалось:

— Пьеру нехорошо?

Она торопливо кивнула головой.

— Онъ, должно быть, серьезно боленъ. Онъ былъ такой странный, а только что у него опять была рвота. Тебѣ придется поѣхать за докторомъ.

Въ то время какъ она говорила, взоръ ея блуждалъ по пустой большой комнатѣ и остановился на новой картинѣ. Она не видѣла фигуръ, не узнала даже маленькаго Пьера, она только смотрѣла на полотно, вдыхала воздухъ комнаты, въ которой ея мужъ жилъ всѣ эти годы, и смутно чувствовала здѣсь такую же атмосферу одиночества и упрямой сосредоточенности въ самомъ себѣ, въ какой сама жила такъ давно. То былъ только моментъ, затѣмъ она отвела глаза отъ картины и постаралась отвѣтить на порывистые, торопливые вопросы, которыми осыпалъ ее художникъ.

— Пожалуйста, вызови сейчасъ же по телефону автомобиль,—

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. I, II.

наконецъ, сказалъ онъ,—это будетъ быстрѣе, чѣмъ на лошадяхъ. Я самъ поѣду въ городъ, только вымою руки. Я сейчасъ приду въ домъ. Ты, конечно, уложила его?

Четверть часа спустя онъ сидѣлъ въ автомобилѣ и разыскивалъ единственнаго врача, котораго зналъ и который и раньше иногда бывалъ въ домѣ. На старой квартирѣ его не было, онъ переѣхалъ. Въ поискахъ новой его квартиры онъ встрѣтилъ его коляску, врачъ поклонился ему, онъ отвѣтилъ и уже проѣхалъ мимо, когда вдругъ сообразилъ, что это и есть тотъ, кого онъ ищетъ. Онъ повернулъ обратно и нашелъ экипажъ врача передъ домомъ одного изъ его паціентовъ; пришлось провести немало времени въ тягостномъ ожиданіи. Наконецъ, онъ поймалъ выходившаго врача въ дверяхъ дома и заставилъ его сѣсть въ свой автомобиль. Врачъ отказывался и сопротивлялся, Верагуту пришлось усадить его почти насильно.

Въ автомобилѣ, который сейчасъ же съ величайшей быстротой помчался къ Росгальдѣ, врачъ положилъ ему руку на колѣно и сказалъ:

— Итакъ, я вашъ плѣнникъ. Я долженъ заставить ждать другихъ, которымъ я нуженъ. Вы это знаете. Въ чемъ же дѣло? Ваша жена больна? Нѣтъ? Значитъ, мальчикъ. Какъ, бишь, его зовутъ? Да, Пьеръ, вѣрно. Я его давно уже не видѣлъ. Въ чемъ же дѣло? Онъ упалъ и сломалъ себѣ что-нибудь?

— Онъ боленъ со вчерашняго дня. Сегодня утромъ ему какъ будто было совсѣмъ хорошо, онъ всталъ и немножко поѣлъ. Теперь у него вдругъ опять рвота и, повидимому, появились боли.

Врачъ провелъ худощавой рукой по некрасивому, умному лицу.

— Значитъ, желудокъ? Ну, мы увидимъ. А вообще у васъ все благополучно? Прошлую зиму я видѣлъ въ Мюнхенѣ вашу выставку. Мы гордимся вами, почтеннѣйшій.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Оба замолчали. Автомобиль пыхтя поднимался въ гору. Еще нѣсколько минутъ, и онъ остановился у запертыхъ воротъ Росгальды.

— Подождите меня!—крикнулъ врачъ шофферу. Они быстро прошли черезъ дворъ и вошли въ домъ. Мать сидѣла у постели Пьера.

У врача вдругъ откуда-то взялось время. Онъ, не торопясь, изслѣдовалъ больного, попытался заставить его разговориться, нашелъ ласковыя и успокаивающія слова для матери и своимъ спокойствіемъ и неторопливостью создалъ атмосферу довѣрія и дѣловитости, которая и на Верагута подѣйствовала отрадно.

Пьеръ не выказывалъ ни малѣйшей предупредительности, онъ былъ молчаливъ и недовѣрчивъ. Когда ему щупали и давили животъ, онъ насмѣшливо искривилъ ротъ, точно находя всѣ эти старанія излишними и смѣшными.

— Отравленія, повидимому, нѣтъ,—осторожно сказалъ врачъ,— и въ слѣпой кишкѣ я тоже ничего не нахожу. Вѣроятнѣе всего, просто желудокъ засоренъ, а въ такихъ случаяхъ голодная діэта и время—лучшія лѣкарства. Не давайте ему сегодня ничего, развѣ только немножко крѣпкаго чаю, если ему захочется пить, вечеромъ можно будетъ дать ему также глотокъ бордоскаго. Если все будетъ хорошо, завтра можете дать ему на завтракъ чай съ сухарикомъ. Если у него появятся боли, дайте мнѣ знать по телефону.

Только у самаго выхода фрау Верагутъ начала спрашивать. Но отвѣтъ былъ все тотъ же.

— Повидимому, желудокъ порядочно разстроенъ, а ребенокъ, видимо, чувствительный и нервный. Жара никакого. Вѣдь вы можете вечеромъ измѣрить температуру. Пульсъ немного слабоватъ. Если не будетъ лучше, я завтра опять пріѣду. Мнѣ кажется, что ничего серьезнаго нѣтъ...

Онъ быстро простился и вдругъ опять заторопился. Верагутъ проводилъ его до автомобиля.

— Это можетъ долго продлиться?—спросилъ онъ въ послѣдній моментъ.

Врачъ сухо засмѣялся.

— Я не зналъ, что вы такъ мнительны, профессоръ. Мальчикъ немножко хрупкій, а испорченные желудочки бывали въ дѣтствѣ у насъ всѣхъ. До свиданья!

Верагутъ зналъ, что въ домѣ его присутствіе излишне, и задумчиво побрелъ по полю. Сухія и дѣловитыя манеры врача успокоили его, и онъ теперь самъ удивлялся своему волненію и чрезмѣрной мнительности.

Съ облегченной душой шелъ онъ впередъ, вдыхая жаркій воздухъ яснаго утра. Ему казалось, что это его прощальная прогулка по этимъ лугамъ, сквозь ряды этихъ плодовыхъ деревьевъ, и на душѣ у него было привольно и радостно. Когда онъ постарался дать себѣ отчетъ, откуда у него это новое ощущеніе развязки, чего-то рѣшеннаго, ему стало ясно, что все это слѣдствіе утренняго разговора съ фрау Адель. То, что онъ сообщилъ ей о своихъ планахъ и она такъ спокойно выслушала его и не сдѣлала никакихъ попытокъ сопротивленія, что теперь были отрѣзаны всѣ пути къ отступленію и ближайшее будущее было такъ

ясно и несомнѣнно,—все это вліяло на него благотворно, было источникомъ успокоенія и новаго чувства собственнаго достоинства.

Не сознавая, куда идетъ, онъ свернулъ на тропинку, по которой шелъ нѣсколько недѣль тому назадъ со своимъ другомъ Буркгардтомъ. Только когда дорога начала подниматься вверхъ, онъ увидѣлъ, гдѣ онъ, и вспомнилъ ту прогулку съ Отто. Вотъ тотъ лѣсокъ со скамьей и таинственнымъ просвѣтомъ въ свѣтлый, картинный, далекій ландшафтъ голубоватой рѣчной долины онъ хотѣлъ писать осенью, при чемъ собирался посадить Пьера на скамью, такъ чтобы мягкая дѣтская головка его выдѣлялась въ темномъ лѣсномъ свѣту.

Медленно взбирался онъ наверхъ, не чувствуя больше зноя близящагося полудня и напряженно ожидая момента, когда за гребнемъ холма навстрѣчу ему выдвинется опушка лѣса. При этомъ ему вспоминался тотъ день съ другомъ, вспоминались ихъ бесѣды, отдѣльныя слова и вопросы друга, еще почти весенній тонъ ландшафта, зелень котораго съ тѣхъ поръ стала гораздо темнѣе и мягче. И внезапно его охватило чувство, котораго онъ не испытывалъ уже давно и неожиданный возвратъ котораго сильно напомнилъ ему времена юности. Ему вдругъ представилось, что со дня той прогулки съ Отто прошло много-много времени, и онъ съ тѣхъ поръ выросъ, измѣнился и пошелъ впередъ, такъ что, озираясь назадъ, могъ смотрѣть на свое тогдашнее „я“ съ нѣкоторой иронической жалостью.

Пораженный этимъ столь юношескимъ ощущеніемъ, которое лѣтъ двадцать тому назадъ было для него чѣмъ-то обыденнымъ, а теперь коснулось его, точно рѣдкія чары, онъ обѣжалъ мыслью короткій періодъ этого лѣта и увидѣлъ то, чего не зналъ ни вчера, ни еще только что. Онъ увидѣлъ свѣтъ и твердое предчувствіе пути тамъ, гдѣ еще такъ недавно были только мракъ и растерянность. Его жизнь какъ будто снова стала свѣтлымъ, рѣшительно мчащимся по предназначенному ему направленію потокомъ или рѣкой, тогда какъ раньше она столько времени медлила въ тихомъ, болотистомъ озерѣ и нерѣшительно вертѣлась вокругъ своей оси. И ему стало ясно, что его путешествіе не можетъ привести его обратно сюда, что ему остается только проститься со всѣмъ здѣшнимъ, какъ бы ни горѣло и ни истекало кровью его сердце. Его жизнь снова стала рѣкой, и потокъ ея рѣшительно мчался къ свободѣ и будущему. Въ душѣ, самъ не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета, онъ уже разстался съ городомъ и полями, съ Росгальдой и женой.

Онъ остановился, глубоко дыша, захваченный волной яснови-

дящаго предчувствія. Онъ подумалъ о Пьерѣ, и рѣжущая, безумная боль пронизала все его существо, когда ему стало ясно, что онъ долженъ будетъ пойти по этому пути до конца и разстаться также и съ Пьеромъ.

Онъ долго стоялъ съ подергивающимся лицомъ, и если то, что онъ ощущалъ въ душѣ, было жгучей болью, то это было всетаки жизнью и свѣтомъ, заключало въ себѣ ясность и перспективы будущаго. Это было то, чего хотѣлъ отъ него Отто Буркгардтъ. Это былъ часъ, котораго ждалъ другъ. Старые, долго скрываемые нарывы, о которыхъ онъ заговорилъ, были, наконецъ, вскрыты. Это было больно, очень больно, но съ покончеными любимыми желаніями умирали также безпокойство и разладъ, раздвоенность и оцѣпенѣніе души. Его окружало сіяніе дня, безпощадно яснаго, прекраснаго, свѣтлаго дня.

Взволнованно прошелъ онъ нѣсколько послѣднихъ шаговъ до вершины пригорка и сѣлъ въ тѣнь на каменную скамью. Глубокое ощущеніе жизни пронизало его, точно возвратъ молодости, и онъ съ благодарностью подумалъ о далекомъ другѣ, безъ котораго онъ никогда не нашелъ бы этого пути, безъ котораго застылъ бы въ своемъ болѣзненномъ оцѣпенѣніи и остался навсегда въ плѣну.

Однако долго раздумывать или предаваться крайнимъ настроеніямъ было несвойственно его натурѣ. Вмѣстѣ съ чувствомъ выздоровленія и возстановленія утраченной воли имъ мощно овладѣло новое сознаніе дѣятельной силы и непобѣдимаго личнаго могущества.

Онъ поднялся, открылъ глаза и оживившимся взоромъ властно окинулъ разстилавшуюся передъ нимъ картину—свою новую картину. Онъ долго смотрѣлъ сквозь лѣсную тѣнь на далекую свѣтлую рѣчную долину. Все это онъ напишетъ и не станетъ ждать для этого осени. Ему предстояло разрѣшить деликатную задачу, преодолѣть огромныя трудности, разгадать чудесную загадку: этотъ удивительный просвѣтъ долженъ былъ быть написанъ съ любовью, онъ долженъ былъ быть написанъ съ такой любовью и тщательностью, съ какими написалъ бы его какой нибудь тонкій старый мастеръ, Альтдорферъ или Дюреръ. Здѣсь овладѣть свѣтомъ и его мистическимъ ритмомъ не было единственной задачей, здѣсь каждая самая маленькая форма играла роль и должна была быть такъ же тщательно обдумана и взвѣшена, какъ травки въ дивныхъ поленыхъ букетахъ его матери. Свѣтлая, прохладная даль долины, вдвойнѣ отодвинутая назадъ—какъ теплымъ потокомъ свѣта на переднемъ планѣ, такъ

и лѣсной тѣнью,—должна была сверкать на фонѣ картины, какъ драгоцѣнный камень, холодный и чарующій, чуждый и манящій.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Пора было итти домой. Онъ не хотѣлъ сегодня заставлять ждать жену. Но онъ всетаки вынулъ маленькій альбомъ и, стоя на самомъ припекѣ на краю холма, нѣсколькими сильными штрихами набросалъ остовъ своей картины: перспективныя пропорціи, общіе контуры и многообѣщающій овалъ маленькаго прелестнаго вида вдали.

Благодаря этому, онъ немного запоздалъ и, не обращая вниманія на жару, торопливо сбѣжалъ внизъ по крутой, залитой солнцемъ тропинкѣ. По дорогѣ онъ обдумывалъ, что ему надо будетъ для работы, и рѣшилъ завтра встать очень рано, чтобы увидѣть ландшафтъ и въ первомъ утреннемъ свѣтѣ. На сердцѣ у него было легко и весело, такъ какъ его снова ждала прекрасная, манящая задача.

— Что Пьеръ?—было его первымъ вопросомъ по возвращеніи. Фрау Адель сообщила, что мальчикъ спокоенъ, но кажется усталымъ; болей у него, повидимому, нѣтъ, и онъ лежитъ тихо и терпѣливо. Самое лучшее не безпокоить его, онъ необыкновенно чувствителенъ и вздрагиваетъ при каждомъ шорохѣ.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ съ благодарнымъ кивкомъ головы,—я зайду къ нему потомъ, можетъ быть, вечеромъ. Извини, что я немного опоздалъ, я былъ въ полѣ. Эти дни я буду работать на воздухѣ.

Они мирно позавтракали втроемъ. Сквозь спущенныя жалюзи въ прохладную комнату вливался зеленый свѣтъ, всѣ окна были раскрыты, и въ полуденной тишинѣ слышно было, какъ журчалъ маленькій фонтанъ во дворѣ.

— Тебѣ нужно будетъ запастись для Индіи многимъ,—сказалъ Альбертъ.—Ты возьмешь и охотничьи принадлежности съ собой?

— Не думаю, у Буркгардта есть все. Онъ ужъ посовѣтуетъ мнѣ. Я думаю, рисовальныя принадлежности надо будетъ взять въ запаянныхъ жестяныхъ ящикахъ.

— Ты тоже будешь носить тропическій шлемъ?

— Непремѣнно. Его можно будетъ купить по дорогѣ.

Когда Альбертъ послѣ завтрака ушелъ, фрау Верагутъ попросила мужа остаться. Она сѣла въ свое плетеное кресло у окна, и онъ перенесъ свой стулъ поближе къ ней.

— Когда же ты думаешь ѣхать?—начала она.

— О, это зависитъ исключительно отъ Отто, я, конечно, поѣду тогда, когда и онъ. Я думаю, приблизительно, въ концѣ сентября.

— Уже такъ скоро? Я не могла еще хорошенько подумать объ этомъ, Пьеръ отнимаетъ у меня все время. Но я думаю, что ты не долженъ требовать отъ меня слишкомъ многаго.

— Я и не требую, я сегодня еще разъ обдумалъ все это. Я предоставляю тебѣ во всемъ полную свободу. Я понимаю, я не имѣю никакого права разъѣзжать по свѣту и при этомъ требовать, чтобы ты здѣсь считалась со мной. Ты должна во всемъ поступать такъ, какъ находишь нужнымъ. Ты будешь имѣть такую же свободу, на какую претендую я самъ.

— Но что будетъ съ домомъ? Оставаться здѣсь одной мнѣ бы не хотѣлось,—здѣсь слишкомъ уединенно и просторно, къ тому же здѣсь слишкомъ много воспоминаній, тяжелыхъ для меня.

— Я тебѣ уже сказалъ, поѣзжай, куда хочешь. Росгальда принадлежитъ тебѣ, ты это знаешь, а передъ отъѣздомъ я на всякій случай оформлю это.

Фрау Адель поблѣднѣла. Она наблюдала за лицомъ мужа съ почти враждебнымъ вниманіемъ.

— Ты говоришь такъ,—сдавленнымъ голосомъ бросила она,— какъ будто не думаешь вернуться.

Онъ задумчиво прищурился и опустилъ глаза.

— Никогда нельзя знать. Я еще не имѣю понятія о томъ, сколько времени останусь тамъ, но я не думаю, чтобы климатъ Индіи былъ очень полезенъ для людей моего возраста.

Она строго покачала головой.

— Я не это хотѣла сказать. Умереть можемъ мы всѣ. Я говорю о томъ, имѣешь ли ты вообще намѣреніе вернуться.

Онъ долго молчалъ; наконецъ, слабо улыбнулся и всталъ.

— Я думаю, объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. Помнишь, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы обсуждали съ тобой этотъ вопросъ, мы поссорились. Это была наша послѣдняя ссора. Мнѣ не хотѣлось бы больше ссориться здѣсь, въ Росгальдѣ, особенно съ тобой. Я предполагаю, что ты продолжаешь думать объ этомъ такъ же, какъ тогда. Или теперь ты отдала бы мнѣ мальчика?

Фрау Верагутъ молча покачала головой.

— Я такъ и думалъ,—спокойно сказалъ мужъ.—Лучше не будемъ касаться всего этого. Повторяю, ты можешь располагать домомъ. Если тебѣ представится случай хорошо продать Росгальду, ты можешь это сдѣлать!

— Это конецъ Росгальди,—тономъ глубокой горечи сказала она. И ей вспомнилось начало ихъ жизни здѣсь, дѣтскіе годы

Альберта, всѣ ея тогдашнія надежды и ожиданія. Такъ вотъ каковъ былъ конецъ всего этого!

Верагутъ, уже повернувшійся уходить, еще разъ обернулся и мягко воскликнулъ:

— Не смотри на это такъ трагично, дитя! Если ты не хочешь, тебѣ незачѣмъ продавать.

И онъ вышелъ изъ комнаты. Онъ снялъ цѣпь съ собаки и зашагалъ къ мастерской въ сопровожденіи ликующаго животнаго, съ лаемъ прыгавшаго вокругъ него. Что была ему Росгальда! Она тоже входила въ кругъ вещей, съ которыми онъ не имѣлъ больше ничего общаго. Въ первый разъ въ жизни онъ могъ смотрѣть на жену сверху внизъ. Онъ покончилъ со всѣмъ этимъ. Онъ принесъ въ душѣ жертву, отказался отъ Пьера. Съ тѣхъ поръ какъ онъ порвалъ эту послѣднюю цѣпь, все его существо было устремлено лишь впередъ. Для него Росгальда больше не существовала, съ ней было покончено, какъ со многими другими несбывшимися надеждами, какъ съ молодостью. Сокрушаться объ этомъ было безполезно!

Онъ позвонилъ, и вошелъ Робертъ.

— Я нѣсколько дней буду писать въ полѣ. Приготовьте къ завтрашнему утру мой маленькій рисовальный ящикъ и зонтикъ. Разбудите меня въ половинѣ шестого.

— Хорошо, баринъ.

— Больше ничего. Погода, я думаю, продержится? Какъ вы думаете?

— Я думаю, продержится... Извините, баринъ, я хотѣлъ васъ о чемъ-то спросить.

— Въ чемъ дѣло?

— Извините, баринъ, но я слышалъ, что вы ѣдете въ Индію.

Верагутъ удивленно засмѣялся.

— Однако это быстро разошлось. Вѣрно, Альбертъ разболталъ. Ну, да, я ѣду въ Индію, и вамъ нельзя будетъ ѣхать со мной, Робертъ, это очень жаль. Тамъ не держатъ слугъ-европейцевъ. Но если потомъ вы опять захотите вернуться ко мнѣ, я буду очень радъ! А пока я постараюсь найти вамъ хорошее мѣсто; жалованье вы, конечно, получите до новаго года.

— Спасибо, баринъ, большое спасибо. Я хотѣлъ васъ попросить оставить мнѣ вашъ адресъ. Я вамъ напишу туда. Дѣло въ томъ... это не такъ просто... дѣло въ томъ, что у меня есть невѣста...

— Вотъ какъ! У васъ есть невѣста?

— Да, баринъ, и если вы меня отпустите, я долженъ буду

жениться. Дѣло въ томъ, что я ей обѣщалъ, что если когда-нибудь уйду отъ васъ, то ужъ не поступлю больше на мѣсто.

— Тогда вы, значитъ, рады, что можете теперь уйти. Но мнѣ очень жаль, Робертъ. Что же вы думаете дѣлать, когда женитесь?

— Да вотъ она хочетъ открыть мнѣ табачный магазинъ.

— Табачный магазинъ? Робертъ, для васъ это не годится.

— Извините, баринъ, надо же когда-нибудь попробовать. Но если вы позволите, нельзя ли мнѣ было бы всетаки не уходить отъ васъ? Позвольте спросить васъ, баринъ.

Художникъ хлопнулъ его по плечу.

— Ну, что это значитъ? Вы хотите жениться, хотите открыть какую-то глупую лавку и въ то же время хотите остаться у меня? Тутъ что-то не такъ... Вамъ, кажется, не такъ ужъ хочется жениться, а, Робертъ?

— Съ вашего позволенія, баринъ, не очень. Она-то дѣвушка дѣльная, моя невѣста, я ничего не говорю. Но я бы всетаки лучше остался здѣсь. Характеръ-то у нея ужъ очень язвительный и...

— Да зачѣмъ же вамъ тогда жениться? Вѣдь вы ея боитесь! У васъ вѣдь нѣтъ ребенка? Или...?

— Нѣтъ, ребенка-то нѣтъ. Но она не даетъ мнѣ покоя...

— Тогда подарите ей хорошенькую брошку, Робертъ, я дамъ вамъ талеръ на это. Отдайте ее вашей невѣстѣ и скажите ей, чтобы она поискала себѣ кого-нибудь другого для своей табачной лавки. Скажите ей, что я такъ сказалъ. И стыдитесь! Даю вамъ недѣлю сроку. И тогда я узнаю, изъ тѣхъ ли вы, кого можетъ запугать дѣвушка, или нѣтъ.

— Это-то такъ. Я ей скажу...

Верагутъ пересталъ улыбаться. Онъ гнѣвно сверкнулъ глазами и рѣзко сказалъ:

— Вы прогоните дѣвушку, Робертъ, иначе у насъ съ вами все кончено. Тьфу, чортъ! Дать себя женить! Подите и устройте все это поскорѣй.

Онъ набилъ себѣ трубку, взялъ большой альбомъ и коробку съ углемъ и отправился на холмъ.

XIII.

Голодная діэта, повидимому, помогала мало. Иверъ Верагутъ лежалъ, скорчившись, въ своей постелькѣ, чашка чая стояла возлѣ него нетронутая. Его по возможности оставляли въ покоѣ, такъ какъ онъ не отвѣчалъ, когда съ нимъ заговаривали, и не-

довольно вздрагивалъ каждый разъ, какъ кто-нибудь входилъ къ нему въ комнату. Мать просиживала цѣлые часы у его постельки, не то бормоча, не то напѣвая ласковыя и успокаивающія слова. На душѣ у нея было тревожно и жутко; маленькій больной, казалось, упорно зарывался въ какое-то тайное страданіе. Онъ не отвѣчалъ ни на какіе вопросы, просьбы или предложенія, злыми глазами смотрѣлъ передъ собой и не хотѣлъ ни спать, ни играть, ни пить, ни слушать чтеніе. Врачъ пріѣзжалъ два дня подъ рядъ; онъ ничего не сказалъ и прописалъ теплые компрессы. Пьеръ часто погружался въ легкую полудремоту, какъ это бываетъ съ лихорадящими больными, тогда онъ что-то невнятно бормоталъ и въ полузабытьѣ тихо бредилъ.

Верагутъ уже нѣсколько дней писалъ въ полѣ. Когда онъ съ наступленіемъ сумерекъ вернулся домой, первый его вопросъ былъ о мальчикѣ. Жена попросила его не входить въ комнату больного, такъ какъ Пьеръ сталъ чувствителенъ къ малѣйшему шуму, а теперь онъ какъ будто задремалъ. Такъ какъ фрау Адель была очень немногословна и со времени недавняго утренняго разговора держалась съ нимъ принужденно и недружелюбно, онъ не сталъ ее разспрашивать. Онъ выкупался и провелъ вечеръ въ пріятно-взволнованномъ и безпокойномъ состояніи, которое испытывалъ всегда при подготовкѣ новой работы. Онъ сдѣлалъ уже нѣсколько этюдовъ и собирался завтра приступить къ самой картинѣ. Онъ съ удовольствіемъ выбиралъ картоны и полотна, чинилъ расшатавшіеся подрамники, собиралъ кисти и всевозможныя рисовальныя принадлежности и готовился такъ, какъ будто собирался въ маленькое путешествіе. Онъ приготовилъ даже кисетъ съ табакомъ, трубку и огниво, точно туристъ, собирающійся рано утромъ начать восхожденіе на гору, а въ ожиданіи, передъ сномъ, съ любовью думающій о завтрашнемъ днѣ и заботливо приготовляющій каждую мелочь для него.

Затѣмъ онъ велѣлъ подать себѣ стаканъ вина и принялся неторопливо просматривать вечернюю почту. Среди нея онъ нашелъ радостное, полное любви письмо отъ Буркгардта; къ письму былъ приложенъ составленный съ тщательностью хозяйки списокъ всего того, что Верагутъ долженъ былъ взять съ собой въ дорогу. Художникъ съ улыбкой прочелъ этотъ списокъ, въ которомъ не были забыты ни шерстяные набрюшники, ни морскія туфли, ни ночныя рубашки, ни гамаши. Внизу было приписано карандашомъ: „Обо всемъ остальномъ позабочусь я. Каюты я возьму тоже. Не давай себѣ навязывать средствъ отъ морской болѣзни или Путешествій по Индіи, все это мое ужъ дѣло.“

Онъ съ улыбкой взялъ въ руки большой свертокъ, въ которомъ какой-то молодой дюссельдорфскій художникъ присылалъ ему свои гравюры съ почтительнымъ посвященіемъ. И для этого сегодня у него нашлось время и доброе настроеніе; онъ внимательно просмотрѣлъ картины и выбралъ лучшія для своего портфеля, остальныя онъ рѣшилъ дать Альберту. Художнику онъ написалъ ласковое письмецо.

Подъ конецъ онъ раскрылъ свой альбомъ и долго разсматривалъ эскизы, которые сдѣлалъ въ полѣ. Всѣ они не удовлетворяли его, онъ рѣшилъ завтра попробовать сдѣлать иначе, а если картина и тогда не выйдетъ, онъ будетъ дѣлать этюды до тѣхъ поръ, пока не добьется своего. Во всякомъ случаѣ онъ завтра хорошенько поработаетъ, а тамъ ужъ видно будетъ. И эта работа будетъ его прощаньемъ съ Росгальдой; несомнѣнно, это былъ самый сильный и заманчивый пейзажъ во всей мѣстности, и онъ надѣялся, что недаромъ все откладывалъ его. Онъ былъ слишкомъ хорошъ, чтобы отдѣлаться отъ него ремесленнымъ этюдомъ, онъ заслуживалъ стать тонкой, обдуманной во всѣхъ мелочахъ картиной. Торопливая, похожая на состязаніе, работа среди природы, съ трудностями, пораженіями и побѣдами,— всѣмъ этимъ онъ сможетъ вполнѣ насладиться въ тропикахъ.

Онъ рано легъ въ постель и великолѣпно проспалъ всю ночь. Рано утромъ Робертъ разбудилъ его; поеживаясь отъ утренняго холода, онъ торопливо и радостно всталъ, выпилъ стоя чашку кофе и сталъ подгонять камердинера, который долженъ былъ нести за нимъ полотно, складной стулъ и ящикъ съ красками. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже исчезъ въ утренне-туманныхъ лугахъ. Сначала онъ хотѣлъ было спросить въ кухнѣ, спокойно ли провелъ ночь Пьеръ, но домъ былъ еще запертъ, и всѣ еще спали.

Фрау Адель до самой ночи сидѣла у постели мальчика, такъ какъ его какъ будто начало лихорадить. Она слушала его невнятное бормотанье, щупала ему пульсъ и поправляла подушки. Когда она сказала ему „Спокойной ночи“ и поцѣловала его, онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ ей въ лицо, но не отвѣтилъ. Ночь прошла спокойно.

Когда утромъ она вошла къ нему, Пьеръ не спалъ. Онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, но попросилъ книжку съ картинками. Мать пошла за ней сама. Она подложила ему подъ голову вторую подушку, раздвинула занавѣси и дала Пьеру книгу въ руки; она была раскрыта на картинкѣ съ большимъ, сверкающимъ золотисто-желтымъ солнцемъ, которую онъ особенно любилъ.

Онъ поднесъ книгу къ глазамъ,—ясный, радостный утренній свѣтъ упалъ на листокъ. Но сейчасъ же по нѣжному личику ребенка скользнула темная тѣнь страданія, разочарованія и отвращенія.

— Фу, какъ больно!—съ мученіемъ вскрикнулъ онъ и выронилъ книгу.

Она подхватила ее и еще разъ поднесла къ его глазамъ.

— Вѣдь это твое любимое солнышко,—уговаривала она его.

Онъ закрылъ глаза руками.

— Нѣтъ, убери ее. Оно такое ужасно желтое!

Она со вздохомъ убрала книгу. Богъ знаетъ, что это съ мальчикомъ! Онъ всегда былъ чувствительный и капризный, но такимъ онъ никогда еще не былъ.

— Знаешь, что,—мягко и успокаивающе сказала она,—сейчасъ я принесу тебѣ вкусный, горячій чай, и ты положишь въ него сахаръ и выпьешь его съ вкуснымъ сухарикомъ.

— Я не хочу!

— Ты только попробуй! Вотъ увидишь, тебѣ понравится.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ муки и бѣшенства.

— Но я же не хочу!

Она вышла и долго не возвращалась. Пьеръ, щурясь, смотрѣлъ на свѣтъ,—онъ казался ему необыкновенно яркимъ и причинялъ боль. Онъ отвернулся. Неужели же для него не было больше утѣшенія, ни капли удовольствія, ни тѣни радости? Упрямо и раздраженно онъ зарылся головой въ подушки и сердито впился зубами въ мягкое, прѣсно пахнущее полотно. Это было возвращеніемъ забытой дѣтской привычки. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ у него была привычка, когда его укладывали въ постель и онъ не могъ сразу заснуть, кусать свою подушку и равномѣрно, какъ будто въ тактъ, жевать ее до тѣхъ поръ, пока не приходила усталость и глаза не смыкались сами собой. Это онъ сдѣлалъ и теперь и мало-по-малу впалъ въ состояніе пріятнаго легкаго одурѣнія и долго лежалъ спокойно.

Черезъ часъ снова вошла мать. Она нагнулась къ нему и сказала:

— Ну, что, теперь Пьеръ будетъ умницей? Ты былъ очень нехорошій мальчикъ и очень огорчилъ маму.

Въ другія времена это было сильное средство, противъ котораго онъ почти никогда не могъ устоять, и, произнося теперь эти слова, она немножко опасалась, чтобы онъ не принялъ ихъ слишкомъ къ сердцу и не расплакался.

Но онъ какъ будто совсѣмъ не обратилъ вниманія на ея сло-

ва, и когда она, на этотъ разъ уже немного строго, спросила: „Ты сознаешь, что велъ себя нехорошо?"—онъ почти презрительно покривилъ ротъ и остался совершенно равнодушенъ.

Сейчасъ же послѣ этого пришелъ врачъ.

— Была опять рвота? Нѣтъ? Отлично. А ночь была хорошая? Что онъ ѣлъ?

Когда онъ приподнялъ мальчика и повернулъ его лицомъ къ свѣту, Пьеръ опять содрогнулся, точно отъ боли, и закрылъ глаза. Врачъ внимательно наблюдалъ за странно-интенсивнымъ выраженіемъ отвращенія и муки на дѣтскомъ лицѣ.

— Онъ такъ же чувствителенъ и къ звукамъ? — шопотомъ спросилъ онъ фрау Адель.

— Да,—тихо отвѣтила она,—мы совсѣмъ не смѣемъ играть на роялѣ, а то онъ приходитъ прямо въ бѣшенство.

Врачъ кивнулъ головой и задернулъ занавѣси. Затѣмъ онъ поднялъ мальчика, выслушалъ сердце и маленькимъ молоточкомъ постучалъ по сухожиліямъ подъ колѣнными чашками.

— Ну-съ, отлично,—ласково сказалъ онъ,—теперь мы оставимъ тебя въ покоѣ, мой мальчикъ.

Онъ осторожно опять положилъ его, взялъ его руку и съ улыбкой кивнулъ ему на прощанье.

— Можно мнѣ на минутку къ вамъ?—галантно спросилъ онъ и пошелъ за фрау Верагутъ въ ея комнату.

— Ну, разскажите мнѣ еще о вашемъ мальчикѣ, — поощрительно сказалъ онъ.—Мнѣ кажется, онъ очень нервный, и намъ съ вами придется хорошенько поухаживать за нимъ. Съ желудкомъ у него пустяки. Онъ непремѣнно долженъ опять начать ѣсть. Тонкія, питательныя вещи: яйца, бульонъ, свѣжія сливки. Попробуйте дать ему яичный желтокъ. Если онъ охотнѣе ѣстъ сладкое, разбейте его въ чашкѣ съ сахаромъ. А теперь скажите, не бросилось ли вамъ въ глаза еще что-нибудь въ немъ?"

Встревоженная и въ то же время успокоенная его увѣреннымъ и ласковымъ тономъ, она начала разсказывать. Больше всего ее пугала безучастность Пьера. Ему все равно, просятъ ли его, или бранятъ,—онъ равнодушенъ ко всему. Она разсказала о книжкѣ съ картинками, и онъ кивнулъ головой.

— Не трогайте его! — сказалъ онъ, вставая. — Онъ боленъ и въ данный моментъ не отвѣтственъ за свои выходки. Оставляйте его по возможности въ покоѣ! Если у него будетъ болѣть голова, прикладывайте ледъ. А вечеромъ сдѣлайте ему теплую ванну и держите его въ ней подольше,—это усмиряетъ.

Онъ простился и не позволилъ ей провожать себя на лѣстницу.

— Смотрите, чтобы онъ сегодня что-нибудь съѣлъ!—еще разъ сказалъ онъ, уходя.

Внизу онъ вошелъ въ открытую дверь кухни и спросилъ камердинера Верагута.

— Позовите сюда Роберта! — приказала кухарка служанкѣ.— Онъ долженъ быть въ мастерской.

— Не нужно,—крикнулъ докторъ.—Я самъ пойду туда. Нѣтъ, не надо, я знаю дорогу.

Онъ вышелъ изъ кухни съ шуткой и, внезапно ставъ серьезнымъ и задумчивымъ, медленно зашагалъ подъ каштанами.

Фрау Верагутъ еще разъ обдумала каждое слово, сказанное врачомъ, и никакъ не могла прійти къ какому-нибудь заключенію. Очевидно, онъ относился къ нездоровью Пьера серьезнѣе, чѣмъ раньше, но въ сущности онъ не сказалъ ничего плохого и былъ такъ спокоенъ, что, повидимому, серьезной опасности не было. Вѣроятно, это просто состояніе слабости и нервнаго возбужденія, и нужно только терпѣніе и хорошій уходъ.

Она пошла въ гостиную и заперла рояль, чтобы Альбертъ какъ-нибудь не забылся и не началъ вдругъ играть. И она стала обдумывать, въ какую комнату можно было бы перенести инструментъ, если бы это затянулось.

Отъ времени до времени она ходила взглянуть на Пьера, осторожно открывала дверь и прислушивалась, спитъ ли онъ, не стонетъ ли. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и апатично смотрѣлъ передъ собой, и она печально уходила. Это равнодушіе, замкнутость и угрюмость пугали и огорчали ее больше, чѣмъ самыя сильныя боли; ей казалось, что какая-то странная, призрачная пропасть отдѣляетъ его отъ нея, какія-то отвратительныя, упорныя чары, которыхъ не могутъ разбить ея любовь и заботы. Здѣсь прятался низкій, гнусный врагъ, пріемовъ и злыхъ намѣреній котораго никто не зналъ и для борьбы съ которымъ не было оружія. Можетъ быть, это готовилась какая-нибудь лихорадка, скарлатина или какая-нибудь другая дѣтская болѣзнь..

Нѣсколько времени она уныло сидѣла въ своей комнатѣ. Ей бросился въ глаза букетъ спиреевъ; она нагнулась надъ круглымъ столомъ, красновато-коричневое дерево котораго тепло и мягко блестѣло подъ бѣлой прозрачной скатерью, и, закрывъ глаза, погрузила лицо въ мягкіе лѣтніе цвѣты, упиваясь ихъ сильнымъ, сладкимъ ароматомъ, въ глубинѣ котораго ощущался таинственный горьковатый привкусъ.

Слегка опьяненная, она снова выпрямилась и разсѣянно обвела взглядомъ цвѣты, столъ и всю комнату. И вдругъ волна

горечи и печали залила ея душу. Во внезапномъ ясновидѣніи ей представилась комната и стѣны, ковры и цвѣточный столикъ, часы и картины чуждыми и неимѣющими отношенія ни къ ней, ни другъ къ другу. Она видѣла коверъ свернутымъ, картины упакованными и все нагруженнымъ на телѣгу, которая должна была увезти всѣ эти вещи, не имѣвшія больше ни родины, ни души, въ новое, неизвѣстное, безразличное мѣсто. Она видѣла Росгальду пустой, съ запертыми дверями и окнами, изъ клумбъ сада глядѣли на нее запустѣніе и горе разлуки.

Это былъ лишь моментъ—тихій, но настойчивый зовъ изъ мрака, мимолетное, отрывочное отраженіе будущаго. И изъ глубины слѣпой жизни чувствъ настойчиво переходило въ сознаніе: скоро она со своимъ Альбертомъ и больнымъ Пьеромъ останется безъ родины, мужъ покинетъ ее, и навсегда въ душѣ ея останется холодъ и оцѣпенѣніе столькихъ потерянныхъ, лишенныхъ любви лѣтъ. Она будетъ жить для дѣтей, но собственной прекрасной жизни, которой она когда-то ждала отъ Верагута и на которую до послѣднихъ дней хранила въ глубинѣ души тайную надежду, у нея больше не будетъ. Теперь уже поздно. И ей было холодно отъ сознанія этого.

Но сейчасъ же ея здоровая натура возмутилась противъ такого малодушія. Ей предстояло тревожное время, Пьеръ былъ боленъ, и каникулы Альберта скоро кончались. Нѣтъ, это не годится, чтобы теперь и она размякла и стала прислушиваться къ своей душѣ. Сначала пусть Пьеръ выздоровѣетъ, Альбертъ уѣдетъ, а Верагутъ отправится въ Индію, тогда будетъ время жаловаться на судьбу и выплакать себѣ глаза. Теперь же это не имѣетъ никакого смысла, она не имѣетъ на это права, нечего и думать объ этомъ.

Вазу съ цвѣтами она поставила за окно. Она пошла въ свою спальню, налила на носовой платокъ одеколону и помочила себѣ лобъ, поправила передъ зеркаломъ свою строгую, гладкую прическу и спокойными шагами направилась въ кухню, чтобы самой приготовить завтракъ для Пьера.

Немного погодя она вошла въ комнату мальчика, усадила его на постели и, не обращая вниманія на его сопротивленіе, строго и осторожно стала кормить его съ ложечки яичнымъ желткомъ. Затѣмъ она вытерла ему губы, поцѣловала его въ лобъ, поправила постель и внушила ему, что теперь онъ долженъ быть умницей и немного поспать.

Когда Альбертъ вернулся съ прогулки, она увела его на ве-

ранду, гдѣ легкій лѣтній вѣтерокъ трепалъ въ туго натянутыхъ полосатыхъ маркизахъ.

— Докторъ опять былъ,—сообщила она.—Онъ находитъ, что у Пьера нервы не въ порядкѣ, ему нуженъ полный покой. Мнѣ очень жаль тебя, но играть на роялѣ теперь совсѣмъ нельзя будетъ. Я знаю, это жертва, мой мальчикъ. Можетъ быть, было бы хорошо, если бы ты уѣхалъ на нѣсколько дней въ горы или въ Мюнхенъ? Погода стоитъ такая хорошая. Папа, навѣрно, ничего не имѣлъ бы противъ.

— Спасибо, мама, какая ты милая! Я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ уѣду на денекъ, но не больше. Вѣдь у тебя никого нѣтъ, кто былъ бы съ тобой, пока Пьеръ въ постели. И потомъ мнѣ пора взяться за уроки, я все время ничего не дѣлалъ. Лишь бы только Пьеръ поскорѣй выздоравливалъ!

— Хорошо, Альбертъ, это славно съ твоей стороны. Теперь въ самомъ дѣлѣ для меня нелегкое время, я рада, если ты побудешь возлѣ меня. Съ папой ты теперь тоже лучше ладишь,—вѣдь правда?

— Ахъ, да, съ тѣхъ поръ какъ онъ рѣшился на эту поѣздку. Впрочемъ, я его такъ мало вижу, онъ пишетъ цѣлый день. Знаешь, иногда мнѣ жаль, что я часто велъ себя съ нимъ такъ отвратительно—онъ меня тоже мучилъ, но въ немъ есть что-то, что всетаки каждый разъ снова импонируетъ мнѣ. Онъ ужасно одностороненъ и въ музыкѣ понимаетъ не много, но онъ всетаки большой художникъ, и у него есть жизненная задача. Это-то мнѣ и импонируетъ. Что ему даетъ его знаменитость да въ сущности и его деньги? Онъ работаетъ не для нихъ.

Онъ наморщилъ лобъ, ища словъ. Но онъ не могъ выразиться такъ, какъ хотѣлъ, хотя чувствовалъ ясно и опредѣленно. Мать улыбнулась и пригладила ему растрепавшіеся волосы.

— Почитаемъ вечеромъ опять по-французски?—ласково спросила она.

Онъ кивнулъ головой и тоже улыбнулся, и вдругъ ей показалось совершенно непонятнымъ, какъ это, еще такъ недавно, она могла желать чего-нибудь иного, чѣмъ жить для своихъ сыновей.

XIV.

Незадолго до полудня Робертъ появился на опушкѣ лѣса, чтобы помочь своему господину нести домой рисовальныя принадлежности. Верагутъ закончилъ новый этюдъ, который хотѣлъ нести самъ. Онъ теперь зналъ точно, какой должна была быть картина, и думалъ справиться съ ней въ нѣсколько дней.

— Завтра утромъ мы опять отправимся въ походъ,—весело воскликнулъ онъ, щуря утомленные глаза отъ ослѣпительнаго полуденнаго солнца.

Робертъ, не торопясь, разстегнулъ свой пиджакъ и вынулъ изъ бокового кармана какую-то бумагу. Это былъ немного смятый конвертъ безъ надписи.

— Вотъ велѣли вамъ передать, баринъ.

— Кто велѣлъ?

— Господинъ докторъ. Онъ спрашивалъ васъ часовъ въ десять; но онъ сказалъ, чтобы я не отрывалъ васъ отъ работы.

— Хорошо. Ступайте!

Камердинеръ пошелъ съ сумкой, складнымъ стуломъ и мольбертомъ впередъ, а Верагутъ остановился и, предчувствуя несчастье, вскрылъ письмо. Въ немъ была карточка врача съ торопливо и неясно нацарапанными строками:

„Пожалуйста, приходите сегодня послѣ обѣда ко мнѣ, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами о Пьерѣ. Его нездоровье болѣе опасно, чѣмъ я нашелъ нужнымъ сказать вашей женѣ. Не пугайте ея излишними опасеніями, прежде чѣмъ мы съ вами не поговоримъ“.

Испугъ захватилъ ему дыханіе, но онъ усиліемъ воли подавилъ его, заставилъ себя стоять спокойно и еще два раза внимательно перечелъ записку. „Болѣе опасно, чѣмъ я нашелъ нужнымъ сказать вашей женѣ!“ Вотъ гдѣ было страшное! Его жена была не такъ хрупка или нервна, чтобы ее надо было такъ щадить изъ-за какого-нибудь пустяка. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ есть опасность, большая опасность, Пьеръ можетъ умереть! Но вѣдь здѣсь сказано „нездоровье“, это звучитъ такъ безобидно. И потомъ „излишнія опасенія“. Нѣтъ, навѣрно, опасность еще не такъ велика. Можетъ быть, что-нибудь заразительное, какая-нибудь дѣтская болѣзнь. Можетъ быть, докторъ хочетъ изолировать его, помѣстить куда-нибудь въ клинику?

По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, онъ становился спокойнѣе. Медленно спустился онъ съ холма и направился по дышащей зноемъ дорогѣ домой. Во всякомъ случаѣ онъ сдѣлаетъ такъ, какъ хочетъ врачъ, и не дастъ женѣ ничего замѣтить.

Дома имъ однако овладѣло нетерпѣніе. Не успѣвъ убрать картину и умыться, онъ побѣжалъ въ домъ—мокрую картину онъ прислонилъ къ стѣнѣ на лѣстницѣ и тихо вошелъ въ комнату Пьера. Его жена была тамъ.

Онъ нагнулся къ мальчику и поцѣловалъ его въ голову.

— Здравствуй, Пьеръ. Ну, какъ ты?

Пьеръ слабо улыбнулся. Но сейчасъ же онъ дрожащими ноздрями потянулъ воздухъ и крикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, уходи! Отъ тебя такъ нехорошо пахнетъ!

Верагутъ послушно отошелъ отъ постельки.

— Это просто скипидаръ, мой мальчикъ. Папа еще совсѣмъ не умывался, потому что хотѣлъ поскорѣй увидѣть тебя. А теперь я пойду и переодѣнусь и тогда опять приду къ тебѣ. Хорошо?

Онъ пошелъ къ себѣ, захвативъ по дорогѣ картину; въ ушахъ его не переставая звучалъ жалобный голосъ мальчика.

За столомъ онъ разспросилъ, что сказалъ врачъ, и очень обрадовался, узнавъ, что Пьеръ поѣлъ и рвоты больше не было. Но всетаки на душѣ у него было неспокойно, и ему было очень трудно поддерживать разговоръ съ Альбертомъ.

Послѣ обѣда онъ полчаса посидѣлъ у постели Пьера, который лежалъ спокойно и только иногда хватался за лобъ, какъ будто у него болѣла голова. Со страхомъ и любовью созерцалъ онъ тонкій, вялый, болѣзненно искривленный ротъ и красивый свѣтлый лобъ, прорѣзанный теперь между бровями маленькой вертикальной морщинкой, болѣзненной, но по-дѣтски мягкой и подвижной морщинкой, которая исчезнетъ, когда Пьеръ выздоровѣетъ. А онъ долженъ выздоровѣть, хотя тогда будетъ вдвое больнѣе уйти и оставить его. Онъ долженъ продолжать расти во всей своей прелести и лучезарной дѣтской красотѣ и, какъ цвѣтокъ, дышать на солнцѣ, даже если онъ никогда больше не увидитъ его и долженъ будетъ сказать ему „прости“ навѣкъ. Онъ долженъ выздоровѣть и стать прекраснымъ, жизнерадостнымъ человѣкомъ, въ которомъ будетъ продолжать жить лучшая, наиболѣе нѣжная и чистая часть души его отца.

Лишь теперь, сидя у кроватки своего ребенка, онъ началъ предчувствовать, сколько горькаго придется ему еще извѣдать, прежде чѣмъ все это останется позади него. Его губы дрогнули, въ сердце какъ будто что-то ужалило, но онъ чувствовалъ, что, глубоко подъ всѣмъ страданіемъ и страхомъ, рѣшеніе его остается непоколебимымъ. Съ этимъ было покончено, никакое горе и никакая любовь не могли что-либо измѣнить здѣсь. Но ему еще предстояло пережить это послѣднее время и не уклоняться отъ страданія, и онъ былъ готовъ испить чашу до дна, потому что въ послѣдніе дни онъ ясно чувствовалъ, что только черезъ эти темныя врата ведетъ для него путь къ жизни. Если онъ теперь окажется трусомъ, если онъ теперь бѣжитъ, спасаясь отъ страданія, онъ перенесетъ съ собой тину и ядъ и въ другую жизнь

и никогда не достигнетъ чистой свободы, которой жаждетъ и для которой готовъ на всякую жертву.

Но прежде всего ему надо поговорить съ докторомъ. Онъ всталъ, нѣжно кивнулъ Пьеру и вышелъ изъ комнаты. Ему пришло въ голову попросить Альберта свезти его, и онъ направился къ его комнатѣ, въ первый разъ за все это лѣто. Онъ громко постучалъ въ дверь.

— Войдите!

Альбертъ сидѣлъ у окна и читалъ. Онъ торопливо всталъ и съ изумленнымъ видомъ пошелъ навстрѣчу отцу.

— У меня къ тебѣ маленькая просьба, Альбертъ. Не можешь ли ты меня сейчасъ отвезти въ коляскѣ въ городъ? Можешь? Это хорошо. Тогда будь такъ добръ и помоги сейчасъ же запрячь, я немного тороплюсь. Хочешь сигару?

— Да, спасибо. Я сейчасъ пойду въ конюшню.

Скоро они сидѣли въ коляскѣ, Альбертъ въ качествѣ кучера на козлахъ. На углу одной изъ улицъ Верагутъ попросилъ его остановиться и, поблагодаривъ, простился.

— Спасибо. Ты сдѣлалъ успѣхи и хорошо справляешься съ лошадьми. Ну, до свиданія, я вернусь пѣшкомъ.

Онъ быстро пошелъ по пышущей зноемъ улицѣ. Врачъ жилъ въ тихой, аристократической части города, гдѣ въ это время дня нельзя было встрѣтить ни души. Только телѣга съ поливальной бочкой сонно плелась по дорогѣ, да за ней бѣжали два маленькихъ мальчика, подставляя руки подъ тонкій дождь капель и со смѣхомъ брызгая другъ другу въ раскраснѣвшіяся личики. Изъ открытаго окна какого-то дома доносились вялыя, монотонныя упражненія на роялѣ. Верагутъ всегда питалъ глубокое отвращеніе къ неоживленнымъ улицамъ, въ особенности лѣтомъ: онѣ напоминали ему молодые годы, когда онъ жилъ на такихъ улицахъ въ дешевыхъ, скучныхъ комнатахъ съ запахомъ кофе и кухни на лѣстницѣ и съ видомъ на слуховыя окна, вѣшалки для выбиванія ковровъ и до курьеза маленькіе сады.

Въ коридорѣ среди большихъ ковровъ и картинъ въ золотыхъ рамахъ чуть пахло лѣкарствами. Молодая горничная въ длинномъ бѣлоснѣжномъ, какъ у сидѣлокъ, передникѣ взяла у него карточку. Она ввела его сначала въ пріемную, гдѣ въ обитыхъ плюшемъ креслахъ тихо и уныло сидѣли, уткнувшись въ газеты, нѣсколько женщинъ и одинъ мужчина, а затѣмъ, по его просьбѣ, въ другую комнату, гдѣ на полу большими, перевязанными веревочкой пачками были сложены въ кучу выпуски спеціальнаго медицинскаго журнала за много лѣтъ. Онъ едва успѣлъ здѣсь

немного осмотрѣться, какъ дѣвушка опять вошла и ввела его въ кабинетъ врача.

И вотъ онъ сидитъ въ большомъ кожаномъ креслѣ среди сверкающей чистоты, во всей этой атмосферѣ суровой планомѣрности, а напротивъ, за письменнымъ столомъ, выпрямившись, сидитъ маленькій врачъ; въ высокой комнатѣ тихо, только блестящіе стѣнные часы изъ стекла и мѣди звонко отбиваютъ тактъ.

— Да, вашъ мальчикъ мнѣ не нравится, милый маэстро. Не замѣчали ли вы въ немъ уже давно признаковъ нездоровья, напримѣръ, головныхъ болей, усталости, нежеланія играть и тому подобное? Только въ самое послѣднее время? А такая чувствительность у него давно? Къ шуму и яркому свѣту? Къ запахамъ? Ахъ, вотъ какъ! Онъ не могъ переносить запаха красокъ въ мастерской? Да, это согласуется со всѣмъ остальнымъ.

Онъ спрашивалъ много, и Верагутъ отвѣчалъ въ какомъ-то легкомъ отупѣніи, съ боязливымъ вниманіемъ прислушиваясь къ каждому вопросу и втайнѣ восхищаясь ихъ осторожной и точной постановкой.

Вопросы начали становиться все рѣже, и, наконецъ, наступила продолжительная пауза. Тишина нависла въ комнатѣ, точно туча, лишь тонкое пронзительное тиканье маленькихъ кокетливыхъ часовъ нарушало ее.

Верагутъ отеръ потъ со лба. Онъ чувствовалъ, что настало время узнать правду, а такъ какъ врачъ сидѣлъ, какъ каменный, и молчалъ, его охватилъ болѣзненный, парализующій страхъ. Онъ вертѣлъ головой, точно воротникъ давилъ его, и не могъ произнести ни слова.

— Неужели же это такъ опасно?—наконецъ, вырвалось у него.

Врачъ повернулъ къ нему желтое, утомленное лицо, посмотрѣлъ на него блѣднымъ взглядомъ и кивнулъ головой.

— Да, къ сожалѣнію. Очень опасно, господинъ Верагутъ.

Онъ продолжалъ внимательно и выжидательно смотрѣть на него. Художникъ поблѣднѣлъ, и руки его опустились. Твердое, костлявое лицо приняло выраженіе слабости и безпомощности, ротъ потерялъ свои твердыя очертанія, а глаза блуждали, не видя. Затѣмъ губы искривились и слегка задрожали, а вѣки опустились на глаза, какъ будто онъ готовъ былъ лишиться чувствъ. Врачъ наблюдалъ и ждалъ. И вотъ ротъ художника принялъ обычное выраженіе, усиліе воли вернуло жизнь глазамъ, только глубокая блѣдность осталась. Врачъ понялъ, что художникъ готовъ его слушать.

— Что же это, докторъ? Говорите все, вамъ незачѣмъ щадить меня. Вы вѣдь не думаете, что Пьеръ умретъ?

Врачъ придвинулъ свой стулъ немного ближе. Онъ говорилъ совсѣмъ тихо, но рѣзко и отчетливо.

— Этого никто не можетъ сказать. Но если я не ошибаюсь, мальчикъ очень опасно боленъ.

Верагутъ посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Онъ умретъ? И хочу знать, думаете ли вы, что онъ умретъ. Поймите, я хочу это знать.

Художникъ, самъ того не сознавая, всталъ и какъ бы съ угрозой сдѣлалъ шагъ впередъ. Врачъ положилъ ему руку на плечо, онъ вздрогнулъ и, точно устыдившись, опять упалъ въ кресло.

— Такъ говорить нельзя,—началъ врачъ.—Жизнь и смерть не въ нашихъ рукахъ; намъ, врачамъ, самимъ жизнь ежедневно преподноситъ сюрпризы въ этомъ отношеніи. Для насъ ни одинъ больной, пока онъ дышитъ, не безнадеженъ. Иначе до чего бы мы дошли!

Верагутъ покорно кивнулъ головой.

— Но что же у него?—только спросилъ онъ.

Врачъ коротко кашлянулъ.

— Если я не ошибаюсь, у него воспаленіе мозговой оболочки.

Верагутъ не шевельнулся и только тихо повторилъ названіе болѣзни. Затѣмъ онъ поднялся и протянулъ врачу руку.

— Итакъ, воспаленіе мозговой оболочки,—сказалъ онъ, медленно и осторожно произнося слова, такъ какъ губы его дрожали, какъ въ сильный морозъ.—Развѣ это вообще излѣчимо?

— Излѣчимо все, господинъ Верагутъ. Одинъ ложится въ постель съ зубной болью и черезъ нѣсколько дней умираетъ, другой проявляетъ всѣ симптомы самой тяжелой болѣзни и остается въ живыхъ.

— Да, да. И остается въ живыхъ! Теперь я пойду, докторъ. Я вамъ доставилъ много хлопотъ. Значитъ, воспаленіе мозговой оболочки не излѣчимо?

— Милый маэстро...

— Простите. Вамъ, можетъ быть, приходилось уже лѣчить другихъ дѣтей съ этимъ... съ этой болѣзнью? Да? Вотъ видите! Эти дѣти остались живы?

Врачъ молчалъ.

— Живы ли хоть двое изъ нихъ или, можетъ быть, хоть одинъ?

Отвѣта не было. Врачъ какъ бы нехотя повернулся къ письменному столу и открылъ ящикъ.

— Не теряйте мужества!—измѣнившимся голосомъ сказалъ

онъ.—Останется ли вашъ ребенокъ въ живыхъ, мы не знаемъ. Онъ въ опасности, и мы должны помогать ему, насколько можемъ. Мы всѣ должны ему помогать, понимаете, и вы тоже. Вы мнѣ нужны. Я вечеромъ заѣду еще разъ. На всякій случай я дамъ вамъ сонный порошокъ, можетъ быть, онъ понадобится вамъ самому. А теперь слушайте: мальчику нуженъ полный покой и усиленное питаніе. Это главное. Вы будете это помнить?

— Конечно. Я ничего не забуду.

— Если у него будутъ боли или онъ будетъ очень безпокоенъ, помогаютъ теплыя ванны или компрессы. У васъ есть пузырь для льда? Я привезу съ собой. У васъ вѣдь есть ледъ? Ну, отлично. Не будемъ терять надежды! Это не годится, чтобы теперь кто-нибудь изъ насъ утратилъ мужество, мы должны всѣ быть на посту. Не правда ли?

Движеніе руки Верагута успокоило его. Онъ проводилъ его до двери.

— Хотите воспользоваться моей коляской? Она будетъ нужна мнѣ только въ пять часовъ.

— Благодарю васъ, я пойду пѣшкомъ.

Онъ пошелъ по улицѣ, которая была пуста, какъ и раньше. Изъ того открытаго окна все еще доносилась унылая ученическая музыка. Онъ посмотрѣлъ на часы: прошло только полчаса. Медленно пошелъ онъ дальше, переходя съ одной улицы на другую, и обошелъ такъ полгорода. Ему было страшно покинуть его. Здѣсь, въ этой убогой грудѣ домовъ, болѣзни и запахъ лѣкарствъ, горе, страхъ и смерть были какъ бы на мѣстѣ, здѣсь сотни безрадостно томящихся уличекъ дѣлили съ нимъ все тяжелое, и одиночество не такъ чувствовалось. Но за городомъ, казалось ему, подъ деревьями и яснымъ небомъ, среди звона косъ и стрекотанія кузнечиковъ, мысль обо всемъ этомъ должна быть еще гораздо ужаснѣе, гораздо безсмысленнѣе, гораздо страшнѣе.

Былъ уже вечеръ, когда онъ, запыленный и смертельно усталый, вернулся домой. Врачъ уже побывалъ, по фрау Адель была спокойна и, повидимому, еще ничего не знала.

За ужиномъ Верагутъ разговаривалъ съ Альбертомъ о лошадяхъ. Онъ дѣлалъ все новыя замѣчанія, и Альбертъ съ готовностью отвѣчалъ на нихъ. Они видѣли только, что отецъ очень усталъ, больше ничего. Онъ же въ это время съ почти насмѣшливой злобой думалъ: „Если бы на лицѣ у меня была написана смерть, они и тогда ничего не замѣтили бы! Это моя жена, и это мой сынъ! А Пьеръ умираетъ!“ Эти печальныя мысли вертѣлись въ его головѣ въ то время, какъ языкъ, тяжело поворачиваясь, произно-

силъ слова, которыя никого не интересовали. А затѣмъ къ нимъ присоединилась еще новая мысль: „Хорошо! Я одинъ выпью чашу страданія до послѣдней капли. Я буду сидѣть и лицемѣрить и видѣть, какъ умираетъ мой бѣдный малютка. И если я и тогда буду продолжать жить, ничто больше не будетъ связывать меня, ничто не сможетъ причинить мнѣ горя. Тогда я уйду и никогда въ жизни не буду больше лгать, никогда не повѣрю любви, никогда не буду трусливо выжидать... Я буду знать только жизнь и работу, буду итти впередъ безъ устали и отдыха".

Съ мрачнымъ сладострастіемъ чувствовалъ онъ, какъ горитъ страданіе въ его душѣ, бурное и невыносимое, но чистое и большое, какого онъ еще никогда не испытывалъ, и передъ этимъ божественнымъ пламенемъ его маленькая, неискренняя и уродливо сложившаяся жизнь исчезала, какъ нѣчто ничтожное, недостойное ни одной мысли, недостойное даже осужденія.

Съ такими мыслями сидѣлъ онъ вечеромъ въ полутемной комнатѣ у кроватки больного и съ тѣми же мыслями пролежалъ всю длинную, безсонную ночь, съ упоеніемъ отдаваясь своему жгучему, ѣдкому горю, ни на что не надѣясь, въ одной только жаждѣ: быть сожженнымъ и очищеннымъ этимъ огнемъ до послѣдняго фибра души. Онъ понялъ, что такъ и должно быть: чтобы онъ отдалъ самое милое, лучшее и чистое, что у него есть, и видѣлъ, какъ оно умираетъ.

XV.

Пьеру было плохо, и отецъ просиживалъ возлѣ него почти цѣлые дни. У мальчика все время болѣла голова, дыханіе его сдѣлалось прерывистымъ и вырывалось изъ груди легкими болѣзненными стонами. Иногда его маленькое, худенькое тѣльце потрясали мелкія судороги, иногда же оно все корчилось и круто извивалось. Послѣ этого онъ долго лежалъ совершенно неподвижно, а въ концѣ-концовъ на него нападала судорожная зѣвота. Потомъ онъ засыпалъ на часокъ, а послѣ пробужденія опять начинались эти правильные, жалобные не то вздохи, не то стоны.

Онъ не слышалъ, что ему говорили, а когда его почти насильно приподнимали и давали ѣсть, онъ глоталъ все машинально и равнодушно. При слабомъ свѣтѣ дня—занавѣси были плотно сдвинуты—Вергагутъ подолгу сидѣлъ, нагнувшись надъ мальчикомъ и съ глубокимъ вниманіемъ наблюдая за его лицомъ. Сердце его застывало при видѣ того, какъ изъ хорошень-

каго, столь знакомаго дѣтскаго личика исчезала одна милая, нѣжная черточка за другой. Оставалось блѣдное, старческое лицо, зловѣщая маска страданія съ обострившимися чертами, въ которыхъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ боли, отвращенія и глубокаго ужаса.

Иногда въ минуты дремоты это искаженное лицо смягчалось, и къ нему возвращался проблескъ утраченнаго очарованія его прежнихъ дней. Тогда отецъ жадно, не отрывая глазъ, смотрѣлъ на него, точно стремясь упиться и запечатлѣть въ себѣ навсегда всю эту умирающую прелесть. Тогда ему казалось, что всю свою жизнь, до этихъ минутъ послѣдняго созерцанія, онъ не зналъ, что такое любовь.

Фрау Адель долго ни о чемъ не догадывалась; лишь мало-по-малу напряженность и странная разсѣянность Верагута бросились ей въ глаза и стали внушать подозрѣнія. Но еще нѣсколько дней прошло, прежде чѣмъ она начала догадываться, въ чемъ дѣло. Однажды вечеромъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты Пьера, она отвела его въ сторону и коротко, тономъ, въ которомъ чувствовались обида и горечь, сказала:

— Что такое съ Пьеромъ? Что у него? Я вижу, что ты что-то знаешь.

Онъ посмотрѣлъ на нее, точно очнувшись отъ глубокой задумчивости, и пересохшими губами отвѣтилъ:

— Я не знаю, дитя. Онъ очень боленъ. Развѣ ты этого не видишь?

— Я вижу. Но я хочу знать, что это! Вы съ докторомъ обращаетесь съ нимъ такъ, какъ будто онъ при смерти. Что тебѣ сказалъ докторъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что Пьеръ опасно боленъ, и мы должны хорошенько ухаживать за нимъ. У него какое-то воспаленіе въ головѣ. Попросимъ завтра доктора, чтобы онъ сказалъ намъ подробнѣе, въ чемъ дѣло.

Она прислонилась къ книжному шкафу и схватилась рукой за складки зеленой занавѣски. Такъ какъ она молчала, онъ продолжалъ терпѣливо стоять. Лицо у него было сѣрое, а глаза казались воспаленными. Руки его слабо дрожали, но онъ стоялъ спокойно, и на лицѣ его былъ проблескъ улыбки — странная смѣсь покорности, терпѣнія и вѣжливости.

Она медленно подошла къ нему и положила ему руку на плечо. Колѣни у нея подгибались. Еле слышно она прошептала:

— Ты думаешь, что онъ умретъ?

На лицѣ Верагута все еще была слабая, безсмысленная улыб-

ка, но по щекамъ его быстро катились слезы. Онъ только слабо кивнулъ головой въ отвѣтъ. Она соскользнула внизъ и опустилась на полъ. Онъ поднялъ ее и усадилъ на стулъ.

— Этого нельзя знать навѣрно,—медленно и съ трудомъ сказалъ онъ, точно съ отвращеніемъ повторяя давно надоѣвшій урокъ.—Мы не должны терять мужества.

Она овладѣла собой и выпрямилась на стулѣ.

— Мы не должны терять мужества, — машинально повторилъ онъ.

— Да,—сказала она,—да, ты правъ.

Наступила пауза.

— Это не можетъ быть,—опять сказала она,—это не можетъ быть.

И вдругъ она встала, глаза ея оживились, а лицо выразило пониманіе и скорбь.

— Не правда ли,—громко сказала она,—ты не вернешься больше? Я знаю. Ты покинешь насъ?

Онъ понялъ, что въ такую минуту нельзя было ей лгать. И онъ коротко и безвучно отвѣтилъ:

— Да.

Она покачала головой, какъ будто ей надо было хорошенько подумать и трудно было справиться съ мыслями. Однако, то, что она сказала, не было продуктомъ раздумья и размышленій, а проистекало безсознательно изъ мрачной безутѣшности этой минуты, изъ душевной усталости, а главное, изъ смутной потребности что-то исправить и сдѣлать добро кому-нибудь, кому еще можно было его сдѣлать.

— Да,—сказала она,—я такъ и думала. Но слушай, Іоганнъ, Пьеръ не долженъ умереть! Не должно все рухнуть разомъ! И знаешь, я хочу тебѣ сказать еще одно: если онъ выздоровѣетъ, бери его себѣ. Слышишь? Я отдаю его тебѣ.

Вергуть понялъ не сразу. Лишь мало-по-малу ему стало ясно, что она сказала. То, о чемъ онъ спорилъ съ ней и изъ-за чего колебался и страдалъ столько лѣтъ, должно было достаться ему теперь, когда было уже поздно!

Невыразимой безсмыслицей представилось ему не только это — что теперь вдругъ она отдавала ему то, въ чемъ отказывала такъ долго—но еще больше то, что Пьеръ оказывался принадлежащимъ ему какъ разъ въ тотъ моментъ, когда былъ обреченъ смерти. Теперь онъ умретъ для него вдвойнѣ! Это было нелѣпо до смѣшного! Въ этомъ было что-то такое причудливое и противное, что

вому смыслу, что онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ близокъ къ тому, чтобы разразиться горькимъ смѣхомъ.

Но она, несомнѣнно, говорила серьезно. Она, видимо, все еще не вѣрила хорошенько, что Пьеръ умретъ. Это было великодушно, это была огромная жертва съ ея стороны,—жертва, которую въ горестномъ смущеніи этой минуты она захотѣла принести изъ какого-то смутнаго добраго побужденія. Онъ видѣлъ, какъ она страдала, какъ она была блѣдна и съ трудомъ держалась на ногахъ. Онъ не долженъ былъ показывать, что ея жертва, ея странное запоздалое великодушіе казались ему убійственной насмѣшкой.

Она начинала уже съ удивленіемъ ждать отъ него отвѣта. Неужели онъ ей не вѣритъ? Или онъ сталъ ей такимъ чужимъ, что не хочетъ ничего принять отъ нея, даже этой величайшей жертвы, которую она можетъ принести ему?

Ея лицо уже начинало подергиваться отъ разочарованія, когда онъ, наконецъ, овладѣлъ собой. Онъ взялъ ея руку, нагнулся и, слегка прикоснувшись къ ней холодными губами, сказалъ:

— Благодарю тебя.

Въ этотъ моментъ ему пришла въ голову новая мысль, и болѣе теплымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Но теперь я хочу тоже ухаживать за Пьеромъ. Позволь мнѣ дежурить при немъ ночью!

— Мы будемъ мѣняться,—рѣшительно сказала она.

Пьеръ въ этотъ вечеръ былъ очень спокоенъ. На столѣ горѣлъ маленькій ночникъ, слабый свѣтъ котораго не наполнялъ комнаты и у двери терялся въ коричневомъ полумракѣ. Вергутъ долго прислушивался къ дыханію ребенка; затѣмъ онъ легъ на узкій диванъ, который велѣлъ внести для себя.

Ночью, часа въ два, проснувшаяся фрау Адель зажгла огонь и встала. Набросивъ пенюаръ, она со свѣчой въ рукѣ пошла въ комнату мальчика. Здѣсь царила тишина. Пьеръ слегка пошевелилъ рѣсницами, когда свѣтъ коснулся его лица, но не проснулся. А на диванѣ лежалъ, скорчившись, совсѣмъ одѣтый, ея мужъ и спалъ.

Она поднесла свѣчу и къ его лицу и немного постояла возлѣ него. И она увидѣла его лицо такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, безъ притворства, со всѣми его морщинами и посѣдѣвшими волосами, съ дряблыми щеками и глубоко запавшими глазами.

„Онъ тоже постарѣлъ“, подумала она со смѣшаннымъ чувствомъ жалости и удовлетворенія и чуть не поддалась иску-

шенію погладить его взъерошенные волосы. Но она все-таки не сдѣлала этого. Она неслышно вышла изъ комнаты, а когда черезъ нѣсколько часовъ, уже утромъ, она пришла опять, онъ давно внимательно и сосредоточенно сидѣлъ у постели Пьера, и его ротъ былъ опять крѣпко сжатъ, а взглядъ, которымъ онъ привѣтствовалъ ее, былъ снова полонъ таинственной силы и рѣшимости, въ которыя онъ въ послѣдніе дни облекся, точно въ панцырь.

Для Пьера наступившій день оказался очень плохимъ. Онъ долго спалъ, а затѣмъ лежалъ съ открытыми глазами и неподвижнымъ взглядомъ, пока его не разбудила новая волна болей. Онъ яростно метался по постели, сжималъ маленькіе кулачки и прижималъ ихъ къ глазамъ, лицо его было то мертвенно-блѣдно, то огненно-красно. И, наконецъ, въ безсильномъ возмущеніи противъ невыносимыхъ страданій, онъ началъ кричать и кричалъ такъ долго и такъ ужасно, что отецъ не могъ больше слушать и, блѣдный и уничтоженный, долженъ былъ уйти изъ комнаты.

Онъ вызвалъ врача; тотъ пріѣзжалъ въ этотъ день еще два раза, а вечеромъ привезъ съ собой сидѣлку. Къ вечеру Пьеръ потерялъ сознаніе, сидѣлку послали спать, а отецъ и мать не ложились всю ночь. У обоихъ было чувство, что конецъ уже недалекъ. Мальчикъ не шевелился, дыханіе было неравномѣрно, но съ силой вырывалось изъ его груди.

И Верагуту и его женѣ вспомнилось время, когда Альбертъ также былъ очень боленъ, и они вмѣстѣ ухаживали за нимъ. И оба они чувствовали, что важныя событія не повторяются. Мягко и немного устало переговаривались они шопотомъ черезъ кроватку больного, но ни слова о прошломъ, о томъ времени. Въ сходствѣ положеній и событій было что-то призрачное, но сами они стали другими, они были уже не тѣми людьми, которые, тогда совершенно такъ же, какъ теперь, склонившись надъ смертельно больнымъ ребенкомъ, вмѣстѣ не спали ночей и страдали.

Между тѣмъ и Альбертъ, подавленный тихимъ безпокойствомъ и мучительной тревогой въ домѣ, не могъ заснуть. Среди ночи онъ, полуодѣтый, на кончикахъ пальцевъ вошелъ въ комнату Пьера и взволнованнымъ шопотомъ спросилъ, не можетъ ли онъ что-нибудь сдѣлать, чѣмъ-нибудь помочь.

— Спасибо,—сказалъ Верагутъ,—но дѣлать здѣсь нечего. Иди лучше спать и будь здоровъ хоть ты!

Но, когда Альбертъ ушелъ, онъ попросилъ жену:

— Пойди немножко къ нему и успокой его.

Она охотно сдѣлала это, и то, что онъ подумалъ объ этомъ, доставило ей удовольствіе.

Только къ утру она поддалась увѣщаніямъ мужа и легла въ постель. На разсвѣтѣ появилась сидѣлка и смѣнила его. Въ положеніи Пьера не произошло никакихъ перемѣнъ.

Верагутъ нерѣшительно пошелъ по парку, ему еще не хотѣлось спать. Но глаза у него горѣли, а кожа была сухая и дряблая. Онъ выкупался въ озерѣ и велѣлъ Роберту принести кофе. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ въ мастерской свой этюдъ. Онъ былъ написанъ свѣжо и легко, но и это въ сущности было не то, чего онъ искалъ, а теперь съ задуманной картиной и вообще съ писаніемъ въ Росгальдѣ было кончено.

XVI.

Уже нѣсколько дней въ состояніи Пьера не происходило никакихъ перемѣнъ. Одинъ или два раза въ день у него бывали припадки судорогъ и болей, остальное время онъ лежалъ въ полудремотѣ, съ притупленнымъ сознаніемъ. Между тѣмъ жара разрѣшилась цѣлымъ рядомъ грозъ; стало прохладно, и въ слабо струящемся дождѣ садъ и міръ утратили свой насыщенный лѣтній блескъ.

Верагутъ, наконецъ, снова провелъ ночь въ своей постели и нѣсколько часовъ спалъ глубокимъ сномъ. Лишь теперь, одѣваясь у открытаго окна, онъ замѣтилъ, какъ пасмурно и свѣжо стало на дворѣ,—послѣдніе дни онъ жилъ точно въ лихорадкѣ. Онъ высунулся въ окно и, слегка вздрагивая отъ холода, вдыхалъ сырой воздухъ туманнаго утра. Пахло влажной землей и близостью осени, и онъ, привыкшій ощущать обостренными чувствами признаки временъ года, съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ безслѣдно, почти незамѣтно промелькнуло это лѣто. Ему казалось, что онъ провелъ въ комнатѣ больного Пьера не дни и ночи, а мѣсяцы.

Онъ набросилъ непромокаемый плащъ и пошелъ въ домъ. Здѣсь онъ узналъ, что мальчикъ проснулся рано, но уже часъ, какъ заснулъ опять. Онъ позавтракалъ съ Альбертомъ. Юноша принималъ болѣзнь Пьера очень близко къ сердцу и страдалъ, стараясь не дать этого замѣтить, отъ больничной атмосферы и тяжелаго, угнетеннаго настроенія въ домѣ.

Когда Альбертъ ушелъ къ себѣ, чтобы заняться своими школьными работами, Верагутъ вошелъ къ еще спавшему Пьеру и за-

нялъ свое мѣсто у кроватки. Въ эти дни онъ не разъ желалъ, чтобы все это кончилось скорѣе, уже ради ребенка, который давно не говорилъ ни слова и казался такимъ измученнымъ и постарѣвшимъ, какъ будто зналъ самъ, что ему нельзя помочь. Тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ упустить ни часу и ревниво оберегалъ свое мѣсто у постели больного. Ахъ, какъ часто когда-то приходилъ къ нему маленькій Пьеръ и заставалъ его усталымъ или равнодушнымъ, погруженнымъ въ работу или поглощеннымъ заботами, какъ часто онъ разсѣянно и безучастно держалъ въ своей рукѣ эту маленькую, худенькую ручку и едва слушалъ слова ребенка, изъ которыхъ каждое теперь превратилось въ неимѣющую цѣны драгоцѣнность! Всего этого нельзя было исправить. Но теперь, когда бѣдняжка лежитъ въ мученіяхъ и одинъ со своимъ беззащитнымъ, избалованнымъ дѣтскимъ сердечкомъ стоитъ лицомъ къ лицу со смертью, теперь, когда ему въ теченіе нѣсколькихъ дней придется извѣдать все оцѣпенѣніе, всю скорбь, весь страхъ и отчаяніе, которыми пугаютъ и давятъ человѣческое сердце болѣзнь, слабость, старость и близость смерти,— теперь онъ не оставитъ его ни на минуту. Онъ хотѣлъ этого, чтобы наказать себя, причинить себѣ боль, и въ то же время, чтобы не оказаться въ отсутствіи, если наступитъ моментъ, когда мальчикъ спроситъ о немъ и онъ сможетъ оказать ему какую-нибудь маленькую услугу, выказать немного любви.

И въ это утро онъ былъ вознагражденъ. Въ это утро Пьеръ открылъ глаза, улыбнулся ему и сказалъ слабымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Папа!

Сердце художника бурно забилось, когда онъ, наконецъ, снова услышалъ любимый голосъ, звавшій его и ставшій такимъ жиденькимъ и слабымъ. Онъ такъ долго слышалъ этотъ голосъ только стонущимъ и невнятно лепечущимъ въ тупомъ страданіи, что испугался отъ радости

— Пьеръ, дорогой мой!

Онъ нѣжно нагнулся и поцѣловалъ улыбающіяся губы. Пьеръ казался свѣжѣе и счастливѣе, чѣмъ онъ надѣялся когда-либо снова увидѣть его, глаза у него были ясные и сознательные, глубокая морщина между бровями почти исчезла.

— Радость моя, тебѣ лучше?

Мальчикъ улыбнулся и посмотрѣлъ на него какъ будто съ удивленіемъ. Отецъ протянулъ ему руку, и онъ вложилъ въ нее свою ручку, которая никогда не была особенно сильной, а теперь казалась такой маленькой, бѣлой и усталой.

— Теперь ты долженъ сейчасъ же поѣсть, а потомъ я разскажу тебѣ что-нибудь интересное.

— О, да, про цвѣты и про лѣтнихъ птицъ, — сказалъ Пьеръ, и отцу опять показалось чудомъ, что онъ говоритъ, улыбается и снова принадлежитъ ему.

Онъ принесъ ему завтракъ. Пьеръ ѣлъ охотно и далъ уговорить себя съѣсть второе яйцо. Затѣмъ онъ попросилъ свою любимую книгу. Отецъ осторожно раздвинулъ занавѣси, въ комнату проникъ блѣдный свѣтъ дождливаго дня, и Пьеръ попробовалъ сѣсть и смотрѣть картинки. Повидимому, это не причиняло ему боли, онъ внимательно разсмотрѣлъ нѣсколько листковъ и привѣтствовалъ любимыя картины маленькими возгласами радости. Но затѣмъ сидячее положеніе утомило его, и глаза опять начали слегка болѣть. Онъ далъ себя уложить и попросилъ отца прочесть ему нѣсколько пѣсенокъ и стишковъ.

Верагутъ старался читать такъ весело и забавно, какъ только могъ, и Пьеръ благодарно улыбался. Но всетаки стихи не произвели прежняго впечатлѣнія, какъ будто съ тѣхъ поръ, какъ Пьеръ слышалъ ихъ въ послѣдній разъ, онъ сталъ старше на нѣсколько лѣтъ. Правда, стихи и картинки напомнили ему много свѣтлыхъ и радостныхъ дней, но старая радость и задорное веселье не возвращались, и, не понимая этого, ребенокъ оглядывался на собственное дѣтство, которое всего нѣсколько недѣль, даже нѣсколько дней тому назадъ было дѣйствительностью, съ тоской и грустью взрослаго человѣка. Онъ не былъ больше ребенкомъ. Онъ былъ больнымъ, отъ котораго міръ дѣйствительности уже отошелъ и ясновидящая душа котораго уже вездѣ и повсюду тревожно чуяла подстерегающую смерть.

Тѣмъ не менѣе послѣ всѣхъ ужасныхъ страданій это утро было полно свѣта и счастья. Пьеръ тихо и благодарно улыбался, а Верагутъ противъ воли все снова поддавался надеждѣ. Въ концѣ-концовъ всетаки вѣдь возможно, что онъ не потеряетъ мальчика! И тогда онъ будетъ принадлежать ему, ему одному!

Пришелъ врачъ. Онъ долго пробылъ у постели Пьера, не муча его вопросами и изслѣдованіями. Лишь теперь появилась и фрау Адель, дежурившая ночью при ребенкѣ. Неожиданное улучшеніе какъ будто ошеломило ее; она такъ крѣпко сжимала руки Пьера, что ему было больно, и не старалась скрывать слезъ радости, катившихся у нея изъ глазъ. Альберту тоже позволили войти на нѣсколько минутъ въ комнату больного.

— Это похоже на чудо, — сказалъ Верагутъ доктору.—Вы не находите?

Врачъ улыбнулся и ласково кивнулъ головой. Онъ не противорѣчилъ, но не выказывалъ и чрезмѣрной радости. Художникомъ сейчасъ же опять овладѣло недовѣріе. Онъ наблюдалъ за каждымъ движеніемъ врача и замѣтилъ, что въ то время, какъ лицо улыбалось, въ глазахъ было холодное вниманіе и сдержанная тревога. Сквозь щелку двери онъ прислушивался къ разговору врача съ сидѣлкой, и, хотя не могъ разобрать ни слова, серьезный шопотъ, казалось ему, говорилъ объ опасности.

Онъ проводилъ врача до экипажа и въ послѣднюю минуту спросилъ:

— Вы не придаете большого значенія этому улучшенію?

Некрасивое, спокойное лицо обернулось къ нему:

— Будьте довольны, что бѣдняжкѣ выпало на долю нѣсколько хорошихъ часовъ! Будемъ надѣяться, что это продержится подольше.

Въ его умныхъ глазахъ нельзя было прочесть ничего, возбуждающаго надежду.

Торопливо, чтобы не потерять ни мгновенія, художникъ вернулся въ комнату больного. Мать разсказывала ему сказку о спящей царевнѣ; онъ сѣлъ рядомъ и смотрѣлъ, какъ на личикѣ Пьера отражались всѣ перипетіи сказки.

— Разсказать еще что-нибудь?—спросила фрау Адель.

Мальчикъ посмотрѣлъ на нее большими, спокойными глазами.

— Нѣтъ,—немного устало сказалъ онъ.—Потомъ.

Она пошла распорядиться по хозяйству, и отецъ взялъ ребенка за руку. Оба молчали, но время отъ времени Пьеръ со слабой улыбкой взглядывалъ на отца, точно радуясь, что онъ съ нимъ.

— Теперь тебѣ гораздо лучше?—ласково сказалъ Верагутъ.

Пьеръ слегка покраснѣлъ, пальцы его, играя, зашевелились въ рукѣ отца.

— Ты меня любишь, папа, правда?

— Конечно, дѣтка. Ты мой дорогой мальчикъ, и когда ты выздоровѣешь, мы всегда будемъ вмѣстѣ.

— Да, папа... Я разъ былъ въ саду, и я былъ тамъ совсѣмъ одинъ, и никто не любилъ меня. Но вы должны любить меня и должны помочь мнѣ, если мнѣ опять будетъ больно. О, мнѣ было такъ больно!

Онъ полузакрылъ глаза и говорилъ такъ тихо, что Верагутъ долженъ былъ нагнуться къ самымъ губамъ, чтобы разобрать его слова.

— Вы должны мнѣ помочь. Я буду вести себя хорошо всегда,

всегда, вы не будете меня бранить! Правда, вы не будете меня никогда бранить? Скажи это Альберту тоже.

Его вѣки дрогнули и приподнялись, но взглядъ былъ затуманенный, а зрачки неестественно расширены.

— Спи, дитя, спи теперь! Ты усталъ. Спи, спи, спи!

Верагутъ осторожно закрылъ ему глаза и сталъ тихонько напѣвать, какъ дѣлалъ это иногда во времена младенчества Пьера. И мальчикъ какъ будто задремалъ.

Черезъ часъ пришла сидѣлка смѣнить Верагута, котораго ждали къ столу. Онъ пошелъ въ столовую молча, и разсѣянно съѣлъ тарелку супа, почти не слыша, что говорилось вокругъ. Испуганный и нѣжный шопотъ ребенка продолжалъ сладостно и печально раздаваться въ его ушахъ. Ахъ, сколько сотенъ разъ онъ могъ такъ говорить съ Пьеромъ и ощущать наивное довѣріе его безпечной любви, и не дѣлалъ этого!

Онъ машинально взялъ въ руки графинъ, чтобы налить себѣ воды. Въ этотъ моментъ изъ комнаты Пьера донесся громкій, пронзительный крикъ, вырвавшій Верагута изъ его грустной задумчивости. Всѣ вскочили съ поблѣднѣвшими лицами, бутылка упала, покатилась по столу и со звономъ скатилась на полъ.

Однимъ прыжкомъ Верагутъ очутился въ комнатѣ больного.

— Пузырь со льдомъ!—кричала сидѣлка.

Онъ ничего не слышалъ. Ничего, кромѣ ужаснаго, отчаяннаго крика, засѣвшаго у него въ сознаніи, какъ ножъ въ ранѣ. Онъ бросился къ постели.

Пьеръ лежалъ бѣлый, какъ полотно, съ перекосившимся ртомъ, его исхудалые члены извивались въ бѣшеныхъ корчахъ, глаза были выпучены въ животномъ ужасѣ. И вдругъ онъ опять испустилъ крикъ, еще болѣе дикій и пронзительный, весь изогнулся, такъ что постель задрожала, упалъ и опять изогнулся, то сгибаемый, то вытягиваемый болью, точно прутъ гнѣвными юношескими руками.

Всѣ стояли испуганные и безпомощные, пока приказанія сидѣлки не водворили порядка. Верагутъ стоялъ на колѣняхъ передъ кроватью и старался не дать Пьеру поранить себя во время судорогъ. Тѣмъ не менѣе мальчикъ ушибъ правую руку до крови о металлическій край кровати. Затѣмъ онъ съежился, повернулся такъ, чтобы лечь на животъ, молча зарылся въ подушки и началъ равномѣрно бить лѣвой ногой, точно отбивая тактъ... Онъ поднималъ ногу, со стукомъ опускалъ ее на кровать, минуту отдыхалъ и снова продѣлывалъ то же самое, быстро, десять, двадцать, безконечное количество разъ.

Женщины торопливо готовили компрессы, Альберта выслали изъ комнаты. Верагутъ все еще стоялъ на колѣняхъ и смотрѣлъ, какъ подъ одѣяломъ съ зловѣщей равномѣрностью поднималась, вытягивалась и опускалась нога. Это лежалъ его ребенокъ, улыбка котораго всего часъ тому назадъ была, какъ солнечный лучъ, и молящій любовный лепетъ котораго только что очаровалъ и взволновалъ его сердце до самой глубины. А теперь отъ него осталось только машинально подергивающееся тѣло, жалкій, безпомощный клубокъ боли и страданія.

— Мы съ тобой!—въ отчаяніи восклицалъ онъ.—Пьеръ, дѣтка моя, мы здѣсь, мы поможемъ тебѣ!

Но отъ его устъ уже не было больше пути къ душѣ мальчика, и всѣ его утѣшенія и безумно-нѣжныя слова не проникали въ ужасное одиночество умирающаго. Онъ былъ далеко отсюда, въ другомъ мірѣ, онъ въ тоскѣ бродилъ по адской долинѣ смерти, и, можетъ быть, въ эту самую минуту онъ звалъ того, кто теперь на колѣняхъ стоялъ возлѣ него и охотно перенесъ бы всякую муку, чтобы помочь своему ребенку.

Всѣ понимали, что это конецъ. Со времени того перваго, испугавшаго ихъ крика, который былъ такъ полонъ глубокаго, животнаго страданія, на каждомъ порогѣ и въ каждомъ окнѣ дома стояла смерть. Никто не говорилъ о ней, но всѣ узнали ее, не только родители, но и Альбертъ, и служанки внизу, и даже собака, безпокойно бѣгавшая подъ дождемъ взадъ и впередъ по площадкѣ и отъ времени до времени робко визжавшая. Всѣ суетились и кипятили воду, клали ледъ и усердно хлопотали, но это ужъ не было борьбой, во всемъ этомъ не было надежды.

Пьеръ лежалъ безъ сознанія. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто ему было холодно, иногда онъ слабо и потерянно вскрикивалъ, и все снова, послѣ небольшихъ, вызванныхъ изнеможеніемъ перерывовъ, начинала отбивать тактъ его нога, точно приводимая въ дѣйствіе часовымъ механизмомъ.

Такъ прошелъ день, вечеръ и ночь, и, когда на разсвѣтѣ маленькій борецъ истощилъ свои силы и сдался врагу, измученные родители только безмолвно посмотрѣли черезъ его постельку другъ на друга. Верагутъ приложилъ руку къ сердцу Пьера; оно не билось. И онъ не снималъ руки со впалой груди ребенка, пока она не закоченѣла подъ его пальцами.

Тогда онъ мягко провелъ рукой по сложеннымъ рукамъ фрау Адели и сказалъ шопотомъ: „Кончено". Поддерживая жену и прислушиваясь къ ея хриплымъ рыданіямъ, онъ вывелъ ее изъ комнаты и передалъ сидѣлкѣ, послушалъ у дверей Альберта,

спитъ ли онъ, вернулся къ Пьеру и уложилъ его хорошенько. Въ это время онъ чувствовалъ, что половина его жизни умерла въ немъ и навѣки успокоилась.

Спокойно сдѣлалъ онъ все необходимое, наконецъ, передалъ мертваго сидѣлкѣ и заснулъ короткимъ, глубокимъ сномъ. Когда яркій дневной свѣтъ заглянулъ въ окно его спальни, онъ проснулся, сейчасъ же всталъ и приступилъ къ послѣдней работѣ, которую хотѣлъ еще сдѣлать въ Росгальдѣ. Онъ пошелъ въ комнату Пьера и отдернулъ всѣ занавѣси; холодный осенній свѣтъ упалъ на маленькое бѣлое лицо и неподвижныя ручки его любимца. Тогда онъ сѣлъ у постели, разложилъ картонъ и въ послѣдній разъ зарисовалъ черты, которыя такъ часто изучалъ, которыя зналъ и любилъ еще въ крошечномъ малюткѣ и съ которыхъ, наложивъ на нихъ печать зрѣлости, смерть не могла снять выраженія страданія и недоумѣнія.

Солнечные лучи жарко пробивались между краями вялыхъ, усталыхъ отъ дождя тучъ, когда маленькая семья возвращалась съ похоронъ Пьера. Фрау Адель прямо сидѣла въ коляскѣ, ея заплаканное лицо казалось странно свѣтлымъ и неподвижнымъ между черной шляпой и наглухо застегнутымъ чернымъ траурнымъ платьемъ. У Альберта были опухшія вѣки, онъ все время держалъ руку матери въ своей.

— Значитъ, вы завтра ѣдете,—ободряющимъ тономъ сказалъ Верагутъ.—Не безпокойтесь ни о чемъ, я сдѣлаю все, что нужно. Не унывай, мой мальчикъ, настанутъ лучшія времена!

Они вышли изъ коляски. Мокрыя вѣтви каштановъ ярко сверкали на солнцѣ. Ослѣпленные, вошли они въ тихій домъ, гдѣ, перешептываясь, ждали служанки въ траурныхъ платьяхъ. Комната Пьера была заперта.

Кофе былъ готовъ, и всѣ трое сѣли за столъ.

— Я заказалъ въ Монтрё комнаты для васъ,—опять началъ Верагутъ. — Смотрите, поправляйтесь тамъ хорошенько! Я тоже уѣду, какъ только справлюсь. Робертъ останется здѣсь и будетъ смотрѣть за домомъ. Онъ будетъ знать мой адресъ.

Никто не слушалъ его. Глубокое, унизительное равнодушіе сковывало всѣхъ, точно морозъ. Фрау Адель неподвижно смотрѣла передъ собой и подбирала крошки со скатерти. Она замкнулась въ свою скорбь и не хотѣла знать ничего на свѣтѣ, и Альбертъ подражалъ ей. Съ тѣхъ поръ какъ маленькій Пьеръ лежалъ мертвый, видимость связи въ семьѣ опять исчезла, точно вѣжливое выраженіе съ лица едва сдерживающагося человѣка

послѣ отъѣзда тягостнаго гостя. Одинъ только Верагутъ, не считаясь съ фактами, продолжалъ до послѣдняго дня играть роль и не снималъ маски. Онъ боялся, чтобы какая-нибудь женская сцена не разстроила его отъѣзда изъ Росгальды, и въ глубинѣ души онъ страстно ждалъ минуты, когда жена и сынъ уѣдутъ.

Никогда еще онъ не былъ такъ одинокъ, какъ вечеромъ этого дня, сидя одинъ въ своей комнаткѣ. Напротивъ, въ господскомъ домѣ, его жена упаковывала свои чемоданы. Онъ написалъ письма и устроилъ всѣ дѣла, сообщилъ о своемъ скоромъ пріѣздѣ Буркгардту, еще ничего не знавшему о смерти Пьера, далъ своему повѣренному и банку послѣднія инструкціи и полномочія. Затѣмъ онъ убралъ все съ письменнаго стола и поставилъ передъ собой посмертный портретъ Пьера... Теперь Пьеръ лежалъ въ землѣ, и было вопросомъ, сможетъ ли когда-нибудь Верагутъ снова такъ отдать свое сердце какому-нибудь человѣческому существу, такъ страдать его муками. Онъ былъ теперь одинъ.

Долго разсматривалъ онъ свой рисунокъ, одряблѣвшія щеки, закрытые ввалившіеся глаза, узкія сжатыя губы, жестоко исхудавшія дѣтскія руки. Затѣмъ онъ заперъ портретъ въ мастерской, взялъ шляпу и вышелъ на воздухъ. Въ паркѣ было темно и тихо. Напротивъ, въ домѣ, свѣтилось нѣсколько освѣщенныхъ оконъ, до которыхъ ему не было никакого дѣла. Но подъ черными каштанами, въ маленькой, мокрой отъ дождя бесѣдкѣ, на песчаной площадкѣ и въ цвѣточномъ саду еще какъ будто вѣяло жизнью и воспоминаніями. Здѣсь когда-то—не было ли это много лѣтъ тому назадъ?—Пьеръ показалъ ему маленькую пойманную мышь, а тамъ, у флоксій, онъ разговаривалъ съ роемъ голубыхъ мотильковъ, а для цвѣтовъ онъ придумывалъ фантастически-нѣжныя имена. Вездѣ здѣсь, во дворѣ, у курятника и собачьей конуры, на дерновой площадкѣ и въ липовой аллеѣ онъ велъ свою маленькую жизнь, затѣвалъ свои игры, здѣсь его легкій, свободный дѣтскій смѣхъ и вся прелесть его своевольной, самостоятельной особы были у себя дома. Здѣсь онъ сотни разъ, никѣмъ не наблюдаемый, наслаждался своими дѣтскими радостями и переживалъ свои сказки; здѣсь онъ, можетъ быть, иногда сердился или плакалъ, чувствуя себя заброшеннымъ или непонятымъ.

Верагутъ долго бродилъ въ темнотѣ, заглядывая въ каждое мѣстечко, сохранившее воспоминаніе о его мальчикѣ. Наконецъ, онъ опустился на колѣни у песочной горы Пьера и погрузилъ руки въ сырой песокъ. Подъ пальцами онъ почувствовалъ какой-то деревянный предметъ и, вытащивъ его, увидѣлъ лопатку Пьера.

Тогда онъ припалъ лицомъ къ грудѣ песка и въ первый разъ за эти три ужасныхъ дня далъ волю слезамъ.

Утромъ у него былъ еще разговоръ съ Аделью.

— Постарайся утѣшиться,—сказалъ онъ ей,—и не забывай, что вѣдь Пьеръ принадлежалъ мнѣ. Ты уступила его мнѣ—я еще разъ благодарю тебя за это. Я уже тогда зналъ, что онъ умретъ, но это было великодушно съ твоей стороны. А теперь живи такъ, какъ тебѣ нравится, и не принимай слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній! Оставь пока Росгальду за собой, ты будешь раскаиваться, если продашь ее слишкомъ скоро. Нотаріусъ тоже такого мнѣнія, онъ думаетъ, что земля здѣсь скоро поднимется въ цѣнѣ. Желаю тебѣ удачи въ этомъ! Моего здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ вещей въ мастерской, за которыми я потомъ пришлю.

— Благодарю тебя... А ты? Ты не вернешься сюда больше никогда?

— Никогда. Это не имѣетъ смысла. И я хотѣлъ тебѣ еще сказать: во мнѣ нѣтъ больше никакой горечи. Я знаю, я самъ былъ во всемъ виноватъ.

— Не говори этого! Ты хочешь мнѣ добра, но меня это только мучитъ. Теперь ты остаешься совсѣмъ одинъ! Да, если бы ты могъ взять съ собой Пьера... Но такъ... нѣтъ, такъ не должно было кончиться! Я тоже была виновата, я знаю...

— Это мы искупили въ тѣ дни. Успокойся, все хорошо, право, жаловаться не на что. Смотри, теперь Альбертъ принадлежитъ исключительно тебѣ. А у меня есть моя работа. Съ этимъ можно перенести все. И ты будешь счастливѣе, чѣмъ была всѣ эти годы.

Онъ былъ такъ спокоенъ, что она тоже пересилила себя. Ахъ, ей хотѣлось бы сказать ему еще такъ много, за многое поблагодарить его, во многомъ обвинить. Но она видѣла, что онъ правъ. Для него все то, что для нея еще было горькимъ, полнымъ жизни настоящимъ, видимо, превратилось уже въ безплотное прошедшее. Ей оставалось только молчать и не ворошить стараго. И она терпѣливо и внимательно слушала его наставленія и удивлялась, какъ онъ обо всемъ подумалъ и ничего не упустилъ изъ виду.

О разводѣ не было произнесено ни слова. Это можно устроить когда-нибудь впослѣдствіи, когда онъ вернется изъ Индіи.

Послѣ обѣда они поѣхали на станцію, гдѣ уже ждалъ Робертъ съ чемоданами. Въ шумѣ и копоти большого вокзала Верагутъ усадилъ обоихъ въ вагонъ, купилъ газеты и журналы для Альберта и передалъ ему багажную квитанцію. Онъ стоялъ у окна

до самаго отхода поѣзда и махалъ шляпой и смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока Альбертъ не отошелъ отъ окна.

На обратномъ пути Робертъ сообщилъ ему, что порвалъ свою необдуманную помолвку. Дома уже ждалъ столяръ, который долженъ былъ сдѣлать ящики для его послѣднихъ картинъ. Когда онѣ будутъ уложены и отосланы, ничто больше не будетъ его задерживать. Ему страстно хотѣлось уѣхать.

XVII.

Наконецъ, и столяръ былъ отпущенъ. Робертъ работалъ въ господскомъ домѣ съ единственной остававшейся еще служанкой,—они надѣвали чехлы на мебель и запирали окна и ставни.

Верагутъ медленно прошелъ черезъ свою мастерскую, черезъ спальню и гостиную, затѣмъ вышелъ, обошелъ прудъ и пошелъ по парку. Такъ онъ ходилъ здѣсь сотни разъ, но сегодня все,—домъ и садъ, озеро и паркъ,—казалось ему, кричали объ одиночествѣ. Въ уже желтѣющей листвѣ дулъ холодный вѣтеръ и нагонялъ низко нависшія полчища новыхъ пушистыхъ дождевыхъ тучъ. Художникъ зябко вздрогнулъ. Теперь вокругъ него не было никого, о комъ ему надо было бы заботиться, съ кѣмъ надо было бы считаться, передъ кѣмъ казаться спокойнымъ, и теперь только, въ этомъ ледяномъ одиночествѣ, онъ почувствовалъ тревогу и безсонныя ночи, лихорадочный трепетъ и всю надрывающую усталость этого послѣдняго времени. Онъ чувствовалъ ее не только въ головѣ и въ членахъ, еще глубже онъ ощущалъ ее въ душѣ. Тамъ погасли послѣдніе игривые огоньки молодости и ожиданія; но холодъ одиночества и безпощадная трезвость, которыя онъ находилъ въ ней, не пугали его.

Бродя по мокрымъ дорожкамъ, онъ неутомимо старался прослѣдить нити своей жизни, простая ткань которой никогда не лежала такъ ясно передъ его глазами. И онъ безъ всякой горечи пришелъ къ заключенію, что прошелъ всѣ эти пути въ слѣпотѣ. Онъ ясно видѣлъ, что, несмотря на всѣ попытки и на никогда не угасавшую вполнѣ тоску, онъ прошелъ мимо сада жизни. Никогда въ жизни не извѣдалъ онъ, не вкусилъ до конца любви,—никогда до этихъ послѣднихъ дней. У постели своего умирающаго ребенка онъ, слишкомъ поздно, пережилъ свою единственную истинную любовь, въ которой онъ впервые забылъ, преодолѣлъ себя самого. Это останется навсегда великимъ событіемъ его жизни и его маленькимъ сокровищемъ.

Теперь у него оставалось только его искусство, въ которомъ

онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ увѣреннымъ, какъ теперь. Ему оставалось утѣшеніе внѣ жизни стоящихъ, которымъ не дано самимъ завладѣть ею и испить ея чашу до дна; ему оставалась странная, холодная и тѣмъ не менѣе неукротимая страсть наблюденія и втайнѣ гордаго творчества. Это ненарушимое одиночество и холодное наслажденіе творческой работы—вотъ что оставалось ему отъ его неудачной жизни и что составляло ея цѣнность, и слѣдовать безъ уклоненій этой звѣздѣ было его судьбою.

Онъ глубоко вдыхалъ влажный, горько пахнущій воздухъ парка, и при каждомъ шагѣ ему казалось, что онъ отталкиваетъ отъ себя прошлое, точно ставшую ненужной лодку отъ берега. Въ его испытаніи и познаніи не было и тѣни смиренія: полный упорства и страстной предпріимчивости, смотрѣлъ онъ навстрѣчу новой жизни, которая рисовалась ему не блужданіемъ во тьмѣ, ощупью, какъ до сихъ поръ, а смѣлымъ, крутымъ подъемомъ въ гору. Позже и, можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ другіе мужчины, простился онъ со сладкими сумерками юности. Теперь онъ, запоздалый и нищій, стоялъ одинъ въ яркомъ свѣтѣ дня, и изъ этого дня онъ не хотѣлъ потерять ни одного драгоцѣннаго часа.

Перевела **А. Полоцкая.**

Спящій.

Ты спишь вѣка въ часовняхъ и соборахъ,
Твоихъ висковъ не жжетъ сухой вѣнокъ.
Люблю кошмаръ, застывшій въ мертвыхъ взорахъ,
И на боку зіяющій цвѣтокъ.

Когда гремитъ великій вопль органа
И море рукъ возноситъ копья свѣчъ,—
Боюсь: вотъ-вотъ раскроетъ вѣнчикъ рана,
Чтобъ вновь тоской багряною истечь.

Когда плывутъ созвѣздья литургіи
Иль вьется дымъ произенныхъ страхомъ мессъ,—
Мнѣ кажется—къ Тебѣ сойдутъ святые
И ангелы съ пылающихъ небесъ!...

Но Ты молчишь, кошмаръ въ очахъ скрывая,
И на вѣнцѣ Твоемъ густѣетъ пыль...
И городъ спитъ... лишь воетъ бѣгъ трамвая
Да яростно хрипитъ автомобиль.

Александръ Топольскій.

СУДЪ.

Этюдъ.

I.

— Что тамъ такое? Опять щербаковскіе рыболовы заявились? Они у меня сейчасъ полетятъ отсюда!

Это говорилъ молодой помѣщикъ Мягкій, спускаясь отъ парка къ пруду и протирая глаза.

Въ кустахъ ивняка возились съ изорваннымъ неводомъ два чужихъ мужика въ мокрыхъ порткахъ и рубахахъ. Одинъ—высокій, худой и медлительный, другой—маленькій и юркій.

— Что за нахальство! *Онъ*, должно быть, хочетъ со мною дѣло имѣть? Я ему покажу дѣло.

Мягкій коршуномъ налетѣлъ на мужиковъ:

— Вы что тутъ... Зачѣмъ сюда залѣзли?... Ну!...

Мужики, было, разинули рты, но, увидѣвъ, кто говоритъ, сняли только картузы, выслушали должное и опять полѣзли заводить неводъ. Видно было, что они уже примѣнились къ характеру владѣльца. А владѣлецъ, накричавъ и нагрозивъ имъ, подъ конецъ забылся и самъ уже смотрѣлъ, какъ мужики въ мокрыхъ, облипшихъ рубахахъ заводили подъ кустами неводъ.

— Оттягивай, Семенъ, оттягивай!—кричалъ суетливый мужичонка.—Къ кустамъ ближе заходи.

Эта исторія тянулась уже другой годъ. Щербаковъ ловилъ рыбу, травилъ зайцевъ у него около самаго сада. И Мягкій не разъ собирался поучить его или, по крайней мѣрѣ, подать на него земскому.

„Чортъ ихъ возьми, я и самъ могъ бы ловить, на то и прудъ сдѣланъ, а они тутъ явились, — думалъ Мягкій, глядя на рыболововъ.—Вотъ запрятать ихъ всѣхъ... Тогда будутъ знать! Распустили эту ораву... Ни уваженія нѣтъ, ни страха... Я вотъ ихъ переверну.

— Мы что-жъ, мы тутъ ни при чемъ,—говорилъ Семенъ, отягивая неводъ,—дѣло хозяйское.

Мягкій молчалъ.

„Ну, мужики, положимъ, можетъ быть, и не виноваты, — сказалъ онъ себѣ, подумавъ.—Ихъ трогать не стоитъ...“—Эй, эй, держи дальше отъ плотины, а то разорвешь! — крикнулъ онъ,— тамъ корни!

— Мы ужъ и то распологсовали намедни тутъ! Каждый разъ послѣ лова чинимъ,—крикнулъ со средины пруда маленькій мужичонка.—Только тамъ караси дюже крупны.

— Да, тамъ крупные,—сказалъ Мягкій. „Мужики ничего, даже хорошіе. А Щербакова я переверну“, подумалъ онъ и опять протеръ глаза.

Онъ уже успѣлъ полежать послѣ завтрака и глаза слипались, точно заплыли, а его молодое лицо и вспотѣвшій съ первыхъ шаговъ лобъ были какъ-то странно рыхлы, какъ у человѣка, мало бывающаго на воздухѣ.

— Подать земскому на него, вотъ и все! Тутъ и раздумывать нечего. Нахаламъ такимъ да разбойникамъ нечего спускать. Съ такими тѣмъ круче, тѣмъ лучше. Тогда и уважать и бояться будутъ.

Онъ повернулся и пошелъ домой. Проходя мимо каретнаго сарая, у котораго ворота выскочили изъ пятки и лежали, повалевшія вѣтромъ наотмашь, помѣщикъ остановился. Въ воротахъ сидѣлъ Иванъ прямо колѣнями на землѣ и тесалъ какой-то колъ, поставивъ его на плаху.

— Иванъ,—сказалъ хозяинъ,—какъ бы это ворота-то... видишь.

Иванъ неспѣша остановился тесать и посмотрѣлъ по указанному направленію.

— Ворота?—сказалъ онъ.—Что-жъ, ворота поправить дѣло нехитрое.

— Такъ ты, пожалуйста, какъ-нибудь тамъ, — сказалъ хозяинъ и пошелъ въ домъ.

А Иванъ принялся опять за прерванное дѣло и что-то бормоталъ самъ съ собой о томъ, что ворота поправить недолго и что это штука нехитрая.

Придя домой, Мягкій зашелъ въ кабинетъ и остановился у письменнаго стола, какъ бы въ раздумчивости, уставивъ глаза въ окно. Постоявъ такъ, онъ равнодушно перемѣнилъ было направленіе взгляда, но, замѣтивъ, что стоитъ у письменнаго стола, спохватился и сталъ искать чего-то глазами по столу, но тутъ же безпомощно развелъ руками.

— Извольте радоваться, навалили всего,—сказалъ онъ.—Гдѣ я теперь буду искать? кто это ухитрился?... Вотъ и ручки нѣтъ. Гдѣ ручка?... Ну ужъ и люди!

Послѣ всякихъ толчковъ и потрясеній онъ всегда страдалъ отъ одолѣвающей его запущенности.

А одолѣвать его она начала еще въ ту пору, какъ онъ вышелъ изъ университета и пріѣхалъ въ деревню. Онъ тогда выписалъ себѣ множество журналовъ, завелъ экономическія книги и почувствовалъ себя свободнымъ господиномъ жизни. Ему тогда показалось, что надо только составить себѣ планъ и постепенно, методически итти въ принятомъ направленіи и тогда сдѣлаешь все, что захочешь.

Но обыкновенно случалось такъ, что придетъ во время прогулки какая-нибудь идея, ее нужно выполнить или по крайней мѣрѣ записать, а книжка дома осталась, итти не хочется.

— Ну пусть ихъ набираются—скажетъ Мягкій,—вечеромъ запишу, а то за одной идеей побѣжишь, а десять упустишь.

Потомъ хозяйство: оказалось, что русскому мужику надо разъ десять приказать, чтобы добиться чего-нибудь. А у помѣщика была какая-то не то слабость, не то деликатность характера, благодаря которой онъ не былъ способенъ настойчиво и упорно подчинять себѣ чужую волю. Къ тому же, поддаваясь вѣяніямъ послѣдняго времени, онъ, какъ будто противъ воли, чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ передъ мужикомъ.

Хозяйство, затѣянное было широко, стало суживаться, плошать и опускаться.

— Вотъ дубье-то! — говорилъ Мягкій, думая о мужикахъ, — вотъ пни-то! И живи тутъ съ ними, работай, трудись... Да еще сочувствія никакого ни отъ кого не видишь.

Началъ было заводить знакомства.

Иногда, подъѣзжая съ визитомъ къ новой усадьбѣ, онъ съ забившимся сердцемъ ожидалъ, что вотъ-вотъ за деревьями, въ саду мелькнетъ чье-нибудь платье. И въ воображеніи сами собой уже являлись и старая круглая съ колоннами бесѣдка надъ берегомъ рѣки, и старый деревянный балконъ, откуда виденъ закатъ. Но платье не мелькало. Чаще виднѣлась затесавшаяся въ малинникъ корова или свинья, подъѣдающая опавшія яблоки. Общества не было. Только и было двое сосѣдей: сосѣдъ слѣва, Щербаковъ — скандалистъ, горланъ и пьяница, для котораго не существовало ни плановъ жизни, ни идей, и сосѣдъ справа—земскій начальникъ, Павелъ Ивановичъ, человѣкъ нѣсколько мѣшковатый на видъ, обладатель молоденькой жены. А больше никого

не осталось кругомъ. Вездѣ въ деревняхъ и усадьбахъ было запустѣніе и одичаніе.

Сначала Мягкій ѣздилъ къ земскому, но тотъ ни разу не пріѣхалъ къ нему.

— Вотъ онѣ, родныя палестины-то. И это въ двадцатомъ вѣкѣ,— сказалъ себѣ молодой помѣщикъ, и самъ пересталъ ѣздить и сталъ проводить дни и вечера дома. А чтобы не было скучно, сталъ принимать пить пиво, удивляясь, до чего могутъ заплошать люди.

— Ни интересовъ никакихъ, ни энергіи—ничего нѣтъ! И это вотъ съ такими людьми приходится жить, творить жизнь. Это— среда.

Плановъ стало меньше, предпріятій тоже.

Дверь на парадномъ третій годъ висѣла на одной петлѣ и при отворяніи каждый разъ, срываясь, пугала самого хозяина.

— Ну, тутъ весь домъ передѣлывать надо, что его по мелочамъ трогать! Соберусь, тогда за одно все и сдѣлаю,—говорилъ Мягкій, прислоняя опять дверь на мѣсто.—Цвѣтники, пожалуй, можно сдѣлать.

Привезли телѣги три навоза, свалили въ кучу передъ балкономъ, чтобы потомъ, хорошенько разравнявши его, удобрить почву. Но куча такъ и продолжала лежать, а потомъ на ней выросли какіе-то грибы,—поганки,—какъ говорилъ Иванъ, проходя мимо кучи.

Когда по всей Руси пошелъ переполохъ, у Мягкаго, у одного изъ первыхъ, загорѣлись было глаза.

Тогда сразу все поднялось, закипѣла борьба партій, заработала обывательская мысль. Пошли собранія, полились рѣчи.

Карты — къ чорту, водку — къ дьяволу. Смятыя отъ частаго лежанья постели наскоро покрыли, подушки поправили, и началась жизнь, полная мысли, энтузіазма или злобы, самоотверженія или ненавистничества—смотря по характерамъ.

Но потомъ возродившееся разложилось. Разложившееся опять возродилось. И пошло.

Обыватели попрятались. Всеобщаго подъема хватило не надолго.

— Вотъ онъ тебѣ, великій народъ!—сказалъ Мягкій, — развѣ они могутъ что-нибудь толкомъ сдѣлать? Вскочили и, ничего не добившись, опять за водку.

Онъ опять, на этотъ разъ совсѣмъ уже безнадежно, махнулъ рукой на великій народъ и взялся за пиво.

— Ну, вотъ она! Извольте радоваться, гдѣ отыскалась,—сказалъ Мягкій, увидѣвъ, наконецъ, ручку подъ диваномъ. И перо заржавѣло и сломано. Это, должно быть, Акулина опять ухитряется имъ клоповъ въ трещинахъ прикалывать. Вотъ тоже гадость еще развелась. А тутъ эта тяжба, судъ. Нагрянуло все сразу. Повернуться не успѣешь, обрадовались, обступили!

Мягкій разстроенно пододвинулъ ногой за проножку стулъ къ столу, рѣшительно сѣлъ съ перомъ въ рукѣ и хотѣлъ было писать, но потомъ остановился, какъ бы соображая.

— ...Или вотъ что,—сказалъ онъ нерѣшительно.— Не стоитъ жалобу подавать, глупо вѣдь... Лучше напишу-ка ему самому, по-сосѣдски, чтобы онъ рабочихъ своихъ убралъ отсюда, а то и карасямъ не радъ будешь... Конечно, это самое лучшее.

„Милостивый государь,—сразу началъ онъ,—я старался все время жить съ вами, какъ живутъ съ порядочными людьми, но такъ какъ это оказалось невозможно въ послѣднее время, потому что у меня нѣтъ ангельскаго долготерпѣнія, такъ какъ вы...— Онъ остановился и перечиталъ написанное.

Начало какъ-то само собой пришло въ голову. Не обдумывая напередъ въ подробностяхъ, онъ хотѣлъ было проскочить съ разбѣга и дальше, но мысль куда-то полѣзла все вглубь, въ придаточныя предложенія и увязла въ нихъ. Пришлось черкать и переписывать.

— А, пропасти на тебя нѣтъ! Только возьмешься, ужъ сейчасъ путаница какая-нибудь заварится. Откуда этихъ „такъ какъ“ столько встряло! Ошалѣли!... Ну, да ладно, вотъ такъ... Точка. Да еще припишу:

„И послѣ подобныхъ вещей не считаю себя обязаннымъ считать васъ своимъ добрымъ сосѣдомъ и даже знакомымъ“.

Это мѣсто такъ понравилось ему своею рѣшительностью, что онъ, взявъ ручку, подчеркнулъ слова *даже знакомымъ*, чтобы придать имъ еще больше силы и рѣзкости. Написавъ, онъ всталъ и началъ возбужденно ходить по комнатѣ, испытывая пріятный воинственный подъемъ духа.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего. Этакъ отлично будетъ,—говорилъ онъ самъ съ собою, точно возражая кому-то, находившему, что письмо очень рѣзко. Это ему полезно. Нахаловъ надо одергивать. Сами же уважать будутъ за твердость.

Но всетаки онъ задумался и остановился.

— Вотъ что: написать написалъ, а чортъ его знаетъ: ну какъ онъ ихъ и не посылалъ и знать ничего не знаетъ, а я его такъ

чищу,—сказалъ Мягкій.—Вѣдь это неловко такъ выйдетъ... Или ужъ не надо?...

Мягкій потянулся и протеръ глаза.

— Съ такими субъектами только свяжись! Твердость-то, она не всегда умѣстна... Да къ тому же два слова одинаковыхъ рядомъ встряли: не считаю... считать.

II.

На дворѣ Щербаковскаго хутора, пропавшаго въ зелени яблонь и грушъ, а больше въ бурьянѣ, который росъ выше частокола, была давка.

Чуть не весь бывшій на дворѣ народъ собрался смотрѣть только что принесенную рыбу изъ пруда Мягкаго.

Тутъ же шныряли подъ локтями большихъ проворные ребятишки, — сыновья кухарки Катерины, — бойкой, полногрудой, съ черными косами молодки.

Самъ хозяинъ, Александръ Петровичъ Щербаковъ, въ сборчатой поддевкѣ, въ дворянской фуражкѣ, сдвинутой съ вспотѣвшаго лба на затылокъ, сидѣлъ на крыльцѣ, широко разставивъ колѣни и упершись въ нихъ локтями. Передъ нимъ стояло ведро съ плавающими на боку сонными карасями.

— Здорово!—сказалъ Щербаковъ своимъ охрипшимъ отъ водки и охоты басомъ.—У земскаго въ прудѣ хуже.

— Да, это что и говорить! знатная рыбка, Александръ Петровичъ... Всѣ сосѣдскіе пруды пересмотри—не найдешь, мы ужъ знаемъ. По стаканчику бы надо! — сказалъ нѣсколько нерѣшительно одинъ изъ ловившихъ, Сидоръ, высокій мужикъ, и почесалъ локоть.

— Ну, а сосѣдъ что?—спросилъ Щербаковъ, опустивъ замѣчаніе о стаканчикѣ, какъ несущественное.

— Баринъ-то...—сказалъ медленно Сидоръ, почесывая бокъ. Что-жъ, баринъ хорошій, славный. Про барина худого слова сказать нельзя... кругомъ поискать такого...

— Ну ладно, ладно...—сказалъ помѣщикъ, поднимаясь, и хотѣлъ было уходить.

— Только вотъ, Александръ Петровичъ, — сказалъ Сидоръ, нерѣшительно почесывая теперь уже въ затылкѣ, подъ картузомъ, который отъ этого совсѣмъ сдвинулся напередъ,—баринъ то вѣдь обижается, Александръ Петровичъ.

Щербаковъ сразу побагровѣлъ шеей.

— Чего обижается? Кто обижается?

— Я, говоритъ, его такъ оберну, что онъ у меня и въ острогѣ отсидится,—продолжалъ Сидоръ.

— Кто отсидится?—заоралъ Щербаковъ, какъ ужаленный.—Я отсижусь?...

Сидоръ уныло глядѣлъ куда-то въ сторону.

— Черти! дьяволы!—кричалъ Щербаковъ, выкатывая налившіеся глаза на Сидора и на его компаньона, коротенькаго Аѳоню, какъ будто они были виноваты.

— Я этихъ дѣловъ не знаю. Я имъ тоже замѣчалъ это самое. А они говорятъ: не имѣютъ они на то права, чтобы ловить. Онъ, говоритъ, мошенникъ,—это вы, значитъ—полетитъ у меня отсюда. Такъ и сказалъ! Ей-Богу. Мнѣ что-жъ...

— Послать ко мнѣ Прошку, — закричалъ хриплымъ басомъ Щербаковъ, не обращая ужъ больше вниманія на Сидора.— Прошка!... Гдѣ ты, чертенокъ, все шляешься? Поди приготовь бумагу и все.

Онъ повернулся такъ, что колоколомъ распахнулась его сборчатая поддевка, и, пригнувшись подъ низкую притолоку, ушелъ въ домъ, крѣпко хлопнувъ за собою дверью.

И тамъ еще раздавался его голосъ:

— Высохли, такъ разведи! Не догадаешься, чортова голова... Квасомъ разведи! куда къ самовару лѣзешь!

Сидоръ и Аѳоня, оставшись на крыльцѣ, переглянулись.

— Куда-жъ теперь?—сказалъ Сидоръ, уныло отвернувшись, и безнадежно махнулъ рукой.—Голосъ-то какъ подаетъ!... Эхъ, доля!—И почесалъ бокъ.

Щербаковъ сѣлъ къ столу, швырнулъ со злобой въ уголъ зачѣмъ-то попавшее на столъ обгрызенное гусиное крыло и сталъ быстро писать, то и дѣло тыкая перомъ въ дно чернильницы.

На полу въ комнатѣ были набросаны окурки, спички, на столѣ разсыпанъ табакъ.

Щербаковъ жилъ по-холостецки. Днемъ и Катерина даже не бывала въ комнатахъ, а ребятишекъ онъ совсѣмъ не пускалъ въ домъ, удивляясь, когда и откуда эта гадость только разводится. Хозяйствомъ онъ не занимался. Землю сдавалъ въ аренду, а самъ травилъ зайцевъ, судился и ѣздилъ на ярмарки.

Любя всякое проявленіе русскаго духа, онъ каждый годъ ходилъ на Троицу завивать вѣнки и тамъ плясалъ русскую въ присядку. А подъ конецъ, ужъ потерявъ фуражку и бормоча какую-то ерунду, ползалъ на четверенькахъ по полянѣ и хваталъ за подолы и за ноги дѣвокъ и молодокъ.

Тутъ Прошка, видя, что уже пришло время увозить барина

домой, укладывалъ его въ телѣжку, такъ что голова, свѣсившись внизъ черезъ грядку, моталась у него, какъ у барана, котораго везутъ съ бойни, а самъ сидѣлъ на-боку, свѣсивъ ноги въ большихъ сапогахъ и какъ ни въ чемъ не бывало помахивалъ кнутикомъ, задирая встрѣчныхъ собакъ.

Щербаковъ пробовалъ когда-то служить и въ военной службѣ, и въ управѣ, и въ опекѣ,—отовсюду пришлось уйти изъ-за характера.

Написавъ разгонистымъ, кудреватымъ почеркомъ жалобу и выставивъ полностью свое званіе, военный чинъ и даже зачѣмъ-то надписавъ: „православный", Щербаковъ помахалъ исписаннымъ листомъ, подулъ на него и крикнулъ Прошкѣ осѣдлать „Дьявола".

Поскакалъ онъ къ земскому не по дорогѣ, а напрямикъ черезъ поле, погоняя тощаго лихого жеребца, который, закусивъ съ пѣной удила, весь вытянувшись впередъ, несся противъ вѣтра, приложивъ уши. Сзади, за сѣдломъ только раздувались по вѣтру полы распахнувшейся поддевки.

„Эхъ, маху далъ! надо бы одѣться, а то мадамъ-то эта, должно быть, пріѣхала изъ Москвы,—думалъ Щербаковъ.—У этого хомяка подъ самымъ носомъ можно строить куры"...

— Ну, чортъ, чего испугался! Лужи боится! — крикнулъ онъ на лошадь.

III.

Земскій, Павелъ Ивановичъ, какъ всегда по утрамъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, въ тѣневой сторонѣ своего огромнаго дома, и, нахмурившись, въ пенсне со шнуркомъ, читалъ газету.

Павелъ Ивановичъ любилъ выказывать себя человѣкомъ суровымъ, которому не до пустяковъ. У него всегда было выраженіе нахмуренной сосредоточенности и озабоченности. А при какомъ-нибудь усиліи мысли и носъ, и губы, и брови—все у него собиралось вмѣстѣ, и онъ сердито сопѣлъ въ усы, такъ что кто не зналъ его, даже нѣсколько сторонился при встрѣчѣ.

Щербакова онъ принялъ въ кабинетѣ. Извинился за свой пиджакъ и сказалъ, недовольно тыкая пальцемъ въ только что прочитанную газету:

— Вотъ, все реформы... Доѣхали насъ этими реформами. Теперь имъ земскіе начальники еще чѣмъ-то помѣшали! Странное, право, понятіе у этихъ соціалистовъ: только все уничтожать.

Щербаковъ, не много смыслившій въ вопросѣ о реформахъ, только нерѣшительно промычалъ что-то и сказалъ:

— Вѣшать надо, чортъ ихъ возьми. Жиды все, должно быть, мутятъ.

Павелъ Ивановичъ уныло и неопредѣленно развелъ руками, хотѣлъ было что-то сказать, но въ домѣ вдругъ произошло необычное движеніе.

Хлопнула одна дверь, потомъ другая. Кто-то стремительно пробѣжалъ, зацѣпивъ по дорогѣ стулъ, который грохнулся на полъ.

— Барыня пріѣхала! Барыня! — закричалъ откуда-то голосъ Марѳуши, и ея платье промелькнуло мимо притворенныхъ дверей кабинета.

Павелъ Ивановичъ, ждавшій жену не раньше, какъ черезъ недѣлю, вскочилъ, испуганно посмотрѣлъ на Щербакова и схватился за борты своего пиджака, какъ будто собираясь его сбросить. Но тутъ же вспомнилъ, что чистыхъ манишекъ нѣтъ, а тѣ, что онъ носилъ,—въ нихъ лучше ужъ и не показываться Аннѣ Петровнѣ. Въ отчаяніи и досадѣ схватился онъ было за макушку, потомъ, вдругъ что-то рѣшивъ, проворно скинулъ туфли, надѣлъ ботинки съ ссохшимися носами и, бросивъ оробѣвшаго Щербакова, выбѣжалъ въ переднюю, а оттуда, захвативъ пальцами у подбородка воротникъ, чтобы не видно было несовсѣмъ чистой ночной сорочки,—на подъѣздъ.

У крыльца стояла взмыленная тройка сѣрыхъ. Потныя лошади качали головами. Въ экипажѣ, вся заваленная картонками и коробками, сидѣла Анна Петровна.

— Охъ чортъ, хороша!—сказалъ Щербаковъ, боязливо выглянувъ изъ-за косяка въ окно.

„Только чиста очень! — подумалъ онъ, покачавъ съ сомнѣніемъ головой.—Гдѣ ужъ тамъ... кружева, тесемки... это тебѣ не баба“.

— Павелъ Ивановичъ! Да что-жъ ты стоишь чурбаномъ, пошли вещи взять, мнѣ встать вѣдь нельзя!—кричала Анна Петровна.

— Ахъ, да, да... конечно... сейчасъ... — торопливо заговорилъ Павелъ Ивановичъ.

Онъ растерянно обернулся въ своихъ широкихъ брюкахъ, хотѣлъ было куда-то бѣжать, но спохватился.

— Эй, послать... тамъ кого-нибудь... вещи вынуть!—крикнулъ онъ, и лицо его при этомъ барски увѣренномъ крикѣ опять приняло тотъ солидный, нахмуренный видъ, который онъ, очевидно, любилъ въ себѣ.

— Ну, что-жъ, опять сталъ? Павелъ Ивановичъ! Да помоги же мнѣ вылѣзть. Ты совсѣмъ тутъ отупѣлъ, я вижу.

— Анечка, ну нельзя же такъ... при другихъ.

— Ну чего тамъ... Здравствуй... фу, гадость какая! Въ чемъ у тебя усы? Вытри мнѣ руку... Ну, какъ здѣсь? Опять этотъ пиджакъ принялся таскать... Это что значитъ?

Павелъ Ивановичъ, не поспѣвая за женой, уже готовился свалить все, соотвѣтственнымъ недоумѣвающе-покорнымъ жестомъ, на волю судебъ, но жена оборвала его:

— При мнѣ изволь одѣваться какъ слѣдуетъ!

„Нѣтъ, чиста... дьявольски чиста,—уныло думалъ Щербаковъ.— А я и не умылся даже, скотина... полетѣлъ... Загорѣлось!"

— А ты знаешь, на чьихъ это я лошадяхъ пріѣхала? Да ты, должно быть, и не замѣтилъ,—спросила вдругъ, живо обернувшись, Анна Петровна.

— Нѣтъ, какъ же, Анечка, я замѣтилъ,—сказалъ Павелъ Ивановичъ и долго смотрѣлъ на лошадей, держа пенсне около глаза, какъ лорнетку.

— Это же Юрія Николаевича! Мы случайно встрѣтились, ну, я и доѣхала. Онъ сюда заѣдетъ... недѣли черезъ двѣ. Э, да у насъ гости?—удивленно сказала Анна Петровна.

Щербаковъ спрятался.

Анна Петровна и Павелъ Ивановичъ вошли въ домъ. Тройка, позвякивая бубенцами, поѣхала со двора. Около конюшни стояли веселый Ефремъ и угрюмый Алешка и смотрѣли вслѣдъ уѣзжающей тройкѣ.

— Ужъ и лошади, накажи Господь!—сказалъ Ефремъ, усмѣхаясь и покачивая головой, хотя лошади били какъ лошади.

— Дратва!—лаконически сказалъ Алешка и, хмуро отвернувшись, сплюнулъ.

Павелъ Ивановичъ, пославъ за поваромъ, чтобы заказать завтракъ, побѣжалъ было въ спальню одѣться, но по дорогѣ забѣжалъ въ кабинетъ, остановился и забылъ, что ему нужно. Потомъ, вспомнивъ, схватилъ подтяжки со стула, съ ненавистью пустилъ подъ диванъ попавшуюся подъ ногу туфлю и торопливымъ шагомъ пошелъ, какъ воръ неся пиджакъ и подтяжки подъ полой.

Онъ рѣшительно не зналъ, что заказать повару Никифору на завтракъ.

Призванный Никифоръ, въ бѣломъ фартукѣ, завязанномъ сзади тесемочками, стоялъ у притолоки, слегка наклонивъ набокъ умную сѣдую голову, и ждалъ, что скажетъ баринъ.

— Ну, ты тамъ самъ что-нибудь... ну, что я тебѣ...—недовольно говорилъ баринъ.

Онъ сидѣлъ на низенькомъ сундукѣ и былъ занятъ сниманіемъ брюкъ, такъ что трудно было опредѣлить, къ чему относилось его недовольство — къ усиліямъ, какія приходилось дѣлать при сниманіи, или къ напряженію мысли по поводу выбора блюдъ.

— Слушаю-съ,—почтительно и покорно сказалъ Никифоръ.— Только позвольте доложить, что ни томатовъ, ни прованскаго масла у насъ еще съ прошлаго мѣсяца нѣту.

Баринъ, нахмурившись и собравъ губы, думалъ.

— Ну, чего ты ко мнѣ прилѣзъ. Я-то тутъ при чемъ?... Приготовь какъ-нибудь тамъ...

Никифоръ ушелъ, а баринъ остановился у стола, взялъ попавшійся подъ руку листокъ бумажки, откусилъ отъ него клочокъ и неодобрительно покачалъ головою. Бобрикъ на головѣ его залохматился и хмуро торчалъ въ стороны. Очевидно, мысли его приняли какое-то непріятное направленіе.

Надо было вносить залоговые—подъ имѣніе—проценты, а хозяйство его все шло какимъ-то образомъ въ убытокъ, и хотя и было нѣкоторое облегченіе отъ сознанія, что не онъ одинъ, а тысячи ихъ, такихъ же имѣній, поставятъ на торги и что, слѣдовательно, какъ-нибудь, можетъ быть, и обойдется,—нельзя же всѣхъ...—но всетаки при мысли объ этомъ пропадало всякое порядочное настроеніе.

Какъ земскій начальникъ, онъ долженъ былъ заботиться о народномъ хозяйствѣ, которое все шло хуже да хуже, а между тѣмъ что приходилось ему терпѣть отъ мужиковъ въ собственномъ хозяйствѣ! Ихъ было у него двое: веселый, но не безъ ядовитости Ефремъ и угрюмый, все напередъ отрицающій Алешка. Павелъ Ивановичъ часто выписывалъ новѣйшія машины. Но эти субъекты всякое нововведеніе встрѣчали съ непобѣдимымъ скептицизмомъ и непремѣнно проваливали его. Ефремъ обыкновенно зачѣмъ-то ощупывалъ новую машину руками, потомъ, усмѣхнувшись и покачавъ головой, отходилъ. Неизвѣстно было, что онъ думалъ, но, если бы самъ изобрѣтатель увидѣлъ эту рожу и усмѣшку, онъ усомнился бы въ годности своего изобрѣтенія. А Алешка, такъ тотъ, и не щупая, а только едва взглянувъ угрюмо и вкось, лаконически опредѣлялъ негодность.

Недавно выписалъ фуру: для возки хлѣба помногу заразъ. А ее (ужъ если много, такъ много!) навалили верхомъ съ перваго же раза и утопили на мягкомъ жнивьѣ. Да такъ и бросили на ней возить. Только Алешка съ Ефремомъ спали въ ней подъ навѣсомъ.

А тутъ проценты да ассигновки на разные томати и женѣ на заграницу.

— Ну, хорошо, хорошо...—сказалъ Павелъ Ивановичъ, сдѣлавшійся еще болѣе хмурымъ и какъ бы обращаясь къ своимъ мыслямъ, чтобы онѣ оставили его въ покоѣ.

Онъ выплюнулъ бумажку изо рта и пошелъ въ столовую.

— Успѣете, успѣете!—говорилъ кому-то голосъ Анны Петровны.—И никакихъ дѣлъ у васъ нѣтъ! То имѣли съ мужемъ дѣло, а теперь со мной.

— Помилуйте,—говорилъ голосъ Щербакова,—какъ же дѣлъ нѣтъ... Тамъ—знаете—то да се.

— Пустяки, идемте въ садъ! Въ этой глуши каждому живому человѣку бываешь радъ.

Черезъ пять минутъ ихъ голоса раздавались уже въ саду. И видно было, какъ Щербаковъ уже закручивалъ усы и щелкалъ каблуками.

Павелъ Ивановичъ посмотрѣлъ на нихъ, погладилъ лысину, сѣлъ въ кресло и задремалъ.

Щербаковъ только вечеромъ уѣхалъ домой. Провожали его Павелъ Ивановичъ и сама Анна Петровна. Она, накинувъ газовый шарфъ и сжавъ плечи, какъ будто ей было пріятно холодно, смотрѣла на усатаго чернаго Щербакова, и глаза ея смѣялись.

— Откуда ты такого бандита досталъ,—говорила мужу Анна Петровна, когда Щербаковъ скрылся изъ вида.—Пожалуй, въ немъ даже есть что-то... интересное для женщины, дикое, первобытное... Какъ по-твоему, Павелъ Ивановичъ? Да что ты, спишь, что ли? Мнѣ кажется, онъ очень рѣшительный субъектъ, а?

— Ахъ, милочка, я не женщина,—сказалъ Павелъ Ивановичъ, который, усѣвшись опять въ кресло, углубился, было, въ газету и опять задремалъ.

IV.

— Ну, что это за сумасшедшій!... Ну, что онъ... Чего? За что онъ на меня подалъ?—уже двадцатый разъ говорилъ Мягкій, ложась послѣ обѣда отдохнуть и отъ мухъ закрываясь съ головой одѣяломъ.

Голова скрылась, а изъ-подъ одѣяла все еще слышалось мычаніе растроеннаго человѣка, и одѣяло все шевелилось.

— Вотъ что!—сказалъ голосъ подъ одѣяломъ, и одѣяло хотѣло было раскрыться приподнявшейся рукой. — Или нѣтъ...— Одѣяло опять присмирѣло на минуту.

— А впрочемъ, чего же тутъ,—послышалось опять оттуда.—

Чего тутъ тянуть да раздумывать? Напишу ему...—Одѣяло открылось, и оттуда показалась всклокоченная голова.

Мягкій спустилъ ноги въ носкахъ, но тутъ же остановился, что-то соображая:

— Написать-то напишешь,—сказалъ онъ медленно,—а толкъ-то какой изъ этого будетъ? Писать безъ толку тоже не особенно умно. Лучше вотъ что: съѣздить къ Павлу Ивановичу, узнать, что и какъ...

И сейчасъ же, словно увидѣвъ себя со стороны, подумалъ: „Что это за гадость! Никогда не выберешь сразу, раздвоенность какая-то... Вѣдь сознаю это, а вотъ поди... Но всетаки, вѣдь, правда: сначала лучше узнать... И при чемъ тутъ раздвоенность?“

Онъ рѣшительно одѣлся и вышелъ на крыльцо. Иванъ, сидя на пяткахъ около амбара, тесалъ колъ.

— Иванъ,—сказалъ хозяинъ,—мнѣ лошадь нужно. Да послушай, какъ бы это ворота-то? А то вѣдь и послѣднюю петлю сорвутъ.

Иванъ остановился тесать и посмотрѣлъ по указанному направленію.

— Что-жъ,—сказалъ онъ, подумавъ,—это можно. Поддѣлъ коломъ подъ пятку, вотъ тебѣ и все дѣло. Кабы тутъ что замысловатое было!—И онъ даже объяснилъ хозяину, какъ это еще можно сдѣлать, и безъ поддѣванія коломъ.

Мягкій постоялъ, послушалъ и ушелъ, сказавши нерѣшительно, точно боясь надоѣсть однимъ и тѣмъ же:

— Такъ ты, пожалуйста, какъ-нибудь...

Былъ уже вечеръ. Мягкій ѣхалъ отъ земскаго.

Опустивъ вожжи, сидѣлъ онъ въ шарабанѣ. Глаза его возбужденно блестѣли, и на щекахъ чуть замѣтно пробивался румянецъ.

— Женщина...—тихо сказалъ онъ.—Жизнь!... Какъ легко можно прожить жизнь, не замѣтивъ, что̀ въ ней есть, прозѣвать всѣ блага ея, всю радость. А какъ она хороша... жизнь... Вѣдь это жизнь,—сказалъ онъ себѣ, свободно и широко поведя передъ собою рукой.

Съ высокаго берега рѣки, по которому онъ ѣхалъ, виднѣлся въ лугу, за рѣкой, вечерній туманъ, растянувшійся и надъ озеромъ длинной бѣлѣющей полосой, а за озеромъ и за лугами разстилались въ сумракѣ вечера тѣ безконечныя, всегда подернутыя туманной дымкой русскія дали, отъ которыхъ на сердцѣ становится и грустно и хорошо, и до боли хочется чего-то.

Мягкій еще разъ оглянулся кругомъ.

— Эхъ!—только и сказалъ онъ, вздохнулъ и почувствовалъ, что на глазахъ у него выступили слезы.

Сѣрый, развѣся уши, точно замечтавшись, какъ и хозяинъ, еле переступалъ ногами.

Мягкаго вдругъ охватило чувство такой жажды жить и что-то *начать* снова. И сейчасъ же побѣжали мысли и мечты,—глупыя, но пріятныя.

Онъ уже не тульскій помѣщикъ, у котораго жизнь какъ-то прошла, ни во что не сложившись, онъ извѣстенъ всему міру. А тутъ „она" узнаетъ, что этотъ властелинъ умовъ, на котораго всѣ смотрятъ съ завистью и уваженіемъ—ея сосѣдъ. И это происходитъ такъ: онъ ѣдетъ вечеромъ мимо чьей-то усадьбы и слышитъ въ вечернемъ воздухѣ звуки рояля и чей-то поющій одинокій грустный голосъ. И хотя, насколько онъ зналъ, отъ Анны Петровны трудно было ожидать грустныхъ одинокихъ пѣсенъ, такъ какъ два прошлыхъ лѣта у нея жилъ веселый офицеръ, всетаки мечты Мягкаго рисовали картину такую...

— А-а-а...—замычалъ онъ вдругъ какъ отъ какой-то внезапной мучительной мысли или остраго стыда: онъ нечаянно взглянулъ на свои руки, и даже въ сумракѣ вечера были видны большіе не обрѣзанные и грязные ногти.—Это такъ, значитъ, съ ней и сидѣлъ—съ этими ногтями...

— Но! распустилъ уши-то,—крикнулъ онъ и вытянулъ кнутомъ Сѣраго.—Хорошо, что еще самъ сознаю.

И онъ покачалъ головою.

Пріѣхавъ, Мягкій прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, мимо Акулины, которая перетирала въ передней посуду, стоя у стола съ засученными локтями. И сейчасъ же изъ кабинета послышался голосъ хозяина, какъ будто онъ, какъ вошелъ, увидалъ какое-то вопіющее безобразіе:

— Акулина! Акулина!

Акулина, недовольная перерывомъ въ своихъ занятіяхъ, сердито бросила на столъ полотенце и пошла на зовъ.

— Что это у тебя тутъ? Что за свинство!—кричалъ хозяинъ.

— Что-жъ тутъ? Что было, то и есть,—сказала недовольно Акулина.

— То-есть какъ это что? Носки валяются на полу, брюки на задникѣ до сихъ поръ. Зубной порошокъ... Почему не прибрала, когда я ѣздилъ? Вотъ ты у меня полетишь! Что это, въ самомъ дѣлѣ, жить нельзя! Ну вдругъ кто-нибудь заѣдетъ!

При этихъ словахъ Акулина искоса взглянула на хозяина.

— Кто-жъ это къ намъ заѣдетъ? Съ самыхъ забастовокъ никто не заѣзжалъ, а теперь заѣдетъ!—сказала она недовольно и хотѣла итти.

— Постой, постой, ну, а картина какъ виситъ? Ну, ты разуй глаза-то, посмотри, полюбуйся!—И онъ подвелъ за рукавъ кухарку къ картинѣ.

— Какъ висѣла, такъ и виситъ,—сказала Акулина, съ недоброжелательствомъ посмотрѣвъ на картину.—Что-жъ ей дѣлается? Виситъ и виситъ.

— То-то вотъ—виситъ,—сказалъ хозяинъ.

Картина эта, „Лунная ночь на Босфорѣ", пристроившаяся надъ кроватью, была повѣшена кверху ногами. Это, еще убирая къ Святой недѣлѣ, Акулина повѣсила ее такъ. Мягкій, въ первый разъ увидавъ, такъ и ахнулъ при мысли, насколько же, значитъ, теменъ еще народъ, если не различаетъ даже рисунка.

— Ну? что-жъ ты стоишь? Поправляй.

Акулина, продолжая не понимать, подошла недовольно къ картинѣ и нехотя подвинула ее на гвоздикахъ нѣсколько вправо.

— Да развѣ такъ!—крикнулъ хозяинъ страдальческимъ голосомъ.

Акулина испугалась и подвинула влѣво. Мягкій хлопнулъ въ досадѣ себя по карманамъ и въ изнеможеніи сѣлъ.

— Ну и ступа,—сказалъ онъ.

Акулина при этомъ словѣ плюнула и ушла, оставивъ картину висѣть кверху ногами и нѣсколько вбокъ.

— Вотъ не угодно ли, обидѣлась! Самолюбіе имѣетъ... Ахъ ты, Боже ты мой... Нѣтъ, такъ жить нельзя. Имѣй немного меньше энергіи, не борись,—такъ и заплѣсневѣешь тутъ въ грязи! Такъ и пропадетъ жизнь...

V.

— А это тоже возьми съ собой. На,—кричалъ, вернувшись отъ земскаго Щербаковъ, расшвыривая на полу Катеринины ситцевыя наволочки и подушки, которыя вмѣстѣ съ нею мало-помалу переселились къ нему на постель.—Заново зили! Это что тутъ? Къ чорту! По мордасамъ васъ всѣхъ! Пачкуны!

И съ этого дня Щербаковъ началъ чистить зубы, душить платокъ и крутить усы передъ зеркаломъ. Водка съ окна, которая въ четверти постоянно стояла здѣсь, была убрана къ чорту, и вмѣсто нея послѣ обѣда появлялся заграничный ликеръ, который Прошка въ первый разъ, когда привезли, все нюхалъ за

дверью черезъ горлышко и даже пробовалъ было пить, но поперхнулся.

— Недурна, недурна, что и говорить! Ничего, что чиста, все равно—баба. Надо только почаще зарядить туда! Предлогъ всегда можно какой-нибудь выдумать. Жаль, что судъ скоро назначилъ этотъ центюхъ, а то ѣздилъ бы каждый день. Вотъ еще, чортъ, чѣмъ угодить вздумалъ: черезъ недѣльку! Какъ мужицкія дѣла, такъ онъ по три года разбираетъ, а для своего брата-дворянина разстарался!

Съ обоими помѣщиками точно совершилось чудо какое-то. Такъ иногда упавшій въ мутное болото камень раздвинетъ тину и въ образовавшемся оконцѣ на минуту отразятся небо и далекія облака.

Съ пріѣздомъ молодой женщины все какъ-то ожило, насторожилось, помолодѣло въ окрестности. Въ паркѣ мелькало женское платье, слышался звонкій молодой женскій голосъ, смѣхъ...

Мягкій сталъ постоянно исчезать, а вернувшись, долго гулялъ, мечталъ и разговаривалъ самъ съ собою.

„Нѣтъ, какъ я жилъ?—говорилъ онъ, ахая и ужасаясь,—я, который мыслю, думаю, сознаю!... А вотъ принюхался, привыкъ и почти не замѣчалъ. И не будь внѣшняго толчка, не пріѣхала бы она,—кто знаетъ, можетъ быть, вся жизнь и прошла бы такъ, впустую, въ сумеркахъ и въ застоѣ, какъ у всѣхъ почтенныхъ сосѣдей. Странно, право: приходится быть благодарнымъ какому-то буяну за то, что его какая-то муха укусила лѣзть на скандалъ“.

— Вотъ!—говорилъ Мягкій, садясь на круглую скамейку въ паркѣ и наблюдая, какъ суетятся и спѣшатъ по дорожкѣ муравьи, порхаютъ воробьи, галки:—все спѣшитъ, все не ждетъ, не спитъ. Вотъ это я понимаю! Великій міръ, какъ чудовищный маховикъ, совершаетъ свои гигантскіе обороты. Тутъ некогда зѣвать,—говорилъ онъ, согнувшись на скамейкѣ.—Что-жъ, что для политики мы не годились? Политика не дверь спасенія. Можно и безъ нея и жить, и... творить даже,—сказалъ онъ нѣсколько нерѣшительно.—Теперь, можетъ быть, наша энергія направилась по новому руслу... Слава Богу, мы ужъ не прежніе лежебоки-крѣпостники, мы слишкомъ сознаемъ. Это не важно, что мы еще не нашли реальной почвы для своего сознанія. Можетъ быть, современемъ наши потомки изъ нашихъ накопленій создадутъ великое цѣлое... Вѣдь вотъ у меня еще ничего нѣтъ, даже, пожалуй, надеждъ пока нѣтъ: я только увидѣлъ ее, только говорилъ, ходилъ съ ней, —

а развѣ я тотъ, что былъ? развѣ у меня міръ тотъ, что былъ? Странное, странное чувство: какъ будто всѣ душевныя силы перемѣстились, какъ будто собрались, сжались и направились всѣ по одной какой-то, новой колеѣ.

Тутъ же Мягкій рѣшилъ перестроить домъ по новому плану, сдѣлать его выше, свободнѣе.

— Тутъ тебѣ и двери и все теперь передѣлается! — сказалъ онъ кому-то, точно кто-то раньше все приставалъ къ нему то съ поправкой двери, то еще съ какими-то мелочами.

Кругомъ будущаго дома рѣшилъ разбить цвѣтникъ, а изъ теса построить башни и пустить по нимъ вьющіяся розы.

Огромный домъ и весь въ розахъ: красныя, желтыя... Представляя себѣ это, Мягкій часа два проходилъ и „преступно" (какъ онъ самъ шуточно говорилъ) промечталъ о томъ, что будетъ.

— Однако ужъ если приниматься, такъ приниматься,—сказалъ онъ, и рѣшилъ, несмотря на приближающуюся осень, начать разбивать цвѣтникъ теперь же, чтобы весной не возиться съ удобреніемъ и раздѣлкой земли.

Иванъ сразу возсталъ противъ явной такой преждевременности, но былъ сломленъ.

Опять привезли навозу и свалили рядомъ съ прежней кучей. Пришли плотники, оторвали висѣвшую на одной петлѣ дверь на парадномъ и стали ломать домъ. Снаружи и въ самомъ домѣ отбили штукатурку и напустили столько гнилой трухи, что хозяинъ расчихался и ушелъ въ садъ.

— Да,—говорилъ онъ, ходя по дорожкамъ и спихивая ногой въ сторону нападавшія палки и вѣтки.—Если не напрягаться, не держать волю крѣпко въ рукахъ, такъ и проживешь, неизвѣстно зачѣмъ. Такъ и не узнаешь ни красоты, ни силы, ни любви. А какъ легко это съ нашей русской натурой: привыкнешь, успокоишь себя... И сколько такихъ у насъ! Вонъ хоть бы тотъ же земскій. Этому заплѣсневѣлому хомяку все равно. У такихъ толстокожихъ никакихъ возрожденій не существуетъ. Или вотъ тоже— Щербаковъ. Грубая скотина!

Часто Мягкій уходилъ за паркъ на луга, ходилъ тамъ подолгу взадъ и впередъ, разговаривая самъ съ собой. Иногда останавливался и, заложивъ руки назадъ, смотрѣлъ неподвижно вдаль, оставаясь до ночи, когда уже отъ скошеннаго сѣна вѣяло сырымъ запахомъ, въ потемнѣвшемъ небѣ мигали звѣзды, а въ росистой травѣ, сильнѣе къ ночи, безъ перерыва трещали кузнечики.

VI.

Въ ворота усадьбы Павла Ивановича влетѣла тройка.

Изъ коляски у подъѣзда вышелъ офицеръ въ крилаткѣ и бѣломъ кителѣ.

— Юрочка!—вскрикнула Анна Петровна и, побросавъ свои кружевныя работы, сбѣжала со ступенекъ балкона.

Офицеръ повернулъ на голосъ свою узкую красивую голову со свѣжимъ проборомъ и, улыбнувшись, со снятой въ рукѣ фуражкой, неспѣша пошелъ межъ клумбами навстрѣчу.

— Меня ждали?—сказалъ онъ.

— Ждали, ждали! И томились!

— Требуется немного осторожности,—сказалъ офицеръ, улыбаясь.—Вашъ мужъ смотритъ.

— Ну, онъ, дуракъ, ничего не пойметъ. Впрочемъ, пойдемъ къ нему...—Павелъ Ивановичъ, Юрочка пріѣхалъ.

Павелъ Ивановичъ съ газетой въ рукахъ вышелъ на террасу, и сощуривъ глаза въ пенсне и собравъ губы, долго всматривался, съ кѣмъ это говоритъ жена.

Жена же, не обращая на него вниманія, вся раскраснѣвшаяся отъ радости, слушала офицера и гладила его руку, которую онъ подалъ ей.

— Ахъ, это вы? — сказалъ Павелъ Ивановичъ.—А я смотрю, кто это могъ заѣхать въ нашу богоспасаемую глушь... Ну что, какъ слышно про реформы? Кто теперь?...

— Вы не видѣли передѣланной бесѣдки?—сказала Анна Петровна, не дожидаясь, пока мужъ договоритъ.

— А у васъ все по-новому? или кое-что осталось и по-старому?—спросилъ офицеръ, улыбаясь и ласково-значительно глядя въ глаза молодой женщинѣ.

— Кое-что—да...—сказала Анна Петровна, и они, смѣясь, пошли въ садъ.

Павелъ Ивановичъ посмотрѣлъ черезъ пенсне вслѣдъ имъ, потомъ недовольно оглянулся на солнце, которое припекало ему макушку, хотѣлъ было итти къ дому, но остановился. По выѣздной аллеѣ скакалъ верхомъ какой-то человѣкъ въ русской поддевкѣ. Павелъ Ивановичъ, нахмурившись, съ напряженіемъ долго всматривался въ подъѣзжающаго.

— Простите, пожалуйста! Я, чортъ меня возьми, повѣстку потерялъ, а память точно отшибло, совсѣмъ изъ головы вонъ, когда вы обѣщались судъ назначить,—хриплымъ басомъ проговорилъ пріѣзжій.

— Ахъ, это вы!—сказалъ Павелъ Ивановичъ. — Пойдемте-ка. Я спрошу тамъ у своего Митки, когда я назначилъ.

— А гдѣ же... Это чьи?—спросилъ Щербаковъ, косясь на сѣрыхъ лошадей.

— А я-то смотрю, кто это могъ заѣхать въ нашу... Ну, что слышно о реформахъ?—говорилъ Павелъ Ивановичъ, приглашая Щербакова въ домъ.

Около дверей конюшни сидѣли, ничего не дѣлая, Ефремъ и Алешка.

— Повадились,—сказалъ Ефремъ,—чудно!—Онъ съ веселой усмѣшкой покрутилъ головой.—И скажи на милость, сколько этихъ самыхъ кажинный годъ около нея. И всѣхъ допущаетъ, тары да бары... Ахъ ты, пропасти на тебя нѣтъ!—И Ефремъ, ударивъ себя по бедрамъ, плюнулъ.

— Съ жиру-то дѣлать нечего,—сказалъ угрюмо Алешка.

— А нашъ хомякъ,—продолжалъ Ефремъ,—то-то простота: надѣнетъ эти свои стекла, а ничего не примѣчаетъ, только тебѣ сопитъ да въ бумагу смотритъ...

— Постой, ктой-то, знать, еще ѣдетъ.

Въ воротахъ показался шарабанъ съ сѣрой лошадью.

Пріѣзжій направлялся было къ конюшнѣ, чтобы отдать лошадь, но, увидавъ щербаковскаго „Дьявола“ и чьего-то кучера, пріостановился, нерѣшительно оглянулся и хотѣлъ было повернуть назадъ.

— Вамъ кого?—спросилъ, мутно и угрюмо глядя на него, Алешка.

— Я собственно ѣхалъ... Павелъ Ивановичъ дома?—говорилъ пріѣзжій.

— Дома,—сказалъ хмуро Алешка.

— Спроси, любезный, когда судъ назначенъ.

VII.

Акулина видѣла, какъ ея молодой баринъ, пріѣхавъ домой, ушелъ въ садъ. Обѣдать онъ не захотѣлъ и цѣлый день ходилъ по средней аллеѣ.

Иногда онъ останавливался, безсильно опустивъ голову. Иногда взглядывалъ на начатую ломку стараго дома и морщился на стукъ топоровъ.

— Обрадовались! Разстучались!... Впрочемъ, что же я? Можетъ быть, ничего еще нѣтъ, можетъ быть, это и не офицеръ вовсе пріѣхалъ... Если офицеръ, то должны быть сѣрыя лошади,—я слышалъ. Что-жъ я не спросилъ у кучера-то!... Навѣрное, не *онъ*. Эхъ, я! Какъ это у меня все скоро: то ужъ очень высокій подъемъ, то раскисаніе окончательное. Вотъ сознаю, а все...

И онъ даже улыбнулся, повеселѣлъ.

Акулина и ребятишки, оказалось, видѣли, какъ утромъ мимо усадьбы проѣхалъ какой-то военный, только не замѣтили, куда поѣхалъ: къ Земскому или еще куда.

— А лошади какія?—спросилъ Мягкій, глядя съ надеждой на мальчишекъ,—не сѣрыя?

Тѣ только озадаченно переглянулись: не то либо сѣрыя, не то нѣтъ.

Къ вечеру Мягкій совсѣмъ ободрился и приказалъ закладывать лошадей.

Лошади были поданы, а баринъ не выходилъ.

— Застрялъ! Теперь не дождешься! вотъ тетеха-то!—говорилъ Иванъ, сидя на козлахъ и поглядывая на окна.

Но только что баринъ, вышедшій въ соломенной шляпѣ и бѣломъ пыльникѣ, сѣлъ въ пролетку, какъ Иванъ, воскликнувъ:—Ахъ ты, мать честная!—скатился клубочкомъ съ козелъ и побѣжалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! однимъ ментомъ! за кафтаномъ!—крикнулъ онъ, скрываясь за дверью людской, но черезъ минуту показался оттуда и, плюнувъ на порогѣ, побѣжалъ по направленію къ конюшнѣ.

— Теперь пропалъ, не дождаться! вотъ растрепа-то!—сказалъ Мягкій, вздохнувъ.—А вѣдь сколько времени сидѣлъ, дуракъ.— И, сгорбатившись въ своемъ пыльникѣ, сталъ ждать. Сначала онъ прислушивался, не бѣжитъ ли Иванъ, потомъ забылся.

— Погладили на семь цѣлковенькихъ!—сказалъ Иванъ, возвратившись, и, махнувъ съ горечью рукой, хотѣлъ уже было лѣзть на козлы, но тутъ же удивился: кафтанъ выглядывалъ изъ-подъ передней лавочки пролетки, и Мягкій даже самъ трогалъ его ногами.

— Да, ужъ это, коли захочетъ подшутить, такъ *онъ* тебѣ среди бѣла дня такъ обведетъ, что только диву дашься!—сказалъ Иванъ и полѣзъ на козлы уже съ благодушной усмѣшкой.

Лошади тронулись, правая пристяжка рванула впередъ, и, угнувъ шею кольцомъ, пошла перебирать ногами, тѣснясь и напирая на оглоблю, пока не выѣхали на просторъ проѣзжей дороги. Мягкій, глядя на ноги пристяжной, о чемъ-то думалъ, покачиваясь на рессорахъ. Иванъ предался мыслямъ о пристяжной.

— Она хоть животная, и тоже требуетъ, чтобы обращеніе было,—говорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.—Это не то, чтобы тебѣ пень или статуй какой: куда его ни вороти, онъ все пойдетъ. Или скажемъ...—Тиру, тиру, чортъ! Куда наѣхалъ?

Иванъ за разговоромъ, баринъ за мечтами и не замѣтили,

какъ наѣхали на чьихъ-то лошадей, которыя, зацѣпившись экипажемъ за придорожную ракиту, стояли посреди дороги.

Въ экипажѣ, замотавъ на уголъ вожжи и пустивъ лошадей, возвращался откуда-то порожнякомъ чей-то кучеръ и, положивъ подъ голову офицерскую дорожную накидку, спалъ.

— Эй ты, олухъ!—кричалъ Иванъ.—Глазъ, что-ль, у тебя нѣту!

Проснувшійся кучеръ, приподнявъ спутанную голову, недовольно заспанными глазами посмотрѣлъ на проѣзжихъ, сердито дернулъ за вожжу, попятилъ лошадей, объѣхалъ и опять улегся.

— Вотъ такому довѣрь хозяйское добро! Ѣдетъ, а куда ѣдетъ, чортъ его знаетъ,—говорилъ Иванъ, опять усаживаясь.—Нѣтъ, ты коли ѣдешь, не спи. А то подобралъ тройку сѣрыхъ и думаетъ...

Мягкій быстро оглянулся: лошади были сѣрыя.

— Пошелъ назадъ!—разстроенно заговорилъ баринъ.—Иванъ, назадъ, ну!... Я раздумалъ! Назадъ, говорю тебѣ...

Иванъ, перебитый въ своихъ разсужденіяхъ, понялъ не сразу, потомъ началъ заворачивать, чуть не вывалилъ, перегнулся для перевѣса, выправилъ и, хвативъ кнутомъ пристяжную, погналъ лошадей.

Мягкій, пріѣхавъ, прошелъ въ кабинетъ и заперся.

Судъ по дѣлу дворянъ, землевладѣльцевъ Мягкаго и Щербакова, состояться не могъ за отсутствіемъ обѣихъ сторонъ.

Посылались вторичныя повѣстки; ихъ возили Ефремъ и хмурый Алешка.

Никто не показался изъ своихъ угловъ. А Щербаковъ даже обругалъ Алешку неприличными словами и еще грозился вслѣдъ изъ окна кулакомъ.

— Чудные эти господа,—говорилъ Ефремъ, свертывая папироску и съ усмѣшкой покачивая головой. — Только народъ зря взбаламутили, а ни до какихъ дѣловъ не дошли.

— Рвань, а не господа,—сказалъ хмуро Алешка.

Подошла глубокая, неподвижная осень. Въ опустѣвшихъ поляхъ стало ровно, уныло и безмолвно. На оголившихся деревьяхъ висѣли свѣтлыя капли тумана.

По опустѣвшимъ аллеямъ въ усадьбахъ стало сиротливо-пустынно по-осеннему, и только съ унылымъ шумомъ передувались вѣтромъ темные опавшіе листья. Убитые морозомъ, точно сварившіеся, цвѣты въ цвѣтникахъ были поломаны скотиной.

Домъ Мягкаго стоялъ наполовину ободранный, а въ окна вставлялись двойныя рамы и замазывались наглухо послѣднія щели.

П. Романовъ.

СТРАСТНАЯ ДРУЖБА.

Романъ Г. Дж. Уэллса. [1])

H. G. Wells. The Passionate Friends.

Многія подробности моего путешествія въ Ирландію уже изгладились изъ моей памяти. Помню только мое настроеніе угрюмой радости, что неизвѣстность должна прекратиться и я буду имѣть дѣло уже не съ призраками, а съ лицами...

Погода была вѣтреная и холодная. Большую часть времени на пароходѣ я страдалъ морской болѣзнью и высадился на берегъ очень усталый и истощенный.

Я доѣхалъ до маленькой узловой станціи, гдѣ мнѣ пришлось ждать цѣлый часъ поѣзда по боковой линіи. Наконецъ, я достигъ станціи, откуда я уже долженъ былъ ѣхать на лошадяхъ.

Дулъ рѣзкій, сырой и холодный вѣтеръ, когда мы проѣзжали черезъ высокій холмъ, лежащій къ югу отъ Мёрка. Этотъ вѣтеръ пронизывалъ меня насквозь, и все кругомъ пропиталось сыростью. Склоны холма надо мной были покрыты мѣстами ярко-зеленымъ, насыщеннымъ влагой, дёрномъ, мѣстами же виднѣлись большіе пласты обнаженнаго известняка. Къ сторонѣ моря высились голыя скалы и какая-то странная развалина, видомъ напоминающая гигантскій улей, а внизу открывалась обширная водная пустыня океана, мрачная и угрюмая, не освѣщенная солнцемъ, и волны съ грохотомъ омывали прибрежные утесы...

Ни одно деревцо не нарушало унылаго вида этой пустынной и дикой мѣстности, и нигдѣ не было видно ни одного живого существа, кромѣ насъ, ѣдущихъ по дорогѣ. Лошади, спотыкаясь, тихонько плелась, постоянно понукаемая прищелкиваніемъ языка и кнута возницы...

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль*, 1914 г., кн. I и II.

— Вонъ тамъ,—сказалъ онъ вдругъ, обращаясь ко мнѣ и указывая кнутомъ.

Я повернулъ голову, надѣясь увидѣть въ той сторонѣ нѣчто вродѣ стариннаго рейнскаго замка. Но я увидалъ длинное, низкое каменное зданіе, позади котораго возвышалась гора. Завѣса проливного дождя, гонимаго вѣтромъ, скрывала отъ меня вершину горы. И всетаки, при видѣ Мёрка, моя усталость сразу исчезла, нервы напряглись до послѣдней степени, и моя воля воспряла вновь. Я твердо рѣшилъ довести дѣло до конца. Неопредѣленность должна прекратиться...

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ этому мѣсту, тѣмъ сильнѣе бросалось мнѣ въ глаза сходство этого зданія съ тюрьмой... Можетъ быть, какъ разъ изъ этого окна выглядывала Мери, ожидая меня?... Не удивлялась ли она, что я такъ долго не являлся?... Во всякомъ случаѣ, теперь я ее нашелъ, наконецъ!...

Я соскочилъ съ повозки, отыскалъ у дверей ручку замка и сильно ее дернулъ.

Дверь открылась, и на порогѣ появился маленькій старичокъ, который засунулъ пальцы за воротникъ, точно онъ его душилъ.

— Что вамъ нужно?—спросилъ онъ, точно у него уже былъ готовъ для меня отвѣтъ.

— Мнѣ надо видѣть лэди Мэри Джустинъ,—отвѣчалъ я.

— Это невозможно. Она уѣхала.

— Уѣхала?!...

— Третьяго дня она уѣхала въ Лондонъ. Вамъ надо отправиться туда.

— Въ Лондонъ?—повторилъ я.

— Разумѣется.

— Уѣхала добровольно?—спросилъ я.

Старичокъ посмотрѣлъ на меня подозрительно и, растягивая воротникъ, сказалъ:

— Каждый уѣхалъ бы добровольно...

Онъ искоса поглядывалъ на меня, съ тайнымъ злорадствомъ, какъ будто ожидая моихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Но тутъ мужество измѣнило мнѣ. Я почувствовалъ, что мы побѣждены окончательно! Ни слова не говоря, я повернулся спиной къ старому Церберу и сказалъ своему возницѣ:

— Поѣзжайте назадъ!...

Одно дѣло—рѣшить вернуться назадъ, другое—выполнить это рѣшеніе! Пріѣхавъ на маленькую станцію, я принялся изучать расписаніе и увидалъ, что не могу вернуться въ Англію иначе, какъ съ опозданіемъ на цѣлые полдня. Приходилось ждать. Но

мнѣ не хотѣлось дожидаться на станціи, гдѣ былъ народъ, и поэтому я отправился въ маленькую гостиницу у станціи, разсчитывая взять номеръ и проспать часы ожиданія. Однако, когда мнѣ показали комнату съ постелью, то я тотчасъ же измѣнилъ свой планъ и вышелъ изъ деревни по крутой тропинкѣ, спускающейся къ берегу. Я бродилъ подъ дождемъ и вѣтромъ вдоль берега моря и, отыскавъ наконецъ между скалами уголокъ, немного защищенный отъ вѣтра, присѣлъ тамъ отдохнуть.

Я долго сидѣлъ такъ, неподвижно, подавленный сознаніемъ своего полнаго пораженія. Я видѣлъ въ эту минуту, что я всегда преслѣдовалъ несбыточную мечту о счастьѣ, и мой планъ снова вернуть Мэри былъ одинаково фантастиченъ и нелѣпъ, и я только понапрасну расходовалъ свои силы.

„Мы должны покориться... должны покориться!"—шепталъ я, смотря на грозныя волны, слѣдующія одна за другой длинными пѣнящимися рядами, которыя, подкатываясь къ подножію скалъ, съ грохотомъ разбивались о нихъ, обрызгивая пѣной ихъ верхушки. Вѣтеръ рвалъ и крутилъ на мнѣ платье, и въ его завываніи, сливавшемся съ грохотомъ волнъ, мнѣ слышались всѣ злобные голоса міра, всѣ отзвуки страстей и поспѣшившихъ сужденій, заглушавшихъ даже гулъ разбушевавшихся стихій...

Въ то время какъ я переживалъ эти минуты упадка духа и отчаянія въ Ирландіи,—тамъ, въ Лондонѣ, другіе актеры ожидали развязки этой драмы и моего окончательнаго пораженія.

По пріѣздѣ въ Лондонъ я нашелъ два письма отъ Мэри и нѣсколько телеграммъ и записокъ. Одна изъ нихъ была написана у меня на квартирѣ Тарвриллемъ.

Письма Мэри не были ни длинны, ни полны отчаянія. Она, повидимому, не вполнѣ сознавала могущество силъ, пущенныхъ въ ходъ противъ нея и противъ насъ обоихъ. Она только вскользь намекала на свою болѣзнь. Она уступила,—говорила она,—чтобы спасти себя и меня, и другихъ отъ позора и гибели, которые несетъ съ собой разводъ, поэтому и я долженъ покориться этому рѣшенію. Мы должны согласиться на то, чтобы не встрѣчаться и не вступать ни въ какія сношенія въ теченіе трехъ лѣтъ, и я долженъ уѣхать на это время изъ Англіи. Она просила меня согласиться на эти условія. Она знаетъ,—говорила она,—что это имѣетъ такой видъ, какъ будто она отъ меня отрекается, но мнѣ многое неизвѣстно, очень многое, и поэтому я долженъ согласиться. Она не можетъ уѣхать со мной. Это невозможно. „Теперь это невозможно болѣе, чѣмъ когда-либо. Она была слаба, но... я не знаю всего! Если-бъ я зналъ все, то, конечно, понялъ бы и про-

стилъ ее! Но ей было поставлено въ условіе, чтобы я не зналъ всего.

Эти письма въ особенности поразили меня своимъ глубокимъ уныніемъ и полнымъ отсутствіемъ бодрости, чего я прежде не замѣчалъ у Мэри. Словно духъ ея былъ надломленъ! Я не могъ понять всего и чувствовалъ сильное безпокойство и еще болѣе сильное желаніе увидѣть ее, разспросить и узнать наконецъ, что означаетъ эта перемѣна въ ней!...

Тарврилль въ своихъ запискахъ сообщалъ мнѣ о своихъ повторныхъ попыткахъ видѣться со мной. Я чувствовалъ, что только онъ одинъ въ состояніи разъяснить мнѣ все, поэтому я тотчасъ же телеграфировалъ ему о своемъ пріѣздѣ, прося назначить время, когда мы можемъ увидѣться съ нимъ.

Онъ тотчасъ же отвѣтилъ мнѣ и попросилъ пріѣхать къ нему. Онъ жилъ въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ я впервые встрѣтился съ Мэри послѣ моего возвращенія изъ южной Африки.

Былъ туманный ноябрьскій день, когда я отправился къ нему. Онъ сидѣлъ въ гостиной, гдѣ всѣ картины были завѣшаны, портьеры сняты и мебель покрыта чехлами, такъ какъ онъ собирался уѣзжать. Поздоровавшись со мной, онъ извинился за неуютность обстановки, въ которой онъ принималъ меня.

— Но здѣсь удобнѣе, — сказалъ онъ.—Я зашелъ сюда, чтобы взять нѣкоторыя бумаги и освободить ящики. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, намъ никто не помѣшаетъ.

Онъ остановился возлѣ пустого камина и сразу же перешелъ къ дѣлу.

— Вы знаете, дорогой Страттонъ,—сказалъ онъ,—что во всей этой проклятой исторіи мое сердце на вашей сторонѣ. И все время такъ было. Если-бъ я видѣлъ хоть какой-нибудь шансъ для васъ... для васъ и Мэри... если-бъ я думалъ, что вы могли бы уѣхать вмѣстѣ и устроить свою жизнь, какъ хотите, то,—несмотря на то, что она моя кузина,—я бы помогъ вамъ! Клянусь, я бы вамъ помогъ! Вы сами знаете, что̀ представляютъ въ дѣйствительности такія романическія бѣгства за границу и жизнь въ хижинѣ въ какой-нибудь уединенной долинѣ. Всѣ окрестности Флоренціи полны такими скандальными парочками. Я самъ бывалъ среди нихъ и видѣлъ, что это̀ такое! Девять десятыхъ, по крайней мѣрѣ, раскаиваются и грызутъ другъ друга.

— Согласенъ,—отвѣчалъ я.—Однако мы...

— Что же вы могли бы сдѣлать?

— Мы могли бы вернуться назадъ...—сказалъ я.

Тарврилль на минуту умолкъ, затѣмъ, нагнувшись ко мнѣ, рѣшительно проговорилъ:

— Нѣтъ!...

— Вѣдь дѣлали же это другіе!...—возразилъ я.—Разводъ былъ бы совершенно правильный...

— Вы не понимаете Джустина!—воскликнулъ Тарврилль.—Джустинъ погубилъ бы васъ. Если-бъ вы увезли Мэри... Джустинъ странный человѣкъ. Все находится въ его рукахъ.

Онъ сдѣлалъ небольшую паузу, потомъ продолжалъ:

— Вы понимаете, что вы вынуждены принять условія Джустина. Онъ измѣнился теперь. Сначала онъ не вполнѣ уяснилъ себѣ то, что случилось. Онъ чувствуетъ себя обманутымъ, опозореннымъ. Намъ пришлось убѣждать его. Во всякомъ случаѣ ему пришлось перенести... очень много, и неудивительно, что онъ сталъ несговорчивъ послѣ этого. Я понимаю, что вамъ это тяжело. Но вы должны это перенести. Вы должны уѣхать, какъ онъ этого требуетъ... Уѣхать на три года изъ Англіи.

— Это такое безумное требованіе!

— Но другого выхода нѣтъ. Иначе вы и Мэри вмѣстѣ будете выброшены въ болото! Вотъ что произойдетъ, Страттонъ. Джустинъ теперь сталъ твердъ, какъ сталь, и не уступитъ ни въ чемъ. Вы возстали противъ закона, противъ соціальныхъ традицій, противъ богатства. Это три могущественныя силы. Человѣкъ можетъ бороться съ одною изъ нихъ, но не со всѣми тремя заразъ! А она, Страттонъ?... Она вѣдь больна!

— Что вы хотите сказать?—спросилъ я, съ тревогой смотря ему въ лицо.

— То, что я сказалъ!

Мнѣ казалось, что я начиналъ прозрѣвать истину...

— Я хочу ее видѣть, хочу!... Будь все это проклято!... Тарврилль!—вскричалъ я, почувствовавъ внезапную острую боль въ глазахъ, наполнившихся слезами.—Пусть она сама отошлетъ меня!... Такъ не поступаютъ... не поступаютъ съ человѣческими существами!...

— Женщины,—проговорилъ Тарврилль, глядя на кончики своихъ сапогъ,—совсѣмъ другія существа. Онѣ не то, что мужчины... Вы всегда удивляли меня, Страттонъ. Повидимому, вы никакъ не можете понять, что женщина—слабое существо. Мы должны заботиться о ней.

Онъ остановился, какъ будто ожидая моего подтвержденія. Но я молчалъ, поэтому онъ снова заговорилъ:

— Видите ли, если бы вы встрѣтились теперь съ Мэри и ска-

зали бы ей, положимъ: „Пойдемъ и бросимся въ Этну вдвоемъ!“ и если бъ вы произнесли это надлежащимъ голосомъ и съ надлежащей силой, Страттонъ, то она бы это сдѣлала!... Вы сами это знаете. Каждый мужчина это сознаетъ!... Но она не можетъ *теперь* желать сдѣлать это...

— Вы хотите сказать, что поэтому то я и не долженъ видѣться съ нею?

— Да, поэтому. Вы можете заставить ее сдѣлать то, что она не желаетъ сдѣлать.

— Вы думаете, что это было бы... слишкомъ драматично?

— Я думаю, что это было бы романтично и некультурно.

— Хорошо,—сказалъ я угрюмо.—Я не сдѣлаю этого.

— Вы не станете призывать ее?

— Нѣтъ... не стану.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Взглянувъ на него, я увидалъ, что онъ смотритъ въ окно надъ каминомъ, выходящее въ другую комнату. Я тотчасъ же вскочилъ на ноги и увидалъ тамъ, въ концѣ комнаты, Гюя и Мэри, стоящихъ рядомъ...

Наши глаза встрѣтились, и она импульсивно подошла къ окну и остановилась. Безжалостное стекло раздѣляло насъ.

Но Гюй отперъ ей двери, и она появилась на порогѣ. Она была закутана въ темные мѣха, но я тотчасъ же замѣтилъ, что она больна и совершенно разбита нравственно и физически. Она сдѣлала шагъ ко мнѣ и вдругъ остановилась.

Мы стояли другъ противъ друга, робкіе, жалкіе и смущенные, и Тарврилль и Гюй, оба, наблюдали насъ.

— Вы видите...—начала она и безсильно замолчала.

— Мы должны разстаться, Мэри,—сказалъ я.—Мы... мы... побѣждены!

— Я старалась добиться, чтобы васъ не заставляли покидать Англію...—проговорила она.

— Это пустяки!

— Но ваша работа... политическая дѣятельность?...

— Это не имѣетъ значенія. Важно то, что вы больны и несчастны, и что я... не могу помочь вамъ!... Я ничего, ничего не могу сдѣлать для васъ!... Я готовъ уѣхать куда угодно... чтобы спасти васъ!... Мнѣ кажется, все, что я могу сдѣлать, это — разстаться съ вами и удалиться!...

— Я не буду... не буду вполнѣ несчастлива теперь. И я буду всегда думать о васъ!...—проговорила она.

Она умолкла, и мы безмолвно стояли, другъ противъ друга.

Было только одно слово, которое могло быть сказано нами, но ни я, ни она не могли его сказать въ эту минуту!

— Прощайте!—прошептала она.—Стефенъ, милый, дорогой, не думайте, что я бросила васъ!... Не думайте дурно обо мнѣ!... Но я не могла... не могла пойти къ вамъ!...

И вдругъ ея лицо исказилось, и она зарыдала. Моя милая, безстрашная подруга дѣтства, которую я никогда не видалъ плачущей до этой минуты, рыдала, какъ можетъ рыдать только несчастный ребенокъ!...

— О, моя Мэри!—вскричалъ я, тоже заливаясь слезами, и раскрылъ ей свои объятія.

Она прижалась ко мнѣ, и мы поцѣловались съ мокрыми отъ слезъ лицами.

— Этого нельзя!—вмѣшался вдругъ оторопѣвшій Гюй.—Мы обѣщали Джустину...

Но Тарриллъ протянулъ руку и удержалъ его. Спустя нѣсколько мгновеній онъ самъ притронулся къ моему плечу и тихо сказалъ:

— Идемъ, Страттонъ!...

Я повиновался. Итакъ, мы съ нею разстались!...

VII.

Новый міръ.

Я уѣхалъ изъ Англіи.

Сначала я рѣшилъ отправиться во Францію, чтобы замѣнить свой школьный французскій языкъ настоящимъ французскимъ языкомъ. Мнѣ нужно было имѣть какую-нибудь цѣль передъ собой. Затѣмъ я намѣревался переправиться въ Германію, заняться тамъ изученіемъ соціальнаго вопроса и попутно ознакомиться съ германской арміей. Я думалъ, что, когда кончится срокъ моего изгнанія, я снова поступлю на военную службу.

Однако всѣ эти планы не имѣли подъ собой почвы и являлись лишь результатомъ моего разслабленнаго состоянія духа. Я поѣхалъ въ Парижъ, но въ Парижѣ выбросилъ ихъ всѣ за бортъ и уѣхалъ въ Швейцарію. Тамъ, постепенно, мой умъ прояснился и ко мнѣ вернулась способность мыслить о жизни въ цѣломъ и о томъ мѣстѣ, которое я долженъ занять въ ней. Я снова началъ задумываться надъ идеями, которыя вихрь страсти, охватившій меня, отбросилъ куда-то въ глубь моей души. Я припомнилъ тѣ широкія обобщенія, которыя явились у меня результатомъ всего,

что я испыталъ въ южной Африкѣ, припомнилъ свое разочарованіе въ британскомъ имперіализмѣ, свои смутныя опасенія возникавшаго конфликта между предпріимчивостью и трудомъ, глубокой рознью между жизнью фермъ и промышленной жизнью, между финансовыми требованіями и широкой производительностью. Все это казалось мнѣ гораздо значительнѣе партійныхъ лозунговъ и патріотизма, ради котораго люди жертвуютъ жизнью. Мало-по-малу я пришелъ къ заключенію, что я долженъ покинуть страну отелей и праздныхъ туристовъ и отправиться изучать факты жизни и взаимныя человѣческія отношенія тамъ, гдѣ они еще не заключены въ тѣсныя рамки партійныхъ взглядовъ и узкаго патріотизма. Невольно мысли мои обратились къ Китаю и Индіи, которые до сихъ поръ еще представляютъ для насъ много загадокъ.

Надо было сообщить отцу о моихъ намѣреніяхъ. Я много разъ принимался писать ему, но всегда рвалъ свои письма. Я хотѣлъ дать ему понять перемѣну своего душевнаго настроенія и тѣ новыя мысли, которыя у меня явились. Но я убѣдился, что это трудно выразить общепринятыми фразами, которыя только спутываютъ всѣ понятія. Вѣдь мнѣ пришлось бы въ первый разъ въ жизни писать ему о томъ, что для меня было святыней. Однажды ночью, послѣ долгихъ колебаній, я, наконецъ, излилъ душу въ письмѣ къ отцу. Но я все же не послалъ ему этого письма. Потомъ, въ ту минуту, когда увидѣлъ отца на смертномъ одрѣ, я глубоко пожалѣлъ объ этомъ. Но тогда, прочитавъ это письмо поутру, я постыдился послать его. Я разорвалъ его въ мелкіе клочки и взамѣнъ написалъ отцу коротенькую записку слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ совершенно нечего дѣлать въ Швейцаріи! Не будете ли вы имѣть что-нибудь противъ того, чтобы я поѣхалъ на востокъ? Я хотѣлъ бы увидѣть міръ за предѣлами Европы, и мнѣ думается, что я бы могъ найти тамъ что-нибудь для себя. Конечно, это будетъ стоить дороже, чѣмъ сколько я проживаю теперь. Но я буду стараться экономничать. Не безпокойтесь объ этомъ, и если васъ это затрудняетъ, то не будемъ больше говорить объ этомъ, я и такъ доставилъ вамъ слишкомъ много безпокойства“.

Но отвѣтъ отца былъ еще болѣе краткимъ и опредѣленнымъ: „Разумѣется! Я пошлю тебѣ въ Римъ, poste restante, нѣсколько чековъ на разные банки, чтобы ты могъ по дорогѣ получать деньги. Желаю тебѣ удачи, Стефенъ, и очень радъ, что ты отправляешься на востокъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть, ничего не дѣлая, въ Швейцаріи“.

Я часто думаю теперь: что было въ мысляхъ отца, когда онъ писалъ эти строки? Понималъ ли онъ? Зналъ ли онъ?...

Въ Римѣ я пробылъ нѣсколько дней. Когда я бродилъ по этому великому городу мертвыхъ, то скоро замѣтилъ, что мысли, бродившія у меня въ головѣ, какъ то невольно принимали форму письма къ Мэри. Я, дѣйствительно, мысленно писалъ ей, какъ нѣкоторые люди мысленно разговариваютъ сами съ собой. Впрочемъ, прогуливаясь по Палатинскому холму, я въ самомъ дѣлѣ раздумывалъ о томъ, чтобы написать ей длинное письмо, нѣчто вродѣ дневника, въ который я заносилъ бы всѣ свои впечатлѣнія и идеи. Быть можетъ, когда-нибудь, черезъ нѣсколько лѣтъ, мнѣ представилась бы возможность вручить ей это письмо?...

Такія мысли, однако, рѣдко осуществляются на дѣлѣ. И все же долгіе годы я велъ въ мысляхъ эту переписку, изливалъ свою душу своему единственному другу—женщинѣ, не получая отвѣта, и лишь тогда, когда у меня явилась привычка излагать печатно то, что я думаю, и когда возникли новые интересы въ моей жизни, прекратилось и это мысленное общеніе съ Мэри...

Однажды, по дорогѣ изъ Бриндизи въ Египетъ, я вышелъ изъ своей каюты. Только что начало свѣтать, душевная тревога не давала мнѣ покоя, и я не могъ заснуть. На палубѣ я увидалъ другого одинокаго пассажира, очевидно, тоже страдавшаго безсонницей. Онъ устремилъ пристальный взглядъ на видиѣвшійся вдали скалистый берегъ, окрашенный въ розовый свѣтъ утренней зари.

— Это Критъ,—сказалъ онъ мнѣ, какъ только увидалъ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ я.

— Да, сэръ... Это самый удивительный островъ на свѣтѣ, самый удивительный!—замѣтилъ онъ послѣ небольшой паузы и, словно раздумывая, прибавилъ:—Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ тутъ строились дворцы, до того прекрасные, что мы не можемъ построить такихъ теперь. И все здѣсь было превосходно устроено, точно въ современное время. Всѣ удобства... великолѣпныя ванны! И все было практично, точно у американцевъ. Тутъ были лучшіе художники, чѣмъ тѣ, которые служатъ королю Эдуарду... Право же! Если-бъ Миносъ увидѣлъ украшенія Виндзора, то, навѣрное, расхохотался бы надъ нашимъ искусствомъ. А какія вещи выдѣлывались здѣсь изъ золота. Теперь намъ не могутъ сдѣлать ничего подобнаго, сэръ, ни за какія деньги!... Тутъ была письменность еще до финикійцевъ. Теперь ни одинъ человѣкъ не умѣетъ прочесть этого. И вотъ... Это было пятьдесятъ вѣковъ назадъ, а теперь!.. Теперь жители тутъ разводятъ апельсины и лимоны... и бунтуютъ. Все, что было, исчезло!... Кажется, будто

люди борются и напрягаютъ всѣ усилія, чтобы достигнуть извѣстной высоты, и затѣмъ утомляются... Это Средиземное море—усталое море!...

Между нами завязался интересный разговоръ. Мой собесѣдникъ оказался американцемъ, годомъ моложе меня. Онъ ѣхалъ въ Египетъ, „чтобъ посмотрѣть",—сказалъ онъ мнѣ.

— Въ нашемъ отечествѣ мы склонны забывать обо всѣхъ этихъ странахъ, пришедшихъ въ упадокъ. Мы въ самомъ дѣлѣ увѣрены, что весь этотъ благословенный міръ вѣчно стремится къ успѣху, къ достиженію... Въ первый разъ, когда я былъ тамъ, въ Юкатанѣ, мнѣ пришло въ голову, что это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь міръ усѣянъ развалинами, остатками достиженій и разрушившимися начинаніями. Американизмъ?... Но американизмъ существовалъ всегда! Какъ разъ это Средиземное море является „музеемъ древнихъ америкъ"... Это нагоняетъ грустныя мысли...

Я слушалъ его странныя разсужденія и смотрѣлъ на берега Крита, удалявшіеся отъ насъ, а Гиддингъ, тотъ самый, который сдѣлался впослѣдствіи моимъ ближайшимъ другомъ и сотрудникомъ, продолжалъ:

— Мѣсяцъ тому назадъ, выѣзжая изъ нью-іоркской гавани, я смотрѣлъ на небоскребы, и внезапно у меня промелькнула мысль: „Вотъ они,—эти развалины ближайшаго будущаго!..."

Мы долго проговорили съ нимъ на эту тему, разсуждая о судьбахъ человѣчества и о причинахъ расцвѣта и упадка культуры.

— Мы слишкомъ хвастаемся своими небольшими современными достиженіями,—сказалъ онъ.

Мы разстались съ нимъ, онъ поѣхалъ въ Абидосъ, а я продолжалъ свое путешествіе по Красному морю и снова, въ Индійскомъ океанѣ, мною овладѣло невыносимое сознаніе своего одиночества. Я уѣхалъ изъ Европы, точно изъ родного дома, и все больше и больше удалялся въ странный обширный міръ, гдѣ я былъ только ничтожной песчинкой. А тамъ, далеко позади, оставалось существо, къ которому устремлялись мои мысли. Мнѣ казалось до такой степени жестокимъ, что я не могъ ничего написать Мэри!..

И часто, особенно во время вынужденной бездѣятельности, сопряженной съ путешествіемъ, я испытывалъ это мучительное томленіе, это непреодолимое желаніе нарушить окружающее меня безмолвіе. Только принуждая себя къ занятіямъ, внушая себѣ интересъ къ этому новому міру вещей, который ожидалъ меня впереди, я могъ до нѣкоторой степени побѣждать мое унылое настроеніе.

Въ Индіи я пробылъ довольно долго, заинтересованный этой замѣчательной страной, гдѣ встрѣчаются самые разительные контрасты и можно наблюдать развитіе человѣчества во всѣхъ стадіяхъ и во всемъ его великомъ многообразіи, гдѣ голые дикари проживаютъ рядомъ съ утонченно образованными культурными людьми и величайшія современныя предпріятія, — желѣзныя дороги, каналы, плантаціи,—существуютъ бокъ-о-бокъ съ обширными пространствами, на которыхъ люди ведутъ такой же примитивный образъ жизни и обрабатываютъ землю такимъ же примитивнымъ способомъ, какимъ они обрабатывали ее на разсвѣтѣ исторіи.

Такія мысли тѣснились у меня въ головѣ, когда я бродилъ по обширнымъ, залитымъ солнцемъ равнинамъ Индіи, гдѣ мужчины и женщины, обливаясь потомъ, работали на своихъ поляхъ и жили въ жалкихъ лачугахъ, кишащихъ паразитами, гдѣ тигры и пантеры подстерегали ихъ и охотились за ними, какъ кошки охотятся за мышами, а голодъ и эпидеміи, періодически посѣщающіе страну, уносили тысячи жертвъ. Такъ было и въ незапамятныя времена, до начала исторіи.

Въ Индіи я въ первый и единственный разъ въ своей жизни испыталъ нападеніе хищнаго звѣря, въ котораго я неудачно выстрѣлилъ. Я никогда не охотился раньше, поэтому меня усадили на толстую вѣтвь большого дерева, чтобы я могъ стрѣлять, опираясь на широкій стволъ. Чувствовать себя въ когтяхъ хищнаго звѣря, хотя бы только на одно мгновеніе,—ощущеніе не изъ пріятныхъ. Раненый леопардъ чуть не стащилъ меня съ дерева и сильно изодралъ мою ногу.

Мнѣ кажется, вѣтвь, на которой я сидѣлъ, поднималась не болѣе, какъ на двадцать футовъ надъ землей. Но для охоты на тигра это было достаточно безопасное убѣжище, а мы именно и ожидали появленія тигра. Однако нашъ развѣдчикъ ошибся, принявъ слѣды огромнаго леопарда за слѣды тигра. Звѣрь разодралъ козла и залегъ въ чащѣ, вблизи меня, откуда его и стали гнать. По всѣмъ предположеніямъ онъ долженъ былъ бѣжать къ оврагу, гдѣ засѣлъ капитанъ Кросби, мой хозяинъ, пригласившій меня на эту охоту въ качествѣ зрителя. Но звѣрь направился въ другую сторону и побѣжалъ къ залитымъ солнцемъ скаламъ, въ тридцати шагахъ отъ меня. Онъ крался, пригибаясь къ землѣ, и не произвелъ на меня особенно внушительнаго впечатлѣнія, поэтому я выстрѣлилъ ему въ лопатку совершенно спокойно, какъ если бы стрѣлялъ въ кролика. Я ожидалъ, конечно, что онъ подскочитъ или скатится со скалы, но онъ огромными прыжками тотчасъ же бросился ко мнѣ. Я былъ совершенно ошеломленъ внезапностью

нападенія и еще не вѣрилъ, что звѣрь можетъ схватить меня. Наблюдая его движенія, когда онъ взлѣзалъ на стволъ, я думалъ о томъ, какъ удивительно они похожи на движенія разсерженной кошки. Но онъ схватилъ мою ногу и повисъ на ней, стараясь стащить меня съ дерева. Помню, что я даже не испугался, какъ будто это была не моя нога. Я совершенно ничего не чувствовалъ, кромѣ сильнаго удивленія. Скользя, я старался удержаться за стволъ и даже перекинулъ руку черезъ вѣтвь, не выпуская разряженнаго ружья. Я крѣпко держалъ его, какъ держитъ обѣднѣвшій аристократъ свой дворянскій гербъ, столь же для него безполезный. Все это длилось не болѣе нѣсколькихъ секундъ, но для меня это была цѣлая вѣчность. Затѣмъ я почувствовалъ, какъ разорвался сапогъ и когти вонзились въ икру моей ноги. И всетаки я еще не ощущалъ боли и только былъ заинтересованъ, точно это не касалось меня. Тяжесть вдругъ исчезла. Что же случилось? Оторвалъ ли звѣрь мою ногу или сапогъ? Но звѣрь дѣйствительно сорвался и, падая, царапалъ когтями кожу дерева. Потомъ я услышалъ звукъ паденія его мягкаго, тяжелаго тѣла на землю.

Ко мнѣ вернулось сознаніе опасности и съ быстротою кошки я опять взлѣзъ на дерево и зарядилъ ружье. Заглянувъ внизъ, сквозь листву, я сталъ искать его глазами. Но его уже не было подъ деревомъ.

Въ эту минуту меня поразило другое явленіе: солнечный свѣтъ началъ мигать, какъ это бываетъ съ потухающими электрическими лампочками. Я широко раскрылъ глаза и тутъ увидалъ, что кровь ручьемъ струится изъ моей ноги по стволу дерева. Я увидалъ также висѣвшіе длинные клочья окровавленнаго мяса и тотчасъ же почувствовалъ дурноту. Я упалъ и, падая, повредилъ руку и щеку и вывихнулъ плечо.

Кто-то изъ загонщиковъ увидалъ, какъ я свалился, и увѣдомилъ Кросби, который подоспѣлъ во-время, чтобы спасти мнѣ жизнь.

VIII.

Новая жизнь.

Я вновь встрѣтился съ Рашелью въ Германіи, у моей кузины, княгини Лецлингенъ. Я уже кончилъ всѣ свои дѣла и собирался уѣзжать изъ Мюнхена, но болѣзнь удержала меня. Княгиня, услыхавъ объ этомъ, пріѣхала ко мнѣ въ отель, когда я уже началъ выздоравливать, и насильно увезла меня въ свою виллу, въ Боппардъ, на Рейнѣ.

У нея были свои виды на меня, и поэтому она не предупредила о томъ, съ кѣмъ я долженъ былъ встрѣтиться у нея. И дѣйствительно, моя встрѣча съ Рашелью какъ будто произошла нечаянно. Пожалуй, такъ было лучше, и вмѣстѣ съ возвращеніемъ здоровья вернулись и мои прежнія дружескія отношенія къ ней.

Я нашелъ въ ней перемѣну, и въ то же время это была прежняя Рашель. Она много читала, много думала, стала болѣе сдержанной и скрытной, но, потерявъ прозрачность дѣтства, пріобрѣла глубину чувствъ и пониманія. Она теперь горячо интересовалась политикой и тарифнымъ вопросомъ, который попрежнему волновалъ умы въ Англіи.

Какъ странно мнѣ было, послѣ моихъ блужданій по Азіи, слышать опять эти обѣденные разговоры о политикѣ, эти разсужденія о шансахъ Ллойдъ Джорджа и правительства либераловъ, о возможности соглашенія между различными группами! Рашель сообщила мнѣ о популярности короля Эдуарда, разрушившаго узкія офиціальныя рамки, которыя никогда не переступала его мать, королева Викторія, и сумѣвшаго привлечь къ себѣ даже сердце рабочаго депутата Крукса.

— Мнѣ кажется, таковъ и долженъ быть монархъ въ Англіи,— сказала Рашель.—Если онъ не можетъ управлять страной, то все же можетъ выказывать терпимость, дѣйствовать примиряющимъ образомъ и лишать политику ожесточенія.

Мнѣ понравилась эта новая для меня картина англійскаго престола, являющагося источникомъ примиренія враждующихъ политическихъ элементовъ!...

— Мой отецъ сказалъ бы то же самое,—замѣтилъ я, улыбаясь.

— Я уже слышала это отъ вашего отца,—отвѣчала она и послѣ минутной паузы прибавила:—Я захожу къ нему иногда, чтобы поговорить съ нимъ.

— Вы бывали у моего отца?

— Да. Мнѣ нравится бесѣдовать съ нимъ или, вѣрнѣе, слушать его. Я заходила къ нему послѣ обѣда... иногда раза три въ недѣлю.

— Какъ это хорошо съ вашей стороны!

— Ничуть. Видите ли... быть можетъ, это вамъ покажется слишкомъ смѣлымъ со стороны такой молодой дѣвушки, какъ я, но только у насъ такъ много общаго съ нимъ!...

Рашель все больше и больше заинтересовывала меня. Притомъ же я чувствовалъ,—какъ чувствуетъ каждый мужчина, если его присутствіе доставляетъ удовольствіе женщинѣ,—что Рашель испытывала влеченіе ко мнѣ. За послѣдніе два съ половиной

года я не встрѣчалъ никого, кто бы такъ былъ расположенъ ко мнѣ, какъ она. Но и помимо этого, она могла заинтересовать меня своимъ умомъ, яснымъ и быстрымъ и въ то же время ограниченнымъ чисто англійскими условіями воспитанія. Она видѣла только то, что представляется взорамъ зажиточнаго круга, и даже понятія не имѣла о той, гораздо болѣе обширной Англіи, которая трудится и прозябаетъ за предѣлами ея кругозора. Индія была для нея только страной, куда отправляются молодые люди, чтобы сдѣлать карьеру! Весь же остальной міръ востока былъ за предѣлами ея умственнаго горизонта.

Я рѣшилъ, что мнѣ надо постараться расширить ея горизонты, и тотчасъ же принялся за дѣло. Помню одну прогулку къ огромному національному памятнику, возвышающемуся надъ виноградниками Асмансгаузена и Рюдесгейма. Мы пошли гулять вмѣстѣ съ княгиней и однимъ молодымъ студентомъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Англіи, по фамиліи Бервикъ, и намѣревались позавтракать и выпить краснаго вина въ маленькой сельской гостиницѣ. По дорогѣ княгиня отстала, и ея спутникъ, Бервикъ, повидимому, весьма желавшій помѣняться мѣстами со мной, вынужденъ былъ поневолѣ остаться съ нею, между тѣмъ какъ я, ничего не подозрѣвая, продолжалъ итти впередъ къ массивному памятнику, изображающему Германію, восторжествовавшую надъ побѣжденными провинціями.

Мы говорили о войнѣ, о взрывахъ страсти и о разочарованіяхъ, которыя приводятъ къ войнамъ. Я замѣтилъ, что взгляды Рашели были сильно окрашены ходячими идеями о естественномъ соперничествѣ между Германіей и Англіей и необходимости реванша для Франціи. Разумѣется, я постарался, съ своей стороны, разрушить эти предвзятыя воззрѣнія, внушенныя Рашели окружающей средой.

— Два великихъ народа спорятъ изъ-за главенства въ мірѣ, не замѣчая, что міръ уходитъ отъ нихъ,—сказалъ я.—На востокѣ повсюду уже происходитъ броженіе и намѣчаются новыя начинанія. Въ сущности всѣ европейскія преимущества носятъ случайный характеръ, и значеніе Западной Европы уже начинаетъ умаляться. Мы же, англичане, ничего не видимъ дальше Берлина и нѣмцевъ, которые не могутъ придумать ничего лучше вотъ такихъ монументовъ съ цѣлью уязвить Францію. Европа такъ же идетъ къ своему паденію, какъ Индія въ восемнадцатомъ вѣкѣ, не замѣчая историческаго хода событій...

Я остановился и посмотрѣлъ внизъ на сверкающіе въ солнечныхъ лучахъ изгибы Рейна. Рашель первая прервала молчаніе.

— Представьте себѣ, что кто-нибудь выскажетъ эти мысли въ парламентѣ,—проговорила она.

— Въ парламентѣ не слушаютъ такихъ вещей,—возразилъ я.—Тамъ это вызываетъ возмущеніе.

— Ну что-жъ такое? Если бы вы, напримѣръ...

Она запнулась, не рѣшаясь, повидимому, высказать вполнѣ свою мысль, потомъ вдругъ спросила:

— Когда вы вернетесь въ Англію, мистеръ Страттонъ?

— Навѣрное не раньше, какъ черезъ полгода.

По движенію ея взгляда я понялъ, что княгиня и Бервикъ идутъ къ намъ.

— А тогда?—спросила она.

Я не хотѣлъ отвѣчать на этотъ вопросъ, въ которомъ такъ ясно звучала личная нотка.

— Я поѣду теперь въ Америку, чтобъ хорошенько познакомиться съ этой страной. А вѣдь она достаточно велика!...

Рашель какъ будто была въ нерѣшительности. Она еще разъ посмотрѣла вдаль, точно измѣряя глазами разстояніе, отдѣляющее насъ отъ княгини и ея спутника. Затѣмъ, повернувшись ко мнѣ, быстро проговорила, даже не стараясь скрыть значенія своего вопроса:

— А послѣ того вы вернетесь назадъ?...

Она густо покраснѣла, но все же смѣло встрѣтила мой взглядъ. Мы поняли другъ друга...

Мой отвѣтъ на этотъ вызовъ былъ вполнѣ честнымъ, хотя въ словахъ моихъ не было ни твердости, ни любезности.

— Я еще не могу ничего рѣшить,—сказалъ я.—Правда, я былъ близокъ къ рѣшенію, строилъ даже планы... что-то удерживаетъ меня...

Но у меня не было времени высказаться яснѣе и потому я только повторилъ:—Я не могу рѣшиться...

Она стояла неподвижно, устремивъ взоръ на синѣющіе вдали холмы Эльзаса. Потомъ, когда она обернулась и, улыбаясь, взглянула на подходившую княгиню, на лицѣ ея уже не оставалось и слѣда румянца. Оно было блѣдно.

— Эта торжествующая фигура раздражаетъ меня,—сказала она, указывая жестомъ на памятникъ побѣды.—Они не умѣютъ побѣждать... великодушно!

Вдругъ она снова покраснѣла и смутилась, какъ будто что-то вспомнивъ.

— Извините меня,—вскричала она, обращаясь къ княгинѣ.—Я совсѣмъ забыла!...

— О, пустяки!—успокоила ее княгиня.—Вѣдь я—нѣмка только по своему замужеству. И потомъ... увѣряю васъ, что я вполнѣ понимаю: тутъ нѣтъ великодушія... а съ другой стороны, если смотрѣть на вещи прямо,—вѣдь это только безтактность, какое-то дѣтское хвастовство побѣды!... Однако мнѣ очень хочется чаю. Мистеръ Страттонъ! Рашель!...

Княгиня не спускала глазъ съ Рашели, произнося эти слова, но дѣвушка снова повернулась къ далекимъ холмамъ и продолжала смотрѣть на нихъ, позабывъ о томъ, что ей слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлать видъ, будто она слушаетъ княгиню. Впрочемъ, услышавъ ея зовъ, она тотчасъ же подошла къ ней.

— Я хочу чаю!—сказала княгиня.

— Чаю?... Ахъ да!... Конечно!—воскликнула Рашель. —Надо итти пить чай.

Послѣ этого разговора я уже не могъ скрывать отъ себя положенія вещей. Было ясно, что я долженъ объясниться съ Рашелью. Но, прежде чѣмъ я пришелъ къ такому рѣшенію, княгиня сама заставила меня высказаться.

Вечеромъ, когда всѣ гости удалились по своимъ комнатамъ, она удержала меня въ своемъ уютномъ маленькомъ кабинетикѣ въ башнѣ, который она называла своимъ „рабочимъ кабинетомъ", такъ какъ всегда занималась тамъ чтеніемъ выдающихся произведеній британской литературы.

— Садитесь у огня,—сказала она мнѣ,—вотъ въ это кресло, и разскажите мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Пожалуйста, не притворяйтесь, что вы не понимаете, о чемъ я говорю!... Что происходитъ между вами и отчего вы не идете прямой дорогой, повинуясь своей судьбѣ, какъ это сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ каждый порядочный человѣкъ?

— Потому что это, очевидно, не моя судьба,—отвѣчалъ я.

— Глупости!—возразила княгиня.

— Вамъ должно быть хорошо извѣстно, отчего я вынужденъ былъ уѣхать изъ Англіи?

— Это всѣмъ извѣстно... за исключеніемъ, конечно, очень молоденькихъ дѣвушекъ, которыхъ заботливо старались оградить отъ такихъ разсказовъ.

— А она знаетъ объ этомъ?

— Во всякомъ случаѣ, она не показываетъ вида, что ей это извѣстно.

— Хорошо. Это все, что я хотѣлъ знать.

— Но... вы думаете, что ей надо сообщить объ этомъ?

— Да... я нахожу это необходимымъ.

— Если такъ, то...

— Вы ей разскажете объ этомъ?

— Нѣтъ, лучше разскажите вы сами, если ужъ это нужно! Тамъ, въ Сюрреѣ, она должна была кое-что видѣть и слышать. Однако, право, мнѣ кажется лишнимъ посвящать ее въ эту древнюю исторію!

Я не отвѣчалъ на это и нѣсколько времени сидѣлъ молча, смотря на огонь и чувствуя на себѣ проницательный взоръ моей кузины. Наконецъ, я проговорилъ:

— Не думаю, чтобъ это была „древняя исторія". Мнѣ кажется... если бъ я снова встрѣтилъ Мэри...

— То-есть вы хотите сказать: лэди Мэри Джустинъ? — поправила она.

— Само собой разумѣется.

— Было бы хорошо, если бъ вы не забывали называть ее ея настоящимъ именемъ... Для васъ это было бы лучше! Вы думаете, что если бъ вы съ нею встрѣтились опять, то между вами началось бы прежнее? Но видите ли, вы съ нею не встрѣтитесь больше. Всѣ будутъ стараться о томъ, чтобы этого не случилось.

— Я хотѣлъ только сказать, что я... Впрочемъ, это все равно!

— Да... лучше не говорите этого! Притомъ же это—вздорно. Я увѣрена, что вы по цѣлымъ недѣлямъ даже не вспоминали о ней!

— До нѣкоторой степени это было такъ... пока я не пріѣхалъ сюда. Но вы, моя милая кузина, пробудили у меня воспоминанія, и снова всплыли на поверхность старыя привычки, старыя чувства и все прежнее. Мэри вписала свое имя въ каждую страницу моей жизни... и вездѣ, гдѣ бы я ни былъ — я не могу пояснить вамъ это—я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о ней!

Не обращая вниманія на то, что кузина не раздѣляла моихъ взглядовъ, я продолжалъ, задумчиво глядя на огонь:

— Въ этомъ было что-то волшебное, вся моя юность, всѣ мои надежды, вся моя будущая жизнь!.. И это было окружено такимъ сіяніемъ... къ чему притворяться?... Я не могу дать ничего подобнаго Рашели... У меня уже ничего не осталось для нея!...

— Какъ будто люди никогда не выздоравливаютъ!—возразила княгиня.

Напрасно прождавъ моего отвѣта и очевидно раздраженная моимъ молчаніемъ, она вдругъ сказала со свойственной ей язвительной ироніей:

— Неужели вы воображаете, что лэди Мэри Джустинъ еще думаетъ о васъ... какъ вы о ней? Вы полагаете, что она еще не покончила съ этимъ?...

Я бросилъ на нее быстрый взглядъ.

— Скоро у нея долженъ родиться второй ребенокъ!—выпалила княгиня въ упоръ.

Дѣйствительно, эта вѣсть ошеломила меня, и, должно быть, княгиня замѣтила это по моему лицу.

— Я не зналъ, что у Мэри есть ребенокъ,—проговорилъ я с усиліемъ.

— Будетъ скоро два,—подчеркнула княгиня,—и всего на раз стояніи полутора лѣтъ! Во всякомъ случаѣ это довольно убѣ дительно... Впрочемъ, я думаю, что это вполнѣ естественно.. обычное женское безстыдство!... Но я не осуждаю ея. Если жен щина рѣшаетъ покончить, то должна сдѣлать это какъ слѣдуетъ Мнѣ кажется, Стефенъ, что для васъ не существуетъ больших надеждъ, не такъ ли?... Между тѣмъ, возлѣ васъ стоитъ Рашель.. Отчего вы не хотите, разъ навсегда, покончить съ этимъ и поступить такъ, какъ вамъ надлежитъ?

— Не знаю,—сказалъ я.—Мнѣ кажется, я не переставалъ думать о Мэри... всегда... съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ ее!...

Говоря это, я дѣйствительно былъ полонъ воспоминаніемъ о Мэри, ея образъ носился передъ моими глазами... Я такъ увлекся мыслями о ней, что удивился, услышавъ опять голосъ княгини

— Вы гоняетесь за призраками...—говорила она.—Между тѣмъ передъ вами есть дѣло, и вамъ надо приниматься за него. Притомъ же у васъ въ жилахъ течетъ горячая кровь... Видите ли Стефенъ, я вовсе не принадлежу къ числу невѣжественных женщинъ! Вамъ надо жениться!...

Она замолчала, и я, чувствуя, что мнѣ надо все же отвѣтить что-нибудь, тихо сказалъ:

— Рашель слишкомъ хороша, чтобы быть женой только ради этого...

— Женщина не можетъ быть слишкомъ хороша для мужчины,—заявила княгиня увѣреннымъ тономъ. — Вѣдь она создана для него!...

На этомъ разговоръ оборвался.

Мое пребываніе у княгини уже подходило къ концу, а я все еще не могъ рѣшиться на объясненіе съ Рашелью. Наконецъ, случай къ этому представился, когда мы поѣхали въ Вормсъ, чтобы посѣтить тамошній соборъ. Кончивъ осмотръ этой красивѣйшей церкви, мы пошли въ садъ. Княгиня намѣренно оставила насъ тамъ и, захвативъ съ собой Бервика, отправилась въ городъ покупать игрушки для дѣтей своего домоправителя.

Я началъ говорить Рашели о себѣ и о томъ, какъ мои часто-

любивыя мечты постепенно приняли другой характеръ, и о томъ, что я уже не стремлюсь больше играть роль въ имперской политикѣ.

— Вы знаете, почему я уѣхалъ изъ Англіи?—внезапно спросилъ я, безъ всякаго перехода.

Она подумала съ минуту, потомъ отвѣчала:

— Нѣтъ.

— Я любилъ лэди Мэри Джустинъ и она... отвѣчала мнѣ тѣмъ же... Но мы не могли уѣхать вмѣстѣ,—сказалъ я.

— Отчего?

— Это было невозможно!

Мы замолчали.

— Что-то доходило до меня... Какіе-то неопредѣленные слухи...—прошептала Рашель.

— Мы были друзьями дѣтства...—сказалъ я съ усиліемъ.— Мы выросли вмѣстѣ. Было что то, что насъ влекло другъ къ другу!... Она... она ошиблась, выйдя замужъ! Мы оба были очень молоды, а положеніе было трудное. И вотъ, потомъ... мы увлеклись!... И, какъ видите, это совершенно измѣнило мою жизнь, выбило меня изъ колеи. Я покинулъ тотъ путь, ту карьеру, которую обычно выбираютъ люди моего круга... Пришлось поискать другихъ интересовъ, и теперь эти интересы получили для меня гораздо большее значеніе...

— Вы имѣете въ виду свое стремленіе пріобрѣсти какъ можно больше познаній о мірѣ?

— Да,—отвѣчалъ я.

— И вы полагаете... что это наполнитъ вашу жизнь?

— Должно наполнить ее.

— Я бы удивилась, если бъ это было такъ.

— Но почему же?

— Потому что... потому что отъ этого вѣетъ такимъ холодомъ!

Мы услыхали звонокъ привратника и поспѣшили къ выходу. Договориться окончательно намъ не удалось. Мы оба были нерѣшительны, взволнованы, прибѣгали къ высокопарнымъ выраженіямъ, которыхъ сами стыдились потомъ.

— Развѣ можетъ быть жизнь прекраснѣе той, которая служитъ высокимъ человѣческимъ цѣлямъ?—воскликнулъ я.

Рашель сдвинула брови, точно прислушиваясь къ стуку отворяемой калитки.

— Но,—прошептала она, какъ будто принявъ какое-то рѣшеніе,—каждый вѣдь хочетъ быть любимымъ!... Несомнѣнно, каждый нуждается въ любви!...

— Вы видите, что для меня... это кончено!

— Почему это должно быть кончено?

— Такова судьба. Начинать сначала невозможно... по крайней мѣрѣ, для меня... Вы—другое дѣло! Вы еще не начинали. Только когда вы полюбите... и полюбите настоящимъ образомъ (я съ жаромъ произнесъ послѣднія слова), — вамъ станетъ это ясно!... А у меня это была настоящая любовь...

На лужайкѣ, обсаженной цвѣтущими кустами, показался увѣшанный свертками Бервикъ.

Я видѣлъ, что долженъ спѣшить, если хочу высказаться.

— Есть такой родъ любви, который не возобновляется,—сказалъ я.—Не обманывайте себя на этотъ счетъ! Какое-нибудь другое чувство можетъ возникнуть на ея мѣстѣ. Но это будетъ не то. Юность чувства, свѣжесть его вернуться не могутъ. Никогда!... Посмотрите на этого юношу,—прибавилъ я,—указывая на Бервика.—Вотъ онъ можетъ полюбить васъ такъ! Я наблюдалъ за нимъ. И онъ любитъ васъ, вы это знаете?...

— Да,—торопливо отвѣтила она.—Я знаю. Но я то... не люблю его.

— Не любите?

— Не могу...

Княгиня и Бервикъ были уже недалеко.

— Какихъ мы накупили прелестныхъ вещей! — кричала она, зовя насъ.—Цѣлую массу! Взгляните на Бервика, какъ онъ нагруженъ!

Онъ улыбался, но въ глазахъ его было пытливое, безпокойное выраженіе.

— Десять пакетовъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Рашели и точно ища у нея сочувствія.—Я приложилъ всѣ силы, чтобы не растерять ихъ и... не жаловаться!

Однако онъ очень ловко уронилъ два свертка на землю только для того, чтобы Рашель поспѣшила къ нему на помощь. Его расчетъ оказался вѣрнымъ, и Рашель взяла у него оба пакета.

Они пошли рядомъ, и на этотъ разъ княгиня избрала меня своимъ спутникомъ.

Мы молча шли по широкой, красивой улицѣ, обсаженной деревьями, по направленію къ желѣзнодорожной станціи.

— Бракъ между такимъ мальчикомъ, какъ онъ, и такой дѣвочкой, какъ она, невозможенъ, — сказала княгиня, прерывая молчаніе.

Я ничего не отвѣтилъ.

— Ну, а какъ по-вашему?—спросила она настойчиво.

— Дорогая кузина,—отвѣчалъ я.—Я отлично угадываю ваши намѣренія! Ничуть не скрываю: она мнѣ нравится, она влечетъ меня! Но вы не можете заставить меня ревновать. Она — такое чистое, очаровательное существо... лучше всякаго цвѣтка! И все же я думаю, что мнѣ надо сегодня же ночью уѣхать отсюда!

— Неужели вы хотите по-рыцарски очистить мѣсто для этого юноши? При васъ вѣдь у него нѣтъ никакихъ шансовъ... никакихъ!

— Нѣтъ. Я просто хочу дать возможность Рашели хорошенько уяснить себѣ... понять. Вы прекрасно знаете, о чемъ я думаю.

— О томъ, что вамъ слѣдовало бы забыть.

— Я уѣду,—отвѣчалъ я рѣшительно и съ раздраженіемъ прибавилъ:—Неужели вы думаете, что я могъ бы воспользоваться Рашелью, какъ чѣмъ то вродѣ перевязки для моихъ старыхъ ранъ?

Мы подошли къ станціи, тоже представлявшей своего рода образецъ тевтонскаго искусства.

— Какія тамъ раны? Вотъ еще!—продолжала княгиня, идя со мной по платформѣ. — И даже если бы такъ, — она ничего лучшаго и не желала бы, какъ служить перевязкой для вашихъ ранъ... Не понимаю мужчинъ,—прибавила княгиня, немного погодя.—Вѣдь вы увлекались ею. Она окончательно влюблена въ васъ, готова бѣжать за вами на край свѣта! А вы... Нѣтъ, я постараюсь доставить вамъ случай объясниться съ нею...

— Я не воспользуюсь имъ,—сказалъ я рѣшительно.—Это нехорошо; говорю вамъ, что не сдѣлаю этого! Я даже уѣду двумя днями раньше, чѣмъ предполагалъ...

Мы сѣли въ поѣздъ. Я завелъ съ Бервикомъ какой-то пустой разговоръ, Рашель молчала, а княгиня тоже, видимо, не желала разговаривать со мной...

Однако, какъ только я пересталъ видѣть передъ собой вопросительный взглядъ Рашели, мнѣ снова захотѣлось вернуться къ ней. Все время пути изъ Гамбурга въ Америку на великолѣпномъ нѣмецкомъ пароходѣ я попеременно думалъ о ней и о Мэри...

Меня чрезвычайно поразило и огорчило извѣстіе, что у Мэри родился ребенокъ. Какъ это ни странно, но такая мысль мнѣ не приходила въ голову! Я никогда не представлялъ себѣ Мэри, имѣющей ребенка отъ Джустина. Вѣдь она уже была моей, до такой степени моей!...

О, какіе мы еще варвары и звѣри! Эти свойства глубоко заложены въ каждомъ изъ насъ... Я отказался отъ Мэри и думалъ, что уже совершенно освободился отъ нея. И что же? Естественныя и необходимыя послѣдствія того, что мы оба покорились своей участи, вдругъ всколыхнули всѣ мои прежнія чувства, какъ только я узналъ объ этомъ. Я снова очутился у стѣны...

Я всегда хотѣлъ, чтобы Мэри принадлежала мнѣ, была моей собственностью, а она всегда противилась этому. Она любила меня, но хотѣла принадлежать только себѣ. Въ этомъ и заключается вся исторія нашихъ отношеній. Инстинктивное подчиненіе женщины боролось въ ея душѣ со страстнымъ желаніемъ сохранить между нами равенство товарищескихъ отношеній. Она отказалась быть моей совсѣмъ, принадлежать мнѣ... Она ушла отъ меня, разсталась со мной... Все это я могъ перенести. Я страдалъ, но это страданіе носило совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ теперь, когда фактъ ея материнства представилъ мнѣ ее въ иномъ, наиболѣе матеріальномъ, грубомъ свѣтѣ, какъ женщину—существо другого пола. Я испытывалъ приступы бурной страсти при мысли, что она подчинилась... Да, эта слѣпая ревность сидитъ въ каждомъ изъ насъ, рѣшительно въ каждомъ! Врядъ ли найдется хоть одинъ взрослый мужчина въ Лондонѣ среди самыхъ порядочныхъ и благопристойныхъ людей, который не испытывалъ бы порой страстнаго желанія въ ярости топать ногами и убивать!...

На этотъ разъ, пожалуй, княгиня ошиблась въ расчетѣ. Мнѣ кажется, что я былъ бы помолвленъ съ Рашелью до своего отъѣзда въ Америку, если бъ не это внезапное извѣстіе, сообщенное мнѣ княгиней.

Я думалъ о Рашели и даже готовъ былъ жениться на ней. Мнѣ хотѣлось, такъ сказать, бросить эту женитьбу въ лицо Мэри. Но я все же понималъ всю низость и пошлость такого поступка и въ концѣ-концовъ отказался отъ этого намѣренія. Я уѣхалъ въ Америку, не сказавъ ничего Рашели...

Какъ странно! Я думалъ вѣдь, что острое страданіе миновало, что все уже прошло! Но я ошибся... Мысли о Мэри не покидали меня съ той минуты, какъ я услышалъ отъ княгини о ея материнствѣ. Мнѣ стоило неимовѣрныхъ усилій вернуть свое душевное спокойствіе...

Помню, какъ я ходилъ по палубѣ въ теплую лунную ночь, наблюдая широкія темныя волны, которыя разбѣгались во всѣ стороны и, словно гоняясь другъ за другомъ, сверкали своими

пѣнистыми гребнями, загорявшимися фосфорическимъ свѣтомъ. Я смотрѣлъ и думалъ все ту же неотвязную думу...

Гдѣ найти спасеніе, выходъ? Я облокотился на бортъ корабля и задумчиво смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами. Каждое живое существо бьется въ какихъ-нибудь тискахъ, стараясь вырваться изъ нихъ на волю, и только смерть освобождаетъ насъ...

„Я тоже бьюсь въ тискахъ, тоже изнемогаю!“ думалъ я, и вдругъ уста мои зашептали молитву.

Ритмическій стукъ машины словно вторилъ біенію моего сердца, а снизу, изъ помѣщенія эмигрантовъ, доносились звуки гитары, и мужской голосъ пѣлъ грустную пѣсню на какомъ-то странномъ славянскомъ языкѣ...

Голосъ невидимаго пѣвца, непонятныя слова пѣсни, величавое спокойствіе неба и мѣрный рокотъ свѣтящихся волнъ,—все это какъ будто вполнѣ гармонировало съ моимъ душевнымъ состояніемъ, съ тѣмъ, что было мнѣ непонятно въ себѣ самомъ. И въ то же время она такъ понятна была мнѣ, эта ночь, полная мира!...

Первое мое впечатлѣніе отъ Нью-Іорка было ошеломляющее. Гигантскій городъ вставалъ изъ воды, разверзываясь вширь и ввысь, со всѣми своими колоссальными зданіями и, словно идя на приступъ, быстро подвигался къ намъ...

Пожалуй, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такой полноты жизни, какъ здѣсь. Даже самый заурядный прохожій на улицѣ кажется больше, физически больше, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, и въ глазахъ каждаго свѣтится надежда и смѣлый вызовъ жизни. Нью-Іоркъ можетъ казаться грубымъ, крикливымъ и хвастливымъ городомъ, но все же освѣжающій вѣтерокъ дуетъ здѣсь съ моря и чувствуется объединяющій духъ братства на его улицахъ...

Я пріѣхалъ въ Америку, движимый любопытствомъ и колеблясь между надеждой и скептицизмомъ. Европейскій міръ преисполненъ критицизма по отношенію къ Америкѣ. Враждебность и склонность обезцѣнивать преобладаютъ во всѣхъ сужденіяхъ объ этой странѣ. А между тѣмъ, несмотря на свою грубость, буйность и изумительную накипь какого-то совершенно нелѣпаго безумія, Соединенные Штаты все же остаются величайшей страной міра и надеждой человѣчества. Они воплощаютъ въ себѣ разрывъ со старыми традиціями и чрезвычайно смѣлое и бодрое начинаніе, когда-либо имѣвшее мѣсто въ человѣческой жизни.

Соединенные Штаты—это противоположность Индіи. Здѣсь не было ни крестьянъ, ни традиціонной культуры, ни установленныхъ различій (за исключеніемъ лишь цвѣтной расы) и никогда въ этой удивительной странѣ не было ни голода, ни эпидемій,

ни храмовъ, ни священства, властвующаго надъ народной жизнью! Старый храмъ св. Троицы, втиснутый среди небоскрёбовъ, представляетъ лишь символъ,—не больше! Здѣсь не существовало короны и вынужденной лойяльности, не видно было арміи и не было традицій вражды, такъ какъ даже старая непріязнь къ Англіи давно уже погасла. Нигдѣ въ Старомъ Свѣтѣ я не встрѣчалъ ни такого духа предпріимчивости, ни такой свѣжести силъ. Новый свѣтъ находится въ постоянномъ движеніи, и каждый, вступающій на почву Америки, чувствуетъ это, увлекается этимъ движеніемъ и американизируется уже черезъ полгода.

Въ этомъ городѣ кипучей энергіи и дѣятельности я снова встрѣтилъ Гиддинга, съ которымъ разстался въ Египтѣ, гдѣ онъ остался съ намѣреніемъ изслѣдовать доисторическіе памятники и храмы первой и второй династіи въ Абидосѣ. Я увидѣлся съ нимъ на одномъ большомъ обѣдѣ, куда я попалъ въ числѣ другихъ приглашенныхъ. Такія общественныя собранія устраиваются обыкновенно ради какихъ-нибудь интересныхъ посѣтителей. Центромъ всеобщаго вниманія на этотъ разъ былъ одинъ извѣстный французскій художникъ-портретистъ. Я сразу увидѣлъ Гиддинга, и онъ самъ подошелъ ко мнѣ, когда дамы вышли изъ-за стола и въ столовой остались одни мужчины допивать вино и разговаривать. Въ Америкѣ это одинъ изъ рѣдкихъ удобныхъ случаевъ для непринужденной мужской бесѣды.

— Не знаю, помните ли вы меня, но, можетъ быть, вы помните Критъ... при восходѣ солнца?—сказалъ мнѣ Гиддингъ.

— И наши безконечные разговоры! — воскликнулъ я весело, пожимая ему руку.—Да, безконечные... потому что вѣдь мы ихъ не кончили тогда! Хорошо вы провели время въ Египтѣ?

— Ну, я не намѣренъ разговаривать съ вами объ Египтѣ,— возразилъ Гиддингъ. — Я покончилъ съ развалинами. Теперь я хочу спросить васъ... Вы знаете, о чемъ я хочу васъ спросить?

— Что я думаю объ Америкѣ? Это неизбѣжный и вполнѣ понятный вопросъ. Но я думаю о ней очень много! Америка—это первая ступень.

— Мы всѣ хотимъ вѣрить въ это и слышать это... Но Америка такъ громадна, — прибавилъ онъ въ раздумьѣ. — Порою мы забываемъ даже, чѣмъ она должна быть, и намъ надо напоминать объ этомъ. Вотъ почему мы и спрашиваемъ каждаго, что онъ думаетъ объ Америкѣ.

Гиддингъ разспрашивалъ меня объ всемъ, что я дѣлалъ и что намѣренъ былъ дѣлать. Онъ сказалъ мнѣ, что нашъ разговоръ навсегда сохранился у него въ памяти и онъ радъ, что встрѣ-

тилъ меня. Вскорѣ я къ удивленію своему замѣтилъ, что разговариваю съ нимъ такъ непринужденно, какъ рѣдко говорилъ съ кѣмъ-нибудь. Онъ съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ заставлялъ меня высказываться, и я чувствовалъ, что идеи, смутно бродившія у меня въ мозгу, начинаютъ кристаллизоваться и принимать опредѣленную форму... Когда хозяинъ предложилъ встать и присоединиться къ дамамъ въ гостиной, то мы тотчасъ же прекратили нашу бесѣду, условившись встрѣтиться и продолжать ее въ самомъ скоромъ времени.

Дня черезъ два послѣ этой встрѣчи мы провели вмѣстѣ цѣлый день. Живо помню, какъ мы сидѣли на скамьѣ, на зеленой лужайкѣ въ Ирвингтонѣ и, любуясь серебристой лентой Гудзона, повѣряли другъ другу свои мысли. Онъ, облокотившись обѣими руками на маленькій столикъ, говорилъ о своемъ страстномъ желаніи „сдѣлать что-нибудь изъ своей жизни". Слушая его, я все больше и больше проникался сознаніемъ, что, несмотря на всю разницу нашего, англійскаго и американскаго, воспитанія между нами есть духовное сродство. Тутъ же я впервые узналъ о томъ, до какой степени онъ былъ богатъ.

— У меня было съ самаго начала все, чего многіе люди добиваются всю свою жизнь,—говорилъ онъ.—Но это ни къ чему не привело. Я все еще брожу и размышляю, что мнѣ дѣлать съ этой жизнью, дарованной мнѣ Господомъ Богомъ!...

Конечно, вначалѣ онъ прожигалъ свою жизнь, испилъ, какъ это обычно говорится, чашу наслажденій и страданій до дна и совсѣмъ иными путями, нежели я, пришелъ къ такому же страстному желанію избавиться отъ воспоминаній, отъ чрезмѣрно обостренныхъ индивидуальныхъ чувствъ, растворить въ душѣ горькій осадокъ вражды и ненависти, заслоняющій общечеловѣческіе интересы и мѣшающій видѣть ту широкую дѣйствительность, которая лежитъ позади нашего собственнаго преувеличенно развившагося „я".

— Мнѣ нужна гомеопатія навыворотъ,—говорилъ Гиддингъ:— нужно нѣчто большое, чтобъ излѣчить то малое, отъ котораго я страдаю...

За этимъ свиданіемъ послѣдовали другія. Мы вмѣстѣ съѣздили въ Денверъ и Чикаго, гдѣ мнѣ хотѣлось познакомиться съ американизаціей иммигрантовъ. Мы оба мечтали о міровомъ государствѣ, объединяющемъ всѣ государства міра, о высшемъ соціальномъ порядкѣ, о міровой цивилизаціи, свободной отъ тираніи, зависти и вражды. Всеобщій миръ и соціальная справедливость отождествлялась въ нашихъ понятіяхъ съ идеей такого

объединенія всѣхъ государствъ міра, въ основу котораго легли бы взаимное пониманіе и симпатія.

Разумѣется, это былъ далекій идеалъ будущаго, и мы могли только подготовлять къ нему пути. Мы оба чувствовали себя въ душѣ гражданами не какого-нибудь отдѣльнаго государства, Англіи или Соединенныхъ Штатовъ, а членами той великой міровой республики цивилизованныхъ людей, которая носилась передъ нами въ мечтахъ, но все же казалась намъ въ предѣлахъ достиженія. Мы вѣрили, что только невѣжественное чванство, тщеславіе и подозрительность являются главными источниками нелѣпыхъ разногласій и зависти, низкаго патріотизма, предубѣжденій и національной ненависти, культивирующихъ чудовищную приверженность европейцевъ къ оружію. И мы были твердо убѣждены, что лучъ свѣта можетъ разсѣять мракъ всѣхъ этихъ конфликтовъ и зла. Наука вѣдь не знаетъ никакихъ, ни классовыхъ, ни расовыхъ ограниченій, она общечеловѣчна, такъ же какъ и искусство, философія и литература, стремящаяся разрушить предубѣжденія и вражду! Все это можетъ сокрушить, наконецъ, тѣ перегородки, которыя искусственно воздвигаются между людьми...

— Послушайте, Страттонъ, попробуемъ-ка сдѣлать что-нибудь!—сказалъ мнѣ Гиддингъ послѣ одного такого разговора.

Для него, какъ для американца, было такъ естественно перейти отъ мечтаній къ дѣлу. Его американизмъ, его врожденное предрасположеніе къ нововведеніямъ и къ широкой свободѣ, привычки и размахъ въ расходованіи своихъ капиталовъ побуждали его къ практической дѣятельности. И онъ предложилъ мнѣ организовать издательство для свободной и широчайшей пропаганды знанія, науки и великихъ философскихъ и политическихъ идей по всему міру. Мы должны были поставить себѣ цѣлью разрушеніе предвзятыхъ идей, владѣющихъ человѣческимъ умомъ, и создать нѣчто вродѣ лавины, которая, все разрастаясь по мѣрѣ своего движенія, смела бы старую политику, старыя формы жизни, старые предразсудки. Это былъ открытый заговоръ противъ всѣхъ властителей міра, всѣхъ предубѣжденій и всѣхъ темныхъ силъ, раздѣляющихъ человѣчество...

Благодаря такой возможности дать выходъ моимъ идеямъ, оформить ихъ, я увидѣлъ просвѣтъ передъ собой и выбрался изъ той глубокой ямы, въ которой находился. Вполнѣ естественно, что мысль о Рашели, о ея преданности и готовности помогать мнѣ тотчасъ же завладѣла мной. Я могъ теперь обратиться къ ней не за однимъ только утѣшеніемъ, а предложить

ей быть моимъ товарищемъ въ работѣ. Но не это одно было побудительной причиной моего обращенія къ ней!...

Я долженъ сознаться, что долго еще въ моей душѣ сохранялась горечь по отношенію къ Мэри. Желаніе обладать ею, проникнуть въ ея жизнь и господствовать въ ней еще не покинуло меня. Тамъ, гдѣ-то глубоко, подъ спудомъ, въ моей душѣ все еще тлѣлъ огонь негодованія противъ нея за ея отказъ выйти за меня замужъ вначалѣ и за ея отказъ уйти со мной впослѣдствіи. Я не могъ простить ей этого, и въ моей душѣ постоянно ощущалось раздвоеніе. Лучшая часть моего „я" была поглощена работой, которая давала мнѣ надежду окончательно освободиться отъ тисковъ мелкаго ревниваго чувства, живущаго въ моей душѣ, но въ то же время это чувство заставляло меня радоваться, что широкая дѣятельность, открывающаяся передо мной, и бракъ, на который я уже рѣшился, должны будутъ окончательно доказать Мэри, что я вполнѣ избавился отъ любви къ ней. Я все еще подозрѣвалъ у нея тайное стремленіе господствовать въ моемъ сердцѣ и хотѣлъ показать ей, что она ошибается. Конечно, это далеко не такія чувства, которыми я бы могъ гордиться, но мы всѣ почти склонны къ нимъ. Въ то же время меня постоянно преслѣдовала мысль о Мэри, и мое воображеніе рисовало мнѣ картину ея примиренія съ Джустиномъ: она рожаетъ ему дѣтей и забыла или старается забыть обо всемъ, что было, изгоняя изъ своей жизни красоту и очарованіе любви, нѣкогда владѣвшей нашими сердцами!...

Вѣроятно, эти сложныя чувства, обуревавшія мою душу, мѣшали мнѣ просто и свободно полюбить Рашель. Я совсѣмъ не могъ писать ей любовныхъ писемъ, хотя и рѣшилъ жениться на ней. Я не могъ, даже подъ страхомъ потерять ее,—а этого я ни за что не хотѣлъ!—сказать ей хотя бы одно слово любви. Я не желалъ обманывать ее, и потому мое письмо, въ которомъ я дѣлалъ ей предложеніе, носило почти дѣловой характеръ. Впрочемъ, я скоро загладилъ свою холодность, и тысячи ласковыхъ словъ сами собой явились у меня, какъ только я увидѣлъ ее. Но за мое письмо она заплатила мнѣ тою же монетой и прислала мнѣ краткую каблеграмму съ однимъ только словомъ: „Да".

Съ какимъ нетерпѣніемъ я стремился домой! Три года я не видѣлъ Англіи, не смѣлъ о ней думать... Мое сердце усиленно билось, когда я подъѣзжалъ къ ея берегамъ, окутаннымъ густымъ туманомъ. Я не останавливался въ Лондонѣ и прямо пріѣхалъ въ Скорреи и въ рабочемъ кабинетѣ своего отца увидалъ Рашель, предупрежденную телеграммой о моемъ возвра-

щеніи. Она ждала меня, и въ глазахъ ея я прочелъ спокойное рѣшеніе раздѣлить со мной всѣ трудности моего жизненнаго пути...

Мнѣ было пріятно видѣть, что всѣ были рады такому исходу: семья Рашели и мой отецъ. 8-го ноября 1906 года мы обвѣнчались въ маленькой сельской церкви и, проведя недѣлю въ Гэмпшайрѣ, уѣхали въ Портофино, на Лигурійскомъ берегу.

Туда вскорѣ пріѣхалъ и Гиддингъ, и мы принялись вмѣстѣ разрабатывать планъ работы, намѣченный нами въ общихъ чертахъ въ Америкѣ...

IX.

Письма Мэри.

Ранней весной 1909 года я получилъ письмо отъ Мэри.

Моя жизнь уже вступила тогда въ то русло, въ которомъ находится и теперь. Періодъ подготовительныхъ работъ и плановъ кончился, и мы организовали дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ и въ настоящее время. Мы учредили колоссальное издательство и громадныя типографіи: одну въ Барселонѣ, другую въ Манчестерѣ, третью же мы хотѣли открыть въ Америкѣ. Наша издательская компанія, дѣйствовавшая подъ именемъ Англійской компаніи, быстро наполнила міръ своими книгами.

У насъ уже были отдѣленія въ Китаѣ, Японіи, Перу, Исландіи и во множествѣ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ земного шара, которые для англійскихъ и американскихъ издателей прошлаго вѣка казались столь же недоступными, какъ луна. Особенно быстро выросталъ китайскій рынокъ. Вообще мы могли надѣяться, что, прежде чѣмъ мы сойдемъ съ жизненной сцены, на землѣ не останется уже ни одного уголка, куда бы не попала наша книга. Мы хотѣли снабдить современную мысль руководителями и создавали періодическія изданія, журналы и газеты. Предпріятіе все разрасталось, и въ 1909 году, какъ разъ тогда, когда я получилъ первую вѣсть отъ Мэри, я весь ушелъ въ свою работу. Я не только былъ занятъ осуществленіемъ той схемы, которую мы разработали вдвоемъ съ Гиддингомъ, но, кромѣ того, собиралъ матеріалъ для книги, которую задумалъ написать. Меня давно интересовали проблемы групповой и массовой психологіи и роль групповой ревности въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, расовыхъ конфликтахъ и войнѣ. Повторяю: я былъ поглощенъ работой и

не думалъ о Мэри, когда пришла отъ нея вѣсть! Мы съ Рашелью устроили свой домъ въ Лондонѣ, въ которомъ живемъ и теперь. У меня уже было двое дѣтей: ты, мой сынъ, для котораго я пишу эту книгу, и твоя маленькая сестрёнка, которая тогда только что появилась на свѣтъ. .

И вотъ, однажды, когда я сошелъ въ столовую къ утреннему завтраку и принялся разбирать кипу писемъ, лежащихъ на столѣ, я увидѣлъ полузабытый, но все же безконечно близкій мнѣ почеркъ лэди Мэри Джустинъ!...

Сложныя и странныя ощущенія вызвалъ во мнѣ видъ этого знакомаго почерка. Я былъ пораженъ, смущенъ и немного испуганъ. Я еще не простилъ ей, и мнѣ достаточно было взять этотъ конвертъ въ руки, чтобы почувствовать, что я ничего не забылъ!...

Письмо это было гораздо длиннѣе тѣхъ, которыя я получалъ отъ нея въ былыя времена. Почеркъ былъ такой же неровный, тонкій, пожалуй, немного мельче, чѣмъ прежде. Я началъ читать, и мало-по-малу жгучій гнѣвъ, такъ долго таившійся въ моей душѣ, испарялся, и образъ Мэри снова предсталъ предо мной во всей своей незапятнанной чистотѣ.

„Мой дорогой Стефенъ!—писала она.—Около шести недѣль тому назадъ я прочла въ *Times*'ѣ, что у васъ родилась дочка, и тотчасъ же представила себѣ васъ съ крохотнымъ существомъ на рукахъ,—какія это странныя крошечныя созданія, Стефенъ!—надъ которымъ вы склонили свое милое, столь знакомое мнѣ лицо. Я такъ живо нарисовала себѣ эту картину, что не могла удержаться отъ слезъ. Я заперлась въ своей комнатѣ и плакала. Это заставило меня думать о васъ, и вотъ... я пишу вамъ это письмо!...

„Я рада, что вы не одинъ, Стефенъ, что у васъ есть жена и дѣти,—о рожденіи вашего сына я узнала впервые около года тому назадъ, но всетаки... Я хочу, чтобъ вы поняли меня, Стефенъ!... Есть что-то, заставляющее меня терзаться...

„Да, у меня тоже есть дѣти. Воображали ли вы себѣ меня матерью когда-нибудь? И вотъ, я мать! Хотѣлось бы мнѣ знать, что вамъ извѣстно обо мнѣ? У меня двое дѣтей, и младшему уже два года. Мнѣ кажется, что теперь, когда мы оба представили такія серьезныя доказательства нашего хорошаго поведенія, когда мы засвидѣтельствовали своими поступками, что, такъ или иначе, эта сторона жизни для насъ уже разъ навсегда кончена, мы можемъ безъ всякихъ стѣсненій вступить въ переписку. Причины, мѣшающія этому, исчезли! Вы—мой братъ, Стефенъ, мой другъ,

мой двойникъ, и вы постоянно живете въ моей душѣ! Никакія дѣти, сколько бы ихъ ни было, не могутъ измѣнить этого! Мы живемъ только разъ и, что бы я ни обѣщала, я все же не хочу быть мертвой для васъ, пока я еще жива, и не хочу, чтобъ вы оставались холоднымъ, безмолвнымъ трупомъ въ моей душѣ!...

„Слишкомъ многое изъ моей жизни и моей личности было похоронено, Стефенъ, и теперь я чувствую возмущеніе. И вотъ, я высовываю голову изъ своей преждевременной могилы и говорю вамъ: здравствуйте, Стефенъ! Здравствуйте, старый другъ, дорогой другъ! Какъ вы живете? Что съ вами сталось? Что вы чувствуете теперь? Я все хочу знать про васъ...

„Я не украдкой пишу вамъ это письмо, и вы можете писать мнѣ совершенно открыто, если желаете. Я сказала Джустину, что сдѣлаю это.

„Ваши письма будутъ неприкосновенны, Стефенъ, если... если вы тоже захотите подняться изъ могилы и написать мнѣ.

„Конечно, я слышу о васъ постоянно отъ разнаго рода людей, и мнѣ удалось узнать многое, не задавая никакихъ запретныхъ вопросовъ. Я настораживала уши всякій разъ, когда произносилось ваше имя...

„Говорятъ, что вы сдѣлались крупнѣйшимъ издателемъ въ компаніи съ однимъ американцемъ. Все это кажется мнѣ столь необыкновеннымъ, что ужъ ради этого одного я бы написала вамъ. Я хочу знать правду. Я нигдѣ не вижу объявленій „Страттона и К°“ и нигдѣ не нахожу указаній на то, что̀ именно вы издаете! Ужъ не скрываетесь ли вы за спиной почтенныхъ издателей Мургатройда или честнаго Милвейна? Но я знаю обоихъ, и ни одинъ изъ нихъ не кажется мнѣ одушевленнымъ вами! Странно и то, что на конференціяхъ мира и конгрессахъ соціальной реформы ваше имя встрѣчается рядомъ съ именемъ американца Гиддинга. Я сама прочла это въ отчетахъ объ этихъ собраніяхъ и, кромѣ того, я читала ваши двѣ послѣднія статьи въ *Fortnightly*. Я просто не могу представить себѣ, чтобы вы, съ вашей обычной сдержанностью, ринулись бокъ-о-бокъ съ болтунами во всѣ эти движенія. Что это означаетъ, Стефенъ? Я ожидала, что вы, вернувшись, выступите на политическомъ поприщѣ, будете говорить и писать въ духѣ вашихъ прежнихъ начинаній и возобновите ту работу, которую вы покинули шесть лѣтъ тому назадъ!...

„Я испытываю одно разочарованіе за другимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ и чувствую, какъ ускользаетъ почва изъ-подъ нашихъ ногъ... Зачѣмъ вы отвернулись отъ политической дѣя-

тельности? Я такъ надѣялась на это, хотя бы только ради встрѣчи съ вами! Что же вы дѣлаете тамъ, внѣ политической арены?...

„Мы продолжаемъ заниматься политикой, насколько я могу этому способствовать. Но отъ меня очень мало зависитъ. Мы остаемся столпами консервативной партіи,—на этотъ счетъ у Джустина твердыя убѣжденія,—но я тщетно настаиваю на томъ, что мы должны что-нибудь дѣлать для этого. Джустинъ не идетъ дальше подписыванія чековъ. Сдѣлать что-нибудь для партіи—это значитъ подписать чекъ на болѣе или менѣе крупную сумму. Временами мнѣ кажется, что это приближаетъ насъ къ тому моменту, когда пэрская корона опустится на наши головы и достоинство моего стариннаго имени будетъ унижено этимъ новоиспеченнымъ титуломъ. Но Джустинъ, конечно, приметъ отличіе.

„Пока онъ подписываетъ свои чеки, а при первомъ же удобномъ случаѣ снова предается своей маніи коллекціонерства. Само собою разумѣется, что наши гости и всякаго рода льстецы восторгаются его коллекціями...

„О мой дорогой! Я начинаю болтать всякій вздоръ. Это роковая участь женщины, занимающей такое хорошее соціальное положеніе. Ея умъ бьется въ тискахъ окружающихъ ее условій и, подобно волнѣ, которая, ударяясь о скалу, разсыпается пѣной, ищетъ выхода въ сатирическихъ замѣчаніяхъ и болтовнѣ, въ комментаріяхъ и анекдотахъ, относящихся къ супругу, удерживающему ее въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ... Но не объ этомъ я хочу писать вамъ...

„Стефенъ, я невыразимо несчастна! Не было на свѣтѣ существа, которое болѣе радовалось бы своей жизни, чѣмъ я въ первыя двадцать пять лѣтъ своего существованія... Я была полна надеждъ и, какъ мнѣ кажется, преисполнена тщеславія и самоувѣренности. Я думала, что стою на твердой землѣ, а головой касаюсь облаковъ! Это море, это небо и все человѣчество принадлежало мнѣ, только мнѣ, за одну мою улыбку! А теперь я—ничто, хуже, чѣмъ ничто! Я плохая мать двоихъ дѣтей. У меня есть дочка, которую я боготворю, но о ней я не буду говорить вамъ, и есть двухлѣтній сынъ, слишкомъ похожій на своего отца, чтобы возбуждать во мнѣ обожаніе. Глупое маленькое существо!... Вотъ и все, что я сдѣлала въ жизни. Мое материнство—это лишь блѣдный намекъ на то, что должно было бы быть. Мы съ мужемъ никогда не могли простить другъ другу того, что мы не нравились другъ другу. Эта неопредѣленная взаимная обида все больше и больше отдаляетъ насъ. Наша роль заключалась въ томъ, чтобы скрывать это насколько возможно.

Я исполнила свой долгъ по отношенію къ великой новой генеалогической линіи Джустина и дала ему наслѣдника, который былъ ему нуженъ, и теперь мы безмолвно и вѣжливо разошлись. Мы почти не разговариваемъ другъ съ другомъ, за исключеніемъ тѣхъ моментовъ, когда находимся въ обществѣ. Теперь я вижу, что съ самаго начала я была нужна ему не какъ жена, а скорѣе, какъ цѣнная рѣдкость для его коллекціи. А со времени нашего трагическаго приключенія,—все же бывали тогда чудные моменты, Стефенъ, незабвенные проблески красоты во всемъ этомъ, и я, безъ всякаго раскаянія, благодарю Бога за это!—двери дорогого, чрезвычайно роскошнаго кабинета, въ которомъ я заключена, находятся подъ постояннымъ, незамѣтнымъ надзоромъ, если только не бываютъ заперты на ключъ! У меня нѣтъ друзей мужского пола, нѣтъ общественной силы, нѣтъ свободы поступать, какъ я хочу. Мой мужъ на каждомъ шагу ставитъ мнѣ формальныя препятствія. Мы взаимно создаемъ ограниченія жизни другъ для друга. Не такъ давно онъ вздумалъ было наказать меня, вызвать мое возмущеніе, доведя косвеннымъ и нѣсколько вызывающимъ образомъ до моего свѣдѣнія, что онъ интересуется одной молоденькой особой съ артистическими дарованіями и принимаетъ явное участіе въ ея карьерѣ. Я, дѣйствительно, возмутилась и выказала ревность, но врядъ ли такъ, какъ это было для него желательно. „Это означаетъ свободу и для меня, Джустинъ!“ объявила я ему, и молодая женщина съ невѣроятной быстротой исчезла изъ моего кругозора. Я надѣюсь, что ей, по крайней мѣрѣ, хорошо заплатили, а не просто указали на дверь... но чѣмъ больше я знакомлюсь съ образомъ дѣйствій великаго финансиста, тѣмъ больше убѣждаюсь въ своемъ невѣжествѣ и полномъ незнаніи его методовъ.

„Стефенъ, мой дорогой, мой братъ, я невыразимо несчастна! Не знаю, что мнѣ дѣлать съ собой, не вижу никакой надежды для себя въ жизни! Я точно узникъ въ волшебной клѣткѣ, не знающій того слова, которое могло бы освободить его...

„Ну, а вы, Стефенъ? Счастливы вы или несчастны превыше мѣры? Если вы не несчастны, то что же вы дѣлаете съ вашей жизнью? Нашли ли вы секретъ сдѣлать ее сносной и разумной? Напишите мнѣ, напишите мнѣ, по крайней мѣрѣ, объ этомъ... Прошу васъ!

„Помните вы, какъ мы сидѣли когда то съ вами, въ старомъ Бернморскомъ паркѣ, и я приставала къ вамъ съ вопросомъ: какой смыслъ имѣетъ вся эта жизнь? Вы же старались обойти этотъ вопросъ и смотрѣли на него, какъ упрямый мулъ смотритъ на

узенькій мостикъ, который онъ могъ бы перейти, но не желаетъ!... Ну вотъ, Стефенъ,—сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?—вы, повидимому, имѣете уже готовый отвѣтъ. Такъ скажите же мнѣ, для чего все это? Въ чемъ вы находите смыслъ жизни? Вы дѣятельны, вы что-то дѣлаете съ жизнью, вы находите, что стоитъ жить! Развѣ издательская дѣятельность доставляетъ миръ сердцу? Я готова повѣрить даже этому! Но оправдайте же себя! Скажите мнѣ, что вы нашли, чтобы сохранить душу свою живою?..."

Я прочелъ это письмо до конца и, поднявъ глаза, взглянулъ на висѣвшіе по стѣнамъ портреты Страттоновъ и на зеркало, такъ странно отражавшее мое лицо. Все кругомъ меня было такъ близко, такъ знакомо! Это былъ мой домъ, вещи, съ которыми я сжился. Въ концѣ стола сидѣла Рашель, молодая мать, хрупкое существо съ нѣжными глазами.

И между тѣмъ мнѣ показалось въ эту минуту, что я ни на одинъ день не разставался съ Мэри. Точно и не существовало мрачнаго облака жестокой ревности, заслонявшаго ее отъ меня, а было только молчаніе, которое наступаетъ порой между двумя людьми, сидящими въ одной и той же комнатѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, я испытывалъ странное чувство отъ внезапнаго столкновенія этихъ двухъ дѣйствительностей. Мэри и Рашель! Какъ будто я сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, воображая себя въ одиночествѣ, перечитывалъ страницы моей теперешней жизни, какъ читаютъ книгу при лампѣ, затѣненной абажуромъ. И вдругъ раздался голосъ той, которая безмолвствовала до этой минуты. Но я опять взглянулъ на страницу моей жизни, лежащую передо мной, и вернулся къ дѣйствительности.

Рашель вопросительно смотрѣла на меня.

— Это письмо отъ Мэри Джустинъ,—сказалъ я.

Она не отвѣчала нѣсколько мгновеній. Ея вниманіе какъ будто было поглощено разогрѣваніемъ кофе на спиртовой лампочкѣ. Но когда кофе былъ готовъ, она замѣтила вскользь:

— Я думала, что вы не переписываетесь.

— Да,—отвѣчалъ я, складывая письмо.—Такъ было условлено..

Наступила пауза. Я всталъ и подошелъ къ камину, гдѣ стояла на таганчикѣ сковородка съ жареной свиной грудинкой и сосисками.

— Я полагаю, что ей хочется что-нибудь узнать о тебѣ,—снова заговорила Рашель.

— Она думаетъ, что теперь, когда у насъ есть дѣти,—у нея тоже двое дѣтей,—мы можемъ считать прошлое прошлымъ и навсегда похороненнымъ. Она, дѣйствительно, желаетъ успокоить

что-нибудь обо мнѣ... Кромѣ всего прочаго, вѣдь мы же были очень большими друзьями!

— О, конечно!—отозвалась Рашель съ искривленной усмѣшкой.—Конечно, между вами должна была существовать очень большая дружба!... И вполнѣ естественно, что она вздумала написать...

Послѣ минутнаго молчанія Рашель прибавила:

— Полагаю, что мужу ея это извѣстно?

— Она говоритъ, что сказала ему...

Глаза Рашели на мгновеніе остановились на письмѣ, которое я держалъ. Но она тотчасъ же отвела ихъ въ сторону, точно боясь, чтобы я не угадалъ ея мысли. Все стало мнѣ ясно, и я испыталъ сильное замѣшательство. До сихъ поръ мы старались поступать такъ, какъ поступаетъ большинство молодыхъ людей, вступающихъ въ бракъ и считающихъ необходимой полную откровенность другъ съ другомъ. Если же я всетаки умалчивалъ о многомъ, касающемся Мэри, то не столько потому, что хотѣлъ скрыть это отъ Рашели, сколько потому, что хотѣлъ поскорѣе забыть. Мы всегда слишкомъ поздно убѣждаемся въ невозможности такого быстраго и произвольнаго сліянія душъ!

Однако, мы все же продолжали поддерживать взаимное соглашеніе относительно полной откровенности: показывали другъ другу письма, повѣряли другъ другу тайны своихъ друзей и, насколько это было возможно, никуда не ходили другъ безъ друга.

Я хотѣлъ было дать ей письмо, которое держалъ въ рукѣ, но почувствовалъ, что не могу этого сдѣлать. Что-то внезапно встало между нами и раздѣлило насъ.

Въ письмѣ Мэри все было такъ знакомо и такъ понятно мнѣ. Но я даже не могъ бы изъяснить этого Рашели! Какъ поняла бы она фразу Мэри: „Напишите мнѣ, напишите!...“? Она увидѣла бы въ ней лишь простое желаніе возобновить сношенія... Нѣтъ, я не могъ рѣшиться раскрыть Рашели душу и сердце Мэри и ея несчастье.

Стараясь придать себѣ безпечный видъ, но ощущая большую въ душѣ неловкость, я сунулъ письмо въ карманъ и занялся сковородкой съ сосисками.

— Было бы любопытно написать ей... поговорить съ нею о разныхъ вещахъ,—замѣтилъ я небрежно и затѣмъ прибавилъ съ величайшимъ интересомъ:

— Это, кажется, новый сортъ сосисекъ, Рашель? Гдѣ ты ихъ достала?...

Рашель встала и подошла къ камину. Она тоже постаралась принять безпечный видъ и отвѣчала мнѣ съ такою же дѣланной непринужденностью. И между нами завязался оживленный разговоръ о сосискахъ и свиной грудинкѣ: мы оба хотѣли поскорѣе вернуться къ мелочамъ обыденной жизни, послѣ того какъ лучъ свѣта внезапно освѣтилъ провалъ, образовавшійся между нами...

Я не отвѣчалъ на письмо Мэри въ теченіе цѣлой недѣли, но все это время мысли мои были полны ею, и я не могъ думать ни о чемъ другомъ. Я перечитывалъ ея письмо безсчетное число разъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ярче представлялась мнѣ ея личность. Все это было такъ знакомо, такъ близко мнѣ! Яркія мысли, пламенное чистосердечіе, внезапные переходы и нелѣпая вѣра въ мое здравомысліе, на которомъ она такъ настаивала!... А эта непринужденная нѣжность, которую она не считала нужнымъ скрывать!...

Я смотрѣлъ на ея торопливый, неправильный почеркъ, и мнѣ казалось, что я вижу мѣняющійся цвѣтъ ея глазъ, слышу интонаціи ея голоса, вижу ея жесты...

Я не сталъ задумываться надъ вопросомъ, имѣемъ ли мы право переписываться или нѣтъ? Этотъ вопросъ какъ то совсѣмъ исчезъ у меня изъ головы. Ея требованіе, чтобы я оправдалъ себя, свою дѣятельность, всецѣло завладѣло моими помыслами. Вѣдь сущность ея прежняго вліянія на меня въ томъ именно и заключалась, что она постоянно побуждала меня къ самоанализу.

Какія же оправданія я могъ представить ей теперь? Я чувствовалъ непреодолимое желаніе отвѣтить ей такъ, чтобы мой отвѣтъ могъ вполнѣ удовлетворить ее. Она своимъ вопросомъ вдругъ выхватила меня изъ самаго центра моей рутинной работы и заставила вновь оглянуться на себя и на весь остальной міръ въ цѣломъ...

У меня было дѣло, и въ это дѣло я вкладывалъ страстную вѣру, которая должна была восторжествовать надъ всѣми сомнѣніями. Это дѣло было достаточно реально, чтобы его могли понять тѣ, кто вообще можетъ понимать. Но объяснить его было трудно, поэтому я только старался заставить ее понять меня. Я теперь не помню, что я ей написалъ. Это письмо уже не существуетъ. Но, конечно, оно было длинное, и въ немъ я подробно излагалъ ей постепенное развитіе моихъ взглядовъ, начиная отъ дѣтскихъ мечтаній о всеобщей справедливости вплоть до идеи общечеловѣческаго прогресса, заставившей меня въ концѣ-концовъ предпринять ту работу, которую я теперь дѣлаю. Я знаю,

что ничего блестящаго, достойнаго славы нѣтъ въ этой работѣ, но она наиболѣе подходитъ къ моимъ способностямъ и дарованіямъ. Потомъ явятся другіе и воздвигнутъ грандіозное зданіе на сдѣланныхъ мною подмосткахъ. Вообще я старался объяснить Мэри, что моя работа, направленная къ просвѣтленію человѣческаго ума, къ борьбѣ съ предразсудками, должна имѣть большое значеніе для всего человѣчества. Я хотѣлъ, чтобы она поняла меня, и постарался изложить ей свой символъ вѣры и то, что заставило меня цѣнить жизнь...

Второе письмо я получилъ черезъ нѣсколько дней.

„Я не хочу хвалить ни васъ, ни ваши вѣрованія,—писала она.—Они прекрасны и благородны... какъ вы сами! Но развѣ вы не чувствуете, что они нѣсколько искусственны, или же вы рѣшили не замѣчать этого, потому что этого не должно быть? Временами то, что вы говорите, производитъ на меня странное впечатлѣніе, будто я смотрю на настоящіе Альпы и вдругъ замѣчаю, что они дополняются кулисами...

„Мнѣ хотѣлось бы повѣрить вамъ, ясно увидѣть и почувствовать, что вы правы. Но... ваши широкіе и весьма почтенные планы смущаютъ меня. Развѣ весь міръ состоитъ только изъ гражданъ той или другой страны? Развѣ на свѣтѣ существуютъ только расовые, національные и классовые предразсудки? Вы совершенно забываете или же игнорируете то, что человѣкъ—прежде всего половое животное,—прежде всего, Стефенъ! И притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ всѣ другія животныя. Половина человѣческаго рода—женщины даже не могутъ считаться настоящими людьми. Онѣ спеціализируются въ цѣляхъ размноженія, не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи и не только естественнымъ, но и искусственнымъ образомъ! Женщины не представляютъ человѣчества. Это бѣдныя спеціализированныя существа, задыхающіяся въ своихъ платьяхъ и въ своихъ ограниченіяхъ. Это—полъ прежде всего, но вѣдь полъ является центромъ всей проблемы человѣческаго будущаго, ради котораго вы работаете.

„То великое государство міра, которое рисуется вашей мужской фантазіи, неминуемо погибнетъ, если вы будете насъ игнорировать. Мы, женщины, сыграемъ роль гунновъ и готовъ. Мы разграбимъ все, что вы такъ терпѣливо накопляли. Мы лишимъ васъ потомства и превратимъ вашихъ вождей въ недостойныхъ рабовъ. Потому что, если мы и спеціализировались для извѣстныхъ цѣлей, то все же не вполнѣ и только поневолѣ. При первомъ же удобномъ случаѣ мы покинемъ дѣтскія и побросаемъ

горшки и сковородки. Мы сохранимъ только наиболѣе блестящую сторону нашей спеціализаціи. И вотъ мы вырвемся на свободу и будемъ искать такихъ же развлеченій, какъ вы...

„Вы мечтаете о государствѣ будущаго? Какъ бы не такъ! Всѣ ваши ничтожныя достиженія, тріумфы науки и экономіи, накопленія богатствъ, которыя должны, по вашему мнѣнію, уничтожить борьбу за существованіе и приблизить золотой вѣкъ,—все это мы разсѣемъ по вѣтру! А ваши мечты о братствѣ? Мы натравимъ васъ другъ на друга, и зданіе братства разлетится въ прахъ...

„Скажите же мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать, чтобы избѣжать этого? Какъ вы защитите великое государство—плодъ вашихъ мечтаній—отъ антигражданственности пола? Въ вашемъ письмѣ нѣтъ ни одного намека на это. И вы въ самомъ дѣлѣ не думаете объ этомъ! Вы не замѣчаете, что ваше войско, съ которымъ вы намѣрены побѣдить все зло міра, вражду, насилія, мстительность, преисполнено грабительскихъ инстинктовъ и бѣшеной ревности, имѣющей своимъ объектомъ женщину! Вы же считаете женщинъ quantité négligeable и забываете, что пренебрегать ими—все равно, что пренебрегать огнемъ, попавшимъ въ лѣса строящагося дома...

„Я перечла свое письмо, Стефенъ, и мнѣ бросилось въ глаза, что я дала волю своему чувству гнѣва. Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ... Но я надѣюсь, что вы поняли меня. Я вовсе не хочу сказать, что только мужчины обладаютъ творчествомъ, безкорыстіемъ, братскими чувствами, а женщины лишь разрушаютъ и портятъ все. Я хотѣла лишь указать вамъ, что вы не должны игнорировать сексуальную сторону человѣка, иначе ваше прекрасное зданіе рухнетъ. Поэтому я и спрашиваю васъ, Стефенъ: что вы намѣрены сдѣлать для женщинъ? Какъ вы рѣшаете этотъ вопросъ? Вспомните о затрудненіяхъ, пережитыхъ мной вмѣстѣ съ вами. Я зашла такъ далеко и... все же отступила потомъ. А вѣдь я для своего пола достаточно смѣла!... Но какъ выйти изъ рамокъ, въ которыя мы заключены и которыя дѣлаютъ насъ боязливыми и придавливаютъ нашъ умъ? Бываетъ такое положеніе, которое подвергаетъ испытанію всѣ качества нашего ума и характера, и тогда оказывается, что мы не въ состояніи сбросить гнетъ, налагаемый на насъ поломъ..

„Мы гибнемъ, Стефенъ. Нѣкогда это привело къ паденію Рима и приведетъ къ паденію ваше государство міра. Что пользы говорить намъ о древнихъ добродѣтеляхъ! Вѣдь онѣ не спасли ничего. И развѣ вы можете теперь отослать женщину назадъ къ прялкѣ, кухнѣ и колыбели, когда у васъ есть все необходимое

для современнаго комфорта? Нѣтъ, намъ нужны новыя добродѣтели! Но гдѣ же онѣ?...

„Я заговариваюсь, Стефенъ. Меня волнуетъ то, что вы ничего не говорите объ этомъ. Отчего? Развѣ положеніе женщины, значеніе ея пола, состояніе ея ума не должно было броситься вамъ въ глаза съ той самой минуты, какъ я испортила вашу карьеру? Вы сами знаете, что это правда, Стефенъ. И я знала, что дѣлаю. Я мечтала быть для васъ другомъ, товарищемъ, заботиться о вашей карьерѣ и укрѣплять свой умъ общеніемъ съ вами. Я мечтала о томъ, что вы пріобрѣтаете вліяніе, власть надъ людьми, что вы совершаете великія дѣла, а я помогаю вамъ и восхищаюсь вами. Какъ все это было прекрасно въ мечтахъ! Мы остаемся друзьями, самыми близкими, самыми нѣжными и создаемъ красоту въ своей жизни. Ничто мелкое, ничто пошлое не омрачаетъ нашихъ отношеній, и мы оба свободны, какъ мечта... И вотъ наступила дѣйствительность.

„Помните, я уговаривала васъ жениться на Рашели. Я часто вынуждала васъ говорить о ней со мной. И вотъ однажды мнѣ показалось, что вы начинаете думать о ней. Тогда я не выдержала. Я убѣжала въ свою комнату и, запершись, долго-долго думала о васъ и о ней, пока рыданія не подступили къ горлу. Это было невыносимо. Гнѣвъ закипалъ въ моей душѣ, и я, ваша сдержанная Мэри, бросила на полъ свое ручное зеркало, чтобы дать исходъ своему раздраженію! Я никогда не разсказывала вамъ объ этомъ, но вы знаете, что̀ послѣдовало за этимъ. Я взяла васъ, какъ ястребъ, устремившійся на свою добычу...

„Чѣмъ отличались мы тогда отъ существъ, повинующихся только своему инстинкту? Это былъ настоящій припадокъ безумія, и я столько же думала о вашей карьерѣ, о чести, сколько и о другихъ мелочахъ жизни и о томъ, что насъ раздѣляло и кто стоитъ между нами...

„Мой милый, развѣ то, что случилось съ нами, не составляетъ сущности положенія между мужчинами и женщинами? Мы всѣ стараемся отчаяннымъ образомъ быть человѣческими существами, совмѣстно работать надъ созданіемъ человѣческаго единства, общей коллективной мысли, которая должна управлять человѣчествомъ. А между тѣмъ въ каждомъ изъ насъ заложена страшная сила, требующая полнаго умственнаго и тѣлеснаго обладанія другимъ существомъ,—обладанія какою бы то ни было цѣной! И эта сила будетъ всегда раздѣлять міръ на парочки, зорко оберегающія свою собственность, пока всѣ наши законы, всѣ наши обычаи будутъ служить этому.

„Я—плѣнница Джустина. Но и онъ тоже мой плѣнникъ, потому что онъ знаетъ, что при первой же его попыткѣ къ бѣгству я возвращаю себѣ свободу. И вотъ мы оба смотримъ на міръ сквозь рѣшетки своей тюрьмы. Такую тюрьму, въ которую заключенъ полъ, я вижу вездѣ. Думали ли вы о томъ, что означаетъ во всемъ мірѣ одежда женщинъ, спеціально предназначенная для указанія ея пола? Развѣ не все дѣлается для того, чтобы подчеркнуть это различіе и постоянно напоминать намъ (и вамъ тоже!) объ основныхъ затрудненіяхъ, существующихъ между нами? Какъ будто надо напоминать объ этомъ?!...

„Стефенъ, неужели нѣтъ никакого выхода изъ этого положенія? Если нѣтъ, то я предпочла бы лучше вернуться къ гаремной жизни, чѣмъ быть заключенной въ стеклянную тюрьму и только смотрѣть на жизнь, недосягаемую для меня...

„Я изливаю въ этихъ письмахъ весь ядъ, накопившійся въ моемъ сердцѣ за всѣ эти годы долгихъ и мучительныхъ размышленій. Я возмущаюсь противъ своей собственной судьбы и судьбы женщинъ вообще. Я сдѣлала только одну роковую ошибку—вышла замужъ, чтобы обезпечить то, что дала мнѣ жизнь. Я хотѣла принадлежать себѣ и имѣть положеніе въ свѣтѣ. Джустину я была нужна для коллекціи, и поэтому онъ обѣщалъ мнѣ и то, и другое. А теперь я ничего не могу сдѣлать ни со своей жизнью, ни со своимъ положеніемъ, и кругомъ себя я не вижу ни одной женщины, которая сумѣла бы создать для себя что-нибудь лучшее. Я должна вести жизнь, которую ведутъ всѣ женщины моего круга. Это было условіемъ моего брака. Мы наряжаемся, дѣлаемъ визиты и, повинуясь разъ установленнымъ правиламъ политики и спорта, совершаемъ свои сезонныя поѣздки по странѣ. Мы разговариваемъ о соціальныхъ реформахъ и политикѣ, но лишь немногія изъ насъ интересуются этимъ на самомъ дѣлѣ. Мы стараемся вѣрить во что-нибудь, въ любовь, въ старыя или новыя религіи... и все, что мы дѣлаемъ, имѣетъ только одну цѣль—развлеченіе мужчинъ, которые нами владѣютъ. Мы должны быть обаятельными, чтобы удовлетворять ихъ тщеславіе и чувственность. Только это и нужно имъ...

„Стефенъ, что-нибудь должно быть сдѣлано, чтобы освободить женщину отъ этого тягостнаго подчиненія своему собственному полу, которое отодвигаетъ на задній планъ все остальное въ жизни—уваженіе, свободу, соціальныя условія! Вѣдь въ насъ заключается будущее человѣчества, а мы можемъ обратить въ ничто всѣ ваши достиженія. Вы отвернетесь отъ идей братства и будете строить для насъ отдѣльныя, спеціальныя клѣтки...

„Порой мнѣ приходятъ въ голову ужасныя мысли. Быть можетъ, все это въ порядкѣ вещей? Быть можетъ, нельзя имѣть на свободѣ оба пола и непремѣнно надо запереть одинъ изъ нихъ? Быть можетъ, антисуфражисты, вродѣ лорда Кромера и сэра Ланкастера, дѣйствительно понимаютъ жизнь? А этотъ достопочтенный господинъ, который, не стѣсняясь, говорилъ, что мужчины не могутъ работать рядомъ съ женщинами, потому что это ихъ волнуетъ?...

„Скажите же мнѣ, что вы намѣрены сдѣлать? Возможно ли уменьшить вліяніе пола? Если да, то какъ вы этого достигнете? Посредствомъ новыхъ ограниченій? Но вѣдь ограниченій и такъ достаточно. И все это ни къ чему не ведетъ. Мужчины и женщины такъ яростно, такъ свирѣпо ревнивы... Какъ вы повліяете на это чувство? Отвѣчайте же мнѣ, Стефенъ, или я буду считать ошибкой всю нашу переписку“...

Мэри была права. Я дѣйствительно умалялъ или игнорировалъ значеніе полового вопроса, насколько могъ. И дѣлалъ я это по понятной причинѣ. Я не могъ думать объ этомъ безъ того, чтобы къ моимъ мыслямъ не примѣшивались воспоминанія о собственныхъ страданіяхъ. Я дѣлалъ то, что дѣлаетъ огромное большинство мужчинъ, пріучая себя не думать о правдѣ и неправдѣ половой жизни. Вѣдь думать объ этомъ—все равно, что вносить зажженный факелъ въ пороховой погребъ! Мы боимся довѣриться себѣ въ данномъ случаѣ и переступить условныя границы, установленныя опытомъ, вѣками и обычаями, боимся вступить въ малоизслѣдованныя и неустроенныя области жизни, гдѣ таится ненависть, жгучая, какъ пламя ада, и желанія, которыя жалятъ, какъ ядовитыя змѣи...

Я откровенно написалъ Мэри объ этомъ. Не помню, какіе доводы я приводилъ ей въ своемъ письмѣ, но я старался доказать, что наши теперешнія неразрѣшимыя затрудненія не должны непремѣнно оставаться неразрѣшимыми для міра и въ будущемъ, такъ же какъ и соціальный вопросъ. Мы только можемъ подготовлять пути къ великимъ рѣшеніямъ, къ которымъ должно прійти человѣчество. Такой путь подготовляетъ и моя издательская дѣятельность. Вѣдь каждый солдатъ, сражаясь, выигрываетъ только частичную битву!...

Наша переписка продолжалась почти полтора года, но мы ни разу не встрѣтились съ Мэри нигдѣ. Она написала мнѣ двадцать два письма, а я немного больше, и всѣ эти письма были полны отвлеченныхъ разсужденій, замѣняя для меня наши прежніе встрѣчи и разговоры. Она подстрекала мой умъ, заставляла меня

задумываться надъ тѣмъ, что порой какъ-то ускользало отъ моего вниманія. Если я не хотѣлъ объ этомъ думать, то она принуждала меня. И я чувствовалъ, какъ подъ ея вліяніемъ ширятся и углубляются мои взгляды и исчезаетъ та расплывчатость мысли, которая всегда была моимъ главнымъ недостаткомъ.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ она вдругъ заговорила о своей любви къ жизни, вспомнивъ свои прежнія слова: „Жизнь въ теперешнемъ своемъ видѣ — величайшая безсмыслица!"

„Я ропщу на свою жизнь,—писала она.—Я всегда безсильно и безплодно боролась съ нею, а между тѣмъ я люблю ее! Я ни за что не умерла бы добровольно. Ничто такъ не привязываетъ меня, какъ эта жизнь, которую я называю безсмысленной. Мнѣ кажется, что во мнѣ живетъ такая же безформенная вѣра, какъ и та, на которую вы опираетесь... Вотъ я критикую религію, а между тѣмъ она необыкновенно привлекаетъ меня! Я стою у порога, но когда меня приглашаютъ войти въ храмъ, то я убѣгаю, какъ оробѣвшій ребенокъ...

„Меня привлекаетъ музыка, меня привлекаютъ храмы, но не люди, которые тамъ находятся. Я чувствую, что могла бы прійти въ храмъ, но люди говорятъ: „Иди къ намъ!" Они—точно привратники храмовъ, мелкіе и ничтожные, и такъ ужасно разсуждаютъ о религіи и доказываютъ, что они одни только владѣютъ истиной. И въ храмъ они не впустятъ...

„Временами мнѣ кажется, что въ настоящее время всѣ истинно религіозные люди находятся за порогомъ храмовъ, а лицемѣры, обманщики и невѣрующіе, тщеславные и ограниченные находятся внутри...

„Стефенъ, мнѣ хотѣлось бы помолиться вмѣстѣ съ вами! Мнѣ хотѣлось бы съ вами, единственнымъ изъ всѣхъ людей, преклонить когда-нибудь колѣни и молиться!..."

Перевела **Э. Пименова.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Сельскія эпиграммы.

1.

Борису Лопатинскому.

Какъ поучительно краткій досугъ отдавать перепискѣ
Старыхъ—своихъ же—стиховъ: каждый въ нихъ виденъ изъянъ,
Видишь разрозненность ихъ, и къ цѣльности явно стремленье;
Пусть лишь осколки въ быломъ, стройный въ грядущемъ чертогъ:
Всякій художникъ рожденъ для единаго въ жизни творенья.—
Другъ! Изреченье твое нынѣ я вспомнилъ не разъ.

2.

Въ комнатѣ свѣтлой моей такъ ярки бѣленыя стѣны.
Солнце и небо глядятъ ясно въ двойное окно,
Часто—слѣпительно-ясно; и я, опустивъ занавѣску
Легкую—легкой рукой, ею любуюсь. Она—
Солнцемъ пронизанный ситецъ—спокойные взоры ласкаетъ:
Въ полѣ малиновомъ милъ радостныхъ розъ багрянецъ.
Крупную розу вокругъ облегаютъ листья и вѣтви;
Возлѣ жъ ея лепестковъ юные рдѣютъ шипки.
Слѣдомъ одна за другою віются малиновымъ полемъ;
Солнце сквозь яркую вязь въ комнату жарко глядитъ,
Кажется, даже и бликовъ отдѣльныхъ живыхъ не бросая,
Ровнымъ веселымъ огнемъ комнату всю приласкавъ.
Легкій румянецъ согрѣлъ потолокъ, и печку, и стѣны,
Бѣлую тронулъ постель, по полу, нѣжный, скользнулъ,
Тронулъ и книги мои на столѣ, и бумагу, и руку...
Стѣны ль милѣй бѣлизной? Роза ль румянцемъ милѣй?

3.

Въ комнатѣ милой моей и день я любить научаюсь,
Сидя часы у стола за одинокимъ трудомъ,
Видя въ окно—лишь срубъ сосѣдней избы, а за нею—
Небо—и зелень одну, зелень—и небо кругомъ.
Только мой миръ и покой нарушали несносныя мухи;
Ихъ я врагами считалъ—злѣе полночныхъ мышей;
Но—до поры и до времени: мыши то вдругъ расхрабрились,
Начали ночью и днемъ, не разбирая когда,
Быстрыя, верткія, тихія—по полу бѣгать неслышно,
Голосъ порой подавать чуть не въ ногахъ у меня.
Кончилось тѣмъ, что добрые люди жильца мнѣ сыскали:
Чернаго Ваську-кота на ночь ко мнѣ привели.
Черный безъ пятнышка, стройный и гибкій, неслышно ступалъ онъ;
Желтые щуря глаза, сразу ко мнѣ подошелъ;
Ластясь, какъ свой, замурлыкалъ, лежалъ у меня на колѣняхъ;
Ночью же противъ меня сѣлъ на столѣ у окна,
Круглыя, желтыя очи спокойно въ мои устремляя;
Или (все глядя) ходилъ взадъ и впередъ по окну.
Чуткія ноздри, и уши, и очи—недобрую тайну
Чуяли; словно о ней такъ и мурлычетъ тебѣ
Демонъ, спокойно-жестокъ и вкрадчиво, искренно нѣженъ.
Тронулъ онъ ихъ или нѣтъ—какъ не бывало мышей.
Я же узналъ лишь одно: въ обыденномъ почувствуешь тайну,—
Чернаго на ночь кота въ спальню къ себѣ позови.

4.

Право, мой другъ, хорошо на сельской простой вечеринкѣ
Было, тряхнувъ стариной, мнѣ засидѣться вчера.
Дѣвичьи пѣсни я слушалъ, смотрѣлъ на игры, на пляски.
Въ окна раскрытыя намъ вѣялъ прохладой разсвѣтъ...
Только скажу—заглядѣвшись въ окно, я подумалъ невольно:
Могъ бы я дома сидѣть, могъ бы я Гете читать!

5.

Какъ прихотливы твоихъ эпиграммъ венецейскихъ, о Гете,
Строки,—какъ струны стройны,—въ трепетѣ жизни живой.
Гете и Пушкинъ—вы оба—и шутки въ пѣсняхъ шутили
Тѣ, что и въ жизни самой. Пѣсня вамъ—жизнью была.

6.

Что за чудесная ночь! Лучезарнѣе звѣздъ я не видѣлъ.
Грудь не устанетъ вдыхать теплую душу цвѣтовъ;
Груди жъ дышать не тяжко ль? Напрягши ревностно шею,
Къ звѣздамъ лицомъ я къ лицу голову поднялъ, о ночь!

7.

Свѣтъ этихъ звѣздъ дотекаетъ къ землѣ миріады столѣтій:
Диво-ль, что, къ нимъ обратясь, кружится вдругъ голова?

8.

Тихо. Такъ тихо, что слышу: въ сосѣдней избѣ, полунощникъ,
Пѣсню заводитъ сверчокъ,—словно родную, поэтъ!
Не вдохновеннѣе ль тамъ онъ скрипитъ за теплою печкой,
Чѣмъ, у ночного окна, я—безпокойнымъ перомъ?

9.

Пусть понедѣльникъ и пятницу тяжкими днями считаютъ;
Среду и пятницу пусть строгимъ постомъ облекутъ;
Всѣ дни у Бога равны на землѣ; а на этой, родимой,
Вѣрю, подъ кровомъ благимъ мирно они протекутъ.

10.

Мощнаго Шумана слушалъ, за нимъ—чарователя Грига;
Регеръ потомъ прозвенѣлъ, „*прокарильонилъ*“ Равель.
Что же мудренаго въ томъ, что слабый мой голосъ срывался,
Съ Шубертомъ пѣсней роднясь и съ Даргомыжскимъ томясь?

11.

Яркій, лучисто-блестящій сквозь темныя вѣтви густыя,—
Радостенъ прудъ голубой, въ зелени парка сквозя.
Счастливъ ли ты, вспоминая бывалыя лѣтнія пѣсни?
Просто ль доволенъ опять сладостью лѣни былой?

12.

Дружбой недавней, но дальной я новыя началъ страницы;
Грусти—какъ пыли—налетъ ихъ не покрылъ ли слегка?
Нынѣ—среди ихъ, въ концѣ ли—старое дружество близко.
Радость въ стихахъ, какъ въ цвѣтахъ, утренней блещетъ росой.

13.

Сладко межъ зрѣющихъ нивъ проѣзжать на склонѣ благого
Тихаго, яснаго дня; свѣжею ширью дышать,
Духомъ ржанымъ да овсянымъ. И дышишь, смотришь. Невольно
Взглядъ замѣчаетъ иной, мало-привычный узоръ:
Нивы лежатъ предо мною; но гдѣ жъ *полосатыя* нивы?
Да, вѣдь теперь хутора здѣсь разбросались и тамъ.

14.

Дѣти деревней бѣгутъ—обогнать гремящую тройку,
Ей ворота отворить—и получить за труды.
Слышатъ обѣтъ: вотъ поѣдемъ назадъ — привеземъ вамъ баранокъ!
Глупые злобно кричатъ баловни кучеру вслѣдъ.
Все жъ не понятенъ ли больше обманутой голосъ надежды
Голоса вѣры слѣпой въ путь предстоящій—назадъ?

15.

Плылъ я бушующимъ моремъ, стремился путемъ я желѣзнымъ;
Отдыхъ—проселки одни для деревенской души.

16.

Въ залѣ знакомомъ старинномъ въ углу я сидѣлъ на диванѣ
И простодушный напѣвъ старыхъ романсовъ внималъ.
Въ окна сквозь вѣтви іюльская ночь звѣздами глядѣла;
Въ душу глядѣлась звѣздой глупая юность моя.

17.

Въ паркѣ—на небѣ ночномъ, я вижу, рѣзко темнѣетъ
Елки, одной на пути, край жестковатый, косой.
Мнѣ показалось минуту, что вотъ предо мной кипарисы
Въ звѣздную темную ночь дальной чужбины моей.
Да, но ужели же сердце, любившее годы и годы,
Въ миломъ своемъ далекѣ бьется и новой тоской?

18.

Юный, сквозь вѣтви березокъ краснѣющій мѣсяцъ іюльскій
Только надъ нивою всплылъ, вотъ—ужъ садится за лѣсъ.
Тихо въ ложбину спускаюсь—и онъ изъ глазъ пропадаетъ;
Дальше—еще, хоть на мигъ, вижу я, съ горки, его.

Такъ и обратно иду,—а въ небѣ нѣжно-зеленомъ
Свѣтомъ прощальнымъ горитъ алая низко заря.
Думаю: рѣдко ли въ жизни, хоть только старое мыслямъ
Скажешь ты, вечеръ,—душѣ новую тайну шепнешь.

19.

Какъ не люблю на стѣнѣ и въ рамѣ олеографій,
Такъ ихъ въ природѣ люблю, коль ими можно назвать
Черное море въ сіяньѣ лазурно-златого полудня,
Мѣсяцъ надъ купой березъ, ясный надъ нивой закатъ.

20.

Вѣрно, пѣвецъ, ты порою свои недопѣтыя пѣсни
Сызнова хочешь начать, съ думою грустной о нихъ?
Правда, не спѣты онѣ; но въ душѣ не звучали ль, живыя?
Тѣ пожалѣй, что могли бъ, но не запѣли въ тебѣ.
Лучше жъ—и ихъ позабудь ты, счастливый душою пѣвучей:
Жалокъ одинъ лишь удѣлъ—душъ отъ рожденья нѣмыхъ.

21.

Радуюсь я, въ незнакомкѣ узнавъ подругу-шалунью,
Странный надѣвшую плащъ, чтобъ озадачить меня.
Счастливъ я милой моей любоваться, привычно-прекрасной,
Если предстанетъ она, новой одеждой блестя.

22.

Нынче на старый балконъ прилетѣлъ воробей—и бойко
Прыгалъ, чирикалъ, смѣльчакъ, словно пріученъ давно
Крошки клевать на полу, получая съ ними и ласки;
Мнѣ поневолѣ тогда вспомнился тотчасъ Катуллъ.
Вижу я: въ трепетныхъ пятнахъ и легкаго свѣта, и теплыхъ
Тихихъ зыбучихъ тѣней, брошенныхъ сѣтью плюща,—
Прыгнулъ воробушекъ разъ, и другой, и вспорхнулъ,—но куда же?
Птичкой порхнула мечта, рѣзвая, слѣдомъ за нимъ:
Вотъ, надъ перилами, листья, и пѣжная бѣлая ручка,
Юная грудь, и плечо дѣвушки милой... Увы!
Тщетно желалъ ты, бѣдняжка, коснуться острепькимъ клювомъ
Дѣвичьихъ нѣжныхъ перстовъ... Лесбіи не было здѣсь!

23.

Л. Верховской.

Слушай, художница. Нынче опять я ходилъ любоваться
Мѣсяцемъ, рдянымъ опять. Той же дорогою шелъ—
Все мимо ели, любимой тобой. Ты ее собиралась
Вѣрной бумагѣ предать яркою кистью своей.
Ею ты днемъ восхитилась. Она и правда прекрасна
Мощной и свѣжей красой, вѣтви раскинувъ, стройна,
Темныя — въ ясной лазури; подъ ними — въ солнечномъ свѣтѣ—
Нивы ковромъ золотымъ, пышнымъ далеко блестятъ;
Далѣе—зеленью мягко луга свѣтлѣютъ; за ними
Темной полоскою лѣсъ небо, зубчатый, облегъ;
Выше, въ живой синевѣ, ее обнявъ и лаская,
Взорамъ пріятна опять темныхъ вѣтвей бахрома,
Близкихъ, обильно-лохматыхъ, широкими лапами низко,
Низко свисающихъ къ намъ—рамой живой. Но смотри:
Космы разлапыхъ вѣтвей ужъ почти почернѣли на небѣ
Синемъ глубоко: межъ нихъ звѣзды, мигая, горятъ—
Крупныя первыя звѣзды—и, странно рдѣя безъ блеска,
Мѣсяцъ проглянулъ внизу пятнами свѣта въ махрахъ
Хвои, не то—клочковатой разметанной шкуры; подъ нею—
Въ небѣ безъ отблеска—глянь: гроздья играющихъ звѣздъ;
Въ ихъ перемѣнчивомъ свѣтѣ, едва уловимомъ, но нѣжномъ,
Легкой подернуты мглой нивы, и травы, и лѣсъ;
Влажный чуть зыблется воздухъ, прохладными нѣжа струями,
И тишина, тишина... Но—ты не слышишь меня?
Ахъ, понапрасну рѣчами художницѣ я о прекрасномъ
Думалъ повѣдать: могу ль живописать, какъ она?
Можетъ, заранѣ за дерзость мою я наказанъ: замедливъ,
Мѣсяцъ увидѣть съ горы лишній разокъ—опоздалъ.

24.

Ночь и дождь за окномъ, и я у двери оставилъ
Мокрую обувь и плащъ; спички нашарилъ впотьмахъ;
Лампу скорѣй засвѣтилъ—и узоръ занавѣски знакомый,
Полузакрывшей окно, выступилъ ярко на свѣтъ;
Мухи вокругъ зажужжали, и дождь за окошкомъ лепечетъ;
Я же невинно пишу въ старой тетради моей
И о шумящемъ дождѣ, и о мухахъ жужжащихъ—и развѣ
Такъ ужъ блаженъ мой покой, чтобъ о дождѣ мнѣ грустить?

25.

Молвилъ однажды Катуллъ: не видимъ сами мы торбы,
Что за спиною у насъ. Торба моя—тяжела;
Что въ ней за ноша—не знаю, во многомъ грѣшный; но, боги,
Да не завидуютъ мнѣ Цезій, Суффенъ и Аквинъ!
Если жъ прогнѣвалъ васъ этой мольбой, простите, благіе:
Чудятся мнѣ за спиной все эпиграммы мои.

26.

Вотъ изъ Парижа письмо, а вотъ—изъ Швальбаха. Други!
Съ яркой палитрой одинъ, съ лирою звонкой другой!
Радъ я внимать повторенные сладостной дружбы обѣты,
Въ милой уѣздной глуши письмами вдвое счастливъ;
Радъ—и еще возвышаюсь душой въ чистотѣ угрызеній:
Сколькимъ недальнимъ друзьямъ, вѣчно съ перомъ—не пишу!

27.

Лесбіи нѣтъ въ эпиграммахъ моихъ; или только мечтою,
Словно пустынникъ во снѣ, женственный образъ ловлю.
Вотъ отчего эти строки одна на другую похожи:
Тщетно уюта искать—тамъ, гдѣ живетъ холостякъ.

28.

Если, усталый, ты хочешь пожить и подумать спокойно,
Если не прочь, уступивъ слабости милой, писать,—
Въ домикѣ сельскомъ, гдѣ ты—въ радушномъ уединеньѣ,
Кстати услуги тебѣ глухонѣмого слуги.
Изрѣдка входитъ старикъ, издающій странные звуки,
Быстрый въ движеньяхъ живыхъ, и, улыбаясь тебѣ,
Грустными смотритъ глазами и свой разговоръ начинаетъ
Въ знакахъ—житейски простой и торопливый всегда.
Ты,—не поймешь ли, поймешь,—а порой одинаково чуешь
Нѣкій таинственный міръ ясности и тишины.

29.

Былъ я доволенъ поѣздкой недальней; здѣсь же, вернувшись,
Чувствую, право, себя—словно бы дома опять.
Все же—еще затѣваю свиданіе съ милыми сердцу:
Снова сюда возвращусь,—буду ли радостенъ вновь?
Кажется, такъ хорошо, что и тамъ, и здѣсь то я дома;
Пусть же я дома—вездѣ. Такъ ли ужъ все хорошо?

30.

Кажется, вдругъ своротилъ на элегію я съ эпиграммы?
Будь эпиграммой она самою злой—на меня.

31.

Пусть—я подумалъ сейчасъ—на дневникъ, хоть случайный, похожи
Вы, эпиграммы мои, какъ и другіе стихи;
Всѣ, на него не похожіе, только тогда и прекрасны,
Ежели въ стройной красѣ кроется тотъ же дневникъ.
Такъ я думалъ всегда; но еще прибавлялъ неизмѣнно:
Въ строгомъ порядкѣ держи лирики тайный дневникъ.

32.

Ты, кто сейчасъ на балконѣ, въ томъ домѣ дальномъ и милом,
Гдѣ я когда-то любилъ, дѣтскимъ томленьемъ страдалъ,—
Ты, кто любуешься звѣздной торжественной, тихою ночью,—
Музыку слышишь ли ты? Слышишь простыя слова?
День незабвенный и вечеръ второго августа! Сердце
Ихъ сохранило и вотъ—ихъ годовщиною чтитъ.
Помню: сегодня исполнилось двадцать лѣтъ незамѣтныхъ,
Какъ я когда то любилъ, какъ я когда то страдалъ.
Если бъ родимою ночью не ты, а я любовался,—
Понялъ бы музыку я, понялъ—простыя слова.

33.

Вѣчное счастье—минуту цвѣтетъ; отцвѣло—и навѣки
Память о немъ сохранишь благоуханной душой.

34.

Волга спокойно синѣетъ внизу, загибаясь излукой,
Узкая, странная здѣсь именемъ пышнымъ своимъ.
Тутъ молодыми дубками и темными соснами берегъ
Зеленъ—и свѣжей травой—въ разнообразной красѣ;
Тамъ—желтоватая бѣлая отмель, нива и роща
И надо всѣмъ—облака въ блѣдной дали голубой.
Я же сижу—и книга въ рукахъ—и думаю, будто
Можно надъ Волгой читать, радостно глядя кругомъ.

35

Радостно вѣтеръ шумитъ надъ рѣкою въ соснахъ и елѣхъ,
Птичка какая то вдругъ, близкая, нѣжно пищитъ;

Я жъ оглянусь на бѣлѣющій въ зелени домъ—и невольно,
Въ прошломъ привычной мечтой, образы вижу людей,
Жившихъ когда то; межъ ними—поэтъ, хозяинъ, мечтатель:
Онъ и гвардейцемъ служилъ, онъ и сатиры писалъ,
Драмы, элегіи; онъ же и ленъ обрабатывалъ славно;
Онъ же сигарный заводъ въ дѣдовскомъ домѣ завелъ;
Правилъ лихіе пиры, угощая званыхъ—незваныхъ.
Въ домѣ, въ столовой—его, съ дѣдами рядомъ—портретъ.
Самъ же, добрый поэтъ и старый баринъ, спокойно
Между родимыхъ гробовъ спитъ за церковной стѣной.
Радостно вѣтеръ шумитъ надъ рѣкою въ соснахъ и еляхъ;
Птичка какая то вдругъ, близкая, нѣжно пищитъ.

36.

Думалъ ли давній строитель, когда воздвигалъ этотъ бѣлый,
Строгій въ своей простотѣ и величавости домъ,—
Домъ, озирающій ясно съ холма и лѣса, и поляны,
Волгу межъ ними внизу,—нынѣ сто семьдесятъ лѣтъ,—
Думалъ ли онъ о дальнихъ, ему чужихъ поколѣньяхъ,
Или о благѣ людей, или о славѣ въ вѣкахъ?
Нѣтъ, онъ думалъ о жизни своей, о семьѣ и о дѣтяхъ,
Какъ бы удобнѣй прожить въ миломъ привычно краю.
Но—поколѣнья смѣнились—и новые, дальніе люди
Жизнью наполнили домъ, жизни ему не придавъ:
Онъ, какъ прежде живой, и имъ о жизни вѣщаетъ,
Съ древней своею красой—юную вѣчно красу
Имъ указуетъ въ себѣ и вокругъ и жизни ихъ учитъ:
Только живой для себя жизнью живетъ для людей.

37.

Круглая, желтая низко луна; огромная, смотритъ
Ясно сквозь нѣжный узоръ кружева юныхъ березъ.
Какъ хорошо намъ тихо итти въ желтоватомъ сіяньѣ—
Словно при тепломъ огнѣ. Хочется долго бродить.
Только все выше луна, все меньше; вотъ зеленѣетъ
Блѣдный серебряный кругъ; темная роща внизу
Холодомъ августа влажнымъ овѣяна. Зябкіе члены
Дрогнутъ невольно. Домой хочется, вижу, тебѣ.

38.

Плавно катится луна изъ облака въ облако; вспыхнетъ
Низко зарница порой въ смутной дотолѣ дали;

Тихо березы стоятъ подъ безшумнымъ влажнымъ дыханьемъ
Ночи—и только въ травѣ нѣжно кузнечикъ звенитъ.
Все надъ спящей усадьбой мнѣ вѣетъ миромъ, знакомымъ,
Радостнымъ сельской душѣ; но отчего же ничто
Такъ не лелѣетъ ея миротворно, любовно, какъ запахъ
Ржи, потянувшій ко мнѣ,—плотно лежащихъ споповъ,
Полныхъ, сухихъ, наполняющихъ ригу—здѣсь, у дороги?
Близкому, видно, къ землѣ вышней отрадою—хлѣбъ.

39.

Ночью сидѣлъ я мирно съ перомъ въ рукѣ и работалъ.
Томики новыхъ стиховъ все листовалъ и писалъ.
Тихая ночь со мною стихи читала. Нежданно
Въ темныя двери влетѣлъ, злясь и мечась, нетопырь,—
Бился въ углу, трепыхалъ и падалъ на полъ—и снова
Кверху беззвучно взмывалъ,—какъ изступленный, дрожа.
Съ дерзкимъ вступилъ я въ бой — и его изгналъ я безстрашно.
О, не труднѣе ль борьба критика съ тучей стиховъ?

40.

Помню, безшумно леталъ козодой по старому парку;
Слушаю—вопли совы, филина дьявольскій смѣхъ.
Прежнимъ элегіямъ ночь благосклонная стройность внушала;
Нынче... иль ей надоѣлъ медленный стихъ эпиграммъ?

41.

Знай: говоря о житейскомъ, поэтъ, о живомъ ты вѣщаешь;
Жизнь ли живую поешь—вѣчная жизнь предъ тобой.
Вѣчность гласитъ о безсмертьѣ, безсмертье—о смерти; воспой же
Смерть — обновленную жизнь — въ бренномъ, житейскомъ, живомъ.

Юрій Верховскій.

ОЛЬГА ОРГЪ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Cette fois, le roi décréta la peine de mort, contre tout père de famille qui oublierait, à l'avenir, de cônifier le crâne de ses enfants.

Villiers de L'Isle-Adam
(Le Navigateur sauvage).

Les premiers froids, comme les premiers malheurs de la vie, saisissent le plus vivement: c'est qu'ils flétrissent les feuilles et les espérances.

Gustave Drouineau „L'ironie".

I.

Бѣлые, мягкіе хлопья снѣга тайно, неслышно и быстро устилали землю. Легкіе мотыльки кружились въ блѣдномъ свѣтѣ зимняго дня. Грязный, всѣмъ наскучившій городъ, какъ въ сказкѣ, смѣнился новымъ, такимъ тихимъ, грустнымъ, зачарованнымъ. Люди шли, улыбаясь самимъ себѣ и зажмурившись. Бубенцы звякали тоньше. У дѣвушекъ стыдливо алѣли щеки изъ-подъ напудренныхъ инеемъ прядей волосъ, а у мужчинъ добродушно обвисли усы.

Въ этотъ день, когда къ спящей царевнѣ приходитъ влюбленный принцъ, когда въ поляхъ расцвѣтаютъ голубые ночевѣи, чьи очи—очи любимой, гдѣ сказывается ея сердце; когда души утопшихъ молятся и плачутъ о грѣхѣ своемъ, отчего и синѣетъ въ эту пору ледъ и слышенъ по рѣкѣ тихій шумъ,—въ этотъ день два человѣка, два незнакомца появились въ городѣ.

Они шли, видимо, безцѣльно, такъ просто куда глаза глядятъ, не справляясь съ названіями улицъ, то появляясь, то скрываясь внезапно; шли, говорили, смѣялись или молчали, загрезившись, какъ люди оторванные отъ дѣла, отъ обязанностей, впервые почувствовавшіе себя свободными.

Первая увидала ихъ Лена и даже оглянулась имъ вслѣдъ, потому что они говорили въ то время очень громко, кажется, по-французски, и вообще совсѣмъ не стѣснялись. Она можетъ побожиться, что одинъ изъ нихъ сказалъ ей: „какіе дивные глазки". Ужъ это она разслышала ясно и ошибаться не можетъ.

Да, первая замѣтила ихъ Лена. Она сразу рѣшила, что это иностранцы. Она всетаки знаетъ толкъ въ мужчинахъ!

Потомъ ихъ видали другіе въ другихъ мѣстахъ. Маня Пожарова, которая всегда все узнаетъ послѣдняя, всегда разсѣянна и влюблена, говорила впослѣдствіи, что видѣла „этихъ же самихъ" въ кондитерской у Альберта. Они сидѣли за сосѣднимъ столикомъ и пили шоколадъ, но тогда она ихъ не разобрала, потому что съ нею былъ ея милый Жоржикъ, ея безцѣнный Жоржикъ, а когда онъ съ нею, она никого и ничего не видитъ.

Она вспомнила еще спустя нѣкоторое время, что Жоржикъ говорилъ ей что-то о нихъ. Если ей не измѣняетъ память, онъ разсказывалъ, что они ѣхали съ нимъ вмѣстѣ изъ Петербурга и что кто-то изъ нихъ—писатель или художникъ, а можетъ быть, даже актеръ. Ну, да вѣдь отъ Маши никогда не добьешься толку.

А Оля одна ничего объ этомъ не знала. Она сидѣла у себя въ комнатѣ и читала стихи. Она всегда читала стихи, когда ее охватывала тоска, когда вдругъ ей все становилось противнымъ—и подруги, и мечты ея, и увлеченія. Ея круглые выпуклые сѣрые глаза тогда свѣтлѣли, становились безразличными и холодными, какъ у кошки, все лицо ея дѣлалось злымъ, такъ что ей самой непріятно было смотрѣть на себя въ зеркало, хотя въ другіе дни любила она тонкія блѣдныя черты свои, алыя губы, приподнятыя острыми концами кверху, свою лукавую улыбку, невѣрный блескъ всегда мѣняющихся глазъ.

Она запиралась на ключъ у себя въ комнатѣ, садилась въ большое бабушкино кресло, которое потихоньку притаскивала къ себѣ въ эти дни, подбирала ноги и, съежившись въ комочекъ, читала.

Потомъ вскакивала и быстро ходила изъ угла въ уголъ, похрустывая сложенными тонкими пальцами, и повторяла до одури, до полнаго изнеможенія глупую фразу, исковерканную строку лермонтовскаго стихотворенія:

— И ску, и гру, и некому ру...

Она металась изъ стороны въ сторону, все быстрѣе и быстрѣе, и говорила все одно и то же, одно и то же:

— И ску, и гру, и некому ру...

Какъ-то особенно тихи бываютъ предрождественскія сумерки.

Оля прислушивалась къ рѣдкому поспѣшному дреньканью извозчичьихъ бубенчиковъ, къ поскрипыванію снѣга подъ ногами идущихъ мимо, къ глухимъ голосамъ за стѣною. Минутами ей казалось, что это не она сама заперлась у себя въ комнатѣ, а ее посадили навсегда въ одиночное заключеніе.

Ея душевное одиночество тогда переходило въ одиночество физическое, въ ужасъ передъ видимой пустотой вокругъ, передъ мыслью, что она одна, одна, совершенно одна и больше никогда никого не увидитъ.

Тогда она бѣжала къ двери, лихорадочно нащупывала ключъ и успокаивалась только, когда дверь отворялась и ей виденъ былъ длинный темный коридоръ, въ концѣ котораго мерцалъ свѣтъ изъ кухни и слышался смѣхъ прислуги.

Успокоенная, притихшая, она снова возвращалась къ бабушкиному креслу, садилась въ него, но уже не подбирала подъ себя ноги, а вытягивала ихъ носокъ къ носку и закидывала за голову руки.

Такъ она сидѣла не шевелясь и смотрѣла въ окно на небо, гдѣ вспыхивали звѣзды. Ея сердце таяло, холодное равнодушіе покидало ее; мало по-малу знакомые близкіе образы овладѣвали ею. И ея тонкія, загнутыя концами кверху, какъ перевернутый мѣсяцъ, губы начинали улыбаться.

II.

Осторожно скрипнула дверь, и на порогѣ показалась Лена. Она была въ длинномъ плюшевомъ пальто и шляпкѣ; только ботики оставила въ передней. Въ волосахъ и на вуалеткѣ еще блестѣли нерастаявшія звѣздочки снѣга.

— Ты здѣсь, Олечка?

Ольга не пошевелилась и ничего не отвѣтила. Смотрѣла на подругу и улыбалась.

Лена сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ; она уже не могла сдерживать своего оживленія; ея большіе черные глаза горѣли въ сумеркахъ.

— Ты спишь, Олечка? Ну такъ проснись и слушай, я тебѣ что-то скажу, ты не знаешь, что я тебѣ скажу. Нѣтъ, нѣтъ, ты молчи, ты никогда не догадаешься... А папа твой здѣсь? Я прошла черезъ кухню, и мнѣ сказала Агаѳья, что его нѣтъ... Но всетаки я боюсь, ты знаешь, какъ онъ меня не любитъ.

Оля засмѣялась.

— Какая ты глупая, Лепка! что ты тутъ разсказываешь?

Лена подсѣла къ подругѣ, на ручку кресла.

Отъ нея еще вѣяло морозомъ. Въ своемъ оживленіи она хотѣла поцѣловать Олю, но вспомнила, что та этого не любитъ, и сдержалась.

— Ну же, разсказывай, — попросила Ольга, но сейчасъ же быстро спрыгнула съ кресла.

— Подожди минуточку.

Въ темнотѣ не было видно, что она дѣлаетъ.

— Вотъ на, ѣшь, и разсказывай.

Въ рукахъ Ольга держала тарелку съ рахатъ-лукумомъ. Это было ея любимое лакомство, ея неизмѣнный другъ въ одинокія минуты.

Въ комнатѣ стало еще темнѣе. Въ окнѣ зарябилъ желтый огонь уличныхъ фонарей.

Лена разсказала о томъ, какъ она встрѣтила двухъ незнакомцевъ. Одинъ большой въ pince-nez, другой, бритый, въ косатой мѣховой шапкѣ.

— Я готова держать пари, что они не кто-нибудь,—говорила возбужденная Лена,—у нихъ лица совсѣмъ необыкновенныя и все, все не такое...

Ольга недовѣрчиво вздернула плечами:

— Ну ужъ ты всегда увлекаешься...

— Да нѣтъ же, нѣтъ!... ты увидишь. Ты должна пойти со мною, я тебѣ ихъ покажу.

— Ты хочешь искать ихъ, кажется, по улицамъ?

— А ты слушай! Мы пойдемъ съ тобою на вокзалъ къ шестичасовому поѣзду. Я уже все, все узнала. У нихъ сегодня пересадка и сегодня же они ѣдутъ дальше...

— Тѣмъ болѣе,—возразила Ольга, которой было лѣнь двигаться и хотѣлось подразнить спѣшившую подругу.—Зачѣмъ же намъ итти смотрѣть на нихъ, если они уѣзжаютъ... Какой смыслъ?

Лена возмутилась:

— Нѣтъ, ты невозможная! Когда у тебя такой день, ты ничего не хочешь понять...

— Да, напротивъ, я все понимаю и нахожу...

— Можешь находить что угодно, въ такомъ случаѣ я ѣду одна!

Дѣвушка вскочила съ ручки кресла, поспѣшно облизывая слипшіеся отъ рахатъ-лукума пальцы.

Ольга не думала ее удерживать. Она знала, что Лена никогда не можетъ въ серьезъ на нее разсердиться. Покипятится и перестанетъ. Ольга любила эту дѣвушку, но всетаки, какъ всегда, сознавала свое превосходство надъ нею. Она знала, что Ленѣ не-

выгодно ссориться съ нею—Ольгой Оргъ, дочерью члена окружнаго суда, у которой всегда есть много вкусныхъ вещей и ненужныхъ бездѣлокъ.

Вотъ и сейчасъ Лена совсѣмъ забыла про свою обиду. Она подошла къ туалетному столу и машинально стала прыскаться Ольгинымъ одеколономъ. Она дѣлала это всегда, и Ольга не имѣетъ ничего противъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ссориться? Ольга давно уже убѣдилась, что дружба не бываетъ вполнѣ безкорыстной.

— Ну, полно, Ленка, нечего дуться,—приподымаясь, сказала она.—Такъ и быть, пойдемъ посмотримъ твою диковинку.

III.

Ольга зажгла двѣ свѣчи у туалетнаго стола и сѣла на пуфъ передъ зеркаломъ.

Она слегка поморщилась, взглянувъ на себя. Лицо ея показалось ей блѣднѣе обыкновеннаго. Тогда она встала, быстро скинула кофточку и наскоро умылась.

Отъ холодной воды щеки ея вспыхнули; на лѣвомъ вискѣ забила синяя жилка.

Ей вдругъ стало очень весело. Глаза снова потемнѣли и заиграли усмѣшкой. Пальцами она расправила узенькія—дужками—брови, провела по тонкому носу пуховкой съ пушистой пудрой и вспрыснулась духами „Asurea“.

Потомъ достала, впопыхахъ раскидавъ все вокругъ, другую кофточку—темно-синюю, шелковую—своего любимаго цвѣта. Подколола ее булавками, потому что нехватало нѣсколькихъ кнопокъ, и, снова подбѣжавъ къ зеркалу и уже не садясь, оглянула себя со всѣхъ сторонъ.

Въ золотомъ отъ свѣчей маревѣ зеркала мелькнула ея тоненькая фигурка, стройная и гибкая, не знавшая корсета; взмахнули дѣтскія—прутиками—руки; вспыхнули темно-русые волосы.

Все волнующаяся, Лена подала ей шляпку.

Ольга взяла ее съ обычной недовольной гримасой. Это была простенькая мѣховая шапочка, безъ перьевъ и лентъ, нелѣпая, пирожкомъ шляпка, изъ-за которой столько разъ Ольга проклинала гимназію и придиру начальницу. Кому могла итти эта шляпка? Дѣвушка не хотѣла согласиться, что въ 17 лѣтъ дѣвичье лицо краситъ любой нарядъ.

Въ передней онѣ встрѣтились съ Аркадіемъ, братомъ Ольги. Онъ казался не въ духѣ. Его желтое отъ безсонныхъ ночей лицо болѣзненно морщилось. Сабля и шпоры немилосердно звякали.

— Опять бѣгать по улицамъ?—брюзжалъ онъ, стягивая узкую въ таліи и длинную до пятъ кавалерійскую шинель.

Ольга улыбнулась. Они были друзьями, но она знала, что братъ любитъ дѣлать ей замѣчанія, когда послѣ попойки у него болитъ голова или онъ проигрался.

— Смотри же, къ обѣду возвращайся!

На улицѣ было безвѣтрено и тепло. Тротуары запорошило снѣгомъ, падающимъ крупными влажными хлопьями. Впереди поэтому казалось, будто суетится рой бѣлыхъ бабочекъ, а дальше все сливалось въ бѣлую муть.

Всѣ прохожіе, точно сговорясь, надѣли бѣлые пуховые воротники и шапки.

Фонари свѣтились невѣрными желтыми, расплывающимися пятнами. Люди, какъ призраки, наплывали другъ на друга и сейчасъ же исчезали. На душѣ становилось особенно радостно, и что-то тихо смѣялось въ глубинѣ сердца, а глаза жмурились отъ липнувшаго снѣга.

Крѣпко зажавъ пальцы въ большой муфтѣ, склонивъ немного набокъ голову и бодро постукивая сѣрыми на кожаныхъ каблучкахъ ботиками, Ольга шла все шибче и шибче. Лена, меньше ея ростомъ, полная, съ чрезмѣрно развитой грудью, едва поспѣвала за нею.

Подходя къ мосту, онѣ заслышали заглушенную падающимъ снѣгомъ музыку. Подъ мостомъ на рѣкѣ, въ очищенномъ и обсаженномъ елками кругу военный оркестръ игралъ „На сопкахъ Манджуріи“.

Черные, забавные сверху люди причудливыми зигзагами рѣзали коньками ледъ, сверкающій холоднымъ матовымъ блескомъ подъ двумя шарами газокалильныхъ фонарей.

— Хорошо,—почти шопотомъ протянула Ольга, на мгновеніе пріостанавливаясь и прислушиваясь къ музыкѣ.

— Нѣтъ, я люблю больше „Лѣсную сказку“,—отвѣтила Лена.

Наморщивъ тонкій, со смѣло вырѣзанными ноздрями носъ, Ольга пошла впередъ, недовольно бросивъ:

— Ахъ, не то!

Она любила музыку за тѣ воспоминанія, которыя она въ ней пробуждала. Мотивъ какой-нибудь аріи или запахъ духовъ всегда вызывали въ ней забытые образы особенно ярко, особенно остро. Несмотря на свои 17 лѣтъ, Ольга любила воспоминанія. Все пережитое становилось для нея интереснѣе, все переживаемое казалось скучнымъ, обыденнымъ и донельзя знакомымъ. О будущемъ она думала со страхомъ и боялась мечтать о немъ. Ей

казалось, что, представляя его такимъ или другимъ, она его сглазитъ. Поэтому она не строила, какъ другія, плановъ и только изрѣдка, въ самыя свои тоскливыя минуты, молила Бога, чтобы Онъ ей послалъ все, только не унылое однообразіе „сегодня“.

IV.

Ольга сразу ожила, когда вошла въ залу. Она любила безтолковую толчею; кромѣ того, ей всегда казалось, когда она была тутъ, что ее что-то ждетъ новое и интересное впереди; что вотъ стоитъ купить билетъ, и начнется совсѣмъ иное, заманчивое. Ей даже было безразлично, куда ѣхать, лишь бы ѣхать.

Часто, имѣя кое-какія деньги, она ощущала непреоборимое желаніе подойти къ маленькому окошечку кассира и взять билетъ, но всякій разъ она вспоминала мать, которую любила, какъ младшую сестру, видѣла уже ея обезпокоенное нервное лицо и то, какъ она хватается за сердце, когда у нея начинаются перебои, и останавливалась, только грустно вздыхая.

— Гдѣ же они?—спросила она Лену, оглядываясь по сторонамъ и не примѣчая никого, кто бы могъ походить на описаннаго ей незнакомца.

— Пройдемся до конца зала, — отвѣчала Лена, поправляя шляпку и машинально оглядывая себя въ зеркало.

Онѣ пробѣжали залъ изъ конца въ конецъ, но тѣхъ, кого онѣ искали, не было.

Тогда онѣ купили перронные билеты и вышли на платформу.

Шестичасовой поѣздъ уже стоялъ у дебаркадера. Носильщики носили вещи. У третьяго класса толпились мужики съ сѣрыми тюками на спинѣ.

Изъ-подъ навѣса вѣтеръ иногда сдувалъ бѣлую пыль снѣга и завѣвалъ ее въ призрачныя воронки.

— Да гдѣ же они, гдѣ же?—уже начиная волноваться и не зная причины этому, спрашивала Ольга.

И вдругъ она остановилась, привороженная. На нее смотрѣли сверху, съ площадки вагона, чьи-то внимательные темные глаза.

— Это онъ,—тотчасъ же услышала она за собою Ленинъ шопотъ.

Но объясненія были не нужны. Ольга сама это ясно почувствовала.

Конечно, на одно лишь мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, но потомъ, вспоминая это мгновеніе, Ольга всегда думала, что она пережила много-много дней.

Она не могла бы даже сказать, что̀ особенно поразило ее въ этомъ незнакомцѣ. Она видѣла лица болѣе красивыя, но они не заставляли такъ волноваться ея сердце. Она увлекалась ими, увлекала ихъ сама, но тамъ это было какъ-то легко, весело и скользяще. А тутъ она даже почувствовала первый холодъ и крѣпче стиснула въ муфтѣ пальцы.

Ей и въ голову не пришло кокетливо охорашивать себя, какъ она это дѣлала всегда, потому что чувствовала себя подъ любопытными глазами мужчинъ хорошенькой и хотѣла казаться еще лучше.

Въ это мгновеніе она потеряла себя, забыла о себѣ, только слышала, какъ сильно билось сердце.

Дѣвушки сейчасъ же пошли дальше, вдоль вагоновъ, обѣ взволнованныя по-своему, Лена—шумная, Ольга—притихшая и не слышавшая, что говорила ей подруга.

— Ну, развѣ неправду я сказала? Развѣ онъ не очень красивъ?—допытывалась Лена.

Но Ольга не знала даже, красивъ онъ или нѣтъ. Она ничего не знала.

Когда онѣ возвращались обратно, оба незнакомца стояли уже рядомъ.

Тотъ другой, высокій и полный, съ золотымъ пенсне, совсѣмъ обыкновенный, добродушный медвѣдь, что-то смѣясь говорилъ и показывалъ на дѣвушекъ.

— Вотъ увидишь, они подойдутъ къ намъ,—шептала Лена.— Я ужъ знаю.

Ольга испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, только ради Бога не отвѣчай имъ, если они начнутъ заговаривать. Слышишь, а то я сейчасъ уйду.

— Да что съ тобой?—удивилась та,—чего ты боишься?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Ольга точно бѣжала отъ самой себя. Но она не могла бы уйти сейчасъ отсюда. Она просто не знала, что дѣлать.

V.

Полный незнакомецъ въ pince-nez соскочилъ съ подножки на перронъ и, улыбаясь не то смущенно, не то вызывающе, подошелъ къ дѣвушкамъ.

— Надѣюсь, что вы не очень обидитесь на меня за то, что я заговариваю съ вами,—началъ онъ, приподымая надъ головою котиковую свою шапку,—но увѣряю же васъ, что тутъ нѣтъ ни-

чего предосудительнаго. Я и мой другъ ѣдемъ изъ Петербурга въ имѣніе на святки, у насъ никого нѣтъ знакомаго въ этомъ городѣ и никто не могъ бы насъ познакомить съ вами, а намъ такъ хотѣлось бы этого. Я—писатель, мой другъ—художникъ, и очень талантливый художникъ, увѣряю васъ...

Незнакомецъ говорилъ, обращаясь къ Ленѣ, должно быть, замѣтя, что съ нею легче столковаться, но изрѣдка онъ смотрѣлъ и на Ольгу, которая шла впереди, опустивъ голову и плотно сомкнувъ свои губы.

Послѣднія слова онъ обратилъ уже только къ ней.

— Итакъ, вы видите, что мы далеко не искатели приключеній, а просто люди, смотрящіе здраво на вещи. Мой другъ, болѣе того, восхищенъ вашимъ профилемъ, сударыня, который напоминаетъ ему венеціанскую камею... Я мало смыслю въ этомъ, но онъ увѣряетъ, что такія очертанія губъ, какъ у васъ, можно встрѣтить только на старинныхъ гравюрахъ, а волосы ваши горятъ, какъ червонное золото. Онъ говоритъ, что великій Леонардо былъ бы счастливъ писать вашъ портретъ, который назвали бы восхищенные потомки „Соблазненная Мадонна". Онъ успѣлъ мнѣ сказать еще, что не хотѣлъ бы полюбить васъ и боялся бы вашей любви потому будто бы, что ваша любовь подобна жалу пчелы: отравивъ любимаго, она останется съ нимъ навѣки и, оторвавшись отъ васъ, умертвитъ васъ...

Ольга чуть улыбнулась, слушая его. Ей показались смѣшными его слова, нарочно выдуманными сейчасъ, какъ тема для разговора съ глупыми дѣвчонками.

Незнакомецъ замѣтилъ ея улыбку и съ живостью подхватилъ:

— Нѣтъ, вы не думайте, что я шучу, а мой другъ хотя и большой фантазеръ, но иногда, знаете, я ему вѣрю... Право, иногда нужно вѣрить необычайному...

Онъ вдругъ сдѣлался серьезенъ, и его глаза подъ золотымъ пенснэ стали грустными, почти испуганными. Онъ былъ похожъ теперь на Неро—Ольгинаго сенъ-бернара, когда тотъ смотрѣлъ на нее, положивъ ей на колѣни свою большую мохнатую морду.

Черезъ мгновеніе незнакомецъ продолжалъ:

— Нѣкоторые люди умѣютъ видѣть, ихъ глазамъ многое доступно... да... а вотъ я чувствую... у меня есть свои примѣты, свои числа... я суевѣренъ и не стыжусь этого... Скажите, у васъ есть какое-нибудь число? Число со значеніемъ, вѣщее число?

Онъ подошелъ совсѣмъ близко къ Ольгѣ, какъ всѣ близорукіе люди, не замѣчая своей неловкости. Ольга отодвинулась, но

вопросъ его былъ заданъ такимъ простымъ тономъ, что она не колеблясь отвѣтила:

— Да, есть... все важное для меня—и хорошее, и дурное—случается двадцать второго.

Незнакомецъ задумчиво поднялъ голову, потомъ пристально и удивленно посмотрѣлъ на дѣвушку, точно желая узнать, не шутитъ ли она, и, должно быть, тотчасъ же прочтя въ ея глазахъ, что она была искренна, тихо произнесъ:

— Ну, вотъ, видите...

Его перебилъ пронзительный свистъ паровоза.

Поѣздъ дрогнулъ, готовый отойти. Тогда незнакомецъ приподнялъ опять свою шапку и вспрыгнулъ на площадку, на которой все еще стоялъ его другъ.

Поднявъ глаза, Ольга встрѣтилась снова съ немигающими, пытливыми и какъ будто даже тревожными глазами того, другого.

Вагонъ медленно началъ уплывать. Дѣвушки пошли рядомъ, и, когда поѣздъ прибавилъ ходу и уже нельзя было поспѣвать за нимъ, незнакомецъ, говорившій съ дѣвушками, вдругъ перегнулся назадъ, въ сторону провожающихъ, и крикнулъ:

— А вѣдь сегодня двадцать второе декабря...

И спустя мгновеніе еще слабѣе до нихъ донеслось:

— Прощайте!

VI.

Ничего не могло такъ поразить Ольгу, какъ пустыя слова незнакомца, что сегодня двадцать второе. Вѣдь это она знала прекрасно еще съ утра и ждала этотъ день задолго, потому что двадцать второго распускаютъ гимназистокъ на рождественскіе праздники. Отъ этого дня она не ждала ничего, кромѣ радости сознанія, что на двѣ недѣли она свободна отъ глупыхъ уроковъ; потомъ на нее напала хандра, и она заперлась у себя въ комнатѣ; потомъ она увидѣла его и вдругъ вспомнила роковое значеніе двадцати двухъ и, когда вспомнила это, совсѣмъ, совсѣмъ забыла число сегодняшняго дня. Что же есть въ этомъ необычайнаго? Ничего, конечно, ничего... Что изъ того, что она увидѣла его двадцать второго? И вообще, что такое онъ? Но, несмотря на эти ясныя, логическія мысли, Ольга чувствовала, что волненіе, охватившее ее при видѣ темныхъ глазъ незнакомца, точно читающихъ въ душѣ ея, не ослабѣваетъ, а растетъ.

— Какой вздоръ,—произнесла она, идя рядомъ съ Леной снова по свѣжимъ мутнымъ улицамъ.

— Что вздоръ?

— Ахъ, ничего, Ленка. Право, ты дикая со своими вопросами.

Ее уже раздражала подруга.

— Ты просто сердишься, что тотъ не подошелъ къ тебѣ,— уколола ее Лена,—ну, да ему мало интереса знакомиться съ нами.

Ольга вспылила:

— Съ тобой, можетъ быть!...

— А почему же не съ тобой?...

— Потому что, потому что...

Ольга подыскивала слова, все больше волнуясь и удивляясь своему раздраженію.

— Потому что онъ любитъ меня!

— Что?

Лена остановилась, съ любопытствомъ глядя на подругу. Ольга сама испугалась своихъ словъ, но они не показались ей дикими. Произнеся ихъ, она повѣрила имъ, какъ будто кто-то другой прошепталъ ей это на ухо.

— Да, да, да, любитъ, любитъ... Я знаю, и ты не возражай! Слышишь? Не смѣй спорить...

Лена молчала, сбитая съ толку, ничего не понимающая, раскрывая свои большіе—плошками—черные глаза.

— И не иди со мною, оставь меня одну!... Одну!...

Она повернулась спиною къ подругѣ и побѣжала, скользя по мокрому снѣгу.

Мысли ея путались, ей было все равно куда итти, лишь бы остаться одной. Ей казалось, что кто-то посторонній, шепнувшій ей ея самонадѣянныя слова, теперь не оставляетъ ея, владѣетъ ею. Ей страшно было, но она не могла бороться.

Пусть, пусть... Почему бы и не такъ. Отчего бы ей и не повѣрить въ необычайное?

Она снова была на мосту, подъ которымъ на рѣкѣ блестѣлъ ледяной кругъ катка и играла музыка.

И вдругъ у нея въ глазахъ навернулись слезы. Она почувствовала, что слабѣетъ, и, обезсиленная, наклонилась надъ перилами моста. Она не знала и теперь, что съ нею, но ей стало невыразимо хорошо; сердце ея сжималось отъ теплоты и счастья. Она не находила словъ своему чувству, оно не было похоже ни на какое другое чувство, испытанное ею раньше и опять, какъ тогда, когда она впервые увидѣла глаза незнакомца, она потеряла себя, свое лицо, забыла любовь къ себѣ, любованіе собою. Было только одно большое радостное свѣтлое счастье.

Она нѣсколько разъ пережила сызнова свою встрѣчу съ не-

знакомцемъ. Ей ничуть не было досадно, что онъ такъ и не сказалъ ей ни слова. Ей ничего не нужно было, ничего...

VII.

Какъ ей были противны теперь всѣ поцѣлуи, полученные и отданные ею. Какъ она могла радоваться имъ раньше? Краденый поцѣлуй Владека Ширвинскаго въ ихъ темномъ коридорѣ. Онъ встрѣтился съ нею тамъ, выходя изъ комнаты ея брата, схватилъ ее за руки и поцѣловалъ въ губы. Онъ никогда раньше не говорилъ съ нею, а тутъ вдругъ у нея закружилась голова отъ его поцѣлуя, и она тоже поцѣловала его, а потомъ они кинулись въ разныя стороны, потому что скрипнула дверь и раздался голосъ Аркадія.

Она заперлась тогда и спрашивала себя, не любовь ли это, потому что глаза ея потемнѣли и она не могла смотрѣть на себя въ зеркало. Все ея тѣло горѣло, и ей хотѣлось пить. Но потомъ, встрѣчаясь съ Ширвинскимъ снова, она всегда съ дрожью думала о его поцѣлуяхъ, которыми онъ ее дарилъ всякій разъ и которыхъ она боялась, но которымъ не могла противиться, непрестанно спрашивая себя, не любовь ли это.

Но тамъ не было счастья. Нѣтъ, тамъ его не было.

Въ прошломъ году ее цѣловалъ Мравинъ-Сѣвскій—драматическій актеръ, „адски интересный", первый любовникъ, какъ его называли всѣ семи- и восьмиклассницы, сходящія по немъ съ ума. Каждая старалась заслужить его расположеніе, и это расположеніе заслужила она, Ольга Оргъ.

Какъ она гордилась имъ передъ подругами. Сколько она нажила враговъ изъ-за него. Ее начали считать интриганткой, съ ней многія перестали говорить въ классѣ, но она была довольна, потому что самолюбію ея было пріятно, что ей завидуютъ.

Ей было позволено ходить къ нему въ уборную, пока другія стояли у его дверей.

Онъ усаживалъ ее и кормилъ виноградомъ.

Она дурачилась, капризничала, требовала, чтобы онъ становился на колѣни и такъ униженно просилъ о поцѣлуѣ.

И, цѣлуя его, она удивлялась тому, что у него такія жесткія, синія щеки.

Онъ спрашивалъ ее: „любишь ли меня?", она, смѣясь, отвѣчала: „люблю", но ничего не чувствовала, кромѣ радости, что вотъ сейчасъ выйдетъ отъ него и встрѣтитъ завистливые взгляды подругъ.

А когда онъ цѣловалъ ее, она смотрѣла съ любопытствомъ

въ его глаза, загоравшіеся похотливымъ огнемъ, но лицо ея оставалось холоднымъ, и, наскучившись этимъ, она говорила ему: „ну, довольно“.

Онъ, кажется, не на шутку влюбился въ нее, называлъ „сфинксомъ“, все пытался разгадать ее и такъ и не разгадалъ.

Однажды онъ позвалъ ее къ себѣ въ номеръ гостиницы. Ей было страшно, но подруги ея сказали ей, что она, конечно, не пойдетъ, и она пошла.

Онъ былъ взволнованъ, онъ, повидимому, на что-то рѣшился. Онъ сразу же заговорилъ съ нею о своей любви. Цѣловалъ ея колѣни. А она смотрѣла на него съ любопытствомъ, безъ тѣни страха. Тогда онъ поднялъ ее и отнесъ на тахту.

Она не противилась. Она неподвижно лежала и смотрѣла на него. Онъ припалъ къ ней губами. Долго не отрывался, жадно цѣлуя.

И почти задушивъ ее въ своихъ объятіяхъ, пьянѣя, но все еще боясь за свою свободу и не рѣшаясь, онъ спросилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Скажи, ты вѣдь не дѣвушка?

О, какъ она смѣялась, какъ она смѣялась этому звѣрю прямо въ лицо, совсѣмъ холодная и спокойная. Она захлебывалась отъ хохота.

Недоумѣвающій, онъ выпустилъ ее и сидѣлъ смѣшной съ взъерошенными волосами, съ галстукомъ набоку, съ стеклянными, глупыми глазами.

Она спокойно застегнула кофточку, одѣлась и ушла.

Когда она разсказала объ этомъ подругамъ, онѣ не могли понять ея и, кажется, не повѣрили.

— Вѣдь онъ же любилъ тебя!—говорили онѣ, а Маня Пожарова такъ та прямо сказала:

— Ты или врешь, или ты просто безстрастная дура!

Эта Маня Пожарова всегда хвасталась, что она очень страстная и что поцѣлуи Жоржика ее сводятъ съ ума.

Нѣтъ, поцѣлуи „красавца-актера“ были только смѣшны Ольгѣ и даже не вызвали въ ней того страха и стыда, которые охватывали ее теперь всякій разъ, когда ее цѣловалъ Владекъ.

VIII.

Погруженная въ воспоминанія, Ольга забыла время. Бѣлые хлопья снѣга осыпали ея спину и шляпку, но она ничего не видѣла, кромѣ длинныхъ золотыхъ лучей, которые тянулись къ ней сквозь сощуренныя вѣки.

Но, опомнившись, она заспѣшила домой, потому что обѣденное время уже давно миновало.

Она шла по улицамъ и не переставая улыбалась. Она не мечтала о будущемъ, но у нея было что-то свое, что должно совершаться.

Жизнь снова вернулась къ ней со своими радостями и шумомъ, но она смотрѣла на нее иначе.

Дома ее встрѣтила горничная шопотомъ: „Господа уже покушали, а барышнѣ оставленъ приборъ, но баринъ очень сердится".

Ольга хотѣла подѣлиться съ матерью своей радостью (она только не знала какъ); теперь же въ ней заговорило болѣзненное самолюбіе. Она подняла голову и сухо повела посвѣтлѣвшими глазами.

Раньше она сама пеняла на себя за то, что забыла про обѣдъ, а теперь, въ ожиданіи нагоняя, уже казалась себѣ правой и оскорбилась.

Когда ей подавала горничная второе блюдо, въ столовую вошелъ отецъ.

„Начинается",—подумала Ольга и, опустивъ глаза въ тарелку, съ упорствомъ стала разрѣзать плохо подогрѣтый кусокъ ростбифа.

Виталій Августовичъ, не глядя на дочь, мягко ступая подбитыми зайцемъ матерчатыми туфлями, прошелъ изъ дверей своего кабинета въ противоположный конецъ столовой, гдѣ стоялъ буфетъ. Доставъ изъ буфета рюмку, онъ налилъ изъ графина воды, накапалъ туда изъ принесеннаго съ собой пузырька нѣсколько бурыхъ капель лѣкарства и только тогда, все еще держа въ рукѣ рюмку и не выпивая ея, оборотился къ Ольгѣ.

— Ты, кажется, хочешь совсѣмъ уморить насъ,—сказалъ онъ сухимъ, но еще сдержаннымъ голосомъ.—Мало того, что ты не считаешь долгомъ сообщать намъ, гдѣ ты пропадаешь цѣлыми днями, ты еще позволяешь себѣ не уважать домъ, въ которомъ живешь... Ты превращаешь его въ кабакъ, гдѣ можно ѣсть когда угодно. Но, милая моя, это ужъ слишкомъ!

Онъ умолкъ на мгновеніе, глядя на дочь, которая упорно и невозмутимо продолжала ѣсть.

— Къ несчастію, теперь поздно заниматься твоимъ воспитаніемъ,—продолжалъ старикъ, все болѣе волнуясь,—мои дѣла не позволяли мнѣ думать объ этомъ раньше, а твоя мать...

— Оставь, пожалуйста, въ покоѣ маму,—тихо, но внятно проговорила Ольга.

— Что?

Не подымая головы, дѣвушка повторила:

— Оставь въ покоѣ маму!

Синія жилы налились на плоскихъ лысыхъ вискахъ Виталія Августовича. Расплескивая лѣкарство, онъ поставилъ рюмку на столъ и подбѣжалъ къ неподвижно сидящей дочери. Все его маленькое, худое тѣло тряслось; пенснэ упало и повисло на шнуркѣ вдоль старенькаго сѣраго пиджака.

— И ты, и ты смѣешь мнѣ говорить это?—кричалъ онъ, не помня себя и подпрыгивая.—Гнусная дѣвчонка, отбившаяся отъ дома, смѣетъ мнѣ, отцу, запрещать говорить... Она, черствая эгоистка, никогда не думавшая ни о больной своей матери, ни обо мнѣ?... Она смѣетъ защищать свою мать, которую уважаютъ больше ея! Это еще новости! Вотъ вамъ вашъ гимназическій сбродъ, ваши милыя подруги!

Ольга поднялась со стула и, бросивъ на столъ салфетку, пошла къ дверямъ.

Ея молчаніе, ея хладнокровіе еще болѣе горячили отца. Виталій Августовичъ кинулся за нею и схватилъ ее за руку.

Поблѣднѣвшая Ольга вырвала руку.

— Не смѣйте меня трогать.

— Что? что?... Стой, когда съ тобой говорятъ! Да стой же!

Но Ольга не повиновалась. Она чувствовала, что еще одно слово, и она, не помня себя, кинется на отца. Несмотря на обиду, она жалѣла отца, котораго любила меньше матери, но столь же снисходительно. Она давно привыкла относиться къ нимъ обоимъ такъ, какъ будто они были младше нея и нуждались въ снисхожденіи.

Виталій Августовичъ снова догналъ дочь и схватилъ ее за локоть. Отъ волненія онъ не разсчиталъ своей силы и разорвалъ рукавъ Ольгиной кофточки.

Ольга вздрогнула, вся кровь прилила къ ея головѣ, и она, изогнувшись, толкнула отца.

Старикъ нелѣпо вскинулъ руки и упалъ. Голова его ударилась объ полъ. Ольгѣ показалось, что онъ потерялъ сознаніе.

Сразу охладѣвшая, пришедшая въ себя, дѣвушка стояла надъ нимъ, не зная, что дѣлать.

На шумъ пришелъ Аркадій. Онъ спалъ послѣ обѣда, и правая щека его еще горѣла, измятая жесткой подушкой дивана.

— Опять скандалъ,—протянулъ онъ, зѣвая и не замѣчая лежащаго отца.—Маму разбудите! Чортъ тебя носитъ. Я же говорилъ не опоздать!

Ольга молча показала ему на отца.

— Воды дай скорѣе!

И склонилась надъ старикомъ, силясь приподнять его голову.

Виталій Августовичъ открылъ одинъ глазъ, глянулъ на дочь и тихо, но раздѣльно проговорилъ:

— Убирайся вонъ! Слышишь, сейчасъ же убирайся вонъ изъ моего дома.

IX.

Городъ спалъ, и надъ нимъ, тамъ, гдѣ-то за дальними домами, лихорадочно взмывало туманное зарево.

Еще изъ театра не разъѣзжались, такъ какъ пьеса не кончилась. Темный рядъ извозчиковъ, охраняемый городовымъ, былъ неподвиженъ. Только изрѣдка то въ одномъ концѣ его, то въ другомъ фыркала или кашляла застоявшаяся лошадь.

Изъ артистическаго подъѣзда вышли Ольга, Владиславъ Ширвинскій, Раиса Андрушкевичъ, гимназическая подруга Ольги, студенты баронъ Оттонъ фонъ-Диркеъ съ Антошей Богушемъ и гимназистъ восьмого класса Вася Труновъ. Всѣ они смѣялись и были веселы.

Ольга смѣялась больше всѣхъ. Она уже забыла о давешней сценѣ съ отцомъ. Какъ никогда раньше, она чувствовала себя взвинченной, способной на шалость, готовой прыгать отъ дѣтской радости. Явное ухаживаніе мужчинъ еще болѣе ее веселило. Она дразнила ихъ весь вечеръ своею таинственностью. Ей нравилось, что у нея есть тайна, въ которую хотятъ проникнуть.

Обыкновенно молчаливая и таинственная Раиса, любившая казаться немного тронутой и этимъ извѣстная въ гимназіи, сегодня держалась въ сторонѣ и не мѣшала. Она была простужена и боялась за свой голосъ, и точно недурной, который она берегла, думая поступить на будущій годъ въ консерваторію.

Ее поддерживалъ за локоть баронъ—высокій, худой и блѣдный, начисто выбритый, съ грустно поникшей головой. Она шептала придушеннымъ голосомъ, закрываясь муфтой.

— Ахъ, тише, тише!

Вася Труновъ, маленькій и вертлявый, съ ужимками заправскаго танцора, какимъ онъ и былъ, подбѣжалъ къ Ольгѣ съ пылающими щеками, съ бьющимся сердцемъ; отъ него пахло виномъ, и глаза его невѣрно блестѣли. Онъ вырвалъ руку Ольги изъ руки сопровождавшаго ее Владека и закружилъ дѣвушку въ бѣшеномъ вальсѣ.

— Оставьте, сумасшедшій,—смѣялась она,—здѣсь не вечеринка.

И, выскользнувъ изъ объятій гимназиста, чувствуя еще, какъ кружится голова и бьется въ вискѣ кровь, она сказала, обводя всѣхъ увлажнившимся взглядомъ:

— Господа, вы должны радоваться со мною... Нѣтъ, правда! Я такъ счастлива, такъ счастлива!

Дѣвушка зажмурилась и протянула впередъ руки.

— Сегодня мой самый счастливый день. Сегодня двадцать второе. Ты знаешь, Рая, что̀ это для меня!... И я нашла его, я нашла его сегодня!

Ольга снова открыла глаза, улыбающаяся и довѣрчивая. Она любила всѣхъ въ это мгновеніе, всѣ были ея друзьями и должны понять ее.

— Имя, имя этого счастливца?!—дурашливо закричалъ Богушъ.

Ольга подняла кверху углы своихъ губъ. Она улыбалась.

— Имя?... У него нѣтъ имени, у него нѣтъ родины—онъ прекрасный Эросъ!

Дѣвушка засмѣялась. Ее самое забавляла ея торжественность.

— Ну, что же, будемъ прощаться?

Раиса Андрушкевичъ съ барономъ Дирксъ сѣли въ однѣ сани, Труновъ съ Богушемъ—въ другія.

Вася былъ совсѣмъ пьянъ. Онъ еле двигался, сразу ослабѣвъ. Все его безусое ребяческое лицо поблѣднѣло, глаза угасли, обычная живость оставила его. Только полныя губы, еще неясно очерченныя, почти непорочныя по своей свѣжести, алѣли взволнованною кровью.

Онъ смотрѣлъ влюбленными глазами на Ольгу и тихо улыбался. Ему хотѣлось сказать ей что-нибудь особенно нѣжное. Онъ хотѣлъ, чтобы она догадалась о его обожаніи къ ней, о его восторженной влюбленности, онъ умиленъ былъ самимъ собою. Тихо позвалъ ее:

— Оля!...

Дѣвушка обернулась на его зовъ. Она все время, не переставая, улыбалась. Выпитое до этого за кулисами у Дарскаго вино немного кружило ей голову, но было такъ легко, такъ радостно.

— Что, Вася?

— Подойдите ко мнѣ, я не могу...

Гимназистъ виновато улыбнулся.

Она подошла къ нему вплотную. Онъ сидѣлъ въ саняхъ, ухватившись руками за полость, и восхищенно смотрѣлъ на нее, на ея сбившіеся, запорошенные инеемъ волосы.

Фонарь бросалъ ему въ лицо блѣдные лучи свѣта, проводя глубокія тѣни подъ глазами.

— Какой вы хорошенькій, Вася,—сказала Ольга.

Она впервые пристально вглядывалась въ него. Ее и поразилъ, и испугалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалъ его немигающій влюбленный взглядъ.

— Вы смѣетесь,—укоризненно промолвилъ онъ,—какъ всегда, Оля... А я помню наше пари... Вы обѣщали поцѣловать меня, если я цѣлый мѣсяцъ не заговорю съ вами... Мѣсяцъ прошелъ.

Онъ говорилъ тихо, но такъ, что Богушъ, сидѣвшій рядомъ, могъ его услышать.

— Я молчалъ, Оля...—повторилъ гимназистъ, не отводя отъ нея глазъ.

Ольга засмѣялась. Она уже готова была отдать обѣщанный поцѣлуй, но, нагнувшись къ Васѣ, увидала его глаза, вдругъ ставшіе огромными, безумными, страдальчески-напряженными, и въ испугѣ отшатнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, не надо... прощайте.

Она отбѣжала отъ саней къ тротуару, туда, гдѣ ждалъ ее спокойный и самоувѣренный Ширвинскій, и, принявъ его руку и не оглядываясь, быстро пошла по тротуару въ темнѣющую улицу.

X.

Они шли быстро. Звонъ бубенцовъ отъѣзжавшихъ затихалъ. Шуршащая снѣжная тишина объяла ихъ. Черные ряды домовъ размыкались передъ ними.

Ольга съ наслажденіемъ вдыхала холодную мглу; холодъ разгонялъ непріятное ощущеніе, оставленное Васинымъ взглядомъ. Дѣвственный и грѣшный въ одно и то же время, онъ пугалъ своей необычностью, своей властной правдивостью. Онъ отдавался и требовалъ. Нѣтъ, его нельзя было вынести. Становилось больно и обидно за него, за себя.

Ширвинскій шелъ рядомъ — высокій, спокойный, самоувѣренный.

Его рѣзкій, немного хищный въ нижней своей части профиль съ упрямо вверхъ торчащими усиками даже теперь ясно видѣла передъ собой Ольга, когда подымала глаза.

Онъ шелъ молча, зная, что она смотритъ на него, и ничуть не волновался. Спокойно курилъ папиросу и о чемъ-то безмятежно думалъ.

— Владекъ,—окликнула Ольга.

— Что, моя дѣвочка?—отвѣчалъ тотъ невозмутимо.

— Я не хочу спать. Пройдемся по бульвару.

— Охотно, милая...

— Я обижусь, Владекъ!...

Ширвинскій слегка улыбнулся. Онъ сразу понялъ самолюбивую дѣвушку и зналъ, на какихъ играть струнахъ.

— Въ чемъ дѣло, многоуважаемая?

Ольга топнула ногой и сейчасъ же разсмѣялась.

— Нѣтъ, вы невозможны. Извольте говорить со мною по-человѣчески.

— Охотно... Но не прикажете ли вы молить васъ о поцѣлуѣ, какъ милый Вася?

Дѣвушка задорно вскинула голову.

— А хотя бы и такъ!

Ширвинскій опять усмѣхнулся, искоса поглядывая на нее.

— Мнѣ этого не нужно,—спокойно отвѣчалъ онъ.—Вы это сами сдѣлаете, безъ моей просьбы...

— Что?

Онъ повернулся къ ней, усмѣхающійся и самоувѣренный, все такъ же пряча свои руки въ карманы широкаго мѣхового пальто.

Ольга молчала, не зная, обидѣться ей или разсмѣяться.

Они остановились на самомъ краю обрыва, надъ рѣкой, теперь скованной льдомъ. Кругомъ въ бѣлыхъ саванахъ стояли застывшія деревья бульвара. Высоко въ небѣ жарко тлѣли звѣзды. А подъ ногами хрустѣлъ снѣгъ.

Торжественность зимней ночи передавалась людямъ.

Въ нерѣшительности оглянувшись, Ольга уже не могла оторвать взгляда своего отъ окружающаго. Она забыла о Ширвинскомъ. Она не помнила его дерзости.

Съ того берега раздался желѣзный стукъ уходящаго поѣзда. По сталью и серебромъ блистающей рѣкѣ, по прихотливымъ ея извивамъ прошелъ встревожённый гулъ и вмѣстѣ съ нимъ, съ этимъ ропотомъ замерзшаго воздуха, долетѣло до Ольги воспоминаніе.

Она увидала пытающіе, внимательные глаза незнакомца. Не страстные, не равнодушные, не грѣшные и не наивные, а проникающіе въ душу, быть можетъ, и безъ воли, только потому, что, глядючи на нихъ, забываешь себя.

— Да что же это, наконецъ?—прошептала тихо Ольга, и радуясь, и не понимая.

Она подошла къ самому краю обрыва, совсѣмъ надъ кручей, вытянулась на тонкихъ длинныхъ ногахъ, невольно откинувшись плечами назадъ и заглядываясь на свѣтлую полосу накатанной и блестящей подъ луной тропинки. Она уже хотѣла броситься

туда, внизъ, неудержимо влекомая силой притяженія, жаждой унестись, уплыть, растаять въ серебряномъ блескѣ ночи. И вдругъ почувствовала себя поднятой съ земли, сжатой въ чьихъ-то рукахъ.

Какой легкой была эта ноша. Ширвинскій почти не чувствовалъ ея тяжести, неся ее по бульвару мимо бѣлыхъ деревьевъ. Онъ приникъ къ ея губамъ, всасывая, вбирая ихъ въ себя. Онъ былъ опьяненъ восторгомъ этой тоненькой золотоволосой дѣвушки, торжественностью этой безмолвствующей застывшей ночи. Она отвѣчала ему такими же долгими, бѣшеными поцѣлуями, и онъ не зналъ, что только случайно воруетъ ихъ у другого.

На морозѣ ея тонкія губы трескались, и вмѣстѣ съ ея горячимъ, захлебывающимся дыханіемъ онъ всасывалъ алую ея кровь.

— Мой Эросъ, мой Эросъ, — между поцѣлуями повторяла Ольга.—Мой свѣтлый богъ!...

XI.

До сихъ поръ у Оргъ сохранился обычай каждый сочельникъ зажигать елку. Ксенія Игнатьевна, мать Ольги, ни за что не согласилась бы измѣнить разъ заведенный порядокъ. Ей осталась одна эта маленькая радость послѣ того, какъ незамѣтно для нея дѣти ушли изъ-подъ ея крыла.

Не выходя изъ спальни, она задолго до сочельника посылала горничную по магазинамъ съ длинными записками, въ которыхъ стоялъ рядъ названій необходимыхъ для елки вещей.

Окруженная листами золотой, серебряной, красной, зеленой бумаги, свертками картона и баночками съ клеемъ и красками, вооруженная ножницами или кистью, больная женщина въ темномъ свободномъ платьѣ и съ скорбными глазами на блѣдномъ нервномъ лицѣ цѣлыми днями мастерила бонбоньерки, причудливыя цѣпи, замысловатыя звѣзды и въ этомъ занятіи находила покой.

Она снова жила мыслями о своихъ маленькихъ дѣтяхъ, она видѣла ихъ счастливыя лица, она слышала ихъ звонкій смѣхъ. Иногда, держа передъ собой какой-нибудь забавный домикъ, склеенный собственными руками, она плакала обильными слезами волненія и счастья. Она смотрѣла на эту игрушку, и передъ ней воскресалъ цѣлый міръ восторженныхъ радостей, фантастическихъ мечтаній. Ея больное сердце требовало любви, оно только и билось для любви, хотя бы къ этимъ яркимъ бездѣлкамъ.

Ксенія Игнатьевна уже болѣе пяти лѣтъ страдала острымъ сердечнымъ неврозомъ, который, съ каждымъ годомъ становясь острѣе, дѣлалъ ея жизнь невыносимой для нея и тяжкой для окружающихъ. Мѣсяцами она не жила въ своей семьѣ, уѣзжая лѣчиться за границу, или же въ минуты острой тоски и невѣдомаго безпокойства переѣзжала на другую квартиру, гдѣ одна, не подпуская къ себѣ даже дѣтей своихъ, ходила по пустымъ комнатамъ, терзаемая неуходящей печалью, тѣмъ болѣе страшной, что причины ея она не могла найти и не знала. Въ минуты же отдыха, душевнаго равновѣсія она вспоминала о дѣтяхъ, и тогда это былъ какой-то ураганъ восторженныхъ поцѣлуевъ и баловства.

Лишенная по выходѣ замужъ того довольства, которымъ была окружена въ дѣвичествѣ (она родилась и выросла въ богатой семьѣ, выйдя за Оргъ противъ желанія родителей), и вспоминая, усталая, о своемъ дѣтствѣ, какъ о счастьѣ, Ксенія Игнатьевна рѣшила во что бы то ни стало, цѣною всяческихъ усилій окружить и своихъ дѣтей такимъ же „счастьемъ“.

Мужъ ея хорошо подвигался по службѣ, такъ какъ вліятельные родственники жены не оставляли ихъ издали своими милостями, но все же въ домѣ не было богатства. И вотъ, урѣзывавшая себя до того во всемъ, съ упрекомъ смотрѣвшая на чрезмѣрныя траты мужа, Ксенія Игнатьевна, сдѣлавшись матерью, стала расточительна, какъ можетъ быть расточительна женщина, рѣшившая посвятить себя благу своего кумира.

Съ какимъ-то нервическимъ безпокойствомъ, что вотъ-вотъ она упуститъ время, Ксенія Игнатьевна набрасывалась на все, что могло плѣнять или украсить ея дѣтей.

Она не хотѣла знать мѣры, не хотѣла знать невозможнаго. Она готова была убить, ограбить, лишь бы удовлетворить свое материнское безуміе.

Цѣлыми днями она жила мечтами о томъ, что̀ бы еще купить или сдѣлать своимъ дѣтямъ.

Игрушки, куклы въ пышныхъ нарядахъ, цѣлыя миніатюрныя приданыя, яркія веселыя платья и нѣжныя, благородныя кружева,—все это богатство, ненужное и фантастическое, приносилось въ жертву ея кумирамъ.

Она покупала цвѣты, наполняла комнаты запахомъ духовъ и радовалась, какъ дитя, когда дочь или сынъ угадывали запахи.

Она называла ихъ „мой принцъ“, „моя принцесса“. Она любовалась ихъ хорошенькими лицами и заставляла ихъ любоваться собою. Ихъ воля была для нея закономъ.

Не любящая трудъ, принужденная обстоятельствами къ ра-

тотѣ, она охраняла отъ труда своихъ дѣтей, „которымъ придется много-много работать послѣ, а потому пусть теперь насладятся всею радостью праздности“.

Она только учила ихъ молиться. Ее трогало, когда сынъ и дочь, оба въ длинныхъ ночныхъ съ кружевцами рубашечкахъ, сложивъ молитвенно руки и ставъ на колѣни, повторяли вслѣдъ за нею наивными голосами слова молитвъ.

Въ углу висѣлъ большой кіотъ съ образами въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ, освѣщенныхъ уютнымъ свѣтомъ лампадки; золотыя дѣтскія головки поднимались къ этимъ образамъ и казались ангельскими, въ тепломъ воздухѣ бѣлой дѣтской пахло душистой амброй.

О, она готова была плакать въ такія минуты отъ счастья, отъ материнской гордости и жертвенной любви. Пусть они дѣлали долги, пусть мужъ бранился и пилъ еще больше, пусть нужно было писать униженныя письма отцу съ просьбами пособить,— все это было ничто съ ея счастьемъ материнской самоотверженности.

XII.

Конечно, не Аркадія могла тѣшить елка. Онъ давно забылъ тихія радости, онъ какъ-то не замѣчалъ ихъ, проходилъ мимо. Его душа давно уже была внѣ дома. Онъ проклиналъ каждый разъ тѣ часы, которые ему волей-неволей приходилось проводить среди своихъ. Онъ давно привыкъ смотрѣть на отчій домъ, какъ на уголъ, въ которомъ бываешь, когда некуда дѣться. Мать онъ жалѣлъ, но не понималъ ея и подсмѣивался надъ нею, почтительно относясь къ ней только для того, чтобы расположить въ свою пользу; онъ всегда нуждался въ деньгахъ, которыми, урѣзывая себя въ хозяйствѣ, мать его непрестанно снабжала. Почтеніе къ отцу Аркадій утратилъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ съ нимъ вмѣстѣ на дружеской ногѣ посѣщать шантаны.

Кромѣ того, онъ считалъ отца виновникомъ своего исключенія изъ гимназіи. Достаточно способный, но лѣнивый, онъ могъ бы съ грѣхомъ пополамъ дотянуть до выпускного экзамена. Но на бѣду заступился за него передъ класснымъ наставникомъ не въ мѣру вспыливший Виталій Августовичъ. Скандалъ замяли, но Аркадія попросили покинуть гимназію со свидѣтельствомъ объ окончаніи четырехъ классовъ.

Юноша пытался послѣ того готовиться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, но тутъ явились новые соблазны, и занятія откладывались въ долгій ящикъ. Въ прошломъ году онъ рѣшилъ

пойти въ вольноопредѣляющіеся, разсчитывая впослѣдствіи выйти въ офицеры. Гусаромъ въ красныхъ чакчирахъ онъ оставался до сихъ поръ. За нимъ числилось всего пять мѣсяцевъ службы, такъ какъ большею частью онъ находился въ отпуску.

Этого красиваго, съ мягкими кошачьими движеніями, съ холеными въ перстняхъ руками, всегда напудреннаго, надушеннаго и томнаго юношу-гусара, со всѣми ухватками порочной женщины, конечно, не могъ плѣнять наивный тихій рождественскій праздникъ.

Для Ольги же это были странные по своей мучительности дни.

Уже съ того мгновенія, какъ до нея доносился терпкій смолистый запахъ елки, вносимой дворниками въ большую гостиную, а ея уха касался сухой шелестъ колкихъ вѣтвей,—ея сердце начинало ныть въ тоскливомъ предчувствіи, и непріятный холодъ чего-то потеряннаго, ушедшаго безвозвратно, касался ея души. Ей хотѣлось бѣжать куда-нибудь далеко отъ этихъ ощущеній, но ее помимо воли неудержимо тянуло къ этому вѣчно-зеленому, мертвому дереву, убранному и разукрашенному, какъ если бы кто-нибудь вздумалъ убрать скелетъ съ его вѣчной беззубой улыбкой въ подвѣнечный нарядъ и вложить въ его сжатыя костлявыя руки восковую свѣчу.

Она приходила въ гостиную, садилась въ темный уголъ и оттуда, не мигая, глядѣла на елку.

Она бы не могла сказать, какія мысли являлись къ ней въ эти минуты. Одно тупое чувство страха и тоски владѣло ею.

Можетъ быть, это были заглушенныя воспоминанія о прошломъ, въ которомъ она могла вызывать по желанію лукавое счастье; или ей представлялось ея настоящее, когда она, озираясь, уже не находила въ себѣ силъ завоевать это счастье, такое далекое, но не знала, какъ же обойтись безъ него.

Или это была безсознательная душевная тоска, которая томитъ всякаго при видѣ того, что когда-то радовало, а теперь утратило свое обаяніе?

Какъ знать!

Когда зажигалась елка, послѣ кутьи, подаваемой со звѣздою, всѣ шли въ гостиную.

Виталій Августовичъ, посмѣиваясь, смотрѣлъ на дерево, выкуривалъ свою сигару и пѣлъ нѣмецкую пѣсенку „O Tannenbaum...“ Аркадій, съ презрительнымъ видомъ обрывалъ мармеладъ и, проглатывая его, думалъ о томъ, какъ бы улизнуть скорѣе. Старая бабушка, мать хозяина, которой въ обыкновенную пору не было видно, выходила съ своимъ вязаньемъ и съ любо-

нытствомъ ждала подарка. Она одна, кажется, изъ всѣхъ членовъ семьи, изъ милости живущая у своего сына и нелюбимая имъ за свою старость и ненужность, вѣрила въ какой-то семейный очагъ и общую объединенность. Для нея это былъ семейный праздникъ, такой, какимъ онъ долженъ быть у всѣхъ порядочныхъ людей.

Ксенія Игнатьевна, взвинченная, нарядная, раздавала подарки хозяину, бабушкѣ, сыну и дочери. Прислуга, празднично разодѣтая, тогда же получала свою часть. Гостей въ этотъ вечеръ не принимали.

XIII.

Мужчины сегодня очень скоро исчезли, и остались въ большой гостиной, гдѣ тихо потрескивала догорающими свѣчами высокая, осыпанная ватой и блестками елка, три женщины: бабушка, мать и дочь. Три женщины—три поколѣнія.

Старуха дремала надъ своимъ вязаньемъ, Ксенія Игнатьевна играла Шопена.

Ольга сидѣла, забившись въ уголъ, смотрѣла на огни елки и слушала. Потомъ, не выдержавъ, просила:

— Мама, да перестань же!

Ксенія Игнатьевна нервно оборвала игру, остановивъ на дочери свой лихорадочный взглядъ. Она всматривалась въ знакомыя черты дорогого ей лица и не могла понять, отчего такими чужими казались онѣ ей.

Этотъ спокойный бѣлый лобъ, этотъ тонкій съ глубоко вырѣзанными ноздрями носъ, эти холодные, перемѣнчивые глаза, этотъ ротъ, таинственно и загадочно приподнятый острыми углами кверху,—все это молодое лицо въ нимбѣ темно-русыхъ волосъ развѣ принадлежало ея дочери, маленькой куколкѣ Олѣ?

Что-то враждебное было въ этомъ лицѣ, что-то затаенное, что-то свое, только свое, тайное.

— Что съ тобою, Оля?—спросила мать.

— Ахъ, да ничего, мама. На меня дѣйствуетъ твоя игра. Я не могу, не могу!

Она встала съ кресла и прошлась по комнатѣ, закинувъ за шею руки и прикусивъ губу. Она старалась не думать ни о чемъ, но вмѣстѣ съ обычной рождественской тоской ее охватывала безнадежность. Передъ ней стоялъ ея незнакомецъ, мелькнувшій въ темномъ проходѣ вагона и уплывшій далеко, въ снѣжныя поля. Гдѣ онъ? кто онъ?

Какъ хотѣлось бы ей узнать хотя бы его имя, только имя,

которое можно было бы повторять и тѣмъ приблизить его къ себѣ. Она пробовала улыбнуться надъ собою, ее поражало, что она, всегда такая холодная, неожиданно для себя начала грезить о любви этого человѣка.

Нѣтъ, ей мало его имени. Ей нужно снова увидать его, слышать его голосъ, дотронуться до его руки, заглянуть въ его душу.

Сперва она слѣпо вѣрила въ какое-то чудо, она даже сказала Ленѣ, что онъ ее любитъ. Но послѣ, когда, почувствовавъ себя въ объятіяхъ Ширвинскаго, она, обезумѣвъ, отвѣчала ему на его поцѣлуи, когда она на мгновеніе оживила свою грезу и вдругъ осталась одна и поняла, что его нѣтъ съ нею, что его, можетъ быть, никогда не будетъ, ее охватило тупое отчаяніе.

Она могла кричать, плакать, искать по свѣту и никогда не найти его. Да полно, былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, не пригрезился ли онъ ей?

Нѣтъ,—увы!—это не была греза, которую можетъ смѣнить другая, это была дѣйствительность, никогда не повторяемая.

Еще такъ недавно ей казалось, что онъ съ нею, она жила его образомъ, но теперь съ бѣшеными поцѣлуями Владека она поняла, что его нѣтъ. Его не будетъ.

Повторяя мысленно эти слова: „его нѣтъ и не будетъ", Ольга чувствовала, какъ постепенно деревянѣетъ ея душа. Послѣ острой тоски это холодное спокойствіе казалось благостнымъ. Она стискивала зубы и повторяла еще: „его не будетъ, его никогда не будетъ... и пусть, пусть..."

Что же, будемъ какъ другія! Довольно фантазій. Ты хочешь поцѣлуевъ,—цѣлуйся; хочешь богатства,—продай себя какъ можно дороже. Все это вздоръ. Не тебѣ же плакать! Вѣдь тебѣ пріятны были поцѣлуи Мравина-Сѣвскаго? А Ширвинскій, который пугаетъ тебя и манитъ своею страстью, своимъ упорствомъ? А Вася, этотъ мальчикъ со своими грѣшными глазами. Вѣдь они всѣ тянутся къ тебѣ, вѣдь они всѣ, каждый по-своему, манятъ тебя, грезятъ о тебѣ... Зачѣмъ же тебѣ тотъ, невѣдомый?... Любовь? А кто сказалъ тебѣ, что ихъ чувство не любовь, что ты ихъ не любишь? Когда вотъ отъ поцѣлуевъ актера ты счастлива, отъ объятій Ширвинскаго у тебя кровь приливаетъ къ вискамъ?...

Ольга остановилась передъ матерью.

— Мама, скажи мнѣ, вѣдь я очень хорошенькая?

— Что за вопросъ!

— Да нѣтъ, скажи мнѣ правду.

Ксенія Игнатьевна протянула къ дочери руки.

— Вѣдь ты знаешь, что ты для меня прекрасна...

— Только для тебя?

— А ты кому бы хотѣла еще нравиться?

Мать привлекла тоненькую талію дѣвушки къ себѣ и съ нѣжностью заглядывала въ ея сѣрые, теперь надменно блестѣвшіе глаза.

Ольга вздернула плечами.

— Я вѣдь знаю, что я многимъ нравлюсь... но это вздоръ. Ты скажи, на что мнѣ разсчитывать?

— Я не понимаю, Ольга, о чемъ ты?

— Ахъ, Боже мой... какая ты наивная, мама. Я не хотѣла бы продешевить себя...

Она спокойно смотрѣла въ лицо матери.

Ксенія Игнатьевна съ испугомъ отшатнулась отъ нея.

— Что за цинизмъ? Опомнись. Откуда эти мысли? Или скажи, что ты пошутила, успокой меня, слышишь! Ну, молчи, не говори лучше, не говори. И это ты, моя принцесса! Ты, которую я такъ обожала! Гдѣ у тебя душа, гдѣ совѣсть? Я отдала тебѣ все, я окружала тебя заботой, лаской, я научила тебя молиться... Ты была такой чистой, такой тихой... Да нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть... Посмотри, посмотри же на меня, дай мнѣ свои глаза... Ну, вотъ такъ—они меня не обманутъ. Скажи, ты вѣдь такая же, какъ была? да...

Ольга опустилась на колѣни передъ матерью.

Ксенія Игнатьевна держала ея голову въ своихъ похолодѣвшихъ рукахъ. Одна щека ея и вѣко нервически подергивались.

— Успокойся, мама. Я не хотѣла огорчить тебя.

— Ну, да, я знала же это... довольно того, что твой братъ...

Ольга перебила ее:

— Мой братъ не хуже и не лучше другихъ. Онъ таковъ, каковъ есть, но онъ, къ счастью, мужчина. И потомъ я вовсе не беру своихъ словъ обратно. Я спросила тебя совсѣмъ серьезно. Видишь ли, я считаю, что ты исковеркала свою жизнь...

— Что?

— Да, да, мамочка... ты не волнуйся, ты слушай. Я знаю, что ты была очень и очень хорошенькой, ты и теперь у меня красивая...

Ольга провела своей тоненькой ладонью по блѣдной щекѣ и волосамъ матери.

— Не перебивай меня. Ты отдала эту красоту, свою молодость моему отцу и вотъ какой теперь стала...

— Ольга! ты же знаешь, какъ я любила его.

— Ну да, знаю. Ты хотѣла быть счастливой и была ею только мгновеніе. Я не такая—мнѣ нужно много счастья.

— Этого хочетъ всякая. Полюбишь, выйдешь замужъ...

Ольга засмѣялась, припавъ щекой къ колѣнямъ матери.

— Мамочка, мамочка, какая ты глупая.

Она смѣялась все больше. Ей стало жаль свою мать, потомъ себя. Слезы навернулись на ея глазахъ.

Ксенія Игнатьевна нагнулась надъ нею. Непонимающая, сбитая съ толку, испуганная, она силилась проникнуть въ эту ставшую теперь чужой душу. У нея самой подступали къ горлу нервическія спазмы.

— Скажи, радость моя, ты любишь кого-нибудь?

Ей казалось, что она нащупываетъ что-то въ окружавшихъ ее потемкахъ.

— Ахъ, не знаю, не знаю, ничего не знаю...

Ольга плакала. Окаменѣлость оставила ее.

— Назови мнѣ его,—просила ее мать.—Вѣдь это такъ понятно... назови его...

Ольга вдругъ подняла голову. Она посмотрѣла на мать широко-открытыми строгими глазами, полными слезъ:

— А что ты мнѣ скажешь, мама, если я тебѣ отвѣчу, что не знаю его имени. Совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, кто онъ.

— Значитъ, его нѣтъ?

Ольга молчала. Глаза ея высохли, но въ груди что-то жгло. Мать уронила свою голову на лицо дочери. Она шептала молитву.

Бабушка мирно спала надъ своимъ вязаньемъ. Кое-гдѣ на елкѣ вспыхивали догорающія свѣчи.

XIV.

Въ этотъ вечеръ Ольга рано пошла къ себѣ въ комнатку. Она раздѣлась, поставила на ночной столикъ свѣчу и начала писать свой дневникъ, который вела урывками на клочкахъ бумаги и въ разныхъ тетрадяхъ. Написала нѣсколько строкъ и задумалась.

Слишкомъ сложно было у ней на душѣ, и она не могла всего передать, что̀ чувствовала.

Наконецъ, она задула огонь и затихла, подобравъ подъ себя ноги и спрятавъ ладони между худыхъ колѣнъ.

Но заснуть ей не удалось. Только, только ея мысли стали принимать живыя формы, какъ дверь въ ея комнату скрипнула, и вошелъ Аркадій.

— Ты не спишь еще?—спросилъ онъ, чиркая спичками и зажигая свѣчу.

— Нѣтъ, а что такое?

Ольга снова сѣла на кровати, готовая слушать. Братъ примостился около нея.

Они часто такъ говорили по ночамъ. Дѣвушка не стѣснялась брата.

На немъ были красные чакчири и бѣлая рубашка, крѣпко надушенная. Въ зубахъ дымилась наполовину выкуренная сигара.

— Ну, разсказывай,—торопила сестра. Она ждала, что Аркадій станетъ говорить о себѣ, о своихъ побѣдахъ; онъ всегда дѣлалъ это, когда оставался съ нею наединѣ, совсѣмъ забывая, что она всетаки дѣвушка.

— Ну, слушай,—началъ онъ.—Сегодня мнѣ нужно серьезно посовѣтоваться съ тобою.

— Въ чемъ дѣло?

— Ты, конечно, знаешь о моихъ отношеніяхъ къ Варѣ...

— Еще бы, они извѣстны всѣмъ,—засмѣялась Ольга.

Аркадій поморщился.

— Надѣюсь, ты мнѣ не чужая и съ тобой мнѣ можно быть откровеннымъ?

— Ну, хорошо, хорошо, что же дальше?

— А дальше то, что Варя беременна!

— Беременна?—почти вскрикнула Ольга, испуганно глядя на брата.

— Ты не кричи,—остановилъ ее Аркадій.—Вотъ въ томъ-то и штука. Я самъ не зналъ этого до сегодняшняго вечера. Только сейчасъ она мнѣ призналась.

Аркадій всталъ съ кровати и заходилъ взволнованно по комнатѣ.

— Что же вы думаете дѣлать?—все еще подавленная за свою подругу, которую она очень любила, сказала Ольга.

— Что мы думаемъ дѣлать? Ты ее спроси, что она хочетъ дѣлать,—досадливо сжимая кулаки, пробормоталъ Аркадій, снова останавливаясь передъ сестрой.—Это всегда такъ. Вы вотъ это называете насиліемъ, а выходитъ, что мы потомъ за все отвѣчаемъ! Скажите на милость, откуда эти идеи у глупой дѣвчонки? Влюбилась, какъ кошка, кроткая, тихая, воды не замутитъ, а потомъ—не угодно ли...

Ольга негодующе махнула рукой.

— Да говори же ты толкомъ! Что это въ самомъ дѣлѣ такое?

— Толку, голубушка, въ этомъ очень мало. Только вотъ уже послѣ полугода, какъ я съ ней живу, случайно или нарочно, но она вдругъ изволила забеременѣть.

— Какъ нарочно?

— Да такъ! Конечно, я не могу утверждать, но клянусь Бо-

гомъ, я какъ всегда, былъ остороженъ... ты понимаешь? А можетъ быть, это отъ другого?

Ольга вскочила съ кровати. Она была и страшна и восхитительна въ своемъ гнѣвѣ. Огонь свѣчи отсвѣчивалъ въ волосахъ ея, заплетенныхъ на ночь косичками, тонкія ноги казались выточенными изъ слоновой кости.

— Замолчи! Слышишь, замолчи, подлый! Не смѣй такъ говорить о Варѣ.

Аркадій смутился. Его поразила красота сестры. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, почти забывая, кто передъ нимъ.

— Да полно, я пошутилъ.

Ольга сразу отошла, услышавъ робкій отвѣтъ. Ей стало холодно, и она поспѣшно спряталась подъ одѣяло.

Аркадій тоже пришелъ въ себя. Отбросивъ далеко окурокъ сигары, онъ сѣлъ на кровать подлѣ сестры и заговорилъ значительно тише:

— Конечно, я пошутилъ. Варя хорошая, чистая дѣвушка. Это первая, какую я вижу, а у меня ихъ было много. Въ ней тьма сердца, изъ нея вышла бы великолѣпная жена, но пойми, что при существующихъ условіяхъ это-то и является для меня и для нея несчастьемъ. Посуди сама. Я не могу на ней жениться; она мѣщанка и потомъ—я хочу быть офицеромъ. Слѣдовательно, это по-боку. Да и она сама ни разу не заговаривала со мною о бракѣ—надо отдать ей справедливость. А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я, узнавъ, что она беременна, предложилъ ей отдѣлаться отъ этого,—она наотрѣзъ отказалась.

— Какъ, она хочетъ имѣть ребенка?—изумилась Ольга.

При одной мысли объ этомъ ее охватилъ ознобъ, и она плотнѣе закуталась въ одѣяло. Это желаніе казалось ей донельзя дикимъ. Съ этой минуты она перестала понимать Варю и уже склонна была простить брату его возмущеніе.

— Въ томъ-то весь ужасъ!—ободренный восклицаніемъ сестры продолжалъ Аркадій.—Надо же имѣть такую шалую голову! Ужъ какъ я ее убѣждалъ, ничего не помогало. Заладила одно: „это твой ребеночекъ, я люблю его, я не могу разстаться съ нимъ, онъ нашъ, нашъ—хоть рѣжь, хоть убей“. И плачетъ, и ноги цѣлуетъ... Насилу отдѣлался. Чортъ знаетъ что такое!

Онъ помолчалъ, нервно щелкая ногтями.

Ольга тоже молчала. Она ясно видѣла передъ собою Варю. Худенькую, черненькую, маленькую. Такую тихую, съ большими синими глазами. Въ этихъ глазахъ было столько любви, столько преданности. Когда она полюбила Аркадія, она никому не гово-

рила объ этомъ, а только плакала. Сядетъ гдѣ-нибудь въ уголочекъ и роняетъ слезинки.

Ольга знала обо всемъ и часто гладила подругу по головѣ.

— Ты слишкомъ любишь его,—говорила она.—Не надо такъ.

А дѣвушка припадетъ къ ней черной головой и шепчетъ:

— Охъ, какъ я люблю его, прямо даже не знаю...

И вдругъ это дитя беременно. Какъ глупо, какъ невѣроятно глупо.

— Ей придется выйти изъ гимназіи до выпускныхъ экзаменовъ,—подумала вслухъ Ольга.

— Конечно! И вообще гадость, — отвѣчалъ совсѣмъ убитый Аркадій.

XV.

Праздничные дни летѣли быстро.

Ольга хотѣла закружиться въ удовольствіяхъ. Забыть все, забыть свою тоску. Она ѣздила съ бала на вечеринку, съ вечеринки въ театръ. Она была веселой и задорной. Всѣ наперерывъ ухаживали за ней.

Однажды утромъ передъ новымъ годомъ пріѣхалъ къ Оргъ Ширвинскій и сталъ звать Ольгу кататься.

Дѣвушка было хотѣла отказаться, но, глянувъ въ окно на яркое солнце, на блещущій снѣгъ, не вытерпѣла и, накинувъ шубку, побѣжала къ санямъ. Ширвинскій едва поспѣвалъ за ней.

Они поѣхали за городъ. Лошадь шла полной рысью, далеко выкидывала стройныя ноги и забрасывала передокъ саней комками снѣга.

Ольга закрывала лицо муфтой и тихо смѣялась. Только глаза ея поблескивали изъ-подъ шапочки, и вспыхивали темнымъ золотомъ волосы.

Владекъ держалъ ее за талію и не отводилъ своего холоднаго, колющаго взгляда отъ ея лица. Кончикъ носа его покраснѣлъ, а усы, закрученные въ стрѣлку, заиндевѣли. На немъ была форменная студенческая фуражка и красивое штатское пальто съ воротникомъ изъ кенгуру. Даже на морозѣ отъ него хорошо пахло крѣпкими англійскими духами и американскимъ табакомъ. Онъ всегда очень внимателенъ былъ къ своей внѣшности и, какъ истый полякъ, подчеркивалъ то, что онъ называлъ „хорошими манерами". Онъ кончалъ университетъ и думалъ устроиться въ Петербургѣ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, для этого у него были всѣ данныя и возможности. Его считали неглупымъ, очень себѣ на умѣ и никогда близко съ нимъ не сходились.

Здѣсь, въ городѣ, онъ поддерживалъ товарищескія отношенія только съ Аркадіемъ и барономъ Дирксъ. Одинъ былъ сыномъ члена суда, другой—сыномъ прокурора. Потерявъ давно уже отца и мать, Ширвинскій жилъ въ вакаціонное время у дяди своего, средней руки помѣщика, имѣніе котораго прилегало къ чертѣ города. Владеку приходилось самому подбирать себѣ кругъ знакомыхъ. Онъ это дѣлалъ очень осмотрительно и всегда умѣлъ поставить себя на должную высоту.

Ольга была его капризомъ. Быть можетъ, онъ видѣлъ въ ней то, что другіе проглядывали. Во всякомъ случаѣ ея понятливость, острый умъ, умѣніе распознавать людей, ея насмѣшливость и, пожалуй, эгоизмъ тянули его къ себѣ. Кромѣ того, ея наружность неизмѣнно возбуждала его.

Богъ вѣсть какія новыя радости ждалъ онъ отъ обладанія ею. Но ему доставляло наслажденіе, неизъяснимое удовольствіе говорить съ нею такъ, какъ если бы она была кокоткой. Она никогда не казала себя невинной, отвѣчала на его вопросы смѣло и прямо, и это доводило его до сумасшествія.

Онъ мысленно переодѣвалъ ее въ яркіе, рискованные наряды, спускалъ ей на уши золотые обручи косъ, осѣнялъ ея задорную голову черной широкой шляпой съ огромнымъ огненно-краснымъ плерезомъ. Онъ хотѣлъ бы видѣть ее гдѣ-нибудь въ полутемномъ углу артистическаго кабачка, среди цвѣтовъ—орхидей, камелій и пошлой, остро-пахнущей настурціи, въ пошломъ ситцевомъ, нестерпимо розовомъ съ зелеными горошками платьицѣ, со скромнымъ вырѣзомъ шеи и совсѣмъ обнаженными руками, тонкими палочками-руками, безстыдно приподымающими края платья надъ такими же тонкими въ черныхъ чулкахъ ногами. Хмельная, безстыдная и все же *дѣвственница*, она должна была хищно и таинственно изгибать рогатый мѣсяцъ своего алаго рта и по-дѣтски смѣяться своими выпуклыми кошачьими глазами.

Эти образы наполняли Владека нетерпѣніемъ, жгучимъ до боли желаніемъ сжать, растерзать бѣлое тѣло дѣвушки.

Онъ чувствовалъ себя опьяненнымъ, неразсуждающимъ. Глаза его становились холодными и колющими, какъ иглы мороза. Онъ готовъ былъ на все.

До заставы оба они—и Ольга, и Ширвинскій—ѣхали молча. Онъ—полный сладостныхъ видѣній, она—бездумно загрезившая, глядящая на непрестанное мельканіе чешуйчатой пелены снѣга вдоль по улицамъ и на крышахъ домовъ.

Юрій Слёзкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОБЪ ОКАССЕНѢ И НИКОЛЕТЪ.

Изъ многихъ выбралъ онъ одну,
И много лѣтъ лишь ей служилъ.

Повѣсть объ Окассенѣ и Николетъ, которую самъ авторъ назвалъ cantefable,—сказка-пѣснь,—стоитъ въ средневѣковой литературѣ совершенно особнякомъ.

Авторъ ея—неизвѣстенъ, время появленія пріурочивается къ концу XII или началу XIII вѣка; написана она на пикардскомъ нарѣчіи и, вѣроятно, на сѣверѣ Франціи. Вотъ и все, что намъ дали изслѣдованія. Во всемъ остальномъ мы находимся въ области болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ.

Въ одномъ пунктѣ изслѣдователи сошлись почти безусловно—это въ принадлежности автора къ сословію жонглеровъ, такъ какъ самая форма cantefable предполагаетъ наличность аудиторіи. Въ рыцарской средѣ авторъ—какъ у себя дома, но одновременно обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ и правами простыхъ людей. Это даетъ намъ поводъ предполагать, что, вращаясь, какъ жонглеръ, въ культурной рыцарской средѣ, онъ самъ вышелъ изъ народа.

Форма cantefable совершенно оригинальна: повѣсть состоитъ изъ короткихъ главъ, числомъ 41, причемъ прозаическіе отрывки правильно чередуются со стихотворными. Эти послѣдніе имѣютъ различное количество строкъ, отъ 10 до 41, но всѣ написаны семисложнымъ размѣромъ, съ ассонансами вмѣсто риѳмъ, и каждая глава кончается короткой четырехсложной строкой.

Эта форма заинтересовала историковъ литературы и они занялись вопросами о ея происхожденіи. Чередованіе стиха и прозы—явленіе не исключительное въ средневѣковой литературѣ. Скандинавскія саги, индійскія tschampu вродѣ Нала и Дамаянти, подобные же образцы въ кельтской литературѣ и, наконецъ, Vita nuova Данте служатъ тому примѣромъ. Но о возможности заимствованія изъ перечисленныхъ источниковъ мы не можемъ говорить за отсутствіемъ данныхъ.

Возникалъ вопросъ объ арабскомъ вліяніи на нашу cantefable. Объ этомъ говоритъ какъ будто самое имя героя Окассенъ или Аль-Кассимъ, распространенное у арабовъ. У нихъ существуетъ въ изящной литературѣ и форма, подходящая къ нашей повѣсти, чередованіе стиха съ прозой.

Но по самому характеру эта литературная форма совершенно отлична отъ нашего французскаго образца, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ сплошный разсказъ, рядомъ картинъ проходящій черезъ стихи и прозу, причемъ и то и другое двигаетъ дѣйствіе, безъ всякихъ лирическихъ вліяній и отступленій. Ничего подобнаго мы не видимъ у арабовъ. Тамъ стихотворные отрывки носятъ характеръ дидактическій или чисто лирическій и могутъ быть выпущены безъ нарушенія

цѣльности повѣствованія. Кромѣ того, трудно предположить, чтобы арабское вліяніе сказалось на единичномъ примѣрѣ, а не дало цѣлаго ряда подобныхъ произведеній.

Brunner (Бруннеръ) въ своей диссертаціи приходитъ къ заключенію, что въ выборѣ формы авторъ „Окассена и Николетъ", вѣроятно, былъ самостоятеленъ.

Вопросомъ о генезисѣ cantefable въ смыслѣ формы занялся Meyer Lubke и пришелъ къ очень оригинальному выводу. Онъ обратилъ особое вниманіе на то, что каждая прозаическая глава начинается словами: or dient et content et fabloient, поставленными во множественномъ числѣ, а каждая стихотворная глава: or se cante—въ единственномъ. Изъ этого онъ заключилъ о необходимости здѣсь драматическаго дѣйства, причемъ стихи пѣлись однимъ лицомъ, а проза разыгрывалась въ лицахъ нѣсколькими. Прототипомъ подобнаго рода драмы Meyer Lubke считаетъ драму церковную, вышедшую въ свою очередь изъ церковнаго обряда, всегда заключавшаго въ себѣ моментъ драматизаціи. Онъ пытается даже установить различіе по смыслу между глаголами dire, conter и fabloier, причемъ dire употребляется для обозначенія діалога между дѣйствующими лицами, а fabloier и conter (тутъ установить разницу труднѣе) для разсказа о томъ, что произошло съ ними.

Гипотеза эта достаточна остроумна, но недостаточно обоснована.

Невольно является вопросъ, почему же въ стихахъ, которые поются однимъ лицомъ и носятъ характеръ греческаго хора, сплошь да рядомъ ведется діалогъ, какъ, напримѣръ, въ главѣ 2-й повѣсти, разговоръ Окассена съ матерью, въ главѣ 27-й—Окассена съ Николетъ, и наоборотъ, прозаическій текстъ, который долженъ былъ разыгрываться, носитъ часто описательный характеръ.

Вопросъ о сюжетѣ cantefable тоже до сихъ поръ остается открытымъ.

Вліяніе поздняго греческаго романа сказывается, несомнѣнно, и въ географическомъ элементѣ повѣсти (т.-е. въ странствованіи героевъ изъ страны въ страну, насильственной разлукѣ и окончательномъ соединеніи послѣ цѣлаго ряда приключеній), и въ томъ, что весь интересъ разсказа сосредоточенъ на психологическомъ моментѣ—любви двухъ юныхъ существъ. Посредствующимъ звеномъ могла служить очень популярная повѣсть того времени, идущая съ греческаго востока—Floire et Blancheflor. По фабулѣ она очень похожа на нашу Cantefable и носитъ тотъ же южный колоритъ. Общія черты можно найти также съ сюжетами французскаго рыцарскаго романа. Но нельзя не замѣтить, что такія совпаденія, и случайныя и неслучайныя, еще не доказываютъ опредѣленнаго заимствованія, такъ какъ авторъ принадлежитъ своему времени и вращался въ той же куртуазно-рыцарской средѣ, и такимъ образомъ имѣлъ подъ руками тотъ же матеріалъ. Но въ обработкѣ его онъ сумѣлъ остаться оригинальнымъ и самостоятельнымъ и руководствовался своимъ собственнымъ поэтическимъ чутьемъ и фантазіей.

Есть ли въ нашей повѣсти историческая правда? Какъ мы должны относиться къ именамъ и событіямъ, о которыхъ она трактуетъ?

Графъ Раймондъ Тулузскій, которому принадлежалъ замокъ Бокэръ, покровительствовалъ торговлѣ, и мѣстность эта славилась своими ярмарками, привлекавшими отовсюду толпы народа. Сюда могъ зайти и авторъ cantefable въ качествѣ странствующаго пѣвца и такимъ образомъ, познакомившись съ мѣстностью, выбрать ее рамкой для своей повѣсти. Но, описывая Бокэръ, онъ грѣшитъ противъ дѣйствительности настолько, что мы въ правѣ предположить, что онъ тамъ совсѣмъ не былъ. Во-первыхъ, Бокэръ никогда не былъ графствомъ и, стало быть, графа де Бокэръ не существовало. Затѣмъ онъ описываетъ вблизи замка

огромный дремучій лѣсъ, необходимый ему для разсказа, — такого лѣса вблизи Бокэръ нѣтъ и не было раньше. Море тоже близко къ землѣ Бокэръ не подходитъ, и поэтому не могли прибрежные жители встрѣтить корабль Окассена и съ торжествомъ отвести его въ замокъ Бокэръ.

Графъ Гаренъ де Бокэръ, фантастическій король торлорскій, невѣдомый царь Кареагена ничего общаго съ исторіей не имѣютъ, и мы такимъ образомъ находимся цѣликомъ въ области пѣсни и сказки.

Въ смыслѣ художественномъ повѣсть объ Окассенѣ и Николетъ до сихъ поръ не потеряла для насъ своего интереса и имѣетъ абсолютную эстетическую цѣнность.

Уже самое раннее средневѣковье носитъ на себѣ слѣды двухъ противоположныхъ теченій. Съ одной стороны, литературой овладѣла церковь, духъ схоластики сковалъ живую мысль; стремленіе къ потустороннему міру, аскетизмъ и отреченіе отъ жизни стали господствующимъ направленіемъ умовъ. Съ другой— самая жизнь никогда не прекращалась, и живая струя народной поэзіи продолжала бить ключомъ подъ мрачнымъ налетомъ церковности и изрѣдка, но мощно пробивалась наружу. Къ этому теченію впослѣдствіи и привился ренессансъ, какъ литературное явленіе. Этой неизсякаемой струѣ обязаны мы многими образцами средневѣковой литературы. И если духъ схоластики, христіанской морали и отвлеченная доктрина куртуазной любви легли въ основу провансальской поэзіи трубадуровъ, то французскія фабльо, несомнѣнно, обязаны своимъ происхожденіемъ живому народному творчеству.

Сюда же надо отнести и нашу cantefable. Окассенъ и Николетъ,—книга радости, въ ней нѣтъ лѣста тоскѣ и самобичеванію. Любовь героевъ вся земная, яркая, здѣсь на землѣ осуществляющая свои мечты и желанія. Все, что идетъ отъ монаховъ и отъ церкви, всякое напоминаніе объ отреченіи, о загробной жизни и воздаяніи за грѣхи вызываетъ у юнаго героя повѣсти одну насмѣшку и недовѣріе. Передъ нами—торжествующая жизнь, сбросившая оковы аскетизма и провозгласившая девизомъ, какъ провансальцы, joi!—радость.

На-ряду съ этимъ повѣсть написана широкими мазками, захватываетъ многія стороны жизни и быта, смѣшиваетъ грусть и слезы влюбленныхъ съ комическими сценами и діалогами; еще ощупью, неумѣло, но талантливо подходитъ она къ изображенію внутреннихъ переживаній героевъ, а въ разговорѣ Окассена съ виланомъ даетъ интересную психологическую параллель. Авторъ съ любовью описываетъ природу. Правда, и тутъ нѣтъ еще большой тонкости и художественнаго мастерства, но интересна самая попытка связать картины природы съ мыслями и настроеніями героевъ.

Передъ нами любовь двухъ юныхъ и чистыхъ дѣтей.

Если въ исторіи любви и смерти Тристана и Изольды съ самаго начала чувствуется неизбѣжность роковой развязки, если любовь эта насквозь печальна и трагична, то милыя невинныя дѣти—Окассенъ и Николетъ—любятъ совсѣмъ иначе. Правда, это чувство проходитъ черезъ всю ихъ жизнь, и никакія преграды не могутъ его ослабить. Правда и то, что передъ нимъ блѣднѣетъ для Окассена всѣ остальныя чувства: привязанность къ родителямъ, съ которыми онъ открыто и рѣзко порываетъ, и даже послѣ ихъ смерти скорбитъ о нихъ меньше, чѣмъ о потерянной подругѣ. Чувство рыцарскаго долга, внушенное ему съ дѣтства средой и воспитаніемъ, оказывается для него пустымъ звукомъ, когда дѣло идетъ о его любви. Николетъ изъ милости воспиталъ виконтъ, и ей, какъ плѣнницѣ, пришлось вынести не мало горя и униженій, но когда судьба вернула ей утраченную родину, а съ нею вмѣстѣ знатность и богатство, она нисколько не обрадовала

этимъ, и вотъ ея мысли обращены на то, чтобы отыскать Окассена. „Что мнѣ въ томъ, что я царская дочь, что я теперь знатна и богата, если со мною нѣтъ моего милаго“,—таковъ смыслъ ея рѣчей. Но несмотря на силу и неизмѣнность этой любви, она вся окрашена въ легкіе радужные тона и на ней не лежитъ ни единой тѣни.

Вальтеръ Патеръ въ своихъ очеркахъ по ренессансу говоритъ, что сюжетъ повѣсти глубоко печаленъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Съ первыхъ строкъ предчувствуется веселый, радостный конецъ, и всѣ невзгоды героевъ, ихъ тоска и слезы во время разлуки могутъ вызвать въ читателѣ лишь легкую сочувственную улыбку.

Описываетъ авторъ своихъ героевъ особымъ, очень удачнымъ пріемомъ, какъ бы фиксируя ихъ въ отдѣльные, наиболѣе яркіе моменты ихъ жизни. Говоря о ихъ внѣшности, онъ употребляетъ четыре совершенно одинаковыхъ эпитета. У обоихъ возлюбленныхъ бѣлокурые волосы въ мелкихъ кудряхъ, ясные глаза (очень трудно переводимое слово vaire), тонкій и прямой носъ и овальное лицо (face traitice). Очевидно, безъ этихъ основныхъ качествъ лицо не могло считаться красивымъ. А затѣмъ онъ подробно рисуетъ намъ внѣшній обликъ Окассена, когда тотъ снаряжается въ бой. Авторъ точно любуется его красотой и юной отвагой и приглашаетъ и насъ полюбоваться. Николетъ зарисована имъ во время своего поспѣшнаго бѣгства по улицамъ Бокэра.

Что касается до характеристики героевъ и ихъ душевныхъ качествъ, то читателю приходится самому судить о нихъ по поступкамъ, такъ какъ авторъ упоминаетъ только о физической ловкости и силѣ Окассена и прибавляетъ, что у него не было дурныхъ качествъ, все только одни хорошія, а Николетъ была полна совершенства. Но изображаетъ онъ ихъ во всякомъ случаѣ не одинаковыми; женщина оказывается смѣлѣе и предпріимчивѣе своего милаго. Окассенъ склоненъ къ мечтательному бездѣйствію и безнадежной тоскѣ, въ то время какъ Николетъ живетъ и дѣйствуетъ за обоихъ. Пока онъ сидитъ въ своей темницѣ и скорбитъ о ней, она бѣжитъ изъ своего заключенія и, пренебрегая опасностью, утѣшаетъ и ободряетъ его. Она даетъ о себѣ вѣсть Окассену черезъ пастуховъ, и ему остается только слѣдовать ея указаніямъ. Она дважды испытываетъ его любовь, не довѣряя его постоянству. Когда Окассенъ тоскуетъ о своей погибшей любви, благополучно водворившись въ Бокэрѣ, она, не теряя времени, бѣжитъ изъ Карѳагена, отыскиваетъ его и, наконецъ, убѣдившись въ его вѣрности, навсегда соединяется съ нимъ. А онъ пассивно подчиняется обстоятельствамъ и идетъ туда, куда его направляетъ воля энергичной подруги. Единственно, что ему удалось отстоять, это—право любить Николетъ, для чего ему пришлось пожертвовать престарѣлыми родителями. Кромѣ того, Николетъ одарена мудростью особаго рода: она знаетъ цѣлебныя свойства травъ. Она вылѣчиваетъ больное плечо Окассена и по своему усмотрѣнію, при помощи одной только чудодѣйственной травки, совершенно мѣняетъ свою наружность такъ, что даже Окассенъ ея не узнаетъ.

Личность самого автора все время остается въ тѣни. Но сквозь прозрачную ткань его повѣсти такъ и чувствуется улыбка, то сочувственная, то насмѣшливая. Только во вступленіи отъ своего лица предлагаетъ онъ прослушать разсказъ о любви двухъ прекрасныхъ дѣтей, да еще заканчиваетъ повѣсть словами: „сказку-пѣснь окончу тутъ, я все сказалъ“.

Изъ діалоговъ наиболѣе интересенъ разговоръ виконта съ Окассеномъ объ адѣ, гдѣ герой высказываетъ свое мнѣніе о церкви и ея пастыряхъ. Только легкомысленный, свободный жонглеръ, ничѣмъ съ церковью и духоненствомъ не

связанный, могъ позволить себѣ нарисовать такую картину будущей жизни, гдѣ съ самой недвусмысленной ироніей говорится о представителяхъ церкви и ихъ вѣрованіяхъ. Ко всему, что бѣдно, сѣро и некрасиво, герой относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ, а взамѣнъ этого въ идеалъ легкомысленно возводятся красивый и нарядный грѣхъ. Это все та же торжествующая жизнь опрокидываетъ со смѣхомъ, какъ никуда негодные, навязанные ей церковью принципы отреченія, умерщвленія плоти и страхъ загробныхъ мукъ за земные грѣхи.

Интересенъ также взглядъ Окассена на любовь мужчины и женщины, очень характерный для того времени. Любовь мужчины живетъ глубоко въ его сердцѣ, откуда ей нѣтъ выхода. Любовь женщины помѣщается гдѣ угодно, только тамъ, откуда она легко можетъ ускользнуть при первой возможности.

Нельзя не отмѣтить два наиболѣе яркихъ, красивыхъ момента въ повѣсти: это—бѣгство Николетъ изъ заключенія по освѣщеннымъ луною улицамъ Бокэра и отдыхъ Окассена въ бесѣдкѣ, которую Николетъ устроила изъ травы и цвѣтовъ въ лѣсу. Здѣсь авторъ въ своемъ обращеніи къ звѣздочкѣ даетъ такой тонкій поэтическій образъ, отъ котораго не отказался бы впослѣдствіи любой романтикъ. Ему кажется, что Богъ взялъ къ себѣ на небо его златокудрую подругу, чтобы ярче сіялъ вечерній свѣтъ, чтобы отъ ея красоты сильнѣе загорѣлись звѣзды. И душа его летитъ къ ней въ вышину, полная любви и благоговѣнія.

Изъ эпизодовъ, описанныхъ авторомъ, наиболѣе интересны два: встрѣча Окассена въ лѣсу съ виланомъ, потерявшимъ быка, и эпизодъ торлорскій. Первый представляетъ изъ себя психологическую картинку, которая глубиною анализа рѣзко отличается отъ другихъ образовъ и событій повѣсти, написанныхъ какъ бы на плоскости, безъ попытокъ углубленія и психологическаго истолкованія. Сопоставленіе легкомысленнаго, избалованнаго графскаго сына, который плачетъ о пропавшей собачонкѣ, съ нищимъ крестьяниномъ, у котораго все имущество на немъ самомъ и нѣтъ 20 су, чтобы заплатить за потеряннаго быка и тѣмъ избавить себя отъ тюрьмы,—такое сопоставленіе невольно останавливаетъ вниманіе. И вотъ грубый, безобразный виланъ (авторъ какъ будто нарочно подчеркиваетъ его внѣшнее уродство) оказывается нѣжнымъ, любящимъ сыномъ, и лишенія, которыя терпитъ его старушка мать, удручаютъ его больше, чѣмъ его собственное горе. Рядомъ съ нимъ, какъ яркій контрастъ, нарисованъ молодой, красивый графскій сынъ, для котораго родители были только помѣхой въ устройствѣ его личнаго счастія, и онъ безъ сожалѣнія бросилъ ихъ, старыхъ и слабыхъ, хотя былъ ихъ единственной опорой и надеждой. Когда отецъ отказалъ ему въ его желаніи повидать Николетъ, его возлюбленную, онъ отдаетъ его на поруганіе злѣйшему врагу,—графу Бугару.

Нельзя не подмѣтить у автора во всѣхъ разговорахъ господъ съ простыми людьми легкій оттѣнокъ насмѣшки и даже презрѣнія со стороны этихъ послѣднихъ и во всякомъ случаѣ полное отсутствіе почтительности и подобострастія.

Такъ какъ авторъ самъ вышелъ изъ народа, то интересно было бы знать рисуетъ ли онъ намъ свое собственное отношеніе къ господамъ или настроеніе цѣлаго сословія? Но на этотъ вопросъ и на всѣ другіе, могущіе возникнуть въ области культурно-исторической, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ мы не знаемъ ни самыхъ основныхъ данныхъ о времени и мѣстѣ написанія повѣсти, ни имени автора.

Эпизодъ торлорскій нѣсколько отличается отъ всего характера повѣсти, написанной въ шутливыхъ тонахъ, своимъ грубоватымъ комизмомъ. Надъ смысломъ и значеніемъ его задумывались многіе изслѣдователи. Предполагали, что это сатира, въ которой авторъ хотѣлъ высмѣять лѣнь и трусость какого-нибудь

извѣстнаго этими качествами сеньора. Такія политическія сатиры—не рѣдкость у жонглеровъ, и предположеніе это вполнѣ правдоподобно. Но на вопросъ, къ кому относится сатира, мы не можемъ дать никакихъ указаній.

Самое названіе Торлоръ—произвольное шутливое прозвище, напоминающее какой-нибудь припѣвъ вродѣ tire-lire. Канвой для своего разсказа авторъ взялъ древній обычай кувады, сохранившейся до нашего времени у басковъ. Но данныя фольклора сообщаютъ намъ съ достовѣрностью, что онъ былъ очень распространенъ у многихъ народовъ на ранней ступени развитія. Онъ состоитъ въ томъ, что мужъ, желая ли выразить сочувствіе своей женѣ, или санкціонируя появленіе на свѣтъ своего ребенка, такъ или иначе реагировалъ на ея беременность и роды. Иногда онъ налагалъ на себя постъ въ теченіе всего этого періода, иногда же ложился въ постель, симулируя родовыя муки.

Вѣроятно, этотъ обычай былъ связанъ съ какимъ-нибудь религіознымъ культомъ, во всякомъ случаѣ почитался священнымъ и имѣлъ глубокій смыслъ. Но къ XII вѣку отъ него осталась одна форма, которою авторъ воспользовался, чтобы изобразить нѣчто вродѣ нашей Пошехоніи.

Король рождаетъ сына, а королева во главѣ войска сражается съ врагами печеными яблоками, грибами, яйцами и свѣжими сырами! Вотъ комическая картина, которая сначала поражаетъ Окассена, а затѣмъ вызываетъ въ немъ веселый смѣхъ. Въ этой благословенной странѣ не терпятъ ни капли крови и никто никого не убиваетъ, но если у насъ царь Берендей съ гордостью говоритъ о своей сказочной странѣ: „въ нашемъ уложеніи кровавыхъ нѣтъ законовъ", то для рыцаря XII вѣка этотъ страхъ передъ кровью и убійствомъ есть признакъ величайшей трусости, надъ которою онъ въ лучшемъ случаѣ можетъ только смѣяться.

Эпизодъ этотъ, какъ будто нарушающій цѣльность впечатлѣнія, далъ поводъ французскому переводчику cantefable, Бида, попросту выпустить его, какъ несогласный со всѣмъ стилемъ повѣсти. Нельзя не упрекнуть переводчика за такое безцеремонное отношеніе къ автору XII—XIII вѣка, ибо эпизодъ самъ по себѣ очень яркій, и во всякомъ случаѣ трудно предположить, что, вставляя его въ разсказъ, авторъ не имѣлъ никакой опредѣленной цѣли.

Что касается перевода этой книжки, то передъ русскимъ переводчикомъ сразу возникаетъ затрудненіе въ видѣ ассонансовъ, такъ мало знакомыхъ русскому слуху и не имѣющихъ за собою никакой поэтической традиціи.

Приходится замѣнить ихъ парной риѳмой, наиболѣе къ нимъ близкой.

Самую большую трудность представляетъ изъ себя языкъ или стиль повѣсти, простой, наивный, мѣстами даже неуклюжій, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Но въ немъ-то и заключается вся сила и прелесть книги, и отсутствіе пышной риѳмы, изысканныхъ оборотовъ рѣчи и современныхъ утонченныхъ выраженій является conditio sine qua non для всякаго добросовѣстнаго переводчика. Подкупающая легкость и простота языка достигаются здѣсь путемъ упорнаго труда и контроля надъ собою.

Нельзя не упомянуть еще о совершенной безпомощности русскаго переводчика въ области куртуазной терминологіи. Всѣ эти стойкіе эпитеты, опредѣленные термины, щедро разсыпанные въ старо-французской куртуазной поэзіи, не имѣютъ равноцѣнныхъ выраженій на нашемъ языкѣ. Приходится довольствоваться описательными оборотами, по возможности передающими сущность эпитета.

Herz, лучшій переводчикъ cantefable, былъ въ болѣе счастливыхъ условіяхъ: передъ нимъ была долгая поэтическая традиція, готовая фразеологія Minnesang'а, и ему оставалось только черпать оттуда сообразно со своимъ собственнымъ поэтическимъ чутьемъ.

1.

1. Кто услышать хочетъ стихъ
Про влюбленныхъ молодыхъ?
Повѣсть радостей и бѣдъ:
Окассенъ и Николетъ.
5. Какъ жестоко онъ страдалъ,
Храбро подвиги свершалъ
Для любимыхъ ясныхъ глазъ.
Чуденъ будетъ мой разсказъ,
Простъ и сладостенъ напѣвъ.
10. И кого терзаетъ гнѣвъ,
Злой недугъ кого томитъ,—
Пѣсня разомъ исцѣлитъ.
Радость будетъ велика
И разсѣется тоска
15. Отъ пѣсни той.

2.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ, что графъ Бугаръ де Валенсъ велъ съ графомъ Гареномъ де Бокэръ войну, жестокую, чудовищную и кровопролитную, и не проходило дня, чтобы онъ не стоялъ у воротъ и у стѣнъ города съ сотней рыцарей и десятками тысячъ солдатъ, конныхъ и пѣшихъ. При этомъ онъ сжигалъ страну графа Гарена, опустошалъ его земли и убивалъ его людей.

Графъ Гаренъ де Бокэръ былъ старъ и слабъ—прошло его время. И не было у него иныхъ наслѣдниковъ, ни сыновей, ни дочерей, кромѣ одного только мальчика. Я вамъ опишу, каковъ онъ былъ.

Окассенъ—звали графскаго сына. Онъ былъ красивый и веселый юноша, высокій ростомъ; стройны были его ноги, руки и тѣло. Волосы у него были свѣтлые, въ пышныхъ кудряхъ, глаза ясные и веселые, лицо привѣтливое и правильное, носъ прямой и тонкій. И столько въ немъ было добрыхъ качествъ, что не было ни одного дурного, все только одни хорошія.

И былъ онъ охваченъ любовью, которая все побѣждаетъ, не желалъ рыцарствовать, итти вооруженнымъ на турниръ, не хотѣлъ дѣлать того, что ему подобало. Отецъ и мать говорили ему:

— Сынъ, садись на коня, бери оружіе, защищай свою землю и помогай своимъ подданнымъ. Когда они тебя увидятъ рядомъ, они будутъ лучше защищать свою жизнь и имущество и нашу землю.

— Отецъ,—отвѣчалъ Окассенъ,—что вы тамъ говорите? Пусть Богъ не дастъ мнѣ того, о чемъ я прошу Его, если я стану рыцаремъ, сяду на коня, пойду въ сраженіе и въ битву, чтобъ тамъ разить враговъ и отражать удары, а вы мнѣ не дадите Николетъ, мою нѣжную подругу, которую я такъ люблю.

— Сынъ мой,—отвѣчалъ отецъ,—оставь и думать о Николетъ. Она вѣдь плѣнница, привезенная изъ чужой страны; тамъ ее купилъ виконтъ изъ нашего города у сарацинъ и привезъ ее сюда. Здѣсь онъ ее вырастилъ, окрестилъ и воспиталъ, какъ свою крестницу. Теперь онъ дастъ ей въ мужья какого-нибудь молодого человѣка, который честно будетъ зарабатывать для нея хлѣбъ. Тутъ тебѣ нечего дѣлать, а если ты желаешь жениться, то я дамъ тебѣ въ жены дочь короля или графа. Нѣтъ такого богатаго человѣка во Франціи, который бы не отдалъ за тебя свою дочь, если бы ты захотѣлъ ее имѣть.

— Увы, отецъ! Гдѣ на землѣ такая высокая честь, которой бы не стоила Николетъ, моя нѣжная подруга? Если бы даже она была императрицей Константинополя или Германіи, королевой Франціи или Англіи, всего этого было бы для нея мало—такъ хороша она и благородна, и привѣтлива и полна достоинства.

3.

Здѣсь поется.

1. Окассена знатный родъ
Въ замкѣ де Бокэръ живетъ.
Безъ прекрасной Николетъ
Для него ничтоженъ свѣтъ.
5. Но отецъ неумолимъ,
Мать во всемъ согласна съ нимъ.
„Николетъ, мой милый сынъ,
Куплена у сарацинъ,
Гдѣ она была въ плѣну.
10. Ты же долженъ взять жену
Рода знатнаго, какъ ты.
Брось безумныя мечты“.
— „Мать, я не согласенъ, нѣтъ!
Кто прекраснѣй Николетъ?
15. Ясный взоръ и стройный видъ
Сердце свѣтомъ мнѣ живитъ.
Мнѣ любовь ея нужна,
Что такъ нѣжна“.

4.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда графъ Гаренъ де Бокэръ увидалъ, что не удается ему отвлечь Окассена отъ любви къ Николетъ, онъ отправился въ городъ къ виконту, который былъ у него на службѣ, и сказалъ ему такъ:

— Господинъ виконтъ, удалите вы отсюда Николетъ, вашу крестницу. Пусть будетъ проклята земля, откуда вы ее привезли въ нашу страну. Вѣдь изъ-за нея я теряю Окассена, онъ не хочетъ рыцарствовать, не хочетъ исполнять своего долга. Такъ знайте, что если бы она была въ моихъ рукахъ, я бы ее сжегъ въ огнѣ, да и вы сами тоже должны меня остерегаться.

— Господинъ,—отвѣтилъ виконтъ,—мнѣ и самому очень не нравится, что онъ къ ней ходитъ и разговариваетъ съ нею. Я вѣдь ее купилъ на свои деньги, вырастилъ, окрестилъ и воспиталъ, какъ свою крестницу, теперь я дамъ ей въ мужья какого-нибудь молодого человѣка, который будетъ для нея честно зарабатывать хлѣбъ. Тутъ вашему сыну Окассену нечего дѣлать. Но если такова ваша воля и ваше желаніе, то я ее отошлю въ такую страну, гдѣ онъ ее никогда и въ глаза не увидитъ.

— Такъ берегитесь!—сказалъ графъ Гаренъ.—А то вамъ плохо придется.—Они разстались.

А виконтъ этотъ былъ очень богатый человѣкъ, и былъ у него пышный дворецъ, а позади дворца—садъ.

И приказалъ онъ посадить Николетъ въ комнатку наверху, а съ нею вмѣстѣ старушку для компаніи и велѣлъ дать имъ хлѣба, мяса, вина и все для нихъ необходимое.

Потомъ приказалъ запечатать всѣ двери, чтобы ниоткуда не было къ нимъ ни входа, ни выхода. Оставалось у нихъ снаружи только одно маленькое окошечко, откуда проникало къ нимъ немного свѣжаго воздуха.

5.

Здѣсь поется.

1. Въ тѣсной комнатѣ одна
Николетъ заключена.
Сводъ искусно въ ней сложенъ
И хитро расписанъ онъ.
Вотъ на мраморъ у окна
5. Опершись, стоитъ она.

Волны свѣтлыя кудрей,
Дуги стройныя бровей,
И въ лицѣ сіяетъ свѣтъ.
Нѣтъ прекраснѣй Николетъ!
10. Вотъ она взглянула въ садъ:
Птички весело кричатъ,
Роза пышно расцвѣла.
И сиротка начала:
„Горе мнѣ, зачѣмъ должна
15. Я въ тюрьмѣ сидѣть одна?
Окассенъ, мой господинъ,
Вы мнѣ близки; вы одинъ
Были ласковы всегда.
Я заключена сюда
20. Ради васъ подъ этотъ сводъ.
Здѣсь такъ грустно жизнь идетъ.
О, Святая Божья Мать,
Я не стану здѣсь страдать,
Я убѣгу!“

6.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Николетъ была въ заключеньѣ, какъ вы уже слыхали, въ комнаткѣ наверху. И пошелъ по всей землѣ и по всей странѣ слухъ, что она исчезла. Одни думали, что она бѣжала въ чужія страны, а другіе полагали, что графъ Гаренъ велѣлъ ее убить.

Если кого-нибудь эта вѣсть и обрадовала, то Окассену совсѣмъ не было весело.

Онъ отправился къ виконту въ городъ и спросилъ его:

— Господинъ виконтъ, что вы сдѣлали съ Николетъ, моей нѣжной подругой, существомъ, которое я любилъ больше всего на свѣтѣ? Вы отняли ее отъ меня, украли! Такъ знайте же, что если я умру съ горя, вамъ будутъ за меня мстить, и это будетъ только справедливо. Вѣдь вы меня убили собственными руками, отнявъ отъ меня ту, которую я любилъ больше всего на этомъ свѣтѣ.

— Господинъ мой,—отвѣтилъ виконтъ,—оставьте вы это. Николетъ, плѣнница, которую я привезъ изъ чужой земли, купивъ ее на собственныя деньги у сарацинъ. Я ее вырастилъ, окрестилъ и воспиталъ, какъ свою крестницу; я ее кормилъ, а теперь найду ей въ мужья какого-нибудь молодого человѣка, который будетъ

для нея честно зарабатывать хлѣбъ. Вамъ тутъ совсѣмъ нечего дѣлать, а вы лучше возьмите себѣ въ жены дочь короля или графа. Да и въ самомъ дѣлѣ, что вы выиграете, если сдѣлаете Николетъ своей возлюбленной и она будетъ принадлежать вамъ? Мало будетъ отъ этого проку, такъ какъ на всѣ дни вашей жизни вы будете опозорены, а душа ваша пойдетъ потомъ въ адъ, такъ какъ рая то вамъ ужъ никогда не видать.

— Что мнѣ дѣлать въ раю, я совсѣмъ не желаю туда итти; мнѣ нужна Николетъ, моя нѣжная подруга, которую я такъ люблю. Вѣдь въ рай идутъ только тѣ люди, которыхъ я вамъ сейчасъ назову. Туда идутъ старые попы, убогіе и калѣки, которые день и ночь валяются у алтарей и старыхъ ясель, и тѣ, кто ходитъ въ лохмотьяхъ, истрепанныхъ капюшонахъ, и тѣ, которые босы и наги и оборваны, кто умираетъ отъ голода, холода, жажды и всякихъ лишеній. Всѣ они идутъ въ рай, но мнѣ съ ними тамъ нечего дѣлать. Я хочу попасть въ адъ, туда идутъ добрые ученые и прекрасные рыцари, погибшіе на турнирахъ или въ блестящихъ войнахъ, и хорошіе солдаты и свободные люди. Съ ними хочу быть и я. Туда же идутъ и нѣжныя, благородныя дамы, у которыхъ два или три возлюбленныхъ, кромѣ ихъ собственнаго мужа; идетъ туда золото, серебро, пестрыя ткани и дорогіе мѣха; идутъ туда музыканты и жонглеры и короли міра. Съ ними хочу быть и я, пусть только Николетъ, моя нѣжная подруга, будетъ со мною.

— Напрасно вы все это говорите,—отвѣтилъ виконтъ,—вы больше ее никогда не увидите. А если бы съ ней поговорили и отецъ вашъ узналъ объ этомъ, онъ бы сжегъ и ее, и меня въ огнѣ, да и вамъ то самому было бы чего бояться.

— Тяжко мнѣ это,—сказалъ Окассенъ и, печальный, ушелъ отъ виконта.

7.

Здѣсь поется.

1. И вернулся Окассенъ,
Тяжкимъ горемъ удрученъ.
Кто подастъ ему совѣтъ?
Отъ прекрасной Николетъ
5. Кто бѣдняжку отвлечетъ?
Вотъ онъ во дворецъ идетъ,
Возвращается домой,
Поднялся къ себѣ въ покой,
И, печалью омраченъ,

10. Горько плакать началъ онъ:
„Николетъ, чья рѣчь сладка,
Поступь гордая легка,
Чьи движенья такъ плавны,
Такъ объятія нѣжны,
15. Веселъ нравъ и смѣхъ игривъ,
Станъ и строенъ и красивъ,—
Ради васъ страдаю я,
И терзаютъ всѣ меня.
Умереть пришла пора,
20. Другъ мой—сестра!“

8.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Пока Окассенъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и скорбѣлъ о Николетъ, своей подругѣ, графъ Бугаръ де Валенсъ продолжалъ вести войну. Онъ созвалъ своихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, и отправился къ замку, чтобы осадить его. И поднялся шумъ и крикъ, рыцари и солдаты вооружаются и бѣгутъ къ стѣнамъ и воротамъ замка, чтобы защищать его, а горожане взбираются на зубцы стѣнъ и бросаютъ оттуда заостренные брусья и колья.

Въ самый разгаръ осады графъ Гаренъ пришелъ въ комнату, гдѣ Окассенъ плакалъ и скорбѣлъ о своей подругѣ Николетъ, которую онъ такъ любилъ.

— Жалкій и несчастный сынъ,—сказалъ онъ ему,—какъ можешь спокойно смотрѣть, что твой замокъ, самый сильный и лучшій изъ всѣхъ, осажденъ врагами? Если ты его потеряешь, ты лишишься своего наслѣдства. Сынъ мой, возьми оружіе, садись на коня, защищай свою землю, помогай своимъ подданнымъ, иди въ битву. Если даже ты не будешь самъ разить враговъ и отражать удары, они всетаки воодушевятся, увидѣвъ тебя рядомъ, и станутъ лучше защищать свою жизнь и имущество и нашу съ тобою землю. Ты такой большой и сильный, ты это можешь сдѣлать, да вѣдь это и долгъ твой.

— Отецъ,—отвѣтилъ Окассенъ,—что вы такое говорите? Пусть Богъ не дастъ мнѣ того, о чемъ я прошу Его, если я стану рыцаремъ, сяду на коня и пойду въ сраженіе, чтобы разить враговъ и отражать удары, а вы мнѣ не дадите Николетъ, мою нѣжную подругу, которую я такъ люблю.

— Сынъ мой,—отвѣтилъ отецъ,—этого быть не можетъ. Пусть буду я лучше совсѣмъ разоренъ, пусть потеряю все, что имѣю, чѣмъ видѣть ее твоей женою и подругой.

Онъ хотѣлъ уйти. Но Окассенъ, видя это, позвалъ его снова.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—подождите, я хочу вамъ что то хорошее предложить.

— Что такое, сынъ мой?

— Я вооружусь, пойду въ битву съ тѣмъ условіемъ, что если Богъ меня сохранитъ цѣлымъ и невредимымъ, вы позволите мнѣ увидѣть Николетъ, мою нѣжную подругу, такъ, чтобы я могъ сказать ей два-три слова и хоть одинъ разокъ ее поцѣловать.

— Я согласенъ на это,—отвѣтилъ графъ.

Онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, и Окассенъ исполнился радости.

9.

Здѣсь поется.

1. Счастливъ Окассенъ, и вотъ
Поцѣлуя милой ждетъ.
Цѣлымъ тысячамъ наградъ,
Былъ бы онъ не больше радъ.
5. И въ одеждѣ дорогой
Снаряжается на бой.
Панцырь онъ надѣлъ двойной,
Шпагой цѣнной, золотой
Опоясался затѣмъ.
10. Вотъ надѣлъ забрало, шлемъ,
Ловко на коня вскочилъ,
Ноги въ стремена вложилъ
И на нихъ бросаетъ взглядъ.
Какъ красивъ его нарядъ!
15. Вспомнилъ онъ подруги взоръ,—
Подъ ударомъ острыхъ шпоръ
Мчится вихремъ конь лихой,
Онъ летитъ туда стрѣлой,
Гдѣ бой—кипитъ.

10.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Окассенъ вооружился и сѣлъ на коня, какъ вы уже слышали. Богъ мой! какъ къ нему пристали щитъ и шлемъ и шпага на лѣвомъ боку. Какой онъ высокій, стройный и красивый молодецъ; какой онъ сильный, и какъ благородна его осанка! А конь

подъ нимъ крѣпкій и быстрый, и направилъ его рыцарь прямо въ ворота. Не думайте, однако, что онъ собирался уводить быковъ, коровъ, козъ или разить враговъ и отражать удары. Ничуть не бывало! Даже не вспомнилъ онъ объ этомъ. Онъ такъ былъ погруженъ въ мечты о Николетъ, своей нѣжной подругѣ, что забылъ о поводьяхъ и о томъ, что долженъ дѣлать. А конь его, почуявъ шпоры, пронесся съ нимъ черезъ толпу и бросился въ самую гущу враговъ. И тутъ со всѣхъ сторонъ протянули они къ нему руки, отобрали у него щитъ и копье и повели его, какъ плѣнника. Они шли и говорили уже о томъ, какою смертью его заставятъ умереть. И когда услышалъ это Окассенъ, онъ воскликнулъ:

— Господи милосердный! Неужели же это меня такъ ведутъ мои смертельные враги и собираются отрубить мнѣ голову! Но вѣдь если они мнѣ срубятъ голову, я уже никогда не буду говорить съ Николетъ, нѣжной подругой, которую я такъ люблю. А у меня въ рукахъ есть еще добрая шпага, да и конь подо мною не плохой. Попробую-ка я отъ нихъ отбиться, и если Богъ меня любитъ, онъ имъ не станетъ помогать.

Онъ былъ здоровый и сильный молодецъ, а конь подъ нимъ быстрый. Выхватилъ онъ шпагу и давай рубить направо и налѣво, разрубалъ шлемы и забрала, плечи и руки, и образовалась вокругъ него такая лужа крови, какъ вокругъ кабана, когда его настигаютъ въ лѣсу собаки. И убилъ онъ такимъ образомъ десять рыцарей да еще ранилъ семерыхъ, вырвался изъ толпы враговъ и поскакалъ обратно въ городъ со шпагою въ рукѣ.

Графъ Бугаръ де Валенсъ, услыхавъ, что хотятъ вѣшать Окассена, его врага, поѣхалъ навстрѣчу. Окассенъ его узналъ, въ рукѣ его была шпага, онъ ударилъ ею графа по шлему и ранилъ въ голову, такъ что тотъ, оглушенный, упалъ на землю. Окассенъ протянулъ руку и потащилъ его, держа за шлемъ, къ своему отцу.

— Отецъ,—сказалъ онъ,—вотъ врагъ вашъ, который столько съ вами воевалъ и вредилъ вамъ. Двадцать лѣтъ длилась эта война и ни одинъ человѣкъ не могъ ее закончить.

— Сынъ мой милый,—отвѣтилъ графъ Гаренъ,—вотъ какіе подвиги долженъ ты совершать, а не мечтать о глупостяхъ!

— Отецъ,—отвѣтилъ на это Окассенъ,—оставьте ваши проповѣди, а лучше исполняйте ваше обѣщаніе.

— Что такое? Какое обѣщаніе, сынъ мой?

— Какъ, отецъ, или вы позабыли? Клянусь головою своею, кто бы ни забылъ, а ужъ я то хорошо его помню,—такъ глубоко

оно запало мнѣ въ сердце. Вѣдь вы обѣщали мнѣ, когда я вооружался и шелъ на бой, что если Богъ сохранитъ меня цѣлымъ и невредимымъ, то вы позволите мнѣ повидать Николетъ, мою нѣжную подругу, такъ чтобы я могъ сказать ей два или три слова и хоть разъ одинъ ее поцѣловать. Вы въ этомъ мнѣ поклялись, а теперь я хочу, чтобы вы исполнили вашу клятву.

— Я?—сказалъ отецъ.—Пусть Богъ меня покинетъ, если я исполню такое обѣщаніе. А если бы она была здѣсь, я бы ее сжегъ въ огнѣ, да и ты то самъ долженъ меня бояться!

— И это все, что вы мнѣ скажете?

— Видитъ Богъ, да,—отвѣтилъ отецъ.

— Нечего и говорить, очень грустно мнѣ, что человѣкъ вашего возраста лжетъ. Графъ де Валенсъ,—продолжалъ онъ,—я васъ взялъ въ плѣнъ, не такъ ли?

— Такъ, господинъ мой,—отвѣтилъ графъ.

— Такъ дайте мнѣ на томъ руку.

— Охотно, господинъ мой.

И онъ подалъ Окассену руку.

— Дайте мнѣ клятву,—продолжалъ Окассенъ,—что пока вы живете, вы будете вредить моему отцу, позорить его и разрушать его владѣнія, сколько у васъ хватитъ силъ.

— Ради Бога, господинъ мой, не шутите со мною, а лучше назначьте мнѣ выкупъ. Сколько бы вы у меня ни попросили золота и серебра, лошадей, коней, пестрыхъ тканей и дорогихъ мѣховъ, собакъ или птицъ, я вамъ все отдамъ.

— Какъ,—возразилъ Окассенъ,—развѣ вы не знаете, что вы мой плѣнникъ?

— Знаю, господинъ мой,—отвѣтилъ графъ.

— Богъ свидѣтель, если вы не поклянетесь мнѣ въ томъ, въ чемъ я прошу, съ васъ слетитъ голова!

— Боже меня сохрани,—отвѣтилъ тотъ,—я поклянусь вамъ въ чемъ угодно.

Графъ Бугаръ далъ клятву, и Окассенъ посадилъ его на коня, самъ сѣлъ на другого и проводилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ въ безопасности.

11.

Здѣсь поется.

1. Видитъ старый графъ Гаренъ,
Что не можетъ Окассенъ
Милой сердцу разлюбить,
Ясныхъ глазъ ея забыть.

5. Сына онъ въ тюрьму послалъ,
Въ темный мраморный подвалъ,
Въ погребъ мрачный подъ землей.
Полонъ юноша тоской,
Сталъ печальнѣе, чѣмъ былъ,
10. Плача, такъ онъ говорилъ:
„Дорогая Николетъ!
Другъ мой нѣжный, лилій цвѣтъ,
Въ чашѣ спѣлыхъ гроздій сокъ
Быть нѣжнѣй тебя не могъ.
15. Видѣлъ разъ я, какъ одинъ
Пилигримъ изъ Лимузинъ
На одрѣ лежалъ безъ силъ,
Злой недугъ его томилъ.
И была болѣзнь тяжка,—
20. Изнуряла старика;
Только мимо ты прошла,
Легкій плащъ приподняла,
Мѣхъ соболій дорогой
И рубашки край льняной.
25. Ножку старецъ увидалъ
И сейчасъ здоровымъ сталъ.
Отъ болѣзни исцѣленъ,
Крѣпче прежняго сталъ онъ
И отправился одинъ
30. Въ свой далекій Лимузинъ,
Позабывъ про злой недугъ.
Лилій цвѣтъ, мой нѣжный другъ,
Ваша поступь такъ легка,
Рѣчь изысканна, сладка,
30. Ласка и любовь нѣжны,
Смѣхомъ, радостью полны.
Какъ васъ можно не любить?
Ради васъ я долженъ жить
Въ кельѣ тѣсной подъ землей.
40. Здѣсь погибну смертью злой,
Близокъ мой послѣдній часъ,
Умру за васъ!“

12.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Окассенъ былъ заключенъ въ темницу, какъ вы уже слышали, а Николетъ сидѣла взаперти въ комнатѣ наверху. Это было лѣ-

томъ въ маѣ мѣсяцѣ, когда дни стоятъ теплые, долгіе и ясные, а ночи тихи и прозрачны.

Однажды ночью Николетъ лежала въ своей постели и увидѣла она, что луна свѣтитъ въ окошко, услышала, что въ саду поетъ соловей, и вспомнила объ Окассенѣ, своемъ миломъ другѣ, котораго она такъ любила. И стала она думать о графѣ Гаренѣ, который смертельно ее ненавидѣлъ, и рѣшила, что ни за что больше здѣсь не останется. Вѣдь если бы ее кто-нибудь выдалъ и графъ Гаренъ узналъ, гдѣ она, онъ бы предалъ ее злой смерти.

Услыхавъ, что старушка, которая была съ нею, заснула, она встала, надѣла красивый шелковый плащъ, потомъ взяла простыни и куски холста, связала ихъ вмѣстѣ и сдѣлала изъ нихъ веревку, такую длинную, какъ только могла. Привязала ее къ подоконнику и спустилась внизъ въ садъ.

Она подобрала свои одежды и пошла черезъ садъ по травѣ, обильно смоченной росою. Волосы у нея были свѣтлые, въ пышныхъ кудряхъ, глаза ясные и веселые, продолговатое лицо, прямой и тонкій носъ, а губки алѣе, чѣмъ вишня или роза лѣтнею порою, зубы мелкіе и бѣлые, а упругія груди приподнимали ея одежду, какъ два маленькихъ итальянскихъ орѣшка. Она была стройна въ бедрахъ, и станъ ея можно было обхватить двумя кистями рукъ.

Цвѣты маргаритокъ, которые она топтала своими ножками и которые ложились передъ ея стопами, казались совсѣмъ черными по сравненію съ ними,—такъ бѣла была эта дѣвушка.

Она подошла къ калиткѣ, открыла ее и пошла по улицамъ Бокэра, держась въ тѣни, такъ какъ луна свѣтила очень ярко, и шла она до тѣхъ поръ, пока не достигла башни, гдѣ сидѣлъ ея другъ. Башня эта была мѣстами въ трещинахъ; она прислонилась къ одному изъ столбовъ, плотно завернулась въ свой плащъ, просунула голову въ одну изъ разсѣлинъ башни, старой и ветхой, и услышала, какъ скорбѣлъ и плакалъ Окассенъ, сожалѣя оставленную подругу свою, которую онъ такъ любилъ. Когда она его выслушала, она начала говорить сама.

13.

Здѣсь поется.

1. Та, чьи очи такъ ясны,
Стала тихо у стѣны.
Окассена горекъ стонъ,
О подругѣ плачетъ онъ.

5. И въ отвѣтъ онъ слышитъ вдругъ:
„Мой возлюбленный, мой другъ,
Храбрый, честный мой герой,—
Ни слезами, ни тоской
Вамъ меня не возвратить,
10. И счастливымъ вамъ не быть!
Ненавидитъ вѣдь меня
Вашъ отецъ и вся родня.
Черезъ море, въ край чужой,
Я уйду, любимый мой“.
15. И красавица ему
Локонъ бросила въ тюрьму.
Окассенъ густую прядь
Нѣжно началъ цѣловать;
Даромъ милой упоенъ,
20. Скрылъ его на сердцѣ онъ,
Послѣ новыхъ слезъ потокъ
Сдержать не могъ.

14.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда Окассенъ услыхалъ, что Николетъ собирается бѣжать въ чужіе края, онъ пришелъ въ отчаяніе.

— Милый другъ мой,—сказалъ онъ,—вы никуда не уйдете отсюда, потому что иначе я умру. Первый, кто васъ увидитъ, овладѣетъ вами и сдѣлаетъ васъ своей возлюбленной. И если вы будете принадлежать другому человѣку, а не мнѣ, не думайте, что я буду ждать, пока найдется ножъ, которымъ я могу ранить себя въ сердце и убить. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, долго ждать я не буду, и, если издали увижу крѣпкій камень или каменную стѣну, я разобью объ него свою голову, такъ что глаза выскочатъ и мозги вывалятся наружу. Лучше ужъ умереть такою жестокою смертью, чѣмъ узнать, что вы принадлежали другому человѣку, а не мнѣ.

— Ахъ,—молвила она,—я никогда не думала, что вы меня такъ сильно любите, но я то васъ люблю еще больше, чѣмъ вы меня.

— Увы,—отвѣтилъ Окассенъ,—другъ мой нѣжный, не можетъ этого быть, чтобы вы любили меня такъ, какъ я васъ. Женщина не можетъ такъ любить мужчину, какъ онъ ее. Вѣдь любовь у женщины живетъ въ ея глазахъ, въ кончикахъ грудей и въ

ступняхъ ногъ, а любовь мужчины заключена въ его сердцѣ, откуда она уйти не можетъ.

Пока Окассенъ и Николетъ такъ разговаривали, городская стража внезапно появилась на улицѣ; подъ плащомъ у солдатъ были спрятаны обнаженные мечи.

Графъ Гаренъ приказалъ имъ, если они встрѣтятъ Николетъ, схватить ее и убить.

А сторожъ на башнѣ видѣлъ, какъ они шли, и слышалъ, какъ они говорили между собою о Николетъ и грозили убить ее.

„Боже,—сказалъ онъ себѣ,—какъ будетъ жалко, если они убьютъ эту славную дѣвушку. Хорошо бы было предупредить ее такъ, чтобы они не замѣтили, и посовѣтовать ей остерегаться ихъ. Иначе они вѣдь убьютъ ее, и отъ этого погибнетъ Окассенъ, мой молодой господинъ, а это будетъ очень печально.

15.

Здѣсь поется.

1. Сторожъ этотъ былъ герой,
Храбрый, съ честною душой,
Былъ онъ ловокъ и умѣлъ,—
Пѣсню чудную имъ спѣлъ:
5. „Дѣвушка, ты такъ смѣла
И красива и мила.
Золотистая, въ кудряхъ,
Смѣхъ въ сіяющихъ глазахъ
Вижу я, хоть ты молчишь,
10. Ты съ любимымъ говоришь.
Умереть онъ радъ, любя.
Я жъ хочу спасти тебя.
Слушай. Осторожна будь!
Къ намъ солдаты держатъ путь.
15. Взять тебя они должны,
Ихъ мечи обнажены,
Чтобъ убить тебя вѣрнѣй,
Бѣги скорѣй!“

16.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

„Пусть покоятся въ мирѣ души твоихъ родителей за то, что ты такъ благородно и ласково меня предупредилъ объ опасности.

Если Богу угодно, я уберегусь отъ нихъ, и пусть Онъ мнѣ въ этомъ поможетъ".

Она закуталась въ свой плащъ и тѣсно прижалась къ столбу, пока они проходили мимо, потомъ простилась съ Окассеномъ и пошла, пока не достигла стѣны замка. Стѣна эта была въ одномъ мѣстѣ разрушена и наскоро задѣлана, она перебралась черезъ нее и очутилась между стѣною и рвомъ. Взглянула она внизъ, видитъ ровъ глубокій и крутой, и стало ей страшно.

„Создатель милосердный, если я упаду, то сломаю себѣ шею, а если я здѣсь останусь, меня найдутъ завтра и сожгутъ въ огнѣ. Пусть ужъ лучше я умру, а то завтра весь городъ будетъ на меня дивиться!"

Она перекрестилась и стала скользить внизъ по склону рва, а когда достигла дна, ея нѣжныя руки и ноги, которыя до тѣхъ поръ не знали ранъ, были всѣ исцарапаны и исколоты, и кровь шла навѣрное въ 12-ти мѣстахъ, а она не чувствовала ни боли, ни страданій,—такъ ею владѣлъ страхъ.

Но если трудно было спуститься въ ровъ, то выйти оттуда было еще труднѣе. Но она подумала, что тамъ оставаться ей опасно, и, найдя заостренный колъ, который горожане бросили сюда, защищая замокъ, она шагъ за шагомъ стала съ большимъ трудомъ подниматься и, наконецъ, вышла наверхъ.

Тамъ былъ лѣсъ, на разстояніи двухъ выстрѣловъ изъ лука, и тянулся онъ на добрыхъ тридцать льё въ длину и въ ширину, и были въ немъ дикіе звѣри и всякіе гады.

Она боялась итти туда и думала, что тамъ ее съѣдятъ, но потомъ вспомнила, что оставаться здѣсь тоже опасно, такъ какъ если ее здѣсь найдутъ, то отведутъ въ городъ и сожгутъ тамъ.

17.

Здѣсь поется.

1. Перейти глубокій ровъ
Многихъ стоило трудовъ.
Николетъ, что такъ чиста,
Молитъ вся въ слезахъ Христа:
5. „Царь небесъ, куда итти?
Мнѣ закрыты всѣ пути.
Если въ темный лѣсъ пойду,—
Смерть сейчасъ же тамъ найду.
Стану пищей я волкамъ,
10. Льву и дикимъ кабанамъ.
Если жъ я останусь тутъ,—

На зарѣ меня найдутъ,
И тогда несчастной мнѣ
Предстоитъ сгорѣть въ огнѣ.
15. Боже мой, спаси меня!
Лучше пусть достанусь я
На съѣденіе волкамъ,
Льву и дикимъ кабанамъ,
Чѣмъ опять въ Бокэръ итти
И смерть найти.

18.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Долго жаловалась такъ Николетъ, какъ вы уже слышали. Она поручила себя Богу и пошла, пока не достигла лѣса. И не смѣла она войти въ глубь его, такъ какъ боялась дикихъ звѣрей и гадовъ, и спряталась подъ тѣнь густого куста. Тамъ ее охватилъ сонъ, и она проспала такъ до ранней зари слѣдующаго дня, когда пастухи вышли изъ города и привели свои стада пастись на опушкѣ лѣса у рѣки.

Тамъ они отошли въ сторону, сѣли на берегу живописнаго ручейка, разостлали на травѣ плащъ и положили на него хлѣбъ. Пока они ѣли, Николетъ проснулась отъ пѣнія птицъ и говора пастуховъ и подошла къ нимъ.

— Милыя дѣти,—сказала она,—Богъ вамъ на помощь!

— Богъ да благословитъ васъ,—отвѣтилъ тотъ, который былъ поразговорчивѣе другихъ.

— Милыя дѣти,—продолжала Николетъ,—не знаете ли вы Окассена, сына графа Гарена?

— Конечно, знаемъ, даже очень хорошо.

— Если Богъ вамъ поможетъ, милыя дѣти,—сказала она,—передайте ему, что въ этомъ лѣсу водится красный звѣрь, пусть онъ придетъ охотиться на него, и если ему удастся его захватить, то ни одного кусочка этого звѣря онъ не отдастъ и за сто марокъ золотомъ, даже и за пять сотенъ, и за все свое имущество не отдастъ!

Они смотрѣли на нее и были поражены ея красотой.

— Передать ему это?—отвѣтилъ тотъ, который былъ поразговорчивѣе другихъ.—Глупъ будетъ тотъ, кто скажетъ ему все это. Это все выдумки, что вы говорите; въ этомъ лѣсу нѣтъ ни одного звѣря, ни оленя, ни льва, ни кабана, который былъ бы такъ дорогъ, что одинъ кусочекъ его стоилъ бы дороже двухъ

или самое большее трехъ деньё, а вы говорите о такихъ большихъ деньгахъ! Глупъ будетъ тотъ, кто вамъ повѣритъ и ему скажетъ объ этомъ. Вы просто колдунья, намъ васъ совсѣмъ не надо, идите своею дорогой.

— Милыя дѣти,—просила она,—сдѣлайте то, о чемъ я говорю. У этого звѣря есть такое лѣкарство, что Окассенъ сразу излѣчится отъ своей болѣзни. Вотъ у меня въ кошелькѣ есть пять су, возьмите ихъ себѣ, если вы согласны передать ему то, что я прошу. Пусть онъ охотится здѣсь въ теченіе трехъ дней, а если онъ не найдетъ ничего за три дня, то ему больше никогда не видать этого звѣря и не вылѣчиться отъ своего недуга.

— Честное слово,—воскликнулъ пастухъ,—деньги то мы возьмемъ, и если онъ сюда придетъ, мы ему все скажемъ, но сами не пойдемъ его искать!

— Ну, хорошо,—отвѣтила дѣвушка. Она простилась съ пастухами и ушла.

19.

Здѣсь поется.

1. Пастухамъ пославъ привѣтъ,
Удалилась Николетъ,
Трудный путь направивъ свой
Черезъ темный лѣсъ густой.
5. И тропинкой вѣковой
Въ край пришла она глухой.
Семь дорогъ скрестилось тутъ,
Что по всей странѣ идутъ.
Вдругъ ей мысль пришла одна!
10. Хочетъ испытать она,
Любитъ Окассенъ, иль нѣтъ?
Собираетъ Николетъ
Бѣлой лиліи цвѣты,
Травы, свѣжіе листы,
15. И изъ вѣтокъ и цвѣтовъ
Чудный уголокъ готовъ.
„Боже правый, мнѣ внемли!
Друга ты сюда пошли.
Если мимо онъ пройдетъ,
20. Здѣсь хоть мигъ не отдохнетъ,
Значитъ я не другъ ему,
Конецъ всему!“

20.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Николетъ устроила бесѣдку, какъ вы уже слышали, красивую и удобную, убрала ее цвѣтами и листьями снаружи и внутри, а сама спряталась неподалеку въ кусты, чтобы посмотрѣть, что будетъ дѣлать Окассенъ. И пошелъ слухъ по всей странѣ и по всей землѣ, что Николетъ исчезла. Одни говорили, что она бѣжала, а другіе полагали, что графъ Гаренъ велѣлъ ее убить.

Если кто-нибудь этому и радовался, то Окассену совсѣмъ не было весело.

И графъ Гаренъ, его отецъ, освободилъ его изъ тюрьмы, созвалъ со всей земли рыцарей и знатныхъ юношей и устроилъ блестящій праздникъ, думая такъ развеселить Окассена, своего сына.

Въ самый разгаръ пира Окассенъ, грустный и убитый, стоялъ, прислонившись къ колоннѣ. Кругомъ всѣ радовались, но Окассену не было весело, такъ какъ здѣсь не видѣлъ онъ ничего того, что онъ любилъ. Одинъ рыцарь, увидѣвъ его тамъ, подошелъ къ нему и окликнулъ его.

— Окассенъ,—сказалъ онъ,—я былъ боленъ тѣмъ же самымъ недугомъ, что и вы. Я вамъ дамъ хорошій совѣтъ, если вы хотите мнѣ довѣриться.

— Господинъ мой,—сказалъ Окассенъ,—спасибо вамъ, хорошій совѣтъ мнѣ дорогъ.

— Садитесь на коня и поѣзжайте прокатиться по этому лѣсу, вы увидите тамъ цвѣты и травы и услышите, какъ поютъ птички. Быть можетъ, случайно, вы тамъ услышите такое словечко, отъ котораго вамъ станетъ легче.

— Господинъ мой,—отвѣтилъ Окассенъ,—спасибо, я такъ и сдѣлаю.

Онъ уходитъ изъ залы, спускается по ступенямъ внизъ, идетъ въ конюшню, гдѣ стояла его лошадь. Потомъ онъ велѣлъ осѣдлать и взнуздать коня, вложилъ ноги въ стремена и поѣхалъ прочь отъ замка. И ѣхалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ лѣса. И дальше подъѣхалъ онъ къ ручейку, нашелъ пастуховъ какъ разъ въ девятомъ часу дня. Они разостлали плащъ на травѣ, ѣли хлѣбъ и очень веселились.

21.

Здѣсь поется.

1. На опушкѣ у рѣки
Собралися пастушки:

Есмерэ и Мартинэ,
Фріелинъ и Іоханэ,
5. Рабеконъ и Обріэ.
И сказалъ изъ нихъ одинъ:
„Окассенъ нашъ господинъ,
Храбрый рыцарь молодой,—
Видитъ Богъ, хорошъ собой!
10. Здѣсь красавица была,—
Много денегъ намъ дала:
Золотистая, въ кудряхъ,
Свѣтъ сіялъ въ ея глазахъ.
Можемъ мы купить теперь
15. Пряникъ сладкій и свирѣль,
Острый ножикъ, флейту, рогъ,—
Будь съ ней Самъ Богъ!"

22.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Пѣсня пастуховъ напомнила Окассену о Николетъ, нѣжной подругѣ, которую онъ такъ любилъ, и онъ подумалъ, не проходила ли она мимо? Онъ пришпорилъ коня и подъѣхалъ къ пастухамъ.

— Богъ на помощь, милыя дѣти.

— Здравствуйте,—отвѣтилъ ему тотъ, который былъ поразговорчивѣе другихъ.

— Милыя дѣти, спойте-ка еще разъ ту пѣсенку, которую вы только что пѣли.

— Нѣтъ, пѣть мы больше не будемъ,—отвѣтилъ тотъ, который былъ побойчѣе другихъ.—Глупъ будетъ тотъ, кто споетъ ее вамъ, сударь.

— Милыя дѣти, развѣ вы меня не знаете?

— Какъ не знать! Вы Окассенъ, нашъ молодой господинъ, только мы не ваши, а графскіе.

— Милыя дѣти, сдѣлайте то, о чемъ я прошу!

— Ну, вотъ еще, чортъ возьми! Стану я пѣть для васъ, если мнѣ не хочется! Развѣ найдется въ этой странѣ хоть одинъ такой богатый человѣкъ, кромѣ графа Гарена, который, найдя моихъ быковъ, коровъ и овецъ на своихъ лугахъ и въ своей пшеницѣ, осмѣлился бы ихъ выгнать, не боясь, что ему глаза выцарапаютъ. Такъ зачѣмъ же я буду пѣть для васъ, если мнѣ этого не хочется?

— Ради Бога, милыя дѣти, согласитесь на мою просьбу Возьмите себѣ десять су, которыя я нашелъ у себя въ кошелькѣ.

— Сударь, деньги то мы возьмемъ, но нѣтъ для васъ я всетаки по стану, такъ какъ я вѣдь поклялся въ этомъ. Впрочемъ, если вы ужъ такъ хотите я могу разсказать вамъ обо всемъ.

— Клянусь Богомъ,—сказалъ Окассенъ,—лучше ужъ это, чѣмъ ничего.

— Сударь, мы были здѣсь сегодня утромъ между первымъ и третьимъ часомъ и ѣли здѣсь у ручья хлѣбъ, вотъ какъ сейчасъ. И пришла сюда дѣвушка, такая красивая, что мы ее приняли за колдунью,—такъ отъ ея красоты засіялъ весь лѣсъ. Она дала намъ столько денегъ, что мы обѣщали ей, если вы придете сюда, сказать вамъ, чтобы вы здѣсь въ лѣсу поохотились. Здѣсь живетъ красный звѣрь, и если вы его захватите, то не отдадите ни одного кусочка его ни за пять сотенъ марокъ золотомъ, ни за какія деньги, такъ какъ онъ обладаетъ лѣкарствомъ, которое, если вы сможете его поймать, излѣчитъ васъ отъ вашей болѣзни. Въ теченіе трехъ дней должны вы захватить этого звѣря, а если вамъ это не удастся, то вы его больше никогда не увидите. Ну, такъ охотьтесь, если вамъ хочется, а если нѣтъ, такъ не надо. А я свое дѣло сдѣлалъ.

— Милыя дѣти,—сказалъ Окассенъ,—вы мнѣ достаточно сказали, теперь пусть Богъ поможетъ мнѣ его найти.

23.

Здѣсь поется.

1. Окассену рѣчь ясна:
Передать она должна
О подругѣ милой вѣсть.
На коня спѣшитъ онъ сѣсть.
5. И въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.
Вѣрный конь летитъ стрѣлой,
Быстро юношу онъ мчитъ:
Вотъ какъ рыцарь говоритъ:
„Мнѣ олень и кабаны
10. Для охоты не нужны.
Ясноокой Николетъ
Здѣсь въ лѣсу ищу я слѣдъ.
Стройный станъ и свѣтлый взоръ,
Смѣхъ и нѣжный разговоръ
15. Сердце мнѣ навѣкъ плѣнилъ.

Если такъ Господь судилъ,
Васъ еще увижу я,
Любовь моя!"

24.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Ѣдетъ Окассенъ по лѣсу, съ дороги на дорогу, и конь несетъ его быстрымъ ходомъ. Не думайте, что его щадили шипы и колючки. Ничуть не бывало! Они рвали его одежды, такъ что скоро не осталось на немъ ни одного цѣльнаго куска, и въ крови были его руки, грудь и ноги. Кровь шла изъ тридцати или сорока мѣстъ, такъ что можно было видѣть на травѣ слѣды крови, которая капала изъ его ранъ. Но онъ такъ глубоко задумался о Николетъ, своей нѣжной подругѣ, что не чувствовалъ ни боли, ни страданій, и все ѣхалъ дальше въ лѣсъ, но никакихъ вѣстей о ней не было.

И когда онъ увидѣлъ, что приближается вечеръ, онъ сталъ плакать о томъ, что не смогъ онъ найти ее.

Проѣзжая по старой, заросшей травою дорогѣ, онъ взглянулъ передъ собою и увидѣлъ вдругъ человѣка, вотъ такого, какъ я вамъ сейчасъ опишу.

Онъ былъ высокъ ростомъ, дикій съ виду и чудовищно безобразный. Голова у него была огромная, чернѣе угля, разстояніе между глазъ—съ добрую ладонь, щеки толстыя, огромный плоскій носъ съ вывороченными ноздрями, губы толстыя, краснѣе сырого мяса, зубы желтые и безобразные. Обутъ былъ въ лапти изъ воловьей кожи, обмотанные лыкомъ и завязанные веревкой, они доходили у него до самыхъ колѣнъ. Онъ былъ закутанъ въ плащъ на подкладкѣ и опирался на большую дубину.

Когда Окассенъ его увидѣлъ, онъ былъ охваченъ сильнымъ страхомъ.

— Богъ въ помощь тебѣ, братецъ!

— Богъ да благословитъ и васъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Послушай-ка, что ты тутъ дѣлаешь?

— А вамъ то какое до этого дѣло?

— Никакого, я просто спросилъ изъ участія.

— О чемъ вы то плачете,—спросилъ Окассена незнакомецъ,— и что васъ такъ удручаетъ? Если бы я былъ такъ богатъ, какъ вы, никто въ мірѣ не могъ бы заставить меня плакать.

— Откуда же ты меня такъ хорошо знаешь?—удивился Окассенъ.

— Да, я знаю, что вы Окассенъ, графскій сынъ, и если вы

мнѣ скажете, о чемъ вы плачете, я вамъ скажу, что я здѣсь дѣлалъ.

— Ну, что же, — отвѣтилъ Окассенъ, — я тебѣ скажу охотно. Сегодня утромъ я пріѣхалъ сюда поохотиться и со мною была бѣлая левретка, самая прелестная въ мірѣ, и вотъ я ее потерялъ, потому и плачу.

— Богъ мой! — воскликнулъ тотъ, — и чего только ни выдумаютъ эти господа! И вы плачете изъ-за какой-то дрянной собачонки! Глупъ будетъ тотъ, кто васъ за это похвалитъ. Нѣтъ въ нашей странѣ такого богатаго человѣка, которому вашъ отецъ приказалъ бы достать ихъ десять, пятнадцать и двадцать и тотъ не исполнилъ бы этого съ особенной охотой, и былъ бы этому только радъ. Вотъ я такъ дѣйствительно могу плакать и печалиться.

— А ты о чемъ же, братецъ?

— Сударь, я разскажу вамъ, почему. Я былъ нанятъ однимъ богатымъ крестьяниномъ, чтобы ходить за плугомъ съ четырьмя волами. Три дня тому назадъ со мной случилось большое несчастіе, я потерялъ лучшаго изъ моихъ воловъ, Роже; самаго сильнаго. И теперь хожу и ищу его. Я ничего не ѣлъ и не пилъ три дня, а въ городъ вернуться не смѣю, тамъ меня посадятъ въ тюрьму, такъ какъ мнѣ нечѣмъ заплатить за вола. Во всемъ мірѣ у меня нѣтъ никакого имущества, кромѣ того, что вы на мнѣ видите. У меня есть бѣдная мать, у нея ничего не было, кромѣ старой перины, да и ту теперь вытащили у нея изъ-подъ спины, а теперь она спитъ на голой соломѣ. И вотъ это то и печалитъ меня больше, чѣмъ мое собственное горе. Потому что вѣдь деньги приходятъ и уходятъ. И если я теперь потерялъ, я выиграю въ другой разъ и заплачу за своего быка. Ради этого одного я бы не сталъ плакать. А вы убиваетесь изъ-за какой-то дрянной собачонки! Глупъ будетъ тотъ, кто васъ за это похвалитъ.

— Славно ты меня утѣшилъ, братецъ! Пошли тебѣ Богъ удачи. Сколько стоилъ твой волъ?

— Сударь, съ меня спрашиваютъ двадцать су, а у меня не найдется и одного гроша.

— Вотъ возьми, у меня тутъ въ кошелькѣ найдется 20 су, ты и заплатишь за своего вола.

— Сударь, спасибо вамъ за это, пусть Богъ поможетъ вамъ найти то, что вы ищете.

Онъ уходитъ дальше, а Окассенъ продолжаетъ путь.

Ночь была ясная и спокойная, онъ ѣхалъ долго, пока не достигъ того мѣста, гдѣ расходились семь дорогъ. Здѣсь онъ уви-

дѣлъ бесѣдку, которую, какъ вы знаете, устроила Николетъ; она была вся разубрана цвѣтами и листьями внутри и снаружи и сверху и была такъ красива, что трудно себѣ представить что-нибудь лучшее. Когда Окассенъ ее увидѣлъ, онъ сразу остановился, а на бесѣдку упалъ лучъ луны.

— Боже мой, вѣдь это сдѣлала Николетъ, моя нѣжная подруга. Она устроила это своими прекрасными руками. Ради любви моей къ ней я сойду съ коня и отдохну здѣсь сегодня ночью.

И онъ вынулъ ногу изъ стремени, чтобы сойти съ коня, а конь его былъ высокій и большой. И такъ задумался онъ о Николетъ, своей подругѣ нѣжной, что упалъ на землю такъ тяжело, что ударился о камень и вывихнулъ себѣ плечо.

Онъ почувствовалъ себя сильно раненымъ, но употребилъ всѣ старанія и привязалъ лошадь здоровой рукой къ кусту шиповника, потомъ повернулся и, нагнувшись, вошелъ въ бесѣдку. И, глядя въ отверстіе надъ головою, онъ видѣлъ звѣзды. Одна изъ нихъ казалась ярче другихъ, и Окассенъ началъ говорить такъ.

25.

Здѣсь поется.

1. „Звѣздочка, ты мнѣ видна,
Привлекла тебя луна.
Тамъ съ тобою, знаю я,
Свѣтлокудрая моя,
5. Другъ мой нѣжный Николетъ.
Богъ зажегъ вечерній свѣтъ,
И, чтобъ ярче онъ сіялъ,
Онъ къ себѣ ее позвалъ.
Ахъ, какъ бы хотѣлось мнѣ
10. Тамъ, въ небесной вышинѣ,
Мою милую ласкать.
(Пусть я упаду опять!)
Если бъ царскимъ сыномъ былъ,
Я бъ, какъ равную, любилъ,
15. Милая, тебя!“

26.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда Николетъ услышала Окассена, она пришла къ нему, потому что была недалеко. Она вошла въ бесѣдку, бросилась въ его объятія и стала его ласкать и цѣловать.

— Милый, нѣжный другъ мой, наконецъ то я нашла васъ!

— И я васъ также, милая, нѣжная подруга!

И снова они обнимались и цѣловались, и велика была ихъ радость.

— Подумайте, моя нѣжная подруга,—сказалъ Окассенъ,—я вывихнулъ себѣ плечо, а теперь не чувствую ни боли, ни страданій, потому что вы со мною.

Она его осмотрѣла и увидѣла, что его плечо вывихнуто. Тогда она стала его растирать своими бѣлыми ручками, и съ помощью Бога, который любитъ влюбленныхъ, она вправила ему плечо. И потомъ она нарвала цвѣтовъ, свѣжихъ травъ и зеленыхъ листьевъ, привязала ихъ къ его плечу лоскуткомъ своей рубашки, и Окассенъ сталъ здоровымъ.

— Окассенъ, милый и нѣжный другъ мой, теперь послушайтесь моего совѣта. Если вашъ отецъ пошлетъ искать васъ завтра въ этомъ лѣсу, меня найдутъ и, что бы ни случилось въ вами, меня то убьютъ навѣрно.

— Я знаю это, моя дорогая подруга, и это причинило бы мнѣ большое горе. Но если я смогу, я васъ никому не отдамъ.

Онъ сѣлъ на коня, посадилъ передъ собою свою подругу, цѣлуя ее и обнимая, и они выѣхали въ открытое поле.

27.

Здѣсь поется.

1. Свѣтлокудрый Окассенъ
Яснымъ счастьемъ упоенъ.
Онъ оставилъ лѣсъ густой
И въ сѣдлѣ передъ собой
5. Свою милую везетъ.
Бѣлый лобъ и нѣжный ротъ
И глаза цѣлуетъ ей,
Полный радостью своей.
„Другъ мой,—говоритъ она,—
10. Гдѣ, скажите, та страна,
Куда мы направимъ путь?“
— „Все равно, куда-нибудь!
Чрезъ равнину, въ лѣсъ густой,
Лишь бы ты была со мной“.
15. По полямъ, среди холмовъ
Мимо замковъ, городовъ
Вихремъ быстрый конь летѣлъ.
Берегъ моря ихъ предѣлъ.
Тамъ конченъ путь.

28.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Окассенъ сошелъ съ коня вмѣстѣ со своею подругой, какъ вы уже слышали. Онъ держитъ лошадь подъ уздцы, ведетъ свою подругу за руку и они идутъ вдоль берега.

И видитъ Окассенъ, плыветъ корабль, а на немъ купцы, совсѣмъ близко отъ берега. Онъ сдѣлалъ имъ знакъ, они подъѣхали къ нему, сговорились съ нимъ и посадили его на свой корабль. И когда они были въ открытомъ морѣ, поднялась страшная и чудовищная буря, которая гнала ихъ изъ страны въ страну, пока они не пріѣхали въ чужую землю и вошли въ гавань зàмка Торлоръ. Они спросили, чья это земля, и имъ отвѣтили, что земля эта принадлежитъ королю Торлорскому. Потомъ Окассенъ спросилъ, что это за человѣкъ и ведетъ ли онъ съ кѣмъ-нибудь войну, и ему сказали въ отвѣтъ:

— Да, онъ ведетъ большую войну.

Тогда Окассенъ простился съ купцами, и они поручили его Богу. Онъ садится на коня, опоясанный шпагой, держа передъ собою свою подругу, и такимъ образомъ подъѣзжаетъ къ зàмку.

Онъ спрашиваетъ, гдѣ король, и слышитъ въ отвѣтъ, что король лежитъ въ родахъ.

— А гдѣ же его жена?

И ему отвѣчаютъ, что она во главѣ войска и увела съ собою туда всѣхъ жителей замка. Услышалъ это Окассенъ и подивился, подъѣхалъ ко дворцу, слѣзъ съ коня самъ и его подруга тоже. Онъ далъ ей подержать лошадь, а самъ вошелъ во дворецъ со шпагою на боку, и шелъ онъ такъ, пока не достигъ покоя, гдѣ лежалъ король.

29.

Здѣсь поется.

1. Храбрый рыцарь молодой
Окассенъ вошелъ въ покой.
Ложе пышное стоитъ,
И на немъ король лежитъ.
5. Окассенъ замедлилъ шагъ,
Сталъ предъ нимъ и молвилъ такъ:
„Что ты здѣсь лежишь одинъ?“
— „У меня родился сынъ.
Когда время истечетъ

10. И болѣзнь моя пройдетъ,
Я отправлюсь въ храмъ святой,—
Какъ велитъ обычай мой;
Отстою обѣдню тамъ,
А потомъ къ своимъ войскамъ
15. Вернусь опять".

30.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда Окассенъ услышалъ эти слова короля, онъ сорвалъ съ него всѣ покривала и разбросалъ ихъ по полу. Потомъ онъ увидѣлъ палку, которая тутъ же стояла, взялъ ее, повернулся и хватилъ ею короля такъ, что тотъ чуть не умеръ.

— Господинъ мой,—воскликнулъ король,—что вамъ отъ меня надо? Съ ума вы, что ли, сошли, что вздумали меня бить въ моемъ собственномъ домѣ?

— Чортъ возьми, я совсѣмъ васъ убью, если вы мнѣ не поклянетесь, что никогда еще ни одинъ мужчина въ вашей странѣ не родилъ ребенка.

Тотъ поклялся, и тогда Окассенъ сказалъ ему:

— Ведите же меня теперь туда, гдѣ находится ваше войско и ваша жена.

— Охотно, господинъ мой,—отвѣтилъ король.

Онъ садится на коня, а Окассенъ на своего, а Николетъ остается въ покояхъ королевы. И ѣхали король и Окассенъ до тѣхъ поръ, пока не достигли войска, гдѣ была королева, и они увидѣли, какъ люди сражались печеными яблоками, яйцами и свѣжими сырами.

Посмотрѣлъ на это Окассенъ и порядкомъ подивился.

31.

Здѣсь поется.

1. Окассенъ былъ удивленъ.
На сѣдло оперся онъ
И смотрѣлъ передъ собой
На диковинный ихъ бой,
5. Свѣжимъ сыромъ и плодомъ,—
Вотъ чѣмъ бились въ войскѣ томъ,
И леталъ надъ головой
Грибъ огромный полевой.
Кто кричитъ погромче, тотъ

10. Храбрецомъ у нихъ слыветъ.
Рыцарь смѣлый возмущенъ,
Удержать не можетъ онъ
Веселый смѣхъ!

32.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда Окассенъ увидалъ эту диковинку, онъ подошелъ къ королю и окликнулъ его.

— Государь,—сказалъ онъ,—это все враги ваши?

— Да, господинъ,—отвѣтилъ король.

— Хотите ли вы, чтобы я имъ за васъ отомстилъ?

— Конечно, хочу,—отвѣтилъ снова король.

Окассенъ вынулъ шпагу и бросился на нихъ и началъ рубить направо и налѣво и многихъ убилъ. И когда король увидѣлъ, что онъ ихъ убиваетъ, онъ схватилъ его за поводья и сказалъ:

— Господинъ мой, довольно, не убивайте же ихъ понапрасну!

— Какъ,—удивился Окассенъ,—вѣдь вы же хотѣли, чтобъ я отомстилъ за васъ?

— Господинъ мой,—отвѣтилъ король,—вы слишкомъ постарались! У насъ нѣтъ обычая убивать другъ друга!—Враги обратились въ бѣгство. А король и Окассенъ вернулись въ замокъ Торлоръ.

И люди той страны просили короля, чтобы онъ прогналъ Окассена за предѣлы ихъ земли и далъ бы Николетъ въ жены своему сыну, такъ какъ она казалась имъ дамой знатнаго рода. Николетъ, узнавъ объ этомъ, конечно, не стала радоваться и говорила такъ.

33.

Здѣсь поется.

1. Возмущаетъ Николетъ
Данный королю совѣтъ,
„Кѣмъ считаютъ здѣсь меня?
Развѣ такъ безумна я?
5. Если мною восхищенъ,
Красотой моей плѣненъ,
Обойметь меня мой другъ,—
Пусть веселый балъ вокругъ,
Нѣжныхъ арфъ и скрипокъ звонъ,—
10. Ничего не стоитъ онъ,
Когда я съ нимъ!“

34.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Окассенъ жилъ въ замкѣ Торлоръ, полный веселья и радости, такъ какъ съ нимъ была Николетъ, его нѣжная подруга, которую онъ такъ любилъ. Но пока онъ предавался веселью и удовольствіямъ, подошло съ моря войско сарацинъ; они осадили замокъ и взяли его силой. Они забрали съ собой богатую добычу и увели много плѣнниковъ и плѣнницъ. И взяли они также Николетъ и Окассена.

Ему связали руки и ноги и бросили его на одинъ корабль, а подругу его—на другой.

И поднялась съ моря буря, которая разсѣяла корабли. Тотъ, на которомъ былъ Окассенъ, долго плылъ по бушующему морю, пока не приплылъ туда, гдѣ былъ замокъ Бокэръ.

Жители страны прибѣжали на берегъ за добычей, нашли Окассена и узнали его. Когда увидѣли обитатели Бокэра своего молодого господина, они очень обрадовались ему, такъ какъ Окассенъ пробылъ въ замкѣ Торлоръ добрыхъ три года, а за это время родители его умерли. Его повели въ замокъ Бокэръ, всѣ признали себя его подданными, и онъ мирно сталъ управлять страною.

35.

Здѣсь поется.

1. Окассенъ въ Бокэръ родной
Прибылъ наконецъ домой.
Въ старомъ замкѣ водворенъ,
Мирно графствомъ правитъ онъ.
5. Видитъ Богъ, безъ Николетъ,
Для него не милъ весь свѣтъ.
Больше онъ скорбитъ о ней,
Чѣмъ о всей роднѣ своей.
„Ясноокая моя!
10. Какъ безъ васъ тоскую я.
Если бъ могъ я только знать,
Гдѣ я долженъ васъ искать?
По мирямъ и городамъ
Я бъ по вашимъ шелъ слѣдамъ,
15. Чтобъ васъ найти".

36.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Теперь оставимъ Окассена и скажемъ о Николетъ. Корабль, на которомъ она плыла, принадлежалъ королю Карѳагена, а онъ приходился ей роднымъ отцомъ и у нея было двѣнадцать братьевъ, всѣ принцы и короли. Когда они увидали, какъ прекрасна Николетъ, они привѣтствовали ее, оказали ей высокія почести и часто спрашивали, кто она такая, такъ какъ она казалась имъ дамой благородной и знатной по рожденію. Но она не могла имъ сказать, кто она такая, такъ какъ она была украдена малымъ ребенкомъ. И они плыли все дальше, пока не достигли города Карѳагена. Но когда Николетъ увидѣла стѣны города и всю страну, она вспомнила, что здѣсь она была воспитана и отсюда украдена маленькимъ ребенкомъ. Такъ какъ она все же была не настолько мала, чтобы не вспомнить о томъ, что она была дочерью здѣшнего царя и въ этомъ городѣ была воспитана.

37.

Здѣсь поется.

1. Николетъ передъ собой
Видитъ берегъ свой родной.
Пышныхъ замковъ и палатъ
Передъ ней блистаетъ рядъ.
5. „Что мнѣ въ томъ, что я знатна“,
Тутъ воскликнула она,
„Что отецъ—царь этихъ странъ,
Что родня мнѣ самъ султанъ!
Я попала къ дикимъ въ плѣнъ.
10. Рыцарь храбрый Окассенъ,
Вы отважны и смѣлы,
Благородны и милы.
Къ вашей ласкѣ я стремлюсь
И терзаюсь и томлюсь!
15. Еслибъ Богъ мнѣ счастье далъ,
Чтобы вновь поцѣловалъ
Мнѣ уста хоть разъ одинъ
Мой властелинъ!“

38.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда карѳагенскій царь услышалъ, что сказала Николетъ, онъ ее обнялъ и молвилъ такъ:

— Милое дитя мое, скажите мнѣ, кто вы такая. Не бойтесь меня!

— Сиръ,—отвѣтила она,—я дочь карѳагенскаго царя и была взята въ плѣнъ маленькимъ ребенкомъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Когда они услыхали это слово, они поняли, что она говоритъ правду.

Тогда они ее привѣтствовали съ радостью, оказали ей высокія почести и повели во дворецъ, какъ царскую дочь. Бароны рѣшили ее выдать замужъ за какого-нибудь короля-язычника, но она не хотѣла и думать о замужествѣ. Такъ прошло три или четыре дня. Она стала придумывать, какимъ бы способомъ ей отыскать Окассена.

Она достала віолу и научилась играть на ней, и наканунѣ того дня, когда ее хотѣли сдѣлать женою короля изъ язычниковъ, ночью она бѣжала и пришла въ гавань и остановилась тамъ у одной бѣдной женщины на берегу моря. Тамъ она достала одну траву, натерла ею себѣ лицо и голову, такъ что стала совсѣмъ смуглой и черной. Потомъ велѣла она себѣ сшить плащъ и рубашку и всю одежду, какую носятъ жонглеры, переодѣлась, взяла свою віолу, пришла къ одному моряку, сговорилась съ нимъ, и онъ взялъ ее къ себѣ на корабль.

Они распустили парусъ, поплыли по открытому морю и прибыли въ земли Прованса. Николетъ сошла съ корабля, взяла свою віолу и, играя на ней, пошла по всей странѣ, пока не достигла замка Бокэръ, гдѣ находился Окассенъ.

39.

Здѣсь поется.

1. Разъ въ Бокэрѣ во дворцѣ,
Возлѣ башни на крыльцѣ
Свитой знати окруженъ,
Тихой грустью напоенъ,
5. Молча Окассенъ сидѣлъ.
Птичій хоръ кругомъ звенѣлъ;
Травы, зелень и цвѣты
Пробудили въ немъ мечты
О любви минувшихъ лѣтъ,
10. О прекрасной Николетѣ,—
Лилъ онъ слезы о быломъ.
Вдругъ съ віолой и смычкомъ

Николетъ подходитъ къ нимъ.
„Кто внимать словамъ моимъ
15. Изъ бароновъ бы хотѣлъ,
Я бы пѣснь о томъ пропѣлъ,
Какъ любили много лѣтъ
Окассенъ и Николетъ.
Какъ ее въ лѣсу густомъ
20. Отыскалъ онъ, и потомъ
Долго въ замкѣ де Торлоръ
Оба жили съ этихъ поръ.
Какъ они попали въ плѣнъ;
Гдѣ тотъ рыцарь Окассенъ,—
25. Мы не знаемъ, но она
Въ Карѳагенъ отвезена.
Тамъ отецъ ея царитъ.
Любитъ онъ ее и чтитъ.
Хочетъ дать онъ, знаю я,
30. Ей язычника въ мужья.
Несогласна Николетъ,
Для нея милѣе нѣтъ
Окассена, онъ одинъ
Ей и другъ и властелинъ.
35. Не возьметъ ее женой
Никто другой.“

40.

Говорятъ, разсказываютъ и повѣствуютъ.

Когда Окассенъ услышалъ, что сказала Николетъ, онъ исполнился радости, отвелъ ее въ сторону и сказалъ:

— Милый другъ, не знаете ли вы что-нибудь объ этой Николетъ, о которой вы сейчасъ пѣли.

— Да, господинъ мой, я знаю, что она самое благородное, умное и милое созданіе на свѣтѣ. Она дочь карѳагенскаго царя, и онъ захватилъ ее въ плѣнъ тамъ же, гдѣ и Окассена, потомъ ее привезли въ городъ Карѳагенъ, тамъ онъ узналъ, что она его дочь; и очень обрадовался тому, что нашелъ ее. Теперь онъ собирается въ одинъ прекрасный день выдать ее замужъ за одного изъ самыхъ могущественныхъ королей Испаніи. Но она скорѣе погибнетъ и позволитъ себя сжечь, чѣмъ согласится взять мужа, даже самаго богатаго.

— Слушайте, другъ мой,—сказалъ тогда Окассенъ, что если

бы вы пошли обратно въ ту страну и сказали ей, чтобы она пришла поговорить со мной? Я бы далъ вамъ изъ моего имущества столько, сколько вы бы осмѣлились попросить и взять себѣ. Знайте же, что изъ любви къ ней я не беру себѣ жены, даже самаго знатнаго рода. Я жду ее, и никакой другой жены, кромѣ нея, у меня не будетъ. И если бы я зналъ, гдѣ ее искать, теперь я бы уже давно нашелъ ее.

— Господинъ мой,—отвѣтила Николетъ,—если такъ, я пойду искать ее ради васъ и ради той, которую я такъ люблю.

Она подтвердила свое обѣщаніе, и онъ далъ ей двадцать ливровъ.

Она хотѣла уйти и увидѣла, что онъ плачетъ отъ любви и нѣжности къ Николетъ. Тогда она ему сказала:

— Господинъ мой, не грустите, черезъ самое короткое время я приведу ее къ вамъ въ городъ, и вы ее увидите.

Окассенъ услышалъ это и очень обрадовался.

Она ушла отъ него и отправилась въ городъ въ домъ жены виконта, такъ какъ виконтъ, ея крестный отецъ, уже умеръ.

Она поселилась тамъ и разсказала ей обо всемъ, такъ что жена виконта ее узнала и поняла, что это та самая Николетъ, которую она выкормила.

Затѣмъ Николетъ выкупалась и вымылась, и пробыла тамъ цѣлыхъ восемь дней. И достала она траву, которая называется „эклеръ", натерлась ею и стала снова красавицей, даже лучше, чѣмъ была раньше.

Она надѣла богатое платье изъ шелка, какихъ у жены виконта было много, и сѣла въ комнатѣ на подушкахъ, расшитыхъ шелками; позвала жену виконта и попросила ее привести Окассена, который плакалъ о томъ, что ея такъ долго нѣтъ, и скорбѣлъ о своей подругѣ. Жена виконта пришла къ нему и сказала:

— Не печальтесь больше, Окассенъ, лучше пойдемте со мною и я покажу вамъ ту, которая вамъ дороже всѣхъ на свѣтѣ. Это Николетъ, ваша нѣжная подруга, которая пришла изъ далекой страны, чтобы увидѣть васъ.

И счастливъ былъ Окассенъ.

41.

Здѣсь поется.

Окассену вѣсть сладка:
Слышитъ, что къ нему близка
Та, чей ясенъ свѣтлый взоръ.
Никогда до этихъ поръ

Не былъ рыцарь веселѣй.
Во дворецъ спѣшитъ скорѣй,
Гдѣ его подруга ждетъ.
Съ ложа пышнаго встаетъ,
Увиданъ его, она,
Ясной радости полна.
Онъ ее къ груди прижалъ,
И ласкалъ и цѣловалъ
Ей глаза и нѣжный ротъ.
Такъ вся ночь у нихъ идетъ.
А когда заря взошла,
Вмѣстѣ съ нимъ она пошла,
Стала знатной госпожой
Графа де Бокэръ женой.
И съ тѣхъ поръ у нихъ идетъ
Жизнь безъ горя и заботъ.
Много дней и много лѣтъ
Окассенъ и Николетъ
Въ мирной радости живутъ.
Сказку-пѣснь окончимъ тутъ.
Я все сказалъ.

Перевела **М. Ливеровская.**

Семейство Бакуниныхъ. [1])

(По неизданнымъ источникамъ.)

XXX.

Занятія Михаила Бакунина въ 1838—39 годахъ.—Успѣхи, имъ достигнутые.—Отношеніе его къ сестрамъ.—Замыселъ его добиться формальнаго развода Варвары Александровны съ Дьяковымъ.—Поѣздка въ Петербургъ съ этой цѣлью.—Возобновленіе старыхъ связей.—Неудача его предпріятія.—Ссора съ Сергѣемъ Муравьевымъ.—Письмо Александра Михайловича къ Мишелю съ увѣщаніями и предложеніемъ служить или заниматься хозяйствомъ.—Встрѣча Михаила Бакунина съ Бѣлинскимъ въ Петербургѣ.—Улучшеніе ихъ отношеній.—Знакомство Бѣлинскаго съ Николаемъ Бакунинымъ.—Новая порча отношеній Бѣлинскаго съ Мишелемъ и дружба его съ Николаемъ.—Письмо Бѣлинскаго 26 февраля 1840 г. и отрывокъ другого письма, писаннаго въ апрѣлѣ того же года.

Въ послѣднихъ главахъ мы останавливались съ большою подробностью на взаимныхъ отношеніяхъ между Михаиломъ Бакунинымъ и другими главнѣйшими членами кружка Станкевича—особенно Бѣлинскимъ и Боткинымъ,—причемъ удѣлили не мало мѣста и исторіи весьма характерныхъ для той эпохи романовъ двухъ послѣднихъ. Вернемся теперь къ исторіи занятій и философскаго развитія главнаго героя нашей хроники—самого Михаила Бакунина.

Въ главѣ XXIII [2]) мы прослѣдили исторію этихъ занятій до весны 1838 года, когда, послѣ перваго серьезнаго приступа къ изученію Гегеля, въ жизни Мишеля, по его собственному выраженію, „пробудилось множество новыхъ элементовъ“ и онъ „сталъ жить тройною и четверною жизнью“. [3]) Мы уже указывали, что, при его наклонности къ прозелитизму, онъ стремился и въ то время прежде всего пустить въ ходъ пріобрѣтенное имъ духовное богатство и пріобщить къ нему окружающихъ его лицъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, кто хотѣлъ и могъ

---

[1]) *Русская Мысль* за 1913 г., кн. XII.

[2]) *Русская Мысль* за 1913 г., кн. III.

[3]) *Русская Мысль* за 1913 г., кн. III, стр. 25.

его слушать... Но въ то же время онъ и самъ отнюдь не былъ склоненъ остановиться въ своихъ поискахъ истины. Себя онъ считалъ отнюдь не обладателемъ полной истины, а лишь человѣкомъ, находящимся на пути къ ней. Сохранился недурной акварельный портретъ Мишеля того времени—именно начала 1838 г.,—подаренный имъ Беерамъ, съ характерною на немъ надписью: *„портретъ этотъ не конченъ, какъ самъ я не конченъ“*, и другою, заимствованною изъ Фауста, съ замѣной лишь слова „Freiheit“ словомъ „Liebe“:

„Nur der verdient die Liebe (вмѣсто die Freiheit) und das Leben
Der täglich sie erobern muss. [1])

Главной своей задачей онъ считалъ въ это время заботу о своемъ, какъ онъ выражался, „объективномъ наполненіи“ и это же рекомендовалъ и ближайшимъ друзьямъ своимъ—Бѣлинскому и Боткину. И чѣмъ больше онъ погружался въ міръ гегеліанской философіи, тѣмъ яснѣе становилась ему недостаточность положительныхъ знаній, которыми онъ обладалъ. Въ письмѣ къ Станкевичу отъ 13 мая 1839 года онъ, какъ мы видѣли, откровенно заявлялъ, что главнымъ практическимъ результатомъ его усидчивыхъ занятій философіею являлось убѣжденіе, что онъ ничего не знаетъ. И вотъ на-ряду съ продолженіемъ штудированія отдѣльныхъ сочиненій Гегеля—такихъ, какъ философія права, философія религіи и исторія философіи,—ревностно принимается онъ за „объективное наполненіе“ себя различными положительными знаніями. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ въ 1838 году продолженіе штудированія гегелевой логики (въ краткомъ ея видѣ) и изученіе исторіи и христіанскаго богословія. На-ряду съ подробными конспектами отдѣльныхъ главъ логики, которые помѣчены 16 іюня, 11 октября и 29 октября 1838 года, сохранились конспекты Мишеля: по христіанской догматикѣ извѣстнаго гегеліанца *Маргейнеке* („Die Grundlehren der Christlichen Dogmatik als Wissenschaft“. B. 1827.), помѣченный 27 марта 1838 г. (Премухино.) Подробныя „записки“ его (въ сущности тоже имѣющія характеръ конспектовъ), составленныя по исторіи христіанской церкви *Неандера* въ пяти тетрадяхъ (in folio), помѣченныя 5 сентября, 20 октября, 22 ноября и 7 декабря 1838 г. и 16 января 1839. Наконецъ, въ январѣ 1839 года онъ рѣшается приступить вплотную къ изученію греческой грамматики, сознавъ, очевидно, необходимость знанія греческаго языка для изученія исторіи древней философіи. Сохранились двѣ его тетради (in folio), изъ которыхъ видно, что въ теченіе января и февраля 1839 г. онъ успѣлъ одолѣть значительную часть греческой этимологіи—до спряженія неправильныхъ глаголовъ. Кажется, ему помогалъ въ этомъ извѣстный вно-

---

[1]) Лишь тотъ заслуживаетъ и любви и жизни, кто каждый день ихъ съ бою достаетъ.

слѣдствіи филологъ Иг. Андр. Коссовичъ, бывшій тогда учителемъ древнихъ языковъ въ тверской гимназіи.

9 апрѣля 1839 г. Бакунинъ приступаетъ, какъ видно изъ сохранившагося конспекта, къ обзору исторіи новѣйшихъ философскихъ системъ въ Германіи отъ Канта до Гегеля по книгѣ Михеле „Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel" (erster Theil), составляетъ конспектъ по введенію („Состояніе философіи до Канта") и по изложенію „Критическаго идеализма Канта", причемъ одновременно—въ апрѣлѣ же 1839 г.—приступаетъ и къ штудированію самого Канта, т.-е. его „Критики чистаго разума", и за лѣто (до сентября 1839 г.) успѣваетъ пройти введеніе, трансцендентальную эстетику и трансцендентальную логику до вывода категорій включительно. Изъ другихъ сохранившихся отъ этого времени замѣтокъ и конспектовъ видно, что онъ въ это же время дѣлалъ выписки изъ *Шаллера* (о методѣ) и изучалъ психологію или философію субъективнаго духа (по энциклопедіи Гегеля и по психологіи Розенкранца). Наконецъ въ это же время онъ читалъ Guizot „Histoire de la civilisation en France". [1])

---

[1]) Въ архивѣ сохранился между прочимъ слѣдующій, написанный рукою Мишеля „Реестръ книгъ, посланныхъ съ Егоромъ" (въ Премухино изъ Москвы) въ 1839 г., которыя Мишель, очевидно, бралъ съ собою для занятій:

1. Нѣмецкіе лексиковы 2
2. Lois de Manon 1
3. Religions de l'antiquité 2
4. Hegel: Einleit., 1, 3, 4, 5, 8, 11, 12, 13, 14, 16 (у П. Я.—17-я, у меня: энциклоп. 2, 10) 11
5. Fichte 3
6. Heeren 7
7. Herder 2
8. Salvador 4
9. Roland le Furieux 6
10. Прав. Spedan 2
11. Söderholm 1
12. Notteck 1
13. Ludon 3
14. Kant. Kritik d. rein. Vernunft 1
15. „ „ „ practischen „ 1
16. Kiesewetter. Logik 1
17. Kury 3
18. Kreyzer 3
19. Новости 6
20. Reinhold 1
21. Oken 1
22. Schelling 2
23. J. Paul 1
24. Евангеліе 1
25. Библія 1

Мы видѣли уже, что когда Грановскій явился въ Москву и встрѣтился сдѣсь съ Бакунинымъ въ концѣ 1839 года, то онъ призналъ, что Бакунинъ успѣлъ много сдѣлать съ отъѣзда Станкевича и что у него „истинно спекулятивный талантъ“, а когда Мишель сталъ просить его объяснить кое-какія темныя мѣста въ логикѣ Гегеля, то Грановскій отказался, прямо заявляя, что въ этихъ вещахъ Бакунинъ гораздо далѣе ушелъ, чѣмъ онъ самъ, несмотря на его трехлѣтнее пребываніе въ Берлинѣ. Изъ его же письма видно, что у нихъ возникала мысль разработать логику вмѣстѣ съ Рѣдкинымъ, который также вошелъ тогда въ ихъ кружокъ, но это почему-то не состоялось. [1])

Бакунинъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что безъ поѣздки за границу ему скоро сдѣлается почти невозможнымъ двигаться впередъ...

Впрочемъ, независимо отъ недостаточности научныхъ средствъ, которыми Бакунинъ могъ въ то время располагать въ Премухинѣ и въ Москвѣ, нельзя не признать, что у него много времени выходило тогда на цѣли, не имѣвшія, въ сущности, ничего общаго съ его задачею собственнаго „объективнаго наполненія“ или имѣвшія съ нею лишь косвенную связь. Такъ, въ 1838 году онъ потратилъ не мало времени на переводъ Беттины, сдѣланный имъ съ надеждой продать его какому-нибудь издателю и заработать такимъ образомъ „значительную“, по его соображенію, сумму денегъ. Предпріятіе это не имѣло однако же успѣха. [2]) Рукопись его перевода съ посвященіемъ сестрамъ „въ память Варенькинаго освобожденія“ осталась въ премухинскомъ архивѣ, и Александръ Михайловичъ впослѣдствіи не безъ язвительности указывалъ на этотъ фактъ, какъ на доказательство эфемерности литературно-коммерческихъ замысловъ Мишеля.

Затѣмъ, и по завершеніи борьбы за Варенькино освобожденіе отъѣздомъ ея за границу, у Мишеля масса времени уходила на хлопоты и разъѣзды, сопряженные съ имъ же предпринятой и постоянно возобновлявшейся борьбой изъ-за отношеній съ родителями своихъ сестеръ

Изъ папенькиныхъ книгъ:

26. Locke 4
27. De l'esprit 2
28. Philos. du bon sens 3
29. Connais. analitique de l'homme 1
30. Аль-коранъ 2
31. Calcul. differ. Lacroix 1
32. Эккартсгаузенъ 2
33. Des erreurs et de verité 2
34. Grammaire Anglaise 1

[1]) Переписка Т. Н. Грановскаго, стр. 378.

[2]) Бакунинъ перевелъ собственно не „Goethes Briefwechsel mit einem Kinde“, а только приложеніе къ ней—„Tagebücher“ Беттины.

и своихъ друзей Бееровъ, и на пропаганду своихъ новыхъ идей, и на споры и ссоры, возникавшіе отсюда между нимъ и его друзьями. Во второй половинѣ 1838 года—послѣ отъѣзда Варенькн за границу и смерти Любеньки—Мишель потратилъ, какъ мы видѣли, много нервовъ и времени на полемическую переписку съ Бѣлинскимъ, а въ 1839 г. онъ рѣшилъ отправиться въ Петербургъ и добиться тамъ, пустивъ въ ходъ всѣ связи, какими онъ могъ воспользоваться, формальнаго развода его сестры Варвары Александровны съ мужемъ.

Предпріятіе это было совершенно фантастическое и, разумѣется, не могло имѣть никакихъ практическихъ результатовъ для В. А. Дьяковой, тѣмъ болѣе, что Мишель рѣшился дѣйствовать, не имѣя, повидимому, никакихъ формальныхъ полномочій на хлопоты о разводѣ ни отъ Варвары Александровны, ни отъ ея мужа; но самая поѣздка въ Петербургъ и четырехмѣсячное пребываніе тамъ Мишеля не остались безъ послѣдствій и для него самого, и для отношеній его съ различными его друзьями и другими лицами.

Передъ самой поѣздкой въ Петербургъ и вскорѣ послѣ своего письма къ Станкевичу, которое мы привели въ главѣ XXVII, [1]) вотъ что писалъ Мишель сестрѣ своей Варварѣ Александровнѣ:

„Милая Варенька! Черезъ недѣлю я ѣду въ Петербургъ хлопотать о твоемъ дѣлѣ. Употреблю всѣ свои внутреннія и внѣшнія средства для того, чтобы освободить тебя. А тамъ, другъ, и я полечу туда, гдѣ найду осуществленіе моей, до сихъ поръ не дѣйствительной жизни. Со времени твоего отъѣзда до сихъ поръ много перемѣнилось въ насъ и внѣ насъ. Для меня это было тяжелое время,—время испытанія, борьбы, изъ которой я, слава Богу, вышелъ здоровъ, силенъ и веселъ. Я чувствую, что во мнѣ осуществилось премудрое изреченіе Фауста, которое я повторялъ такъ часто въ прошломъ году:

Nur der verdient die Freiheit wie das Leben,
Der täglich sie erobern muss.

Пора, пора мнѣ ѣхать. Мнѣ тяжело бы было еще оставаться здѣсь. Мнѣ надо знанія—въ немъ единственное совершеніе моей жизни, всѣхъ моихъ стремленій, потребностей. Въ немъ мое крещеніе отъ воды и Духа. Варенька, много пережилъ я въ это короткое время. Я лучше узналъ себя—и худого, и хорошаго себя. Я знаю, чѣмъ я болѣлъ, и знаю, чѣмъ мнѣ надо лѣчиться. Мы скоро увидимся съ тобою и, если только я буду въ состояніи говорить о себѣ, то я тебѣ много разскажу, и ты вмѣстѣ со мной порадуешься, что я такъ счастливо вышелъ на чистую воду"...

---

[1]) *Русская Мысль* за 1913 г., кн. VIII.

Далѣе, обращаясь къ дѣлу сестры и переходя на французскій языкъ, онъ писалъ:

„Au nom du Ciel, fais comprendre à nos parents de la manière la plus tendre et plus respectueuse, que tu ne retourneras pas, sans que tu ne seras pas totalement libre. Compte sur moi, chère amie, je ferai tout ce que je pourrai faire pour te voir libre. [1]) Но главное: вѣрь, вѣрь и молись, другъ! Старайся привязать душу твою къ тому, что не проходитъ. Только въ вѣчности истинная опора и истинное счастье человѣка. Все же остальное проходитъ, измѣняется—и горе тому, кто живетъ въ преходящемъ“...

21 іюля 1839 г. онъ уже писалъ сестрамъ изъ Петербурга: „Вотъ я и въ Петербургѣ, милые друзья! Вы не можете вообразить себѣ, какое тяжелое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня. Я долго не могъ отыскать въ немъ самого себя. Наконецъ это тяжелое чувство преобразилось въ глубокую грусть, и въ грусти этой отозвалась радость о томъ, что я человѣкъ и что, какъ человѣкъ, я ношу въ груди своей весь тотъ безконечный міръ, въ осуществленіи котораго въ себѣ и внѣ себя я ищу своего счастія, полнаго осуществленія своей жизни.—Да, друзья, пять дней пребыванія въ Петербургѣ удостовѣрили меня болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, что религіозное стремленіе и знаніе, какъ вѣнецъ его, заключаютъ въ себѣ весь мой внутренній міръ—что внѣшній міръ ограничивается моими *святыми* отношеніями съ вами и что эти два міра неразлучны. [2]) Когда я *дѣйствительно* пребываю между васъ, тогда я и въ себѣ, и когда я дѣйствительно въ себѣ,—тогда я и съ вами“...

На утро онъ проснулся, однако же, веселѣе и продолжалъ такъ:

„22 іюля. Утро.

„Не правда ли я говорю, что вечеръ погружаетъ всегда въ чувствительно-фантастическое расположеніе духа? Если бъ я не прервалъ своей Іереміады вчера вечеромъ, то письмо мое вѣрно привело бы васъ въ

---

[1]) Ради Бога, дай понять нашимъ родителямъ самымъ нѣжнымъ и самымъ почтительнымъ образомъ, что ты не вернешься назадъ до тѣхъ поръ, пока не будешь совершенно свободна. Разсчитывай на меня, дорогой другъ, я сдѣлаю все, что могу, чтобы видѣть тебя свободной.

[2]) Любопытно сопоставить это впечатлѣніе отъ соприкосновенія съ петербургской дѣйствительностью съ подобнымъ же впечатлѣніемъ Бѣлинскаго нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Въ письмѣ къ Боткину отъ 22 ноября того же 1839 г. Бѣлинскій, только что вошедшій тогда въ соприкосновеніе съ петербургской жизнью, такъ резюмировалъ свои впечатлѣнія. „Въ Питерѣ только поймешь, что *религія* есть основа всего и что безъ нея человѣкъ—ничто; ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выдти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина“... (Цитирую по книжкѣ г. Иванова-Разумника „Великія искания“. Спб., 1912 г., стр. 48.)

восторгъ... Но не тутъ то было: лишь только я замѣтилъ, что чувствительность овладѣваетъ мною, я и пересталъ писать, а теперь, когда разсудокъ взялъ верхъ, могу дать полную свободу перу своему. Я правду говорилъ, что въ Петербургѣ во мнѣ возобновится способность и охота писать письма. Да, милыя дѣвочки, Танюша, Ксандра [1]) и Александра, [2]) мнѣ непремѣнно должно быть вдали отъ васъ, для того, чтобы вполнѣ ощутить, какъ я люблю васъ и какъ мнѣ необходимы любовь и участіе ваши. Мѣсячное пребываніе въ Петербургѣ [3]) будетъ для меня во многихъ отношеніяхъ очень полезно. Нигдѣ нельзя такъ хорошо узнать себя и различіе себя отъ другихъ, какъ здѣсь.

„Не думайте однако же, чтобъ я провелъ всѣ эти пять дней въ чувствительныхъ рефлексіяхъ въ себя. Нѣтъ—онѣ приходили сами собою, я же, несмотря на довольно запутанное состояніе духа, занимался дѣйствительными интересами, притащившими меня въ Петербургъ. Во первыхъ я остановился у Сергѣя Муравьева, [4]) котораго встрѣтилъ случайно въ самый день моего пребытія—и у Сергѣя видѣлся уже съ Катенькой Менгденъ и Варенькой Муравьевой. Александру Федоровну увижу сегодня въ Царскомъ Селѣ, куда поѣду на паровозѣ. [5]) Потомъ видѣлся съ братомъ Николаемъ, [6]) который стоитъ подъ Петергофомъ въ лагеряхъ съ учебными заведеніями и который недѣли черезъ двѣ возвратится въ Петербургъ. Потомъ познакомился черезъ Катеньку съ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, который очень радушно пригласилъ меня къ себѣ. [7]) Вчера познакомился съ Краевскимъ, [8]) у котораго буду обѣдать послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, и съ которымъ наши литературныя дѣла, повидимому, сладятся. Отыскалъ Савельева, Ефимовича etc., [9]) былъ у Александра Николаевича Мордвинова, [10]) который не унываетъ и принялъ меня

---

[1]) Ксандра—А. А. Бакунина.

[2]) Александра—А. А. Беръ, которая гостила у Бакуниныхъ.

[3]) На дѣлѣ онъ пробылъ въ Петербургѣ 4 мѣсяца.

[4]) Сергѣй Муравьевъ—младшій братъ Александра, Николая, Михаила и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ; о немъ я уже упоминалъ въ гл. IV настоящей хроники (*Русск. Мысль*, 1909 г., кн. VI).

[5]) Тогда только что открыта была (1838 г.) первая въ Россіи желѣзная дорога—царскосельская, по которой и собирался проѣхать М. Бакунинъ.

[6]) Н. А. Бакунинъ только что былъ произведенъ въ офицеры и перешелъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища.

[7]) Л. В. Дубельтъ—извѣстный жандармскій генералъ, занимавшій тогда должность начальника штаба корпуса жандармовъ и начальника канцеляріи III отдѣленія.

[8]) А. А. Краевскій—редакторъ-издатель *Отечественныхъ Записокъ*.

[9]) Товарищи Бакунина по училищу.

[10]) А. Н. Мордвиновъ—двоюродный братъ матери М. А. Бакунина, бывшій начальникъ канцеляріи III отдѣленія, въ то время уже сенаторъ.

очень радушно. Былъ также у Николая Назаровича Муравьева, принявшаго меня съ открытыми объятіями и приглашавшаго меня ѣздить къ нему чаще,—но кузины мои всѣ разъѣхались, онъ одинъ, а потому я у него болѣе не буду. [1]) У Львовыхъ, у Михаила и Андрея Николаевичей Муравьевыхъ [2]) буду на будущей недѣлѣ. Хорошее начало обѣщаетъ хорошее окончаніе и потому я сильно надѣюсь.

„Вотъ вамъ, милые друзья, краткое описаніе моей петербургской жизни"...

Затѣмъ онъ обращается къ Александрѣ Александровнѣ и пишетъ ей тутъ то наставленіе по поводу начинавшагося ея романа съ Боткинымъ, которое мы привели въ главѣ XXVIII. [3])

Изъ вышеприведеннаго перечня возобновленныхъ и вновь завязанныхъ Михаиломъ Бакунинымъ связей видно, что большую часть изъ нихъ онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду использовать для достиженія главной цѣли его петербургской поѣздки: развода Варвары Александровны съ мужемъ. Въ этомъ отношеніи, конечно, могли быть ему весьма полезны всѣ его знакомства и дружескія связи съ вліятельными Муравьевыми, изъ которыхъ Андрей Николаевичъ, напримѣръ, былъ въ это время persona grata въ управленіи оберъ-прокурора синода, а другіе его братья имѣли разнообразныя связи въ средѣ высшей администраціи; особенно же важна въ этомъ отношеніи для него была родственная связь съ А. Н. Мордвиновымъ и новое знакомство съ Л. В. Дубельтомъ, такъ какъ бракоразводныя дѣла въ царствованіе императора Николая—въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они получали ходъ—не миновали обыкновенно того всеобъемлющаго вѣдомства, прямымъ назначеніемъ котораго было проникать во всѣ тайники обывательской и семейной жизни и „утирать слезы" несчастнымъ, гдѣ это признавалось нужнымъ.

Но нѣкоторыя изъ новыхъ знакомствъ молодого Бакунина—особенно знакомство его съ Краевскимъ, а потомъ и съ другими петербургскими литераторами черезъ этого послѣдняго,—показывали, что на-ряду съ главной цѣлью его петербургской поѣздки у него была и другая, личная цѣль, сообразовавшаяся съ его планами заграничной поѣздки, въ цѣляхъ воспособленія которой онъ мечталъ запастись вѣрнымъ мѣстомъ для помѣщенія своихъ будущихъ статей, могущихъ, какъ онъ

---

[1]) О Ник. Наз. Муравьевѣ и отношеніи къ нему и къ его семейству М. А. Бакунина см. въ главѣ IV настоящей хроники (*Русская Мысль* за 1909 годъ, кн. VI, стр. 22 и слѣд.).

[2]) М. Н. Муравьевъ—тогда тов. министра удѣловъ, впослѣдствіи извѣстный виленскій генералъ-губернаторъ; Андрей Николаевичъ—его братъ, авторъ извѣстнаго „Путешествія по святымъ мѣстамъ".

[3]) *Русская Мысль* за 1913 г., кн. IX.

упорно надѣялся, несмотря на всѣ предшествовавшія разочарованія, дать ему солидный заработокъ.

Оказалось, однако, что въ практическомъ отношеніи только первые шаги Мишеля въ Петербургѣ были удачны. Разумѣется, въ пользу Варвары Александровны и ея „дѣла" онъ сдѣлать въ концѣ-концовъ ничего не могъ и потому, вѣроятно, не желая сообщать домой о своихъ неудачахъ, два мѣсяца никому ничего не писалъ. Изъ одного письма Боткина къ нему (отъ 15 сентября 1839 года) видно, что пріѣхавшій тѣмъ временемъ изъ Петербурга въ Москву Н. И. Надеждинъ разсказывалъ о немъ какія-то сплетни и, между прочимъ, передавалъ, что Сергѣй Муравьевъ, у котораго Бакунинъ остановился, бранитъ его непропалую и увѣряетъ, что не зналъ, какъ его отъ себя выжить. Дѣйствительно, мы видимъ изъ послѣдующихъ писемъ Мишеля, что онъ перемѣнилъ квартиру и съ сентября жилъ уже у какого-то А. Д. Раевскаго—должно быть, своего товарища по училищу. Съ С. Н. Муравьевымъ онъ, повидимому, разсорился на почвѣ философскихъ споровъ и несогласій, причемъ Муравьевъ этотъ—самъ неудачникъ, очень нуждавшійся въ то время—тяготился, быть можетъ, и лишними расходами, вызывавшимися пребываніемъ у него Мишеля. Самъ Мишель работалъ, повидимому, въ это время надъ заказанной ему Краевскимъ статьей о новѣйшей философіи въ Германіи, которая и была впослѣдствіи напечатана въ мартовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* за 1840 г.

Между тѣмъ въ Москвѣ, гдѣ гостили въ это время Бакунины, произошло въ эти два мѣсяца много важныхъ событій въ ихъ семьѣ: мать Мишеля опасно заболѣла, такъ что даже нѣсколько дней опасались за ея жизнь; братья Мишеля—Павелъ, Александръ и Алексѣй,—кончившіе тверскую гимназію, держали и успѣшно выдержали экзаменъ въ московскій университетъ, и въ это же время произошло въ Москвѣ, какъ мы уже знаемъ, рѣшительное объясненіе Боткина съ Александрой Александровной. Лишь 7 сентября Мишель написалъ изъ Петербурга отцу, а вскорѣ послѣ того и сестрамъ. Письмо къ отцу не сохранилось, но сохранился, какъ всегда, весьма характерный отвѣтъ на него Александра Михайловича. Старикъ былъ очень недоволенъ долгимъ молчаніемъ Мишеля, продолжавшимся и послѣ извѣщенія его объ опасной болѣзни матери. Послѣ упрековъ по этому поводу Александръ Михайловичъ высказывалъ здѣсь любопытныя соображенія относительно затѣяннаго Мишелемъ дѣла о разводѣ сестры его.

„...Скажу тебѣ,—писалъ онъ,—что мнѣ уже прискорбно было, что ты, отъѣзжая въ Петербургъ, ничего не сказалъ мнѣ о твоихъ планахъ и предположеніяхъ. Я бы могъ, можетъ быть, дать тебѣ полезные совѣты. Я, предъугадывая твое намѣреніе, напередъ зналъ, что ты, самъ собою дѣйствуя, ни въ чемъ не успѣешь. Я догадывался, что

расторженіе Варенькинаго брака было твоею цѣлью, но зналъ, что по законамъ нашимъ это расторженіе невозможно, особенно же въ ея отсутствіе. Если бы Варенька меня послушалась и осталась въ родительскомъ домѣ, то была бы и здорова и спокойна,—Дьяковъ не могъ бы въ домѣ нашемъ дѣйствовать насильно. Варенька могла бы съ откровенностью прибѣгнуть къ преосвященному Григорію, [1]) который меня любитъ и, вѣроятно, болѣе отъ его совѣтовъ получила бы утѣшенія, нежели отъ путешествія, которое никакой пользы принесть ей не можетъ. Поздно или рано, надобно же будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, которыхъ польза ея сына необходимо потребуетъ. Надобно дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы бѣдный Саша не былъ наконецъ жертвою ея антипатіи къ отцу и не имѣлъ бы права упрекать ее въ своемъ несчастіи. Варенькѣ для собственной ея пользы не удаляться отъ насъ, а какъ можно скорѣй приблизиться надобно. Твои старанья, твое ходатайство ничего сдѣлать не могутъ. Я нѣсколько разъ покушался писать объ этомъ къ Варенькѣ, но изъ опыта знаю, что совѣты мои будутъ совершенно безполезны... Ты въ Петербургѣ могъ теперь самъ убѣдиться, что возможное въ Германіи, у насъ въ Россіи невозможно, и что присутствіе Вареньки въ родительскомъ домѣ необходимо нужно для собственнаго ея спокойствія и для пользы ея сына. Она можетъ не любить Дьякова, но сына своего лишать отца не въ правѣ. Ни итальянскій климатъ, ни удаленіе отъ насъ возвратить ей душевнаго спокойствія и здоровья не могутъ. Одна только не пустая, а христіанская философія и родительское благословеніе утолить ея тревогу и по возможности облегчить ея положеніе могутъ. Она теперь нуждается въ деньгахъ и проситъ, чтобы мы еще тысячу рублей ей послали. Я постараюсь это исполнить, хоть признаюсь тебѣ, что весьма часто при удовлетвореніи необходимыхъ по обстоятельствамъ расходовъ принужденъ я совершенно не забывать и о благосостояніи бѣдныхъ крестьянъ. Варенька пишетъ, что пришлетъ адресъ неаполитанскаго банкира, но для пересылки денегъ къ неаполитанскому банкиру нужно адресоваться къ петербургскому, а къ кому и какъ адресоваться,—право, я не знаю. Прежде дѣлалъ это для насъ братъ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, но гдѣ онъ теперь и можемъ ли мы его просить, я не знаю: ты и въ письмахъ своихъ не пишешь совсѣмъ, бываешь ли ты у него и пр.; а ты, мой другъ, уже теперь самъ по опыту знаешь, что какъ аукнется, такъ и откликнется. Мы въ старину всѣми родственными связями дорожили, а вы по несчастью часто ими пренебрегаете, позабывая старую пословицу, что свой своему поневолѣ другъ...

„Братья твои дѣйствительно выдержали экзаменъ хорошо, но меня

---

[1]) Творской епархіальный архіерей, долго занимавшій эту каѳедру.

(пишетъ онъ, очевидно, въ пику Мишелю) болѣе экзамена порадовала привязанность ихъ къ намъ. Имъ грустно было съ нами разставаться, и дѣтская любовь ихъ полную подаетъ мнѣ надежду на собственную ихъ будущность. Кто искренно любитъ, и самъ вѣрно будетъ любимъ. Мы уже отъ Павла получили письмо и письмо его много меня утѣшило...

„Объ Сергѣѣ Муравьевѣ, другъ мой, судишь ты слишкомъ строго: онъ эгоистъ наравнѣ со всѣми прочими самозванными философами,—а бѣдность усугубляетъ въ немъ это чувство. Будь его положеніе другое—и тотъ же Сергѣй показался бы тебѣ совсѣмъ другимъ. Не забывай, мой другъ, никогда молитву: Ей, Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего...

„Счастливо, мой другъ, что ты не долго прожилъ въ трактирѣ. Лучше бы гораздо было жить у Сергѣя, какъ ни тягостно это было какъ тебѣ, такъ и ему. И повѣрь мнѣ, что ты рѣшился переѣхать въ трактиръ не столько по тѣснотѣ и бѣдности его, сколько по несходству нашей философіи, что по мнѣнію моему доказываетъ взаимную ея непрочность... А я, мой другъ, въ Москвѣ съ больною женою и съ хворою дочкой въ тѣснотѣ и гдѣ ни я, ни сестры твои не имѣли отдѣльной комнатки, очень хорошо могъ ужиться съ Влад. Конст. [1]) и остался ему благодаренъ, и полную ему отдаю справедливость, хотя характеры наши вовсе несходны... Хорошо, что ты встрѣтился съ добрымъ и старымъ знакомцемъ, которому я, вовсе его не зная, за тебя уже благодаренъ. Но смотри же, не сдѣлайся ему тягостнымъ и не требуй, чтобы онъ съ тобою во всемъ соглашался.

„Очень радъ, что ты познакомился съ г. Краевскимъ, но невольно улыбаюсь, прочитавъ слова твои: *„я подрядился писать ему статьи по части философіи“*, и философскимъ твоимъ статьямъ предъугадываю участь твоей Бетины“... Извѣстіе это, повидимому, очень встревожило и задѣло старика за живое и онъ продолжалъ: „Покупныя статьи не могутъ поддержать журнала, и поздно или рано постигнетъ его участь прочихъ журналовъ. Бѣлинскому можно продавать умственныя свои способности, а ты бы гораздо основательнѣе поступилъ, если бы занялся не слегка и кое-какъ домашнимъ дѣломъ и хозяйствомъ и свободное уже отъ хозяйственныхъ дѣлъ время посвящалъ умственнымъ занятіямъ. Вино—за деньги, а не философскія статьи ставить можно, а сельское хозяйство во всѣхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе, нежели литературные вершки, которыми журналы наши, надуваясь, необходимо должны наконецъ лопнуть“...

„Пора уже, точно пора тебѣ возвратиться домой и дѣятельнымъ об-

---

[1]) В. К. Ржевскій, у котораго останавливались Бакунины въ 1839 г. въ Москвѣ.

разомъ заняться хозяйственными нашими дѣлами, которыя требуютъ неусыпнаго надзора,—хозяйствомъ только, какъ и литературой, кое-какъ заниматься невозможно. И повѣрь мнѣ, что гораздо пріятнѣе кланяться своей полосѣ, нежели, летая на восковыхъ крыльяхъ, сломать себѣ шею на той самой полосѣ, которая бы могла прокормить насъ и обезпечить семейное благосостояніе. Денегъ теперь не посылаю къ тебѣ, потому что ихъ нѣтъ; а какъ скоро будутъ, на имя г. Раевскаго вышлю. Мысленно тебя обнимаю. Отецъ твой А. Бакунинъ".

Въ постскриптумѣ старикъ еще добавлялъ:

„Удивляетъ меня, мой другъ, что ты ничего ко мнѣ не пишешь о Михайлѣ Николаевичѣ Муравьевѣ. Казалось мнѣ, что онъ тебя любилъ, и было время, что ты крѣпко на него надѣялся. Обманывать себя, мой другъ, не надобно: если ты не имѣешь твердой рѣшимости заняться настоящимъ образомъ сельскимъ хозяйствомъ, которое требуетъ неусыпнаго надзора и неумолимаго терпѣнія, то надобно тебѣ думать о службѣ, и въ такомъ случаѣ, для вступленія въ службу и успѣшнаго служенія, должно дорожить связями съ благорасположенными къ тебѣ аристократами, — а на литературные доходы не полагайся. Какъ ни скучно наше русское въ строгомъ климатѣ хозяйство, но зависимость отъ редактора еще скучнѣе. Итакъ надобно или служить, или дѣльнымъ образомъ хозяйничать. Но ты мнѣ скажешь, что Карамзины, Крыловы, Пушкины, Жуковскіе пріобрѣли и литературную славу и независимое состояніе. А я на это примѣчу тебѣ, что эти же люди сверхъ *необыкновеннаго таланта* неусыпно трудились и могутъ почитаться исключеніемъ, у тебя же не достаетъ даже терпѣнія тѣмъ же путемъ достигнуть той же цѣли. Германская философія не свойственна ни характеру, ни нуждамъ нашимъ и долго еще будетъ вовсе для насъ безполезна, намъ еще многому прежде выучиться надобно, а потомъ уже философствовать, а между тѣмъ время даромъ проходитъ. Познанія практическія слишкомъ уже поздно пріобрѣтать тебѣ".

Въ Петербургѣ Мишель, какъ мы видимъ, задержался гораздо долѣе, нежели первоначально разсчитывалъ, и здѣсь ему пришлось встрѣтиться и возобновить свою тѣсную дружбу съ В. Г. Бѣлинскимъ, который пріѣхалъ въ Петербургъ въ двадцатыхъ числахъ октября 1839 г. съ Панаевымъ. [1]) Бѣлинскій и Бакунинъ провели на этотъ разъ вмѣ-

[1]) Въ біографіи М. А. Бакунина, составленной М. П. Драгомановымъ, приводится (на стр. VI) со ссылкой на литературныя воспоминанія И. И. Панаева разсказъ о томъ, какъ Бѣлинскаго провожали изъ Москвы Бакунинъ, Катковъ и Кетчеръ до Черной Грязи и какъ Бакунинъ „съ нѣжной грустью смотрѣлъ" на отъѣзжающихъ (Бѣлинскаго и Панаева). Это, очевидно, недоразумѣніе: Бакунинъ въ это время былъ въ Петербургѣ и, слѣдовательно, не могъ провожать Бѣлинскаго изъ Москвы. По всѣмъ вѣроятіямъ это былъ В. П. Боткинъ, который былъ тогда въ Москвѣ и, навѣрное, провожалъ Бѣлинскаго при отъѣздѣ послѣдняго въ Петербургъ.

стѣ всего какихъ-нибудь 3—4 недѣли; [1]) но встрѣтились съ самаго же начала гораздо дружелюбнѣе, чѣмъ оба ожидали. „Я думалъ увидѣться съ Мишелемъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ,—писалъ Бѣлинскій Боткину въ письмѣ отъ 22 ноября 1839 г.,—но разстался, какъ съ другомъ и братомъ души моей; это, Василій, человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Въ немъ сущность свята, но процессы ея развитія и опредѣленій дики и нелѣпы; но за это винить его по крайней мѣрѣ не мнѣ"... [2])

Возстановленію хорошихъ отношеній между бывшими друзьями отчасти содѣйствовало и то обстоятельство, что Бѣлинскій былъ тронутъ отзывомъ о немъ Бакунина въ литературныхъ кругахъ, о чемъ ему пришлось узнать тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ въ сѣверную столицу. Тому же способствовало и тягостное впечатлѣніе холода и одиночества, которое Бѣлинскій почувствовалъ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ. „Возвращаюсь къ Мишелю,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ.—Это—человѣкъ насквозь теплый, въ высшей степени задушевный, любящій, готовый принять въ другомъ все участіе, какого только можно желать. А что онъ умѣетъ любить глубоко и горячо,—этому лучшее доказательство—я: кто больше меня ругалъ и оскорблялъ его, къ кому больше меня бывалъ онъ несправедливѣе,—и что же? Гдѣ бы онъ не явился, съ кѣмъ бы не познакомился, тамъ и тотъ уже знаютъ Бѣлинскаго... Погладь его по курчавой головкѣ—право, онъ очень не глупъ, какъ я начинаю увѣряться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движеніе духа въ этомъ шутѣ!... Да, я вновь познакомился съ Мишелемъ и отъ души, какъ друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новыя отношенія"... [3])

...„Я не много побылъ съ нимъ въ Питерѣ,—писалъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—но много узналъ отъ него новаго, много уяснились мнѣ и собственныя мои идеи. Это одинъ человѣкъ, съ которымъ побыть вмѣстѣ, значитъ для меня сдѣлать большой шагъ впередъ въ мысли—дьявольская способность передавать"... [4])

Въ декабрѣ 1839 г., сообщая Боткину о томъ, что Петербургъ вновь обратилъ его къ христіанству, Бѣлинскій писалъ: „Мысли мои объ Unsterblichkeit вновь перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству. Мишель много тутъ участвовалъ"... [5])

---

[1]) Съ 22 или 23 октября по 15 ноября 1839 года,—судя по письмамъ Боткина къ А. А. Бакуниной. Ср. гл. XXVIII, *Русская Мысль*, 1913 г., кн. IX.

[2]) *Р. В. Ивановъ-Разумникъ* „Великія искания", стр. 128.

[3]) *Р. В. Ивановъ-Разумникъ*: „Великія искания", стр. 129.

[4]) *А. Н. Пыпинъ* „В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка", II, стр. 8 (1 изд.).

[5]) Тамъ же, стр. 18.

Въ это же время и, вѣроятно, при посредствѣ самого Михаила Бакунина Бѣлинскій познакомился съ братомъ его, Николаемъ Александровичемъ, молодымъ прапорщикомъ артиллеріи, который произвелъ на Бѣлинскаго самое благопріятное впечатлѣніе своею непосредственностью, прямотою и естественностью,—„соединеніемъ,—какъ выражается Пыпинъ,—молодой благородной идеальности съ полной и спокойной естественностью“.

Н. А. Бакунинъ былъ по возрасту моложе Мишеля ровно на четыре года—между ними были сестры Татьяна и Александра. Онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ томъ же артиллерійскомъ училищѣ, которое окончилъ Мишель, въ отдаленіи отъ семьи, съ которой связь его поддерживалась лишь коротенькими, по большей части мало содержательными письмами. Въ первый разъ онъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Премухино на побывку въ мартѣ 1838 г. въ отсутствіе Мишеля,—произведенный тогда только что въ офицеры,—и пробылъ здѣсь только недѣлю. Сестры старались съ нимъ сблизиться и пріобщить его, какъ умѣли, къ тѣмъ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ, въ кругъ которыхъ онѣ тогда были вовлечены Мишелемъ. Онѣ остались довольны знакомствомъ своимъ съ Николаемъ, произвели и на него довольно глубокое впечатлѣніе и поселили въ немъ интересъ къ личности старшаго брата и желаніе пріобщиться, если не теперь, то хоть современемъ, къ тому тѣсному братскому кружку, который былъ основанъ Мишелемъ. Все это однако было довольно непрочно, поверхностно, слишкомъ скоропостижно и поддерживалось затѣмъ довольно искусственно письмами. Лишь весной 1839 г., передъ путешествіемъ Мишеля въ Петербургъ, Николай опять явился въ Премухино и прожилъ здѣсь значительно дольше, чѣмъ въ первый разъ, притомъ на этотъ разъ въ присутствіи Мишеля, съ которымъ и могъ ближе познакомиться и сойтись.

Замѣчательно, что на Мишеля, не видавшаго Николая со времени поступленія его въ корпусъ, онъ въ этотъ пріѣздъ произвелъ такое же впечатлѣніе, какъ и на Бѣлинскаго при первомъ знакомствѣ съ послѣднимъ. Вотъ какъ писалъ о пріѣздѣ Николая Михаилъ Бакунинъ въ письмѣ къ А. А. Бееръ отъ 30 марта 1839 года:

„Братъ Николай пріѣхалъ и его пріѣздъ возбудилъ въ темной силѣ нашей премухинской жизни новую надежду на побѣду. Я открылъ глаза Николаю, и завтра начинается новая и послѣдняя война, въ которой все проявится и разрѣшится—и опредѣлится то, что до сихъ поръ оставалось неопредѣленнымъ. Братъ Николай славный человѣкъ—онъ все понялъ, все почувствовалъ. Онъ будетъ сильной внѣшней и внутренней опорой сестрамъ. Я ему сдаю понемногу свою должность, и онъ вполнѣ замѣнитъ меня.—Теперь осталось кончить дѣло Варенькиі—и тогда прощай, Премухино, надолго прощай! Я предамся свободному теченію жи-

зни своей, предамся своей судьбѣ... Николай—славный человѣкъ; онъ не зараженъ нашею общею русскою лѣнью и бездѣятельностью, и съ другой стороны не загрязненъ также пошлымъ французскимъ романтизмомъ и либерализмомъ. Онъ весь преданъ Царю и Отечеству—онъ истинный русскій—и вѣрно пойдетъ далеко—въ немъ вѣрный и крѣпкій практическій умъ"...

Во время пребыванія Мишеля въ Петербургѣ онъ, повидимому, мало видѣлся съ братомъ, который сперва былъ въ лагеряхъ, а потомъ сильно занятъ былъ службой; Мишель ничего не писалъ о немъ въ письмахъ къ сестрамъ, а въ письмѣ къ отцу сообщалъ лишь, что Николай любитъ свою службу и на хорошемъ счету у начальства.

Бѣлинскій же настолько сблизился съ Николаемъ Александровичемъ, что Мишель впослѣдствіи, когда отношенія его съ Бѣлинскимъ вновь испортились, опасался, что и Николай будетъ на него смотрѣть глазами Бѣлинскаго. Такъ писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ сестрамъ отъ 9 мая 1840 г. (изъ Москвы). Бѣлинскій очень любилъ Николая Бакунина и относился къ нему съ нѣжностью старшаго брата. Онъ читалъ съ нимъ Пушкина, которымъ самъ, какъ извѣстно, въ то время особенно увлекался, и другія литературныя произведенія, причемъ эти чтенія приводили къ глубокимъ и содержательнымъ идейнымъ бесѣдамъ, которыя возбудили и въ Николаѣ Александровичѣ глубокое дружеское чувство къ Бѣлинскому, сохранившееся въ немъ навсегда.

Между тѣмъ отношенія Бѣлинскаго къ Мишелю опять измѣнились въ неблагопріятную сторону послѣ того, какъ стали портиться, въ началѣ 1840 года, отношенія Мишеля съ Боткинымъ. Г. Ивановъ-Разумникъ въ интересной статьѣ, посвященной отношеніямъ Бѣлинскаго съ Бакунинымъ, [1]) утверждаетъ даже, что отношенія эти испортились тотчасъ же, какъ только Бакунинъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ будто бы „сразу сталъ во враждебныя отношенія къ Боткину, всячески препятствуя счастливой развязкѣ чувства Боткина къ его сестрѣ, А. А. Бакуниной". Читатель знаетъ однако, что по фактамъ, которые я привелъ въ предшествующей главѣ, мы не можемъ признать этого утвержденія вполнѣ точнымъ. На самомъ дѣлѣ Мишель вначалѣ вовсе не препятствовалъ успѣху Боткина и занялъ враждебную ему позицію лишь послѣ того, какъ убѣдился въ отсутствіи настоящаго чувства къ Боткину въ сестрѣ своей, чему, быть можетъ, не мало способствовали сестры Беверъ, которыя съ самаго начала не вѣрили истинности этого чувства. Изъ писемъ Грановскаго къ Станкевичу мы знаемъ, что „тайные раз-

---

[1]) Первоначально эта статья была напечатана въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за 1911 г. а затѣмъ перепечатана въ книгѣ г. *Иванова-Разумника*: „Великія искания", стр. 127 и слѣд.

лады“ между Бакунинымъ и Боткинымъ начались лишь *въ февралѣ 1840 г.* [1]) Боткинъ, быть можетъ, уже и раньше былъ недоволенъ поведеніемъ Мишеля, потому что возлагалъ на него, какъ на своего заступника и друга, слишкомъ большія надежды. Въ письмахъ Боткина къ Бѣлинскому [2]) это недовольство должно было проскальзывать, и Бѣлинскій могъ себѣ представить изъ отзывовъ Боткина поведеніе Мишеля не такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности. Изъ длиннаго письма Бѣлинскаго къ Боткину, которое онъ началъ 16 декабря 1839 г. и отослалъ лишь въ первыхъ числахъ февраля 1840 г. и которое многократно цитируетъ Пыпинъ, мы видимъ, что Бѣлинскій съ особенной раздражительностью относился тогда къ ненавистнымъ ему „рефлексіямъ“, иниціативу которыхъ въ московскомъ кружкѣ приписывалъ Бакунину. Поэтому уже въ этомъ письмѣ онъ говоритъ о Бакунинѣ весьма раздражительно, хотя и въ полушуточной формѣ. Увлекшись самъ въ началѣ этого письма на путь рефлексій въ отношеніи самого себя и поставивъ себѣ вопросъ: „отчего же я никогда не могъ предаться весь и вполнѣ никакому чувству?...“, Бѣлинскій вдругъ прерываетъ свои разсужденія слѣдующею выходкою:

...„Я знаю, что пораженный благородствомъ и *нравственностью* моего слога, Мишель выровнитъ изъ длинныхъ рукъ трубку, разсыплетъ на полъ табакъ и, нелѣпо марая и загребая ими, зареветъ: „это отъ того, что у Бѣлинскаго глубокая натура, которая можетъ удовлетворяться только истиннымъ чувствомъ и любить только разъ въ жизни!“—Если онъ это сдѣлаетъ, Боткинъ, наплюй ему, пожалуйста, въ рожу и скажи, что онъ дуракъ...“ ...„Нѣтъ, это вздоръ: въ каждомъ моментѣ человѣка есть *современныя* этому моменту потребности и полное ихъ удовлетвореніе.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!
Блаженъ, кто во время созрѣлъ!

— Я понимаю необходимость, разумность, а слѣдовательно, и достоинство рефлексіи, какъ момента самого разума, какъ движителя жизни, не дающаго человѣку убаюкаться на какой-нибудь низенькой ступенькѣ жизни, но дѣло въ томъ, что есть двѣ рефлексіи—нормальная и болѣзненная“. [3])

Въ февралѣ 1840 года отношенія между Бакунинымъ и Боткинымъ дѣйствительно портятся, причемъ дѣло доходитъ даже до того, какъ видно изъ одной маленькой записки Боткина, что Боткинъ обвиня-

---

[1]) „Переписка Т. Н. Грановскаго“, стр. 383.

[2]) Перепиской Бѣлинскаго съ Боткинымъ пользовался *А. Н. Пыпинъ* (см. особенно т. II, гл. VI), а затѣмъ г. *Ивановъ-Разумникъ* по архиву А. Н. Пыпина.

[3]) *А. Н. Пыпинъ*, назв. сочин., т. II, стр. 12.

отъ Бакунина въ томъ, что онъ будто бы старался отпугнуть отъ него сестру увѣреніями, что будто бы Боткинъ станетъ ее удалять отъ братьевъ. Всѣ такія обвиненія и подозрѣнія сообщались, конечно, тотчасъ же Бѣлинскому и „Неистовый Виссаріонъ", бывшій въ то время и безъ того въ нервномъ, болѣзненномъ состояніи, реагировалъ на эти извѣстія гораздо сильнѣе и горячѣе, нежели самъ Боткинъ. Упоминая въ письмѣ, написанномъ въ концѣ февраля 1840 г., о томъ, что онъ всякое чувство переживаетъ до дна и что его „страстная, дикая натура не умѣетъ любить иначе", онъ пишетъ далѣе: „скажу тебѣ прямо, коротко и ясно: я ненавижу Мишеля—не для него и не за него, и за нихъ (за сестеръ Мишеля), за его къ нимъ отношенія, за искаженіе ихъ божественныхъ натуръ... Чувствую, что не встрѣчалъ еще натуры болѣе враждебной моей..." [1]) Въ письмѣ отъ 14 марта 1840 г. (къ Боткину же) онъ опять упоминаетъ объ „олицетворенномъ дьявольскомъ эгоизмѣ" Мишеля; 19-го же марта его бѣшенство противъ Мишеля—очевидно, вслѣдствіе извѣстій о его поведеніи, сообщенныхъ ему Боткинымъ—дошло до того, что онъ „готовъ съ нимъ стрѣляться" („это не фраза") и называетъ его „гнуснымъ, подлымъ эгоистомъ, фразеромъ, діаволомъ въ философскихъ перьяхъ". [2])

Соотвѣтственно такимъ отзывамъ о Мишелѣ въ письмахъ къ Боткину, Бѣлинскій пишетъ чрезвычайно рѣзкое письмо и къ самому Мишелю отъ 26 февраля 1840 г. Письма этого нѣтъ въ моемъ матеріалѣ; но оно сохранилось въ числѣ писемъ Бѣлинскаго, собранныхъ А. Н. Пыпинымъ, къ которому, вѣроятно, попало отъ Боткина, и его цитируетъ въ своей статьѣ г. Ивановъ-Разумникъ. [3]) Содержаніе этого письма очень напоминаетъ содержаніе послѣднихъ полемическихъ писемъ Бѣлинскаго къ Мишелю 1838 года. Онъ здѣсь также отвѣчаетъ на какое-то несохранившееся письмо Бакунина, которое называетъ „резонерскимъ" и о которомъ пишетъ, что оно усилило въ немъ его „ненависть къ знанію, какъ сушильнѣ жизни", а отношеніе свое къ Мишелю формулируетъ такъ: „я уважаю тебя... но *я* не люблю тебя, ибо мнѣ *ненавистенъ* образъ твоихъ мыслей и еще *ненавистнѣе* ихъ осуществленіе"...

Въ письмѣ, на которое тогда отвѣчалъ Бѣлинскій, Мишель, вновь нападая на ложное пониманіе Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности", на этотъ разъ по поводу извѣстныхъ статей о бородинской годовщинѣ и о „Горѣ отъ ума", писалъ между прочимъ, что надъ этими статьями подсмѣивается даже его юный братъ Павелъ, что сильно укололо Бѣлинскаго.

---

[1]) *Иванов-Разумникъ*, назв. соч., стр. 129.

[2]) Тамъ же, стр. 166.

[3]) Тамъ же, стр. 131 и слѣд.

...„Съ чего ты взялъ,—отвѣчалъ онъ Бакунину,—что моя дѣйствительность—пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчишки подсмѣиваются? Правда, моя дѣйствительность—не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была такая, какою ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живой, горячей кровью, свидѣтельствуютъ, что ты *лжесвидѣтельствуешь на ближняго.* Ты хоть бы спросилъ у Боткина: онъ сказалъ бы тебѣ, до какой степени я примирился съ повседневной дѣйствительностью"... „Да,—продолжаетъ онъ,—пошлой, ходульной „идеальности" я всегда предпочту... самую ограниченную дѣйствительность и полезность въ обществѣ"... И затѣмъ онъ обрушивается на Чацкаго изъ „Горя отъ ума", котораго только что продергивалъ и печатно. „Чацкіе,—заявляетъ онъ,—всегда будутъ смѣшны для меня, и я буду дѣлать ихъ смѣшными для многихъ, не заботясь, что мой пріятель приметъ эти нападки за личность и оскорбится ими. Что такое Чацкій? Человѣкъ, который толкуетъ о высшей любви, а любитъ б—ь, который всѣхъ ругаетъ за бездѣйствіе, а самъ ничего не дѣлаетъ, который сердится на дѣйствительность, которая въ его глазахъ скверна тѣмъ, что русскіе XIX вѣка бреютъ бороды и ходятъ во фракахъ, что они не подражаютъ китайцамъ въ незнаніи иноземцевъ, который говоритъ о прекрасномъ и высокомъ со скотами и пр., и пр. Какъ же на такихъ шутовъ не нападать? Они—первые враги всякой разумности, всякой истины..." [1])

Г. Ивановъ-Разумникъ на основаніи этой тирады дѣлаетъ также, по моему мнѣнію, довольно рискованное заключеніе, что Бѣлинскій будто бы, когда писалъ о Чацкомъ, мѣтилъ въ Бакунина. [2]) Это едва ли такъ, потому что изъ всего, что тутъ говорится о Чацкомъ, лишь немногое могло примѣняться Бѣлинскимъ къ Бакунину.

Въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, нападая на „ходульность" и „рефлектированность" Мишеля, противопоставляетъ ему брата его Николая, о которомъ отзывается, какъ о „юной, свѣжей, простой, нормальной и могучей натурѣ". И тутъ же описываетъ, какъ онъ читалъ съ Николаемъ Бакунинымъ Пушкина.

Николаю Бакунину „понравился,—разсказываетъ Бѣлинскій,—парадоксъ Боткина, будто бы недостатокъ образованія и рефлексіи, сохранивъ чистоту и природную цѣломудренность генія Пушкина, сжалъ его міросозерцаніе и лишилъ обилія нравственныхъ идей. Я ему сказалъ, что это, дескать, вздоръ и чепуха. Міросозерцаніе Пушкина трепещетъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ стихѣ слышно рыданіе мірового страданія, а обиліе нравственныхъ идей у него безконечно, да и не вся-

---

[1]) *Ивановъ-Разумникъ*, наз. соч., стр. 132.

[2]) Тамъ же, стр. 166.

кому все это дается и трудно открывается, потому что въ міръ пушкинской поэзіи нельзя входить съ готовыми идейками, какъ въ міръ рефлектированной поэзіи, и что, когда Боткинъ будетъ поздоровѣе духомъ, то увидитъ это самъ. Не только Шиллеръ, самъ Гёте доступнѣе и толпѣ и абстрактнымъ головамъ, которые всегда найдутъ въ нихъ много доступнаго себѣ; но Пушкинъ доступенъ только глубокому чувству конкретной дѣйствительности. И потому петербургскіе чиновники и офицеры еще понимаютъ, почему Шиллеръ и Гёте велики, но Шекспира называютъ великимъ только изъ приличія, боясь прослыть невѣждами, а въ Пушкинѣ ровно ничего великаго не видятъ. Для меня въ этомъ фактѣ—глубокая мысль. Чтобы мою проповѣдь сдѣлать дѣйствительной, я схватилъ „Онѣгина" и прочелъ дуэль Ленскаго—начало 7-й и конецъ 8-й главы. [1]) Никогда я такъ не читалъ: меня посѣтило откровеніе, и слезы почти мѣшали мнѣ читать. Слушатель понималъ чтеца и оба они понимали Пушкина. Я обратилъ его вниманіе на эту безконечную грусть, какъ основной элементъ поэзіи Пушкина, на этотъ гармоническій вопль міроваго страданія, поднятаго на себя русскимъ Атлантомъ; потомъ я обратилъ его вниманіе на эти переливы и быстрые переходы ощущеній, на эти безпрестанные и торжественные выходы изъ грусти въ широкіе разметы души могучей, здоровой и *нормальной*, а отъ нихъ снова переходы въ неумолкающее гармоническое рыданіе міроваго страданія"...

Г. Ивановъ-Разумникъ приводитъ эту интересную выписку изъ письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 26 февраля 1840 г., справедливо видя въ ней образецъ мѣткой и сильной характеристики поэзіи Пушкина. Мы же позволили себѣ привести ее здѣсь еще и потому, что она превосходно обрисовываетъ тѣ отношенія, которыя установились съ самаго начала знакомства между В. Г. Бѣлинскимъ и юнымъ Н. А. Бакунинымъ.

Въ полемикѣ же съ Мишелемъ Николай Бакунинъ являлся для Бѣлинскаго еще и драгоцѣннымъ живымъ аргументомъ, которымъ онъ могъ сильно импонировать Мишелю. „Чѣмъ больше узнаю я его,—писалъ онъ тутъ же о Николаѣ,—тѣмъ болѣе люблю и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ты порешь дикій и безсмысленный вздоръ, говоря, что простота, нормальность и полнота натуры свойственны только скотамъ и пошлякамъ. Но худо бы и намъ съ тобой, Мишель, походить на этихъ скотовъ и пошляковъ: право, мы были бы лучше. Меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ, меня не увѣришь, что я страдаю отъ того, что теперь все человѣчество страдаетъ: что общаго между мной и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а сукинъ сынъ. Я понимаю страданія какого-нибудь Страуса, котораго всякое

[1]) Очевидно, описка: конецъ 7-й и начало 8-й главы.

мгновеніе было жизнью въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкретномъ) и было жизнью дѣятельной; это—человѣкъ великій, геніальный: моей ли рожѣ тянуться до него?—высоко, не достанешь"... [1])

И далѣе Бѣлинскій съ горечью вспоминаетъ черты своего печальнаго дѣтства и неправильнаго воспитанія, исказившаго, по его мнѣнію, его нормальный ростъ и развитіе.

Читатель, впрочемъ, уже знаетъ, что самъ Михаилъ Бакунинъ не только не былъ склоненъ въ чемъ-либо опровергать характеристику его брата, сдѣланную въ этомъ письмѣ Бѣлинскимъ, но что собственное его мнѣніе о братѣ, судя по приведенному выше письму его къ Александрѣ Андреевнѣ Беръ отъ 30 марта 1839 г., въ сущности, совершенно сходилось съ мнѣніемъ Бѣлинскаго.

Приводя рядъ интересныхъ выписокъ изъ превосходнаго письма Бѣлинскаго отъ 26 февраля 1840 г., г. Ивановъ-Разумникъ сопоставляетъ его съ другимъ письмомъ Бѣлинскаго приблизительно той же эпохи, но сохранившимся въ неполномъ видѣ и безъ опредѣленной даты. Отрывокъ этотъ имѣется въ архивѣ Бакуниныхъ. Г. Ивановъ-Разумникъ довольно резонно, на первый взглядъ, относитъ это письмо къ марту 1840 г., опираясь на то обстоятельство, что въ немъ говорится о *напечатаніи* извѣстной статьи Бакунина о философіи, которая была напечатана въ № IX *Отечественныхъ Записокъ* за 1840 г., на которомъ имѣется цензурная помѣтка 14 марта 1840 г. Но затѣмъ страннымъ образомъ, по очевидному недосмотру, письмо это выходитъ у него написаннымъ и отправленнымъ Бакунину ранѣе вышецитированнаго письма отъ 26 февраля 1840 г. Эту несообразность тѣмъ болѣе необходимо исправить, что она помѣшала почтенному автору обратить достаточное вниманіе на то обстоятельство, что письмо это за исключеніемъ первыхъ вступительныхъ строкъ, исполнено трогательнаго, мѣстами нѣжнаго, дружескаго тона, который былъ бы очень непонятенъ и невозможенъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Бакунину именно въ мартѣ 1840 г., т.-е. какъ разъ въ то время, когда Бѣлинскій честилъ того же Бакунина самыми отборными ругательствами въ письмахъ своихъ къ Боткину. Это соображеніе заставило меня изслѣдовать точнѣе приблизительную дату написанія этого письма. Въ моемъ матеріалѣ нашлось для этого два новыхъ опорныхъ пункта: 1) то обстоятельство, что въ этомъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ, какъ о совершившемся фактѣ, объ обращеніи Мишеля за помощью для заграничной поѣздки къ отцу, а у меня имѣется точная дата этого обращенія: 23 марта 1840 г., 2) и то обстоятельство, что Бѣлинскій упоминаетъ въ этомъ письмѣ о томъ, что статья Мишеля привела въ восторгъ Краевскаго, а у меня имѣется письмо А. А.

---

[1]) Это относится, очевидно, къ Штраусу, автору „Жизни Христа".

Краевскаго къ Мишелю, относящееся къ этому именно обстоятельству, написанное Краевскимъ 28 мая 1840 г. [1])

Эти два обстоятельства даютъ основаніе думать, что письмо, о которомъ идетъ рѣчь, было написано Бѣлинскимъ не въ мартѣ, а нѣсколько позднѣе: въ апрѣлѣ или, можетъ быть, въ маѣ, когда отношеніе Бѣлинскаго къ Бакунину значительно смягчилось, благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, которыя изложены самимъ Бѣлинскимъ въ этомъ письмѣ, чтобы затѣмъ опять испортиться, отчасти благодаря вмѣшательству Каткова, передъ самымъ отъѣздомъ Бакунина за границу.

Этими замѣчаніями я здѣсь ограничусь и самое содержаніе этого письма Бѣлинскаго приведу въ своемъ мѣстѣ, при изложеніи обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ отъѣзду Бакунина за границу.

А. Корниловъ.

---

[1]) Вотъ это письмо:

„Я давно хотѣлъ писать къ вамъ, мой вселюбезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, и благодарить за прекрасную статью, которая для меня просто *образецъ* философскихъ статей на русскомъ языкѣ. Лучше этого, по предмету философіи, я не желалъ бы ничего ни читать, ни печатать по-русски. Ради Господа, шлите скорѣе, если можно къ 15 іюня (для іюльской книжки) окончаніе этой статьи. Прошу васъ всесердѣйше. Полно-то сомнѣваться въ своей способности къ литературному дѣлу, не вамъ судить объ этомъ, предоставьте другимъ, а сами знайте пишите, да и только...

„...Жду нетерпѣливо обнять васъ въ іюнѣ въ Петербургѣ".

Весь вашъ *Краевскій*".

28 мая 1840 г. С. ПБургъ.

Новая неземская Россія.

I.

Съ большимъ интересомъ прочелъ я короткую, но отчетливо формулированную статью кн. Е. Н. Трубецкого „Новая земская Россія“.

Я только что думалъ на ту же тему, но на основаніи фактовъ изъ иной, неземской жизни. Соглашаясь во многомъ съ кн. Е. Н. Трубецкимъ, я позволю себѣ нѣсколько расширить рамки затронутой имъ темы и отмѣтить характерные признаки новаго прогрессивнаго движенія главнымъ образомъ въ неземской Россіи.

Россія переживаетъ дѣйствительно въ высшей степени интересный моментъ своего роста, интересный, если хотите, не менѣе того, что происходило въ 1905 году.

Развивается общественность, прущая, выражаясь вульгарно, изъ той щели, которой не замѣтили, да если бы и замѣтили, то не смогли бы ничѣмъ заткнуть наши ретрограды. Ростъ этой общественности идетъ рука объ руку съ ростомъ экономическаго движенія сельской Россіи. Оба теченія тѣсно переплетены одно съ другимъ—въ этомъ взаимодѣйствіи суть дѣла.

Широкимъ потокомъ разлилась кооперація не только въ коренной Россіи, но и за предѣлами ея, тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій. Болѣе того. На отдаленныхъ окраинахъ кооперативы эти разнообразнѣе и мощнѣе, чѣмъ даже въ коренной Россіи. Здѣсь именно особенно развились не посредствующія производству формы, каковы кредитныя и потребительныя товарищества, а непосредственно относящіяся къ нему виды кооперацій—производительные союзы и ассоціаціи. Таковы маслодѣльческія товарищества въ Сибири и еще болѣе интересныя формы Сѣвернаго Кавказа, о которыхъ почти не встрѣчается въ печати свѣдѣній.

Чѣмъ объясняются особенности этой окраинной прогрессивной жизни? Прежде всего благопріятной экономической почвой.

Сибирь представляетъ по своимъ естественнымъ условіямъ богатѣй-

шій скотоводческій край. Обиліе скота въ немъ и молочность мелкой сибирской породы его вызвала необходимость въ переработкѣ молока, обильнаго жирами, въ масло. И нѣтъ ничего мудренаго, что кооперація свила здѣсь прочное гнѣздо. Ей есть на чемъ расти и развиваться.

То же произошло и на Сѣверномъ Кавказѣ. Естественныя богатства здѣсь такъ обильны и разнообразны, что населеніе успѣло уже создать экономическую жизнь, богатую общественными формами и начинаніями. Зерновая культура тутъ приняла такіе мощные размѣры, какихъ не наблюдается въ другихъ мѣстахъ Россіи. Интенсификація пустила глубокіе корни, и виноградарство или садоводство стали во многихъ мѣстахъ рядовыми видами хозяйства. Естественно, что и здѣсь нашли самую благопріятную почву для своего развитія разнаго рода кооперацій.

Всего разительнѣе, конечно, то обстоятельство, что развитіе общественности, въ видѣ кооперативовъ, охватило тѣ мѣстности, гдѣ не только нѣтъ земскихъ учрежденій, но гдѣ всячески пытаются убить самую мысль о нихъ. И несмотря на это, здѣсь именно общественность выразилась въ такихъ формахъ, какихъ нѣтъ даже въ коренной Россіи. Видно вѣрна народная поговорка: „гони природу въ дверь— она полѣзетъ въ окно“!

Есть что-то заразительное, ничѣмъ неотвратимое въ тѣхъ экономическихъ комбинаціяхъ, которыя сложились и слагаются на окраинахъ Россіи и которыя, какъ всѣ дороги въ Римъ, ведутъ населеніе къ инициативѣ и самодѣятельности. Вѣдь на окраинахъ наложенъ политическій херемъ на все—на образованіе, на естественныя національныя теченія, на проявленія чувства законности, на мечты о земствѣ, на полную гражданскую подготовку къ участію въ Государственной Думѣ. И тѣмъ не менѣе факты и жизнь не знаютъ никакого запрета, а какъ разъ наоборотъ, воплощаются въ формы единокровныя съ тѣми, на которыя наложенъ херемъ.

Чтобы не удлинять статьи, я остановлюсь на фактахъ только одной мѣстности—Кубанской области, представляющей самую живую и интересную часть Сѣвернаго Кавказа.

II.

Кубанскій край искони былъ золотымъ дномъ для колонизатора и земледѣльца. Теплый благопріятный климатъ, обиліе плодородныхъ тучныхъ земель, близость людей, а слѣдовательно, и портовъ для легкаго сбыта сырья дали населенію возможность создать здѣсь огромное матеріальное довольство и способствовали развитію личныхъ и общественныхъ потребностей. Въ короткое время города и станицы превратились въ бойкіе торговые центры, сложилась крупная промышленность въ видѣ огромныхъ паровыхъ мельницъ, маслобойныхъ и разныхъ пру-

гихъ заводовъ, возникли образцовые виды хозяйства—садоводство, огородничество, табаководство, виноградарство, виноделіе и т. п., поднялась вообще культура края.

Когда экономическая жизнь получаетъ такой складъ, тогда въ средѣ населенія самъ собою выдвигается цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ дѣятелей, выполняющихъ главныя, руководящую и исполнительную, роли. Это—естественное теченіе соціальной жизни. Вокругъ этихъ дѣятелей группируется проникнутое одинаковыми съ ними интересами рядовое населеніе. И кооперація въ томъ или другомъ видѣ—налицо.

Такъ началось кооперативное движеніе и на Кубани.

Въ настоящее время кубанскіе кооперативы считаются сотнями. Наиболѣе распространены кредитныя формы. За ними идутъ потребительныя товарищества. Значительное развитіе получили общества торговыхъ служащихъ, сильныя не столько своимъ общимъ количествомъ, сколько компактнымъ составомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Но наиболѣе яркую отличительную особенность Кубанскаго края представляютъ крупныя ассоціаціонныя предпріятія, не существующія еще нигдѣ въ Россіи въ такихъ формахъ.

Это—Общество черноморско-кубанской желѣзной дороги, созданное цѣлымъ рядомъ станицъ на ихъ общественные капиталы, и союзъ меліоративнаго характера по осушкѣ болотъ и плавень.

Я имѣлъ въ виду эти двѣ формы, говоря объ особенностяхъ прогрессивнаго экономическаго движенія на окраинахъ Россіи. Въ нихъ рѣзче и полнѣе, чѣмъ въ многочисленныхъ, но заурядныхъ кредитныхъ и потребительныхъ товариществахъ, выразилось значеніе кооперативной мощи, основанной на принципѣ общественности.

При извѣстнаго рода различіи, лежащемъ въ основѣ организаціи каждой изъ нихъ, обѣ формы находятся еще въ періодѣ созидательной работы, но обѣимъ имъ свойственны однѣ и тѣ же черты общественности, обѣими ими поставлены практически на разрѣшеніе огромныя хозяйственныя задачи. И на-ряду съ этимъ сходствомъ, тѣмъ характернѣе оказываются различія, лежащія въ основѣ ихъ организаціи.

Вотъ какъ возникла и слагается каждая ихъ нихъ.

III.

Общество черноморско-кубанской желѣзной дороги оформилось крайне оригинальнымъ образомъ. Дѣло поведено было сверху, но по иниціативѣ снизу. Циркуляромъ наказнаго атамана были созваны на съѣздъ представители станичныхъ обществъ для выработки основныхъ положеній предположеннаго желѣзнодорожнаго предпріятія. Станичники рѣшили образовать за счетъ общественныхъ капиталовъ акціонерный желѣзнодорожный капиталъ, выбрали представителей и послали ихъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ надлежащими вѣдомствами сочувственно было принято казачье предпріятіе. Но на первыхъ же порахъ возникло крупное препятствіе. Въ обычный акціонерный уставъ строго капиталистическаго характера оказалось трудно втиснуть предпріятіе, организуемое не лицами, а общественными группами, и не на частныя средства, а на общественные капиталы. Кого слѣдовало при такихъ условіяхъ считать учредителями общества, отвѣтственными за тотъ или другой исходъ предпріятія? Станичныя общества,—но они были внѣ представительства въ Петербургѣ, а по буквѣ нормальнаго желѣзнодорожнаго устава учредителями могли быть только отдѣльныя лица, владѣльцы акцій. Послѣ разнаго рода хлопотъ, учредителями въ уставъ были внесены уполномоченные отъ станичныхъ обществъ, ѣздившіе въ Петербургъ по порученію обществъ,—и уставъ былъ утвержденъ въ такомъ видѣ.

Станичныя общества скоро собрали акціонерный капиталъ, внеся въ него паи различной величины—въ десять, тридцать, пятьдесятъ, сто и болѣе тысячъ на общество. Для начала дѣла предстояло реализовать облигаціонный капиталъ. Избранное уполномоченными отъ станицъ правленіе дороги послало съ этою цѣлью двухъ директоровъ въ Лондонъ къ англійскимъ капиталистамъ. Поѣздка директоровъ совпала съ началомъ турецко-итальянской войны, когда бумаги котировались по низкому курсу на европейскихъ биржахъ. Въ Лондонъ поѣхали новички, директора, не искушенные въ дѣлахъ биржевого характера. Казалось бы, все сулило неудачу казакамъ.

Но первый практическій шагъ представителей черноморско-кубанскаго Общества былъ и самымъ блестящимъ дѣломъ предпріятія. Англійскіе капиталисты, заинтересованные оригинальною постановкою предпріятія, отнеслись внимательно къ нему и, не выходя изъ строго дѣловой сферы, нашли возможнымъ дать казакамъ по 94 р. за облигацію и 1%, или рубль, на благотворительныя нужды, взамѣнъ обычнаго куртажа. Получились совершенно неожиданные результаты: облигаціи черноморско-кубанской желѣзной дороги оплачены были 95 рублями, въ то время когда бумаги этого рода на фондовыхъ рынкахъ колебались между 78 и 82 рублями. Такъ велико было довѣріе просвѣщенныхъ англійскихъ капиталистовъ къ предпріятію, основанному на общественномъ началѣ!

Въ настоящее время Общество черноморско-кубанской желѣзной дороги или, правильнѣе, исполнительный его органъ—правленіе, занято строительною дѣятельностью. Произведены уже почти всѣ земляныя работы по полотну дороги протяженіемъ въ 417 верстъ и открыто уже временное движеніе по одной линіи этой крестообразной дороги, обслуживающей земли потомковъ запорожскаго казачества въ двухъ направленіяхъ—съ с.-в. на ю.-з., отъ станціи Кущовки на станцію Крымскую

владикавказской желѣзной дороги, и съ ю.-з. на с.-з., отъ г. Екатеринодара на портъ Ахтари къ Азовскому морю.

Уполномоченные казачьихъ станицъ періодически съѣзжаются на очередныя и чрезвычайныя собранія и вершатъ желѣзнодорожныя дѣла. Самый размѣръ этихъ дѣлъ опредѣляется почти двухмилліоннымъ акціонернымъ капиталомъ и 19 милліонами капитала облигаціоннаго. Внушительны цифры, внушительно и самое предпріятіе. Трудно сказать, съ какими послѣдствіями и осложненіями завершится оно, но пока оно—фактъ огромной важности для края и населенія.

IV.

Меліораціонный союзъ по осушенію болотъ и плавень на Кубани задался грандіозною задачею: урегулировать теченіе горныхъ рѣчекъ въ нижней части кубанскаго бассейна и осушить огромныя площади прикубанскихъ болотъ и плавень. Въ составъ союза вошли станичныя общества, частные владѣльцы, представители казны и представители войска. Дѣло опять-таки не обошлось безъ циркулярныхъ распоряженій, но самостоятельно ведется тѣми лицами, которыя непосредственно заинтересованы въ немъ.

Союзъ имѣлъ уже нѣсколько съѣздовъ и прошелъ предварительный путь выработки опредѣленнаго организаціоннаго плана. Душею дѣла явился мѣстный инженеръ-гидротехникъ Багенскій. Имъ, главнымъ образомъ, были объединены представители союза и выработаны общія основанія организаціи его. Но и само по себѣ задуманное на широкихъ меліораціонныхъ началахъ дѣло является прочнымъ связующимъ звеномъ для разрозненныхъ владѣльцевъ земель.

Очень характернымъ оказывается въ этомъ случаѣ участіе въ дѣлѣ со стороны казны и войска. Первая имѣетъ своего представителя по имѣнію Кудако, оставшемуся за Крестьянскимъ банкомъ, а второе является охранителемъ общихъ войсковыхъ интересовъ. Общность задачи большого экономическаго значенія объединила, слѣдовательно, въ одинъ союзъ какъ мѣстныхъ обывателей въ лицѣ земледѣльческаго и землевладѣльческаго классовъ, такъ и правительственныхъ агентовъ въ роли устроителей чисто хозяйственнаго предпріятія. Таковы, повидимому, требованія текущаго историческаго момента.

Само по себѣ задуманное предпріятіе является довольно грандіознымъ дѣломъ. Въ будущемъ оно сулитъ огромныя, милліонныя выгоды, а въ настоящемъ представляется очень сложною и дорого стоящею системою работъ. На мѣстѣ, въ области, не было еще живыхъ показательныхъ примѣровъ въ этомъ родѣ. Все приходится вести и создавать заново. И несомнѣнно, что мѣстные дѣятели и населеніе выка-

зали большую рѣшимость и энергію, вступивши на путь въ высшей степени интереснаго мелioративнаго начинанія.

На послѣднемъ съѣздѣ союзъ вошелъ въ соглашеніе съ частнымъ инженеромъ-предпринимателемъ относительно работы по изысканію мѣстности. За вознагражденіе въ 83 тысячи рублей предприниматель принялъ на себя обязательства произвести нивеллировку мѣстности, намѣтить направленіе канала для отвода отъ Кубани въ лиманъ главной горной рѣчки, заболачивающей прикубанскія равнины, и выработать общій планъ мелioративныхъ работъ. Какъ огромны и насколько цѣнны будутъ эти послѣднія, объ этомъ можно отчасти судить по значительному расходу на предварительныя изысканія.

Дѣло во всякомъ случаѣ налажено и необходимыя на изысканія средства внесены уже членами союза—станичными обществами, землевладѣльцами и представителями казны.

V.

Я нарочито нѣсколько подробнѣе изложилъ ходъ дѣла по проложенію желѣзной дороги на общественные капиталы и по широкой общественной постановкѣ водныхъ мелioрацій. Такимъ путемъ наглядно можно составить себѣ представленіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ слагались общественныя предпріятія. Въ Кубанской области нѣтъ земскихъ учрежденій и общее управленіе краемъ держится на строгомъ военномъ режимѣ. Казалось бы, что тутъ не могло быть и мѣста для начинаній, проникнутыхъ самодѣятельностью населенія. Правда, желѣзнодорожное дѣло ведется казачьими общинами, въ которыхъ могъ еще сохраниться въ малой дозѣ духъ общественности. Но зато во второмъ случаѣ, въ постановкѣ водныхъ мелioрацій, образованный съ этою цѣлью союзъ представляетъ такую разношерстную компанію лицъ и состояній, наличностью которой, казалось бы, исключалась самая мысль объ ассоціаціи и общественномъ единеніи. А между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ получились образцовыя по замыслу ассоціаціонныя формы.

Какъ это произошло? Въ чемъ кроется та таинственная причина, отъ давленія которой жизнь движется какъ разъ въ противоположную сторону отъ требованій режима, именуемаго охраной и успокоеніемъ?

Очевидно, должны же были существовать, во-первыхъ, подходящіе для того люди и, во-вторыхъ, настоятельныя жизненныя требованія. Такими людьми не должны быть непремѣнно лица или общественныя группы одного опредѣленнаго политическаго направленія. Политика тутъ ни при чемъ. Ими могли быть совершенно свободныя отъ политики индивидуумы, твердо знающія, однако, что дважды два четыре и что „гуртомъ батька добре бить". Иное дѣло жизненныя требованія. При кажущейся ихъ безразличности, они тѣмъ не менѣе толкаютъ людей въ

опредѣленномъ только направленіи. Большія дѣла обусловливаются большими требованіями, а этими требованіями въ данномъ случаѣ являются инициатива, самодѣятельность, общественное единеніе, общественные интересы, общественный контроль и тому подобные „жупелы“ новаго прогрессивнаго строя жизни.

Получается, такимъ образомъ, своего рода парадоксъ. Оказывается, что современныя кооперативныя теченія обусловливаются не столько наличностью дѣятелей опредѣленнаго образа мыслей, сколько такого рода комбинаціей жизненныхъ условій, при которой общимъ правиломъ становится поговорка: „скачи враже, якъ панъ каже“. Хочешь или не хочешь конституціонныхъ формъ жизни, а иди въ этомъ направленіи.

Не надо ни преувеличивать положительныхъ сторонъ этихъ новѣйшихъ проявленій соціальной жизни, ни идеализировать ихъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что прежніе люди остаются пока настоящими людьми. И эти настоящіе люди, съ очень опредѣленнымъ прошлымъ, вносятъ отрицательныя условія въ кооперативное движеніе. Развѣ мало было кооперативныхъ краховъ и развѣ въ основѣ ихъ не лежала жажда личной наживы, самое неуважительное отношеніе къ общественному дѣлу и безшабашное жульничество и воровство? По Кубанской области можно насчитать нѣсколько примѣровъ такого рода въ практикѣ кредитныхъ кооперативовъ.

VI.

Въ приснопамятное время „освободительнаго движенія“ въ кубанской области Высочайшимъ повелѣніемъ открыта была такъ называемая войсковая рада. Рѣшенію ея подлежали крупные земельные вопросы. Нужно было бѣднѣйшимъ горнымъ станицамъ, лишеннымъ пашень, дать земли этого рода для обезпеченія продовольственныхъ нуждъ населенія. Станицы эти имѣли достаточное количество горныхъ и мѣстныхъ угодій, но буквально-таки голодали, благодаря отсутствію земель, годныхъ для посѣвовъ. Такія земли въ достаточномъ количествѣ находились еще въ степныхъ станицахъ, въ прикубанской полосѣ. Но взять ихъ было рисковано, такъ какъ владѣльцами ихъ были старыя казачьи войска, владѣвшія обособленно отъ горныхъ станицъ землями, закрѣпленными за ними грамотами государей и другими законодательными актами. Въ Кубанской области существовали собственно четыре казачьихъ войска, у которыхъ было четыре обособленныхъ территоріи— черноморское, владѣвшее по жалованнымъ грамотамъ Екатерины II, Павла, Александра I, Николая I и Александра II, старолинейное, надѣленное землями въ прикубанской полосѣ по Положенію 1845 года, новолинейное, надѣленное по тому же закону 1845 года землями на пространствѣ между Кубанью и Лабой, и закубанское, образованное въ

подгорьяхъ на земляхъ, принадлежавшихъ раньше горцамъ. Чтобы надѣлить пахотными землями станицы Закубанья, нужно было поломать землевладѣніе двухъ старыхъ войскъ—черноморскаго и старолинейнаго, требовалось нарушить акты такой огромной юридической важности, какъ жалованныя грамоты. Произвести цѣлый переворотъ на этой почвѣ было не только очень трудно, но и рисковано. Могли возникнуть серьезныя земельныя волненія. И вотъ для рѣшенія столь важнаго и щекотливаго вопроса и была собрана войсковая рада, которая должна была самостоятельно, по собственному разумѣнію, разрубить казачій Гордіевъ узелъ.

Это была первая казачья рада, или народное собраніе, созванная спустя сто лѣтъ послѣ того, какъ на войсковыя рады свободно собирались бывшіе запорожскіе казаки. Но и ей была придана болѣе современная форма. На раду явилось по два представителя или уполномоченныхъ отъ каждой самостоятельной земельной общины—станицы или поселка, такъ какъ нельзя же было собрать въ одно мѣсто около 250,000 человѣкъ, имѣвшихъ право голоса въ земельныхъ вопросахъ. Но и при наличности двухъ представителей отъ каждой мелкой общины, образовался огромный съѣздъ изъ 520 уполномоченныхъ.

Послѣ обычныхъ казачьихъ церемоній, войсковая рада избрала свободными голосами предсѣдателя и его товарищей. Засѣданія, въ полномъ составѣ рады и частями ея,—отдѣльно у черноморцевъ, отдѣльно у старолинейцевъ, новолинейцевъ и закубанцевъ,—безъ перерыва продолжались 21 день. Это было цѣлое море волнующихся умовъ, скрытыхъ страстей и разнообразныхъ теченій коллективной казачьей мысли. На пишущаго эти строки выпала почетная роль предсѣдателя войсковой рады и, откровенно говоря, мнѣ казалось, что въ теченіе 21 дня я пережилъ больше душевныхъ волненій, чѣмъ въ теченіе всей своей жизни.

Шагъ за шагомъ, казаки шли къ разрѣшенію кардинальнаго вопроса. На принципѣ общности интересовъ, какъ единаго казачьяго войска, состоялось согласіе помѣняться землями станицамъ различныхъ по землевладѣнію частей войска. Слѣдовало отвести для бѣдныхъ закубанскихъ станицъ пахотныя земли въ степной полосѣ, а степнякамъ, взамѣнъ того, дать изъ войсковыхъ запасовъ нагорной полосы лѣсныя угодья по расчету трехъ десятинъ горной земли за одну десятину удобной степной земли. Первыми пошли на эту уступку черноморцы, уступившіе закубанцамъ часть своихъ войсковыхъ запасовъ. Примѣру ихъ послѣдовали старолинейцы. Вся нагорная полоса (около милліона десятинъ), за исключеніемъ дополнительныхъ надѣловъ закубанскихъ станицъ, была раздѣлена условно на четыре части по числу обособленныхъ войсковыхъ частей—Черноморіи, Старой линіи, Новой линіи и Закубанья, и по жребію, вынутому торжественно изъ шапки предсѣдателя рады батькомъ наказнымъ атаманомъ, указаны были мѣста, гдѣ и

какой части казачества должны быть отведены лѣсныя угодья въ нагорной полосѣ. Запасы войсковыхъ земель у двухъ старыхъ казачьихъ войскъ—черноморскаго и старолинейнаго, были раздѣлены,—за выключеніемъ земель, отведенныхъ горнымъ станицамъ,—между населеніемъ этихъ войскъ.

Такъ былъ рѣшенъ казаками на войсковой радѣ земельный вопросъ, касавшійся огромныхъ площадей, цѣлыхъ милліоновъ десятинъ. Почти всѣ земли перешли въ полное вѣдѣніе станичныхъ казачьихъ общинъ изъ рукъ войсковой администраціи, вѣдавшей до того войсковыя запасныя земли. Худо ли, хорошо, но было совершено большое чисто народное дѣло.

Въ этомъ дѣлѣ оказываются налицо всѣ элементы общественности—выборы, собранія, свободное обсужденіе вопросовъ, и ярко выступаютъ преимущества рѣшенія вопросовъ первостепенной важности общественнымъ установленіемъ. Предотвращены были, быть можетъ, крупные земельные безпорядки, борьба и открытая вражда между отдѣльными, обособленными частями одного и того же войска. Требованія осложнившейся жизни указали путь для мирнаго выхода изъ зловѣщихъ затрудненій.

VII.

Но заранѣе можно было сказать, что на одномъ этомъ рѣшеніи не остановится общественное дѣло. Оно неминуемо должно было продолжиться впослѣдствіи и непремѣнно въ общественной формѣ и на чисто общественныхъ началахъ.

Въ печати были высказаны въ то время по адресу казаковъ и моему, какъ предсѣдателя войсковой рады, упреки въ довѣрчивости и простотѣ. Казаковъ, писали въ одномъ журналѣ, помазало правительство по губамъ, а они и уши развѣсили. Ихъ просто обошли и ничего отъ ихъ мишурной войсковой рады не останется, какъ отъ выѣденнаго яйца.

Намъ, казакамъ, казались курьезными эти упреки послѣ того большого дѣла, которое удалось намъ разрѣшить. Казаки не ошиблись въ своихъ предположеніяхъ, когда, рѣшая это дѣло, разсчитывали, что для практическаго осуществленія его и веденія вновь возникшихъ формъ потребуются періодическія собранія, если не всей, въ полномъ составѣ, войсковой рады, то частичныхъ, болѣе мелкихъ радъ по обособленнымъ войсковымъ территоріямъ или отдѣламъ. Такъ именно и случилось на дѣлѣ.

Въ настоящее время въ Кубанской области существуютъ нѣсколько типичныхъ чисто земскихъ организацій, хотя и съ очень ограниченнымъ кругомъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію вопросовъ. Называются организа-

ціи съѣздами уполномоченныхъ станицъ по отдѣламъ или по уѣздамъ. Въ вѣдѣніи съѣздовъ, казалось бы, находится узко-спеціальное дѣло о порядкахъ пользованія лѣсами, отведенными цѣлымъ группамъ станицъ въ нагорной полосѣ, въ силу постановленій войсковой рады, Высочайше утвержденныхъ; но организованы съѣзды въ формѣ уѣздныхъ земскихъ учрежденій и организованы въ данномъ случаѣ самими казаками на почвѣ обычнаго права, безъ всякой законодательной регламентаціи. О существованіи этихъ оригинальныхъ организацій едва ли знаетъ кто-либо изъ высшаго петербургскаго начальства, а между тѣмъ съѣзды регулярно ведутъ свои дѣла, придерживаясь чисто земскаго общественнаго начала. Вотъ какова ихъ организація.

Въ опредѣленное время, станичные сходы или сборы десятидворниковъ выбираютъ на три года по одному уполномоченному, съ кандидатомъ къ нему, для веденія лѣсного хозяйства въ нагорной полосѣ. Уполномоченные ежегодно съѣзжаются разъ на очередныя собранія или съѣзды, выбираютъ на нихъ на предстоящее трехлѣтіе правленіе изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, изъ которыхъ одинъ несетъ обязанности казначея, и путемъ преній вырабатываютъ свои постановленія, правила и инструкціи, на основаніи которыхъ правленіе должно вести общественное лѣсное хозяйство. Ежегодно также разсматриваются и утверждаются смѣты и раскладки на этотъ предметъ. Въ случаѣ неотложной нужды, созываются экстренныя или чрезвычайныя собранія. На каждую сессію выбирается предсѣдатель, которымъ, однако, не можетъ быть кто-либо изъ состава правленія, товарищъ предсѣдателя и одинъ или два секретаря. Пренія ведутся обычнымъ порядкомъ и постановленія утверждаются открытою баллотировкою большинствомъ голосовъ, а выборы производятся шарами закрытою баллотировкою. Собраніе ведетъ журналы, въ которые секретарями заносятся постановленія и общій ходъ дѣла на засѣданіяхъ.

При правленіи состоитъ особый штатъ служащихъ, своего рода третій элементъ, въ лицѣ вольнонаемныхъ лѣсничаго, его помощника и лѣсныхъ объѣздчиковъ. Лично при помощи этого штата правленіе и ведетъ лѣсныя операціи и,—справедливость требуетъ сказать,—ведетъ ихъ довольно успѣшно. Такъ, напримѣръ, по Ейскому отдѣлу лѣсничество въ 85,000 десятинъ земли, приносившее войску, при завѣдываніи имъ чинами областного правленія около 2000 рублей въ годъ, уже на второй годъ дѣятельности съѣздовъ и правленія дало свыше 30 тысячъ рублей валового дохода. При этомъ принято было за правило совсѣмъ не сводить лѣса, а пользоваться только валежникомъ, сдачею въ аренду лѣсныхъ полянъ, камня и пр.

Важнѣйшія постановленія съѣздовъ утверждаются наказнымъ атаманомъ. Для внутреннихъ распорядковъ кубанскимъ областнымъ правле-

ніемъ выработаны особыя правила, также утвержденныя наказнымъ атаманомъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, съѣзды уполномоченныхъ отъ станицъ по веденію лѣсного хозяйства являются самоуправляющимися общественными организаціями. Въ первое время, когда лѣсничество не давало еще доходовъ, съѣзды прибѣгали и къ самообложенію, разверстывая опредѣленный налогъ для веденія дѣла между отдѣльными станицами, по числу принадлежавшихъ имъ десятинъ лѣса.

Едва ли стоитъ добавлять, что съѣзды уполномоченныхъ и ихъ исполнительные органы, правленія, представляютъ точную копію съ уѣздныхъ земскихъ собраній и уѣздныхъ земскихъ управъ. Охранители стараются обратить въ пугало самое слово „земство". А прообразы *земскихъ* учрежденій, несмотря на эту боязнь, возникаютъ и развиваются къ общему благополучію государства и мѣстнаго населенія.

VIII.

Итакъ, въ рядѣ многочисленныхъ кооперативовъ и аналогичныхъ съ ними общественныхъ формъ несомнѣнно совершается широкое, чисто стихійное движеніе, преслѣдующее развитіе самодѣятельности и высшихъ формъ общественной жизни. Факты слишкомъ ярко и отчетливо говорятъ сами за себя, чтобы требовалось доказывать это огромной исторической важности явленіе. Но, повторяю, не надо ни самообольщаться, ни идеализировать текущей дѣйствительности. Движеніе только что зародилось, но такъ широко и глубоко охватило жизненные интересы населенія, что остановить его нельзя. И тѣмъ не менѣе въ рядахъ лицъ, участвующихъ въ этомъ движеніи, слишкомъ ограничено число настоящихъ дѣятелей. Ихъ должна народить и подготовить сама жизнь въ своихъ сложныхъ проявленіяхъ.

Задавшись вопросомъ о результатѣ совершающагося въ странѣ движенія, могущемъ дать или „большого неинтереснаго звѣря", или „человѣческое величіе", иначе говоря, грубый матеріализмъ или высшія формы альтруизма, кн. Е. Н. Трубецкой выражаетъ надежду, что русскій народъ не откажется отъ своихъ духовныхъ идеаловъ и не отдастъ „всѣ свои силы безсмысленному физическому росту и плоскому идеалу матеріальнаго благополучія". Мнѣ кажется, что разъ мы признаемъ знаменательнымъ подъемъ экономическаго благосостоянія и ростъ кооперативнаго движенія, то тѣмъ самымъ придаемъ опредѣленный смыслъ именно этому теченію. И оно, это теченіе, несомнѣнно имѣетъ очень опредѣленный смыслъ и значеніе.

Какъ ни какъ, а экономическое развитіе и ростъ кооперацій будятъ сознаніе въ народѣ. Очень важно, поэтому, въ какомъ направленіи вырабатывается самосознаніе и пониманіе въ массѣ населенія, въ рядахъ трудящихся классовъ. Кооперативы охватываютъ только одну опредѣ-

ленную область соціальныхъ явленій, но есть вѣдь и другія стороны жизни. Я отмѣчу здѣсь двѣ изъ нихъ: ростъ народнаго интеллекта и аналогичное съ нимъ развитіе религіознаго раціонализма въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ народныхъ сектахъ.

Что народъ, трудящійся людъ, въ самыхъ глухихъ захолустныхъ мѣстахъ Россіи просвѣтлѣлъ и многое уразумѣлъ—это общепризнанный фактъ. Расширился кругозоръ рядовой массы, ея пониманіе государственнаго строя и совершающихся въ немъ процессовъ. Правда, темная невѣжественная масса не могла еще уйти далеко по этому пути, но можно сказать прошла уже свой приготовительный классъ, благодаря послѣднему политическому движенію въ Россіи, ознакомилась съ азбукой, заставляющей ученика сознавать свою интеллектуальную силу и понимать свои общечеловѣческія права. Можно еще своевольничать и насильничать надъ запуганной репрессіями массой, но вытравить зародышъ, пустившій ростки въ ея сознаніе, нельзя. Я не говорю уже о такихъ классахъ народа, какъ городскіе рабочіе. Ихъ умственный кругозоръ давно пережилъ тѣ рамки, въ которыя реакція стремится насильственно втиснуть страну.

Это одна характерная сторона жизни, мощно разливающаяся по лицу всей земли русской.

IX.

Серьезныя измѣненія воззрѣній въ томъ же направленіи произошли и въ средѣ сектантовъ. Въ сектантствѣ, даже въ передовыхъ его, раціоналистическихъ сектахъ, издавна замѣчалось то индифферентное, то просто-таки враждебное отношеніе къ наукѣ и знанію. Староверы считали науку грѣховною. Духовнымъ христіанамъ, штундистамъ и прочимъ было мало дѣла до нея. Сила науки стушевывалась и тускнѣла передъ силою религіозной мистики. Но то замѣчается теперь. У послѣдователей духовнаго христіанства—Новаго Израиля, сложилось въ высшей степени оригинальное въ этомъ отношеніи ученіе. Съ точки зрѣнія этого ученія, міръ прошелъ тѣ стадіи развитія, которыя намѣтила наука и ея геніальные представители. Когда въ первобытномъ твореніи изъ мірового хаоса выдѣлилась земля и впослѣдствіи настолько отвердѣла, что на ней появилась органическая жизнь, то развитіе живыхъ существъ началось съ низшихъ организмовъ и постепенно обращало ихъ въ высшія формы, вѣнцомъ которыхъ явился человѣкъ. Тотъ человѣкъ, который раньше другихъ остановился на мысли о высшемъ существѣ, о богѣ, и былъ Адамомъ, первымъ человѣкомъ, стремившимся къ богопознанію. Сначала потомки Адама были далеки отъ высокихъ понятій о божествѣ, но постепенно расширяли свой религіозный кругозоръ, черпая представленіе изъ лучшихъ сторонъ человѣческой жизни. Начались

обогочеловѣченіе. Стремленіе къ богочеловѣчеству развивалось по мѣрѣ развитія соціальной жизни и могучимъ орудіемъ въ этомъ отношеніи была наука. Человѣкъ усовершенствовалъ свои глаза,—придумавши очки, микроскопы и телескопы, слухъ—при помощи трубъ, телефона и проч., всю матеріальную обстановку—при содѣйствіи разнаго рода машинъ, а духовную жизнь—путемъ усвоенія знанія, науки. Въ этомъ отношеніи человѣкъ стоитъ на пути къ безконечному совершенствованію. Съ теченіемъ времени, благодаря наукѣ и ея пособіямъ, человѣкъ узнаетъ все и отыщетъ тѣ чисто нравственныя основы, на которыхъ должно утвердится человѣческое *я*, его духъ. И тогда духъ человѣческій станетъ духомъ божескимъ, человѣкъ станетъ богочеловѣкомъ.

X.

Такимъ образомъ оказывается, что въ глубинѣ народной жизни, наряду съ прогрессивнымъ экономическимъ теченіемъ, явственно происходятъ также и процессы умственнаго броженія. Процессамъ этимъ, какъ и экономическому теченію, свойствененъ своего рода реализмъ. Еще недавно самые отдаленные уголки Россіи и глухія деревни жили сказаніями о „слушномъ часѣ“ или о всеобщемъ передѣлѣ земли, объ уравнительномъ, справедливомъ, надѣленіи землею всѣхъ крестьянъ въ размѣрѣ четырехъ десятинъ и т. п., и т. п. И вотъ теперь наученный горькимъ опытомъ пахарь говоритъ: „Баста! Нечего больше ждать. Коли Дума ничего для насъ не надумала, то возьмемся мы сами за умъ“. И начали заводить кооперативы. Еще недавно представленія о кончинѣ міра въ корнѣ подрывали надежду на лучшее будущее для людей. И на-ряду съ этой мрачной легендой, пережившей вѣка, вдругъ появляется и крѣпнетъ ученіе о безконечномъ совершенствованіи всего живущаго.

Я не хочу этимъ сказать, что вся народная жизнь круто измѣнилась. Нѣтъ. И въ этой области, какъ въ сферѣ экономическихъ улучшеній, не слѣдуетъ впадать въ идеализацію и преувеличенія. Я отмѣчаю только признаки, дающіе нѣкоторыя указанія на то, какъ слагались и слагаются новыя силы и теченія въ странѣ, обширной и глубоко, до самыхъ основъ потрясенной послѣдними историческими событіями—войной съ Японіею, сильно приподнятымъ освободительнымъ движеніемъ и системою крутыхъ мѣръ и репрессій по успокоенію населенія. Каждое изъ этихъ событій несомнѣнно оставитъ неизгладимую борозду въ исторіи Россіи. Подобно тому, какъ въ природѣ, и въ жизни народовъ ничто даромъ не пропадаетъ. Пережитыя событія научили многому Россію, а въ какомъ направленіи,—объ этомъ, полагаю, можно судить по сказанному выше.

Ф. Щербина.

Толстой и судъ. [1])

Отрицательное отношеніе Толстого къ суду такъ общеизвѣстно, что особая лекція на эту тему возбуждаетъ недоумѣніе. Не потому, чтобы, говоря о Толстомъ, слѣдовало задаваться самонадѣянной мыслью сказать что-либо новое, а потому, что непонятно, съ какой цѣлью говорить о томъ, что всѣмъ вѣдомо?

Я и хочу сразу объяснить мою цѣль. Въ вечерѣ памяти Толстого, устроенномъ Обществомъ его имени, можно вообще преслѣдовать только одну цѣль—его пониманіе. А съ Толстымъ это самое трудное. Не потому, чтобы Толстой, какъ мыслитель, вѣрнѣе, какъ діалектикъ, не имѣлъ гигантской силы художника, но потому, что все его міровоззрѣніе такъ безконечно далеко отъ ученія міра, какихъ бы то ни было оттѣнковъ и направленій, что и тѣ, которые считаютъ себя его вѣрными поклонниками, и тѣ, которые побѣдоносно его ниспровергаютъ двумятремя аргументами, часто равно далеки отъ полнаго его пониманія.

И съ точки зрѣнія *пониманія* Толстого, его отношеніе къ суду—благодарная тема. Толстой отрицаетъ судъ принципіально, какъ учрежденіе вредное, и это съ его стороны не парадоксъ, а глубокое убѣжденіе. А мы, люди міра, которые многое и отрицаемъ, и порицаемъ, мы не можемъ представить себѣ общежитія безъ суда, не знаемъ болѣе высокой функціи государства.

И въ отношеніи Толстого къ суду есть другая основная черта—оно неизмѣнно; и въ художественныхъ, и въ философскихъ сочиненіяхъ, и до такъ называемаго перелома, и послѣ него (я говорю „такъ называемаго", ибо настоящаго перелома не было вовсе, и онъ только оптическій обманъ, въ созданіи котораго повиненъ самъ Толстой),—словомъ, въ разное время и въ разныхъ сочиненіяхъ, всякій разъ, когда Толстой заговаривалъ о судѣ, онъ неизмѣнно, то страстно и гнѣвно, то

[1]) Публичная лекція, прочитанная 25 января 1914 г. въ Казанниковской биржѣ въ пользу Толстовскаго Общества.

добродушно и шутливо, но одинаково высказывалъ это отрицательное отношеніе къ самому учрежденію и къ людямъ, которые ему служатъ.

Такое отношеніе представляетъ загадку. Мы не можемъ льстить себя надеждою, что понимаемъ Толстого, пока ее не разгадали, пока намъ не станетъ ясно, откуда взялось это непоколебимое отрицаніе Толстымъ того, что дорого міру.

Вѣдь это его отношеніе не случайно и не могло быть случайно. Оно неразрывно связано съ общимъ его міровоззрѣніемъ, съ его религіознымъ—онъ любилъ это понятіе и это слово—ученіемъ. И потому мы не можемъ говорить о судѣ, не затронувъ того ученія Толстого, которое составляло сущность его, какъ мірового явленія. Я не собираюсь его ни проповѣдывать, ни критиковать, я хочу его только напомнить, поскольку это необходимо для поставленной цѣли.

Религіозное ученіе Толстого было имъ формулировано сравнительно поздно; но оно само не было чѣмъ то неожиданнымъ; всѣ элементы его были и раньше. Это ученіе соотвѣтствовало его всегдашнему настроенію. Въ Толстомъ не было перелома, было только развитіе. Оттого то художественныя произведенія раннихъ періодовъ такъ сходятся съ философскими сочиненіями позднѣйшихъ; послѣдними можно объяснять особенности первыхъ, какъ первыя иллюстрируютъ вторыя. И потому то для пониманія Толстого можно исходить изъ его ученія въ томъ его видѣ, какимъ оно было впослѣдствіи подробно развито.

Это ученіе, которое Толстой не любилъ называть своимъ, относя его къ его первоисточнику—Христу, было изложено имъ въ рядѣ сочиненій. Но съ совершенно достаточной полнотой и, пожалуй, наибольшей страстностью, оно было выражено въ одномъ изъ наиболѣе сильныхъ сочиненій—„Въ чемъ моя вѣра", сочиненіи, которое долго было подъ запретомъ духовной цензуры, но давно извѣстно всему міру по рукописямъ. Въ немъ впервые произошелъ коренной разрывъ Толстого и ученія міра, послѣ котораго обѣ стороны просто перестали понимать другъ друга, и болѣе всего потому, что не замѣтили сами всей полноты разрыва.

Въ чемъ же сущность этого ученія, поскольку оно касается суда, т.-е. одной изъ формъ организованнаго общежитія, практическихъ отношеній между людьми?

Въ этомъ сочиненіи Толстой впервые провозгласилъ, какъ основу Христова ученія, догматъ непротивленія злу насиліемъ, отрицаніе всякаго насилія надъ человѣкомъ, всякаго принужденія, во имя чего бы оно ни дѣлалось, и отъ кого бы ни исходило, т.-е. провозгласилъ догматъ, который столько соблазнялъ міръ.

Міръ не могъ не то что *принять*, но просто *понять* это ученіе, ибо весь общественный строй стоитъ на обратномъ принципѣ. Кантъ гово-

рить, что есть формы мышленія, категоріи воспріятія, внѣ которыхъ мы себѣ не представляемъ вещей. Аналогично съ этимъ можно сказать, что есть тоже категоріи мышленія по общественнымъ вопросамъ: мы не можемъ представить себѣ человѣка внѣ общежитія, общежитіе внѣ государства, а государство внѣ принужденія. Если даже допустить, что все это можетъ существовать, мы всетаки не умѣемъ этого мыслить.

Мы, люди міра, всѣхъ направленій, которые иногда борются и уничтожаютъ другъ друга, поклонники и самаго необузданнаго абсолютизма, и соціалистической демократіи, одинаково сходимся въ одномъ: что государственность, какъ принципъ, есть благо, а принужденіе—неотъемлемое право государства. Для міра это аксіома, которая не требуетъ доказательствъ. Правда, все это можетъ стать источникомъ зла. Мы можемъ возмущаться и тѣми цѣлями, которыя иногда ставитъ себѣ государство, если, напримѣръ, станетъ основывать благо меньшинства на угнетеніи большинства, и тѣми пріемами принужденія, къ которымъ оно прибѣгаетъ; все это дѣлитъ насъ на партіи и направленія. Но въ основномъ принципѣ всѣ мы согласны. И даже тѣ, кто называютъ себя анархистами, и тѣ, если вникнуть въ ихъ построеніе, чего за недостаткомъ времени я дѣлать не стану, въ сущности стоятъ на той же позиціи.

Это вѣрованіе міра старше всякихъ религій; оно началось тогда же, когда началось общежитіе, когда зародилась впервые общественная жизнь. И когда появилось ученіе Христа и Его проповѣдь непротивленія злу, т.-е. то ученіе, въ которое увѣровалъ Толстой, оно нисколько не поколебало государства; оно только поставило передъ нимъ новую задачу: міръ сталъ стремиться принудительно, черезъ государство, осуществлять завѣты Христа.

Этимъ открылось благодарное и необъятное поле для практической дѣятельности, а для моралистовъ-историковъ—интересная тема о вліяніи христіанства на человѣческія отношенія.

Условія государственной жизни того времени, какъ и теперь, стояли безконечно ниже завѣтовъ Христа; можно было съ ними бороться во имя Христа; наиболѣе передовая часть людей это и дѣлала. Они не говорили, что государство и христіанство несовмѣстимы; они христіанствомъ стали исправлять государство. То они клеймили пріемы, которыми пользовалось государство, жестокость, пытки, казни и т. п.; то иначе, шире и глубже, ставили цѣли для государства; когда Бисмаркъ проводилъ свои страховые законы для рабочихъ, то на возраженіе, что въ его законахъ сказывается соціализмъ, отрицаніе собственности, у него былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ: „соціальное законодательство есть практическое христіанство sans phrases“.

Я ни словомъ не касаюсь вопроса о томъ, можно ли христіанскому ученію приписать какое-либо вліяніе на развитіе общественной жизни,

можно ли вообще объяснять историческій процессъ вліяніемъ идей, а не желѣзными законами общественной природы. Это — вопросъ другой категоріи. Въ сферѣ практической жизни, при столкновеніи людскихъ взглядовъ, все сводится всетаки къ идеямъ, если ихъ и трактовать какъ производныя; и эти идеи нашли свой авторитетъ въ христіанствѣ.

Конечно, для всѣхъ было ясно, что завѣты Христа безконечно далеки отъ возможности ихъ осуществленія въ практической жизни. Но это не смутило міра. Христіанство было понято,какъ идеалъ, къ которому идетъ человѣчество длиннымъ процессомъ. Воплощеніе христіанства было представлено дѣломъ не одного человѣка, а всего человѣчества, задачей не одного дня, а всемірной исторіи. Христіанство стало подлежать закону постепенности. Многое можно было осуществить и сейчасъ: можно было изгнать пытки изъ судовъ, отказаться отъ поголовнаго истребленія на войнѣ мирнаго населенія, какъ это было въ Ветхомъ Завѣтѣ; многое будетъ сдѣлано завтра: такъ, на очереди стоитъ безусловная отмѣна смертной казни; а многое останется навсегда, какъ идеалъ человѣческой высоты, а не дѣло принудительнаго осуществленія. Можно ли, напримѣръ, принуждать подставлять щеку обидчику или раздавать имѣніе нищимъ? Такъ завѣты Христа были воспринятыя, но и переработаны привычками міра.

Государство, конечно, выиграло отъ соприкосновенія съ христіанствомъ; но христіанство было принижено до немощей человѣческой природы. Какъ бы то ни было, христіанство не разрушило государства, не разрушило ученія міра, а поставило передъ нимъ новыя задачи, ихъ возвысило и облагородило, и этимъ какъ будто еще больше доказало возвышенное назначеніе государства.

И вотъ противъ этого ученія міра, противъ такого пониманія христіанства и вышелъ Толстой во имя Христа.

„Я не толковать хочу ученіе Христа“,—заявилъ онъ въ своемъ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“; „я хотѣлъ бы запретить, чтобы его толковали“, т.-е. запретить, чтобы его истолковали такъ, какъ его истолковало по своему ученіе міра.

Христосъ училъ — не противиться злу. Это не аллегорія, не метафора, это истина простая и элементарная. Ни частныя лица, ни тѣмъ паче общество и государство, ни во имя какой цѣли, ни при какихъ условіяхъ—не должны прибѣгать къ насилію для отвращенія зла.

Это было такъ странно и противоестественно, что эту часть ученія Толстого даже его поклонники склонны были считать преувеличеніемъ или увлеченіемъ. Во имя практичности его ученія они хотѣли заставить его отъ этого отказаться.

Но Толстой не сдавался.

„Ученымъ людямъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ кажется преувеличеніемъ и даже неразуміемъ.

Они не замѣчаютъ того, что сказать, что въ ученіи Христа заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ есть преувеличеніе,—все равно, что сказать, что въ ученіи о кругѣ положеніе о равенствѣ радіусовъ круга есть преувеличеніе. Совѣтовать откинуть или умѣрить положеніе о равенствѣ радіусовъ въ кругѣ—значитъ не понимать того, что есть кругъ. Совѣтовать откинуть или умѣрить въ жизненномъ ученіи Христа заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ—значитъ не понимать ученія". („Царство Божіе внутри васъ", стр. 387.)

Толстой предвидѣлъ всѣ возможныя возраженія. Но они не смущали его и онъ отстаивалъ свою мысль, что таково ученіе Христа.

„Христосъ говоритъ то, что говоритъ. Можно утверждать, что всегдашнее исполненіе этого правила очень трудно; можно не соглашаться съ тѣмъ, что каждый человѣкъ будетъ блаженъ, исполняя это правило; можно сказать, что это глупо, какъ говоритъ невѣрующій; что Христосъ былъ мечтатель, идеалистъ, который высказывалъ неисполнимыя правила, которымъ и слѣдовали по глупости Его ученики, но никакъ нельзя не признавать, что Христосъ сказалъ очень ясно и опредѣленно то самое, что хотѣлъ сказать: именно, что человѣкъ, по Его ученію, долженъ не противиться злу и что потому тотъ, кто принялъ Его ученіе, не можетъ противиться злу. („Въ чемъ моя вѣра", стр. 529.)

Что было дѣлать міру съ этимъ упрямствомъ, съ этимъ желаніемъ понимать ученіе Христа буквально, не какъ метафору, не какъ аллегорію, а какъ практическое и необходимое требованіе? Міръ не могъ счесть его за серьезное, оно противорѣчило всему складу его жизни, всѣмъ его понятіямъ. И онъ опрокинулъ это ученіе простымъ, элементарнымъ возраженіемъ.

Это мѣтко подмѣтилъ человѣкъ, который сочеталъ теплую вѣру въ Христа, какъ въ Бога, съ умомъ государственника—Владиміръ Соловьевъ. Въ его знаменитыхъ „Трехъ разговорахъ", въ спорѣ толстовца-князя съ единомышленникомъ Соловьева г. З. приводится этотъ аргументъ:

Князь. А! впрочемъ, догадываюсь: вы разумѣете тотъ знаменитый случай, когда въ пустынномъ мѣстѣ какой-нибудь отецъ видитъ разъяреннаго мерзавца, который бросается на его невинную (для большаго эфекта прибавляютъ еще малолѣтнюю) дочь, чтобы совершить надъ нею гнусное злодѣяніе, и вотъ несчастный отецъ, не имѣя возможности иначе защитить ее, убиваетъ обидчика. Тысячу разъ слыхалъ этотъ аргументъ!

Г. З. Замѣчательно, однако, не то, что вы тысячу разъ его слыхали, а то, что никто ни одного раза не слыхалъ отъ вашихъ единомышленниковъ дѣльнаго или хоть сколько-нибудь благовиднаго возраженія на этотъ простой аргументъ.

Это справедливо и мѣтко; и любопытно, что оба правы, и князь, и г. З. На этотъ аргументъ г. З., неотразимый, мы, люди міра, дѣйствительно, не слыхали и не могли услышать ни одного серьезнаго возраженія. Самый примѣръ, несмотря на всю свою фантастичность, все-таки взятъ изъ жизни. Когда тѣ, которые считали себя послѣдователями Толстого, пытались по его ученію устраивать земледѣльческія колоніи, и въ этихъ колоніяхъ организовывать правильныя соціальныя отношенія, обходясь въ то же самое время безъ принужденія, жестокая дѣй-

ствительность поставила ихъ лицомъ къ лицу съ этимъ главнымъ мірскимъ возраженіемъ. Сосѣдніе крестьяне, наслышавшись, что новые хозяева злу не противятся, приходили къ нимъ во дворъ, уводили ихъ скотъ, лошадей, брали повозки и упряжь; другіе рубили лѣса, снимали ихъ хлѣбъ и т. д., и когда противъ этихъ актовъ насилія несчастные толстовцы отвѣчали увѣщаніями и убѣжденіями, это было смѣшно; міръ справедливо смѣялся и зубоскалилъ. Владиміръ Соловьевъ былъ правъ.

Но, съ другой стороны, это возраженіе г. З. обнаруживаетъ такое полное непониманіе Толстого, такую пропасть въ исходной точкѣ ученія его и міра, свидѣтельствуетъ о такомъ безнадежномъ и неустранимомъ разномысліи, что на этомъ споры кончались, и Соловьевъ мѣтко подмѣтилъ, что князю только и осталось, что отвѣтить своему собесѣднику: „тысячу разъ я слыхалъ такой аргументъ“.

Откуда же взялось это коренное разномысліе?

Оно явилось потому, что міровоззрѣніе Толстого нельзя брать по частямъ, въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, его можно только цѣликомъ принять или отвергнуть; нельзя представлять себѣ жизнь въ условіяхъ міра, по взглядамъ міра и его оцѣнкой вещей, и эту жизнь по ученію міра устраивать и защищать толстовскими принципами непротивленія.

Тѣ, кто такъ опровергаютъ Толстого, не хотятъ или не могутъ замѣтить, что съ точки зрѣнія Толстого то зло, которое они приводятъ въ примѣръ и которому рекомендуютъ противиться, вовсе не зло.

Кто этого не понимаетъ, или не признаетъ, кто способенъ страдать отъ этого зла, кто не хочетъ или не можетъ подняться до сознанія, что это не зло, тотъ не можетъ понять ученія непротивленія.

И такъ какъ ученіе міра считаетъ благомъ именно то, на что покушаются, и хочетъ устроить свою жизнь съ непремѣннымъ сохраненіемъ этого блага, то теорія непротивленія при этихъ условіяхъ есть простая безсмыслица.

Если я собственность считаю благомъ, необходимымъ для устройства моей жизни, необходимымъ для устройства общественнаго порядка (а мы всѣ такъ думаемъ и разнимся между собою только въ деталяхъ), то я не могу принять теорію непротивленія тому, кто эту собственность у меня отнимаетъ. Но тогда я не могу принять не только теоріи непротивленія, но и заповѣди Христа—отдай кафтанъ, когда у тебя просятъ рубашку, не могу принять его грозныхъ словъ о томъ, что богатому не войти въ царство небесное.

Если я страдаю отъ нанесенной мнѣ обиды, я не могу послушаться заповѣди—подставь лѣвую щеку, когда тебя ударятъ въ правую; но если я, какъ Христосъ, буду жалѣть обидчика, буду просить у Бога прощенія для него, если въ моихъ глазахъ достоинъ жалости и состраданія не жертва обиды, а тотъ несчастный, который нашелъ въ нане-

сеніи ея удовольствіе, то будетъ ли страшна и ужасна для меня заповѣдь непротивленія обидѣ насиліемъ?

А самая жизнь? Конечно, жизнь всѣ оберегаютъ. Но если понять и принять слова Христа: „не бойтесь убивающихъ тѣло, а душу не могущихъ убить", если смотрѣть на смерть, какъ на радостную минуту соединенія съ Богомъ, а на земную жизнь, какъ на юдоль печали и скорби, удивимся ли мы требованію, чтобы для защиты своей жизни не чинили насилія надъ другими?

Мы, люди міра, не мыслимъ общежитія при такихъ правилахъ, не мыслимъ общества по завѣтамъ Христа. И такъ какъ потребность общежитія для насъ болѣе несомнѣнна, чѣмъ буквальное исполненіе завѣтовъ Христа, то мы и пожертвовали ими для нашего общежитія.

Но если вѣрить, что блаженны и счастливы тѣ, надъ кѣмъ смѣются, кого заушаютъ и обижаютъ, кого гонятъ и преслѣдуютъ, кого убиваютъ во имя Христа; если дойти до той высоты, чтобы славить Бога за то, что онъ сподобилъ счастья страданія, и искренно молиться за обидчика, если стать на эту высоту, то нѣтъ ничего смѣшного въ заповѣди непротивленія злу.

Міръ, поклоняясь Толстому, смѣется надъ ученіемъ Толстого—и онъ послѣдователенъ. Тотъ міръ, который создалъ культуру и дорожитъ ею превыше всего, который не понимаетъ ея безъ общежитія, и борется съ тѣми, кто на нее покушается, тотъ міръ не можетъ принять заповѣди непротивленія. Но тотъ, кто ясно понялъ, что эта культура—тлѣнь и суета, что счастье не въ этомъ, тому смѣшны разсужденія міра.

Историки разсказываютъ, что въ древнемъ Римѣ, въ эпоху гоненій, христіанамъ давали въ руки оружіе, чтобы они боролись другъ съ другомъ, защищали свою жизнь противъ гладіаторовъ; они кидали оружіе и защищаться не хотѣли. Древній міръ смѣялся надъ ихъ глупостью. Но развѣ теперь, когда мы видимъ и знаемъ ихъ пробужденія, когда мысленно становимся на высоту ихъ міровоззрѣнія, развѣ мы не понимаемъ, что смѣшны были не они, а тотъ міръ, который надъ ними смѣялся?

Вотъ та точка зрѣнія на жизнь, изъ которой исходитъ Толстой. Только усвоивъ ее, можно понять ученіе о непротивленіи, и про нее нужно сказать то, что Толстой говорилъ про Христа, что ее можно порицать, ее можно отрицать, но Толстой говорилъ именно это, и мы не поймемъ Толстого внѣ этого.

Міръ не принялъ ученія Толстого, у него были другіе идеалы. Но міровое значеніе Толстого именно въ этомъ; его историческая позиція, которая взволновала весь міръ, обратила на него общее вниманіе, заключалась именно въ этой борьбѣ съ ученіемъ міра, въ борьбѣ, въ которой онъ стоялъ совершенно одинокимъ, равно далекимъ отъ всѣхъ

политическихъ направленій, въ этой борьбѣ съ христіанствомъ во имя Христа.

Въ этомъ—сущность Толстого, какъ мірового явленія, и глубоко знаменательно, что съ этимъ ученіемъ выступилъ именно Толстой, и что это слово было сказано именно въ Россіи.

Это сдѣлалъ Толстой... Это и могъ сдѣлать только тотъ человѣкъ, которому было дано понять ошибочность ученія міра, кто имѣлъ возможность и право его осудить. Исходный пунктъ всего міровоззрѣнія Толстого—это призрачность мірскихъ благъ, безсмыслица мірского счастья. Безъ этой основной предпосылки, все ученіе будетъ неясно. Это сказалъ и самъ Толстой въ своемъ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра".

„Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученія Христа, — говорятъ обыкновенно,—стану исполнять его, буду отдавать то, что имѣю, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы итти присягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь". („Въ чемъ моя вѣра".)

Такъ возражаютъ Толстому, и Толстой говоритъ:

„Христосъ предлагаетъ Свое ученіе о жизни, какъ спасеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя Его ученію, и вдругъ я говорю, что я бы и радъ послѣдовать Его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь; Христосъ учитъ спасенію отъ погибельной жизни, а я жалѣю эту погибельную жизнь. Стало быть я считаю эту свою жизнь вовсе не погибельной, считаю эту жизнь чѣмъ то дѣйствительнымъ, мнѣ принадлежащимъ и хорошимъ". („Въ чемъ моя вѣра".)

Это правда. Для того, чтобы принять то ученіе, которое Толстой проповѣдуетъ, надо знать, ясно чувствовать, что то ученіе міра, которымъ мы живемъ, ученіе погибельное, что оно не дастъ блага и счастья. И это Толстой испыталъ. Только поэтому онъ и могъ говорить объ этомъ. Его первое сочиненіе „Исповѣдь", появившееся двумя годами раньше „Вѣры", открываетъ ключъ ко всему его ученію. Въ этомъ сочиненіи впервые Толстой выступилъ съ ученіемъ о ничтожности того мірского счастья, которое считалъ таковымъ міръ.

И кто же, какъ не онъ, могъ объ этомъ судить? Кто изъ насъ, людей міра, съ нашими понятіями о счастьѣ, не желалъ бы быть на мѣстѣ Толстого?

Вѣдь онъ въ изобиліи обладалъ всѣмъ, что принято считать человѣческимъ счастьемъ. Онъ былъ богатъ, съ громадными связями, съ несокрушимымъ здоровьемъ, счастливый въ семейной жизни, надѣленный великимъ талантомъ и чуткою совѣстью, истый олимпіецъ. Кто изъ насъ не завидовалъ бы Толстому, его дивной судьбѣ, его дивной организаціи? И что же? Всѣ эти блага міра сосредоточенныя на немъ, ба-

ловнѣ судьбы, не спасли его отъ отчаянія. И отчаялся онъ не отъ какого-нибудь внезапнаго, преходящаго несчастья, даже не отъ горя другихъ, съ которымъ онъ бы столкнулся, онъ страдалъ и погибалъ отъ *безсмыслицы собственнаго счастья*. Въ моментъ наибольшей высоты своего счастья онъ думалъ о самоубійствѣ. Всѣ блага міра, о которыхъ онъ имѣлъ право судить, ибо ими обладалъ въ изобиліи, показались ему суетой, жизнь, ими наполненная, стала не радостью, а тяжелымъ бременемъ; и все это совершилось оттого, что Толстой понялъ, что нѣтъ ни одного людского счастья, *которое не уничтожилось бы смертью*. Своей чуткой душой онъ понялъ основное противорѣчіе человѣческой жизни: человѣкъ живетъ для себя, только для себя, весь міръ ему важенъ постольку, поскольку онъ служитъ ему; а наступаетъ смерть, и этотъ міръ продолжаетъ жить, а та ничтожная человѣческая личность, которая казалась важнѣе всего, вдругъ исчезаетъ. И эта безсмыслица счастья, которая кончается смертью, эта безсмыслица жизни, если она не безконечная, привела Толстого въ такое отчаяніе, что онъ думалъ о смерти. Вы помните эту художественную картину, которую онъ нарисовалъ въ „Исповѣди".

„Давно уже разсказана восточная басня про путника, застигнутаго въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодецъ, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяреннаго звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожраннымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться погибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится, и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномѣрно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подтачиваютъ ее. Вотъ-вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ".

Да, тѣ люди, которые могли въ ожиданіи смерти услаждаться лизаніемъ меда, эти люди и были счастливцами; если имъ и суждено было прозрѣть, то только тогда, когда уже поздно одуматься. Но такіе люди, какъ Толстой, увидали эту безсмыслицу гораздо раньше, и она для нихъ убила радости жизни. Но для того, чтобы это было возможно и убѣдительно, нужно было, чтобы это случилось именно съ Толстымъ, которому всѣ блага жизни были открыты, которому никому завидовать не приходилось. И потому глубоко знаменательно и необходимо было, чтобы съ этой проповѣдью отреченія отъ міра, презрѣнія къ міру вышелъ баловень міра—Толстой.

И не только знаменательно, но необходимо было, чтобы ученіе это родилось у насъ въ Россіи. Толстой—русскій человѣкъ; это не только

фактъ, которому мы можемъ радоваться, это необходимость, которой мы можемъ гордиться и утѣшаться.

Вѣдь ученіе Толстого, или, лучше, его вѣра, не простой капризъ оригинальнаго ума, своеобразнаго генія. Своей „Исповѣдью“ Толстой повѣдалъ, кто спасъ его отъ отчаянія, кто внушилъ ему его вѣру.

Онъ обращался къ умнымъ и разумнымъ, къ людямъ науки и богословія, и они не успокоили его. Тамъ даже не ставили того вопроса, на который онъ тщетно искалъ отвѣта. Успокоило Толстого его сближеніе съ простымъ, темнымъ, неразвитымъ рабочимъ людомъ.

И я сталъ сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ, неученыхъ людей, странниками, монахами, раскольниками, мужиками. Вѣроученіе этихъ людей изъ народа было тоже христіанское, какъ вѣроученіе мнимо-вѣрующихъ изъ нашего круга.

И я сталъ вглядываться въ жизнь и вѣрованія этихъ людей, и чѣмъ больше я вглядывался, тѣмъ больше убѣждался, что у нихъ есть настоящая вѣра, что вѣра ихъ необходима для нихъ и одна даетъ имъ смыслъ и возможность жизни.

Въ противоположность тому, что чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ менѣе понимаемъ смыслъ жизни и видимъ какую-то злую насмѣшку въ томъ, что мы страдаемъ и умираемъ, эти люди живутъ, страдаютъ и приближаются къ смерти, и страдаютъ съ спокойствіемъ, чаще же всего съ радостью. Въ противоположность тому, что спокойная смерть, смерть безъ ужаса и отчаянія, есть самое рѣдкое исключеніе въ нашемъ кругѣ,—смерть неспокойная, непокорная и нерадостная есть самое рѣдкое исключеніе среди народа. („Исповѣдь“.)

Эти люди и дали ему элементы его будущей вѣры. Это и могъ сдѣлать только этотъ, еще непонятый, еще неразгаданный до конца русскій народъ, который то огорчаетъ, то восхищаетъ, то возбуждаетъ надежды, то разочаровываетъ, идетъ какой то особенной дорогой, въ которомъ сами недостатки составляютъ его обаяніе.

Только этотъ народъ могъ дать ему это презрѣніе къ мірскому счастью, ибо этотъ народъ не создалъ большой матеріальной культуры, мало ею пользуется, но потому и не сталъ ея рабомъ. Заботы объ этой культурѣ не сдѣлались для него превыше всего, не наложили на него своей печати, не превратили его въ того евангельскаго юношу, которому нѣтъ входа въ царство небесное.

Нельзя служить Богу и Мамонѣ, и русскій народъ, который мало служитъ Мамонѣ, тѣмъ самымъ могъ думать о Богѣ. Отсюда въ немъ, въ этомъ народѣ-богоносцѣ, создалась эта чуткая совѣсть, трепетное исканіе Бога, желаніе чего-то безусловнаго, пренебреженіе къ личному благу, собственному счастью во имя чего-то другого и высшаго.

Это свойство проявляется на различныхъ ступеняхъ и на различныхъ полюсахъ; оно было и въ томъ мірѣ простыхъ вѣрующихъ людей, о которыхъ говорилъ Толстой, въ мірѣ людей, вѣрующихъ въ Бога, живущихъ мыслью о Немъ, исканіемъ Его. Но тѣ же свойства можно бы было найти и на противоположномъ полюсѣ, среди людей, отвернув-

шихся отъ Бога, отъ мысли о загробной жизни, среди людей, воспламененныхъ фанатизмомъ общаго блага, которые ради этого общаго блага жертвовали своей личной жизнью, шли на преступленія, на гибель, на потерю добраго имени; тѣхъ людей, нравственный обликъ которыхъ такъ чудно выраженъ въ стихотвореніи въ прозѣ Тургенева: „Дура,— сказалъ про нее міръ; святая,"—прибавилъ художникъ.

Но полюсы сходятся. И между этими людьми, у которыхъ, казалось бы, нѣтъ ничего общаго, вдругъ оказалось одинаковое пониманіе цѣли собственной жизни. Вы помните одинъ изъ посмертныхъ разсказовъ Толстого „Божеское и человѣческое"; тамъ нарисована картина встрѣчи старика-раскольника и революціонера.

Раскольникъ видѣлъ, какъ революціонера везутъ на казнь. И спокойствіе обреченнаго убѣдило его, что онъ знаетъ Бога.

„Лошади тронулись, и колесница съ сидѣвшимъ въ ней свѣтлымъ, какъ ангелъ, юношей, окруженная стражниками, громыхая по камнямъ, выѣхала за ворота.

Раскольникъ слѣзъ съ окна, сѣлъ на свою койку и задумался. „Этотъ познялъ истину,—думалъ онъ.—Антихристовы слуги затѣмъ и задавятъ его веревкой, чтобы не открылъ никому".

И онъ встрѣчается потомъ съ единомышленникомъ казненнаго, и идетъ научиться у него, разспросить объ ихъ вѣрѣ.

Такіе русскіе люди часто не умѣютъ создать личнаго благополучія, не умѣютъ использовать своихъ привилегій и даже организовать прочный общественный порядокъ, они вызываютъ высокомѣрное сожалѣніе со стороны практическихъ культурныхъ людей, которые скорбятъ объ ихъ неприспособленности къ жизни личной и общественной; но они же поражаютъ тѣхъ, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, высотой моральнаго экстаза; все это—проявленіе нашей русской жизни, національная черта, а пессимисты скажутъ—ступень нашей культурной неразвитости. Но только этотъ народъ, съ этими свойствами, могъ внушить его вѣру Толстому.

Міръ не принялъ его ученія, и онъ былъ правъ; но почему же это ученіе, которое явилось такимъ вызовомъ культурному міру, имѣло всетаки такой колоссальный успѣхъ, произвело такое громадное впечатлѣніе? Почему? Потому что міръ бралъ изъ него то, чего хотѣлось.

Одни брали рѣзкое осужденіе существующаго порядка вещей, обличеніе богатыхъ и сильныхъ, и зачисляли и Толстого въ разрядъ соціальныхъ борцовъ. Другіе брали не менѣе рѣзкое обличеніе революціонныхъ мечтаній, и боролись съ революціонерами во имя Толстого. Третьи заимствовали изъ него политическій индифферентизмъ, равнодушіе къ политическимъ формамъ, къ политической дѣятельности. Для Толстого нѣтъ преимущества у демократической республики передъ самымъ неограниченнымъ самодержавіемъ, ибо то и другое одинаково далеки отъ завѣтовъ Христа.

Но ученіе Толстого о ничтожествѣ мірскихъ благъ было особенно на руку тѣмъ, кто дорожилъ этими благами. Въ XIX вѣкѣ, въ моментъ наибольшей высоты матеріальной культуры, невиданнаго расцвѣта, когда за этой культурой пошли тѣ, кто были ею обдѣлены, когда завязывалась соціальная борьба, грозившая катастрофой, между имущими и неимущими, между тѣми, кто защищалъ прежній порядокъ, и тѣмъ, которые шли на него во имя тѣхъ благъ, отъ которыхъ были отрѣзаны, въ это время для обладателей этихъ благъ было полезно и цѣнно ученіе Толстого, которое говорило, что они, обладатели, достойны сожалѣнія, что они несчастны, что въ обладаніи этими благами нѣтъ радости, что счастливы тѣ, кто ихъ не имѣетъ. О, ученіе Толстого не было страшно для нихъ; не была опасна проповѣдь о ничтожествѣ земного счастья, которымъ они дорожили; не было риска, что онъ соблазнитъ ихъ своимъ презрѣніемъ къ жизни, своимъ исканіемъ смерти; все это было неопасно; важно было, что они, счастливцы этого міра, становились какъ будто жертвами, и что, вмѣсто борьбы насиліемъ за сохраненіе своихъ привилегій, они могли доказывать неимущимъ и добивающимся, что они, неимущіе, счастливѣе ихъ.

И міръ не могъ не быть потрясенъ тѣмъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, которое имъ далъ Толстой; что въ XIX вѣкѣ, въ моментъ наибольшаго подъема культуры, явился человѣкъ высшей культуры, который ее отрицалъ, что въ эпоху наисильнѣйшаго обостренія соціальной борьбы какимъ то анахронизмомъ вышелъ Толстой, не какъ соціальный борецъ, а какъ религіозный учитель, проповѣдникъ нищеты и обличитель богатства. И въ этомъ—историческое мѣсто Толстого.

Съ высоты такого воззрѣнія, какъ иначе, какъ отрицательно, могъ смотрѣть Толстой на судъ, одно изъ основныхъ проявленій государственнаго принужденія, одну изъ попытокъ насильственной охраны благъ этого міра? И, конечно, въ этомъ отрицательномъ отношеніи онъ осуждалъ не форму, не несовершенство судовъ, не недостатки процесса, не жестокости наказаній, не судебныя ошибки, — онъ осуждалъ самый принципъ суда.

И это неудивительно, и для всякаго, кто понимаетъ Толстого, иначе быть не могло; удивительнѣе скорѣе эта особливая враждебность Толстого къ суду; ни на какую другую дѣятельность, кромѣ развѣ военной, Толстой не нападалъ такъ настойчиво и постоянно, какъ именно на судебную.

Вѣдь это видно даже въ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра". Тамъ провозглашенъ общій принципъ, отрицающій государство: Не противься злу... Несмотря на это, Толстой неоднократно вновь возвращается къ суду, беретъ спеціальный текстъ Христа „не судите" и много разъ подробно доказываетъ, что этими словами Христосъ запрещалъ не прав-

ственное осужденіе, а самое учрежденіе человѣческаго суда, опредѣленной государственной функціи.

И интересно спросить себя: почему же Толстой оказываетъ такое особенное вниманіе судамъ? Отрицаетъ именно ихъ такъ настойчиво?

Да потому именно, что для насъ, для людей міра, судъ не только самое необходимое, но и самое почетное проявленіе государственности.

Ни для кого не тайна то особенное чувство уваженія, которымъ окружены суды, если не въ практическомъ ихъ проявленіи, то въ принципѣ. Отрицать судъ для насъ — значитъ отрицать государство. Государство мыслимо безъ парламента, даже безъ войска,—объ этомъ мечтаютъ пацифисты; но оно немыслимо безъ суда. Сами пацифисты потому и мечтаютъ объ уничтоженіи войнъ, что думаютъ замѣнить его международнымъ судомъ.

Съ нашей точки зрѣнія, что можетъ быть выше дѣятельности суда? Защищать законъ, устанавливать истину въ спорѣ — что можетъ быть почтеннѣе этого? Законодательная дѣятельность почетна, конечно; но вѣдь въ ней непремѣнно проявляется произволъ, котораго люди боятся, и за это ее осуждаютъ. Дѣятельность исполнительной власти? Она необходима въ государственномъ строѣ, но въ ней есть элементъ непосредственнаго насилія, и потому она особеннымъ сочувствіемъ общества не пользуется.

Совсѣмъ иное судебная дѣятельность. Въ ней нѣтъ ни произвола, ни насилія; это не работа ни воли, ни рукъ, это работа исключительно ума и совѣсти; разрѣшеніе спора, отысканіе и объявленіе правды. Судья не говоритъ и не можетъ говорить: „я такъ хочу", судья можетъ сказать только: „такъ было".

Чѣмъ вамъ, людямъ міра, рисуется судья? Независимымъ человѣкомъ, абсолютно безпристрастнымъ и справедливымъ, который напряженіемъ мысли и совѣсти, среди спора различныхъ теченій, отыскиваетъ правду и ее объявляетъ. И передъ его рѣшеніемъ, какъ передъ приговоромъ врача, почтительно склоняются и спорщики, и самая власть.

Таковъ идеалъ; пусть жизнь далека отъ него. Пусть судьи бываютъ зависимы, запуганы, пусть они мечтаютъ о карьерѣ и о служебныхъ успѣхахъ. Но это преходящія условія, болѣзнь времени. Настоящій же судья долженъ быть именно таковъ.

И Толстой относился отрицательно именно къ такому идеальному судьѣ; отрицая судъ, онъ не указывалъ на его несоотвѣтствіе съ идеаломъ; онъ просто отрицалъ самый идеалъ, какъ учрежденіе вредное. И, конечно, для такого отрицанія у него было достаточно основаній, они приведены въ сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра".

„Христосъ говоритъ: не противься злому. Цѣль судовъ — противиться злому. Христосъ предписываетъ: дѣлать добро за зло. Суды воздаютъ зломъ за зло.

Христосъ говоритъ: не разбирать добрыхъ и злыхъ. Суды только то и дѣлаютъ, что этотъ разборъ. Христосъ говоритъ: прощать всѣмъ. Прощать не разъ, не семь разъ, а безъ конца. Любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ. Суды не прощаютъ, а наказываютъ, дѣлаютъ не добро, а зло тѣмъ, которыхъ они называютъ врагами общества". („Въ чемъ моя вѣра".)

Этихъ соображеній достаточно для того, чтобы понять, почему Толстой отрицаетъ судъ. Но почему это особенно непріязненное къ нему чувство, это особенно настойчивое его порицаніе?

Это станетъ ясно изъ другихъ его сочиненій. Толстой не разъ, въ разныхъ произведеніяхъ задавался вопросомъ: почему люди, которымъ Христосъ открылъ истину, указалъ путь къ спасенью и счастью, не идутъ этой дорогой, а держатся за свою прежнюю, погибельную жизнь? Толстой не могъ понять, что это происходитъ отъ того, что исходная точка людей совершенно иная, чѣмъ его, Толстого; что люди вовсе не считаютъ настоящую жизнь погибельной, вовсе въ ней не разочаровались; что то мірское счастье, отъ котораго Толстой хотѣлъ искать спасенія въ смерти, для людей составляетъ предметъ и зависти, и всяческихъ усилій. Для нихъ эта жизнь сладка, не погибельна, и потому-то они и не идутъ за Толстымъ. Этого Толстой понять не сумѣлъ, и объясненія онъ искалъ въ другой сферѣ. И такое объясненіе онъ нашелъ въ своемъ ученіи о „соблазнахъ".

142. „Соблазнъ—Skandalon—означаетъ западню, ловушку. И дѣйствительно, соблазнъ есть ловушка, въ которую заманивается человѣкъ подобіемъ добра и, попавъ въ нее, погибаетъ въ ней. Поэтому-то и сказано въ Евангеліи, что соблазны должны войти въ міръ, но горе міру отъ соблазновъ, и горе тому, черезъ кого они входятъ". („Христіанское ученіе".)

Есть пять соблазновъ,—говоритъ далѣе Толстой,—погубляющихъ людей, и на пятомъ мѣстѣ поставленъ соблазнъ *государственный* или соблазнъ *общаго* блага.

154. „Соблазнъ государственный или общаго блага состоитъ въ томъ, что люди оправдываютъ совершаемые ими грѣхи благомъ многихъ людей, народа, человѣчества. Это тотъ соблазнъ, который выраженъ Каіафой, требовавшимъ убійства Христа во имя блага многихъ". („Христіанское ученіе".)

Итакъ, этотъ соблазнъ состоитъ въ томъ, что люди поступаютъ противъ велѣнія совѣсти, противъ Христа, оправдывая себя въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что служатъ общему благу, благу людей. И чѣмъ правдоподобнѣе такое объясненіе, чѣмъ дѣятельность государственнаго или общественнаго дѣятеля на первый взглядъ полезнѣе и для людей, тѣмъ, конечно, опаснѣй соблазнъ.

И съ этой точки зрѣнія можетъ ли быть соблазнъ большій, чѣмъ соблазнъ судебный? Не всякая государственная дѣятельность,—думаетъ Толстой,—даетъ одинаковую съ нимъ иллюзію, способна равнымъ образомъ заглушить правильное пониманіе вещей.

Возьмемъ для примѣра функцію палача. Палачъ всюдѣ покрытъ презрѣніемъ... Почему? Государство, которое допускаетъ смертную казнь, не имѣетъ моральнаго права презирать палача. Сторонники смертной казни или хотя бы ея попустители смѣютъ ли не подать руки палачу? Но, хотя, казалось бы, это такъ, на дѣлѣ мы видимъ другое: къ палачу всѣ, не исключая и судей, приговаривающихъ къ смерти, считаютъ себя въ правѣ относиться съ презрѣніемъ, а къ его дѣятельности, какъ если не прямо преступной, то позорной.

Во время французской революціи, когда гильотина работала непрерывно, палачъ Самсонъ безуспѣшно настаивалъ на реабилитаціи своей профессіи. Много разъ подавалъ онъ въ Конвентъ заявленія съ протестомъ противъ того презрѣнія, которымъ она была окружена. Логика была на его сторонѣ. Но онъ всетаки никого не убѣдилъ, и къ палачамъ попрежнему относились съ презрѣніемъ. Зло этой государственной функціи было такъ очевидно, такъ само себя обличало, что никакія разсужденія никого не могли обмануть.

Совсѣмъ другое—дѣятельность судьи. Здѣсь все соединилось, чтобы замаскировать это зло. Судья, даже тотъ, кто приговариваетъ къ смертной казни, самъ ея не исполняетъ. Судья, который приказываетъ отнять имущество, самъ руки къ этому не прикладываетъ. Болѣе того, онъ можетъ сказать даже, что не онъ отнимаетъ имущество, не онъ лишаетъ жизни, что это дѣлаетъ законъ, обязанность судьи только его примѣнять, за содержаніе закона онъ не отвѣтственъ. Если законъ плохъ и несправедливъ — это не его забота; скорѣе наоборотъ: только примѣненіемъ дурного, жестокаго, несправедливаго закона можно обнаружить эту жестокость, привести къ его измѣненію. Поэтому на судьѣ не лежитъ отвѣтственности за то, что законы плохи,—это дѣло другой государственной власти, законодательной; на судьѣ не лежитъ отвѣтственности и за то, какъ жестоко и нелѣпо исполняются его рѣшенія и приговоры; это опять-таки дѣло другихъ. Судья только объявляетъ тѣмъ, кто его спрашиваетъ, чего хочетъ законъ, чего онъ требуетъ въ данномъ случаѣ; судья объявляетъ, виноватъ ли человѣкъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ другіе, дальше этого не идетъ его дѣятельность, не идетъ и отвѣтственность.

Толстой со всей страстностью набрасывается на это раздѣленіе отвѣтственности, на эту попытку судей отмежеваться отъ другихъ государственныхъ функцій.

„Если бы была задана психологическая задача: какъ сдѣлать такъ, чтобы люди нашего времени, христіане, гуманные, просто добрые люди, совершили самыя ужасныя злодѣйства, не чувствуя себя виноватыми,—то возможно только одно рѣшеніе: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы эти люди были губерваторами, секундантами офицерами, т.-е. чтобы, во-первыхъ, были у[illegible],

что есть такое дѣло, называемое государственной службой, при которомъ можно обращаться съ людьми, какъ съ вещами, безъ человѣческаго, братскаго отношенія къ нимъ, а во-вторыхъ, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны такъ, чтобы отвѣтственность за послѣдствія ихъ поступковъ съ людьми не падала ни на кого отдѣльно". („Воскресеніе".)

Въ этомъ и кроется причина того сугубо-отрицательнаго отношенія Толстого къ суду, которое мы у него наблюдали. Судебная дѣятельность, больше чѣмъ какая бы то ни было, отвлекаетъ отъ Христа, удерживаетъ на ложной дорогѣ.

Соблазнъ ея наиболѣе великъ и наиболѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ. Она не только миритъ съ голосомъ совѣсти, не только позволяетъ хорошимъ и чуткимъ людямъ не сознавать того зла, которое они дѣлаютъ. Она миритъ съ устройствомъ міра, построеннымъ на силѣ и принужденіи. Самое государство теряетъ свой отталкивающій обликъ, поскольку оно имѣетъ въ своей средѣ судью, а въ области дѣятельности судебный процессъ. Судебная профессія обманываетъ міръ и развращаетъ людей. Она является той ширмой, за которую не проникаетъ ученіе Христа. Палачъ можетъ одуматься, солдатъ можетъ раскаяться, но не судья.

Чѣмъ обнаженнѣе зло, чѣмъ яснѣе и очевиднѣе насиліе, тѣмъ оно менѣе опасный соблазнъ, тѣмъ болѣе шансовъ, что сама эта дѣятельность вызоветъ реакцію, приведетъ къ покаянію. Но жить въ судебной дѣятельности—значитъ жить въ мірѣ наиболѣе скрытаго зла, среди самаго опаснаго соблазна; судебная дѣятельность развращаетъ людей, и то, что доступно разбойнику, не доступно судьѣ.

Посмотрите,—говоритъ Толстой,—на ту атмосферу, въ которой живетъ судья, она вся фальшива, вся полна софизмовъ; эта атмосфера учитъ и внушаетъ сознаніе безотвѣтственности за то, что дѣлаютъ другіе, прививаетъ умѣніе смотрѣть не въ корень вещей, а на ихъ внѣшнія формы, оцѣнивать все съ условной точки зрѣнія соотвѣтствія существующаго съ людскимъ несовершеннымъ и дурнымъ закономъ. Жизнь, настоящая людская жизнь, человѣческія отношенія исчезаютъ, человѣкъ живетъ въ мірѣ условностей, которыя самъ сочинилъ. Поживши этой дѣятельностью, человѣкъ утрачиваетъ способность смотрѣть на жизнь иначе, понимать, что въ ней есть нѣчто, кромѣ этихъ условныхъ формъ. Крайности сходятся; и потому то у Толстого наиболѣе отрицательное отношеніе къ войнѣ, къ военной дѣятельности и къ судьѣ. Тамъ, въ первомъ случаѣ, зло наименѣе прикрыто, оно ясно для всякаго, его противорѣчіе завѣтамъ Христа обнажено; а въ другой, судейской, дѣятельности все спрятано, и нужно много, чтобы это зло разгадать. Таковы тѣ два основные мотива въ отношеніи Толстого къ суду, которые логически вытекаютъ изъ всего его міровоззрѣнія, и эти основныя

начала можно видѣть въ ихъ конкретныхъ проявленіяхъ во всей его художественной дѣятельности.

Указанія на судъ разбросаны во многихъ сочиненіяхъ, и большинство изъ нихъ всѣмъ памятно. Кто, напримѣръ, не помнитъ знаменитый конецъ „Власти тьмы", той „Власти тьмы", которая является какъ будто бы новой иллюстраціей на эпиграфъ, поставленный во главѣ еще Анны Карениной—„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ?" Это отмщеніе наступило, совѣсть замучила Никиту; пораженный простыми словами солдата Митрича, что нечего бояться людей, онъ кается передъ этими людьми, облегчаетъ свою душу. На сценѣ появляется урядникъ, представитель человѣческаго правосудія, хочетъ начать это правосудіе составленіемъ акта. Но старый Акимъ носитъ въ себѣ другое начало и потому полонъ презрѣнія къ этому человѣческому правосудію. И онъ говоритъ:

„Экій ты, тае. Погоди, говорю. Объ ахтѣ, тае, не толкуй, значитъ. Тутъ тае, Божье дѣло идетъ, кается человѣкъ, значитъ, а ты, тае, ахту... Дай Божье дѣло атойдетъ, значитъ, тогда, значитъ ты и свое справляй, значитъ"...

Почему появленіе людского правосудія въ данномъ случаѣ оскорбило Акима? Здѣсь людское правосудіе съ Божьимъ не разошлось, оба они одинаково осуждали Никиту. Земное правосудіе въ лицѣ урядника не помѣшало бы торжеству совѣсти. Но это совпаденіе людскаго и Божьяго случайно, это только совпаденіе. На судѣ не будутъ говорить ни о Богѣ, ни о совѣсти, Никитѣ будутъ грозить люди, и не угрызеніями совѣсти, а людскимъ насиліемъ, которое не лучше того, что сдѣлалъ Никита. Но все это осталось за предѣлами пьесы, и въ ней не имѣется. Но иллюстрація этого дана въ другихъ сочиненіяхъ Толстого.

Такъ, въ народномъ разсказѣ „Упустишь огонь—не потушишь" показана другая сторона человѣческаго суда. Вы знаете этотъ разсказъ. Два мужика, Иванъ и Гаврило, ссорятся. Ссорятся и судятся. И вотъ однажды Гаврило, разгорячась, ударилъ беременную жену Ивана: она поболѣла, но встала. Подана жалоба въ волостной судъ, и волостной судъ осудилъ Гаврилу. Казалось бы опять, чего волнуйтеся? Судъ сдѣлалъ то, для чего предназначенъ. Онъ защитилъ обиженнаго, покаралъ обидчика—въ этомъ его призваніе и назначеніе. По людскимъ законамъ все было правильно, но вотъ что изъ этого вышло. Старикъ судья, который, какъ истинный старикъ, не былъ настоящимъ судьей, почувствовалъ, что здѣсь что-то неладно.

„И сталъ старичокъ-судья говорить:

— А вотъ что, братцы: сойдитесь-ка вы лучше добромъ. Ты, братъ Гаврило, развѣ хорошо сдѣлалъ—тяжелую бабу ударилъ? Вѣдь хорошо, Богъ помиловалъ, а то какой бы грѣхъ сдѣлалъ. Развѣ хорошо? Ты повинись, да поклонись ему. А онъ проститъ. Мы это рѣшеніе перевершимъ".

Такъ говоритъ умный старикъ, но это разсужденіе непонятно профессіоналу-судьѣ. И этотъ профессіоналъ олицетворенъ здѣсь въ лицѣ волостного писаря. Онъ говоритъ:

„Услыхалъ это писарь и говоритъ:

— Это нельзя, потому что на основаніи 117-й ст. миролюбивое соглашеніе не состоялось, а состоялось рѣшеніе суда, и рѣшеніе должно войти въ силу“.

Писарь правъ, такъ это и слѣдуетъ по закону. Судьи свое рѣшеніе поставили по закону, остальное дѣло не ихъ.

Но старичокъ-судья еще не испорченъ судейскимъ міровоззрѣніемъ, и для него все кажется просто.

„Но судья не послушалъ писаря.

— Будетъ,—говоритъ,—языкъ чесать-то. Первая статья, братъ, одна: Бога помнить надо, а помириться Богъ велѣлъ“.

Такъ столкнулись два міровоззрѣнія: людская правда и Божья правда. И финалъ извѣстенъ. Гаврило поджегъ Ивана, Иванъ, бросившись на него, не потушилъ пожара, отъ пожара обгорѣлъ отецъ Ивана; происходитъ встрѣча Ивана съ отцомъ, которую я могу безбоязненно приводить только оттого, что она много разъ была на разсмотрѣніи всякихъ цензуръ. Но съ точки зрѣнія закона, Толстой въ дальнѣйшемъ изложеніи совершаетъ рядъ преступленій въ печати: онъ восхваляетъ преступныя дѣйствія, подстрекаетъ къ неповиновенію закону и т. д., и т. д.

„— Иванъ!—говоритъ старикъ сыну.—Моя смерть пришла и ты помирать будешь. Чей грѣхъ?“

И Иванъ наконецъ понялъ:

„Мой, батюшка“.

Что же нужно дѣлать? Старикъ даетъ простой отвѣтъ: не обращайся къ суду, не поступай по закону.

„— Смотри жъ, Ваня, не сказывай, кто зажегъ. Чужой грѣхъ покрой, Богъ два проститъ.—И взялъ старикъ свѣчку въ обѣ руки, сложилъ ихъ подъ сердцемъ, вздохнулъ, потянулся и померъ.

Иванъ не сказалъ на Гаврилу, и никто и не узналъ, отъ чего былъ пожаръ“.

Здѣсь уже явный конфликтъ людского и божескаго закона. Людской законъ требовалъ, чтобы Иванъ не покрывалъ преступленія, не совершалъ преступленія недонесенія. Божескій законъ требовалъ прощенія, и Иванъ ему подчинился. Противоположность ученія Христа и ученія міра показаны ярко.

Есть еще одно сочиненіе Толстого, гдѣ также осуждается судъ, но съ другой, менѣе высокой точки зрѣнія; не съ точки зрѣнія Христа, а съ точки зрѣнія просто людской,—это „Живой трупъ“.

„Живой трупъ“—сочиненіе неоконченное, но я художественной критикой не занимаюсь. Основная же мысль его очень ясна: а мнѣ осо-

бенно потому, что у меня сохранилось отъ „Живого трупа“ и личное воспоминаніе. Я помню, какъ очень давно, въ Хамовникахъ, Толстой разговаривалъ о томъ судебномъ эпизодѣ, который потомъ легъ въ основаніе его пьесы. Помню, какъ онъ смѣялся надъ безсмыслицей этого суда, который разстроилъ счастливую жизнь нѣсколькихъ человѣкъ. Смѣялся не во имя несоотвѣтствія этого суда съ христіанствомъ, а во имя просто его житейской безсмыслицы. Онъ разсказывалъ, какъ всѣмъ было хорошо, всѣ вели себя такъ, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески, а вмѣшался судъ и всѣхъ ихъ сдѣлалъ несчастными. При этомъ разговорѣ присутствовалъ Анатолій Ѳедоровичъ Кони, который хорошо зналъ это дѣло, ибо онъ исхлопоталъ Высочайшее помилованіе осужденнымъ, и онъ вводилъ нѣкоторыя поправки въ разсказъ Толстого: дѣло обстояло уже не такъ хорошо, какъ то выходило по разсказу Толстого, здѣсь нѣкоторую роль играла корысть. Толстой шутливо упрекалъ Кони за эти поправки, говоря: „Зачѣмъ Вы это мнѣ разсказываете, такъ выходитъ какъ будто бы хуже“. Корысть не играла никакой роли и въ пьесѣ „Живой трупъ“. Но основная мысль самого Толстого, которую я слышалъ отъ него, выражена въ страстной тирадѣ Ѳеди у слѣдователя:

„...Живутъ три человѣка: я, онъ, она. Между ними сложныя отношенія—борьба добра со зломъ, такая духовная борьба, о которой вы понятія не имѣете. Борьба эта кончается извѣстнымъ положеніемъ, которое все разрѣшаетъ. Всѣ успокоены. Они счастливы,—любятъ память обо мнѣ. Я въ своемъ паденіи счастливъ тѣмъ, что я сдѣлалъ, что должно, что я, негодный, ушелъ изъ жизни, чтобы не мѣшать тѣмъ, кто полонъ жизни и хорошъ. И мы всѣ живемъ. Вдругъ является негодяй, шантажистъ, который требуетъ отъ меня участія въ шантажѣ. Я прогоняю его. Онъ идетъ къ вамъ, къ борцу за правосудіе, къ охранителю нравственности. И вы, получая 20-го числа по двугривенному за пакость, надѣваете мундиръ и съ легкимъ духомъ куражитесь надъ ними, надъ людьми, которыхъ вы мизинца не стоите, которые васъ къ себѣ въ переднюю не пустятъ. Но вы добрались и рады“...

Въ этой тирадѣ Ѳеди содержится основная мысль, которую я слышалъ отъ Толстого; она нѣсколько осложнена включеніемъ въ нее спеціальной психологіи Ѳеди. Но общая мысль, какъ осужденіе тѣхъ нелѣпостей, къ которымъ иногда приводитъ, съ точки зрѣнія самой обыденной, вмѣшательство суда, эта основная мысль выражена какъ въ тирадѣ Ѳеди, такъ и во всей пьесѣ очень рельефно.

Я нѣсколько подробнѣе, насколько мнѣ позволитъ время, остановлюсь на двухъ главныхъ произведеніяхъ Толстого, посвященныхъ судебному міру, на „Смерти Ивана Ильича“ и на „Воскресеніи“. Оба сочиненія необыкновенно характерны и сами по себѣ, и въ своемъ сопоставленіи; они какъ бы соотвѣтствуютъ двумъ сторонамъ личности Толстого, двумъ различнымъ этапамъ его развитія. Начну съ „Смерти Ивана Ильича“.

Это произведеніе вполнѣ и чисто художественное, не тенденціозное,

въ смыслѣ преднамѣреннаго учительства, какимъ нельзя не считать „Воскресенія“; но оно было написано въ эпоху усиленной философской работы Толстого, послѣ „Исповѣди“, одновременно съ „Въ чемъ моя вѣра“, въ 84-мъ году, и естественно проникнуто тѣмъ настроеніемъ. „Смерть Ивана Ильича“ интересна, какъ живая, художественная иллюстрація къ настроеніямъ Толстого, выраженнымъ въ его „Исповѣди“.

Иванъ Ильичъ—судебный дѣятель, членъ судебной палаты. Но это чистая случайность; съ такимъ же успѣхомъ, безъ всякаго ущерба для разсказа, онъ могъ быть губернаторомъ, предводителемъ, профессоромъ или литераторомъ. Я убѣжденъ даже, что это случайность, которую нельзя назвать ни знаменательной, ни характерной. Въ эту эпоху Толстой былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы одну человѣческую дѣятельность ставить выше другой; онъ былъ равно далекъ отъ всѣхъ; это былъ моментъ апогея его религіознаго чувства, когда на весь міръ и на всякую мірскую дѣятельность онъ смотрѣлъ одинаково отрицательно.

И не отрицательныя свойства именно судейской дѣятельности—центръ произведенія и источникъ страданій Ивана Ильича. Иванъ Ильичъ страдаетъ не потому, что онъ судья, не потому, что у него открылись глаза на судейскую дѣятельность. Вопросъ поставленъ гораздо глубже. Все сочиненіе—художественная иллюстрація къ той основной мысли, которая выражена въ слѣдующихъ словахъ „Исповѣди“:

„Есть ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной, предстоящей мнѣ смертью?“ (Исповѣдь).

Эта мысль и есть трагедія человѣческой жизни: ставить свою личную жизнь центромъ своей дѣятельности, свои удобства и удовольствія смысломъ жизни было бы разумно, но только если люди бы не умирали. Но жить для себя, считать себя центромъ и умирать, между тѣмъ какъ міръ останется жить, это—безуміе, которое въ „Исповѣди“ иллюстрировано сказкою Будды.

Но то, что открылось Толстому, какъ великому художнику, открылось его чуткой совѣсти, его неутомимому уму, то открывается не всѣмъ; люди живутъ и не понимаютъ, что дѣлаютъ, и боятся смотрѣть на то, что дѣлаютъ, отгоняютъ отъ себя мысль о смерти. Но та минута просвѣтлѣнія, которая далась Толстому, дастся и имъ, если они будутъ имѣть счастье или несчастье умирать въ полномъ сознаніи, если у нихъ будетъ возможность видѣть приближеніе смерти и оглянуться на жизнь. Именно это и случилось съ Иваномъ Ильичемъ; онъ во время болѣзни имѣлъ время и возможность подумать. И вы помните эти страницы, гдѣ описываются размышленія Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ умираетъ.

„Онъ весь сталъ вниманіе; какъ будто онъ прислушивался не къ голосу, говорящему звуками, но къ голосу души, къ ходу мыслей, поднимавшемуся въ немъ.

— Чего тебѣ нужно—было первое ясное, могущее быть выражено словами понятіе, которое онъ услышалъ...—Жить,—отвѣтилъ онъ.

И опять онъ весь предался вниманію, такому напряженному, что даже боль не развлекала его.

— Жить? какъ жить?—спросилъ голосъ души.

— Да, жить, какъ я жилъ прежде: хорошо, пріятно.

— Какъ ты жилъ прежде, хорошо и пріятно?—спросилъ голосъ. И онъ сталъ перебирать въ воображеніи лучшія минуты своей пріятной жизни. Но—странное дѣло—всѣ эти лучшія минуты пріятной жизни казались теперь совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онѣ казались тогда. Всѣ—кромѣ первыхъ воспоминаній дѣтства...

Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно настолько изъ-подъ меня уходила жизнь... И вотъ готово—умирай! Такъ что жъ это? зачѣмъ? Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобъ такъ безсмысленна, гадка была жизнь? А если точно онъ такъ гадка и безсмысленна была, такъ зачѣмъ же умирать и умирать страдая? Что-нибудь не такъ...

И его служба, и его устройство жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы—все это могло быть не то. Онъ попытался защитить передъ собой все это. И вдругъ почувствовалъ всю слабость того, что онъ защищаетъ. И защищать нечего было".

Вотъ тотъ ужасъ, который Толстой испыталъ при жизни.

„Когда онъ увидалъ утромъ лакея, потомъ жену, потомъ дочь, потомъ доктора,—каждое ихъ движеніе, каждое ихъ слово подтверждало для него ужасную истину, открывшуюся ему ночью. Онъ въ нихъ видѣлъ себя, все то, чѣмъ онъ жилъ, и ясно видѣлъ, что все это было не то, все это былъ ужасный, огромный обманъ, закрывающій и жизнь и смерть".

Да, жизнь оказалась безсмыслицей; и вопросъ, который задалъ себѣ Иванъ Ильичъ, и тотъ отвѣтъ, который ему пришлось себѣ дать, настолько безконечно глубже какой бы то ни было критики судебной дѣятельности, что нельзя не признать, что основная идея лежитъ внѣ суда.

Но не только безсмыслица жизни показана ясно, въ произведеніи Толстого есть и другая глубокая идея,—показанъ смыслъ смерти. Смерть—основное зло, одна возможность которой дѣлаетъ жизнь безсмысленной. Но смерть Ивана Ильича является полной глубокаго и торжественнаго смысла.

„Это было въ концѣ третьяго дня, за два часа до его смерти. Въ то самое время гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающій все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ.

Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлуетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему стало жалко его... Жена подошла къ нему. Она съ открытымъ ртомъ и съ неутертыми слезами на носу и щекѣ съ отчаяннымъ выраженіемъ смотрѣла на него. Ему жалко стало ее.

„Да, я мучаю ихъ,—подумалъ онъ—Имъ жалко, но имъ лучше будетъ, когда я умру".

И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходитъ сразу, и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ.

Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. Какъ хорошо, и какъ просто".

Смерть оказалась побѣжденной съ того момента, когда у Ивана Ильича явилась мысль не о себѣ, а о другихъ; когда онъ понялъ, что его смерть можетъ составить радость и благо другихъ, смерть перестала быть страшной. Исчезла смерть, и появился смыслъ жизни.

Но что можно вывести отсюда о *судебной* дѣятельности? Только одно. Только то, что въ тѣ моменты, когда Иванъ Ильичъ старался вспомнить что бы то ни было изъ своей прежней жизни, что бы могло утѣшить его въ предсмертномъ томленіи, его судейская дѣятельность, эта пресловутая работа для общаго блага, никакого утѣшенія ему не дала. Тотъ великій соблазнъ, которымъ онъ жилъ, оказался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, т.-е. соблазномъ. Онъ могъ обманывать живущихъ, онъ не обманулъ умирающаго. Онъ исполнялъ свою роль, покуда Иванъ Ильичъ жилъ, онъ пряталъ отъ него міръ, пряталъ и безсмыслицу жизни; но когда смерть подошла, обманъ исчезъ, вся эта работа для общаго блага оказалась тѣмъ, чѣмъ была — самообманомъ. Толстой вкратцѣ, съ эпическимъ спокойствіемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ касается этого самообмана, касается основной его сущности, которая уводитъ человѣка отъ серьезныхъ и важныхъ вопросовъ въ тотъ міръ условностей, гдѣ все представляется ясно и просто; вы помните, какъ Толстой описываетъ это искусстно Ивана Ильича смотрѣть на людскія отношенія съ точки зрѣнія чисто служебной.

„Во всемъ этомъ надо было умѣть исключать все то сѣрое, жизненное, что всегда нарушаетъ правильность теченія служебныхъ дѣлъ: надо не допускать съ людьми никакихъ отношеній помимо служебныхъ, и поводъ къ отношеніямъ долженъ быть только служебный и самыя отношенія только служебныя".

„Какъ только кончается отношеніе служебное, такъ кончается всякое другое. Этимъ умѣньемъ отдѣлять служебную сторону, не смѣшивая ея съ своею настоящею жизнью, И. И. владѣлъ въ высшей степени и долгой практикой, и талантомъ выработалъ его въ такой степени, что онъ даже, какъ виртуозъ, иногда позволялъ себѣ, какъ бы шутя, смѣшивать человѣческое и служебное отношеніе..."

Эта характеристика не новая, она напоминаетъ намъ что то очень знакомое. Не то же ли самое говорилъ Толстой въ свое время, гораздо раньше, еще въ „Аннѣ Карениной", о Свіяжскомъ, о другомъ представителѣ такой же условной дѣятельности, не судейской, но такой же общественной, о томъ же соблазнѣ общаго блага? Вы помните, что говорилъ про Свіяжскаго Толстой:

„Они были дружны съ Левинымъ, и поэтому Левинъ позволялъ себѣ испытывать Свіяжскаго, добираться до самой основы его взгляда на жизнь; но всегда это было тщетно. Каждый разъ, какъ Левинъ пытался проникнуть дальше открытыхъ для всѣхъ пріемныхъ комнатъ ума Свіяжскаго, онъ замѣчалъ, что Свіяжскій слегка смущался; чуть замѣтный испугъ выражался въ его взглядѣ, какъ

будто онъ боялся, что Левинъ пойметъ его,—и онъ давалъ добродушный и веселый отпоръ". („Анна Каренина".)

Вотъ въ какомъ мірѣ живутъ всѣ эти милые и честные люди, которые увлекаются этимъ соблазномъ общаго блага; они живутъ въ мірѣ внѣшности, которая можетъ ихъ обмануть, но только до тѣхъ поръ, покуда они не столкнутся съ чѣмъ-то серьезнымъ. Этимъ серьезнымъ явилась смерть для Ивана Ильича. А раньше ея этимъ явилось самое предчувствіе смерти, сознанная ея неизбѣжность. Она олицетворилась въ той ноющей, сосущей боли, которую чувствовалъ Иванъ Ильичъ, и появленіе этой боли разстраивало весь привычный складъ мыслей и отношеній.

„Послѣднее время И. И. большею частью проводилъ въ этихъ попыткахъ возстановить прежніе ходы чувства, заслонявшаго смерть. То онъ говорилъ себѣ: займусь службой, вѣдь я жилъ же ею. И онъ шелъ въ судъ, отгоняя отъ себя всякія сомнѣнія... Но вдругъ въ срединѣ боль въ боку, не обращая никакого вниманія на періодъ развитія дѣлъ, начинала свое сосущее дѣло.

...Огонь тухъ въ его глазахъ, и онъ начиналъ себя спрашивать: неужели только она правда?

Онъ встряхивался, старался опомниться и кое-какъ доводилъ до конца засѣданіе и возвращался домой съ грустнымъ сознаніемъ, что не можетъ по-старому судейское его дѣло скрыть отъ него то, что онъ хотѣлъ скрыть; что судейскимъ дѣломъ онъ не можетъ избавиться отъ нея".

И столкновеніе съ этимъ серьезнымъ, которое не позволяло уже болѣе относиться къ жизни такъ поверхностно, такъ внѣшне, какъ привыкъ относиться Иванъ Ильичъ, вдругъ живо напомнило Ивану Ильичу его собственное непозволительное отношеніе къ жизни. Вы помните эти сравненія, которыя умъ Ивана Ильича дѣлалъ между отношеніемъ доктора къ его болѣзни, и отношеніями его, Ивана Ильича, судьи, къ подсудимымъ. И тутъ, и тамъ оказалась одна внѣшность, ничего серьезнаго, ничего глубокаго. И тутъ, и тамъ дѣловыя служебныя отношенія заслонили человѣческія. Иванъ Ильичъ былъ у доктора, былъ съ жестокой болѣзнью, отъ которой зависѣла не только его физическая жизнь, но его душевное спокойствіе. Для Ивана Ильича въ этомъ вопросѣ все, въ буквальномъ смыслѣ слова—жизнь или смерть. Но какъ относится къ этому человѣкъ профессіи—докторъ?

„Все было, какъ онъ ожидалъ; все было такъ, какъ всегда дѣлается. И ожиданіе, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую онъ зналъ въ себѣ въ судѣ.

Какъ онъ въ судѣ дѣлалъ видъ надъ подсудимыми, такъ точно надъ нимъ знаменитый докторъ дѣлалъ тотъ же видъ.

Все это было точь въ точь то же, что дѣлалъ тысячу разъ самъ Иванъ Ильичъ надъ подсудимыми такимъ блестящимъ манеромъ. Такъ же блестяще сдѣлалъ свое резюме докторъ, и торжествующе, весело даже, взглянулъ сверхъ очковъ на подсудимаго. Изъ резюме доктора Иванъ Ильичъ вывелъ то заключеніе, что плохо, а что ему, доктору, да пожалуй и всѣмъ—все равно, а ему плохо.

Онъ спрашиваетъ:

...Опасная эта болѣзнь или нѣтъ?

Докторъ строго взглянулъ на него однимъ глазомъ черезъ очки, какъ бы говоря: подсудимый, если вы не будете оставаться въ предѣлахъ ставимыхъ вамъ вопросовъ, я буду принужденъ сдѣлать распоряженіе объ удаленіи васъ изъ зала засѣданія.

Я уже сказалъ вамъ то, что считалъ нужнымъ и удобнымъ,—сказалъ докторъ. Дальнѣйшее покажетъ изслѣдованіе.—И докторъ поклонился.

Иванъ Ильичъ узнавалъ себя въ этомъ отношеніи доктора; и онъ, когда былъ счастливъ и доволенъ, и онъ къ людямъ относился такъ, какъ докторъ относится къ нему; и онъ понялъ, что это ошибка, что это отношеніе губитъ его, дѣлая цѣлью и центромъ жизни то, что такъ ненадежно: личную жизнь и здоровье. Иванъ Ильичъ это понялъ, но слишкомъ поздно, а докторъ этого еще не понималъ. Толстой ограничился этимъ сопоставленіемъ, сдѣланнымъ съ эпическимъ спокойствіемъ; ни противъ судьи, ни противъ доктора у него нѣтъ ни гнѣва, ни раздраженія, ни досады... Какъ мудрецъ, ушедшій далеко, равно далеко отъ всѣхъ, онъ на всѣхъ глядитъ съ жалостью, на всякую дѣятельность, какъ на ошибку, которую онъ видитъ ясно, но которую и люди поймутъ, но, къ несчастью, когда будетъ поздно.

Совсѣмъ иное настроеніе въ „Воскресеніи“: я съ нѣкоторой робостью подхожу къ этому сочиненію. Объ немъ слѣдовало бы говорить не въ короткихъ словахъ, а читать отдѣльную лекцію. Ибо нѣтъ среди сочиненій Толстого произведенія болѣе содержательнаго и необходимаго для того, чтобы понять, что такое Толстой. Я говорю о „Воскресеніи“ не съ художественной точки зрѣнія; эта критика въ мою задачу не входитъ, тѣмъ болѣе, что „Воскресеніе“—вещь неоконченная. Хотя оно было издано имъ при его жизни, но, вѣроятно, всѣ знаютъ, что Толстой, вопреки отказа отъ собственности, продалъ „Воскресеніе“ Марксу, чтобы полученныя отъ этого деньги пожертвовать цѣликомъ духоборамъ для ихъ переселенія въ Америку. Толстому пришлось торопиться, и съ художественной стороны эта вещь и недостаточно отдѣлана, и не окончена.

Но „Воскресеніе“ всетаки драгоцѣнный источникъ для пониманія взглядовъ Толстого и его настроенія.

Здѣсь опять описывается судейская среда; но здѣсь она не случайна. Судебная дѣятельность во всей своей совокупности, т.-е. начиная съ судебнаго зала, „этого священнодѣйствія судящей совѣсти“, говоря словами Аксакова, и кончая исполненіемъ приговоровъ, тюрьмой,—основная и неотъемлемая часть произведенія. Безъ нея вы не поймете Нехлюдова. Если само судебное засѣданіе, точнѣе, случайная въ немъ встрѣча съ Катюшей, дало Нехлюдову первый толчокъ, разбудило его совѣсть, а это могло быть иначе, могло быть вызвано другими причи-

пами, то перерожденіе, или, говоря словами Толстого, „воскресеніе" Неклюдова совершилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ сближенія Неклюдова съ этимъ „міромъ отверженныхъ", съ оборотной стороной цивилизаціи.

Цѣлая пропасть лежитъ между Толстымъ „Ивана Ильича", и Толстымъ „Воскресенія", Толстымъ „Исповѣди" и „Въ чемъ моя вѣра", и позднѣйшимъ Толстымъ. Не потому, чтобы онъ измѣнился, чтобы онъ въ чемъ-нибудь отрекся отъ того, что говорилъ, но потому, что на Толстомъ позднѣйшей эпохи лежитъ новый отпечатокъ, въ немъ слышны иные мотивы. Толстой въ позднѣйшихъ произведеніяхъ уже не мудрецъ, проповѣдующій ученіе не отъ міра сего, какимъ онъ является въ своей „Вѣрѣ", онъ стоитъ гораздо ближе къ намъ, въ немъ проглядываютъ черты соціальнаго реформатора. Съ точки зрѣнія того идеала, на которую въ религіозномъ экстазѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ, сталъ Толстой, выступивъ проповѣдникомъ Христа, „міръ лежитъ во злѣ", но и весь во злѣ одинаково. Самый культурный строй не лучше дикаго, хваленый правовой порядокъ не лучше самаго неистоваго абсолютизма. Тотъ, кто прозрѣетъ, пойдетъ новымъ путемъ, будетъ обличать весь строй этого міра, а борьбу за его частичное видоизмѣненіе будетъ отрицать какъ опасный соблазнъ. Для такого міровоззрѣнія самая попытка человѣческихъ судовъ такой вздоръ, о которомъ не стоитъ говорить.

И если бы Иванъ Ильичъ какимъ-то чудомъ остался въ живыхъ, то, можетъ быть, онъ пошелъ бы по этому новому пути; но Неклюдовъ, новый герой Толстого, воспринялъ другія впечатлѣнія.

Толстой вмѣстѣ съ Неклюдовымъ, съ высоты этихъ идей, спустились въ міръ, но сблизились съ его оборотной стороной, съ его отверженными, увидѣли воочію то, что этотъ міръ дѣлаетъ для своей самозащиты, самосохраненія. Они увидали цѣну, которую міръ платитъ за свое людское благополучіе; они увидѣли то, что бросалось въ глаза, чего не могли не увидать. Они столкнулись съ судомъ и увидѣли, что суды осуждаютъ невинныхъ; это случилось не только съ Катюшей Масловой, это было еще рѣзче съ Меньшовымъ, который былъ отданъ подъ судъ въ угоду богачу, который отнялъ жену у Меньшова. Неклюдовъ увидѣлъ не только *какъ* судятъ суды, но и *кого* они судятъ; увидѣлъ, что они судятъ людей, которые часто много выше тѣхъ, кто ихъ судитъ, и судятъ именно за то, что они выше ихъ, что они смотрятъ впередъ, живутъ болѣе высокими идеалами; таковъ міръ религіозныхъ, а иногда и политическихъ преступленій; онъ увидѣлъ, наконецъ, что наряду съ ними судятъ просто несчастныхъ, тѣхъ, передъ которыми самъ міръ, само общество виновато, которые стали тѣмъ, чѣмъ они стали, благодаря дурному устройству этого общества. И Неклюдовъ увидѣлъ, чѣмъ кончается судъ, что такое эти людскія кары, грязь, насиліе тю-

ремъ, позоръ тѣлеснаго наказанія, преступленіе казни, ужасъ одиночнаго заключенія. Неклюдовъ видѣлъ все это, и поставилъ вопросъ такъ, какъ его ставитъ міръ, весь міръ. Онъ исходилъ уже не изъ евангельской заповѣди „не судите", а изъ мысли о нецѣлесообразности человѣческаго принужденія, заговорилъ языкомъ не христіанина, а политика и революціонера.

Что такое въ глазахъ Неклюдова представлялъ изъ себя этотъ міръ отверженныхъ, эти обитатели тюремъ? Вотъ какъ говоритъ о нихъ Толстой.

„Неклюдовъ пришелъ къ заключенію, что составъ арестантовъ, такъ называемыхъ преступниковъ, раздѣляется на пять разрядовъ людей. Одинъ, первый разрядъ—люди совершенно невинные, жертвы судебныхъ ошибокъ, какъ мнимый поджигатель Меньшовъ, какъ Маслова и др. Другой разрядъ составляли люди, осужденные за поступки, совершонные въ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ озлобленіе, ревность, опьяненіе и т. п. поступки, которые, почти навѣрное, совершили бы въ такихъ же условіяхъ всѣ тѣ, которые судили и наказывали ихъ. Третій разрядъ составляли люди, наказанные за то, что они совершали, по ихъ понятіямъ, самые обыкновенные и даже хорошіе поступки, но такіе, которые, по понятіямъ чуждыхъ имъ людей, писавшихъ законы, считались преступленіями. Къ этому разряду принадлежали люди, тайно торгующіе виномъ, перевозящіе контрабанду, рвущіе траву, собирающіе дрова въ большихъ владѣльческихъ и казенныхъ лѣсахъ. Къ этимъ же людямъ принадлежали ворующіе горцы и еще невѣрующіе люди, обворовывающіе церкви.

Четвертый разрядъ составляли люди, потому только зачисленные въ преступники, что они стояли нравственно выше средняго уровня общества. Таковы были сектанты, таковы были поляки, черкесы, бунтовавшіе за свою независимость, таковы были и политическіе преступники—соціалисты и стачечники, осужденные за сопротивленіе властямъ.

Пятый разрядъ, наконецъ, составляли люди, передъ которыми общество было гораздо больше виновато, чѣмъ они передъ обществомъ. Это были люди заброшенные, одуренные постояннымъ угнетеніемъ и соблазнами, какъ тотъ мальчикъ съ половиками и сотни другихъ людей, которыхъ видѣлъ Неклюдовъ въ острогѣ и внѣ его, которыхъ условія жизни какъ будто систематически доводятъ до необходимости того поступка, который называется преступленіемъ".

Ну, а самый судъ, который постановляетъ свои приговоры и ихъ туда посылаетъ, судъ что такое? И Толстой выразилъ свою мысль въ разговорѣ Неклюдова съ его родственникомъ.

„— Точно какъ будто справедливость составляетъ цѣль дѣятельности суда,— сказалъ Неклюдовъ.

— Что же другое?

— Поддержаніе сословныхъ интересовъ. Судъ, по-моему, есть только административное орудіе для поддержанія существующаго порядка вещей, выгоднаго нашему сословію".

То, что говоритъ здѣсь Толстой, можетъ быть, справедливая, но не христіанская мысль; ее долженъ былъ сказать не Толстой эпохи „Въ чемъ моя вѣра", который одинаково отрицательно относился къ всякому суду, какъ къ суду во имя блага меньшинства за счетъ большинства,

какъ и къ самому демократическому суду во имя права всего государства. Это могъ сказать соціалъ-демократъ, поклонникъ теоріи классовой борьбы, какъ объясненія соціальныхъ явленій.

Когда Толстой сталъ на эту позицію, когда онъ спустился до мірского пониманія, онъ тѣмъ самымъ опустился и до мірскихъ возраженій. Толстой въ „Воскресеніи" уже не на той религіозной высотѣ его „Вѣры", гдѣ нельзя было спорить; въ „Воскресеніи" *нашъ* языкъ, *наши* понятія, *наши* заботы. Здѣсь можно было возражать; если судъ дѣйствуетъ плохо, то его можно было поставить иначе; если законы жестоки и несправедливы, можно написать другіе, прекратить преслѣдованія противъ тѣхъ, кого до сихъ поръ преслѣдовали. Если плохи тюрьмы и ихъ порядокъ, можно было, говоря ученымъ слогомъ, усовершенствовать пенитенціальную систему. Неклюдовъ, съ тѣми взглядами, которые онъ высказываетъ на большинствѣ страницъ „Воскресенія", не христіанинъ, усвоившій ученіе Христа, а простой міранинъ, у котораго прозрѣли глаза на зло этого міра. Сдѣлайте на минуту Неклюдова просто любознательнымъ человѣкомъ, который изъ сочувствія Катюшѣ Масловой сошелся съ тѣмъ міромъ, въ которомъ вращается, и вы поймете, и почему онъ пришелъ къ тѣмъ взглядамъ, которые излагаетъ, и поймете самые взгляды.

Все отрицаніе Толстымъ суда въ „Воскресеніи" понятно именно съ этой точки зрѣнія.

„Воскресеніе" въ свое время возбудило страстные протесты; говорили, что все въ немъ преувеличено, что это карикатура, пасквиль на судебное вѣдомство. Негодовали на то, что всѣ судьи изображены сплошными уродами. Теперь, когда страсти нѣсколько успокоились, на это можно смотрѣть справедливѣе. Я думаю, что сами судьи принуждены признать, что ихъ негодованіе не заслужено и упреки преувеличены. Конечно, въ „Воскресеніи" есть фактическія ошибки, а въ отношеніи къ судьямъ нѣтъ эпическаго спокойствія; иногда чувствуется какая-то несвойственная Толстому раздраженность. Но тѣмъ не менѣе упрекать Толстого въ томъ, что онъ написалъ карикатуру или пасквиль—во всякомъ случаѣ не приходится. Если бы въ „Воскресеніи" и, дѣйствительно, всѣ были уроды, только отрицательные типы, то и тогда укорять въ этомъ Толстого можно было бы такъ же мало, какъ Гоголя за то, что онъ не вывелъ положительныхъ типовъ въ своемъ „Ревизорѣ". Но такой упрекъ противъ Толстого былъ бы и неѣренъ фактически. Положительные типы среди судейскаго міра въ „Воскресеніи" имѣются.

Въ этомъ не трудно убѣдиться, если пересмотрѣть „Воскресеніе". Такъ, возьмемъ прокуратуру. Товарищъ прокурора, обвинявшій Маслову, изображенъ самыми отрицательными чертами.

„Товарищъ прокурора былъ отъ природы очень глупъ, и сверхъ того самымъ

несчастье окончить курсъ въ гимназіи съ золотой медалью и въ университетѣ получить награду за свое сочиненіе о сервитутахъ, по римскому праву, и потому былъ въ высшей степени самоувѣренъ, доволенъ собой (чему еще способствовалъ его успѣхъ у дамъ), и, вслѣдствіе этого, былъ глупъ чрезвычайно.(„Воскресеніе".)

Такъ говоритъ Толстой про него, но это не мѣшаетъ ему найти совсѣмъ другія краски въ описаніи другого прокурора, товарища оберъ-прокурора Селенина.

„— Я его хорошо знаю, это прекрасный человѣкъ...—говоритъ про него Неклюдовъ.—И Фонаринъ, который такъ сильно видитъ въ немъ только дурное, иначе отнесся къ Селенину.

— И хорошій товарищъ оберъ-прокурора, дѣльный. Вотъ его бы надо было просить,—сказалъ Фонаринъ".

И это общее мнѣніе. Тетушка ушла проводить Неклюдова и Селенина, и вотъ что у нея вырывается:

„Ахъ! какая чистая душа! Вотъ именно chevalier sans peur et sans reproche. Чистая душа,—приложили дамы тотъ постоянный эпитетъ, подъ которымъ Селенинъ былъ извѣстенъ въ обществѣ".

И поведеніе Селенина въ Сенатѣ, его добросовѣстное исполненіе закона, нелицепріятіе, въ связи съ той человѣчностью, какую онъ проявилъ, узнавъ, что была осуждена невиновная, все это дѣлаетъ Селенина однимъ изъ тѣхъ почтенныхъ судебныхъ дѣятелей, передъ которыми всѣ склоняются съ уваженіемъ. И нельзя уже говорить, что Толстой рисовалъ карикатуру.

Возьмемъ судей. Судьи въ описаніи Толстого не лишены человѣческихъ слабостей. Но эти слабости еще не дѣлаютъ ихъ отрицательными типами. Такъ, настроеніе одного изъ судей зависитъ отъ состоянія его здоровья; конечно, это какъ будто бы нехорошо; печально, если человѣческое правосудіе зависитъ отъ такого случайнаго фактора, какъ здоровье судьи. Но кто же будетъ утверждать, что это неправда, что этого не бываетъ, что этого не можетъ быть, что такого судью, настроеніе котораго зависитъ отъ его состоянія можно упрекать, и обвинять, и презирать? Судьи, въ произведеніи Толстого, не герои, не стоятъ на пьедесталахъ, они просто самые обыкновенные люди, и тѣмъ, кто въ этомъ усматриваетъ клевету, кому хотѣлось бы, чтобы Толстой изображалъ не только не отрицательные, но даже не обыкновенные типы, кому хотѣлось бы, чтобы онъ рисовалъ героевъ и праведниковъ судебнаго дѣла, тѣмъ, конечно, можно отвѣтить, что такой задачи себѣ Толстой и не ставилъ. Я скажу болѣе: въ отношеніи къ судьямъ Толстой проявилъ большую снисходительность. Если бы онъ задался цѣлью не то, что нарисовать карикатуру на судъ, а просто изобразить его тѣневую, обратную сторону, онъ могъ бы найти примѣры гораздо болѣе рѣзкіе; онъ могъ бы разсказать про судей много того, чего не говорилъ;

могъ бы изобразить судей запуганныхъ, задерганныхъ, судей, которые дѣлаютъ себѣ карьеру пристрастными приговорами, судей, которые забыли судейскую совѣсть. Но Толстой на это и не покушался. Болѣе того, и среди судей, какъ среди прокуратуры, у него есть и положительные типы. Какъ иначе, напримѣръ, можно назвать типъ сенатора Б.? Вы помните, что говоритъ о немъ Толстой по разнымъ поводамъ.

„Б.—это практическій юристъ, а потому болѣе всѣхъ живой,—сказалъ адвокатъ.—На него больше всего надежды".

Таковъ отзывъ Фонарина. А вотъ что говоритъ самъ Толстой:

„Б. былъ либералъ самаго чистаго закала. Онъ свято хранилъ традиціи шестидесятыхъ годовъ и если и отступалъ отъ строгаго безпристрастія, то только въ сторону либеральности".

И наконецъ вотъ Б. при исполненіи обязанностей, въ совѣщательной комнатѣ.

„Б., понявъ въ чемъ дѣло, очень горячо стоялъ тоже за кассацію, живо представивъ товарищамъ картину суда и недоразумѣнія присяжныхъ, какъ онъ его совершенно вѣрно понялъ"...

Что можно сказать противъ такого судьи!

Поэтому, хотя въ „Воскресеніи" есть ошибки, но неправды въ немъ нѣтъ. Картина имъ нарисованная не вымышлена; я отмѣчу въ ней другое свойство: она для Толстого недостаточно типична. Эта не та картина суда, которая должна была ему представиться съ точки зрѣнія Христова ученія. Толстой въ изображеніи суда въ „Воскресеніи"—слишкомъ міряниномъ, а не христіаниномъ, это не упрекъ, а только указаніе, которое я уже не первый разъ дѣлаю.

Но если представители судебнаго міра обидѣлись на Толстого за его „Воскресеніе", то я сказалъ бы, что гораздо большее право обидѣться имѣла адвокатура. Потому что,—и это очень характерно и интересно—ни къ одной судебной профессіи Толстой не относился такъ отрицательно, какъ къ адвокатурѣ. И съ перваго раза это кажется непонятнымъ: вѣдь адвокатъ, который борется за подсудимаго, сражается съ прокуроромъ, добивается не наказанія, а оправданія, заслуживалъ бы сочувствія со стороны Толстого. А между тѣмъ какъ разъ наоборотъ; гдѣ бы, сколько бы Толстой ни говорилъ объ адвокатурѣ, онъ всегда о ней говорилъ отрицательно. Вспомните всѣ адвокатскіе типы, когда-либо имъ нарисованные.

Возьмите, напримѣръ, „знаменитаго адвоката" въ „Аннѣ Карениной". Вы помните и описаніе франтовского, дурного тона, костюма, и торговлю съ кліентами, которая происходитъ тутъ же, на глазахъ другихъ посѣтителей, какъ,—говоря словами самого адвоката,—на дешевыхъ товарахъ., помните, наконецъ, это любопытное описаніе адвокатскихъ глазъ, которые слушаютъ Алексѣя Александровича.

„Сѣрые глаза адвоката старались не смѣяться, но они прыгали отъ неудержимой радости, и Алексѣй Александровичъ видѣлъ, что тутъ была не одна радость человѣка, получающаго выгодный заказъ,—тутъ было торжество и восторгъ, былъ блескъ, похожій на тотъ зловѣщій блескъ, который онъ видалъ въ глазахъ жены". („Анна Каренина".)

А въ „Иванѣ Ильичѣ"? Въ этомъ эпическомъ по спокойствію произведеніи, которое я не могу иначе назвать, какъ откровеніемъ мудреца, въ немъ тоже, и безъ всякой надобности, заговоря объ адвокатахъ, Толстой покинулъ эпическій тонъ, чтобы пустить стрѣлу въ адвокатскую профессію.

„Когда докторъ дѣлаетъ надъ нимъ съ значительнѣйшимъ лицомъ разныя гимнастическія эволюціи, Иванъ Ильичъ поддается этому, какъ онъ поддавался, бывало, рѣчамъ адвокатовъ, тогда какъ онъ уже очень хорошо зналъ, что они все врутъ и зачѣмъ врутъ".

А „Живой трупъ"? Въ послѣднемъ дѣйствіи двоеженца защищаетъ знаменитый адвокатъ Петрушинъ. Защищаетъ великолѣпно по отзыву всѣхъ; изъ-за дверей слышатся аплодисменты. Публика, выходя, въ восторгѣ отъ адвокатской рѣчи. Мало того, она построена именно такъ, какъ должно было понравиться Толстому; не въ видѣ казуистической защиты, а въ видѣ обвиненія самого общества. Казалось бы, Толстой могъ быть доволенъ, хотя бы Петрушинымъ, въ отличіе отъ другихъ адвокатовъ. А между тѣмъ нѣтъ. На сценѣ появляется Петрушинъ, и его обаяніе падаетъ. Какъ самый послѣдній кляузникъ, Петрушинъ даетъ совѣты относительно послѣдняго слова, научая, о чемъ говорить и о чемъ промолчать. Въ его совѣтахъ не слышно ни убѣжденія, ни правдивости, которую ждешь отъ занявшаго такую хорошую позицію адвоката.

Возьмите, наконецъ, „Воскресеніе". Много разъ и въ различныхъ видахъ появляются адвокаты, но одинъ хуже другого. Вотъ мелкій адвокатъ, „нанятый за триста рублей", защитникъ Бочковой.

„Послѣ рѣчи товарища прокурора со скамьи адвоката всталъ среднихъ лѣтъ человѣкъ во фракѣ, съ широкимъ полукругомъ бѣлой крахмальной груди, и бойко сказалъ рѣчь въ защиту Картинкина и Бочковой. Это былъ нанятый ими за 300 рублей присяжный повѣренный. Онъ оправдывалъ ихъ обоихъ и сваливалъ всю вину на Маслову".

Это—маленькій адвокатъ. А вотъ большой, знаменитость. Что говоритъ объ немъ Толстой?

„Господинъ разсказывалъ про тотъ удивительный оборотъ, который умѣлъ дать дѣлу знаменитый адвокатъ, и по которому одна изъ сторонъ, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будетъ ни за что заплатить большія деньги противной сторонѣ.

— Геніальный адвокатъ!—говорилъ онъ".

И Толстой показалъ намъ адвоката.

„Въ сдѣланный перерывъ изъ этой залы вышла та самая старушка, у кото-

рой геніальный адвокатъ сумѣлъ отнять ея имущество въ пользу дѣльца, не имѣвшаго на это имущество никакого права; это знали и судьи, и тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный имъ ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущество у старушки и не отдать его дѣльцу. Старушка была толстая женщина въ нарядномъ платьѣ и съ огромными цвѣтами на шляпкѣ.

Вслѣдъ за старушкой изъ двери залы гражданскаго отдѣленія, сіяя пластромъ широко раскрытаго жилета и самодовольнымъ лицомъ, быстро вышелъ тотъ самый знаменитый адвокатъ, который сдѣлалъ такъ, что старушка съ цвѣтами осталась не при чемъ, а дѣлецъ, давшій ему 10 тысячъ рублей, получилъ больше 100 тысячъ. Всѣ глаза обратились на адвоката, и онъ чувствовалъ это и всей наружностью своей какъ бы говорилъ: „Не нужно никакихъ выраженій преданности", и быстро прошелъ мимо всѣхъ".

Ну, а самъ Фенаринъ? Я не буду говорить о всѣхъ его появленіяхъ въ „Воскресеніи". Напомню только начало главы XXIV, гдѣ въ оглавленіи онъ значится, какъ надоѣдливый адвокатъ. Вотъ что тамъ говорится:

„...Адвокатъ началъ еще новое повѣствованіе о мошенничествахъ и всякаго рода преступленіяхъ высшихъ чиновъ государства, сидѣвшихъ не въ острогѣ, а на предсѣдательскихъ креслахъ въ разныхъ учрежденіяхъ. Разсказы эти, запасъ которыхъ былъ, очевидно, неистощимъ,—доставляли адвокату большое удовольствіе, показывая съ полной очевидностью то, что средства, употребляемыя имъ, адвокатомъ, для добыванія себѣ денегъ, были вполнѣ правильны и невинны, въ сравненіи съ тѣми средствами, которыя употреблялись для той же цѣли высшими чинами въ Петербургѣ. И потому адвокатъ былъ очень удивленъ, когда Нехлюдовъ, не дослушавъ его послѣдней исторіи о преступленіяхъ высшихъ чиновъ, простился съ нимъ и взялъ извозчика и поѣхалъ домой на квартиру".

Словомъ, Толстой неизмѣненъ; стоило въ его сочиненіяхъ появиться адвокату, какъ онъ является отрицательнымъ, отталкивающимъ лицомъ. Можно ли считать это случайнымъ? Я думаю, на свѣтѣ нѣтъ ничего случайнаго, не случайно и это. И если вдумаешься въ причины этого отношенія Толстого къ адвокатурѣ, онѣ едва ли могутъ представлять загадки.

Адвокатура—профессія, которая, конечно, имѣетъ свои профессіональныя черты, и въ нихъ много отрицательныхъ. Мы сами ихъ знаемъ. Это, конечно, не продажность, на которую такъ часто напираетъ общее мнѣніе,—это свойство можетъ быть въ отдѣльныхъ представителяхъ адвокатуры, но это не свойство профессіи, оно совсѣмъ не необходимо; это свойство падаетъ на человѣка; но есть нѣчто неизбѣжное, ядъ самой профессіи, который въ большей или меньшей степени ложится на каждаго; это та гибельная школа ума, въ которой принужденъ жить адвокатъ, и изъ которой не всякій выходитъ здоровымъ. Если вдуматься въ условія адвокатской профессіи, то нельзя не признать, что она ставитъ человѣческій умъ въ положеніе, противное его назначенію. Всѣ мы мыслимъ и должны мыслить отъ фактовъ къ выводу; умѣнье читать факты, находить въ нихъ правду—это и есть задача ума. Въ адвокатской профессіи—наоборотъ; выводъ данъ заранѣе, къ нему человѣкъ

идетъ не отъ фактовъ, онъ привносится въ дѣло; выводъ готовъ, и уже факты подгоняются къ выводу. Въ адвокатѣ вырабатывается умѣніе найти въ фактахъ то, что нужно найти; находить положительную сторону тамъ, гдѣ ищутъ ее, и черныя пятна тамъ, гдѣ ихъ ожидаютъ. Вырабатывается умѣніе не только находить то, что ищутъ, но не видѣть того, что не хотятъ видѣть. Напрасно думаютъ, что адвокатъ обманываетъ другихъ; онъ больше всего обманываетъ себя самъ. Никогда не бываетъ, чтобы адвокату принесли дѣло и предложили стать на ту или другую сторону, по его выбору и усмотрѣнію; чтобы онъ могъ выбрать ту сторону, которая ему кажется наиболѣе справедливой. У адвоката ищутъ защиты, просятъ защитить опредѣленную сторону, найти все то, что говорить въ ея пользу. И если въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ онъ признаетъ ту или иную позицію незащитимой, и отъ дѣла отказывается, то это исключеніе; нормальная работа адвоката въ томъ и заключается, что, принимая дѣло, онъ принимаетъ на себя обязанность глядѣть на него предвзято, и все его искусство въ томъ, чтобы отстоять эту предвзятую мысль. Оттого то въ адвокатѣ развивается усиленная способность аргументаціи, и исчезаетъ способность убѣжденія. Адвокаты—люди безпринципные. Я говорю это не въ томъ дурномъ смыслѣ слова, которымъ клеймятъ человѣка, который измѣняетъ свои убѣжденія. У адвоката просто ихъ нѣтъ; онъ хорошо понимаетъ, что всякая позиція, всякій тезисъ условенъ; онъ понимаетъ, что во всемъ двѣ стороны, что обо всемъ можно спорить; въ немъ развивается только искусство спорить, обнаруживать то, чего другіе не видятъ. По истинѣ и положеній неопровержимыхъ, безспорныхъ для него почти не существуетъ. Посмотрите на адвоката на консультаціи; тамъ, гдѣ нужно ему сказать свое убѣжденіе, онъ безпомощенъ, онъ теряется. Онъ хорошо знаетъ, что все можно двояко рѣшить; и только когда ему скажутъ, чего отъ него ждутъ, что желательно, тогда онъ оживляется и становится на твердую почву. Это свойство адвокатуры, въ которомъ не адвокаты повинны, а самая ихъ профессія, оно является типичной профессіональной болѣзнью, оно же въ значительной мѣрѣ объясняетъ и роль адвоката и въ политической жизни, тамъ, гдѣ новыя условія этой жизни предъявляли на нихъ усиленный спросъ. Условіями профессіональнаго адвокатскаго воспитанія объясняются и та выдающаяся роль, которую они играютъ въ политической жизни страны, и въ то же время вредное ихъ вліяніе въ ней. Въ политической жизни адвокату помогаетъ эта выработанная долгой практикой способность аргументаціи и выработанное такой же долгой практикой умѣнье видѣть то, что хочется видѣть. Въ адвокатурѣ онъ на все смотритъ предвзято, въ зависимости отъ того, какая сторона къ нему обратилась; въ политической жизни эта предвзятость дается его принадлежностью къ партіи,

къ политическому направленію. Партійность всегда ставитъ ему опредѣленное заданіе: либо находить, что то явленіе, о которомъ онъ говоритъ, дурно, либо, наоборотъ, его защищать. А такъ какъ онъ умѣетъ находить во всемъ обѣ стороны и съ равнымъ искусствомъ ихъ защищать, то никто лучше адвоката не подготовленъ вести ту политическую дѣятельность, какою ее создала наша жизнь, т.-е. чисто-партійную дѣятельность.

По поводу всего этого можно было бы еще много сказать, но не эти соображенія, не эти свойства профессіи оттолкнули Толстого отъ адвокатуры. Отрицаніе Толстого вытекало изъ другихъ источниковъ. По тѣмъ причинамъ, по которымъ Толстой къ судебной дѣятельности относился наиболѣе отрицательно изъ всѣхъ видовъ государственной дѣятельности, по тѣмъ же самымъ причинамъ изъ всѣхъ видовъ судебной онъ наиболѣе отрицательно относился къ адвокатурѣ. Какъ онъ отрицалъ судебную дѣятельность потому, что она изъ всѣхъ служеній общему благу была наиболѣе опаснымъ соблазномъ, такъ онъ отрицалъ адвокатуру потому, что она—наибольшій соблазнъ въ области уже только судебной. Въ самомъ дѣлѣ, адвокатъ, какъ будто бы вовсе не несетъ на себѣ отвѣтственности за то, что дѣлаютъ суды; онъ не отвѣчаетъ и за то дурное, что требуетъ законъ; борется и съ тѣмъ, и съ другимъ, стоитъ какъ будто внѣ аппарата суда, внѣ судейской дѣятельности, онъ ея главный противникъ, врачъ, помогающій больнымъ, съ которымъ адвокаты такъ любитъ себя сравнивать. Кто изъ адвокатовъ поэтому не считаетъ себя свободнымъ отъ тѣхъ упрековъ, которые могутъ дѣлать судамъ и прокуратурѣ, его вѣчнымъ противникамъ? И Толстой отвѣчаетъ на это, что все это разсужденіе—самый опасный самообманъ. Адвокатъ ничѣмъ не отличается ни отъ судьи, ни отъ прокурора; всѣ они служатъ одному и тому же богу, богу законности и государственности, больше, чѣмъ велѣнію Христа. Всѣ они, участвуя въ гражданскихъ дѣлахъ, служатъ и тому насилію государства, которое само по себѣ есть зло. Толстой вообще отрицаетъ раздѣленіе отвѣтственности, потому и не снимаетъ ея съ адвокатуры. Отвѣтственность за все то, что дѣлается, остается и на этой профессіи, но то, что внѣшнія ея условія даютъ поводъ адвокатамъ утверждать, что они не при чемъ, что они съ судьями борются, что они отъ наказанія защищаютъ,—именно это и составляетъ самый зловредный соблазнъ. Институтъ адвокатуры, состоящій при судахъ, какъ будто миритъ съ ними, покрываетъ ихъ тѣмъ виноградимъ листикомъ, которымъ покрываютъ то, что хотятъ скрыть; адвокатъ, который воображаетъ, что онъ своей дѣятельностью принесетъ пользу, не видитъ, что эта его польза сторицей окупается тѣмъ соблазномъ, въ который онъ вводитъ людей. А когда, наконецъ, подумаешь, что изъ своей профессіи адвокаты, какъ и всѣ остальные, извлекаютъ и личныя

выгоды, что они ею живутъ, что эта выгода безсознательно заставляетъ ихъ отстаивать и необходимость ихъ дѣятельности, одинъ изъ тѣхъ видовъ самообмана, къ которому часто возвращается Толстой,—когда сопоставишь все это, то понимаешь, почему Толстой такъ отрицательно къ нимъ относился. А если поймешь, что адвокаты, какъ и прокуроры, и судьи, какъ всѣ люди, занимающіеся государственно-общественной службой, живутъ въ томъ же мірѣ условныхъ отношеній, въ которомъ они не могутъ и не хотятъ глядѣть дальше поверхности, въ которомъ истинно человѣческія отношенія устраняются, замѣняются служебными, то станетъ ясно, почему Толстой возставалъ противъ адвокатуры.

А что результатъ адвокатской профессіи приводитъ къ такому именно упрощенному взгляду на жизнь, видно изъ самого „Воскресенія". Нехлюдовъ разговорился съ Фонаринымъ о различныхъ несправедливостяхъ, которыя творятся на судѣ, о произволѣ судейскихъ рѣшеній и т. п.; когда Фонаринъ привелъ ему массу примѣровъ этого, Нехлюдовъ говоритъ:

Но если такъ, и все зависитъ отъ произвола прокурора и лицъ, могущихъ примѣнять и не примѣнять законъ, такъ зачѣмъ же судъ?

Что же на это Фонаринъ, живущій этимъ судомъ?

„Адвокатъ весело расхохотался.—Вотъ какіе вопросы вы задаете. Ну-съ, это, батюшка, философія. Что же, можно и объ этомъ потолковать. Вотъ пріѣзжайте въ субботу. Встрѣтите у меня ученыхъ, литераторовъ, художниковъ. Тогда и поговоримъ объ общихъ вопросахъ,—сказалъ адвокатъ съ ироническимъ паѳосомъ произнося слова: «общіе вопросы»."

Вотъ это-то отношеніе къ жизни больше всего раздражало Толстого. Для Фонарина, всѣ эти вопросы только милые разговоры, темы для шутокъ, для остроумія. Онъ вошелъ во вкусъ, добровольно сжился съ этимъ міромъ, съ тѣми людьми, съ которыми якобы борется, и для Толстого онъ настолько же хуже судьи, настолько судья хуже палача.

Мнѣ давно пора и можно кончать, но я не могу разстаться съ „Воскресеніемъ", не коснувшись главной его темы. Она вѣдь не въ судѣ и не въ тюрьмахъ; она въ самомъ Нехлюдовѣ, въ нашемъ старомъ знакомомъ, который „совлекъ ветхаго человѣка", который „воскресъ".

Нехлюдовъ, какъ и самъ Толстой, понялъ, насколько безсмысленна и гадка была его прежняя жизнь, и возненавидѣлъ ее. И какъ Толстой, онъ это понялъ не на одрѣ смерти, подобно Ивану Ильичу, а въ разгарѣ жизни; понявъ, нашелъ и выходъ; выходъ, къ которому пришелъ Нехлюдовъ, тотъ самый, къ которому пришелъ и Толстой во „Въ чемъ моя вѣра". Тѣ самыя пять Христовыхъ заповѣдей, которыя Толстой нашелъ въ Евангеліи, точка въ точку тѣ же, которыя найдены и Нехлюдовымъ. И если „Смерть Ивана Ильича" — художественная иллюстрація къ „Исповѣди", то „Воскресеніе"—иллюстрація къ „Въ чемъ моя вѣра". Нехлюдовъ, какъ и Толстой, повѣрилъ въ Христа.

Но это принятіе Неклюдовымъ ученія Христа затронуто лишь на послѣднихъ страницахъ; результаты его стоятъ внѣ „Воскресенія"; въ самомъ же „Воскресеніи" мы видимъ другое: переходную ступень Неклюдовской жизни, видимъ Неклюдова, когда онъ еще не доросъ до этого ученія, когда онъ только постепенно имъ проникался, когда жизненными впечатлѣніями выталкивался на другой путь. И въ этомъ періодѣ Неклюдовъ, будущій христіанинъ, остается еще вполнѣ міряниномъ; онъ по-мірски понимаетъ страданія міра, и по-мірски имъ помогаетъ. Онъ не совѣтуетъ страдающему благодарить Бога за испытанное страданіе, жалѣетъ по обидчика, хлопочетъ за страдающихъ, пользуется своими связями, богатствомъ, всѣмъ, что дала ему прежняя жизнь, которую онъ ненавидитъ, пользуется всѣмъ, чтобы вызволять изъ темницъ, возвращать дѣтей родителямъ, освобождать отъ суда невиновныхъ. Онъ широкими глазами глядитъ на этотъ новый для него міръ, и оттуда, снизу, понимаетъ, какъ безсмысленна, пуста, жестока и вредна была его прежняя жизнь.

Таковъ Неклюдовъ, но вѣдь такимъ былъ и Толстой; неклюдовская жизнь—это та самая жизнь, которую велъ самъ Толстой послѣ того, какъ написалъ „Въ чемъ моя вѣра". И эта его жизнь была сплошнымъ противорѣчіемъ его собственной вѣрѣ, которое онъ самъ больно чувствовалъ. Противорѣчіе было, конечно, не въ томъ, на что любили злорадно указывать его враги и толпа. Не въ томъ, что онъ свое имѣніе отдалъ семьѣ, а не чужимъ, что онъ не превратилъ семью въ нищихъ, не въ томъ, что жилъ въ условіяхъ сравнительнаго комфорта, ничтожнаго сравнительно съ тѣмъ, съ которымъ онъ могъ бы жить; противорѣчіе въ томъ, что Толстой не разучился по-мірски понимать страданія міра, что, видя и понимая ихъ, онъ отступалъ отъ своего ученія, отъ своей вѣры въ Христа и по-мірски съ ними боролся.

Былъ голодъ 1892 года. Люди умирали. Съ точки зрѣнія того ученія не отъ міра сего, которое въ 84-мъ году предложилъ Толстой, было очевидно, что голодъ самъ по себѣ не есть зло или преходящее зло; что несчастны не тѣ, кто съ голоду умираетъ, а тѣ, кто это допускалъ, какъ несчастливъ разбойникъ, а не его жертва; было ясно далѣе, что попытки сытыхъ кормить голодающихъ есть простое средство заглушить голосъ совѣсти, оправдать то зло, которое они причиняютъ, хуже и въ видовъ соблазна.

Да, Толстой все это понималъ; недаромъ, незадолго передъ тѣмъ, послѣ переписи, онъ такъ энергично возсталъ противъ филантропіи, противъ денегъ, противъ всякой помощи сверху; и когда во время голода къ Толстому пріѣхалъ его другъ Раевскій, который въ это время организовывалъ столовыя въ Рязанской губерніи, Толстой не только не одобрилъ этого дѣла, но написалъ грозную статью противъ этого о-пе-

ственнаго увлеченія. И съ этой статьей въ рукахъ Толстой поѣхалъ посмотрѣть на устройство столовыхъ, чтобы найти тамъ новый матеріалъ для статьи, новое подтвержденіе своихъ взглядовъ,—но увидалъ, что тамъ дѣлалось и остался на мѣстѣ, и сталъ во главѣ самой грандіозной затѣи изъ области общественной помощи голодающимъ.

Толстой узналъ о духоборахъ, о томъ, какъ они страдаютъ за вѣру, разосланные и разсѣянные по Кавказу. Съ точки зрѣнія Толстого, *они* были счастливы, а не ихъ мучители. Они должны были быть блаженны, что ихъ гонятъ. Не этотъ ли случай былъ предусмотрѣнъ заповѣдью Христа, который говорилъ, что „блаженны вы, когда васъ будутъ гнать и преслѣдовать во имя Христа"? И что жо? Толстого не успокоили эти соображенія, онъ не рекомендовалъ имъ не только примириться, но даже радоваться своей участи; онъ сталъ во главѣ обширнаго общественнаго движенія и добился переселенія духоборовъ въ Канаду, въ условія спокойной, достаточной, по-мірски счастливой жизни.

Государственное насиліе есть зло; чѣмъ справедливѣе государство, тѣмъ хуже, оно скрываетъ Христа, оно соблазняетъ. Но Толстой наблюдалъ крестьянскую жизнь, видѣлъ роль земельнаго вопроса, земельной тѣсноты и, ознакомившись съ ученіемъ Генри Джорджа, ученіемъ государственнымъ, не-христіанскимъ, сталъ хлопотать о проведеніи земельной реформы, обращался съ проектомъ о ней и къ членамъ Государственной Думы, даже къ правительству, къ предсѣдателю совѣта министровъ—Столыпину.

Фонарпнъ говорилъ Неклюдову: „Вы стали воронкой, горлышкомъ, черезъ которое изливаются страданія тюрьмы". Это примѣнимо къ Толстому, только въ большемъ масштабѣ; не тюрьма, а весь міръ черезъ его посредство изливалъ свою скорбь. Толстой пользовался своимъ богатствомъ, личными связями, чтобы хлопотать за несчастныхъ; онъ не утѣшалъ ихъ ученіемъ Христа, но успокаивалъ ихъ призрачностью человѣческаго счастья, а пользовался обаяніемъ своего имени и личности, чтобы облегчить чужую боль.

Это была непослѣдовательность—трогательная, чудесная непослѣдовательность, ради которой Толстой такъ близокъ намъ, такъ дорогъ намъ, но это все же была непослѣдовательность. Это была переходная ступень, черезъ которую прозрѣвшій человѣкъ приходитъ къ тому, какъ, по мнѣнію Толстого, надлежало жить, жить во Христѣ.

Но какова должна была быть эта жизнь? Что нужно было дѣлать, чтобы сказать, что этотъ вопросъ разрѣшенъ? Какъ устроить эту жизнь въ условіяхъ теперешняго мірского существованія? Неклюдовъ воскресъ; онъ прошелъ черезъ горнило этого испытанія, помощи людямъ въ условіяхъ міра, понялъ всю невозможность спастись отъ зла въ этомъ мірѣ, и обратился къ Христу; онъ понялъ, гдѣ была правда. Но въ тотъ

самый моментъ, когда Неклюдовъ это понялъ, когда можно было на его примѣрѣ показать, что̀ нужно дѣлать,—„Воскресеніе" окончилось. Вы помните послѣднія слова „Воскресенія".

„Такъ вотъ оно, дѣло моей жизни. Только кончилось одно, началось другое. Съ этой ночи началась для Неклюдова совсѣмъ новая жизнь, не столько потому, что онъ вступилъ въ новыя условія жизни, а потому, что все, что случалось съ нимъ съ этихъ поръ, получало для него совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе.

Чѣмъ кончится этотъ новый періодъ его жизни, покажетъ будущее".

Отвѣтъ отнесенъ въ будущее, его еще нѣтъ въ „Воскресеніи".

А самъ Толстой? Онъ тоже чувствовалъ, что живетъ не такъ, какъ нужно, что его жизнь—коренное противорѣчіе. Что нужно коренным образомъ измѣнить свою жизнь,—и его поклонники ему на это указывали.

Послѣ его смерти было напечатано одно страстное письмо кіевскаго студента, которое въ свое время произвело впечатлѣніе на Толстого.

Голубчикъ, дорогой, на колѣняхъ и со слезами умоляю васъ... меня бѣсятъ ваши враги, которые черной сворой окружили все свѣтлое и хорошее и давятъ, уничтожаютъ его; но мнѣ кажется, что и въ ихъ протестующихъ голосахъ есть одинъ слабый, правда, холодный, намекъ, похожій на истину. Почему вы, образецъ для насъ и учитель, не отказались отъ самого себя? Откажитесь отъ графства, раздайте имущество роднымъ своимъ и бѣднымъ, останьтесь безъ копѣйки денегъ и нищимъ пробирайтесь изъ города въ городъ. Откажитесь отъ себя, если не можете отказаться отъ близкихъ своихъ въ родномъ семейномъ кругу. Знаю, что вамъ трудно это сдѣлать, знаю, что вамъ уже много много лѣтъ, но не хочу вѣрить, чтобы васъ въ скорбяхъ (если только вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ умоляю) оставили люди. Приходите тогда и въ нашъ старый добрый Кіевъ, заходите ко мнѣ, и я буду смотрѣть вамъ въ глаза и на вашу сѣдую бороду и наслаждаться тѣмъ, что вы дали первый ростокъ, первый бутонъ для того, чтобы изъ него распустилось счастье, о которомъ у насъ такъ много пишутъ, но котораго никто еще не нашелъ...

Толстой не разъ думалъ про это, и это письмо было одна изъ послѣднихъ капель; 28 октября Толстой ушелъ и больше не вернулся.

Что бы вышло изъ этого ухода? О, мы знаемъ одно: міръ бы за нимъ не послѣдовалъ. Міръ не послѣдовалъ бы за Толстымъ, если не пошелъ за Христомъ. Мы, люди міра, которые восхищаемся Толстымъ, но не слѣдуемъ за нимъ, мы вѣримъ, что міръ развивается иначе, идетъ по другой дорогѣ, исходитъ изъ другого начала. Уходъ Толстого не могъ быть страницей въ исторіи міра, но онъ былъ страницей въ жизни Толстого.

Что могло выйти изъ этого ухода? Удалось ли бы Толстому воплотить его любимую и трогательную легенду о Ѳедорѣ Кузьмичѣ, подъ которымъ скрылся великій Императоръ, насыщенный властью и счастьемъ? Удалось ли бы ему, удалившись отъ міра такъ, что никто бы Толстого и не узналъ, обратиться въ какого-либо безвѣстнаго старика, и погиб-

нуть или умереть гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ за безписьменность? Или, что было бы гораздо вѣроятнѣе, и отъ великаго одинъ шагъ до смѣшного— въ нашъ вѣкъ телеграфовъ и кинематографовъ, всѣ попытки Толстого исчезнуть изъ міра оказались бы тщетными, за нимъ бы двигалась армія репортеровъ, трещали бы кодаки, и жадный, любопытный міръ опошлилъ или высмѣялъ бы этотъ послѣдній порывъ? Это было вѣроятнѣе, но судьба пощадила своего любимаго сына, и пошлость остановилась у святой могилы. Своимъ уходомъ изъ міра Толстой поднялся на ту высоту, выше которой онъ уже подняться не могъ; ему оставалось только умереть. Судьба надѣла на него новый вѣнокъ, увѣнчала великую жизнь ореоломъ послѣдняго подвига, вплела новый лавръ въ его славу, но загадка, что̀ дѣлать?—осталась неразрѣшенной.

В. Маклаковъ.

О чткѣ.

Актеръ, критика, школа.

Въ искусствѣ чтки, какъ и во всякомъ исполнительномъ искусствѣ, есть двѣ стороны. Одна сторона—та, про которую можно сказать—„это хорошо, а это лучше", или—„это плохо, а это еще хуже". Такъ, одинъ человѣкъ читаетъ съ жаромъ, другой—съ бо́льшимъ жаромъ, одинъ „чувствуетъ", другой „не чувствуетъ"; одинъ умѣетъ „играть", другой не умѣетъ. Это та сторона исполненія, въ оцѣнкѣ которой примѣнимы степени сравненія, и это также та сторона его, которой нельзя ни научить, ни научиться. Оцѣнка этой стороны исполненія лишена абсолюта, она сравнительна, построена на степени приближенія къ тому, что намъ представляется идеаломъ. Въ этой же сторонѣ исполненія, или, скорѣе, въ критикѣ этой стороны его, значителенъ элементъ субъективности. „Мнѣ нравится", скажетъ одинъ, „мнѣ не нравится", скажетъ другой,—и скажутъ о томъ же самомъ. И они могутъ убѣждать другъ друга, но ни одинъ не можетъ доказать другому, что онъ правъ въ своихъ требованіяхъ; не можетъ доказать потому, что требованія личнаго характера относятся къ категоріи того, что мы называемъ дѣломъ вкуса.

Теперь посмотрите нашу обычную критику. Она вся построена на сравнительныхъ степеняхъ. „Недостаточно, слишкомъ, довольно, лучше бы, не въ мѣру, черезчуръ" и т. д. Какая подъ этими отрицательными сужденіями положительная норма? Никакой, кромѣ личнаго вкуса. Конечно, личный вкусъ человѣка, одареннаго художественнымъ чутьемъ, есть уже указаніе, но это указаніе, такъ сказать, вторичнаго характера,—это раскраска, не рисунокъ. А къ чему раскраска, когда рисунокъ невѣренъ? Разнѣ лучшая раскраска исправитъ неправильный рисунокъ? Представьте, раскраска улучшена согласно указаніямъ человѣка чуткаго,—развѣ будетъ лучше? Все равно изъяны (или, какъ у насъ любятъ говорить, дефекты) чтки, какъ таковой, останутся тѣ же,

что и были. Надо же разъ навсегда понять, что главное не въ томъ, чтобы было *лучше*, а въ томъ, чтобы было *правильно*. У насъ совершенно упускаютъ изъ виду, что есть въ искусствѣ читки другая область, въ которой не примѣнимо опредѣленіе—„лучше или хуже", а допустимо только—„правильно или неправильно". Объ этой, основной, технической сторонѣ читки у насъ никогда никто не упоминаетъ. Между тѣмъ, представьте себѣ споръ о преимуществахъ двухъ піанистовъ. У одного, говорятъ, много чувства, у другого меньше; одному совѣтуютъ сдержанности, другому побольше увлеченія; оба стараются послѣдовать указаніямъ чуткаго къ музыкѣ критика. Но представьте, что и у того, и у другого какой-нибудь „дефектъ" въ движеніи пальцевъ, или какая-нибудь привычка къ ложной фразировкѣ, неумѣніе выдерживать паузу, неумѣніе давать музыкальное удареніе,—удареніе „затакта" въ ущербъ слѣдующей сильной части. Къ чему такимъ піанистамъ указаніе критика? Скажу больше, къ чему исправленія въ указаньомъ духѣ? Вѣдь не въ большемъ или меньшемъ чувствѣ тутъ дѣло, и вообще не въ сравнительной *степени* совершенства ихъ выразительности, а въ положительной *неправильности* ихъ способовъ выраженія. Эта сторона искусства, за которой въ музыкѣ критика такъ зорко слѣдитъ и къ которой публика относится со строгой чуткостью, почему то въ искусствѣ читки совершенно обходится вниманіемъ. Кто у насъ когда сказалъ: „это вѣрно, а это невѣрно"? Кто сказалъ: „*нельзя* дѣлать такія логическія ударенія (или, вѣрнѣе, такія нелогическія ударенія), *нельзя* останавливаться между такихъ то словъ"? Развѣ не печально это отсутствіе точности въ указаніяхъ? Какая расплывчатость въ требованіяхъ! Какая робость въ этихъ вѣчныхъ сравнительныхъ степеняхъ!

До какой степени далека отъ нашего критическаго сознанія та сторона сценической рѣчи, о которой сейчасъ говорю, лучше всего доказываетъ тотъ фактъ, что всякое указаніе на необходимость соблюденія извѣстныхъ точныхъ, незыблемыхъ правилъ читки принимается, какъ протестъ противъ „чувства", противъ вдохновенія, противъ проявленія личнаго творчества. Удивительно, какъ вокругъ актерскаго искусства образовалась какая то опека, оберегающая его отъ посягательствъ со стороны всего, что сколько-нибудь похоже на „правило", на *школу*. И почему это только въ отношеніи къ актерскому искусству? Мало развѣ мы знаемъ руководствъ по другимъ искусствамъ: „школы" фортепіанной игры, „школы" скрипки, віолончели? Никогда никому въ голову не придетъ сказать, что это не нужно, что это вредно, что это убиваетъ вдохновеніе, препятствуетъ проявленію личнаго творчества. Почему же раздаются подобные голоса, какъ только ставится требованіе относительно соблюденія правилъ въ искусствѣ рѣчи? „Какъ! Вы требуете, чтобы артистъ въ порывѣ вдохновенія думалъ объ ударе-

ніяхъ, о повышеніяхъ и пониженіяхъ! Да вы хотите изъ него сдѣлать машину? Вы убиваете въ немъ чувство. Развѣ можно думать о паузахъ, когда надо играть!" Такъ мнѣ сказалъ однажды одинъ изъ нашихъ представителей „нутра". Одинъ изъ немногочисленныхъ кратиковъ, удостоившихъ своимъ вниманіемъ мою книгу „Выразительное слово", говоритъ приблизительно то же самое и упрекаетъ меня въ „односторонномъ" взглядѣ на искусство актера, отъ котораго я требую будто бы только соблюденія извѣстныхъ правилъ и ничего другого. Но почему же люди, никогда о нѣкоторыхъ вопросахъ рѣчи не занимавшіеся, не односторонни, а человѣкъ, поднимающій голосъ, кромѣ всего прочаго, *и за соблюденіе законовъ рѣчи*, односторонепъ?

Здѣсь невольно приходитъ на умъ еще одинъ излюбленный пріемъ противниковъ школы: киваніе на геніевъ. „Ну, что вы, къ чему школа! Очень нужно! Такой то развѣ „учился"? А такой то безъ всякихъ вашихъ правилъ сталъ знаменитостью" и т. д. Обыкновенно въ этихъ случаяхъ приводится имя какой-нибудь знаменитости во множественномъ числѣ (всегда во множественномъ числѣ, какъ будто „Шаляпиныхъ" такъ много, что ими можно прудъ прудить) и объявляется, что имъ школа не нужна. Что же возражать на это? Стоитъ ли спорить? Ну, да, *имъ* школа не нужна была (и то, кто же учтетъ или провѣритъ, что бы изъ нихъ вышло, если бы и они прошли школу!). Но есть ли это доказательство, что и всѣмъ вообще школа не нужна? Совсѣмъ особое, и нельзя сказать, чтобы здоровое, вліяніе, въ смыслѣ воспитательнаго примѣра, оказываютъ геніи. Вина, конечно, не въ самихъ геніяхъ, а въ тѣхъ, кто превращаетъ „геніальность" въ воспитательную систему. Весь Петербургъ недавно преклонялся передъ геніальнымъ ребенкомъ-дирижеромъ. И что же? Я слышалъ послѣ перваго же концерта два отзыва,—одинъ отъ ученика консерваторіи, другой отъ опернаго пѣвца,—что учиться не надо. Какъ не надо! „Ну, да, разъ семилѣтній ребенокъ можетъ, къ чему же учиться?" Да вѣдь это одинъ на милліоны, одинъ на разстояніи вѣковъ. „Ну, можетъ быть. Но если явится *еще* одинъ, тогда ужъ, значитъ, учиться не надо". Нѣтъ, кромѣ шутокъ, совсѣмъ особенное, нездоровое, даже опасное, въ смыслѣ воспитательномъ, вліяніе могутъ оказывать геніи на нѣкоторыхъ людей... Но возвратимся къ читкѣ, къ вопросу о необходимости соблюденія точныхъ, незыблемыхъ правилъ.

Хотѣлось бы разъ навсегда поставить вопросъ ясно и точно. Находите ли вы, что рѣчь сценическая (разумѣю подъ этимъ именованіемъ и всякую вообще „читку") должна быть правильна, логически правильна, т.-е. съ такими удареніями, такими интонаціями и такими паузами, съ какими ту же самую рѣчь сказалъ бы въ подобныхъ же обстоятельствахъ человѣкъ въ жизни? Или, можетъ быть, вы считаете,

что не важно, чтобы сценическая рѣчь отвѣчала логическимъ требованіямъ рѣчи вообще? Можетъ быть, вы находите, что рѣчь „чтеца“ должна имѣть свои особыя ухватки, что она не должна быть похожа на природу? Если такъ, то и говорить не о чемъ. Но если вы считаете, что искусство корнями своими сидитъ въ природѣ, вы не можете не требовать естественности, правдивости читки. Будетъ ли, по-вашему, искусство—воспроизведеніе или изображеніе, или преображеніе жизни,—все равно: *безъ* жизни искусства нѣтъ. И вотъ, значитъ, если рѣчь чтеца не отвѣчаетъ законамъ природы, если въ ней отсутствуетъ то, что сближаетъ ее съ жизнью, то можно ли говорить о полнотѣ искусства? И не правильнѣе ли обвинить въ „односторонности“ тѣхъ, кто такою читкой удовлетворяется? Вѣдь это,—если это даже искусство,—это лишь полуискусство, не цѣльное искусство. Кто же „односторонепъ“? Тотъ, кто протестуетъ, или тотъ, кто мирится?

Чѣмъ спорить о томъ, нужно или не нужно обращать вниманіе на читку и нужно ли за ней въ сценическомъ искусствѣ признавать первостепенное значеніе, гораздо цѣлесообразнѣе было бы поговорить о самой читкѣ, т.-е. не о томъ, *нужно* ли воспитывать ея правильность, а о томъ, *правильна* ли та самая читка, какую мы слышимъ на нашихъ сценахъ и какую преподаютъ въ нашихъ школахъ. О томъ, что необходимость воспитанія читки все же признается, достаточно свидѣтельствуетъ огромное количество „школъ“ и „курсовъ“, на которыхъ преподается „выразительное чтеніе“. Спорить о нужности, о цѣлесообразности не приходится, и, какъ сильно критика ни подымаетъ голосъ въ пользу „чувства“, „вдохновенія“, въ учащихъ и учащихся, очевидно, живетъ сознаніе того, что „нутра“ недостаточно, а что надо сколько-нибудь и учиться. Не въ томъ дѣло, значитъ, нужно или не нужно, а въ томъ, чему и какъ.

Уже сказано было, что критика наша устремляетъ свое вниманіе исключительно на то, что можно назвать *относительной* (въ отличіе отъ *абсолютной*) стороной искусства читки. Она говоритъ сравнительными степенями: „слишкомъ, недостаточно, надо бы, желательно, больше, теплѣе“ и т. д. Она никогда не говоритъ: „правильно, неправильно, такъ нельзя, потому что это невѣрно, невѣрно вотъ почему, потому что въ жизни бываетъ такъ-то“. Тотъ же самый пріемъ мы видимъ и въ нашемъ сценическомъ преподаваніи,—тотъ же зыбкій, случайный фундаментъ личнаго впечатлѣнія, тѣ же совѣты въ сравнительныхъ степеняхъ: „прибавьте, поддайте, подпустите, погорячѣе, поярче“. То же самое отсутствіе какихъ-либо твердыхъ, *постоянныхъ* правилъ,—правилъ не къ данному случаю, а такихъ, которыя ученикъ могъ бы, такъ сказать, взять съ собой въ дорогу, въ длинный и разнообразный путь своей художественной карьеры. Такія правила, которыя бы фор-

мулировались въ положительныхъ или отрицательныхъ предписаніяхъ,— „всегда дѣлайте такъ-то" или „никогда не дѣлайте такъ то",—равно отсутствуютъ въ преподавательскомъ обиходѣ, какъ и въ критикѣ. Только вотъ разница: то, что въ дѣлѣ критики является вопросомъ художественнаго пріема, то въ дѣлѣ преподаванія становится уже вопросомъ воспитательной добросовѣстности: тамъ эстетика, здѣсь—этика. И въ самомъ дѣлѣ. Непремѣнное условіе всякаго воспитанія—твердыя, незыблемыя, *сознательныя* и на *знаніи* основанныя правила. Кто этого не дастъ, тотъ предлагаетъ „камень вмѣсто хлѣба". Скажутъ, что нельзя основывать на правилахъ художественное воспитаніе,—въ искусствѣ рѣчи, скажутъ, слишкомъ большую роль играетъ чувство, интуиція, настроеніе и т. д. А въ другихъ искусствахъ развѣ менѣе? Да подумайте только, какъ бы музыкантъ расхохотался, если бы ему сказали, что для выучки на скрипкѣ не нужно правилъ, а нужна только интуиція! Вѣдь искусство есть мастерство. Мыслимо ли какое-либо мастерство преодолѣть безъ выучки? Мыслима ли выучка безъ правилъ? Вопросъ только въ томъ, какія правила и къ какой сторонѣ даннаго искусства эти правила должны относиться. И вотъ здѣсь, если прислушаемся къ обычнымъ пріемамъ нашей читки, если присмотримся къ обычнымъ преподавательскимъ пріемамъ въ дѣлѣ выразительнаго чтенія, мы съ немалымъ изумленіемъ должны будемъ отмѣтить, что стремленіе дать нѣкоторое руководительство направлено именно на ту сторону нашего искусства, въ которой правилъ быть не можетъ,—на сторону чувства, переживанія, на всю психологическую сторону декламаціи. Но вѣдь психологія—это то, что мѣняется, это то, что неопредѣлимо, это свѣтотѣнь, это *магическая* сторона искусства, а вѣдь подъ ней есть *фактическая*, постоянная, неизмѣнная сторона. Вотъ гдѣ нужны правила; тамъ ихъ не можетъ быть, но здѣсь они не только могутъ, но и должны быть. Между тѣмъ, эта фактическая, техническая сторона декламаціи совершенно оставляется безъ руководства; она предоставляется выбору и ощупи ученика.

Для человѣка, чувствующаго недостатки обычной нашей театральной читки, ничто не можетъ быть обиднѣе, какъ видѣть ту теоретичность, слышать то философствованіе, которыми обставляется у насъ обученіе выразительному чтенію. Сколько психологіи, сколько литературы, исторіи, сколько „лукаваго мудрствованія" вокругъ того, что есть вопросъ *читки* и больше ничего. Развѣ не обидно это,—ученикъ читаетъ „Дна міра" Майкова, онъ просто мажетъ слова, не умѣетъ разставить ударенія, а ему читаютъ „Исторію быта древнихъ грековъ". Ученикъ, видимо, совершенно не владѣетъ голосомъ, не понимаетъ, что значитъ повышеніе и пониженіе, а ему преподаватель говоритъ: „Побольше разнообразія. Смѣлѣе; подпустите, знаете, пятенъ яркихъ, жел-

таго, краснаго, фіолетоваго... Ну-съ, еще разъ". Ученикъ повторяетъ точь въ точь, какъ и раньше читалъ. Ему говорятъ: „Нѣтъ, вы ищите тона, вы не нашли тона, ищите тона. Поймите же, вѣдь это весна, солнце, цвѣты... Вживайтесь, переживайте... Дайте свѣта, красокъ... Ну-съ". Легко сказать „ищите тона",—а когда у него голосъ изъ подвальнаго этажа подняться не умѣетъ? Легко сказать „дайте красокъ",—а когда онъ никогда не упражнялся въ повышеніяхъ и пониженіяхъ на одной и той же гласной? Да представьте же себѣ только мальчика, сидящаго за фортепіано; передъ нимъ профессоръ раскрылъ „Пасторальную" симфонію Бетховена; онъ начинаетъ играть. У него пальцы не идутъ, просто-напросто пальцы не идутъ, а учитель будетъ ему читать лекцію о значеніи „Пасторальной" симфоніи: „Пойми же, вѣдь это весна, птички поютъ, цвѣты цвѣтутъ, солнце сіяетъ" и т. д. Онъ можетъ и понять, но лучше ли онъ сыграетъ? Вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы умъ и воображеніе въ данномъ случаѣ обогащать, а въ томъ, чтобы пальцы воспитать. Такъ и въ искусствѣ читки: обогатить свой умъ и развить свое воображеніе никому не вредно, но не это нужно, чтобы быть чтецомъ. Въ каждомъ искусствѣ есть своя особая сторона, свое особое умѣніе, и его то и надо воспитывать; а общее воспитаніе не создастъ „мастера". Кто изъ великихъ людей сказалъ, что „каждый художникъ долженъ быть сапожникомъ своего мастерства"? У насъ же хотятъ, чтобы человѣкъ шилъ сапоги, но, вмѣсто того, чтобы учить его владѣть шиломъ, говорятъ ему, о чемъ онъ долженъ думать, что долженъ чувствовать, на чемъ сидѣть, во что одѣться.

Это характерное увлеченіе побочными сторонами въ дѣлѣ декламаціи не можетъ не вліять и на самый способъ чтенія. Въ самомъ дѣлѣ,—и во внѣшней, технической сторонѣ читки и во внутренней (логической и психологической сторонѣ) равнымъ образомъ главное приносится въ жертву побочному. Я не буду говорить о чисто технической сторонѣ, о произношеніи, удареніи, повышеніяхъ и пониженіяхъ. Обо всемъ этомъ въ моей книгѣ „Выразительное слово" сказано подробно и даже, какъ выразился одинъ изъ моихъ критиковъ, кропотливо. Но я хочу указать на вліяніе психологическое, какое имѣетъ на нашу читку то увлеченіе побочными интересами, о которомъ упомянулъ и которымъ отмѣчено не только наше отношеніе къ выразительному чтенію, но и наше современное отношеніе къ театру вообще. Да къ одному ли театру? А прочія искусства? Наше сознаніе заполнено „побочнымъ". Много ли такихъ, кто говоритъ *объ* искусствѣ? Большинство говоритъ о чемъ угодно *по поводу* искусства... Но вернемся къ читкѣ.

Одинъ изъ несноснѣйшихъ недостатковъ нашей читки,—и нельзя не признать его результатомъ увлеченія подробностью въ ущербъ сути,—это ложная, слишкомъ подробная раскраска. Въ двухъ случаяхъ мы

можемъ эту дурную привычку прослѣдить: на прилагательныхъ и на косвенной рѣчи. Увы, ничто такъ не убиваетъ рѣчь, какъ погоня за словомъ. Оттого что намъ нравится качество, мы выдвигаемъ прилагательное. И мы забываемъ, что прилагательное само по себѣ не имѣетъ психологическаго значенія, что только мы сами даемъ ему таковое,— наше настроеніе окрашиваетъ слово, а не наоборотъ. Вѣдь слово „яркій", говоря о солнечномъ днѣ, я могу сказать съ восторгомъ, когда я самъ радостенъ, но могу его сказать и безъ всякаго восторга, если мнѣ тяжело на душѣ и „совсѣмъ не до того". У насъ же стремится каждое прилагательное превратить въ картинку; все чтеніе превращается въ рядъ пятенъ, несвязанныхъ между собою,—за *словами* не видно *рѣчи*. Я слышалъ разъ „Лазурное царство" Тургенева. Такъ тутъ не только всѣ сколько-нибудь живописныя, красочныя, психологическія, прилагательныя подчеркивались, выдвигались и пѣлись, но даже, когда говорилось, что вода журчала вдоль гладкихъ боковъ лодки, слово „гладкій" выдвигалось съ такою нѣжной картинностью, какъ будто рѣчь шла о спинѣ котенка, котораго мы ласкаемъ. Въ примѣрахъ, подобныхъ приведенному, чувство уже не при чемъ; здѣсь просто уже безсознательная привычка: сперва мы подчеркиваемъ прилагательное, потому что хотимъ въ немъ выразить чувство (психологическое выдвиганіе), потомъ мы подчеркиваемъ прилагательное, потому что хотимъ рисовать (стремленіе живописнаго характера), затѣмъ мы подчеркиваемъ прилагательное, потому что намъ нравится звучное слово (музыкально-декламаторское увлеченіе), и, наконецъ, мы подчеркиваемъ уже просто *слово*, подчеркиваемъ, *потому что* оно прилагательное, уже просто по привычкѣ, безсознательно. Такъ проникаетъ въ читку одна изъ тѣхъ печальныхъ замашекъ, которыя искажаютъ рѣчь, превращаютъ сценическую рѣчь (вообще декламацію) въ нѣчто совсѣмъ отличное отъ житейской, природной. И происходитъ она отъ неяснаго пониманія, въ чемъ главное и въ чемъ неглавное; это есть перестановка цѣнностей, увлеченіе подробностью и забвеніе сути. Это происходитъ отъ желанія рисовать, живописать словами и отъ забвенія того, что читка не есть рисованіе. Да, рисованіе есть одно изъ средствъ читки, но допустимо ли всюду его примѣнять? Допустимы ли описательные пріемы въ чистой лирикѣ? И, наконецъ, въ самихъ описаніяхъ возможно ли всему давать одинаковое значеніе? Не говоря уже о томъ, что изъ всѣхъ средствъ декламаціи это самое дешевое, самое пріѣвшееся. Оттого то, вѣроятно, къ нему такъ охотно прибѣгаютъ...

Еще гораздо больше, чѣмъ въ подчеркиваніи прилагательныхъ, разсматриваемый недостатокъ перенесенія сути въ то, что не существенно, даетъ себя знать въ чтеніи косвенной рѣчи. Никакъ мы не хотимъ понять, что, когда мы передаемъ чужія слова, то главное тутъ не то, что

въ этихъ словахъ, а то, что̀ я, передающій ихъ, о нихъ думаю. Вѣдь тѣ же самыя чужія слова въ передачѣ одного звучатъ такъ, а въ передачѣ другого иначе. Да даже въ моей собственной передачѣ тѣ же самыя слова могутъ принимать совершенно разное освѣщеніе, иногда прямо обратное тому, которое давалъ имъ говорившій ихъ. Возьмите примѣръ. „Онъ мнѣ сказалъ, что онъ самъ придетъ ко мнѣ". Что здѣсь важнѣе? То ли, что̀ онъ сказалъ, или то, что̀ я думаю о томъ, что̀ онъ сказалъ? Очевидно, послѣднее важнѣе (говорю „важнѣе"—въ смыслѣ вліянія на декламацію). Все будетъ зависѣть отъ того, что вы мыслите подъ словомъ „онъ". Смотрите. „Онъ (несчастный!) сказалъ мнѣ..." Или: „Онъ (дуракъ!) сказалъ мнѣ..." Или: „Онъ (вѣдь вотъ нахалъ!) сказалъ мнѣ..." Послѣ каждаго изъ этихъ „онъ" вы скажете конецъ фразы по-иному. Представьте, что во второй части фразы (значитъ, въ косвенной рѣчи) изображается что-нибудь страшное. Умѣсто ли будетъ дать мимику и интонацію, соотвѣтствующія страху? Конечно, нѣтъ,—ни въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ: послѣ „онъ—несчастный" вы дадите состраданіе, послѣ „онъ—дуракъ"—смѣхъ, послѣ „онъ—нахалъ"—негодованіе. Однажды я слышалъ, какъ читался пересказъ разсказа ребенка; весь разсказъ былъ въ косвенной рѣчи, т.-е.—„она (дѣвочка) мнѣ разсказала, что" и т. д. Разсказъ былъ объ ужасно страшныхъ вещахъ. И что же? Читавшій передавалъ все съ такою мимикой, такою интонаціей, какъ бы сдѣлала сама дѣвочка, чьи слова онъ передавалъ. Ну какъ же не понять, что при передачѣ важно не передаваемое, а *отношеніе* къ передаваемому? Въ данномъ случаѣ весь разсказъ (т.-е. передача разсказа) шелъ на фонѣ нетерпѣнія и раздраженія передъ медлительностью ребенка. Согласитесь, что не мѣсто было мимировать его чувства и впечатлѣнія. [1])

Передача чужихъ словъ вообще вопросъ не легкій, одинъ изъ труднѣйшихъ въ декламаціи,—все равно, въ косвенной или въ прямой рѣчи. Важно при разучиваніи установить, что̀ мы хотимъ выдѣлить, чему дать перевѣсъ,—тому ли, что „онъ" говоритъ, или тому, что я думаю о томъ, что „онъ" говоритъ. Въ первомъ случаѣ въ читкѣ преобладаетъ объективный, подражательный характеръ (имитація), во второмъ случаѣ—психологическій, субъективный. Понятно, что при косвенной рѣчи уже самой синтактической конструкціей ея перевѣсъ дается первой части предложенія; внесеніе же подражательности въ косвенную рѣчь какъ бы превращаетъ ее въ прямую, уже послѣ „что", наперекоръ синтактической конструкціи; это становится могущественнымъ

---

[1]) Этотъ примѣръ не былъ единичнымъ случаемъ. Дѣло происходило на вечерѣ, гдѣ демонстрировались ученики одного извѣстнаго профессора выразительнаго чтенія, и *всѣ* впадали въ указанную ошибку. Очевидно, это была система,—ихъ такъ *учили*.

средствомъ въ иронію. Ясно, какъ неумѣстно оно въ тѣхъ случаяхъ, когда наше собственное настроеніе,—т.-е. настроеніе передающаго,—иного характера, не иронично. Въ концѣ-концовъ, чужія слова—это причина, наше настроеніе—послѣдствіе; перенесеніе цѣнности изъ одного въ другое равносильно смѣшенію причины и слѣдствія. Есть ли горшая логическая ошибка, нежели эта? Вотъ почему считаю однимъ изъ вреднѣйшихъ пріемовъ чтеніе басенъ съ подражаніемъ голосамъ. Это переноситъ центръ тяжести въ драматическую сторону дѣйствія, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать его въ повѣствовательно-дидактическомъ элементѣ авторскаго разсказа. Мнѣ, слушателю, не важно знать, что и какъ сказала проказница мартышка, а мнѣ важно знать, что вы, разсказчикъ, думаете о томъ, что она сказала.

Я нарочно остановился на этихъ двухъ примѣрахъ, на прилагательномъ и на косвенной рѣчи, чтобы подчеркнуть тотъ невѣрный путь, по которому идетъ наша обычная читка. Пріемъ,—который можно опредѣлить, какъ перенесеніе сути въ несущественное. [1])

Пріемъ уже самъ по себѣ достаточно ложный и, въ смыслѣ вліянія на логическую ясность рѣчи, пагубный. Но зло усиливается еще тѣмъ, что *подъ* этой ложной раздѣлкой все то, что дѣйствительно требуетъ раздѣлки, остается въ самомъ сыромъ, необдѣланномъ видѣ. Все то, что должно быть разработано, твердо установлено, незыблемо, вся та сторона искусства читки, которую мы опредѣлили, какъ фактическую (въ отличіе отъ магической),—вся эта сторона предоставлена усмотрѣнію ученика. Что же получается? Тамъ, гдѣ долженъ бы быть просторъ для чувства, для интуиціи, тамъ царятъ,—не правила, потому что назвать ихъ правилами нельзя,—замашки установившагося образца, а тамъ, гдѣ нужны ясное знаніе и неуклонное соблюденіе правилъ, тамъ царятъ ощупь и случайность.

Къ этой фактической, основной, незыблемой сторонѣ искусства читки я отношу: 1) *произношеніе*; 2) *удареніе* (выдѣленіе одного слова передъ другимъ); 3) *интонацію* (повышенія и пониженія), и 4) *паузу*. [2]) Вотъ въ чемъ недопустима случайность, вотъ въ чемъ все должно быть установлено, въ чемъ и самый выборъ допустимъ не иначе, какъ

---

[1]) Можно бы сюда еще прибавить привычку къ выдѣленію „словъ обращенія“ „Иванъ Ивановичъ, сударыня, княгиня“ и т. п. Въ жизни мы по этимъ словамъ скользимъ; на сценѣ ихъ любятъ выдѣлять, и выдѣленіе это растетъ въ зависимости отъ значительности титула, въ особенности, когда слово обращенія стоитъ не въ срединѣ фразы, а въ концѣ рѣчи. Такія слова, какъ „княгинюшка“, „боярыня“, въ концѣ рѣчи говорятся съ такимъ важномъ, да еще съ покачиваніемъ головы, какъ будто подразумѣвается „такая слякая“ или не просто „княгиня“, а—„а еще княгиня“.

[2]) Не упоминаю о голосѣ, вообще о *средствахъ*, такъ какъ я здѣсь говорю не объ инструментѣ и его исправности, а объ игрѣ на инструментѣ.

ясно обоснованный. Вотъ гдѣ должна царить сознательность, гдѣ ощупь недопустима, вотъ гдѣ нѣтъ мѣста сравнительной оцѣнкѣ, недопустимы такія выраженія, какъ „лучше“ и „хуже“, а должны раздаваться только „вѣрно“ и „невѣрно“. До тѣхъ поръ пока критика не пойметъ, что на *эту* сторону искусства рѣчи должно быть направлено вниманіе, что *это* должно стать предметомъ осужденія или одобренія; прежде чѣмъ воспитатели сцены не проникнутся сознаніемъ, что въ *этомъ* корень театра, ибо *это* сущность рѣчи, а рѣчь есть сердцевина драматической сцены, прежде чѣмъ они (воспитатели) не придутъ къ сознанію, что всякій трудъ напрасенъ, разъ *это* оставлено безъ вниманія и лишено закономѣрности,—до тѣхъ поръ всѣ потуги къ „возрожденію театра“ останутся безплодны. Нельзя задаваться дальними цѣлями, когда ближнія не достигнуты, да еще такія, отъ которыхъ дальнія зависятъ. Нельзя задаваться вопросами „стиля“, когда *сущность* полна изъяновъ. Говорить о „символизмахъ“, „реализмахъ“ и прочихъ формахъ искусства можно, когда есть главное, основное,— *естественность*. Вдохните естественность въ русскую сценическую рѣчь, а тогда облекайте ее въ какую угодно одежду. Но пока наша рѣчь будетъ *ложная*, ни о какихъ другихъ направленіяхъ думать нечего. Да вообще слѣдовало бы понять разъ навсегда, что „возрожденіе театра“ не есть вопросъ режиссерскій, а вопросъ *воспитательный*. Если васъ интересуютъ плоды, займитесь корнями. Васъ интересуетъ театръ? Вспомните про *школу*. И въ школѣ бросьте всѣ побочныя заботы; оставьте всякія „Исторіи быта“, всякія „Нумизматики“. *Упорядочите рѣчь*, если не хотите потерять надежду увидѣть когда-нибудь *человѣка на сценѣ*.

Кн. Сергѣй Волконскій.

Здраваго смысла тартарары.

Діалогъ о футуризмѣ.

Лица діалога:

Неистовый критикъ. Писатель уже немолодой, начавшій писать еще при Надсонѣ, но потомъ увѣровавшій въ символизмъ.

Умѣренный критикъ. Писатель болѣе молодой, особенно боящійся прослыть отсталымъ.

Поэтъ-символистъ. Старѣющій юноша, съ вкрадчивыми манерами.

Футуристъ. Умѣренный, печатавшій свои стихи въ „Очарованномъ странникѣ" и „Мезонинѣ поэзіи".

Историкъ литературы. Лицо скучное. Резонеръ.

Всѣ пятеро сравнительно давно знакомы другъ съ другомъ. Діалогъ происходитъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, за стаканами слабаго бѣлаго вина (вѣроятно, шабли), которое историкъ пьетъ безъ всякаго удовольствія, а футуристъ—съ явнымъ презрѣніемъ. Пріятели собрались въ ресторанѣ послѣ публичной лекціи другого футуриста, крайняго (который, къ сожалѣнію, въ діалогѣ не участвуетъ), на тему: „Здраваго смысла тартарары". Лекція кончилась, какъ водится, скандаломъ и теперь, уже съ полчаса, служитъ предметомъ обсужденія.

Пріятели называютъ другъ друга (въ томъ числѣ и футуриста и онъ другихъ) просто по имени и отчеству. Неистоваго зовутъ Александръ Борисовичъ, что можно обозначить буквами А. Б. Точно такъ же умѣреннаго можно обозначить буквами В. Г., символиста—Д. Е., футуриста—Ж. З., историка—И. І.

Діалогъ.

Неистовый.—Нѣтъ-съ, извините! „Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный мнѣ начнетъ Мадонну Рафаэля!" Все, чѣмъ человѣчество гордилось тысячелѣтія: Гомеръ, Данте, Шекспиръ, Гёте, Пушкинъ—приходятъ какіе то мальчишки и объявляютъ это все на смарку! (Въ

волненіи неистовый говоритъ анаколуѳически). Тамъ были глубочайшія проникновенія въ самую суть нашего духа, тамъ было торжествующее преодолѣніе, такъ сказать, нашей земной сущности! То были достиженія, откровенія, которыя мы, люди, могли бы противопоставить жителямъ иныхъ планетъ, если бы они однажды явились на нашу маленькую землю! И чѣмъ же намъ предлагаютъ замѣнить все это? Нечленораздѣльными звуками! Вѣка, тысячелѣтія человѣчество искало выраженія своей коллективной личности, обрѣло его наконецъ,—и что же? Насъ хотятъ вернуть къ дикому вою троглодитовъ, который, можетъ быть, и оглушаетъ, но отъ котораго становится только тошно! Нѣтъ-съ, извините! Позвольте мнѣ остаться съ моимъ Гёте и моимъ Шекспиромъ!

Умѣренный.—Простите, А. Б., дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Къ чему брать крайности? Нашъ другъ, Ж. З., самъ, конечно, не раздѣляетъ разныхъ дикихъ выходокъ своихъ quasi-единомышленниковъ,—начиная съ раскрашиванія лицъ и кончая стихами на языкѣ „дыръ-булъ-щылъ". Такія крайности естественны въ молодой школѣ, притомъ подвергающейся яростнымъ нападкамъ. То же самое бывало и въ первые годы романтизма, и въ первыхъ битвахъ символистовъ. Не правда ли, И. І.?

Историкъ (внимательно изучая карту винъ, не подымая головы).—Бывало.

Умѣренный (продолжаетъ).—Меня смущаетъ не это. Я вполнѣ понимаю возникновеніе футуризма. Это—порожденіе современныхъ большихъ городовъ, той культуры, о которой такъ хорошо сказалъ Игорь Сѣверянинъ, что она „гнила, какъ рокфоръ". Съ одной стороны, началось повальное увлеченіе стариной. Маринетти и его товарищи стономъ застонали отъ того преклоненія передъ старой Италіей, которое современнымъ итальянцамъ жить не дастъ. А у насъ развѣ лучше? Да одна эпидемія неожиданнаго восторга передъ старыми иконами, которая охватила сейчасъ всю Россію (а, кажется, и не одну Россію), чего стоитъ! Понятно, что художники завопили: „къ чорту старину! мы хотимъ жить сегодня, а не третьяго дня!" Съ другой стороны, насталъ вѣкъ машинъ, механизма. Все „омашинилось", говоря футуристическимъ языкомъ. Фабрики, телефоны, синематографы, автомобили, аэропланы—безъ нихъ теперь нельзя себѣ и представить жизни. Поэты не только могли, но должны были найти во всемъ этомъ поэзію. Сами живя въ городахъ, они должны были воспѣвать не ручейки, поля и моря, а нашу городскую хаотическую жизнь. Поэзія механизмовъ и есть поэзія футуристическая. Но меня удивляетъ, что футуристы, вмѣсто того чтобы исполнять свое прямое назначеніе, то изображаютъ жизнь первобытныхъ дикарей, то, въ самомъ дѣлѣ, сочиняютъ стихи изъ однихъ гласныхъ или однихъ согласныхъ. У нихъ, у футуристовъ, прекрасная позиція, а они сами отъ нея отрекаются.

Символистъ (украдчиво).—Развѣ же символисты не изображали современности, не передавали ея ритма? Возьмите стихи Верхарена. Вы тамъ найдете гимны (и какіе гимны!) этой самой механичности! (Спохватившись, съ величайшей предупредительностью, къ футуристу.) Впрочемъ, что же вы ничего намъ не возражаете, Ж. З.?

Футуристъ.—Что тутъ возражать? Сами вы въ своихъ статьяхъ твердите, что въ искусствѣ важно не „что", а „какъ". А теперь ставите вамъ, футуристамъ, на видъ, что мы пишемъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ. Эхъ, господа, еще немного, и вы будете предлагать намъ писать о страданіяхъ бѣднаго мужика, гибнущаго отъ успѣховъ капиталистической культуры! Будьте откровенны: всего дороже вамъ въ поэзіи Некрасовъ.

Нечистовый.—Да ужъ лучше писали бы вы о страданіяхъ мужика, чѣмъ о какой то Ы, говорящей „у". Хорошая ли вышла бы поэзія, не знаю, но былъ бы смыслъ. А теперь ни смысла, ни поэзіи.

Символистъ (весьма уязвленный словами футуриста).—Это не я заговорилъ о „что". Но если вы хотите говорить о „какъ", то я скажу слѣдующее. Поэзія, вообще искусство—отъ вѣка символичны. Слово не адэкватно идеѣ или, если угодно, настроенію, чувству, вообще духовному содержанію. Выразить идею можно только въ символѣ. Такъ и дѣлали всѣ истинные поэты всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ, въ Атлантидѣ, такъ же какъ въ Элладѣ, въ средніе вѣка, какъ при Пушкинѣ. Вотъ почему мы называемъ и Эсхила, и Вергилія, и Гартмана фонъ-Ауэ, и Тютчева нашими братьями. Символическая школа только осознала этотъ извѣчный принципъ всякой поэзіи, всякаго искусства. И если вы хотите творить созданія художественныя, вы должны быть символистами. Идите дальше насъ, совершайте новыя завоеванія въ безпредѣльной области искусства, но вы должны итти отъ насъ черезъ насъ. Другого пути нѣтъ.

Футуристъ.—„Поэзія символична!" Что же вы думаете, что это все еще новость. Это такъ же неинтересно и ненужно, какъ „дважды два четыре". Вы отстали лѣтъ на пятнадцать, проповѣдуя намъ такія истины.

Символистъ (изысканно-вѣжливо).—Я вамъ ничего не проповѣдую. Я вамъ предлагаю на чемъ-нибудь согласиться, чтобы можно было спорить дальше. Мнѣ чрезвычайно пріятно, что вы признаете ученіе о символѣ истиной. Отсюда и поведемъ наши разсужденія.

Футуристъ.—Да это то ваше „отсюда"—только общее мѣсто. Поэзія символична или поэзія поэтична, что изъ этого выведешь? Можетъ быть, ваше „ученіе" имѣло когда то смыслъ, но теперь оно—трещетка, которой играютъ дѣти. Какъ говоритъ одинъ мой пріятель, „символисты опоили русскую литературу спеціями сладостными, стряпней елейной,

супомъ дерзанія и смиренія". Довольно съ насъ вашихъ приторныхъ кушаній. Оставайтесь со своимъ символизмомъ, намъ онъ не нуженъ.

Неистовый (про себя).—Просто вамъ учиться лѣнь.

Умѣренный.—Вы не такъ поняли Д. Е. Онъ же ничего не имѣетъ противъ вашихъ новыхъ дерзаній и исканій. Онъ только настаиваетъ, что символизмъ присущъ искусству, долженъ лежать въ основѣ всякой художественной школы. Вы и сами этого не отрицали.

Футуристъ (нѣсколько сердясь).—Что вы мнѣ затвердили „символизмъ" да „символизмъ"! Сами же вы говорили, что символисты были и до „символизма"! Вы такъ расширили это понятіе, что въ него, какъ въ бездну, все проваливается. И Эсхилъ у васъ символистъ, и Блокъ символистъ. Однако есть же разница между Эсхиломъ и Блокомъ. Вотъ это-то, что составляетъ разницу, и было настоящимъ лицомъ вашего символизма. Содержаніе вашихъ стиховъ—или назойливая эротика, или вымученное глубокомысліе, форма ихъ—дряблая или сухая. На все вы смотрите извнѣ, ничего, ни одного явленія не видите изнутри.

Символистъ (явно обидившись).—Вы такъ утверждаете? Обращаю ваше вниманіе, что вы возвращаетесь къ проблемѣ содержанія. Что касается эротики, я возражу вамъ словами Пшибышевскаго: „Мы ничего не можемъ измѣнить въ томъ фактѣ, что въ наше время душа проявляется только въ отношеніяхъ половъ другъ къ другу: пусть дѣлаютъ за это упреки душѣ, а не намъ". Наша эротика это—„Языкова прозябшій хмель", какъ прекрасно сказалъ одинъ поэтъ. Что же касается упрека, что мы на все смотримъ извнѣ, то вы забываете тѣ же пѣсни о городѣ, которыя я только что упоминалъ. Кажется, мы первые...

Футуристъ (перебивая).—Ваши стихи о городѣ! Да что вы понимали, что видѣли въ городѣ! (Вынимаетъ новую книжку и читаетъ.) „Это у Брюсова такой глупо-спокойный игрушечный городъ:

Царя властительно надъ доломъ,
Огни вонзая въ небосклонъ...

Вотъ удивительно! А куда же и направляется дымъ и огонь городовъ, какъ не вверхъ, и надъ чѣмъ же царитъ городъ, какъ не надъ долиной! Не то у Маяковскаго!" (Декламируетъ.)

Зигзаги и вечеръ.

Адище города окна разбили
На крохотные сосущіе свѣтами адки
Какъ рыжіе дьяволы скакали автомобили
Надъ самымъ ухомъ взрывая гудки
А тамъ подъ вывѣской гдѣ сельди изъ Керчи

Старый старикашка шаркнулъ очки
И заплакалъ когда въ вечернемъ смерчѣ
Трамвай съ разбѣга изметнулъ зрачки...

(Опять читаетъ.) „Тутъ дана не внѣшне описательная сторона, а внутренняя жизнь города, онъ не созерцается, а переживается!" Развѣ не правда?

Символистъ.—Позволяю себѣ думать, что не правда, и не потому, что „amicus Plato". Дѣло въ томъ, что у Брюсова—синтезъ города вообще, а у Маяковскаго...

Умѣренный.—Господа, мы никогда не кончимъ, если будемъ разбирать отдѣльныя стихотворенія и отдѣльныя выраженія. Будемъ говорить о принципахъ. Каковы бы ни были недостатки символизма, онъ былъ той высшей точкой, которой достигло развитіе нашей современной поэзіи. Установимъ, какъ исходный пунктъ, что новыя литературныя школы рождаются изъ предшествующихъ. Отметая ошибки старшихъ, молодые должны впитать въ себя ихъ лучшія достиженія. Такъ создавались всѣ безъ исключенія литературныя школы въ исторіи. (Къ историку.) Не такъ ли, И. І.?

Историкъ (неожиданно).—Не выпить ли намъ, господа, кофе съ хорошимъ ликеромъ?

Футуристъ (сочувственно).—Это можно.

Умѣренный (съ негодованіемъ).—Не въ этомъ дѣло! Установимъ, какъ исходный пунктъ, что футуризмъ могъ родиться только изъ символизма. Футуристы—это тѣ же символисты, которые хотятъ, во-первыхъ, отмежеваться отъ недостойныхъ эпигоновъ символизма, а во-вторыхъ, отказавшись отъ нѣкоторыхъ ошибокъ символизма, привнести въ него свое новое...

Футуристъ. Вамъ угодно все примирять: всѣ, молъ, символисты, и прекрасно. Но мы вовсе не желаемъ быть продолжателями или исправителями символизма. Совсѣмъ не изъ символизма мы „рождаемся". И, если уже говорить откровенно, ничего общаго съ символистами у насъ нѣтъ.

Неистовый. Ну, вотъ и договорились. Сознаетесь, что вы безъ роду, безъ племени. Пушкина—къ чорту, символистовъ—на смарку, пришли мы, футуристы, и съ насъ начинается первый день творенія. Раньше ничего не было: одинъ хаосъ, надъ которымъ даже Духъ Божій не носился. Поэзія и вообще литература начинаются съ васъ. Такъ?

Футуристъ (которому надоѣло сдерживаться).—А что же мнѣ дѣлать, если такъ? Литература то, пожалуй, была, были всякіе романтизмы, реализмы, символизмы, но поэзіи не было! Поэзія начинается съ нашихъ дней: для меня это несомнѣнно. Будущимъ поколѣніямъ, нечего дѣлать, придется кинуть въ сорную корзину и Гомера, и Гете, и

Пушкина, и Льва Толстого въ придачу. Впрочемъ, въ сорную корзину можно и не бросать, а изучать этихъ старичковъ, какъ изучаютъ лѣтописи. Только поэзіи искать у нихъ не приходится.

Неистовый (яростно).—Вотъ какъ-съ! Это вы вашими *ЕУЫ* хотите замѣнить намъ „Войну и миръ". А вотъ намъ кажется, что не Льва Толстого бросятъ въ сорную корзину, а всѣ вы, господа футуристы, сами себя швырнули не въ сорную корзину, а въ...

Символистъ (примирительно).—Вѣдь мы же споримъ о принципахъ, а не о личностяхъ! Простите, Ж. З., ежели вамъ угодно проводить столь рѣзкую демаркаціонную линію между поэзіей до васъ, до футуризма, и вашей, футуристической, поэзіей, на васъ лежитъ onus probandi. Вамъ надлежитъ показать намъ, что вы имѣете достаточное основаніе въ такой мѣрѣ обособлять футуризмъ отъ всѣхъ иныхъ литературныхъ школъ. Если вы правы, и футуризмъ столь своеобыченъ, то возникаетъ слѣдующая альтернатива: или вся поэзія предыдущихъ вѣковъ—не поэзія, или, что, можетъ быть, принять легче, футуризмъ—не поэзія. Оговариваюсь: можетъ быть, онъ нѣчто лучшее, высшее, но не поэзія.

Футуристъ (неумолимо).—Да, вся поэзія, какъ вы выражаетесь, предыдущихъ вѣковъ—не поэзія.

Неистовый (про себя).—Высѣчь бы ихъ всѣхъ хорошенько, и все тутъ.

Символистъ.—Покажите же намъ, что̀ такое существенно-новое принесъ футуризмъ, гдѣ нашелъ онъ точку опоры Архимеда, чтобы перевернуть весь міръ искусства. Вы изволили замѣтить, что содержаніе въ поэзіи не имѣетъ значенія. Итакъ, этого новаго долженствуетъ искать въ формѣ. Позвольте сказать вамъ, что ваши неологизмы, ваши нарушенія размѣра, ваши ассонансы вмѣсто риѳмъ, ваши риѳмы, раздѣленные между двумя стихами,—все это весьма не ново. Подобное же, а иногда и нѣчто болѣе смѣлое, вы найдете у тѣхъ же символистовъ, и даже раньше—у романтиковъ, и даже еще раньше—у позднѣйшихъ римскихъ поэтовъ. У Порфирія Оптаціана, поэта IV вѣка, есть смѣлости въ формѣ, которыя вами еще не достигнуты. Что же вы дали новаго поэзіи въ формѣ по существу, именно, по существу?

Футуристъ.—Да, я вамъ отвѣчу, и отвѣчу „по существу". Конечно, не стоитъ спорить объ отдѣльныхъ примѣрахъ. Что изъ того, что Эдгаръ По или вашъ Иннокентій Анненскій гдѣ то, одинъ разъ, рѣшились раздѣлить риѳму между двумя стихами и что какой то тамъ Порфирій въ своихъ скучныхъ (навѣрное, скучныхъ) виршахъ осмѣлился нарушить правила метра! Не это важно: все это было если не случайностью, то робкимъ показываніемъ кулака въ карманѣ. Мы же,

футуристы, мы, первые во всемъ мірѣ, провозгласили истинный принципъ поэзіи.

Неистовый.—Показываете кулаки съ эстрады?

Футуристъ (не обращая вниманія).—Скажите, что такое поэзія? Искусство словъ, но такъ ли? Чѣмъ иначе она отличается отъ музыки, отъ живописи? Поэтъ—художникъ словъ: они для него то же, что краски для живописца или мраморъ для вашихъ скульпторовъ. Мы и пожелали быть художниками словъ, и только словъ, т.-е. выполнить истинное назначеніе поэта. Вы, что вы сдѣлали изъ слова? Вы превратили его въ раба, въ поденщика, служащаго вашимъ такъ называемымъ идеямъ! Вы унизили слово до подчиненной роли. Вы всѣ, и реалисты, и символисты одинаково пользовались словомъ, какъ передвижники красками. Тѣ не понимали, что сущность живописи—сочетаніе красокъ и линій, и все старались красками и линіями высказать какія то скудныя мысли, рѣшительно никому ненужныя, потому что всѣмъ давно извѣстныя. Вы тоже не понимали, что сущность поэзіи—сочетанія словъ, и уродовали ихъ, заставляя выражать ваши, заимствованныя напрокатъ у философовъ, мысли. Футуризмъ впервые провозглашаетъ истинную поэзію, свободную, искусство свободныхъ словъ!

Умѣренный (желая показать себя освѣдомленнымъ).—„Слово, какъ таковое"? Слыхали мы это.

Футуристъ.—Да, „слово, какъ таковое"!

Символистъ.—Полагаю, что крайне несправедливо обвинять насъ въ недостаточной любви къ слову. Кто же другой, какъ не мы, символисты, установили культъ слова. И не у одного ли изъ нашихъ поэтовъ заимствовали вы самую вашу теорію. Я напомню вамъ, что онъ говоритъ, обращаясь къ поэту:

И ты съ безпечальнаго дѣтства
Ищи *сочетанія словъ*...

Футуристъ.—Говорить то вы это говорили, но не исполняли. Если угодно, я сдѣлаю вамъ маленькую уступку. Всѣ истинные поэты,—такіе были и въ прошломъ,—конечно, понимали, въ чемъ сущность поэзіи, да не смѣли въ этомъ открыто признаться. Мужества нехватало! Помню, еще въ гимназіи я убѣдился, что это понимали и Вергилій, и Овидій, и вашъ Пушкинъ. Поэтому попадаются у нихъ отдѣльные стихи, которые надо признать поэзіей настоящей. Но они вставляли ихъ въ свои поэмы, такъ сказать, воровски, крадучись, все время дѣлая видъ, что это лишь незначительныя прикрасы, что дѣло вовсе не въ томъ, а въ какомъ то такомъ содержаніи, сюжетѣ. А мы открыто объявляемъ, что сюжетъ, содержаніе и всякая идея въ поэзіи—вздоръ! Важны лишь

слова и ихъ сочетанія. Вы словами хотѣли разбираться въ душѣ, а слова то и создаютъ душу! Вотъ почему мы можемъ говорить, что до насъ поэзіи не было, что она начинается съ насъ. Понятно?

Символистъ.—Въ вашихъ словахъ не было ничего такого, что бы можно было не понять. И если вамъ ученіе о символѣ показалось старымъ, то позвольте вамъ сказать, что и ваше ученіе о „словѣ, какъ таковомъ", не очень ново. Вы забыли, напримѣръ, что до васъ былъ Маллармэ.

Умѣренный.—И потомъ—что такое „слово"?

Символистъ.—Да, это очень важный вопросъ. Вы, кажется, думаете, что слово—только сочетаніе извѣстныхъ звуковъ. Нѣтъ! каждое слово языка прожило тысячелѣтія, и всѣ эти тысячелѣтія оставили свой слѣдъ на немъ. Съ каждымъ словомъ у насъ ассоціируется множество самыхъ разнообразныхъ представленій. Въ каждомъ словѣ, кромѣ его звуковъ, скрыты идеи и образы. Отъ нихъ вы не въ силахъ оторвать слово. Каждое слово—цѣлый миѳъ. Если вы ищете „сочетанія словъ", то вы должны сочетать и всѣ эти ассоціированныя съ нимъ представленія. Лишь тогда вы достигнете гармоніи въ сочетаніи (гармоніи — не въ смыслѣ пріятности, а въ смыслѣ цѣльности). Иначе ваше „сочетаніе словъ" окажется, какъ то часто и бываетъ у поэтовъ-футуристовъ, простите меня, просто грудой словъ.

Футуристъ.—Вотъ именно, чтобы освободить слово отъ всѣхъ этихъ вашихъ связанныхъ съ нимъ представленій, мы и изобрѣтаемъ новыя слова, пишемъ на нашемъ „заумномъ" языкѣ. Такимъ способомъ мы даемъ свободу словамъ, затасканнымъ по базарамъ и по сборникамъ стихотвореній. Будущіе поэты должны писать на своемъ языкѣ!

Символистъ.—Этимъ вы всего менѣе достигаете своей цѣли. Не трудно насочинять многія сотни новыхъ словъ, особенно пользуясь нашимъ методомъ, т.-е. не справляясь съ правилами языка, заложенными въ самомъ духѣ народа. Но то будутъ все слова мертвыя. Именно потому, что съ ними не ассоціируется никакихъ представленій, они ничего и не говорятъ намъ. Такими словами не только не возможно „создать душу", какъ вы изволите претендовать, но даже и намекнуть на что-либо. Въ концѣ-концовъ это даже не слова, а только буквы, напечатанныя на бумагѣ въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Футуристъ (нѣсколько непослѣдовательно).—А что же, если и буквы! Развѣ изъ буквъ нельзя создать поэзіи? Въ послѣднемъ счетѣ, слова, конечно,—буквы, и если поэзія—искусство словъ, то она и искусство буквъ! Вотъ изумительные стихи одного изъ футуристовъ. (Декламируетъ.)

Высоты.

(Вселенскій языкъ.)

е у ю
и а о
о а
о а с е н е я
о а
е у и е и
и е о
и и ы и е и и ы

Это стихотвореніе одинаково много скажетъ каждому читателю, кѣмъ бы онъ ни былъ, образованнымъ или не образованнымъ, русскимъ или китайцемъ,—стихотвореніе истинно вселенскаго языка!

Символистъ.—Простите, пожалуйста. Позвольте разобрать это стихотвореніе,—господина Крученыхъ, если не ошибаюсь. Чѣмъ же оно что-нибудь скажетъ читателю? Если формой буквъ, то, согласитесь, это будетъ уже не поэзія, а графика или живопись. Если сокровеннымъ значеніемъ гласныхъ, которое вы, повидимому, предполагаете, то имѣйте въ виду, что въ каждомъ языкѣ гласныя произносятся по-разному. Нѣмецъ иначе произноситъ *е*, чѣмъ французъ, тѣмъ болѣе чѣмъ русскій; итальянецъ никогда не произнесетъ нашего *ы*, и т. д. Если, наконецъ, звуками, при декламаціи, то звуки эти будутъ зависѣть отъ тембра голоса чтеца. Каждый читатель прочтетъ это „стихотвореніе" по-своему. Такимъ образомъ оно для каждаго будетъ разнымъ. И господинъ Крученыхъ рѣшительно не можетъ предугадать, какъ воспримутъ эти его стихи тотъ или другой читатель, иначе говоря, авторъ самъ не знаетъ, что именно онъ написалъ. Если вы это называете „вселенскимъ языкомъ", то я не знаю, что же называть „языкомъ во всей вселенной непонятнымъ".

Футуристъ.—Весьма легко все отрицать...

Неистовый.—Какъ, напримѣръ, вы—всю прошлую поэзію.

Футуристъ (не обращая вниманія).—...и нарочно дѣлать видъ, что ничего не понимаешь. Ну, а что, если мы примемъ во вниманіе всѣ эти, по вашему выраженію, ассоціирующіяся со словомъ представленія и все же будемъ творить поэзію словъ? Если мы учтемъ въ словахъ ихъ звукъ и все, что на нихъ насѣло за эти проклятыя тысячелѣтія? Если мы будетъ создавать наши новыя слова такъ, чтобы ихъ составныя части давали вамъ столь вамъ любезныя ассоціаціи? Тогда признаете ли вы, что футуризмъ—единственная истинная поэзія, а все остальное—поддѣлка и передержка?

Символистъ.—Тогда футуристы станутъ символистами. Можетъ быть, вы видоизмѣните нѣсколько нашу поэзію,—все въ мірѣ должно эволю-

ціонировать,—но въ сущности то будетъ новая стадія того же символизма. И я вѣрю, надѣюсь, что такъ оно и будетъ.

Футуристъ.—Нѣтъ, такъ то и не будетъ!

Неистовый.—Не будетъ потому, что черезъ годъ отъ всего вашего скандальнаго футуризма ничего не останется.

Умѣренный (успокаивая готовую вспыхнуть страстность).—Не довольно ли, господа, споровъ? Перейдемъ къ другому. Вотъ И. І....

Историкъ. (Онъ тѣмъ временемъ сдѣлалъ нужныя распоряженія; и лакей уже внесъ кофе и разлилъ по рюмкамъ бѣлую влагу трипль-секъ-куантро.)—Да, господа, достаточно поговорили, можно и выпить. Мы вѣдь не въ сороковыхъ годахъ. Но позвольте мнѣ, какъ старшему среди насъ, сдѣлать маленькое резюме нашего маленькаго спора.

Символистъ (предупредительно).—Просимъ, просимъ! Господа, И. І. хочетъ говорить. Слушайте!

Историкъ.—Я, господа, хотя читалъ прейсъ-курантъ, но довольно внимательно слушалъ и споръ. Кое-что было сказано лишнее, но больше не досказано. Многому можно было бы привести болѣе сильные доводы. Но все же были и соображенія вѣрныя. Я, напримѣръ, какъ это ни странно въ мои годы, готовъ принять опредѣленіе поэзіи, данное господиномъ футуристомъ. Да, поэзію можно опредѣлить, какъ искусство словъ. Этимъ опредѣляется не вся сущность поэзіи, но внѣшне опредѣленіе совершенно точно. И правда то, что это понимали всѣ истинные поэты. Читайте великія созданія поэзіи, начиная съ Гомера, продолжая Вергиліемъ, Данте, Гёте, читайте особенно лирику, гдѣ поэзія предстаетъ въ своемъ наиболѣе чистомъ видѣ,—вездѣ вы найдете на первомъ мѣстѣ заботу о сочетаніи словъ. Размѣръ, риѳмы—все это средства поэзіи; музыкальная инструментовка—ея душа, безъ которой поэзія умираетъ. Попробуйте самое дорогое вамъ стихотвореніе разсказать своими словами, поставить въ немъ слова въ другомъ порядкѣ: останется смыслъ, останется идея, но поэзія умретъ. Она вся—въ сочетаніи словъ, въ комбинаціяхъ гласныхъ и согласныхъ, въ аллитераціяхъ, внутреннихъ созвучіяхъ и т. д. Только это даетъ стихамъ, поэзіи, ту силу, что она говоритъ болѣе, чѣмъ вообще могутъ сказать слова. Безъ этого остается проза, пусть „художественная", но проза. Какъ говоритъ Фетъ:

Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ,
Вотъ въ чемъ его и признакъ, и вѣнецъ!

Итакъ, то, что многіе считаютъ въ поэзіи формой, на дѣлѣ составляетъ ея душу. Поэзія—искусство словъ: это—истина. Но дѣло въ томъ, что эта истина, такъ сказать, эсоторическая. Великіе поэты ее знали, но разглашать ее считали невозможнымъ. Непосвященными она была бы понята

ложно. Случилось такъ, что въ наши дни эта истина досталась именно непосвященнымъ. Извините меня, господинъ футуристъ, но вы, узнавъ эту истину, глубинъ ея не постигли. Вы мнѣ напоминаете прохожаго, случайно подслушавшаго священныя слова мистерій и потомъ громко повторяющаго ихъ на площади.

(Помолчавъ.) Въ новой поэзіи, господа, т.-е. въ поэзіи послѣднихъ столѣтій, замѣчается опредѣленная смѣна двухъ теченій. Одна школа выдвигаетъ на первое мѣсто то, что называютъ содержаніемъ, другая— то, что называютъ формой; потомъ то же самое повторяется съ двумя слѣдующими школами. Лже-классицизмъ былъ школою, выше всего ставившей форму, не „что", а „какъ". Содержаніе лже-классики охотно заимствовали у древнихъ, имъ было важно, какъ оно обработано. Романтики въ противоположность лже-классикамъ настаивали прежде всего на содержаніи. Имъ были дороги ихъ средніе вѣка, ихъ католицизмъ, ихъ тоска по идеалу, ихъ религіозныя устремленія. Конечно, и въ область формы романтики внесли свой вкладъ, но, такъ сказать, печатно, между дѣломъ, а въ сущности они довольно пренебрежительно относились къ формѣ своихъ стиховъ: вспомните хотя бы продѣлки Мюссе или небрежность стиховъ Новалиса. Парнасцы опять провозгласили приматъ формы. „Безупречный" стихъ сталъ ихъ девизомъ. Это они то и объявили, что въ поэзіи важно „какъ", а не „что", и не кто иной какъ Теофиль Готье изобрѣлъ формулу „искусство для искусства". Въ символизмѣ, не соглашаясь со многими критиками, я вижу опять возрожденіе содержанія. Самая идея символа говоритъ о томъ, что символическая поэзія хотѣла быть прежде всего поэзіей идейной. Такой она и была у лучшихъ представителей символизма. Все это въ дѣйствительности было, конечно, не такъ просто, схематично, прямолинейно, какъ я теперь передаю. Разумѣется, всѣ истинные поэты стремились привести въ гармонію форму и содержаніе, но я имѣю въ виду преобладающую тенденцію по отдѣльныхъ поэтовъ, а именно поэтическихъ школъ, какъ цѣлаго. Если я правъ, то естественно ожидать, что теперь на смѣну символической школѣ должна явиться школа, на первый планъ ставящая опять форму, или, оговариваюсь еще разъ: то, что называютъ формой. Каждый разъ, при новомъ появленіи, старое ученіе становится утонченнѣе, острѣе, идетъ дальше. Парнасцы шли дальше лже-классиковъ; естественно ожидать, что новая грядущая школа въ своемъ культѣ формы пойдетъ дальше парнасцовъ. Такой школой, смѣняющей символизмъ, мнѣ и кажется пресловутый футуризмъ. Исторически, какъ видите, его появленіе вполнѣ оправдывается. Онъ долженъ былъ явиться именно съ такими устремленіями. Его историческая роль, дѣйствительно, утвердить абсолютное господство „формы" (помните, что это слово условное) въ поэзіи и отвергнуть въ ней всякое „содержаніе".

(Опять помолчавъ.) Что же, правы ли футуристы по существу? Нѣтъ, господа, не правы. Нашъ сотоварищъ ссылался на примѣръ живописи, которая долго не могла понять, что ея сущность—краски и линіи, и все отводила имъ служебную роль, заставляла ихъ передавать какіе то ненужные сюжеты. Однако что̀ будетъ, если художникъ просто наложитъ на полотно рядъ красочныхъ пятенъ, что̀, впрочемъ, уже дѣлаютъ нѣкоторые изъ „новѣйшихъ"? Получится хаосъ красокъ, который нельзя будетъ охватить взглядомъ. Рубенсъ, можетъ быть, тоже искалъ лишь одного: сочетанія красочныхъ пятенъ. Но онъ вкладывалъ его въ картину съ опредѣленнымъ замысломъ. Мы видимъ передъ собою портретъ или миѳологическій сюжетъ, краски группируются вокругъ опредѣленнаго центра сознанія, получаютъ единство, и мы такой картиной наслаждаться можемъ. То же самое въ поэзіи. Дайте сочетаніе словъ, не связанныхъ общимъ смысломъ: они разсыплются, они пропадутъ для сознанія. Содержаніе въ художественномъ произведеніи то же, что стебель для цвѣтка. Мы дорожимъ цвѣткомъ, но онъ не можетъ жить безъ стебля. Это одно. Далѣе. Я уже говорилъ, что сочетаніе словъ въ поэзіи, т.-е. то, что обычно называютъ „формой", на самомъ дѣлѣ есть ея душа. Да, душа, но не сущность. Стихи, въ которыхъ нужное сочетаніе словъ будетъ достигнуто, въ которыхъ „форма" будетъ совершенна, будутъ стихами одушевленными, но лишенными подлиннаго „содержанія", „сущности". Это будетъ какъ бы живой человѣкъ, лишенный всякихъ воспоминаній, знаній, опыта, характера, всякаго духовнаго содержанія, иначе—живая машина. Такіе стихи могутъ быть красивы или не красивы, сильны или не сильны, но они абсолютно ненужны людямъ. Это будутъ игрушки, годныя лишь для малыхъ дѣтей. Вотъ здѣсь то и вступаетъ въ силу то, о чемъ говорилъ нашъ другъ-поэтъ, когда утверждалъ, что символизмъ—исконное начало искусства. Только черезъ символы мы можемъ влить въ душу стихотворенія его истинное содержаніе, которое есть не сюжетъ, не такая то отвлеченная идея (въ лучшемъ случаѣ все это, какъ я назвалъ, „стебель"), а то сокровенное, что инымъ образомъ выражено быть не можетъ. Но сейчасъ не время и не мѣсто говорить объ этомъ подробнѣе, безъ того я слишкомъ долго занялъ ваше вниманіе и кончаю. Итакъ, я думаю, что футуризмъ—очередная школа поэзіи. Истинныхъ, большихъ талантовъ среди футуристовъ я пока не замѣтилъ. Но это не бѣда. Таланты появятся, не могутъ не появиться. Футуризмъ доведетъ до крайности культъ формы. Но истинно великія созданія онъ дастъ лишь тогда, когда съ этимъ культомъ соединитъ тотъ самый символизмъ, который теперь такъ надменно хоронитъ. Dixi.

Неистовый (сквозь зубы).—Не ожидалъ я, И. І., что вы такъ заискиваете передъ молодежью. Послушать васъ, такъ весь свѣтъ въ футуристическомъ окошкѣ. Подождемъ, однако, годикъ...

Символистъ.—Простите, И. І., но я съ вами совершенно не согласенъ. Ваша схема литературныхъ школъ крайне произвольна. Ваше опредѣленіе „формы" и „содержанія" въ поэзіи крайне сбивчиво. Вашъ прогнозъ будущаго не основанъ ни на какихъ реальныхъ данныхъ...

Умѣренный.—Господа, вѣдь мы рѣшили споры прекратить. Хотя рѣчь И. І. и не совсѣмъ была резюме нашего спора, но она примиряетъ всѣхъ. И правы футуристы и не правы, и восторжествуютъ и не восторжествуютъ. На томъ и поладимъ.

Футуристъ.—Но мы вовсе не желаемъ ладить! Мы предпочитаемъ войну, а не ладъ. Ни съ кѣмъ изъ васъ я не согласенъ. Все это—не такъ!

Историкъ.—Господа, выпьемъ! (Наливаетъ опустѣвшія рюмки.)

Футуристъ.—Это можно.

Валерій Брюсовъ.

На перевалѣ.

Къ чему готовить?

Десятилѣтіе со дня смерти Н. К. Михайловскаго вызвало рядъ статей, посвященныхъ памяти этого замѣчательнаго писателя. Но, какъ часто бываетъ, ученики и поклонники съ наибольшимъ почтеніемъ относятся какъ разъ къ тому, что̀ было слабымъ пунктомъ учителя. Такъ и въ Н. К. Михайловскомъ прославляютъ соціалъ-политика и рекомендуютъ слѣдовать его „завѣтамъ“.

Н. К. Михайловскій является пятымъ и послѣднимъ звеномъ замѣчательнѣйшаго явленія старой русской литературы: института „властителей думъ“. Къ именамъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и Писарева исторія присоединила имя Н. К. Михайловскаго и на этомъ закрыла списокъ. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ публицистовъ, даже столь вліятельный и популярный въ иные дни, какъ Г. В. Плехановъ, „властителемъ думъ“ уже не состоялъ.

Не какъ глубокіе политики, не какъ искусные тактики владѣли душами нашей молодежи упомянутые пять публицистовъ. Залогъ ихъ вліянія и дѣйствія на молодежь заключался въ переполнявшемъ ихъ нравственномъ паѳосѣ. Это были отцы церкви, учителя жизни. Они освѣщали юношѣ жизнь и, наполняя его душу идеализмомъ служенія людямъ, давали ему точку нравственной опоры, закладывали фундаментъ сознательной критической личности. Окруженная атмосферой невѣжества, возводимаго въ принципъ („науки ведутъ къ безбожію“), молодежь жадно тянулась къ знанію. Наши публицисты, одни изъ тѣхъ немногихъ людей, которымъ была доступна заграничная книга, несли въ русское общество эти европейскія знанія. Сіявшій на нихъ ореолъ еще усугублялся ореоломъ вѣстниковъ послѣдняго слова науки.

Теперь мы уже хорошо знаемъ источники идеализма нашихъ „властителей думъ“. Металлъ образовался изъ сплава французскаго утопическаго соціализма съ моральной силой евангельскаго христіанства, опоэтизированнаго вѣрой простыхъ православныхъ людей. Религіозные догматы, питавшіе эту моральную силу, исчезли, но сама она осталась и создавала иногда типы подвижниковъ удивительной красоты. Но въ то время

участники народническаго движенія не видѣли этого традиціонно-религіознаго корня ихъ воодушевленія. Свои мысли, свои чувства они приписывали только европейской наукѣ, и наши публицисты явились провозвѣстниками и воплотителями „Науки". На самомъ дѣлѣ они только подводили къ дверямъ науки, заинтересовывали, возбуждали любовь и преклоненіе передъ нею. Это составляло, понятно, огромную заслугу.

Моральные проповѣдники и популяризаторы „науки", наши публицисты были весьма посредственными политиками. Политика ихъ была юношеской и по всей совокупности условій иной и быть не могла. Обращаясь исключительно къ молодежи, политика эта неизбѣжно принимала и подходящій характеръ. Предметы, казалось, вполнѣ реальные, принимали не-реальный обликъ, позволявшій имъ легко и свободно входить въ юношескую схему міровоззрѣнія. Такъ, реальная русская земельная община превратилась въ зачаточную форму идеальнаго соціалистическаго строя. Въ высшей степени поучительно въ этомъ смыслѣ отношеніе нашихъ семидесятниковъ къ Марксу. Марксъ и тогда пользовался огромнымъ уваженіемъ и ссылки на него служили украшеніемъ рѣчи каждаго „соціалиста". Но пониманіе его „Капитала" было удивительно наивное, совершенно юношеское. Геніальный ученый, нарисовавшій грандіозную картину современнаго экономическаго строя со всѣми борющимися въ немъ силами, картину столь объективную, что, какъ онъ самъ писалъ, она можетъ жить внѣ всякой связи съ его соціализмомъ, Марксъ у насъ долгое время тоже признавался лишь однимъ изъ проповѣдниковъ, доказавшимъ безнравственность капитализма. До тѣхъ поръ пока промышленный пролетаріатъ не выдвинулся черезчуръ рѣзкимъ угломъ и не началась подлинная европейская классовая борьба, „Капиталомъ" Маркса у насъ пользовались лишь для доказательства зловредности „капитализма" и необходимости избавить отъ него Россію.

Н. К. Михайловскій цѣликомъ раздѣлялъ этотъ наивный взглядъ на „Капиталъ". У насъ есть теперь документъ, позволяющій заглянуть въ его душу и ясно увидѣть движущее начало всей его литературно-политической дѣятельности, по крайней мѣрѣ, въ семидесятыхъ годахъ. Съ 1878 года, съ *Летучаго Листка*, когда Н. К. Михайловскій выступилъ съ предложеніемъ „вознести" разрозненные факты „въ принципъ", который „называется: конституція, земскій соборъ", онъ, несомнѣнно, вошелъ въ полосу идейнаго кризиса. Кризисъ этотъ совпалъ съ народовольчествомъ, но было бы неискренней натяжкой видѣть въ Н. К. Михайловскомъ идеолога народовольчества. Если говорить о такомъ идеологѣ, то имъ былъ, конечно, Л. А. Тихоміровъ, отразившій въ своихъ писаніяхъ всю идейную путаницу того смутнаго времени. Н. К. Михайловскій былъ лишь сочувствующимъ.

Разгромъ народовольчества сдѣлалъ нагляднымъ кризисъ въ соціально-политическомъ ученіи Н. К. Михайловскаго. Не слѣдуетъ затушевывать того факта, что во второй половинѣ 80-хъ годовъ онъ лишился вліянія и даже въ полемикѣ съ извѣстнымъ письмомъ Яковенка въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* побѣда оказалась не на его сторонѣ. Въ дальнѣйшемъ, въ борьбѣ съ новыми теченіями въ искусствѣ и съ марксизмомъ Н. К. Михайловскій все время стоитъ на чисто отрицательной позиціи. Онъ порою недурно улавливаетъ промахи противниковъ, но старательно избѣгаетъ говорить о своихъ положительныхъ взглядахъ. Смерть застигла его наканунѣ общественнаго оживленія. Это даетъ возможность любой группѣ утверждать, что въ 1905 году онъ стоялъ бы въ ея рядахъ. Если такъ называемые „лѣвые народники" по формальнымъ причинамъ имѣютъ наибольшее право на присвоеніе себѣ Н. К. Михайловскаго, то во всякомъ случаѣ утверждать безъ колебаній, что онъ боролся бы бокъ-о-бокъ съ Черновымъ, Рошинымъ и Колосовымъ, не рѣшится ни одинъ добросовѣстный человѣкъ.

Н. К. Михайловскій 90-хъ годовъ въ соціально-политическомъ смыслѣ—человѣкъ неопредѣленный. Совсѣмъ не то было въ 70-хъ годахъ. Его тогдашняя сила и покоилась на его опредѣленности, на ясности положительной программы. И,—повторяю,—мы имѣемъ теперь документы, позволяющіе заглянуть глубоко въ его душу. Это—его заграничныя письма къ Лаврову объ участіи въ нелегальномъ журналѣ *Впередъ*.

Въ нихъ Н. К. Михайловскій безъ обиняковъ объявляетъ себя „русскимъ соціалистомъ". Въ отличіе отъ части народниковъ, онъ вѣритъ, что буржуазная конституція придетъ въ Россію очень скоро, но вмѣстѣ со всѣми народниками онъ относится къ ней отрицательно, боится ея.

„Я не революціонеръ,—пишетъ онъ,—всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже". Что же теперь можетъ дѣлать русскій соціалистъ „въ области практической"? Михайловскій отвѣчаетъ на это во второмъ письмѣ, утверждая, что его рѣшеніе единственное, „другого, по-моему, русскій соціалистъ теперь не можетъ имѣть". Въ чемъ же состоитъ это рѣшеніе? А вотъ въ чемъ: „Никакой радикально-соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитывать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать... А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по-моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію, долженъ же прійти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ,

и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешотомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію какъ слѣдуетъ, можно, и, слѣдовательно, должно".

Задача, слѣдовательно, въ томъ, чтобы готовить молодежь къ соціальной революціи. Въ этихъ письмахъ Н. К. Михайловскаго чрезвычайно ясно сказались всѣ особенности того, что выше я назвалъ юношеской политикой. Начать съ того, что Н. К. Михайловскій говоритъ только о молодежи. Взрослыхъ людей въ кругѣ своего воздѣйствія онъ какъ бы вовсе не предусматриваетъ. А вѣдь и въ то время, когда писались эти письма, въ Россіи было не менѣе 70 милліоновъ населенія. И при всемъ томъ въ головахъ лучшихъ людей крѣпко, не вызывая сомнѣній, сидѣла мысль, что судьбами народа можетъ руководить молодежь. Вотъ чего никакъ не пойметъ, наприм., европеецъ англосаксонской расы! Идемъ дальше. „Новые боги", конституція, трактуются Н. К. Михайловскимъ съ большимъ презрѣніемъ, хотя и съ опаской. Конституція, ну, конечно, она будетъ и очень скоро, вѣдь имѣютъ же ее Турція и Японія... И то, что такой, въ общемъ, очень осторожный и чрезвычайно придирчивый къ другимъ, публицистъ допускаетъ двѣ такихъ грубѣйшихъ ошибки (въ 1873 г. ни Турція, ни Японія конституціи не имѣли), только подчеркиваетъ его пренебреженіе къ этой самой конституціи. Прошло 32 года съ тѣхъ поръ, какъ были написаны письма Н. К. Михайловскаго, и лишь тогда Россія—не получила конституціи, а только въ ней были провозглашены манифестомъ 17 октября основныя начала конституціи. Провести эти начала въ жизнь, установить основы конституціонной демократіи,—это и есть все еще главная задача настоящаго и ближайшаго будущаго, хотя со времени изданія октябрьскаго манифеста прошло уже болѣе восьми лѣтъ...

„Конституція" оказалась вовсе не такой простой и легко достижимой вещью, какъ полагали политики 70-хъ годовъ. Измѣняя формулу Н. К. Михайловскаго, мы должны сказать, что задача настоящаго времени въ томъ, чтобы готовить не только молодежь, но всѣ вообще слои народа не къ соціальной революціи, а къ конституціонной демократіи... Теперь то мы уже знаемъ всю искусственность отдѣленія политической революціи отъ соціальной, знаемъ, что каждая политическая революція есть въ то же время соціальная, и каждая соціальная революція будетъ неизбѣжно революціей политической. Если событія происходятъ какія-нибудь серьезныя измѣненія въ соціальной или политической области, они могутъ происходить только какъ результатъ дѣйствія со-

ціальныхъ силъ и въ свою очередь измѣняютъ соотношеніе соціальныхъ силъ въ странѣ...

Всѣ эти, нынѣ безспорныя, соціально-политическія истины не входили въ сознаніе юношескихъ политиковъ. Мы говоримъ это безъ всякаго нелѣпаго желанія посылать укоры отошедшимъ дѣятелямъ. Эти люди жили въ опредѣленной исторической обстановкѣ, диктовавшей имъ содержаніе ихъ мыслей. Несмотря на всѣ ихъ „ошибки", Россія имъ обязана очень многимъ. Если марксизмъ, даже въ его отвлеченной, а потому тоже утопической формѣ, обучилъ русское общество начаткамъ реальнаго соціально-политическаго мышленія, то народническій соціализмъ снабдилъ русскихъ общественныхъ дѣятелей такимъ огромнымъ запасомъ идеализма, который наложилъ свою печать на цѣлыя поколѣнія интеллигенціи, заразивъ ихъ народолюбіемъ и демократизмомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ остается дѣйственной силой до сихъ поръ, останется ею и въ будущемъ.

Но, признавая эти огромныя заслуги дѣятелей прошлаго, мы не должны ихъ самихъ превращать въ идоловъ и искать у нихъ отвѣта на тѣ вопросы, которыхъ они въ сущности даже и не видѣли. Не къ соціальной революціи надо готовить современную Россію, а къ конституціонной демократіи; для нея подготовлять русскихъ людей. И если въ конституціонной демократіи мы желаемъ видѣть нѣчто реальное, что дѣйствительно существовало бы, а не фантастическое представленіе юношескаго ума, вродѣ „соціальной революціи" народниковъ 70-хъ годовъ, то, конечно, „завѣтовъ" надо искать не у Михайловскаго, не у Чернышевскаго, Лаврова и Бакунина. Ихъ историческая роль велика Много поколѣній отъ нихъ получили источники соціально-политическаго идеализма. Но если искать въ прошломъ реальныхъ мыслей для предстоящаго устроенія страны на конституціонно-демократическихъ началахъ, то надо обратиться къ другимъ дѣятелямъ нашего прошлаго: къ Сперанскому, декабристамъ, Герцену, Тургеневу, Драгоманову...

Конституціонная демократія покоится на двухъ основахъ: на гражданскомъ равенствѣ и на участіи (непосредственномъ или черезъ представителей) всѣхъ гражданъ въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Понятіе гражданскаго равенства содержитъ въ себѣ г программу соціальныхъ преобразованій, получающихъ свое моральное обоснованіе только при признаніи равенства людей. Конституціонная демократія не можетъ, конечно, отрицать политическихъ и соціальныхъ столкновеній, то болѣе, то менѣе острыхъ, рождаемыхъ противорѣчіемъ взглядовъ и интересовъ живущихъ подъ одной государственной кровлей общественныхъ группъ. Но что она рѣшительно и безповоротно отметаетъ—это хиліастическое представленіе „соціальной революціи"

которая должна прійти въ одинъ прекрасный мигъ, смыть старое и водворить на его мѣстѣ царство правды и справедливости. Вѣрой въ такую „соціальную революцію“ было богато народничество. Ее, въ значительной мѣрѣ демагогически и въ полной мѣрѣ безотвѣтственно, симулируютъ небольшія группы крайнихъ лѣвыхъ соціалъ-демократовъ, допускающихъ въ сущности и эволюцію, но „себя“ берегущихъ для „послѣдняго удара“, который якобы и довершитъ предшествующую преобразовательную работу „соціальной революціей“.

Конституціонная демократія не придетъ неожиданно и внезапно. Мы должны рѣшительно отвергнуть, какъ отголосокъ стараго утопизма, такое представленіе: до такого-то числа былъ старый строй, съ нынѣшняго дня начинается новый, пришла конституціонная демократія. Она можетъ только врастать въ вѣками устраивавшуюся жизнь, разрушая и отметая, какъ соръ, однѣ постройки, ремонтируя и передѣлывая другія, строя, гдѣ надо, совсѣмъ новыя. По самому существу своему конституціонная демократія можетъ быть только силой преобразовательной, реформистской, *дѣятельно* участвующей во всѣхъ явленіяхъ текущей жизни. Она, слѣдовательно, должна и принципіально исповѣдовать допустимость компромиссовъ, конечно, осмысленныхъ и цѣлесообразныхъ, но компромиссовъ, безъ которыхъ немыслимо никакое общественное и политическое строительство.

Для конституціонной демократіи надо воспитывать гражданъ, какъ въ свое время Н. К. Михайловскій ставилъ своей основной задачей воспитаніе молодежи для „соціальной революціи“. Но „воспитаніе“ это должно носить другой характеръ, чѣмъ онъ думалъ. Н. К. Михайловскій въ сущности мечталъ о какомъ то скитѣ, удаленномъ отъ грязи современной жизни. Тамъ жила бы молодежь, воспитываясь на ученіяхъ честныхъ и образованныхъ людей, и ждала бы, когда придетъ „моментъ дѣйствія“, чтобы „встрѣтить его не съ Молешоттомъ на устахъ, не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи“.

Это—чисто утопическая программа общественнаго „воспитанія“, и на нашей грѣшной землѣ такъ дѣла не дѣлаются. Общественное воспитаніе дается только въ самой гущѣ жизни. Воспитываются, дѣйствуя, терпя пораженія, одерживая побѣды, получая и нанося удары, заключая союзы и соглашенія, порывая старыя связи, создавая новыя. Учатся на своихъ и на чужихъ ошибкахъ и дорого платятъ за свои ошибки.

Конституціонная демократія—понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ конституціонно-демократическая партія, несущая ея знамя въ странѣ и въ Государственной Думѣ. Рѣшающимъ является уже одинъ тотъ

фактъ, что въ силу внѣшнихъ препятствій партія лишена возможности вступать въ тѣсныя и непосредственныя сношенія съ тѣми демократическими, сельскими и городскими, массами, интересы которыхъ она призвана выражать. Но есть и другія условія, мѣшающія ей привлечь въ свои ряды всѣхъ, кто несомнѣнно принадлежитъ къ конституціонной демократіи и работаетъ для ея торжества. Одной изъ такихъ причинъ является застой идеологической работы,—я бы сказалъ,—трусость теоретической мысли, боязнь оторваться отъ прошлаго въ поискахъ новыхъ путей.

Въ результатѣ получается рѣзкое несоотвѣтствіе между практикой и теоріей. На практикѣ конституціонно-демократическая партія ведетъ реальную борьбу въ нормахъ основныхъ законовъ, идетъ на разумные компромиссы, признаетъ обще-государственныя задачи, идя на совѣщанія съ министрами по вопросамъ обороны, отвергая военные кредиты не по принципу антимилитаризма, а по соображеніямъ цѣлесообразности траты народныхъ средствъ и силъ и т. д., и т. д. Иного положенія партія, конечно, не можетъ занимать. Хорошо, напримѣръ, небольшой кучкѣ соціалъ-демократовъ уклоняться отъ участія въ выборахъ въ думскій президіумъ, произнося при этомъ болѣе или менѣе пышныя фразы. Уклоненіе кадетъ, голосованіе ихъ противъ Родзянко означало бы въ сущности проведеніе своими голосами праваго президіума изъ кн. Волконскаго и Хвостова. Конечно, земство 1890 г., распространенное Государственной Думой на юго-восточныя губерніи, есть учрежденіе плохое, во многомъ рѣшительно противорѣчащее и конституціонно-демократическимъ принципамъ, и программѣ конституціонно-демократической партіи. Но если бы думская фракція народной свободы отказала въ своей поддержкѣ этому несовершенному законопроекту, то Астраханская, Ставропольская, Оренбургская губерніи и по сей день не имѣли бы никакого самоуправленія. Конечно, съ точки зрѣнія „чистоты знамени", отвергающей компромиссы, фракція поступила неправильно, и ей можно кинуть въ лицо гордый упрекъ: признавая на словахъ всеобщее избирательное право, вы голосовали за имущественный цензъ. Но такой упрекъ можетъ исходить только отъ лица, не понимающаго или не желающаго понимать основы конституціонно-демократической тактики, признающей безсмысленнымъ лозунгъ: все или ничего!

Конечно, неприглашеніе трудовиковъ и соціалъ-демократовъ на совѣщаніе съ правительствомъ объ огромныхъ затратахъ на военныя нужды есть насиліе и несправедливость. Играя руководящую роль, конституціонные демократы этого никогда бы не допустили и должны противъ этого протестовать. Но слѣдуетъ ли отсюда, что они сами должны были отказаться отъ участія въ переговорахъ? Утверждать это можно, только стоя на старой точкѣ зрѣнія, что всякое общеніе съ

властью опасно и соблазнительно само по себѣ, а потому и недопустимо, какъ рождающее иллюзіи единенія власти съ народомъ хотя бы „для заграницы". На такой точкѣ зрѣнія партія, ведущая реальную политику, стоять не можетъ. Она должна всюду итти, вездѣ оставаться сама собой, громко говорить то, что думаетъ и что нужно въ интересахъ народа, говоря сильно по существу, сдержанно по формѣ. И если одно время при выборахъ въ комиссію обороны думская кадетская фракція стояла на другой позиціи, отказавшись отъ выбора членовъ, а теперь на совѣщаніе пошла,—то правильно она поступила теперь, а ошибалась тогда.

Шагъ за шагомъ, пробиваясь черезъ кусты и рогатки, русская конституціонно-демократическая мысль на практикѣ прокладываетъ понемногу свою дорогу. Но теоретически эта работа совершенно не освѣщается. Между тѣмъ конституціонно-демократическому теченію въ Россіи суждено большое будущее, къ которому надо готовиться и теоретической работой мысли. Нельзя въ видѣ теоретическаго обоснованія парламентской тактики въ Государственной Думѣ, дѣйствующей по Основнымъ Законамъ 1906 года, ссылаться на завѣты Чернышевскаго, Лаврова и Михайловскаго.

Жизнь стала неизмѣримо шире, чѣмъ была въ тотъ юношескій періодъ нашей политической мысли. Жизнь усложнилась множествомъ такихъ экономическихъ, національныхъ, международныхъ отношеній, о которыхъ публицисты прошлаго и не подозрѣвали. Что, кромѣ самыхъ общихъ, а потому и безплодныхъ, фразъ, можемъ почерпнуть мы отъ нихъ при обсужденіи, напримѣръ, вопроса о русско-германскомъ торговомъ договорѣ, о будущности мелкаго единоличнаго крестьянскаго хозяйства, о коопераціи, развивающей въ деревнѣ денежное хозяйство, о грузино-армянскихъ, армяно-татарскихъ, польско-еврейскихъ и проч., и проч. отношеніяхъ?

Если въ общеніи съ наиболѣе подвижной частью городскихъ избирателей по второй куріи еще можно нѣкоторое время довольствоваться старыми общими положеніями и отвлеченными лозунгами, то для сельской демократіи, для тѣхъ элементовъ, которые въ земствѣ и въ деревнѣ борются съ анти-демократическими силами, возглавляемыми „объединеннымъ дворянствомъ", всѣхъ этихъ, слишкомъ элементарныхъ, орудій уже не достаточно. Не удовлетворяютъ они и національныя демократіи „недержавныхъ" народностей, которыя могутъ и должны быть постоянными и вѣрными сотрудниками русской конституціонной демократіи.

Нужна энергичная и смѣлая работа теоретической мысли, далекая отъ заигрыванія справа, но и чуждая всякаго страха передъ тѣмъ, что слѣва.

А. С. Изгоевъ.

Почему застоялась наша духовная жизнь?

Въ прежнее время, до политическихъ перемѣнъ перваго десятилѣтія нашего вѣка, ощущали и думали такъ: какъ мысли наши опередили дѣйствительность, какое несоотвѣтствіе между идейной работой и движеніемъ жизни!

Теперь, повидимому, думаютъ какъ разъ наоборотъ: жизнь неуклонно, съ стихійной силой движется впередъ, а мысль, идейная работа безнадежно отстаетъ, ничего не производитъ, топчется на мѣстѣ [1]).

Такъ признаютъ тѣ самые, которые блюдутъ священный Вестовъ огонь традиціонной русской идеологіи, и намъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ этой идеологіи, не приходится спорить противъ ихъ утвержденій.

Но у насъ, „постороннихъ", никакими ученіями не связанныхъ, являются совсѣмъ особыя, наши собственныя мысли на эту тему о жизни и идеяхъ. Трудность изложенія этихъ мыслей, пожалуй, и заключается больше всего въ томъ, что мысли эти наши *собственныя*, и что мы, говоря о соотношеніи идей и жизни по поводу жалобъ на несоотвѣтствіе въ ихъ развитіи, должны изъясняться по-своему, излагать мысли не канонизованныя, говорить и развивать вещи, чуждыя „народникамъ" и „марксистамъ", „меньшевикамъ" и „большевикамъ" и даже нѣсколько shoking для „кадетовъ".

Почему идеи нашихъ передовыхъ направленій такъ отстаютъ отъ жизни?

Вопросъ этотъ можетъ получить отвѣтъ въ стилѣ обычныхъ порицаній современности: измельчали люди, нѣтъ крупныхъ умовъ и т. д. Не желая говорить никакихъ комплиментовъ современнымъ руководящимъ публицистамъ, я долженъ отклонить это указаніе, какъ пошлое и даже, да позволено будетъ сказать прямо, глупое. Въ нѣкоторой своей части оно невѣрно именно до глупости. Н. К. Михайловскій лично былъ,

---

[1]) См. статьи А. В. Пѣшехонова „На очередныя темы" въ послѣднихъ книжкахъ *Русскаго Богатства*.

конечно, крупнѣе своихъ журнальныхъ продолжателей. Но въ своей борьбѣ съ марксизмомъ онъ обнаружилъ непониманіе теоретическаго значенія марксизма, какъ ученія, неотразимо-правильно диспровергшаго и отметшаго народническіе предразсудки объ экономическомъ развитіи Россіи. Но уловилъ онъ совершенно и огромнаго практическаго значенія марксизма какъ идейной основы рабочаго движенія. Теперь продолжатели г. Михайловскаго преодолѣли и отбросили его ошибки, объективно они теперь гораздо умнѣе своего учителя. Дѣло тутъ, стало быть, не въ даровитости лицъ.

Почему завѣты въ кавычкахъ и безъ кавычекъ неизбѣжно напоминаютъ и будутъ напоминать казенную апологетику, которая отовсюду тащитъ матеріалъ для „оправданія" своего ученія? Потому, что самая задача, которую ставятъ себѣ церковники и апологеты разныхъ толковъ, есть задача, внутренно противорѣчивая и носящая въ себѣ зародыши увяданія и старѣнія.

До сихъ поръ у насъ въ Россіи любятъ распространяться о прелести цѣльнаго міросозерцанія. Но при этомъ забываютъ или хотятъ заставить насъ забыть, что всякое міросозерцаніе цѣльно въ живомъ лицѣ и всякое кусочно на страницахъ бумаги. Цѣльно можетъ быть лишь вѣра, а не міросозерцаніе, или міросозерцаніе, лишь поскольку оно есть вѣра.

Самое высшее явленіе духовной культуры, христіанство—поскольку оно дѣйствительно цѣльно, не будучи абсолютно индивидуальнымъ—есть не просто міросозерцаніе, а живая личная вѣра въ живую личность. Церковь (всякая) держится именно такой вѣрой. Все остальное, догматы и обряды, обрастаетъ эту живую, личную въ двоякомъ смыслѣ вѣру, изъ нея извлекая жизненные соки.

Тѣ мыслители и тѣ идеологіи, которыя властвовали надъ умами въ прежнее „богатырское" время русской мысли,—кстати къ „богатырской" эпохѣ теперь, повидимому, относятъ уже и марксизмъ за первое десятилѣтіе его жизни,—властвовали лишь въ мѣру иллюзіи, что дѣйственная сила „міросозерцанія" опредѣляется объективной логической связью его частей, а не субъективнымъ ихъ сцѣпленіемъ для вѣрующаго. Эта чисто младенческая увѣренность теперь навсегда стала невозможна именно для *мыслящихъ* элементовъ общества. Поэтому мыслящія и въ особенности критически мыслящія личности—я употребляю эти выраженія не какъ „клише", а потому и безъ всякой ироніи—теперь не могутъ быть уловлены ни въ какія направленія, предлагающія „цѣльныя міросозерцанія".

Цѣльное міросозерцаніе — это я самъ, и ни откуда оно мнѣ не можетъ быть доставлено. На первый взглядъ это кажется провозглашеніемъ крайняго духовнаго анархизма. Но признаніе того, что „міросозерцаніе" можетъ покоиться лишь на субъективномъ и индивидуальномъ

сцѣпленіи, есть лишь признаніе самочинности, или свободы каждаго индивидуальнаго духа. „Направленія“ стремятся истину, красоту и добро привести въ разъ установленный порядокъ, разсадить ихъ по мѣстамъ, заранѣе назначеннымъ. Это хорошо въ философской системѣ, но дѣло въ томъ, что живая личность можетъ *жить* только въ своей философской системѣ или, что то же, своею философской системой.

Наши общественныя направленія (народничество, марксизмъ) разрушились, какъ цѣльныя міросозерцанія, въ процессѣ роста здороваго духовнаго индивидуализма. И я думаю, къ былому господству такихъ міросозерцаній нѣтъ никакихъ новыхъ путей. Вотъ почему съ такой ужасающей быстротой у насъ происходитъ превращеніе направленія-религіи изъ единомыслящей общины въ общину, объединенную единымъ культомъ. Поминки Михайловскаго въ этомъ смыслѣ представляли чрезвычайно интересное соціально-психическое явленіе. Скоро наступитъ время, когда народники и марксисты соединятъ свои культы и поставятъ Митру-Михайловскаго рядомъ съ Юпитеромъ-Марксомъ.

Русскія общественныя направленія перешли въ эпоху религіознаго синкретизма, отъ котораго ихъ не спасетъ уже никакой идейный монотеизмъ.

Это вполнѣ естественно и исторически необходимо. Эпоха общественныхъ направленій, какъ міросозерцаній, какъ религій, отошла въ область исторіи. Теперь эти направленія — идейныя окаменѣлости, которыя никакими заимствованіями извнѣ не могутъ быть превращены въ живые организмы.

Какъ же можетъ быть влита жизнь и внесено движеніе въ застоявшуюся духовную жизнь? И почему духовная жизнь застоялась?

Она застоялась именно потому, что то, что было прежде естественной иллюзіей, хранится и пестуется теперь сознательно какъ спасительное ученіе. То, что было прежде увлеченіемъ и порывомъ, стало теперь уставомъ и благонамѣренностью.

Я думаю даже, что мысль нашихъ руководящихъ въ идейной жизни элементовъ, какъ она представлена въ передовой печати, въ особенности въ толстыхъ журналахъ, не только застоялась, но и прямо отстала. Въ русской культурѣ произошла огромная перемѣна: плоскости идей (мысли) и фактовъ (дѣйствія) разошлись и въ извѣстномъ смыслѣ разошлись навсегда. Наши мудрецы просмотрѣли и до сихъ поръ игнорируютъ этотъ величайшій внутренній переворотъ, обозначающій подъемъ русской культуры на высшую ступень. Между тѣмъ только съ открытаго признанія этого великаго переворота можетъ начаться, или, вѣрнѣе должно теперь каждый разъ начинаться всякое дѣйствительное культурно-идейное творчество.

Русская идейная жизнь отстала, застоялась, прямо страдаетъ отъ

того, что фактически въ ней, въ смыслѣ вліянія, господствуютъ элементы, которые не понимаютъ того, что можно назвать самозаконностью мысли. Мысли въ русскомъ культурномъ обиходѣ, которымъ заправляютъ эти элементы, попрежнему расцѣниваются по ихъ общественной полезности или, что то же, по ихъ общественной „направленности" или даже прямо въ связи съ общественно-политической физіономіей автора. Вотъ примѣръ, весьма любопытный и весьма показательный. Въ послѣдней книжкѣ *Завѣтовъ* напечатана статья г. Александра Гизетти по поводу книги кн. Е. Н. Трубецкого о Владимірѣ Соловьевѣ. Статья эта интересна съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, въ ней обнаруживается, какъ, вопреки тому отношенію, которое установили къ Владиміру Соловьеву Михайловскій [1]) и Лесевичъ, на историческомъ разстояніи даже наша „радикальная" мысль прониклась извѣстнымъ признаніемъ Вл. Соловьева и уваженіемъ къ нему.

Но то, что въ писаніяхъ Михайловскаго противъ Соловьева присутствовало въ непривлекательной гротескѣ,—то въ смягченной благоприличной формѣ всетаки воспроизводитъ статья ученика Михайловскаго г. Гизетти,—уже въ отношеніи не столько самого Соловьева, сколько кн. Трубецкого. Г. Гизетти, разбирая книгу Трубецкого, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ мысли, что кн. Трубецкой — „умѣренный либералъ-политикъ", „европеизированный націоналъ-либералъ". Точно это существенно для „имманентно-критической" оцѣнки философскихъ разсужденій кн. Трубецкого и точно вообще для философской мысли въ ея существѣ важны политическія, или общественныя идеи автора!

На этомъ примѣрѣ вполнѣ ясно, какъ, даже прошедшій нѣкоторую философскую выучку и преодолѣвшій былую полемическую невоспитанность своихъ учителей, нашъ новѣйшій радикализмъ не способенъ понимать и ощущать самозаконность человѣческой мысли. Отъ статьи молодого автора вѣетъ какимъ то старчествомъ. Нѣтъ сильнаго темперамента Михайловскаго, но есть нѣкоторые весьма плохіе пріемы его мысли.

Наши „направленія" сѣли на мель, потому что они мелко плаваютъ и боятся глубокихъ водъ, потому что у всякой мысли они разными способами разыскиваютъ ея общественную окраску и по ней произносятъ свой судъ.

Въ частности, это пріемъ грубо невѣрный и, да позволено будетъ такъ выразиться, мелкотравчатый даже и по отношенію къ воззрѣніямъ такъ называемымъ общественнымъ. Сколько цѣнныхъ мыслей были про-

---

[1]) См. въ недавно вышедшемъ второмъ изданіи X тома „Полнаго собранія сочиненій" Н. К. Михайловскаго его весьма характерную статью (письмо въ редакцію) „О диспутѣ г. В. Соловьева" (1874 г.).

смотрѣны и на многіе годы оставались неиспользованными изъ-за того, что онѣ расцѣнивались именно этимъ жалкимъ способомъ, не „по существу“, а по своимъ общественно-психологическимъ придаткамъ.

Г. Пѣшехоновъ, констатируя застой мысли, говоритъ о томъ, что „въ идейное возбужденіе“, „все общество“ можетъ быть приведено лишь „идейной борьбой... внутри самой интеллигенціи“, и напоминаетъ о той роли, которую „сыграла... въ пережитомъ страною подъемѣ... борьба марксизма и народничества“, начавшаяся въ маленькихъ кружкахъ [1]).

Я это время помню, и на историческомъ разстояніи, теперь уже двадцатилѣтнемъ, для меня еще явственнѣе, чѣмъ прежде, выступаетъ одна характерная черта, наложившая свой отпечатокъ на весь этотъ споръ. Въ немъ были поставлены не только практическія, но и огромной важности теоретическія проблемы. И почти все время и та и другая сторона швырялась въ противника обвиненіемъ въ... реакціонности. Самый публицистическій характеръ спора и распаденіе на два лагеря опредѣлились въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что господствующее народническое направленіе, по своей „направленности“ просмотрѣвъ неугодную и неудобную ей работу мысли, какъ таковую, сразу ощетинилось на нее, какъ на „вредное направленіе“. Существо дѣла, напримѣръ, рѣшеніе вопроса: развивается, можетъ ли развиваться въ Россіи капитализмъ?—отъ этого не только не выигрывало, но даже временами куда-то изъ поля зрѣнія исчезало. А почему? Потому, что въ работу мысли привносились критеріи, которые этой работѣ должны были бы оставаться чуждыми.

По существу то же самое повторилось въ исторіи съ „Вѣхами“. Полемическая литература противъ „Вѣхъ“, по заслугамъ не имѣвшая ни малѣйшаго успѣха, вся была построена на томъ же пріемѣ (или принципѣ) предъявленія публицистическаго отвода противъ работы мысли.

Самозаконность мысли и ея работы — вотъ за что необходимо бороться еще внутри самого общества (интеллигенціи, назовите какъ угодно). Этотъ великій культурный принципъ еще не утвержденъ въ сознаніи даже большинства образованныхъ русскихъ людей.

Въ этомъ отношеніи мысли, нахожденію истины приходится гораздо хуже, чѣмъ искусству, творчеству красоты. Искусство для русскаго сознанія уже освободилось отъ подчиненія утилитарнымъ критеріямъ, тому, что Вячеславъ Ивановъ недавно назвалъ „ересью общественнаго утилитаризма“. [2]) Этотъ общественный утилитаризмъ въ отношеніи красоты—несмотря на то, что онъ тоже принадлежитъ къ запѣтамъ,—изжитъ

---

[1]) *Русское Богатство*, № 1, стр. 361.

[2]) См. *Завѣты* № 2 „Символисты о символистахъ“, стр. 82.

и преодолѣнъ даже значительной и вліятельной частью нашего радикализма. [1]) Но мысль и истина продолжаютъ находиться подъ игомъ утилитаризма.

Этотъ утилитаризмъ становится вдвойнѣ опаснымъ, когда онъ изъ уклона индивидуальной мысли превращается въ коллективную „направленность", въ направленіе. Г. Пѣшехоновъ, констатируя въ той же, уже цитированной, статьѣ исчерпанность теоретическихъ темъ и программныхъ разногласій, которыя существовали въ эпоху борьбы марксизма и народничества, на мой взглядъ объективно правильно говоритъ, что „новое оживленіе въ сферѣ мысли зависитъ въ сущности отъ жизни,—отъ тѣхъ матеріаловъ, какіе она дастъ, отъ тѣхъ перспективъ, какія откроетъ, отъ тѣхъ возможностей, какія предоставитъ". Мысли, продолжаетъ ав-

---

[1]) Приведу изъ библіографическаго отдѣла *Заветовъ* характерную цитату: «Изъ трехъ излюбленныхъ философами категорій—истиннаго, добраго и прекраснаго—послѣдней въ нашей литературѣ повезло наименѣе. Знаменитое писательское презрѣніе къ „трансцендентнымъ эстетикамъ", неоднократно вызывавшее жестокое осужденіе со стороны послѣдующихъ критиковъ, было въ сущности лишь наиболѣе яркимъ и рѣзкимъ проявленіемъ антипатіи къ чистому эстетизму, свойственной русской литературѣ вообще. Въ чемъ лежитъ причина этого явленія, трудно сказать. Быть можетъ, въ томъ учительномъ характерѣ русской литературы, который въ послѣднее время съ особенной силой подчеркивался С. А. Венгеровымъ. Такъ или иначе, но отъ Писарева и Чернышевскаго, съ его преувеличеніемъ дѣйствительности надъ искусствомъ, эта склонность какъ бы по наслѣдству перешла къ Н. К. Михайловскому. Недаромъ, его знаменитая правда—двуединая, заключаетъ въ себѣ слитыя истину и справедливость, не касаясь красоты. И едва ли будетъ ошибкой сказать, что, идя по слѣдамъ Михайловскаго, все русское народничество недооцѣнивало значеніе прекраснаго въ жизни. Спору нѣтъ, здѣсь играло роль то обстоятельство, что въ жизни апологія красоты была продолжительное время тѣсно связана съ защитой реакціонныхъ идеаловъ. Это, однако, не умаляетъ ошибки: категорія прекраснаго разсматривалась не сама по себѣ, а въ зависимости отъ личности своихъ ярыхъ апологетовъ. Была, правда, замѣчательная по глубинѣ попытка освѣтить роль прекраснаго въ жизни, исходившая изъ рядовъ народничества. Мы говоримъ объ очеркѣ Гл. Успенскаго „Выпрямила". Читатель помнитъ его содержаніе. Бѣдняжъ учитель Тапушкинъ, обиженный и придавленный судьбой, попадаетъ въ Парижъ въ Лувръ и видитъ тамъ Венеру Милосскую. Дальше съ поразительной художественной силой описывается „выпрямляющее" дѣйствіе статуи, на опустошенную, отчаявшуюся душу Тапушкина. Очеркъ этотъ, высоко цѣнимый Михайловскимъ (см., наприм., интересныя размышленія въ вышедшемъ недавно десятомъ томѣ, особенно въ статьѣ „Мой промахъ"), не извлекъ, однако, замѣтной струи въ общее развитіе народнической идеологіи. Еще недавно г. Ивановъ-Разумникъ попытался дополнить двуединую правду третьимъ членомъ—красотой. Но это было только инмотоломъ. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ требуетъ изслѣдованія. Будущимъ идеологамъ русскаго народничества предстоитъ показать мѣсто красоты въ жизни цѣлостной человѣческой личности и въ частности рѣшить вопросъ, существуетъ ли антагонизмъ между красотой и истиной, съ одной стороны, красотой и справедливостью—съ другой; антагонизмъ, мучительно переживавшійся Генрихомъ Гейне и занимавшій отчасти нашихъ „модернистовъ" (*Заветы*, № 2, стр. 61 „Библіографія"). Журналъ *Заветы* вообще интересенъ—и только этимъ онъ интересенъ—какъ явленіе разложенія традиціонной идеологіи радикальной интеллигенціи.

торъ, предстоитъ громадная работа, чтобы разобраться въ томъ сдвигѣ всей жизни, который происходилъ послѣдніе годы [1]).

Это совершенно вѣрно. Но для того, чтобы началась работа мысли въ широкихъ кругахъ и чтобы настоящая мысль завоевала себѣ мѣсто и признаніе,—для этого, во-первыхъ, необходимо теперь коренное измѣненіе отношенія къ работѣ мысли вообще, а, во-вторыхъ, общественныя силы должны освободиться, „сдвигъ" долженъ быть реализованъ. До сихъ поръ дѣло обстоитъ такъ. Есть реакція и есть завѣты. Реакція объединяетъ Россію въ ненависти къ себѣ и въ рѣшимости борьбы съ защищаемыми ею порядками. Это практическое объединеніе, какъ оно, съ чисто политической точки зрѣнія, ни существенно для силы удара, замораживаетъ и обезпложиваетъ работу мысли. На мѣсто нея стали завѣты, сталъ культъ угодниковъ и легенды о нихъ, поминки мертвыхъ и юбилеи живыхъ. Откровенно говоря, я ни за что такъ не ненавижу современную реакцію, какъ за это замораживаніе мысли въ Россіи. Безсильная одерживать какія-нибудь духовныя побѣды, давно потерявшая всякую поддержку совѣстливой и ищущей мысли,—эта реакція систематически отравляетъ и повреждаетъ русское сознаніе его же собственной мертвечиной. Традиціи—хорошая вещь, и ихъ надлежитъ чтить, но живымъ людямъ не слѣдуетъ жить на кладбищѣ, хотя бы оно и было генуэзскимъ Campo Santo.

Да, работа мысли должна начаться *внутри*, но работа, вполнѣ свободная, творящая единственный культъ—самозаконной мысли.

Къ чему приводитъ отказъ отъ самозаконности мысли, доказываетъ примѣръ Мережковскаго и всего идущаго отъ него и съ нимъ религіозно-философскаго движенія. Превосходно о Мережковскомъ говоритъ Вячеславъ Ивановъ: „Димитрій Мережковскій, одинъ изъ бывшихъ символистовъ, оглашаетъ воздухъ призывами къ разрушенію красоты вообще, искусства въ частности, и символическаго искусства частнѣйшимъ образомъ. Конечно, онъ говоритъ это не серьезно. Слишкомъ это искусившійся человѣкъ, чтобы я не чувствовалъ въ его словахъ безсознательнаго притворства. Онъ не можетъ серьезно вѣрить, что тютчевщина и обломовщина—одно и то же, что отъ Тютчева пошли самоубійства. Все это онъ при помощи своихъ демагогическихъ пріемовъ распространяетъ по Россіи. Я говорю съ нѣкоторымъ негодованіемъ, потому что самое существо дѣла возбуждаетъ негодованіе. Я готовъ подчеркнуть и положительныя стороны этого явленія и помочь вамъ понять это патологическое состояніе Мережковскаго, патологическое и только патологическое, потому что общественность при нашихъ теперешнихъ понятіяхъ никоимъ образомъ не затронута вопросомъ, что Тютчевъ—великій поэтъ

---

[1]) Стр. 363.

или нѣтъ" [1]). Но Мережковскій возвращается къ общественному утилитаризму но только какъ цѣнитель искусства и пожинаетъ лавры не только гимназическимъ превознесеніемъ Некрасова надъ Тютчевымъ.

Что такое то̀ религіозное народничество, которое проповѣдуютъ Мережковскій и его друзья, какъ не противоестественное соединеніе мистическаго христіанства съ политическимъ радикализмомъ и соціализмомъ? Какъ въ свое время, вѣруя въ христіанство въ формѣ православія, Мережковскій соединялъ дорогое ему тогда и вѣчное по его идеѣ православіе съ весьма бренной политической формой, крушеніе которой произошло черезъ нѣсколько лѣтъ,—такъ теперь онъ какое то новое, свое собственное христіанство, вѣроятно, считаемое имъ за вѣчную истину, объявляетъ неразрывно связаннымъ съ какими то, болѣе или менѣе бренными, формами не то мірового, не то спеціально русскаго соціализма и съ тѣмъ питаемымъ нашей реакціей оппозиціоннымъ духомъ, который разлитъ по всей Россіи.

Здѣсь есть своеобразное sacrificium intellectus, т.-е. сознательное умаленіе умственности, но не святая простота, а простачество изъ лукавства.

Съ одной стороны, религіозный максимализмъ, вѣра въ воскресеніе, словомъ, все главное содержаніе христіанской мистики и теологіи, а съ другой стороны, уловленіе въ качествѣ союзниковъ элементовъ, глубоко равнодушныхъ и даже враждебныхъ всякой религіи и религіозности. Разные, подчасъ весьма почтенные люди, пишущіе о русской общественности, смотрятъ на Мережковскаго и его друзей, какъ гоголевскій Осипъ на знаменитую веревочку:

„Подавай все! Все пойдетъ въ прокъ". Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку—и веревочка въ дорогѣ пригодится: телѣжка обломается или что другое подвязать можно".

Въ дѣлѣ борьбы съ реакціей пригодится и такая веревочка, какъ религіозное народничество Мережковскаго. Мережковскій же всячески приспособляетъ религію и религіозныя проблемы къ аудиторіи, которой нѣтъ никакого дѣла до религіи и которая интересуется исключительно „общественной" стороной дѣла.

Если Осипы русской общественности могутъ быть съ извѣстной точки зрѣнія оправданы въ ихъ стремленіи всякую веревочку употребить въ дѣло, то для Мережковскаго, какъ религіознаго философа, такой утилитаризмъ совершенно непростителенъ, вѣрнѣе, онъ подвергаетъ сомнѣнію религіозную глубину и даже религіозную подлинность всей его пропаганды. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ такое смѣшеніе плановъ и идей, въ которомъ религіозный максимализмъ превращается въ опортунизмъ, пріобрѣтающій характеръ смѣшной и пошловатый.

---

[1]) *Завѣты* № 2, стр. 82—83.

Когда Мережковскій и его друзья въ союзѣ съ В. Я. Богучарскимъ и М. И. Туганъ-Барановскимъ выступаютъ какъ отрядъ воинствующей церкви религіозно-настроеннаго радикализма, это и грустно и смѣшно. Тутъ есть не то обидная недодуманность, не то претящее лукавство.

Въ основѣ всего этого лежитъ все тотъ же утилитаризмъ, который мысль запрягаетъ въ ярмо общественной полезности. Это продѣлывается надъ религіей въ XX вѣкѣ, когда человѣчество, поскольку оно дѣйствительно томится по религіи, съ такой болѣзненной ясностью должно ощущать, какъ трудна, прямо тяжка проблема религіозной реформы и какъ разныя общественныя полезности несоизмѣримы съ проблемой такой реформы!

Если бы мы въ идейномъ теченіи, которое связано съ именами Мережковскаго и его друзей, могли видѣть стихійно-наивное движеніе, питающееся изъ жизни массъ и на нихъ воздѣйствующее, къ этимъ исканіямъ слѣдовало бы подходить съ совсѣмъ иными мѣрками и критеріями. Но вѣдь это чисто интеллигентское, болѣе того, прямо *литературное* движеніе, въ которомъ вниманіе прежде всего обращается на качество мысли, на ея строгость къ себѣ, на ея, я бы сказалъ, *теоретическую* неподкупность.

Между тѣмъ именно эти черты совершенно отсутствуютъ въ религіозномъ движеніи Мережковскаго. При словесномъ радикализмѣ на всемъ этомъ движеніи лежитъ клеймо величайшаго опортунизма и крикливой неразборчивости.

Томленіе по религіи переживается не только въ Россіи, и въ кругахъ интеллигенціи; быть можетъ, въ Россіи оно выражено слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Правда, мы имѣли Толстого, но толстовство русскую интеллигенцію захватило меньше и слабѣе, чѣмъ интеллигенцію западную.

Томленіе по религіи и пробужденіе какихъ то новыхъ потенцій религіозной жизни есть явленіе міровое. Религіозная жизнь и Запада представляетъ нѣчто чрезвычайно сложное, можно сказать, пестрое до хаотичности. [1]) Но отрицательно въ ней вырисовываются двѣ главныя трагическія проблемы современнаго религіознаго развитія.

Все, что возникаетъ внѣ „историческихъ“, идейныхъ и организаціонныхъ, формъ религіозности, безсильно создать и организовать коллективную религіозную жизнь. А историческія идейныя и организаціонныя формы религіозности слишкомъ затвердѣли, стали слишкомъ консервативны для того, чтобы допустить въ своихъ предѣлахъ религіозное раз-

---

[1]) Ср. замѣчательно интересный обзоръ религіозной жизни, даваемый Трельчемъ въ Ежегодникѣ Das Jahr 1913. Ein Gesamtbild der Kulturentwicklung. Herausgegeben von Dr. D. Sarason. Leipzig Berlin, 1913. (Объ этомъ сборникѣ-ежегодникѣ въ *Русской Мысли* будетъ спеціальный отчетъ).

витіе и вмѣстить индивидуальное творчество. Наступило окаменѣніе церковной религіозности при неспособности новыхъ религіозныхъ силъ кристаллизоваться въ нѣчто коллективное. Въ современности мощно организуется не религіозность, пребывающая въ старыхъ разрушающихся формахъ, а лишь невѣріе и вражда къ религіи.

Это положеніе вещей выражается въ постепенно растущемъ религіозномъ индифферентизмѣ массъ и въ прямой враждебности къ религіи сознающаго себя пролетаріата. Было бы безполезно оспаривать реальность этихъ явленій. [1])

Такимъ образомъ двѣ основныя трагическія проблемы современнаго религіознаго развитія можно формулировать такъ:

I. Индивидуальная творческая религіозность не находитъ себѣ удовлетворенія и мѣста въ традиціонныхъ формахъ.

II. Массы въ процессѣ соціальнаго развитія, въ которомъ они подымаются на болѣе высокую интеллектуальную ступень и формируютъ свое классовое сознаніе, отпадаютъ отъ религіи.

Таково истинное положеніе религіи въ современномъ мірѣ. Вмѣсто того чтобы смотрѣть въ глаза этому положенію, Мережковскій и его друзья съ какой то странной хлопотливостью красятъ религію и, въ частности, христіанство въ красный цвѣтъ, и на соціализмъ наводятъ религіозный лакъ. Это въ высшей степени несерьезно и прямо недомысленно. Положеніе религіи слишкомъ трагично для того, чтобы предаваться такимъ операціямъ.

Для характеристики этого положенія я укажу на тотъ чрезвычайно поучительный обмѣнъ мыслей, который произошелъ недавно между бывшимъ пасторомъ Гере, вышедшимъ изъ церкви и примкнувшимъ къ соціалъ-демократіи, и его прежними друзьями, либеральными богословами, оставшимися въ церкви и стремящимися къ ея обновленію. [2])

Какъ извѣстно, въ настоящее время съ разныхъ сторонъ въ Гер-

---

[1]) Ср. заключительныя слова обзора Трельча: „При всемъ томъ преобладаетъ огромное *безразличіе*... (массы) въ церковныхъ организаціяхъ ненавидятъ духовные брусверы господствующихъ классовъ, въ мірѣ христіанскихъ идей—стремленіе и идеальнымъ міромъ вознаградить человѣчество, и еще общѣе—по новой нехристіанской идеологіи непониманіе историческаго матеріализма, непониманіе, которое благо человѣчества строитъ вмѣсто классовой борьбы на какихъ-то неразумительныхъ идеяхъ". (S. 540).

[2]) Въ еженедѣльномъ журналѣ *Die Christliche Welt. Evangelisches Gemeindeblatt für Gebildete aller Stände*, издаваемомъ профессоромъ богословія въ марбургскомъ университетѣ д-ромъ Мартиномъ Рау, за текущій годъ. Журналъ *Die Christliche Welt*—однимъ изъ ближайшихъ участниковъ этого изданія былъ прежде самъ Гере—сыгралъ крупнѣйшую роль въ развитіи новѣйшей прогрессивной богословской мысли и создалъ даже нѣкую организацію „Vereinigung der Freunde der Christlichen Welt".

маніи ведется агитація въ пользу выхода изъ церкви [1]). Видную роль въ этомъ движеніи играютъ, съ одной стороны, радикальные соціалъ-демократы (молодой Либкнехтъ!), съ другой стороны—монисты и другіе реформаторы религіи на „научныхъ" основаніяхъ.

Въ этомъ движеніи Гере выступилъ теперь съ такимъ лозунгомъ:

1. Для всякаго порвавшаго внутренне съ религіей соціалъ-демократа обязателенъ выходъ изъ церкви.

2. Обязанность сохранившаго религіозныя потребности соціалъ-демократа—обнаруженіе и удовлетвореніе ихъ внутри церкви на основѣ особой программы, требующей возведенія христіанства къ немногимъ простымъ религіознымъ идеямъ Іисуса, возвращенія къ нравственно-соціальнымъ принципамъ первохристіанскихъ общинъ, отдѣленія церкви отъ государства и школы отъ церкви, децентрализаціи культа, демократизаціи всѣхъ корпорацій церковнаго представительства и др. [2])

Въ основѣ такой постановки религіознаго вопроса у Гере лежитъ, съ одной стороны, мысль о значеніи религіозной жизни для отдѣльныхъ личностей и, съ другой стороны, убѣжденіе въ томъ, что большинству людей, массамъ религія всегда была чужда.

Эта точка зрѣнія религіознаго аристократизма, выдвигаемая убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ, который самъ для себя не отвергаетъ религіозной потребности, весьма интересна и по существу, и симптоматически, какъ фактъ, рисующій современное положеніе религіи.

Я приведу основное разсужденіе Гере [3]) его собственными словами. Гере исходитъ отъ того факта, „передъ которымъ до сихъ поръ всѣ церкви и всѣ церковные властители закрывали глаза, который они до

---

[1]) Агитація эта, благодаря участію соціалъ-демократовъ, приняла такіе размѣры и получила такое значеніе, какіе раньше не наблюдались. Гере констатируетъ, что „число тѣхъ членовъ партіи, которые участвуютъ въ движеніи ухода изъ церкви, въ настоящее время чрезвычайно велико, что это число изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, въ особенности въ городахъ, будетъ расти. Движеніе ухода изъ церкви, которое прежде было узко очерченнымъ и къ тому же еще по преимуществу буржуазнымъ, въ настоящій моментъ готово стать пролетарскимъ массовымъ движеніемъ очень прочнаго характера". Ср. статью Гере „Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie" въ *Neue Zeit*, № 14 отъ 2 января 1914 г. Ср. статьи о томъ же: *Karl Liebknecht*: „Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie", *S. Meerfeld*: „Kirche und Sozialdemokratie", *Hans Markwald*: „Zur Kirchenaustrittsbewegung" (всѣ три въ *Neue Zeit*, № 16 отъ 16 января 1914 г.) и *Bernhard Menke*: „Zur Kirchenaustrittsbewegung" (тамъ же, № 18 отъ 30 января 1914 г.).

Движеніе ухода изъ церкви направляется противъ протестантской церкви. Передъ агрессивными дѣйствіями противъ католицизма это движеніе останавливается въ почтительномъ, я бы сказалъ боязливомъ, безсиліи. Ср. на эту тему интересныя разсужденія въ статьѣ Мэрфельда.

[2]) Ср. его статью въ № 14 *Neue Zeit* отъ 2 января 1914 г.

[3]) Основное разсужденіе это заимствовано изъ статьи *Гере*, напечатанной въ 1908 г. въ „Dokumente des Fortschrittes" (4 Heft). Съ этой статьей я познакомился по статьѣ *Раде* въ № 3 *Christl. Welt*, за текущій годъ, откуда я приношу цитату.

сихъ поръ по большей части превращали въ его противоположность, а именно, что во всѣ времена лишь меньшинство людей имѣетъ подлинныя, серьезныя и неразрушимыя религіозныя потребности. Остальные, подавляющее большинство людей и религіозно бездарно, и лишено религіозной потребности. Ихъ всегда лишь силой принуждали къ религіи. И потому это большинство людей радостно и быстро сбрасываетъ съ себя религіозныя путы, которыя прежде носились съ трудомъ и отвращеніемъ, лишь только появляется сила, которая освобождаетъ массу отъ лишеннаго для нея смысла и мертваго балласта и даетъ ей всѣ тѣ настроенія, чувства, хотѣнія и возбужденія, ради которыхъ религія вообще нужна для массъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ какъ соціализмъ поднялъ голову и развилъ и показалъ свою силу, которой онъ можетъ равняться съ религіей, постепенно, но неизбѣжно, съ радостью, въ его лоно, какъ зрѣлые плоды, падаютъ всѣ религіозно неодаренные люди и часто также, но по другой причинѣ, и люди съ религіозной потребностью".

Далѣе, Гере характеризуетъ современный соціализмъ. „Соціализмъ не паритъ непостижимо въ небесахъ, но покоится твердо на земной почвѣ; онъ вырастаетъ изъ силъ этой земли, какъ дерево и колосъ; онъ цѣль, которая такъ же дорога сердцу, но ближе для глаза, а мыслящему разсудку, какъ логическая необходимость, въ тысячу разъ осязательнѣе, чѣмъ вся вѣчная жизнь, вся идея Бога, ибо онъ въ одно и то же время и дѣйствительность, и возможность, и высшій идеалъ. И вѣра въ соціализмъ получаетъ для соціалиста, для рабочаго цѣнность, которая по меньшей мѣрѣ равняется старымъ религіознымъ цѣнностямъ по тому блаженству, которое она вселяетъ въ душу, по своему освобождающему, возвышающему, движущему впередъ дѣйствію... То, что въ первой христіанской общинѣ именовалось любовью къ ближнему, у соціалистовъ называется солидарностью. Принципъ равноправности всѣхъ передъ лицомъ Бога возрождается здѣсь вновь въ требованіи равенства, свободы, братства и въ идеѣ интернаціональности. Возвышеніе положенія женщины, которое мы видимъ въ первыхъ христіанскихъ общинахъ, въ современномъ соціализмѣ идетъ гораздо дальше, воплощаясь въ само собою подразумѣвающееся для соціалистовъ требованіе женской эмансипаціи. Даже въ болѣе внѣшнихъ вещахъ сходство соціалистическаго движенія съ религіознымъ часто поразительно велико. Какъ здѣсь, такъ и тамъ — собранія, обученіе, воспитѣтные въ юношеству: программы, направленія, лозунги, символы: празднества, пѣсни, залы, фанатики, пророки, личности-священники".

Но значитъ ли эта характеристика, что соціализмъ есть религія?

Такъ же какъ пишущій эти строки, [1]) Гере рѣшительно отвѣчаетъ

[1]) См. мою статью „Религія и соціализмъ", помѣщенную въ *Русской Мысли* за 1909 г. (августъ) и перепечатанную въ сборникѣ „Религія" (стр. 597—611), „Мысль и

такое пониманіе соціализма. „*Религія*, по моему мнѣнію,—говоритъ *Гере* въ своемъ отвѣтѣ *Раде*, — *всюду* имѣется *тамъ* и *только* тамъ, гдѣ человѣкъ сознаетъ себя противостоящимъ нѣкой конечной божественной силѣ и находящимся съ нею въ какихъ-нибудь, хотя бы и не поддающихся никакому контролю, отношеніяхъ. Не въ доступности какому-либо контролю, а именно въ сознаніи наличности такого отношенія тутъ главное дѣло. Вотъ почему всѣ тѣ формы и пути, въ которыхъ въ наше время пытаются найти или даже вновь создать религію внѣ указанной области отношеній, представляются мнѣ уклоненіями, религіозными суррогатами, которыя съ религіей въ опредѣленномъ мною смыслѣ (а этотъ смыслъ есть въ то же время тотъ, который къ нашему времени исторически создался) имѣютъ общаго, въ сущности, лишь внѣшности, лишь сходство душевной функціи захваченнаго даннымъ содержаніемъ человѣка, ничего болѣе. Къ такимъ религіознымъ суррогатамъ я причисляю соціализмъ, который въ глазахъ моихъ и всѣхъ разумныхъ людей прежде всего есть движеніе политическое и экономическое, а затѣмъ общекультурное, но вовсе не религія“. [1])

Отклоняя пониманіе соціализма какъ религіи, Гере „высшую и конечную религіозную цѣнность соціализма“ видитъ въ томъ, что „соціализмъ освобождаетъ путь для очищенной и усовершенствованной религіи будущаго“. Соціализмъ дѣлаетъ это тѣмъ, что, давая „массѣ религіозно неодаренныхъ и индифферентныхъ“ людей яркій суррогатъ религіи, онъ освобождаетъ религію отъ балласта безрелигіозной массы. Такимъ образомъ онъ превращаетъ окончательно религію въ то, чѣмъ она всегда была, въ дѣло меньшинства, во внутреннее общеніе вѣрующаго съ Богомъ.

Съ этой точки зрѣнія Гере называетъ соціализмъ тѣмъ камнемъ, на которомъ созиждется церковь будущаго.

Я знаю, что можно многое возразить противъ изложенныхъ взглядовъ Гере на религію съ точки зрѣнія религіозной исторіи и психологіи,—въ другомъ мѣстѣ я, можетъ быть, вернусь къ этому вопросу. Но нельзя отрицать одного: въ этомъ суровомъ анализѣ религіознаго положенія современности, исходящемъ отъ соціалиста, который прошелъ такой рѣдкій и своеобразный путь развитія, обаятельна теоретическая неподкупность мысли, отсутствіе всякаго приспособленія, замазыванія,

---

всегда слѣдуетъ устранить то недоразумѣніе, во которому соціализмъ, какъ въ извѣстномъ смыслѣ вѣра и вѣроученіе, рождающее энтузіазмъ, признается религіей. Голая психическая форма вѣры и энтузіазма не можетъ составлять религію. Вѣра въ небожественное и вѣроученіе не о Богѣ не есть религія... Соціализмъ, поскольку онъ создавалъ подобіе религіи и религіозности, давалъ человѣчеству суррогатъ и фальсификатъ. Это былъ не обманъ, а самообманъ, и теперь человѣчество начинаетъ его сознавать“.

[1]) Отвѣтъ Гере Раде въ *Christliche Welt*, № 5 за текущій годъ.

всякой демагогіи, т.-е. именно того, чѣмъ поражено и заражено религіозное народничество Мережковскаго и его друзей.

Тутъ обнаруживается — помимо личныхъ свойствъ тѣхъ писателей, о которыхъ идетъ рѣчь, Гере и Мережковскаго—какъ разъ то вошедшее въ плоть и кровь культурныхъ людей запада уваженіе къ самозаконности мысли, за которое у насъ приходится бороться еще больше, чѣмъ за самозаконность художественнаго творчества. Именно изъ этого уваженія западнаго человѣка къ самозаконности мысли вытекаетъ обаятельная теоретическая неподкупность всего разсужденія Гере.

Умственное безсиліе нашей радикальной мысли, демагогическій опортунизмъ Мережковскаго въ вопросахъ искусства и религіи, который привелъ, въ концѣ-концовъ, къ внутреннему ослабленію его писательства,— все это восходитъ къ одной и той же давней, въ сущности, болѣзни нашей „передовой" литературы—къ опортунистическому общественному утилитаризму, отрицающему автономные пути искусства и науки. Литературная дѣятельность Мережковскаго въ этомъ отношеніи являетъ прямо ужасающій примѣръ. Каковы бы ни были чисто личныя психологическія пружины занятой имъ позиціи, совершенно ясно, что, обѣщая въ „Вѣчныхъ спутникахъ" развиться въ первоклассного художественнаго критика, Мережковскій, вообразивъ себя пророкомъ новой общественности, оставилъ свое подлинное литературное призваніе и извратилъ и обезцѣнилъ свое литературное творчество. Достаточно сопоставить недавнія статьи о Некрасовѣ и Тютчевѣ, статьи по содержанію воистину плачевныя, съ „Вѣчными спутниками" и книгой о Толстомъ и Достоевскомъ, чтобы измѣрить разстояніе между тѣмъ, чѣмъ былъ Мережковскій и чѣмъ онъ сталъ. Быть можетъ, ни на одного русскаго писателя атмосфера общественнаго радикализма и его специфическій спросъ не подѣйствовали такъ разрушительно, какъ на Мережковскаго.

Подлинное движеніе въ нашей умственной жизни начнется тогда, когда самозаконность мысли, ея принципіальная независимость отъ общественно-утилитарныхъ критеріевъ окончательно проникнетъ въ сознаніе. Это, въ сущности, дѣло внутренняго идейнаго воспитанія. Но въ извѣстной мѣрѣ, конечно, этотъ важный шагъ въ развитіи общественнаго сознанія, какъ я уже подчеркивалъ выше, будетъ зависѣть отъ успѣховъ нашей *политической* жизни. Утвержденіе въ странѣ извѣстнаго политическаго минимума есть важное условіе освобожденія русской мысли отъ внутреннихъ путъ, ее сковывающихъ. Тутъ есть нѣкоторая аналогія между ролью политической свободы въ дѣлѣ русскаго духовнаго роста и той ролью соціализма въ дѣлѣ освобожденія религіи, о которой говоритъ Гере.

Русская мысль должна освободиться отъ того огромнаго тянущаго ее къ низу груза, или балласта общественнаго утилитаризма, которымъ

она наслѣдственно отягчена. Послѣднее, наименѣе откровенное, а потому и самое дурное выраженіе этого утилитаризма, это—то, которое, въ лицѣ Мережковскаго и его друзей, мистическую религію связываетъ съ политическимъ и соціальнымъ радикализмомъ. Ибо тутъ порча мысли касается высочайшаго, отъ чего прежній утилитаризмъ стараго стиля просто отвертывался и на что онъ тѣмъ самымъ не посягалъ. Для того чтобы восчувствовать эту порчу мысли, достаточно сопоставить Толстого и Мережковскаго. Толстой эпохи обращенія къ Богу не проходилъ мимо общественныхъ явленій. Онъ на нихъ откликался, но всегда—религіозно и тѣмъ самымъ вполнѣ свободно отъ какой-либо политической и соціальной тенденціи. Оттого его голосъ и въ политическихъ дѣлахъ и вопросахъ имѣлъ такую силу—чувствовалась его религіозная независимость. Рядомъ съ этимъ и смѣшно и больно напоминать о томъ, во что главная арена дѣятельности Мережковскаго, Религіозно-Философское Общество, была превращена въ дни общественнаго возбужденія, вызваннаго дѣломъ Бейлиса. Тутъ была не религіозная независимость, а общественная шумиха, никому не могшая импонировать, безсильная воздѣйствовать на кого-либо. Всякій можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ устраивать „общественныя выступленія", но выдавать ихъ за нѣчто религіозное—значитъ фальсифицировать, въ сущности, и религію и политику [1]).

Въ концѣ-концовъ, это даже плохая политика.

Къ анализу религіознаго положенія современности я вернусь въ дальнѣйшихъ статьяхъ. Это дастъ поводъ и основаніе установить мѣсто „Вѣхъ" въ развитіи русской духовной культуры, ибо это мѣсто можетъ быть понято и оцѣнено лишь въ контекстѣ развитія общечеловѣческой мысли. Быть можетъ, сами авторы „Вѣхъ" въ моментъ изданія этого сборника не подозрѣвали или по крайней мѣрѣ въ полной мѣрѣ не сознавали, насколько работа ихъ мысли не замкнута въ національныя рамки, насколько она входитъ въ болѣе широкое русло міровой религіозно-философской и культурно-философской мысли.

Петръ Струве.

5 марта 1914 г.

---

[1]) Въ сказанномъ выше—главный мотивъ моего выхода изъ Совѣта Спб. Религіозно-Философскаго Общества.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Новое нападеніе. Земца.—2. Земская реформа на Кавказѣ. Г. Туманова.—3. Русская „Оранжевая книга“ о балканскихъ событіяхъ. И. О. Левина. — 4. „Обязанное“ хозяйство. Я. Яковлевича. — 5. „Эльзасская душа“. И. Л.

II. Литература и искусство.

1. Разгадка или ошибка? Валерія Брюсова.—2. О футуризмѣ. Евгенія Лундберга.—3. Къ исторіи нѣмецкаго Бургтеатра. Б. Эйхенбаума.—4. „Эръ романеско“ и Тристусса. М. Первухина.

III. Историческая наука.

Евреи и капитализмъ. С. О. Марголина.

IV. Религія и церковь.

1. Изученіе религіи массъ. Н. Брюлловой-Шаскольской.—2. На перепутьѣ. В. Быстренина.

V. Естествознаніе.

Ученыя животныя. П. Эфрусси.

VI. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Новое нападеніе.

„Прінсканіе или избраніе кандидатовъ на учительскія мѣста лежитъ прежде всего на обязанности учредителей училищъ и затѣмъ на инспекторахъ народныхъ училищъ“.

„Дозволеніе или допущеніе къ исполненію учительскихъ обязанностей принадлежитъ исключительно инспекторамъ народныхъ училищъ; причемъ о кандидатахъ, прінскиваемыхъ и избираемыхъ учредителями и содержателями училищъ, въ томъ числѣ городскими и земскими учрежденіями, сіи послѣдніе должны представлять инспекторамъ съ просьбой о допущеніи означенныхъ кандидатовъ къ учительскимъ обязанностямъ; о кандидатахъ же, избранныхъ инспекторами для извѣстныхъ училищъ, инспекторы обязаны предлагать содержателямъ сихъ училищъ и затѣмъ не иначе допускать такихъ кандидатовъ къ учительству въ школахъ, какъ съ согласія содержателей оныхъ“. „Наконецъ, утвержденіе въ должностяхъ лицъ, допущенныхъ къ исполненію учительскихъ обязанностей порядкомъ, указаннымъ въ п. 3 настоящаго предложенія, принадлежитъ уѣздным училищнымъ совѣтамъ“.

Что означаютъ приведенныя фразы? Кажется, онѣ содержатъ ясно говорятъ, что выборъ кандидатовъ прежде всего входитъ въ права и обязанности

земствъ, городовъ и вообще учредителей училищъ; что если инспекторъ желаетъ избрать своихъ кандидатовъ, то онъ можетъ допускать этихъ кандидатовъ къ учительству не иначе, какъ съ согласія содержателей, что, слѣдовательно, нельзя посадить въ школу учителя, помимо согласія хозяина. Такъ писало министерство народнаго просвѣщенія въ 1875 году.

Такъ фактически сложились и всѣ взаимоотношенія земствъ, инспекціи и училищныхъ совѣтовъ въ дѣлѣ приглашенія и назначенія народныхъ учителей.

Такъ понимали этотъ циркуляръ всѣ русскіе люди въ теченіе 40 лѣтъ.

Такъ разъяснялъ самъ сенатъ.

Напримѣръ, въ указѣ отъ 15 іюня 1883 года вполнѣ опредѣленно сказано:

„...Если же кандидаты могутъ быть избираемы какъ содержащими училища учрежденіями, такъ и инспекціей на одинаковыхъ основаніяхъ, то само собою разумѣется, что только тѣ изъ кандидатовъ, относительно которыхъ не возникаетъ разномыслія между упомянутыми учрежденіями и инспекціей, могутъ быть допускаемы къ исполненію обязанности властью инспектора народныхъ училищъ (ст. 18 полож. о нач. нар. учил.) и утверждаемы въ должности уѣздными училищнымъ совѣтомъ (п. 3 29 полож.), кромѣ законоучителей, о порядкѣ утвержденія коихъ въ должностяхъ въ Положеніи содержатся особыя правила“.

Теперь оказывается, будто все это была сплошная ошибка. Въ недавно изданномъ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія инспекторамъ народныхъ училищъ говорится: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда рекомендуемые мѣстными учрежденіями кандидаты на учительскія должности окажутся, по убѣжденію инспектора, не соотвѣтствующими своему назначенію, а равно, когда наведеніе установленныхъ справокъ при назначеніи того или другого лица, рекомендуемаго мѣстными учрежденіями, вызываетъ несомнѣнную задержку учебныхъ занятій въ школѣ на продолжительное время, то инспекторъ можетъ замѣнять такихъ кандидатовъ лицами, о которыхъ онъ имѣетъ вполнѣ благопріятныя свѣдѣнія“.

Слѣдовательно, въ земскія и городскія школы могутъ, согласно толкованію г. Кассо, попадать учителя, помимо согласія земствъ и городовъ. Это разъясненіе можетъ на практикѣ совершенно лишить земства всякаго участія въ выборѣ кандидатовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: кто можетъ провѣрить или оспаривать *внутреннее убѣжденіе* инспектора? Кто можетъ установить, всѣ ли справки собраны инспекторами о представленномъ кандидатѣ?

Кто можетъ назначить инспектору срокъ для собиранія справокъ?

Не покажется ли инспектору, какъ и большинству смертныхъ, что онъ лучше сможетъ выбрать кандидатовъ? Не захочетъ ли инспекторъ окружить себя ему лично обязанными учителями?

Подобныхъ вопросовъ и сомнѣній можно привести множество. Уже нѣкоторые инспекторы позволили себѣ обратиться въ земскія управы съ предложеніемъ не представлять кандидатовъ, имъ, гг. инспекторамъ, неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ выборъ ограничивается знакомыми гг. инспекторовъ. Очевидно, что, если только этотъ циркуляръ войдетъ въ жизнь, то земскіе и городскіе учителя будутъ превращены въ чиновниковъ, живое дѣло окаменѣетъ, и начнется, вмѣсто развитія и движенія впередъ, топтаніе на мѣстѣ. Наша средняя школа служитъ нагляднымъ прообразомъ того, что можетъ ожидать тогда народную школу.

Народная школа потеряетъ тогда, какъ это ни странно, даже всякую устойчивость: начнется метаніе отъ требованій одного начальства къ требованіямъ другого, отъ одного циркуляра къ послѣдующему и т. д.

Вспомните исторію средней школы за какихъ-нибудь 15 послѣднихъ лѣтъ.

Классицизмъ и суровая дисциплина, ген. Ванновскій и сердечное попеченіе, проектъ уничтоженія классицизма, къ проведенію котораго было приступлено по-военному быстро и энергично, проф. Зенгеръ и ген. Глазовъ, медленное отступленіе назадъ, Толстой, Герасимовъ и довѣріе къ родителямъ, къ обществу, попытка что то реформировать, Шперцъ и залѣчиваніе ранъ, нанесенныхъ классицизму, Кассо и попытки вернуть среднюю школу въ первобытное состояніе путемъ циркуляровъ, разъясненій и проч. Никакой преемственности, никакой устойчивости, ничего цѣльнаго! Средняя школа похожа сейчасъ на старое затрепанное платье, дырявое и заплатанное, свитое по старой модѣ, но съ попыткой перекроить по новому фасону, съ пришитыми сверху украшеніями разныхъ стилей и эпохъ. Неужели та же участь постигнетъ и нашу народную школу, на которую наши органы самоуправленія, наши дѣятели, наши педагоги затратили столько силъ и средствъ? Неужели земства и города примирятся съ этимъ юбилейнымъ подаркомъ г. Кассо? Я убѣжденъ, что этого не будетъ. Не могутъ земства и города отказаться отъ всей своей работы, отъ всѣхъ своихъ исканій въ теченіе десятковъ лѣтъ, не могутъ они бросить на чужія руки свое родное дѣтище.

Право на ихъ сторонѣ. Для каждаго русскаго, даже для каждаго иностранца, изучившаго удовлетворительно русскій языкъ, смыслъ приведенныхъ въ самомъ началѣ статьи выдержекъ изъ циркуляровъ и сенатскаго рѣшенія вполнѣ ясенъ, и этотъ смыслъ совершенно противоположенъ циркуляру г. Кассо.

Въ разбираемомъ новомъ циркулярѣ есть и еще одна очень характерная и важная черта.

Въ циркулярѣ указывается, что „отвѣтственность за состояніе учебно-воспитательной части въ училищахъ и отвѣтственность за каждое лицо, допускаемое въ училище падаетъ только на инспектора народныхъ училищъ". Позволите, а училищный совѣтъ? А предводители дворянства? Развѣ въ законѣ не установлено, что училищные совѣты вѣдаютъ дѣла и по учебной части, что предводителямъ дворянства вѣрено наблюденіе за направленіемъ воспитанія и образованія населенія?

Какъ же можетъ, при такихъ условіяхъ, отвѣтственность падать *только* на инспектора народныхъ училищъ?

Какъ это далеко отъ прежняго пониманія властями роли инспектора!

Для примѣра приведу слѣдующее разъясненіе министерства народнаго просвѣщенія:

„На ходатайство костромскаго губернскаго земскаго собранія о предоставленіи уѣздному училищному совѣту какъ *права допущенія лицъ на должности учителей народныхъ училищъ*, такъ и *права устраненія ихъ*, причемъ голосъ инспектора сихъ училищъ при обсужденіи вопроса о педагогическихъ способностяхъ назначаемыхъ лицъ долженъ быть *лишь совѣщательный*, мин. нар. пр. 23 іюля 1879 г. сообщилъ, что *комитетъ министровъ, сообразясь ходатайству съ дѣйствующимъ Положеніемъ 25 мая 1874* г. и находя, что, хотя право допущенія лицъ на упомянутыя должности предоставлено инспекторамъ, но распоряженія ихъ по сему предмету могутъ быть обжалованы, въ установленномъ порядкѣ, какъ уѣзднымъ, такъ и губернскимъ училищнымъ совѣтамъ, увольненіе же названныхъ лицъ зависитъ и нынѣ отъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и что порядокъ этотъ въ достаточной степени соотвѣтствуетъ выраженному костромскимъ земствомъ ходатайству, — журналомъ 13 іюня положилъ: предоставить министру нар. пр. и. представить объ изложенномъ въ ходатайствѣ костромскаго губернскаго земскаго собранія".

Итакъ, комитетъ министровъ призналъ, что инспекторъ имѣетъ въ подобныхъ случаяхъ скорѣе лишь совѣ-

щательный голосъ, и что его рѣшенія могутъ быть обжалованы въ училищный совѣтъ.

Какъ видно, въ доброе старое время законы толковали иначе. Тогда лучше понимали русскую рѣчь.

Послѣдній циркуляръ настолько ясно подчеркиваетъ всю проводимую теперь такъ послѣдовательно тенденцію устранить земства и города отъ всякаго вліянія на народную школу, что слѣдовало бы земствамъ и городамъ заняться общимъ вопросомъ: какъ реагировать на всѣ эти нападенія и не слѣдуетъ ли органамъ самоуправленія пересмотрѣть вообще свои отношенія къ начальной школѣ и поставить опредѣленныя условія? Не могутъ же органы самоуправленія согласиться на то, чтобы ихъ роль въ начальной школѣ, какъ выразился одинъ земецъ, свелась къ тому, чтобы строить для эксъ-земскихъ учителей квартиры да быть истопникомъ у этихъ учителей. Не лучше ли тогда и эту почетную роль предоставить гг. инспекторамъ?

Земецъ.

2. Земская реформа на Кавказѣ.

Земскій юбилей заставилъ кавказцевъ съ горечью вспомнить о томъ, что истекшіе полвѣка оказались недостаточными для того, чтобы пробить ледъ недовѣрія къ этой окраинѣ и установить здѣсь земское самоуправленіе хотя бы только въ тѣхъ скромныхъ рамкахъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Депутатъ Государственной Думы Карауловъ внесъ въ Думу заявленіе о необходимости введенія земскихъ учрежденій на Сѣверномъ Кавказѣ. А въ Тифлисѣ, въ общественномъ клубѣ, при чтеніи реферата „Къ полувѣковому юбилею земства", заявленіе о необходимости объединить мѣстную интеллигенцію и ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи въ Закавказьѣ земской реформы было встрѣчено знаками одобренія со стороны всѣхъ слушателей реферата. Мѣстное юридическое и сельскохозяйственное Общества, какъ слышно, тоже предполагаютъ въ скоромъ времени посвятить особыя засѣданія этому вопросу.

Вообще отсутствіе земскаго самоуправленія даетъ чувствовать себя здѣсь на каждомъ шагу, и не проходитъ ни одного съѣзда безъ того, чтобы не было выражено единодушно, при общемъ одобреніи, пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи земской реформы.

Мы не будемъ здѣсь касаться Сѣвернаго Кавказа, такъ какъ тамъ въ настоящее время населеніе на $^4/_5$ русское (казаки и переселенцы русскихъ губерній), а горцы едва составляютъ остальную $^1/_5$. Вопросъ о введеніи тамъ земскихъ учрежденій, вѣроятно, будетъ связанъ съ общерусскимъ вопросомъ о распространеніи Положенія 1890 г. на мѣстности съ преобладающимъ казачьимъ населеніемъ. Другое дѣло — Закавказье. Здѣсь преобладаютъ кавказскіе инородцы разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, и вопросъ о введеніи здѣсь земской реформы всегда особо выдѣляется.

Въ Закавказьѣ всегда имѣлись и имѣются элементы, необходимые для образованія земскихъ учрежденій по существующему во внутреннихъ губерніяхъ типу. Крестьянская реформа здѣсь была введена еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и крестьянамъ могло бы быть даровано то же участіе въ земскомъ самоуправленіи, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Здѣсь имѣются и дворянскія сословныя учрежденія (выборные предводители), хотя и не повсюду. Но это послѣднее обстоятельство не могло бы служить препятствіемъ къ реформѣ. Тамъ, гдѣ не утверждены еще дворяне въ своихъ сословныхъ правахъ, могли бы быть введены земскія учрежденія, на томъ же основаніи, какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ не-дворянскихъ губерніяхъ (Вятская, Вологодская и друг.). Роль дворянъ здѣсь могли бы играть землевладѣльцы. Пожеланія о скорѣй-

шемъ примѣненіи къ Кавказу земскаго Положенія выражаются еще съ шестидесятыхъ годовъ разными группами дворянъ, дворянскими собраніями, учеными и просвѣтительными обществами, всевозможными съѣздами и проч. Но всѣ кавказскія ходатайства оставались безъ движенія и безъ вниманія вплоть до 1905 г. Только въ этомъ году правительство вспомнило, что не мѣшало бы поговорить на земскія темы. Но мѣстное общество не пожелало отвлечь свое вниманіе отъ главнаго въ то время вопроса (о конституціи) простыми разговорами о земствѣ. Поэтому устраивавшіяся въ то время земскія совѣщанія изъ представителей общества и мѣстной власти протекали очень вяло и въ концѣ-концовъ не дали никакихъ результатовъ.

Земскія совѣщанія подобнаго же состава возникли и немного позже, въ 1909 г. Но всѣ благія пожеланія, высказывавшіяся тамъ, были похоронены въ архивахъ мѣстныхъ канцелярій. Похороны, правда, были перваго класса: труды совѣщаній печатались, всѣ мѣстныя газеты говорили о нихъ, мѣстными администраторами произносились пышныя рѣчи съ широкими обѣщаніями, и тѣмъ не менѣе это были только похороны. Опять время было неподходящее. Это было во время пышнаго расцвѣта націоналистическаго курса въ Государственной Думѣ и кабинетѣ Столыпина. Это было время подготовки куріальнаго земства для 6 западныхъ губерній Европейской Россіи (съ русскими куриями).

Всѣ стремленія къ земскому самоуправленію на Кавказѣ завершились закономъ 3-го іюня 1912 г., который узаконяетъ давно существовавшій здѣсь обычай мѣстной администраціи приглашать, по ея усмотрѣнію, мѣстныхъ обывателей къ совѣщанію при раскладкѣ земскихъ повинностей въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ и въ совѣтѣ намѣстника. Это было необходимо администраціи, такъ какъ она имѣетъ весьма слабое понятіе объ экономическихъ условіяхъ мѣстной жизни. Но этотъ опытъ не имѣетъ ничего общаго съ основами самоуправленія, и вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій не можетъ быть такимъ образомъ снятъ съ очереди.

И намѣстникъ, въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, и Государственная Дума, въ своихъ пожеланіяхъ, неоднократно затрагивали этотъ вопросъ и признавали необходимость земской реформы для Кавказа. Тѣмъ не менѣе почти ничего до сихъ поръ не дѣлается для осуществленія ея. Въ прошломъ году тотъ же вопросъ былъ затронутъ въ кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, во время посѣщенія его нѣмецкими землевладѣльцами изъ Германіи. И тогда выяснилось, что мѣстную администрацію затрудняютъ въ данномъ случаѣ: во-первыхъ, мѣстныя особенности края и, во-вторыхъ, финансовый вопросъ.

Мѣстною особенностью принято считать то обстоятельство, что русскаго населенія въ Закавказьѣ мало, а туземцы будто бы не подготовлены къ реформѣ. Но вѣдь здѣсь и въ городахъ— русскаго населенія немного, однако въ нихъ вотъ уже почти 40 лѣтъ введено самоуправленіе, и нельзя сказать, чтобъ оно здѣсь работало съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Въ кавказскихъ городахъ не было также случая, чтобъ дѣйствительно были забыты интересы русскаго меньшинства.

Правда, грамотность въ сельскомъ населеніи Закавказья слабѣе, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ. Но вѣдь это потому и происходитъ, что здѣсь не существуетъ земской школы, т.-е. школы, открываемой выборными земцами. Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи грамотность была еще ниже, когда тамъ не имѣлось земское самоуправленіе. Однако это не помѣшало обществу сказать мѣстному населенію услуги, которыя теперь находятъ общее признаніе.

Что касается финансовыхъ соображеній, а именно указанія на бѣдность

населенія, не могущаго будто содержать на свои средства выборную земскую администрацію и земскія учрежденія, то и это возраженіе не выдерживаетъ сколько-нибудь строгой критики. Указываютъ, наприм., на ничтожность земскихъ сборовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа. Между тѣмъ по природнымъ своимъ свойствамъ мѣстности эти едва ли стоятъ значительно ниже русскихъ губерній. Правда, русскія губерніи значительно обширнѣе и населеннѣе, чѣмъ закавказскія, но что мѣшаетъ правительству и здѣсь, въ Закавказьѣ, расширить районы губернскаго земства? Для этого можно объединить двѣ или три губерніи въ одну земскую единицу, подобно тому какъ это было сдѣлано при открытіи казенныхъ палатъ. Бакинская губ. и Дагестанская обл. могутъ составить одинъ районъ, Тифлисская губ. и Закатальскій окр.—другой районъ и пр.

То благоустройство, которое можетъ дать выборное земство кавказскимъ губерніямъ, значительно подыметъ экономическое благосостояніе мѣстнаго населенія и незамѣтно повлечетъ за собой ростъ земскихъ сборовъ.

Когда писались эти строки, состоялось назначеніе И. Л. Горемыкина на постъ премьера, и намъ, кавказцамъ, пришла на память попытка его, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ, ввести земскія учрежденія на окраинахъ. Правда, эта попытка тогда не удалась вслѣдствіе неожиданнаго выступленія Витте (тогдашняго министра финансовъ), доказывавшаго въ своей памятной всѣмъ запискѣ несовмѣстимость земскаго самоуправленія съ самодержавіемъ. Но, понятно, теперь, при существованіи конституціи, подобныя возраженія не имѣли бы смысла. Государственная Дума, какъ выше было сказано, уже нѣсколько разъ высказывала пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ. Даже Государственный Совѣтъ не противился введенію этихъ учрежденій въ такихъ губерніяхъ, съ инородческимъ въ нѣкоторой долѣ составомъ, какъ Астраханская, Ставропольская и Оренбургская губерніи. Наша верхняя палата высказывалась и противъ искусственно создававшихся Столыпинымъ русскихъ курій въ Западномъ краѣ.

Конечно, нельзя ручаться за то, что проектъ кавказскаго земства встрѣтитъ сочувствіе со стороны совѣта министровъ, особенно со стороны нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ. Но нельзя не отмѣтить, что вообще правительство сознаетъ трудность удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ однѣми чиновничьими силами, и нынѣшній кавказскій намѣстникъ гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ нѣсколько разъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ заявлялъ о необходимости дарованія кавказскому населенію земскаго самоуправленія. Поэтому нужно сожалѣть, что ни созывавшіяся въ Тифлисѣ и другихъ центрахъ Кавказскаго края земскія совѣщанія, ни депутаты Кавказа въ Государственной Думѣ не выработали до сихъ поръ проекта введенія на Кавказѣ земскихъ учрежденій. Ошибка мѣстной интеллигенціи, какъ и правительства, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что они связываютъ земскую реформу съ разными другими сложными вопросами, какъ, наприм., съ вопросомъ о представительствѣ той или другой національности въ земскихъ учрежденіяхъ, съ вопросомъ о реформѣ губернскаго и уѣзднаго управленія, о новомъ административномъ дѣленіи края и пр. Земское самоуправленіе само по себѣ представляетъ настолько значительную цѣнность, что можно было бы добиваться полученія его, внѣ зависимости отъ другихъ реформъ, быть можетъ, и очень желательныхъ. Къ тому же извѣстно, съ какою медленностью у насъ двигаются всѣ законодательныя дѣла. При соединеніи же нѣсколькихъ такихъ сложныхъ дѣлъ осуществленіе ихъ можетъ тормозиться до безконечности. А между тѣмъ, по общему при-

знанію, введеніе у насъ земской реформы—дѣло неотложное.

Г. Тумановъ.

3. Русская „Оранжевая книга" о балканскихъ событіяхъ.

387 дипломатическихъ телеграммъ и письменныхъ сообщеній, опубликованныхъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ видѣ „Оранжевой книги" подъ заглавіемъ: „Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ полуостровѣ (августъ 1912—іюль 1913)", читаются съ большимъ интересомъ. Въ нихъ сравнительно мало новаго по существу, но тѣмъ не менѣе въ этой серіи сухихъ и точныхъ дипломатическихъ депешъ—рядъ очень интересныхъ, не проникшихъ до сихъ поръ въ печать, штриховъ, ярко подчеркивающихъ основные взгляды, которыхъ придерживалась Россія въ теченіе первой балканской войны. Русская политика опредѣлялась, какъ правильно говоритъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ телеграммѣ на имя посланника въ Софіи, г. Неклюдова, отъ 8 декабря 1912 года (№ 132 „Сборника"), сознаніемъ „солидарности Россіи и славянства". Отсюда для русской дипломатіи вытекали двѣ задачи: стремленіе предотвратить имѣшательство въ войну враждебныхъ балканскимъ государствамъ великихъ державъ, т.-е. прежде всего Австріи, и въ то же время сохранить балканскій союзъ, обезпечивъ за нимъ полностью результаты его побѣдъ. Поэтому г. Сазоновъ съ самаго начала осложненій на Балканскомъ полуостровѣ настаиваетъ на провозглашеніи принципа территориальной неинтересованности европейскихъ великихъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ и полной координаціи ихъ образа дѣйствій при разрѣшеніи вопросовъ, вызванныхъ войной. Желая удержать Австрію отъ отдѣльныхъ выступленій на Балканахъ, С. Д. Сазоновъ не останавливается и передъ такимъ рѣшительнымъ [illegible], какъ то, которое сообщается въ телеграммѣ 27 октября 1912 г. (№ 46): „въ бесѣдѣ съ однимъ изъ представителей державъ тройственнаго союза по вопросу о выходѣ Сербіи къ Адріатическому морю... предостерегъ отъ возможности категорическаго выступленія державъ тройственнаго союза съ какимъ-либо солидарнымъ заявленіемъ о совмѣстномъ рѣшеніи, подлежащемъ принятію, ибо подобное выступленіе имѣло бы лишь одинъ результатъ—войну". Въ соотвѣтствіи съ этимъ еще до начала военныхъ дѣйствій русскій посолъ въ Вѣнѣ заявляетъ гр. Берхтольду (№ 13), что русское общественное мнѣніе „было бы сильно возбуждено, если бъ Австро-Венгрія заняла Новобазарскій Санджакъ". Формулу сохраненія status quo на Балканахъ русское правительство толкуетъ исключительно въ интересахъ балканскаго союза и отнюдь не видитъ въ ней гарантіи неприкосновенности Турціи. 18 октября 1912 г., т.-е. послѣ благопріятнаго для союзниковъ начала военныхъ дѣйствій, министръ иностранныхъ дѣлъ разъясняетъ въ циркулярномъ письмѣ представителямъ Россіи за границей (№ 36), что своимъ присоединеніемъ къ формулѣ сохраненія status quo на Балканахъ, которая была провозглашена въ моментъ обостренія балканскаго кризиса, Россія стремилась „связать до извѣстной степени тѣ державы, которыя на это заявленіе согласились", но что Россія отнюдь не считаетъ сохраненіе status quo принципомъ, не подлежащимъ нарушенію. И въ виду того, что реформы въ Македоніи не были одновременно осуществлены по винѣ Турціи, „тѣмъ самымъ въ нашихъ глазахъ лишается всякой силы... заявленіе о неприкосновенности территоріальнаго status quo. Во всякомъ случаѣ не мы будемъ [illegible] балканскимъ государствамъ препятствія въ этомъ отношеніи".

20 апрѣля 1913 г. (№ [illegible]) Сазоновъ

указываетъ посламъ въ Парижѣ и Лондонѣ на обстоятельства, которыя могутъ заставить Россію принять болѣе активныя мѣры. Такими обстоятельствами могутъ быть: „выступленіе отдѣльной державы, выходящее за предѣлы рѣшеній, принятыхъ державами, и всякая попытка установить въ одномъ изъ балканскихъ государствъ право исключительнаго вмѣшательства или политическаго преобладанія. Такія выступленія встрѣтятъ съ нашей стороны рѣшительное противодѣйствіе и могутъ привести къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ". Чтобы сдѣлать Турцію болѣе уступчивой, г. Сазоновъ въ критическіе моменты оказываетъ на нее давленіе и, напримѣръ, во время мирныхъ переговоровъ въ Лондонѣ въ декабрѣ 1912 г. (№ 63) обращаетъ вниманіе Порты на то, что въ случаѣ возобновленія войны „нейтралитетъ Россіи можетъ не быть обезпеченъ" и что при возможномъ возникновеніи осложненій во внутреннемъ положеніи Малой Азіи Россія можетъ быть вынуждена „къ принятію соотвѣтствующихъ мѣръ".

Какъ извѣстно, вмѣшательство Австріи дѣйствительно было предотвращено. Далеко не такъ успѣшно была разрѣшена вторая задача русской дипломатіи, несмотря на то, что г. Сазоновъ проявилъ въ стремленіи предотвратить войну между союзниками не меньшую настойчивость. Въ многочисленныхъ депешахъ, напечатанныхъ въ „Оранжевой книгѣ", постоянно повторяются обращенныя къ союзнымъ правительствамъ призывы къ умѣренности, указанія на роковыя послѣдствія, къ которымъ можетъ привести нарушеніе солидарности союзниковъ, и подчеркивается то, что Россія не можетъ стать на сторону какого-нибудь одного изъ государствъ балканскаго союза. Теперь, послѣ второй балканской войны, прямо непонятно, какъ могли, напримѣръ, болгары игнорировать заявленія вродѣ телеграммы Сазонова посланнику въ Софіи отъ 15 апрѣля 1913 г. (№ 153), въ которой говорится: „отказъ болгаръ отъ непосредственныхъ объясненій со своими союзниками и личныхъ свиданій премьеровъ не можетъ быть истолкованъ къ выгодѣ Болгаріи... Сохраняя договорныя размежеванія, какъ основную базу, болгарамъ слѣдуетъ считаться съ необходимостью внести нѣкоторый коррективъ. Разумная уступчивость съ ихъ стороны, не исключая принципіальной обязательности договора, поможетъ настоятельной задачѣ сохраненія крѣпости союза". Въ этомъ же смыслѣ посланникъ Неклюдовъ въ донесеніи отъ того же числа (№ 155) обращаетъ вниманіе болгарскаго правительства на то, что Россія „не хотѣла бы допускать самой мысли о возможности братоубійственнаго столкновенія между нынѣшними союзниками. Напротивъ того, у насъ не теряютъ надежды на то, что эти государства останутся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, что представляло бы для нихъ единственную гарантію независимаго и полнаго развитія и самосохраненія ихъ интересовъ какъ политическихъ, такъ и экономическихъ отъ вражескаго натиска и отъ умаленія. Преподавая одновременно съ симъ самые настоятельные совѣты успокоенія въ Аѳинахъ и Бѣлградѣ, Императорское правительство обращаетъ серьезное вниманіе болгарскаго правительства на неисчислимыя и бѣдственныя послѣдствія, къ которымъ могло бы привести Болгарію столкновеніе съ ея нынѣшними союзниками". Г. Неклюдовъ указываетъ на опасности, которыя угрожаютъ Болгаріи со стороны Румыніи и Турціи, т.-е. предсказываетъ все то, что дѣйствительно произошло во время второй Балканской войны, и предостерегаетъ Болгарію, что Россіи придется „быть съ болью въ сердцѣ безучастнымъ зрителемъ гибели болгарскаго дѣла и ограничиться исключительно охраненіемъ русскихъ интересовъ". „Своей неуступчивостью, — телеграфируетъ Сазоновъ Неклюдову 21 декабря 1912 г. по поводу болгаро-румынскаго

конфликта (№ 329), — софійскій кабинетъ ставитъ насъ въ неловкое положеніе по отношенію къ румынскому правительству. Обратите вниманіе болгарскаго правительства на то, что нашъ отказъ отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ едва ли соотвѣтствовалъ бы интересамъ Болгаріи". А 19 января 1913 г. (№ 350) министръ снова телеграфируетъ Неклюдову: „отнюдь не посягая на самостоятельность рѣшеній болгарскаго правительства, я считаю долгомъ предупредить его, что оно вольно не считаться съ совѣтами Россіи, но въ этомъ случаѣ пускай несетъ всю сопряженную съ этимъ отвѣтственность, не разсчитывая на нашу помощь. Россія не можетъ допустить, чтобы ее втягивали въ осложненія и вмѣстѣ съ тѣмъ не оказывали никакого вниманія нашимъ совѣтамъ и предостереженіямъ". Загипнотизированная совершенно непостижимой теперь переоцѣнкой собственныхъ силъ и преуменьшеніемъ силъ своихъ соперниковъ, Болгарія на все это не обращаетъ никакого вниманія, и, напримѣръ, 24 мая 1913 г. (№ 205) Неклюдовъ телеграфируетъ изъ Софіи: „я все это время продолжаю настойчиво указывать болгарамъ всѣхъ партій на опасности, надвигающіяся со стороны Букареста и въ особенности Турціи, но они не вѣрятъ онымъ".

Когда началась побѣдоносная война балканскаго союза съ Турціей, можно было думать, что существованію союза угрожаютъ двѣ опасности: возможное вмѣшательство Австріи или внутреннія разногласія между четырьмя балканскими государствами. Русской дипломатіи,—точнѣе, дипломатіи государствъ тройственнаго согласія,—удалось устранить первую опасность, но она оказалась безсильной заставить союзниковъ раздѣлить полюбовно отнятыя у Турціи области, и война между ними стала неизбѣжной. Теперь еще нѣтъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, какую роль сыграла въ такомъ обостреніи антагонизма между отдѣльными балканскими государствами, доведшемъ ихъ до войны, борьба между Россіей и Австріей за преобладаніе на Балканахъ, которая такъ осложнила дѣло ликвидаціи турецкаго господства въ Европѣ. Объ этомъ можно будетъ судить лишь тогда, когда будутъ полностью опубликованы какъ балканскими, такъ и русскимъ и австрійскимъ правительствами документы, относящіеся къ обѣимъ балканскимъ войнамъ 1912—1913 гг., что, конечно, произойдетъ еще не скоро. Пока же слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, сказать, что неудачный результатъ перваго опыта создания балканскаго союза еще не исключаетъ возможности возобновленія его въ будущемъ. Въ исторіи извѣстно немало примѣровъ образованія союзовъ государствъ, незадолго до того прибѣгавшихъ къ оружію для разрѣшенія своихъ споровъ. Достаточно вспомнить о томъ, что Баварія, въ 1866 г. сражавшаяся въ качествѣ союзницы Австріи съ Пруссіей, всего нѣсколько лѣтъ спустя вошла вмѣстѣ съ Пруссіей въ составъ Германской имперіи. Подобно тому и Австрія, которая такъ долго и упорно боролась съ Пруссіей за преобладаніе въ Германіи, всего спустя 13 лѣтъ послѣ австро-прусской войны 1866 г. заключила съ объединенной той же Пруссіей Германіей союзъ, настолько тѣсный, что во многихъ отношеніяхъ Австрія и современная Германія образуютъ теперь какъ бы единое государство. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще очень много. Государственная необходимость сказывается сильнѣе намѣреній отдѣльнаго правительства или особыхъ условій опредѣленнаго историческаго момента. А выгоды союза для всѣхъ балканскихъ государствъ сравнительно съ нынѣшнимъ состояніемъ, когда побѣдительницамъ во второй балканской войнѣ приходится постоянно считаться съ болгарскимъ реваншемъ, настолько очевидны, что едва ли идея балканскаго союза можетъ считаться уже оконча-

тельно сданной въ архивъ только потому, что она не выдержала окончательнаго испытанія въ 1913 году.

И. О. Левинъ.

4. „Обязанное“ хозяйство.

Если мы назовемъ сельскохозяйственную Россію „страной чудесъ“, то это будетъ не шутка, не каламбуръ, а досадная правда. Досадная потому, что творящіяся у насъ чудеса не похожи на тѣ забавныя и веселыя, что „въ рѣшетѣ“, на тѣ, что вызываютъ пріятное изумленіе и довольныя улыбки. Нѣтъ, наши „чудеса“ до боли, до слезъ рѣжутъ глаза даже у самаго обтерпѣвшагося наблюдателя.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не присутствуемъ сейчасъ при одномъ изъ такихъ, изъ года въ годъ повторяющемся, чудѣ, какъ нынѣшній урожай.

— Экая благодать... — любовались вслухъ тысячи вагонныхъ россійскихъ обывателей, скользившихъ по стальнымъ рельсамъ изъ пыльныхъ городовъ на чудный берегъ Крыма или обратно среди густыхъ зарослей золотистыхъ посѣвовъ...

— Съ хлѣбомъ нонѣ крестьянинъ, Богъ далъ...—самодовольно поглаживалъ бороду коммерсантъ-ссыпщикъ, прикидывая въ умѣ барыши, при видѣ скрипучихъ горъ сноповъ, подвозимыхъ къ пыхтящимъ молотилкамъ.

И правда, урожай нынѣшняго года мѣстами былъ настолько высокъ, что производилъ ошеломляющее впечатлѣніе. Но интересно не то, какъ онъ отразится на торговомъ балансѣ страны, не то, какъ русское зерно зальетъ германскій рынокъ, наконецъ, и не то, какую услугу окажутъ казенные элеваторы спекулянтамъ-ссыпщикамъ. А вотъ интересно выяснить, что этотъ господинъ страны — урожай — далъ крестьянамъ, кромѣ каторжнаго труда, который отъ нихъ потребовался, чтобы золотистые посѣвы превратить въ зерно.

Сдѣлаемъ бѣглый учетъ.

Въ нынѣшнемъ году уборка была особенно тяжелая—хлѣба соломою уродилось, какъ говорятъ крестьяне, „въ ве проворотъ“, на десятину ставилось до 25—40 коневъ, т.-е. въ 2—3 раза болѣе обыкновеннаго. Отъ долгихъ іюльскихъ и августовскихъ дождей и вѣтровъ хлѣбъ былъ поваленъ, перепутанъ, что въ значительной степени затрудняло работу, и десятина, вмѣсто обычнаго $1^1/_2$—2 дней, потребовала для своей уборки 4—6 дней. Косарь не шелъ кося, какъ обыкновенно, съ размаху, а запускалъ свой крюкъ въ непролазную гущу соломы и съ тяжкими усиліями выдергивалъ его оттуда; онъ скорѣе подрубалъ, чѣмъ косилъ. А попадались десятины, до того перепутанныя, что ни жатки, ни косари не могли ихъ взять, а приходилось работать серпомъ. Въ общемъ работа была настолько трудна и тяжела, что многіе пришлые рабочіе, несмотря ни на какую цѣну, не брались убирать отрядно. Были случаи, когда хозяева отдавали жать наполовину, но и то мало охотниковъ находилось.

Но все же крестьянинъ съ чѣстью вышелъ изъ подобнаго испытанія. Необъятныя пространства, утроенныя по трудности работы, всѣ скошены и сжаты; безчисленныя копны сѣна и хлѣба, несмотря на значительную убыль въ рабочихъ животныхъ въ послѣдніе годы, своевременно свезены и убраны въ гумна, скирды, амбары, а часть хлѣба уже поступаетъ въ германскіе желудки, радуетъ финансовое сердце Россіи. Наблюдалось, между прочимъ, что рабочіе въ нынѣшнюю страду работали охотнѣе, вставали раньше, не требовали окриковъ и поощреній. Мысль, что „нонѣ всѣ съ хлѣбушкомъ будемъ“, подбадривала ихъ, подхлестывала въ работѣ.

Поэтому можно себѣ представить то разочарованіе, близкое къ ужасу, которое охватило крестьянина, когда онъ реализовалъ свой урожай, покрылъ

часть дыръ и подвелъ итогъ и своему каторжному труду, и своимъ надеждамъ. То же разбитое корыто, что и раньше. Та же паутина всяческихъ обязательствъ, изъ которой онъ тщетно старается выпутаться. Казалось бы, при нынѣшнемъ урожаѣ хлѣба должно хватать по меньшей мѣрѣ на годъ, а послушайте, что отвѣчаютъ хоромъ крестьяне на вашъ вопросъ о запасѣ хлѣба: „до Миколы пробьемся, а тамъ купилять, либо у господ займать"... И это вы услышите тамъ, гдѣ урожай былъ хорошій и выше средняго. Получается что-то несуразное, какая-то логическая нелѣпица... Но что же дѣлать, когда у насъ, въ многомилліонной земледѣльческой средѣ, въ гущѣ крестьянской жизни, больше нелѣпаго и несуразнаго, чѣмъ логичнаго и справедливаго. Напримѣръ, *зимнія наемки* развѣ не нелѣпость въ нашъ вѣкъ, вѣкъ электричества и аэроплановъ? А эта форма рабства и кабалы продолжаетъ процвѣтать и посейчасъ, играя роль пiявокъ на крестьянскомъ организмѣ.

Зимнія наемки—любопытное и характерное бытовое явленіе на Руси. Онѣ сохранили во всей свѣжести крѣпостной терминъ „обязанныхъ" крестьянъ.

Длинна, безконечна русская зима. Мало дѣла тогда, а нужды много, да и растетъ она день ото дня. Раньше, до желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, при большихъ лѣсахъ, все было заработокъ былъ: то извозомъ занимались, то кустарными промыслами, то по лѣсу работали. Теперь извозъ перевелся, ручные промыслы оскудѣли, лѣса перевелись. Между тѣмъ, урожаи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ неважные—то самимъ хлѣба нехватаетъ, то скотинѣ корма. А водати и насущныя потребности растутъ. Какъ тутъ быть? Что можно—закладывается, вплоть до будущаго урожая, что можно—распродается, а кто послабѣе—треть, а то и половину пашни въ аренду міроѣду сдаетъ.

Вотъ тутъ-то зимнія наемки и выручаютъ, но какой цѣной... Крестьянинъ идетъ на самое строжайшее условіе, за цѣну вдвое-трое дешевле противъ весенней и лѣтней оплаты труда. Приблизительно зимою дается за десятину—три раза вспахать, посѣять, подвязить (скосить или сжать), связать и свезть въ гумно—то, что лѣтомъ платится за одну уборку (подвязить и связать). Условіе самое невыгодное для заемщика, но хочешь—соглашайся на него, не хочешь—какъ хочешь, не принуждаютъ. Совершается свободный договоръ. Зато, въ случаѣ согласія, получай 10—15 рублей. Но зима продолжаетъ тянуться, и полученныхъ денегъ нехватаетъ. Къ веснѣ скотъ еле таскаетъ ноги, инвентарь требуетъ починки или обновленія, сѣмена надо занять или купить. Такимъ образомъ, наступаетъ новая нужда въ деньгахъ, требуется новый заемъ. И идетъ голодный крестьянинъ къ новому помѣщику, посѣщику или просто къ богатею изъ своихъ же братьевъ-крестьянъ. Заключается новый договоръ, которымъ крестьянинъ снова свободно закабаляетъ себя.

Въ результатѣ—треть, а то и половина крестьянъ имѣетъ то или другое обязательство. По мѣстнымъ свѣдѣніямъ, въ юго-западномъ районѣ по нѣкоторымъ деревнямъ „обязанныхъ" дворовъ насчитывалось къ веснѣ 1913 г. до 48%, по Могилевской губерніи—до 52%, по Черниговской—до 56%.

Не говоря уже о томъ, что зимнія наемки, обязывая работой по первому зову, служатъ одной изъ главныхъ причинъ сокращенія крестьянской посѣвной площади и опозданія съ посѣвами и уборкой, онѣ являются наиболѣе удобной формой эксплоатаціи народной нужды. Такъ бываетъ въ наиболѣе урожайные годы, такъ было и въ нынѣшній урожай. Учти, во-первыхъ, то изголодавшееся состояніе крестьянина, которое заставляетъ его косить недозрѣвшій хлѣбъ, молотить и везти на мельницу, а во-вторыхъ, дружное созрѣваніе, когда одинъ хлѣбъ нагоняетъ

другой, когда день промедленія съ уборкой грозитъ осыпкой зерна, а слѣдовательно, и потерей части урожая, конторы и хозяева не особенно налегали на отработки. Они отлично знали, что съ нанятыми рабочими скорѣе дѣло пойдетъ. Поэтому охотно шли на уплату долга частью урожая, со скидкою 20—25%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 35—50% съ существующихъ цѣнъ на хлѣбъ. Въ случаѣ несогласія со стороны „обязаннаго" прибѣгали къ содѣйствію услужливой полицейской власти, либо къ земскому начальнику, и непокорный невольно покорялся. Но такихъ мало. Крестьянинъ учитываетъ голодную зиму и знаетъ, что ему снова придется обращаться къ заемкамъ. Да, собственно говоря, ни въ головѣ самого заемщика, ни въ совѣсти закабаляющаго, а тѣмъ болѣе въ головѣ полицейской либо административной власти не возникаетъ сомнѣнія насчетъ мудрости „мудрой" поговорки: „нанялся—продался". Зимнія заемки признаются у насъ обязательствами одинаковаго порядка съ свободными (не въ канычкахъ), добровольными сдѣлками. Мало того, ни одно обязательство съ такимъ рвеніемъ не обслуживается полицейской и административной властью, какъ зимнія заемки.

— Помилуйте, горячится помѣщикъ,— я выдавалъ деньги зимою не во имя гуманныхъ побужденій, а чтобы заручиться рабочими...

— Оно, конешно, пора страдная, да и нашъ-отъ хлѣбъ жнитва требуетъ,— жалуется степной купецъ. И рвутъ заемщика со всѣхъ сторонъ, натурой и деньгами. Мечется его взмокшая рубаха то на своей, то на господской, то на купеческой полосѣ. Наконецъ, проходитъ лѣто. Подсчиталъ—до Миколы дотянетъ хлѣба. Ну а тамъ опять въ контору закабаляться.

Въ не менѣе горькомъ положеніи находится и испольщикъ. Онъ работалъ въ потѣ лица своего, но работалъ больше на владѣльца земли, чѣмъ на свою семью, на свой дворъ. И та стѣна высокихъ хлѣбовъ, которая радуетъ взоры любопытныхъ вагонныхъ пассажировъ, не прибавитъ много зерна въ закромы крестьянскіе.

Обратимся къ цифрамъ, правда, отрывочнымъ, но все же въ достаточной степени характеризующимъ современное положеніе дѣла съ испольщиной. Возьмемъ районъ, гдѣ эта система землепользованія наиболѣе привилась, прочно укоренилась.

Если размѣръ посѣвовъ на собственныхъ, надѣльныхъ и купленныхъ, земляхъ принять за 100, то испольные посѣвы выразятся въ процентномъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

Губерніи.	Собственныя земли.	Испольныя.
Сѣверо-западныя .	100	68,2
Юго-западныя . . .	100	32,8
Пріозерныя	100	42,3
Центральныя . . .	100	21,0

Испольщина, слѣдовательно, наиболѣе развита въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ, казалось бы, крестьяне достаточно обезпечены собственной землей. Такъ, по послѣднимъ офиціальнымъ даннымъ по нѣкоторымъ районамъ сѣверо-западнаго края, на дворъ въ среднемъ приходится 8—10 десятинъ. Но весь вопросъ въ томъ—какихъ десятинъ. Сюда входятъ въ 40—60% болотные сѣнокосы, дающіе съ десятины 10—20 пудовъ кислаго сѣна, которое скотъ ѣстъ только отъ нужды. Затѣмъ, 1—1½ десятины надо отчислить на „седибу", т.-е. усадьбу, 1—1½ десятины на „пашу", т.-е. выгонъ, и „неудобь". Въ результатѣ отъ 10 десятинъ остается подъ посѣвами 2—4 десятины въ 3-хъ поляхъ, разрѣзанныхъ на полоски-ленты, и отъ крестьянскихъ пашенъ получается впечатлѣніе огородовъ—все покрыто грядами, которыя не допускаютъ сразу двухъ боронъ и мѣряются лаптемъ. Въ среднемъ засѣвается, значитъ, ⅔, т.-е. 1⅓—2⅔ десятины, изъ нихъ подъ озимь идетъ 1—2 десятины.

При средней урожайности въ нечерноземной полосѣ за 10 лѣтъ въ 35 пудовъ, крестьянинъ получаетъ 35—70 пудовъ на дворъ въ 6 душъ. Принимая казенную, или, какъ говорятъ крестьяне, „голодную", норму въ 10 пудовъ на годовую душу, половина населенія, располагающаго 10-ю десятинами, питается своимъ хлѣбомъ, за вычетомъ 8 пудовъ на сѣмена, 5 мѣсяцевъ, а половина—10 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, одного продовольственнаго хлѣба нехватаетъ на годъ. А нужно еще извѣстную долю отчислить въ товаръ на покрытіе такихъ неотложныхъ расходовъ, какъ подати, ремонтъ инвентаря, церковные расходы, соль, керосинъ и проч.

Еще значительнѣе развита испольщина въ отношеніи сѣнокосовъ, главнымъ образомъ, въ скотоводческихъ районахъ и притомъ въ такихъ, гдѣ и крестьяне, и экономіи обратили на животноводство серьезное вниманіе, какъ на отрасль промышленнаго характера. И такъ какъ крестьяне не имѣютъ и трети необходимаго корма съ своихъ сѣнокосовъ, а экономіи не въ силахъ справиться съ своими угодьями безъ наемныхъ рабочихъ, да и невыгодно, то испольщина является даже какъ бы желательнымъ исходомъ для обѣихъ группъ, т.-е. для безпокоснаго крестьянина и для многопокоснаго помѣщика.

Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія цифры:

Районы.	Собственные покосы.	Испольные.
Сѣверо-западный .	100	185
Юго-западный . .	100	78
Пріозерный . . .	100	110
Центр.-землед. . .	100	50
Заволжскій	100	170

Здѣсь мы видимъ болѣе широкое пользованіе испольщиной, такъ какъ, помимо скудости и малой продуктивности крестьянскихъ сѣнокосовъ, помѣщичьи луга вообще болѣе производительны, потому что на нихъ не производится пастьба скота, что въ широкихъ размѣрахъ практикуется крестьянами на собственныхъ сѣнокосахъ, до покоса и по атавамъ, иначе дѣваться некуда.

Испольщики въ различныхъ районахъ носятъ и различный характеръ. Тамъ, гдѣ крестьянскія земли обрѣзаны вплотную къ усадьбѣ или гдѣ сѣнокосы представляютъ одно сплошное болото, какъ, напримѣръ, въ сѣверо-западномъ и пріозерномъ районахъ, тамъ, конечно, установлены довольно тяжелыя для крестьянъ условія: крестьянинъ, пользующійся помѣщичьей землей, при своихъ сѣменахъ, полной обработкѣ земли и при полной уборкѣ, вплоть до свозки сноповъ въ гумно, беретъ себѣ только половину урожая. Сѣнокосы же работаются „на третьякъ"—испольщикъ беретъ себѣ третью копну, а двѣ идутъ помѣщику. Послѣднее особенно выгодно помѣщику. Не надо заботиться о рабочихъ, тратить на нихъ дорогой харчъ, а главное дрожать за то, что рабочихъ не будетъ и сѣнокосъ перестоится либо останется неубраннымъ—въ іюнѣ либо августѣ десятки стоговъ во время убраннаго сѣна вырастаютъ вокругъ усадьбы и даютъ возможность увеличить молочное стадо, ремонтный косякъ лошадей.

Это, повторяю, наиболѣе распространенный типъ испольщины. Существуютъ, конечно, уклоненія въ ту или другую сторону, что опять-таки зависитъ отъ степени крестьянской нужды въ пашнѣ либо въ сѣнокосѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ Минской и Черниговской губерніяхъ, въ особенности, кромѣ оплаты земли половиною урожая, а сѣнокоса двумя третями, испольщикъ обязывается 1—2 недѣлями безплатной работы въ экономіи, чаще всего съ лошадью либо съ подросткомъ.

Когда подведешь итоги всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, горькой иронеей надъ русской деревнѣ, то невольно задумаешься надъ той безотрадностью мелкаго хлѣбопашца, которую не из-

быть и вдвое-втрое лучшимъ урожаемъ, чѣмъ нынѣшній. Конечно, если бы емкость крестьянской нужды оставалась на неизмѣнной глубинѣ, то крестьянинъ могъ бы еще, какъ добросовѣстный должникъ, покрывать ее, а урожаи, вродѣ 1913 года, значительно урѣзали бы крылья „нуждѣ-злодѣйкѣ". Но вѣдь вся бѣда въ томъ, что съ микроскопическимъ подъемомъ урожайности и доходности растутъ „безъ удержу" и цѣна предметовъ необходимости, и обложеніе.

Я. Яковлевичъ.

5. „Эльзасская душа".

Едва ли случайно то, что столкновеніе между военной властью и правами гражданъ, которое превратило цабернскій инцидентъ, самъ по себѣ маловажный, въ крупнѣйшее событіе внутренней жизни Германіи, произошло именно въ Эльзасѣ. Основнымъ внутреннимъ недугомъ Германіи,—въ особенности Пруссіи,—проникающимъ всю ея жизнь, является то, что политическій ея строй не находится въ соотвѣтствіи съ культурно-экономическимъ уровнемъ, котораго она достигла. Феодально-военные круги продолжаютъ политически господствовать въ ней, несмотря на то, что быстрая индустріализація страны и ростъ городовъ въ ней отняли у дворянско-землевладѣльческаго класса тѣ права на доминирующее положеніе въ государствѣ, которыя, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вытекали изъ соціально-политическаго строя, предшествовавшаго реформамъ Штейна - Гарденберга и объединенію Германіи. Культурный и экономическій организмъ имперіи переросъ свое политическое облаченіе. И если этотъ антагонизмъ между сохранившимися дворянско-феодальными привилегіями и требованіями новой, городской и промышленной Пруссіи—Германіи очень силенъ во всей имперіи, то тѣмъ рѣзче долженъ онъ обнаружиться на завоеванной окраинѣ, гдѣ тренированной въ дворянско-милитаристскихъ традиціяхъ военной и гражданской бюрократіи завоевателей приходится имѣть дѣло не съ привыкшими къ субординаціи нѣмцами, а съ населеніемъ, въ которомъ еще живы воспоминанія о принадлежности къ Франціи и объ активномъ участіи въ серіи французскихъ революцій XVIII и XIX столѣтій.

Психика эльзасскаго населенія, игнорированіе которой прусской военной бюрократіей вызываетъ такое глубокое раздраженіе въ подчиненныхъ ей бывшихъ французскихъ гражданахъ, очень объективно и вдумчиво изложена въ статьяхъ мюльгаузенскаго пастора Шеера въ №№ 7, 8 и 9 еженедѣльника *Die Christliche Welt*, подъ заглавіемъ: „Zum Verständniss der elsässischen Seele". Въ Германіи,—говоритъ онъ,—себѣ задаютъ постоянно вопросъ, въ какую сторону клонятся симпатіи эльзасцевъ, въ сторону ли Германіи или Франціи, причемъ влеченіе къ Франціи приравнивается къ антипатіи къ Германіи. Въ такой постановкѣ вопроса уже скрывается,—пишетъ Шееръ,—неизбѣжная ошибочность вывода. Для эльзасцевъ проблема ихъ психики состоитъ не въ такомъ противопоставленіи Германіи и Франціи, а въ томъ, чтобы сохранить цѣнности, которыя дала Эльзасу 200-лѣтняя принадлежность къ Франціи, и сочетать ихъ съ тѣми, которыя могутъ ему дать теперь германская культура и германская государственность. Принадлежность къ германскому государству уже перестала быть вопросомъ въ сознаніи населенія, о „реваншѣ" серьезно говорить болѣе не приходится, но далеко еще не разрѣшенъ психологическій вопросъ, какимъ образомъ произойдетъ внутреннее примиреніе эльзасцевъ съ германской культурой. По присоединеніи два вѣка тому назадъ къ Франціи населеніе Эльзаса такъ основательно подчинилось вліянію французской культуры потому, что тогда въ раздробленной на многія части Германіи вообще не могло

быть германскаго національнаго сознанія. Во Франціи же эльзасцы столкнулись съ высоко развитой національной французской культурой и съ сильнымъ единымъ государственнымъ организмомъ. Благодаря тому, что онъ составлялъ часть Франціи, — говоритъ Шееръ,—Эльзасъ пережилъ „самое высокое, что можетъ испытать народъ, именно внутреннее и внѣшнее освобожденіе человѣческой личности вслѣдствіе французской революціи... Только послѣ французской революціи можно говорить о внутренней ассимиляціи Эльзаса Франціей". Поэтому для эльзасцевъ, при всей ихъ внѣшней лойяльности въ отношеніи къ германскому государству, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы совершенно забыть свое прошлое и порвать всякую связь съ Франціей. Всякое проявленіе германскаго шовинизма, всякое оскорбленіе Франціи въ Эльзасѣ лишь бередитъ не зажившую еще рану и вызываетъ новые болѣзненные конфликты. Примиреніе съ фактомъ, съ новымъ порядкомъ вещей поэтому вызвало въ Эльзасѣ усиленіе пасифистскаго движенія, для того чтобы предотвратить возможность новой войны между Франціей и Германіей, т.-е. между двумя государствами, съ которыми Эльзасъ исторически связанъ. Оно нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ принятой второй палатой эльзасскаго сейма резолюціи противъ войны между Франціей и Германіей.

Народъ не имѣетъ ни возможности, ни моральнаго права просто вырвать страницу своей исторіи. Поэтому Германія,—говоритъ Шееръ,—не имѣетъ нравственнаго права предъявлять къ эльзасцамъ такія домогательства, какъ требованіе перестать говорить по-французски и т. д. Еще сильнѣе, чѣмъ конфликты, вытекающіе изъ подобныхъ требованій, — продолжаетъ Шееръ, — тѣ столкновенія, которыя обусловлены демократизмомъ эльзасцевъ и аристократическимъ характеромъ германской политики въ Эльзасѣ. Кастовый духъ, которымъ проникнута германская культура, подчеркиваніе сословныхъ различій, предоставленіе дворянамъ почти всѣхъ высшихъ должностей, духъ студенческихъ и офицерской корпорацій, обаяніе титуловъ и орденовъ и т. д.— все это находится въ глубокомъ противорѣчіи съ унаслѣдованной отъ Франціи демократической культурой. „Для меня,— говоритъ Шееръ,—не подлежитъ сомнѣнію, что внутреннее сліяніе Эльзаса съ демократической Германіей происходило бы съ легкостью и что оно станетъ лишь тогда возможнымъ, когда въ имперіи будетъ осуществлена значительная либерализація нравовъ, общественныхъ учрежденій и способовъ управленія... Тѣ изъ насъ, которые уже слились духовно съ Германіей, пришли къ ней тоже не подъ вліяніемъ политической стороны строя имперіи, а благодаря глубокимъ нравственнымъ, культурнымъ и религіознымъ цѣнностямъ германской психики. Надежда на соглашеніе съ имперіей поэтому у насъ основана исключительно на убѣжденіи, что когда-нибудь въ германскихъ нравахъ и въ германскомъ государствѣ будутъ воплощены великія либеральныя мысли германскихъ философовъ и политическихъ мыслителей... Передъ 1870 г. Германія пользовалась большими симпатіями въ Эльзасѣ, такъ какъ въ ней видѣли страну идеализма, истинной религіозности. Послѣ 1870 г. мы въ ней узнали страну, въ которой господствуютъ стремленіе къ власти и церковная реакція. Конечно, было бы возможно снова заставить эльзасцевъ замолчать, какъ они молчали при дѣйствіи исключительныхъ законовъ въ Эльзасѣ. Но тогда накопилась бы скрытая злоба, которая сдѣлаетъ дѣйствительное сліяніе невозможнымъ... Задача серьезной и достойной Германіи политики не можетъ заключаться въ томъ, чтобы подавить или даже истребить эльзасскій народъ, а только въ томъ, чтобы пріобрѣсти его привязанность. Поэтому только политика примиренія можетъ имѣть шансы

на успѣхъ". Кореннымъ требованіемъ, выдвигаемымъ всѣми эльзасскими партіями, вслѣдствіе этого и является предоставленіе Эльзасу полной автономіи, той же внутренней самостоятельности, которой пользуются всѣ остальныя союзныя государства Германіи. Въ этомъ требованіи,—говоритъ Шееръ, — вовсе нѣтъ враждебнаго Германіи партикуляризма. Наоборотъ, по мнѣнію нашему, оно является органическимъ выводомъ изъ принадлежности Эльзаса къ Германіи. Во Франціи, съ ея системой административной централизаціи, такое требованіе было бы невозможно. Предъявляя теперь такое требованіе, Эльзасъ этимъ самымъ выражаетъ желаніе стать равноправнымъ членомъ федераціи германскихъ государствъ.

Германія должна понять—такъ кончаетъ Шееръ свою статью,—что завоеваніе страны старой культуры влечетъ за собой не только права, но и обязанности. Недостаточно завоевать, необходимо также создать внутреннюю связь между завоеванными и завоевателями. Но существуетъ лишь одинъ путь для того, чтобы совершить это духовное завоеваніе Эльзаса, который состоитъ въ доброжелательномъ отношеніи, уваженіи къ индивидуальности и исторіи окраины, въ довѣріи. „Разрѣшеніе эльзасъ-лотарингскаго вопроса поэтому зависитъ въ гораздо меньшей степени отъ эльзасцевъ, чѣмъ отъ моральной и духовной силы Германіи".

Правильность разсужденій Шеера не подлежитъ сомнѣнію для того, кто объективно вдумывался въ условія возможности мирнаго сосуществованія націй разныхъ культуръ и разныхъ историческихъ судебъ въ предѣлахъ одного и того же государства. Къ сожалѣнію, подобная аргументація обыкновенно не достигаетъ своей цѣли, ибо господствующіе круги, по адресу которыхъ она направлена,—какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ государствахъ,—опираясь на механическую силу, рѣдко поддаются воздѣйствію логическихъ и этическихъ доводовъ.

И. Л.

II. Литература и искусство.

1. Разгадка или ошибка?

Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи Д. С. Мережковскаго о Тютчевѣ.

Д. С. Мережковскій прочиталъ въ нѣсколькихъ городахъ публичную лекцію, подъ заглавіемъ „Тайна Тютчева", и напечаталъ ее (можетъ быть, въ извлеченіи) въ *Русскомъ Словѣ*. Судя по заглавію, Мережковскій хотѣлъ разгадать „тайну" Тютчева. Мережковскій говоритъ увѣренно: „Мы знаемъ Тютчева лучше всѣхъ критиковъ. Мы уже не ошибемся, какъ Вл. Соловьевъ; не примемъ за поваренную соль кристаллы ціанистаго кали". Послѣ такого заявленія не безъ волненія ищешь въ статьѣ обѣщанной разгадки таинственнѣйшаго изъ нашихъ поэтовъ.

Однако уже бѣглое чтеніе приводитъ въ недоумѣніе. Мережковскій говоритъ о Тютчевѣ: „Современнѣйшій, всемірнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ остается въ Россіи невѣдомымъ. Если читатели знаютъ имя Тютчева, то развѣ только по школьнымъ хрестоматіямъ... Тутъ, конечно, виновато наше невѣжество, одичаніе критики". Что же виновато въ томъ, что и самъ Мережковскій, какъ приходится убѣдиться, Тютчева не знаетъ?

Если бы Мережковскій зналъ Тютчева, то не написалъ бы о немъ столько ошибочнаго, столько невѣрнаго, столько давно опроверпутаго, сколько вмѣщено въ предѣлахъ небольшой газетной статьи. Мережковскій, въ своей характеристикѣ Тютчева, какъ человѣка, исключительно пользуется

устарѣлой біографіей, составленной И. С. Аксаковымъ. Пишущій эти строки, уже десять лѣтъ назадъ, доказалъ, на основаніи документовъ и фактовъ, что эта біографія преисполнена всевозможныхъ ошибокъ. Правда, мои статьи были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ*,—изданіи мало распространенномъ. Однако, не слѣдовало ли Мережковскому, если онъ хотѣлъ говорить о Тютчевѣ, заглянуть и въ *Русскій Архивъ*,—изданіе, гдѣ всего больше собрано данныхъ о Тютчевѣ? Мало того: резюме моихъ статей, подъ заглавіемъ „Легенда о Тютчевѣ", было напечатано мною въ *Новомъ Пути*. Кажется, о напечатанномъ въ *Новомъ Пути* могъ бы Мережковскій быть освѣдомленнымъ! Наконецъ, на основаніи собранныхъ мною данныхъ, мною написанъ біографическій очеркъ, предпосланный новѣйшему изданію сочиненій Тютчева.

Мережковскій, однако, повторяя Аксакова, пишетъ: „Стихи Тютчева увидѣли свѣтъ только благодаря случайному, посторонне вѣшательству." Развивая эту мысль, Мережковскій говоритъ, что Тютчевъ „зарываетъ талантъ свой въ землю, какъ лѣнивый рабъ; зажегши свѣчу, ставитъ ее подъ сосудъ", что Тютчевъ, „если бы отъ него зависѣло, истребилъ бы себя изъ русской поэзіи". Красивая легенда, но, увы, только легенда! Мы знаемъ теперь, что Тютчевъ вовсе не такъ небрежно относился къ своимъ стихамъ, какъ то думали раньше, что онъ ихъ собиралъ, хранилъ, передѣлывалъ по нѣскольку разъ на протяженіи долгихъ лѣтъ, самъ отсылалъ и относилъ въ редакціи и т. д. и т. д. „Истреблять себя изъ русской поэзіи" Тютчевъ совсѣмъ не собирался, и въ послѣдніе дни жизни съ гордостью говорилъ о томъ, что послѣ него остается книга его стиховъ.

Мережковскій пишетъ далѣе, опять повторяя Аксакова, что Тютчевъ „семнадцать 22 года, лучшіе годы жизни, провелъ на чужбинѣ". „О томъ, что происходило съ Тютчевымъ въ эти годы,— говоритъ Мережковскій,— мы почти ничего не знаемъ: тутъ провалъ, пробѣлъ въ жизнеописаніи Тютчева,— то „молчаніе", котораго такъ хотѣлось ему". По этому поводу Мережковскій размышляетъ: „Отъ родины отрекается съ такою же легкостью, какъ отъ поэзіи... Отъ языка, отъ родины, отъ вѣры отцовъ,—отъ всего отрекается"... И все это опять сплошная ошибка, „красивая" легенда, не болѣе. Во-первыхъ, мы теперь знаемъ, какъ жилъ Тютчевъ за границей, знаемъ годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцомъ, временами день за днемъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ, что Тютчевъ эти 22 года вовсе не былъ отъединенъ отъ родины: онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Россію, жилъ въ ней подолгу, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, за границей много вращался въ русскихъ кругахъ, постоянно читалъ русскія книги, поддерживалъ оживленную переписку съ русскими друзьями и т. д. Въ-третьихъ, мы знаемъ, что Тютчевъ ни отъ чего родного не отрекался, напротивъ, оставался „самымъ русскимъ изъ русскихъ", такъ что, вернувшись въ Россію, оказался на той самой позиціи, на которой стояли тогда славянофилы.

Такихъ ошибочныхъ утвержденій въ статьѣ Мережковскаго еще не мало (наприм., что мы „почти ничего не знаемъ" о „послѣдней любви" Тютчева). Думается, что Мережковскій, если бы зналъ истиннаго, а не легендарнаго Тютчева-человѣка, долженъ былъ бы иначе изобразить и Тютчева-поэта. „Молчанію", „отъединенности отъ родины", „отреченію отъ вѣры отцовъ"— всему этому Мережковскій совершенно напрасно искалъ объясненій въ поэзіи Тютчева, потому что ничего такого не было.

По Мережковскому, Тютчевъ—основная „заряда" нашей современности. „Самоубійство и [illegible] — на Западѣ, на Россіи — [illegible] быть [illegible], какъ [illegible]. Кто [illegible]? [illegible]

скіе декаденты—Сологубъ, Бальмонтъ, Блокъ, Брюсовъ, Бѣлый, З. Гиппіусъ? Да, они. Но черезъ нихъ Тютчевъ". Такъ говоритъ Мережковскій, поясняя: „Его болѣзнь—наша: индивидуализмъ, одиночество, безобщественность".

Но какъ же можно обвинять въ грѣхѣ одиночества и безобщественности именно Тютчева, который всю свою жизнь провелъ въ живомъ общеніи съ людьми и всю свою жизнь всего больше интересовался вопросами общественности, въ ущербъ даже своей поэзіи? Какъ позабыть политическіе стихи и политическія статьи Тютчева, посвященныя именно вопросамъ общественности? Какъ можно критику брать у поэта одну половину его произведеній, а другую просто отбрасывать, какъ не подходящую подъ заранѣе заготовленную схему, не пытаясь даже объяснить? Сочувствуетъ ли Мережковскій или нѣтъ политическимъ взглядамъ Тютчева—другой вопросъ. Но Мережковскій долженъ согласиться, что въ этихъ взглядахъ всего менѣе „одиночества, безобщественности". Достаточно напомнить стихи Тютчева о братскомъ единеніи всѣхъ славянскихъ народностей между собой,—идея, глубоко дорогая поэту.

И далѣе: долженъ ли „индивидуализмъ" непремѣнно вести къ „одиночеству" и „безобщественности"? Начало индивидуализма есть утвержденіе *своей* личности. Но за этимъ слѣдуетъ, должно слѣдовать, утвержденіе личности коллективной: личности своего круга близкихъ, личности своего народа, наконецъ, великой личности всего человѣчества. Послѣдовательный индивидуализмъ требуетъ высшаго развитія и свободы всякой личности, иначе придется говорить не объ индивидуализмѣ, а о эгоизмѣ. Послѣдовательный индивидуализмъ приводитъ къ общественности, при чемъ общество понимается, какъ высшая личность. Именно это мы и видимъ въ индивидуализмѣ Тютчева.

Но Мережковскій, обличивъ Тютчева въ грѣхѣ индивидуализма, далѣе обличаетъ его въ другомъ грѣхѣ: пантеизма. „Всебожіе, пантеизмъ, — пишетъ Мережковскій, — религія Тютчева. Панъ спѣлъ ему страшную пѣсню про древній хаосъ, про родимый... И отрекся отъ вѣры отцовъ своихъ, сдѣлался безбожникомъ, пересталъ ходить въ церковь: бѣсъ его не пускаетъ"...

Долго было бы спорить объ томъ, сдѣлался ли Тютчевъ „безбожникомъ" (мы увѣрены, что вовсе нѣтъ), но какъ же обличать одного и того же человѣка одновременно и въ грѣхѣ крайняго индивидуализма и въ грѣхѣ всебожія, пантеизма? Вѣдь индивидуализмъ и пантеизмъ противоположны одинъ другому, что̀ прекрасно показалъ самъ Мережковскій въ своей давней статьѣ о Пушкинѣ! Индивидуализмъ и пантеизмъ онъ назвалъ тамъ двумя „непримиримыми или непримиренными началами, двумя міровыми потоками—одинъ къ Богу (къ сліянію съ Богомъ и освобожденію въ Богѣ), другой отъ Бога". Почему же теперь эти два „непримиримыхъ" начала оказались соединенными въ Тютчевѣ, причемъ то и другое ставится ему въ вину, грѣхъ?

„Индивидуализмъ приводитъ къ пантеизму", утверждаетъ Мережковскій. Но, во-первыхъ, всегда ли? Почему Мережковскій, перечисляя тѣхъ русскихъ поэтовъ, кто привелъ Россію къ „самоубійству и самоубійственному одиночеству", Сологуба, Бальмонта, Блока, Брюсова и др., не назвалъ еще одного имени: Д. С. Мережковскаго? Напомнимъ ему его собственные стихи:

Есть радость въ томъ, чтобъ вѣчно быть изгнанникомъ,
И, какъ волна морей,
Какъ туча въ небѣ, *одинокимъ* странникомъ
И не имѣть друзей...

Это ли не стремленіе къ одиночеству? Почему же оно привело Мережковскаго не къ пантеизму? А во-вторыхъ, изображая путь Тютчева отъ индивиду-

лизма къ пантеизму, Мережковскій слишкомъ мало считается съ хронологіей (не потому ли опять, что, подобно другимъ критикамъ, и онъ Тютчева не знаетъ?) Такъ, наприм., приводя стихи Тютчева „Инучесть есть въ морскихъ волнахъ", изъ которыхъ будто бы слѣдуетъ, что „въ мірѣ человѣческомъ ложь и зло, а въ мірѣ стихійномъ истина и благо", Мережковскій пишетъ: „такъ думалъ онъ (Тютчевъ) *сначала*". Если бы Мережковскій зналъ, что эти стихи относятся къ 1865 г. (къ концу жизни Тютчева), ему пришлось бы отказаться отъ этого „сначала".

Отрицать, что Тютчевъ, по своимъ воззрѣніямъ, былъ пантеистомъ (какъ и Гёте), было бы странно. Странно было бы отрицать и то, что Тютчевъ, если не первый, то одинъ изъ первыхъ въ русской поэзіи, понялъ, какую красоту и какой соблазнъ таятъ, въ своей глубинѣ, зло, грѣхъ и смерть. („Злой Духъ, ужели ты—непонятый учитель великой красоты?" писала З. Гиппіусъ, развивая мысль Тютчева.) Но непозволительно дѣлать выводъ, что такое пониманіе сущности зла ведетъ непремѣнно къ „безобщественности", къ „самоубійственному одиночеству". Особенно непозволительно, когда такое утвержденіе опровергается фактами. Еще непозволительнѣе объявлять, что буддизмъ (пантеизмъ)—*не религія*: въ этомъ сказывается уже простая религіозная нетерпимость, признающая только *свою* вѣру и въ прошломъ приводившая къ кострамъ инквизиціи. И уже совсѣмъ легкомысленно — выраженіе Тютчева „божески-всемірная жизнь" передѣлывать въ выраженіе „дьявольски-всемірная". Здѣсь звучитъ голосъ тѣхъ фанатиковъ христіанства, которые объявляли „бѣсами" сначала изваянія античныхъ божествъ, а потомъ и святыя иконы!

Въ подтвержденіе своихъ мыслей Мережковскій можетъ привести лишь два-три незначительныхъ стихотворенія Тютчева („Природа — сфинксъ", „И чувства нѣтъ" и др.). Но почему Мережковскій такъ настаиваетъ именно на этихъ стихахъ, тогда какъ о другихъ, въ которыхъ говорится иное, заявляетъ, будто Тютчевъ въ нихъ „лепечетъ мертвыми устами мертвыя слова"? Очень легкій способъ отдѣлываться отъ подлинныхъ утвержденій поэта, заявивъ, что это—„мертвыя слова"! Но вряд ли это—путь истинной критики и путь къ правильной разгадкѣ тайны поэта.

Мережковскій за послѣдніе годы отрекся отъ своихъ прежнихъ идоловъ, въ томъ числѣ и отъ Тютчева. Ad maiorem gloriam Dei, Мережковскій спѣшитъ теперь сжечь на своихъ безпощадныхъ autos da fe „все, чему поклонялся". Но вряд ли изъ такихъ инквизиціонныхъ костровъ можетъ возникнуть что-либо, кромѣ дыма. Разгадки „тайнъ" ждать отъ нихъ было бы напрасно.

Валерій Брюсовъ.

2. О футуризмѣ.

Что литература наша опять стоитъ у скрещенія многихъ дорогъ, чувствуютъ всѣ. Писателямъ сегодняшняго дня—правда, не всѣмъ—стало слишкомъ легко и немного скучно писать. Ихъ мы ли сомкнулись въ опредѣленные круги, которыхъ не разомкнуть однѣми человѣческими силами: здѣсь необходимъ молотъ исторіи. Драма. Еще драма. Десять драмъ. Романъ. Еще романъ. Десять романовъ. Что же дальше? Небольшая группа небалмошныхъ поэтовъ еженедѣльно набрасываетъ на рынокъ летучки, брошюры, печатныя тряпочки, съ рисунками и безъ нихъ. Но они ли дѣти будущаго? Когда пишутъ, что они несутъ литературѣ и какъ несутъ, не хочется признавать за ними никакихъ правъ на будущее. Но не слишкомъ ли мало прежде мы къ настоящему, не слишкомъ ли поспѣшно отмахиваемся отъ того, что напоминаетъ намъ о смѣнѣ? Нужно вглядѣться

разглядѣть за гримасами футуризма то, что толкаетъ его на дѣйствія.

За футуристовъ въ писаніяхъ ихъ говоритъ весьма немногое. Петербургская, пишущая общепонятнымъ языкомъ, группа новаторовъ — сплошь перепѣвы Игоря Сѣверянина. Игорь Сѣверянинъ—несомнѣнный поэтъ, но титулъ „интуита", со всѣми вытекающими отсюда слѣдствіями, узурпированъ какъ имъ, такъ и его торопливыми наслѣдниками. Подвижной и острый импресіонизмъ—очень милое качество—еще не дѣлаетъ интуитовъ. Что до „московскихъ футуристовъ", о нихъ можно сказать еще меньше. Манифесты москвичей радикальнѣе и значительнѣе по размаху манифестовъ ихъ петербургскихъ враговъ-собратьевъ. Ихъ достиженія? Говорить о достиженіяхъ и преждевременно, и поздно. Футуристы ничего не знаютъ и ни о чемъ не думаютъ.

Они не умѣютъ и не хотятъ думать. Они воображаютъ, что процессъ творчества подобенъ прыжку на поверхность опущенной ко дну пробки: чѣмъ легче она взлетаетъ, тѣмъ лучше. Имъ чуждо сознаніе необходимости копить творческія силы, и направлять ихъ въ сторону наибольшаго сопротивленія какъ въ выборѣ темъ, такъ и въ обработкѣ языка. Они небрежны и порою дѣтски - нечистоплотны въ выборѣ формъ. Они страдаютъ странной болѣзнью — вкусомъ къ путаницѣ, къ тошнотворнымъ эпитетамъ, дешево-противнымъ уподобленіямъ, гдѣ трупному отведена значительная роль. Нашествия вводятся по однажды принятому шаблону, уже скучному и омертвѣлому. Они до послѣдней степени бѣдны въ тѣхъ частяхъ своихъ писаній, которыя понятны всѣмъ, и эта бѣдность—очень дурной признакъ. Еще хуже то, что ихъ mania grandiosa такъ своекорыстна. Имъ непонятно благородство задачи: поднять глыбы языка, переплавить ихъ въ новыя формы. Чтобы избѣжать этой трудной работы, они пытаются создать свой языкъ, внося въ жизнь слова извращенные принципы музыки. Они не знаютъ, что въ творчествѣ подлинномъ игра, божественная, и каторжный трудъ сливаются, чередуясь въ очень неравныхъ количественно (перевѣсъ въ сторону труда) и столь же неравныхъ качественно (побѣда игры, какъ бы безконеченъ и огроменъ по времени ни былъ трудъ) пропорціяхъ. Они боятся усилій, пытаются обойти законы необходимости, и свое лукавое проворство называютъ „качественнымъ завоеваніемъ міра". Они мелочны въ конкретизаціи своихъ задачъ, упираются въ одно слово, въ одну какую-нибудь чистую выдумку, забывая, что цѣнность творчества не въ добротѣ кирпича, а въ размахѣ плана.

Хорошо,—соглашаются если не сами футуристы (они не умѣютъ ни возражать, ни соглашаться), то ихъ защитники и покровители,—однако есть въ футуристахъ достоинство, искупающее всѣ недостатки: они стихійны. Не думаютъ, а прутъ, въ чемъ мать родила, не зная куда, не зная зачѣмъ. И такъ какъ они стихійны, съ нихъ много и спрашивать нельзя. Можетъ быть, это вѣрно, можетъ быть, и нѣтъ. Одно только, несомнѣнно, печально: дѣти будущаго, а требуютъ такой снисходительности! И затѣмъ, послѣднія ихъ изданія—„Дохлая луна" и „Трое"—говорятъ совсѣмъ объ иномъ: не стихійность, не напоръ, а топтанье на мѣстѣ. Но если даже они и стихійны,—не все стихійное обладаетъ даромъ исторической кристаллизаціи и правомъ историческаго бытія.

Борьба съ привычнымъ консерватизмомъ рѣчи, консерватизмомъ понятій и консерватизмомъ такъ или иначе сложившагося міроощущенія вовсе не такъ легка, какъ о томъ думаютъ футуристы. Про это знаетъ каждый, кого внутренняя необходимость влекла къ отрицанію существующаго и къ созданію новыхъ пріемовъ творчества и кто пережилъ всѣ разочарованія этого пути.

Про это могутъ очень многое разсказать и Пушкинъ, и нѣмецкіе романтики, и Бодлэръ, и Достоевскій, и Гёте. Огромный размахъ ведетъ здѣсь къ ничтожнымъ по видимости результатамъ. Пріятно видѣть юнаго конькобѣжца, легко рѣжущаго коньками ледъ традицій. Мы готовы ему очень многое простить за его дерзость, легкость и юность. Однако не ему, а лишь монументальной силѣ генія дано пробить этотъ ледъ. А между тѣмъ футуристамъ несвойственны ни геніальность достиженій, ни юношеское изящество и гибкость ранняго предвѣстника новой эры. Они не пѣвучи; они кричатъ. Талантливѣйшій изъ нихъ, Игорь Сѣверянинъ, слишкомъ цѣпко держится за крохотные неологизмы, и не хочетъ увидѣть той бездны безвкусія, промаховъ и однообразія, которые онъ допускаетъ въ своихъ милыхъ, однообразно грѣшныхъ поэзахъ. И по жестамъ футуристовъ мы еще разъ наблюдаемъ фактъ, отмѣченный исторіей любой литературы: разрушительный подъемъ переживается новаторомъ, какъ нѣчто способное опрокинуть всѣ положенныя нормы, и въ дѣйствительности ему отвѣтятъ двѣ-три невѣрныхъ перестановки словъ, отвергнутый эпитетъ или сдержанная, непонятная профанамъ сухость рѣчи. Какъ безконечно труденъ выборъ, что опровергнуть, что оставить, въ чемъ усомниться, что укрѣпить, какъ необходимое. Это чувство великой отвѣтственности, отличавшее подлинныхъ творцовъ языка, какъ бы легки ни казались намъ ихъ шаги, не входитъ въ кругъ переживаній эго-футуризма. Чтобы начать перестройку языка, дѣйствительно ли нуженъ хаосъ, нужно разрушеніе?

Есть среди интересныхъ и по темѣ и по формѣ стихотвореній Елены Гуро такое стихотвореніе:

И вдругъ я подумалъ: если перетрутъ
мечтъ ножками стулья и диваны,
кувыркнутъ часы?
пришло бъ начало новой эры,
открылись бы страны.
Тутъ же въ комнатѣ прятался [illegible]
клубка [illegible],
затертый недобрымъ вчерашнимъ
днемъ,
порядкомъ дней,
тутъ же рядомъ въ комнатѣ онъ былъ!
Я вдругъ [illegible]ризъ, что такъ,
и бояться не надо ничего,
но искать надо тайный знакъ.

Когда только что приведенныя слова Е. Гуро цитируютъ футуристы, а дѣлаютъ они это охотно—смыслъ ихъ роковымъ образомъ измѣняется. Е. Гуро говоритъ о безпорядкѣ основномъ, о хаосѣ возникающаго мировоззрѣнія. Она не можетъ до поры до времени уйти изъ этого хаоса, ибо великій порядокъ кажется ей сномъ, уводящимъ отъ внутренняго роста и духовнаго бодрствованія. Перестановка предметовъ, нарушеніе привычнаго порядка дневного міра вызваны необходимостью, все равно болѣзнь ли то, или благородная зоркость. Футуристы же очень наивно толкуютъ ея стихи, какъ приглашеніе переставлять слова, нарушать согласованіе падежей, лицъ и чиселъ, вводить такъ называемые „чистые неологизмы" претенціозно-тарабарскаго языка, мнящаго себя (или, по совѣсти говоря, даже не мнящаго?) самоловѣющимъ.

Правда, они тутъ же провозглашаютъ свой девизъ: „чѣмъ и типа субъективнѣе, тѣмъ объективнѣе субъективная объективность". Но ради этого девиза не стоило отрекаться городить: онъ провозглашался уже много разъ, и каждый разъ въ него вкладывалось новое эстетическое содержаніе. Дѣло не въ словахъ, а въ достиженіяхъ. О нихъ же эго-футуристы молчатъ, но какъ ихъ творчество вылилось лишь въ нѣсколькихъ безкрылыхъ образахъ начитаннаго умствованія. Сверяніе безнадежны противорѣчія, въ которыхъ съ первыхъ же шаговъ запутались нѣсколько „сидящихъ" и „будетлянъ" (обломки великаго

безвкусія ихъ неологизмовъ); хаотичность представленій объ искусствѣ, о цѣляхъ его и о формахъ, служитъ имъ сейчасъ ширмой, за которою они отсиживаются въ тѣ трудныя минуты, когда слабость ихъ грозитъ сдѣлаться очевидною для всѣхъ. Такъ иногда въ первой игрѣ самый безпомощный противникъ можетъ дать матъ опытному шахматисту, сбивая его съ пути заячьей повадкой и варварскими движеніями. Къ этого рода тактикѣ слѣдуетъ отнести жестъ футуристовъ, выбрасывающихъ за бортъ парохода современности Пушкина, Достоевскаго и Толстого,—„чтобъ не отравляли воздухъ"— и прославляющихъ былины, сектантскія пѣсни и Слово о полку Игоревѣ. Имъ нѣтъ дѣла до того, что формы рѣчи, какъ и тотъ или иной идеалистическій укловъ міровоззрѣнія, какъ и бытъ и смыслъ—въ былинахъ и „Словѣ" неподвижнѣе и жестче, чѣмъ въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей. Мало того: по самой сущности своей столь будто бы излюбленная „будетлянами" поэзія былинъ не даетъ и не должна давать простору измышленіямъ анархически-настроенной единицы. Именно въ абсолютной растворенности личнаго прелесть этой поэзіи, и какъ можно отъ нея перекинуть мосты къ эстетическому мучительству новаторовъ, симулирующихъ какую то одержимость молодостью и страстью къ вещамъ міра—остается совершенно неразрѣшимой загадкой.

Футуристы утверждаютъ, что у насъ нѣтъ чисто литературной критики, „судей рѣчетворчества". Утвержденіе это, конечно, ошибочное, ибо за послѣдніе двадцать лѣтъ на-ряду съ критикой публицистической у насъ народилась и существуетъ критика чисто-литературная. Къ сожалѣнію, послѣдствіе легкомысленнаго варварства большого числа среднихъ читателей, книги, подобныя превосходному сборнику статей Вяч. Иванова „По звѣздамъ" или изслѣдованіямъ Андрея Бѣлаго о символизмѣ, или страницамъ критики Иннокентія Анненскаго, остаются достояніемъ небольшого числа спеціально заинтересованныхъ лицъ. И футуристы, въ этой области, какъ и въ другихъ, торопятся забросить едва только распаханное поле, смѣшивая въ наивномъ своемъ невѣжествѣ рыночную стоимость опредѣленныхъ явленій литературы съ ихъ абсолютною цѣнностью. Это смѣшеніе является, мнѣ кажется, однимъ изъ серьезнѣйшихъ противопоказаній противъ футуризма.

Но еще болѣе существенно то произвольное ограниченіе, которому футуристы, ратуя за свободное рѣчетворчество, хотятъ подвергнуть живое слово, отрывая его отъ смысла. „Черезъ мысль шли художники прежніе къ слову, мы же черезъ слово къ непосредственному постиженію".

Черезъ мысль прійти къ слову, пожалуй, съ грѣхомъ пополамъ можно, хотя въ этой диллетантской формулѣ ровно столько же невѣжества, сколько претензій на геніальность обобщенія. Но какъ *черезъ слово* связать себя съ непосредственнымъ постиженіемъ міра—этого никакой интуитъ не изобразитъ сколько-нибудь убѣдительно. Особенно же проявляется вся эфемерность этихъ мечтаній, когда футуристы начинаютъ упрекать писателей стараго закала, будто они, желая изобразить алогичность жизни, ужасъ ея или тайну, прибѣгаютъ къ ясному, четкому, всеобщему языку. Футуристы упускаютъ изъ виду, что этотъ ясный, четкій, всеобщій языкъ не могъ быть нарочно выдуманъ шайкой закоренѣлыхъ мракобѣсовъ-классиковъ, а создавался тысячелѣтіями, отвѣчая опредѣленной потребности духа и подчиняясь его нормамъ. Наконецъ, самое понятіе алогичности и тайны жизни могло возникуть лишь по контрасту къ чему-либо логичному и нетаинственному. И — коли на то пошло,—какъ жизнь, вѣрное служеніе которой яростно проклямируютъ футуристы, такъ и искусство значительны именно борьбой алогичнаго и логи-

ческаго, рвущагося за предѣлы и неуклонно ихъ полагающаго. Какъ смѣшны раздраженныя выходки писателей опредѣленнаго лагеря противъ быта, нормъ, мѣщанства (особенно послѣднее гонимо сверхъ всякой мѣры, хотя попробуй какой-нибудь злой геній истребить всю мѣщанственность, т.-е. всю толщу и длительность нашей земной жизни, какъ бы взмолились о пощадѣ защитники всякаго рода „событій" и гонители быта!), такъ же смѣшны и попытки эгофутуристовъ выйти изъ своей человѣческой личины: разсказывать алогично объ алогичномъ и таинственно о таинственномъ.

Старой критикѣ эгофутуристы грозятъ презрѣніемъ за то, что она не занималась „рѣчетворчествомъ". Сами же они, внося эту запоздалую поправку, совершаютъ грѣхъ во много разъ тягчайшій. Они пытаются оторвать искусство отъ всякой почвы—почвы, не въ смыслѣ залога прочности формъ в косности, а въ смыслѣ источниковъ питанія. Тщетный трудъ! Говорятъ, что крѣпко только то зданіе, фундаментъ котораго омытъ живою кровью. Живая кровь, омывающая слово,—именно смыслъ его, и все, что черезъ этотъ смыслъ къ нему притекаетъ. Слова растутъ и свѣтятся, если подъ ними горитъ огонь большого смысла. Столь стертыя и безразличныя, если лишить ихъ каждый разъ наново влагаемаго смысла,—слова, какъ обращенія, имена христіанскихъ молитвъ, завоевываютъ, по понятіямъ опредѣленныхъ сектъ, самостоятельную жизнь, наливаются дѣйственной силой. Способность слова жить самостоятельной, самодовлѣющей жизнью несомѣнна, но несомѣнна и зависимость его отъ сложнѣйшихъ комплексовъ душевной жизни человѣка, а затѣмъ и жизни класса, племени и человѣчества. „Судьямъ рѣчетворчества" нельзя воспретить надѣвать на себя любыя одежды и подходить къ слову съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, какъ, напримѣръ, съ точки зрѣнія исторіи, быта, соціологіи, политики, психологіи и т. д. Въ любомъ горнѣ можно разлагать слова-понятія произвольно. И очень грустно, что столь банальныя истины приходится выдвигать противъ повторовъ, только что протестовавшихъ противъ одностороннѣй критики минувшихъ десятилѣтій. Среди представителей различныхъ дисциплинъ есть мѣсто и чистому „судьѣ рѣчетворчества". Но любой изъ родовъ критики становится вреднымъ, чуть только манія величія увлечетъ его на скользкій путь самозванства и низверженія равноправныхъ ему братьевъ. Именно на этотъ путь и ступили футуристы. Конца ждать не долго. Лишь исключительно умные самозванцы, сумѣвшіе уловить смыслъ народнаго плеска, переживаютъ день возвышенія. Футуристы же справедливо боятся быть умными и презираютъ народный плескъ. Боюсь, что имъ суждено повторить судьбу тѣхъ бѣдныхъ поденокъ, за которыхъ вступился даже Мечниковъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ: освобождаясь отъ кокона, онѣ немедленно кладутъ яйца и гибнутъ. Этимъ актомъ зарожденія новыхъ печальныхъ жизней, прозябающихъ въ землѣ до будущаго года, онѣ, правда, служатъ прославленію творящихъ силъ матери-природы, но собственное ихъ существованіе, подобно словамъ безъ смысла, темно и ничтожно.

Евгенія Лундбергъ.

3 Къ исторіи вѣнскаго Бургтеатра.

Adolf von Sonnenthal Briefwechsel. Nach den Orig. herausg. v. Hermine von Sonnenthal. 2 B. Stuttgart u. Berlin. Deutsche Verlags-Anstalt, 1912.

Въ октябрѣ прошлаго года исполнилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ старый вѣнскій Бургтеатръ (K. K. Hof[illegible]) переѣхалъ въ новое зданіе и сталъ называться „новымъ". Самъ по себѣ этотъ случайный, [illegible]ическій фактъ имѣлъ бы большого значенія, если [illegible]ль-

нѣйшей исторіи не только Бургтеатра, но нѣмецкой сцены вообще онъ не занималъ опредѣленнаго, историческаго мѣста. Именно эти 25 лѣтъ совершенно измѣнили характеръ нѣмецкой сцены. Явились иныя пьесы, иные режиссеры, иные артисты. И если старый Бургтеатръ временъ Лаубе и Вильбрандта былъ, по существу, явленіемъ новымъ, передовымъ, то, „новый", торжественно распахнувшій свои двери въ 1888 г. театръ скоро потерялъ свое первенствующее значеніе и пересталъ быть центромъ. Трогательно было прощаніе труппы со старымъ театромъ; въ той особенной торжественности, съ которой совершалось это прощаніе, чувствуется будто робость, тревога за будущее. Съ большимъ подъемомъ была сыграна въ послѣдній разъ на старой сценѣ „Ифигенія въ Тавридѣ" Гёте, послѣ чего знаменитый артистъ Адольфъ Зонненталь прочиталъ монологъ. Потомъ вся труппа собралась вмѣстѣ: рѣчи, тосты, шампанское. Пустые бокалы были брошены на полъ. Не мелькнуло ли тогда у кого-нибудь, что здѣсь разбиваются не только бокалы? Не жалко ли и не жутко ли было разставаться со старымъ гнѣздомъ?

Это былъ моментъ, когда Бургтеатръ пользовался, пожалуй, наибольшимъ авторитетомъ. Окончательно было установлено, что въ немъ хранятся традиціи нѣмецкаго театра, что Веймарскій театръ нашелъ именно въ немъ своего продолжателя. Но, вмѣстѣ съ этимъ, Бургтеатръ неизбѣжно превращался въ явленіе историческое, въ музей, и терялъ значеніе живого современника. Ибсенъ, Гауптманъ, Шницлеръ — они оказались уже недоступными для почтеннаго театра. Лессингъ, Шиллеръ и Гёте были его школой. Шекспиръ былъ его послѣднимъ словомъ. Все остальное разсматривалось уже сквозь призму этой школы. Явился шаблонъ, и вмѣстѣ съ нимъ — боязнь всякой новизны. Театръ застылъ въ своей прекрасной традиціонности. Вотъ почему теперешній юбилей „новаго" Бургтеатра вызвалъ довольно рѣзкіе приговоры среди молодыхъ. Для Бургтеатра, по словамъ Людвига Ульмана („Die Schaubühne", 1913, 30—X), стало закономъ „изучать новый матеріалъ по старымъ образцамъ". Ни Буркгарту, который хотѣлъ быть реформаторомъ (состоялъ директоромъ отъ 1890 — 1898 г.), ни великому артисту Кайнцу не удалось вдохнуть въ него новую жизнь.

Конечно, за послѣднее время театральная жизнь шла съ такой лихорадочной быстротой, такъ дерзко подходила къ самымъ краямъ драматическаго искусства, что театру „традицій" невозможно было поспѣть за нею. Бургтеатръ окончательно сталъ историческимъ явленіемъ, которое надо изучать. Богатѣйшій матеріалъ для этого изученія находится въ перепискѣ артиста Адольфа фонъ-Зонненталя, недавно вышедшей въ двухъ прекрасно изданныхъ и снабженныхъ многими примѣчаніями томахъ. Зонненталь прослужилъ на сценѣ Бургтеатра цѣлыхъ 53 года (1856 — 1908). Этотъ фактъ самъ по себѣ достаточенъ, чтобы обратить вниманіе на оставленный Зонненталемъ архивъ. При этомъ Зонненталь былъ лицомъ центральнымъ, иногда, въ періоды междуцарствія, бралъ на себя завѣдываніе театромъ и былъ преданъ ему всей душой. Его „Briefwechsel", помимо всего остального—богатѣйшая документальная исторія Бургтеатра за 50 лѣтъ.

Личность самого Зонненталя обрисовывается въ его письмахъ не совсѣмъ опредѣленно. Есть на немъ налетъ какой то старинности, какого то галантнаго „прекраснодушія". Въ его сужденіяхъ есть всегда извѣстная элементарность. Онъ благоговѣетъ передъ своимъ искусствомъ, часто неувѣренъ въ себѣ и очень чувствителенъ къ отзывамъ критики. Когда онъ говоритъ о театрѣ и объ искусствѣ—чувствуешь, что въ немъ живы какія то уже чуждыя намъ традиціи и что нѣтъ въ немъ той цѣльной и

сложной трагической силы, которая дѣлаетъ артиста великимъ. Самое интересное въ этой перепискѣ (если не относиться къ ней, какъ къ историческому матеріалу)—письма княгини Маріи Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ [1]; по нимъ можно довольно ясно представить себѣ, какъ игралъ Зонненталь трагическія роли.

Въ 1877 г. Зонненталь выступилъ въ роли Гамлета. Княгиня пишетъ ему: „Вы такъ пластично обработали эту роль, что она предстала передъ нами, какъ разрѣшенная проблема — ясно и убѣдительно. Теперь, когда вы такъ ловко распутали этотъ клубокъ безсвязныхъ рѣчей, мнѣ хочется высказать пожеланіе, чтобы вы нѣсколько затѣняли весь этотъ образъ, сдѣлавъ его болѣе сумеречнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должна бы выступить боль и смертельная усталость затравленнаго звѣря. Онъ играетъ съ безумствомъ, потому что безумство неотвратимо тянетъ его къ себѣ, какъ зеркальная вода — бѣдную Офелію. Безплотное видѣніе ужаснуло его — и, кажется, вы вкладываете въ него слишкомъ много здоровыхъ жизненныхъ силъ, вмѣсто болѣзненнаго лихорадочнаго жара. Впрочемъ, это только вопросъ, который я предлагаю артисту. Вы не можете себѣ представить, какъ мѣшаетъ появленіе духа на переднемъ планѣ. Невозможна никакая иллюзія. Было бы также совершенно естественно, если бы Гамлетъ при этой встрѣчѣ не обращалъ лица къ зрителямъ. Передать окаменѣлый ужасъ на лицѣ значило бы переступить границы прекраснаго. Здѣсь артистъ долженъ подражать древнимъ, которые покрывали лицо Агамемнона, когда его черты должны были выражать скорбь о принесшей себя въ жертву Ифигеніи". Зонненталь совершенно соглашается съ мнѣніемъ княгини и оправдываетъ свое исполненіе тѣмъ, что онъ стремился сдѣлать Гамлета „простымъ, естественнымъ, *человѣчнымъ*".

Въ 1878 г. Зонненталь игралъ Фауста. Княгиня Гогенлоэ дѣлаетъ ему опять нѣсколько указаній: „Сцену въ кабинетѣ вы, по-моему, играете слишкомъ возбужденно, безъ той апатіи, которая должна быть у человѣка, отжившаго свой въ жизни. Классическія слова: „Entbehren sollst du, sollst entbehren" должны бы, мнѣ кажется, произноситься медленнѣе, безъ возбужденности и волненія. Эта часть есть настоящая драма ученаго, и декламація на сценѣ должна сохранять здѣсь серьезный, строгій стиль. Наоборотъ, въ самыхъ драматическихъ сценахъ любви вашъ тонъ показался мнѣ слишкомъ отечески-снисходительнымъ. Именно бурное опьяненіе любовью, которое врывается со всей своей стихійной силой въ сердца Фауста и Гретхенъ, спасаетъ высшій моральный смыслъ этого произведенія. Онъ долженъ быть такъ же непобѣдимо плѣненъ, какъ и невинная дѣвушка,—иначе онъ немногимъ лучше самаго обыкновеннаго соблазнителя, какимъ его и хотѣлъ сдѣлать Мефистофель. Но онъ не таковъ, и потому адскія силы не властны надъ нимъ, какъ и надъ Донъ-Жуаномъ—„das ewig Weibliche zieht ihn hinan".

Въ перепискѣ Зонненталя съ княгиней Гогенлоэ есть еще интересныя страницы о „Ревизорѣ" Гоголя. Зонненталь, вообще, интересовался Россіей и нѣсколько разъ посѣщалъ ее (замѣтимъ кстати, что въ 1883 г. Зонненталю пришлось, послѣ трехъ выступленій, уѣхать изъ Риги: ему, какъ еврею, не разрѣшено было остаться до конца гастролей). 30 сентября 1886 г. княгиня Гогенлоэ пишетъ Зонненталю: „Я музыкъ своимъ досугомъ и читаю старое и новое. На-дняхъ попала мнѣ въ руки классическая русская комедія „Ревизоръ" Гоголя. Меня вдругъ пронзила, какъ мало устарѣла эта вещь... Я думаю, что комедія эта можетъ рассчитывать на шумный смѣхъ... Она въ свое

[1]) Ея мужъ, Константинъ Гогенлоэ, былъ тогда старшимъ директоромъ Burgtheater.

время произвела настоящую революцію въ русской литературѣ". Зоннепталь отвѣчаетъ: „Я рѣдко или даже, собственно, никогда не видѣлъ, чтобы такой совершенно сухой предметъ былъ обработанъ съ такимъ великолѣпнымъ изображеніемъ характеровъ, съ такой сатирой и истиннымъ юморомъ. Кажется, что видишь передъ собой фигуры Гогарта". „Ревизоръ" былъ поставленъ въ Бургтеатрѣ 18 мая 1887 г. (въ переводѣ В. Ланге), но выдержалъ только 4 представленія.

Эти годы были высшимъ подъемомъ творчества въ жизни Зоннепталя. Гамлетъ, Фаустъ и Лиръ были его восхожденіемъ на высоты трагедіи. Онъ пользуется извѣстностью, его любятъ, уважаютъ и считаютъ „единственнымъ, несравненнымъ" нѣмецкимъ артистомъ. Вмѣстѣ съ нимъ и Бургтеатръ переживалъ эпоху наибольшей популярности. Съ начала 90-хъ годовъ значеніе этого театра начинаетъ постепенно падать. Пробнымъ камнемъ для него оказался Ибсенъ. Лѣтомъ 1890 г. княгиня Гогенлоэ пишетъ Зоннепталю: „Въ послѣднее время часто говорятъ объ Ибсенѣ, но въ его вещахъ есть всетаки какая то пессимистическая черта, которая мѣшаетъ имъ быть въ моихъ глазахъ произведеніями искусства. *Я думаю, что Бургтеатръ имѣетъ полное право закрыть свои двери передъ этими болѣзненно-психологическими проблемами*". [1]) Впрочемъ ей нравятся „Сѣверные богатыри", а „Праздникъ въ Сольгаугѣ" она даже предлагаетъ для постановки.

Въ концѣ 1890 г. былъ поставленъ „Докторъ Штокманъ", но характерно, какъ отнесся къ своей роли Зоннепталь: „Изъ застывшаго, сухого филистера я сдѣлалъ человѣка съ плотью и костями, съ кровью и нервами и придалъ абстрактной фигурѣ конкретную форму, такъ что фигура эта возбудила общую симпатію: я спасъ этимъ пьесу" (письмо сыну I—X 1890 г.). „Строитель Сольнесъ" оказывается уже совершенно непріемлемымъ; Зоннепталь *ужаснулся* и писалъ своему другу Паулю Линдау, что онъ „отказался бы отъ ангажемента, если бы его заставляли играть" въ этой пьесѣ. Въ неменьшій ужасъ пришла княгиня Гогенлоэ, находя, что здѣсь „потушена послѣдняя искорка идеализма. Человѣкъ является здѣсь лишь какъ конгломератъ вулканическихъ матерій, которыя поглощаютъ другъ друга и оставляютъ только груду разъединенныхъ химическихъ субстанцій... Я боюсь этого Сольнеса, какъ Гретхенъ Мефистофеля, потому что онъ любитъ, но не страдаетъ". Шницлеръ тоже возмущаетъ Зоннепталя—въ письмѣ отъ 16 декабря 1892 г. онъ призываетъ Шницлера бросить „реализмъ" и искать лавровъ только въ дѣвственномъ храмѣ поэзіи.

Такъ постепенно растетъ пропасть между Бургтеатромъ и новымъ движеніемъ въ драматической литературѣ. Въ 1896 г. Зоннепталь, по просьбѣ одного друга, описываетъ свое прошлое. Съ большимъ волненіемъ и любовью разсказываетъ онъ о своей молодости, о своихъ „Lehrjahre" у знаменитаго Генриха Лаубе, который за время своего директорства (1850—1867) окончательно утвердилъ ставшую потомъ традиціонной „школу" Бургтеатра. И вдругъ, среди разсказа, прорывается его раздраженіе, накопившееся за послѣдніе годы: „И вотъ меня хотятъ теперь убѣдить, что та школа устарѣла, что теперь надо совсѣмъ иначе играть, чѣмъ 40 лѣтъ назадъ! Но какъ иначе? Реалистично! Что значитъ реалистично? Естественно и правдиво. Но развѣ естественность и правдивость не была главными принципами нашихъ старыхъ артистовъ?... Нѣтъ, другъ мой, пусть меня убѣждаютъ, какъ хотятъ, а я *никогда не признаю эту, такъ называемую „современную" школу игры* [1]),

[1]) Курсивъ мой. *Б. Э.*

[1]) Курсивъ мой. *Б. Э.*

я никогда не измѣню принципамъ нашего искусства, которые я считаю единственно-истинными и вѣрными. Пока небо даетъ мнѣ силы работать въ нашемъ театрѣ, я буду, насколько могу, стремиться къ тому, чтобы удержать старую традицію".

Таковъ приговоръ Зонненталя самому себѣ. Обернувшись къ прошлому, онъ почувствовалъ всю силу этой прекрасной традиціи и съ необычной для себя категоричностью отвергъ новое. Изъ всей переписки Зонненталя я взялъ только одинъ моментъ, когда вслѣдъ за періодомъ расцвѣта началось паденіе. Но повторяю, что для исторіи Burgтеатра, а также для изученія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей (Вильбрандтъ, Пауль Линдау, Людвигъ Фульда) переписка Зонненталя даетъ большой и очень интересный матеріалъ.

Въ Германіи сейчасъ, вообще, замѣтно увлеченіе театральнымъ прошлымъ. Особенно охотно издаются воспоминанія старыхъ артистовъ, артистовъ періода „Wanderbühne", Гамбургскаго и Веймарскаго театровъ (см. сборникъ *Pandora*, № 4, гдѣ даны отрывки изъ разныхъ воспоминаній). Недавно вышла большая книга воспоминаній объ артистахъ XVIII вѣка (*Joseph Anton Christ* „Schauspielerleben im achtzehnten Jahrhundert"). Авторъ описываетъ, между прочимъ, и русскіе нравы—Россію онъ посѣтилъ въ началѣ XIX столѣтія. Въ исторіи нашего театра еще совершенно не выясненъ вопросъ о вліяніи тогдашнихъ нѣмецкихъ артистовъ на русскихъ. Знаменитый Волковъ былъ въ большой дружбѣ съ Аккерманомъ, а черезъ него былъ, вѣроятно, знакомъ и съ великимъ Шрёдеромъ, главнымъ дѣятелемъ Гамбургскаго театра и первымъ исполнителемъ шекспировскихъ ролей въ Германіи. Если это вліяніе можетъ быть доказано, то какова была его роль по отношенію къ французскому вліянію, почему Шекспиръ явился къ намъ въ уродливо-искаженной передачѣ Дюси? Вообще, намъ нужно внимательно изучить борьбу вліяній,—тогда многое въ исторіи перехода отъ классицизма къ сентиментализму у насъ, въ Россіи, объяснится совершенно по-новому.

Б. Эйхенбаумъ.

4. „Эръ романесно" и Трилусса.

Письмо изъ Рима.

За сорокъ лѣтъ населеніе Рима учетверилось.

Но и сорокъ, и пятьдесятъ, и семьдесятъ лѣтъ назадъ уже слышались характерныя жалобы: Римъ переполненъ иностранцами. Въ Римѣ все чужаки. Настоящихъ, исконныхъ, коренныхъ римлянъ въ Римѣ мало. Они отброшены на задній планъ. Они отброшены въ какіе то темные углы. Они, настоящіе, законные, Божьею милостью и волею исторіи—хозяева Рима, они дѣлаются чужими Риму.

Пришельцы, наводнивъ Римъ, убиваютъ стародавніе обычаи, они перестраиваютъ по-новому, не заботясь о священныхъ традиціяхъ Рима, его жизнь. Они убиваютъ даже языкъ Рима, „эръ романесно", этотъ столь звучный языкъ, изобилующій звуками „R", такой живописный и острый.

Въ послѣдніе годы свѣтскаго господства папъ, интеллигенція Рима, слагавшаяся уже изъ свѣжихъ пришлыхъ элементовъ, смотрѣла на Джоаккино Белли, пользовавшагося колоссальною популярностью у мѣстнаго населенія поэта римскаго діалекта, какъ на интересный, правда, но все же — анахронизмъ. Въ глазахъ этой интеллигенціи, дѣтища Третьей Италіи, Белли съ его творчествомъ былъ курьезомъ, не болѣе. Своего рода достопримѣчательностью Рима.

Въ печати, относившейся къ Белли больше именно съ этой точки зрѣнія, высказывалось опредѣленное мнѣніе, что Белли осужденъ быть поэтомъ, пишущимъ на римскомъ діалектѣ.

„Эръ романеско“ осужденъ вымереть, задавленный колоссальнымъ наплывомъ на Римъ чужаковъ-пришельцевъ, въ массѣ которыхъ не замедлитъ раствориться тотъ уцѣлѣвшій въ Римѣ этнографическій элементъ, который говоритъ про себя съ гордостью:

— Son romano de Roma, e me ne vanto!

(Я *римскій* римлянинъ и горжусь этимъ!)

Предположенія эти до извѣстной степени оправдались: сейчасъ, въ современномъ Римѣ, чтобы услышать „эръ романеско“ какъ живую рѣчь, нужно спускаться къ низамъ общества. На „романеско“ говорятъ теперь лишь немногіе, больше всего представители до извѣстной степени сдѣлавшихся наслѣдственными профессій римскаго обывателя: извозчикъ, голодающій сапожникъ, „мундэцаро“ или мусорщикъ, „мачэлайо“ или мясникъ.

Сорокъ лѣтъ назадъ „синьоры“ (господа) должны были знать „эръ романэско“, чтобы понимать свою прислугу. Теперь вся сплошь прислуга изъ пришлаго, наплывного элемента, и изъ ея устъ услышишь какой угодно діалектъ: „паполэтано“, „абруццэзэ“, „спчилья-но“ вплоть до „джеповэзэ“ и „венеціано“, но не услышишь „романэско“.

Но съ „романэско“ связанъ старый бытъ. Съ нимъ связана особая психологія народной массы. „Романэско“— это не просто діалектъ, это символъ старой жизни, той жизни, которая поневолѣ пришла къ непримиримому конфликту съ современностью.

Извозчикъ, который сейчасъ только что плелъ околесицу, втирая очки форестьеру, безбожно перевирая имена и историческія даты, и клянчилъ лишній франкъ, ссылаясь на то, что его, извозчика, супруга уже „сдѣлала“ десять дѣтей; подметальщикъ улицы, проспавшій ночь на грудѣ мусора и навоза; черноглазый, словно изъ бронзы вылитый мальчуганъ, который завтра попадетъ въ Regina Coeli по обвиненію въ похищеніи пустого кошелька на трамѣ или носоваго платка, или, пожалуй, за то, что „поигралъ съ ножомъ“ на набережной стараго Тибра; дряхлый „кантасторіэ“ или импровизаторъ звучныхъ поэмъ, питающійся объѣдками въ захудаломъ и грязномъ простонародномъ ресторанчикѣ,—они умѣютъ, при случаѣ, преобразиться. И видѣли бы вы, съ какою гордостью, съ какимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ какимъ апломбомъ и съ какимъ сознаніемъ своего превосходства надъ вами, пришельцемъ, онъ произноситъ эти слова:

— Son romano de Roma, e me ne vanto!

Онъ настоящій римлянинъ.

Онъ голоденъ, одѣтъ въ лохмотья. Въ брюхѣ зачастую урчитъ. Въ карманѣ— ни сольдо. Да.

А вы обѣдаете въ первоклассномъ ресторанѣ, хорошо одѣты.

Но когда вы въ Римѣ, вы вѣдь только гость. А хозяинъ—онъ „римскій римлянинъ“. Онъ принимаетъ васъ. Онъ снисходительно позволяетъ вамъ шляться по улицамъ, которыя вѣдь являются его собственностью. По тѣмъ улицамъ, на мостовой которыхъ онъ, romano de Roma, безцеремонно располагается съ чадами и домочадцами поглощать какую то подозрительную снѣдь, изготовленную въ трущобной кухнѣ грошовой остеріи.

Въ его жилахъ старая, но густая алая кровь, въ которой такъ много частичекъ, элементовъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ родоначальниковъ. Отъ тѣхъ, руками которыхъ поставлены гигантскія защитныя стѣны древняго Рима, Капитолій. Отъ тѣхъ, которые создали форумъ и Палатинъ, могилу Адріана, а потомъ безчисленныя церкви и базилики, и храмъ храмовъ—великій Санъ-Пьетро.

А какова кровь въ вашихъ жилахъ?

Въ лучшемъ случаѣ, кровь тѣхъ рабовъ, которыхъ цезари и проконсулы сгоняли въ Римъ на постройки.

Это для него, въ лицѣ его предковъ, цезари выстроили колизей и устраивали тріумфальные въѣзды и шествія, бои

гладіаторовъ. Это для него средневѣковые папы устраивали игрища на Монте-Тестаччьо и торжественныя религіозныя процессіи по улицамъ и площадямъ.

Вы изъ Петербурга? Вы изъ Берлина? Вы изъ Лондона?

— Говорятъ, это *тоже* большіе города. Давно ихъ выстроили? Двѣсти, триста, пятьсотъ лѣтъ назадъ? А-а!

Тогда, когда цезарь Августъ *перестраивалъ* устарѣвшій кирпичный Римъ на Римъ мраморный, что было тамъ, гдѣ теперь стоятъ ваши Петербурги, Берлины, Лондоны?

Старая, густая, алая кровь. Кровь сотенъ поколѣній. И эта кровь, она имѣетъ свою память. Она помнитъ и то, какъ Римъ предписывалъ законы міру, и то, какъ „дѣвственные люди" ордами наплывали на Римъ и терзали Римъ, и сплывали.

Въ этой крови опытъ трехъ тысячъ лѣтъ. Все было, все испытано, все, въ сущности, перепробовано, и всему опредѣлена цѣна.

Она помнитъ звонкія рѣчи Гракховъ и уходъ плебеевъ на Яникульскій холмъ, первую историческую забастовку пролетаріата. Она помнитъ всенародные суды. Она не забыла проповѣди обновленія міра при посредствѣ новой религіи. Кровь „римскаго римлянина",—она сохранила въ себѣ память о безчисленныхъ попыткахъ перестроенія жизни на новыхъ началахъ, и память крушенія этихъ попытокъ.

И поневолѣ эта кровь хранитъ въ себѣ элементы насмѣшливаго скептицизма и цинизма.

Все, все было. Ничѣмъ не удивить.

За девятнадцатое столѣтіе у romano de Roma былъ въ прошломъ свой поэтъ, такой же по духу истинный римскій римлянинъ, Джоваккино Белли, авторъ удивительныхъ сонетовъ, восхищавшихъ нашего Гоголя. Въ этихъ сонетахъ, язвительно-сатирическихъ, эпически циничныхъ, безпощадно откровенныхъ, Белли мастерски обрисовалъ весь бытъ „romano de Roma" своихъ дней, то-есть начала и первой половины девятнадцатаго вѣка.

Долго на смѣну Белли не приходилъ никакой другой поэтъ римскаго диалекта, пока не появился Чезаро Пескарелла, не обладавшій и половиною таланта Белли.

За послѣдніе годы, когда и самъ „romano de Roma" какъ то стерся, ушелъ въ тѣнь, оттиснутый нахлынувшею на Римъ толпою пришельцевъ безъ римскихъ традицій, когда самый „романеско" почти вымеръ, неожиданно выдвинулся молодой римскій поэтъ Салустри, пишущій подъ псевдонимомъ Трилусса.

Трилусса, истинное дитя римской улицы, является неподражаемымъ выразителемъ психологіи „romano de Roma".

Онъ остръ и колючъ, онъ ядовитъ. Его шутка, убивающая наповалъ, зачастую груба, какъ шутка центуріона былыхъ дней. Его насмѣшка сплошь и рядомъ цинична.

Любимою формою творчества Трилуссы является излюбленная самимъ народомъ форма басни.

Ею Трилусса бросаетъ въ толпу, не заботясь о томъ, въ чью голову попадетъ камень, чей черепъ раскроитъ.

Подвернулся пурпуроносецъ, прелатъ,—камень летитъ въ прелата. Вѣдь Белли „цѣпялъ" даже его святѣйшество, папу Пія IX ...

Попался на зубокъ Трилуссы лидеръ партіи соціалистовъ,—достается и ему.

Вѣдь когда орудовалъ Кола ди Рэнца,—развѣ мало язвительныхъ прибаутокъ пустилъ тогдашній „romano de Roma" по адресу народнаго трибуна, пытавшагося изъ обломковъ великаго прошлаго создать нѣчто новое?

Шла мимо красивая дѣвушка. Трилусса сопровождаетъ потокомъ насмѣшекъ и ея: вѣдь изъ прелестной, чистой, какъ цвѣтокъ, дѣвушки завтра выйдетъ грудная матрона, неохватная и грузная самка, или же [illegible] кастрикотъ, въ культѣ [illegible] тѣла.

Зачастую Трилусса беретъ для своихъ басенъ уже старыя, давно использованныя темы. Но онъ трактуетъ ихъ со своей точки зрѣнія, именно какъ romano de Roma.

Лягушка, встрѣтивъ вола, вздумала съ нимъ сравняться и принялась дуться. Дулась, дулась, потомъ...

Потомъ спохватилась:

— Что это я? Вѣдь одна моя подруга этакъ дулась, дулась да и лопнула! Нѣтъ, покорно благодарю!

Съ воломъ мнѣ, конечно, не сравняться! Но съ меня вѣдь совершенно достаточно и того, что я уже сдѣлалась толще всѣхъ остальныхъ членовъ нашего профессіональнаго союза! Баста!

Попрыгунья стрекоза лѣто красное пропѣла, оглянуться не успѣла, какъ въ глаза катитъ зима. Стрекоза, которую трудолюбивый муравей уговариваетъ вернуться къ добродѣтельно-трудовой жизни, пугая ее опасностями зимы, однако, и въ усъ не дуетъ. Приходитъ зима, и, къ удивленію и огорченію запасливаго муравья, стрекоза распѣваетъ попрежнему, тогда какъ, по всѣмъ правиламъ, должна была околѣть отъ холоду и голоду подъ заборомъ.

— Какъ это ты ухитрилась устроиться?—освѣдомляется муравей.

— Вотъ еще?! — фыркаетъ красивая стрекоза.—А кузнечикъ, который теперь около меня лѣтомъ, на что? Просто, сдѣлалась его содержанкою. Обираю его. Вѣдь я же красива! Вотъ и все!

Блоха побывала при дворѣ, на королевскомъ балу, и описываетъ свои впечатлѣнія. Шутка ли сказать: побывала въ кружевахъ панталонъ какой-то принцессы!

Взволнованный паукъ, другъ блохи, освѣдомляется:

— Ну, а король? Какъ онъ тебя принялъ? Удостоилъ рукопожатія? Что сказалъ? И кстати: какъ это ты ухитрилась добиться доступа ко двору?

— Я, братъ, сообразительна!—отвѣчаетъ блоха. — Я дальновидна! Заблаговременно забралась въ чулокъ... лидера соціалистовъ. Знала, что вѣдь рано или поздно быть ему при королевскомъ дворѣ! И, вотъ... [1])

Блоха-анархистка попала внутрь часовъ, увидѣла весь сложный механизмъ, воспламенилась гнѣвомъ и порѣшила:

— Погибну геройски, но погублю и весь этотъ сложный механизмъ!

Героиня анархіи бросается внутрь колесъ и рычаговъ механизма въ полной увѣренности, что своимъ тѣломъ заклинитъ рычаги и колеса. Но увы!... Ея тѣло истерто въ порошокъ. А часы? Часы идутъ попрежнему.

Трилусса воображаетъ, что онъ женился на страстно полюбившейся ему красивой женщинѣ. Живетъ съ нею... и вспоминаетъ годы далекаго дѣтства:

— Была прелестная кукла. Кукла, которая казалась ему ангеломъ небеснымъ, идеаломъ красоты и доброты. Заинтересовало ребенка: а что же, собственно, внутри? Пропороль дыру въ лайкѣ, и... посыпалась труха. Подъ красивою оболочкою—труха.

Католическій священникъ добрался до дверей рая и на дверяхъ увидѣлъ объявленіе, въ которомъ перечисляются всѣ категоріи грѣшниковъ, лишенныхъ доступа въ царствіе небесное:

„Блудники. Чревоугодники. Сребролюбцы. Клеветники. Жестокосердые“.

— Ассерісchia!—восклицаетъ на „романэско“ священникъ, повинный во всѣхъ перечисленныхъ прегрѣшеніяхъ. — Однако оказывается, и здѣсь орудуютъ... антиклерикалы?!

Трилусса любуется бассейномъ фонтана: какъ чисты и прозрачны тихія воды! Какъ гармонично журчатъ струи! Какой покой!

Но, вотъ, однажды, глазъ его замѣчаетъ, что на днѣ бассейна валяются осколки неудобоназываемой посудины. Поэтъ загорается негодованіемъ, и при-

---

[1]) Басня появилась послѣ „поправѣнія“ Энрико Ферри и визита къ королю популярнаго Бовеми.

нимается извлекать со дна бассейна осколки посудины, орудуя палкою, загребая руками. Результатъ одинъ: со дна поднялась вся гниль, вся муть, вся слизь. Осколковъ посудины уже не видно, но и „тихая", и „прозрачная" вода исчезла: весь бассейнъ наполнился грязью...

И такъ далѣе.

Скептическое и холодно-циническое отношеніе къ жизни—это именно отношеніе типичнаго „romano de Roma".

Истинный „римскій римлянинъ" съ своею старою и злопамятною кровью,—онъ слишкомъ много видѣлъ и помнитъ, чтобы что-либо принимать на вѣру, питать какія-либо иллюзіи.

„Romano de Roma" по пальцамъ перечтетъ вамъ сотни высокоаристократическихъ родовъ Рима, титулы которыхъ получены отъ щедрыхъ папъ своего времени, отъ тѣхъ папъ, которые дѣлали графами своихъ поваровъ, баронами своихъ парикмахеровъ, маркизами своихъ конюховъ, и давали княжескіе титулы красивымъ куртизанкамъ.

Да развѣ онъ, „romano de Roma", позабылъ, что принцы Колонна офиціально носятъ титулъ „Бриганти Колонна",—т.-е. Колонна-Разбойники?

Да развѣ онъ когда-нибудь позабудетъ то, что творили Барберини и Гаэтани?

Можетъ быть, „римскій римлянинъ" можетъ уважать буржуазію?

Увы! Онъ не позабылъ еще того, какъ эта буржуазія образовывалась изъ домашней челяди разбойниковъ-бароновъ, подбирая крохи отъ ихъ стола, за блюдолизничество, за сводничество, за пособничество при грабежахъ урывала клочки баронскихъ земель и строила домишки на чужихъ, отнятыхъ земляхъ...

Религія?

Но развѣ онъ позабылъ, какъ фабриковались десятками новые святые и святыя? Развѣ онъ не наблюдалъ и не наблюдаетъ по сей день жизнь десятковъ тысячъ переполняющихъ Римъ „прота" и монаховъ, происхожденія капоциковъ и прелатовъ?

Правъ тотъ, кто силенъ. Сладко ѣстъ и сладко пьетъ тотъ, кто безстыденъ. Преуспѣваетъ въ жизни тотъ, кто нагъ и мѣдолобъ. Богатъ не тотъ, кто работаетъ, а тотъ, кто умѣетъ жить на чужой шеѣ и заставлять работать другого.

Честь, достоинство, благородство—это вода въ бассейнѣ фонтана. Можно приходить въ восторгъ, если не присматриваться слишкомъ пристально.

И не будь дуракомъ: не вздумай очищать бассейнъ жизни, вытаскивая заваливающую дно грязь. Сейчасъ она, по крайней мѣрѣ, улеглась, спластовалась тамъ, и не тревожитъ поверхностнаго взора. А стоитъ эту дрянь разворошить подъ предлогомъ чистки,—пиши пропало. Погибнутъ всѣ твои иллюзіи!

Бери жизнь такою, какова она есть, не мудрствуя лукаво. И упаси Боже—не вздумай своею „геройскою смертью" заставить остановиться всю громоздкую машину: колеса строя безъ жалости, быть можетъ, даже не замѣчая ни тебя, ни твоего „геройства", изотрутъ въ порошокъ твое тѣло.

Но жить надо. Зачѣмъ? Я не знаю! Но вѣдь я же не знаю и того, зачѣмъ убивать себя! Такъ лучше же я буду жить. Только, ради Бога, безъ иллюзій!

Все было, все видѣно, все слышано. Ничего, нѣтъ, рѣшительно ничего новаго не придумаешь. Все суета суетъ и всяческая суета.

Но, съ другой стороны, если представляется случай позабавиться, — забавляйся! Любится? Люби! Хочется смѣяться? Смѣйся!

Такова жизненная философія Трилуссы. Но это не его собственная философія, а философія того своеобразнаго, единственнаго въ мірѣ племени, которое породило Трилуссу и питаетъ его.

Четыре книжки Трилуссы за послѣдніе три года разошлись въ количествѣ около сорока тысячъ экземпляровъ, въ то время, когда, по общему мнѣнію, книга въ Италіи совсѣмъ не идетъ:

когда стихи могутъ издаваться честолюбивыми авторами лишь для собственнаго самоуслажденія; когда гніютъ на полкахъ высоко поэтическія и патріотическія произведенія „божественнаго“ Габріэля д'Аннунціо...

Стихотворенія Трилуссы читаются букальво всею Италіею. Его колючіе и ядовитые басни и сонеты заучиваются на память. Его прибаутки входятъ въ обиходъ, какъ народныя пословицы.

У него уже нарождаются подражатели, образуется „школа Трилуссы“, пытающаяся возродить литературу на „романеско“. Собственно говоря, не боясь впасть въ преувеличеніе, можно назвать Трилуссу самымъ популярнымъ авторомъ современной Италіи.

И нѣтъ никакихъ сомнѣній, что и его, какъ въ свое время Джоаккино Белли, римляне почтятъ современемъ постановкою памятника гдѣ-нибудь въ Трастеверинской части города.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ никакихъ сомнѣній, что всѣми усиліями Трилуссы и его школы спасти „романеско“ отъ гибели нельзя.

Тотъ періодъ, когда „romano de Roma“ могъ жить до извѣстной степени обособленной отъ остального міра жизнью, уже прошелъ. „Romano de Roma“ растворяется въ густой массѣ пришлаго населенія. „Ромавэско“ перерождается, вырождается, вымираетъ.

Еще нѣсколько десятилѣтій, и, вѣроятно, этотъ типъ, выжившій тысячелѣтія, совсѣмъ исчезнетъ подъ бурнымъ, все обезличивающимъ натискомъ новой, на обще-европейскій складъ строящейся жизни. Вымретъ и старая психологія, какъ почти уже вымеръ старый римскій бытъ.

М. Первухинъ.

III. Историческая наука.

Евреи и капитализмъ.

Книга Зомбарта „Евреи и хозяйство“ успѣла уже вызвать богатую литературу. И неудивительно. Эта книга представляетъ большой интересъ не только по своему содержанію, но и по самой постановкѣ проблемы. Разсматривая роль евреевъ въ хозяйственной жизни, пытаясь учесть вліяніе еврейской особенности, еврейской религіи на развитіе хозяйственныхъ отношеній, Зомбартъ чисто безсознательно подошелъ къ проблемѣ экономическаго матеріализма, ибо онъ ставитъ вопросъ о взаимодѣйствіи субъективныхъ и объективныхъ факторовъ, духа и матеріи, религіи и хозяйства. Правда, Зомбартъ не сознаетъ этого первоисточника: проблема эта дошла до него черезъ Зиммеля (Philosophie des Geldes) и Вебера, которые тоже пытались опредѣлить взаимозависимость между жизнью духа и матеріи.

Какъ извѣстно, Зомбартъ полагаетъ, что одними объективными моментами нельзя объяснить появленіе капитализма. Капитализмъ требуетъ соотвѣтственной психологіи и притомъ именно такой психологіи, такихъ субъективныхъ носителей, какихъ капиталистическое хозяйство нашло въ евреяхъ. Безъ евреевъ не было бы капитализма. Евреи развили торговлю съ колоніями, они создали всѣ специфическіе институты капиталистическаго хозяйства: вексельное право, банковое дѣло, биржу, акціонерныя компаніи, развили денежное и кредитное обращеніе. Раціонализмъ и телеологизмъ, которые, по мнѣнію Зомбарта, составляютъ основныя свойства еврейской расы и еврейскаго духа, являются необходимымъ условіемъ капиталистическаго хозяйства. Конечно, евреи представляютъ собою одну только субъективно психологическую форму капитализма, лишенную матеріальнаго содержанія, и по-

этому одни евреи не могли бы создать капитализма. Современный европейскій капитализмъ представляется Зомбарту случайнымъ столкновеніемъ заброшеннаго номадическаго народа Азіи съ лѣсными народами Европы, сочетаніемъ коммерческихъ талантовъ евреевъ съ высоко развитою техникою, которую создали германскіе народы.

Наиболѣе обстоятельной критикѣ подвергнуты были положенія Зомбарта со стороны Ю. Гутмана. [1]) Гутманъ доказываетъ, что капитализмъ европейскихъ странъ развился помимо евреевъ. Параллелизмъ, на который указываетъ Зомбартъ, параллелизмъ между переселеніемъ евреевъ изъ Испаніи и Португаліи въ Голландію и Англію и одновременнымъ перемѣщеніемъ центра мірового хозяйства изъ Испаніи, Португаліи, южной Германіи въ сѣверныя страны,—Гутманъ объясняетъ просто тѣмъ, что евреи направились въ тѣ страны, гдѣ развитіе торговли и промышленности открывало просторъ для ихъ дѣятельности.

Гутманъ указываетъ на то, что какъ упадокъ южныхъ, такъ и развитіе сѣверныхъ странъ произошли независимо отъ евреевъ, что развитіе сѣверныхъ странъ началось до появленія, а упадокъ южныхъ странъ начался гораздо позже изгнанія евреевъ. Можно сказать, что уходъ или появленіе евреевъ въ тѣхъ или другихъ странахъ только усиливали темпъ ихъ экономическаго развитія, но не опредѣляли характера и направленія этого развитія. Такъ, въ Англіи евреи болѣе или менѣе значительными массами появляются только при Кромвелѣ, т.-е. въ серединѣ XVII вѣка, а между тѣмъ капиталистическое и колоніальное развитіе Англіи начинается еще съ XV вѣка, а къ концу XVI вѣка, при Елизаветѣ, это развитіе, какъ извѣстно, достигаетъ уже значительныхъ размѣровъ. И тоже Голландія, куда евреи явились раньше, чѣмъ въ Англію, положила всѣ основы своего хозяйственнаго и колоніальнаго могущества задолго до появленія первыхъ евреевъ въ Амстердамѣ въ 1593 году. Остъ-индская компанія основывается безъ всякаго участія сотрудничества евреевъ. Невѣрно все представленіе Зомбарта, будто въ міровой торговлѣ Голландіи левантинская торговля занимала очень большое мѣсто, и что евреи играютъ крупную роль въ этой торговлѣ. Напротивъ, изслѣдованія Прингсгейма показываютъ, что торговля Голландіи въ Сѣверномъ и Восточномъ моряхъ и съ Франціей и Англіей значительно превосходила въ XVI и XVII вѣкахъ ея торговлю на Средиземномъ морѣ. Во всѣхъ же этихъ отрасляхъ торговли евреи почти совсѣмъ не участвовали. Что касается участія евреевъ въ левантинской торговлѣ, то Ветьенъ доказалъ, что еврейскіе купцы играли тамъ самую незначительную роль, что въ спискѣ левантинскихъ торговцевъ первый еврейскій купецъ занимаетъ только седьмое мѣсто.

Точно также и упадокъ южныхъ странъ не стоитъ въ связи съ уходомъ евреевъ. Въ большинствѣ случаевъ изгнаніе евреевъ изъ этихъ странъ происходило въ XV вѣкѣ, а упадокъ этихъ странъ начинается съ XVII или съ конца XVI вѣка, а въ нѣкоторыхъ странахъ послѣ ухода евреевъ замѣчался даже извѣстный расцвѣтъ.

Уже изъ предыдущаго явствуетъ, что и въ развитіи колоніальной торговли евреи не играютъ той роли, какую приписываетъ имъ Зомбартъ. Остъ-индская компанія была основана въ Голландіи помимо евреевъ, и [illegible], не имѣвшихъ никакой роли въ установленіи торговли съ колоніями. Для увѣренности Зомбарта, что евреи въ этой колоніальной торговлѣ [illegible] [illegible] гуманитарными или [illegible] гуманитарными, [illegible] остъ-индскихъ владѣній Голландіи—[illegible] на будущаго [illegible]

[1]) *Julius Gutmann.* „Die Juden u. das Wirtschaftsleben". Archiv für Sozialwissenschaft. Januar 1913.

тельствахъ. Если подвергнуть тщательному осмотру портреты этихъ губернаторовъ, то можно открыть въ нихъ еврейскія черты. Пранда, про одного генералъ-губернатора Явы у Зомбарта имѣется болѣе вѣское доказательство его еврейскаго происхожденія. А именно: онъ носитъ фамилію Коэнъ, что напоминаетъ еврейскую фамилію Конъ. Однако, нѣкоторые, какъ Рахфаль, подвергаютъ сомнѣнію и это доказательство, указывая на то, что Коэнъ есть обычное голландское сокращеніе Конрада. Роль евреевъ въ остъ-индской компаніи такимъ образомъ очень ограничена. А между тѣмъ въ развитіи современнаго колоніальнаго хозяйства Остъ-индія занимаетъ не меньшее мѣсто, чѣмъ Америка. Для колоніальнаго хозяйства Голландіи же, и это можно сказать съ нѣкоторымъ ограниченіемъ даже въ отношеніи Англіи, она и до сихъ поръ имѣетъ преимущественное значеніе.

Только въ Южной Америкѣ евреи играли руководящую роль, какъ въ испанскихъ, такъ и въ португальскихъ, какъ въ голландскихъ, такъ и во французскихъ колоніяхъ. Напротивъ, относительно Сѣверной Америки можно съ полной увѣренностью сказать, что евреи не играли тамъ никакой роли. Уже давно было отмѣчено, что какъ разъ эта классическая страна современнаго капитализма развилась безъ содѣйствія евреевъ. Какъ ни старался Зомбартъ оспорить это положеніе, но и онъ приводитъ тотъ фактъ, что еще въ концѣ XVIII вѣка на 5 милліоновъ американскаго населенія приходилось всего 3 тыс. евреевъ.

Характерная особенность капиталистическаго хозяйства состоитъ въ томъ, что всѣ хозяйственныя отношенія—какъ производство, такъ и обмѣнъ, становятся безличными, что они объективируются. Этотъ процессъ объективизаціи и коммерціализаціи всѣхъ хозяйственныхъ отношеній обязанъ своимъ происхожденіемъ, по мнѣнію Зомбарта, однимъ только евреямъ. Евреи выработали всѣ объективные институты главваго орудія обмѣна, именно кредита. Уже въ талмудическомъ правѣ кредитъ носитъ, по мнѣнію Зомбарта, объективный, безличный характеръ и, тогда какъ въ римскомъ правѣ кредитъ обозначаетъ отношеніе между конкретными лицами, между данными должниками и данными кредиторами, онъ въ Талмудѣ выражаетъ только объективныя отношенія, представляя, съ одной стороны, только требованіе, а съ другой стороны, обязательство, долгъ.

Исторія развитія орудій кредитнаго обращенія дѣйствительно подтверждаетъ, по мнѣнію Зомбарта, эти апріорныя предположенія. Правда, переводъ (индоссаментъ) векселей получилъ свою окончательную форму на генуэзскихъ мессахъ (ярмаркахъ) въ XVII вѣкѣ, когда въ Генуѣ уже не было евреевъ. Но это не останавливаетъ Зомбарта. Онъ объясняетъ это обстоятельство просто тѣмъ, что многіе евреи, чтобы избѣжать изгнанія, приняли христіанство. Правда, на этихъ мессахъ не встрѣчается даже финансиста съ еврейскимъ именемъ. Но и это не смущаетъ Зомбарта. Желая скрыть свое происхожденіе, эти евреи вмѣстѣ съ христіанствомъ приняли и чужія фамиліи. Гдѣ же, однако, положительное доказательство, что евреи бывали на генуэзскихъ мессахъ, и что они выработали индоссаментъ векселей. Доказательство это въ томъ, что Зомбартъ не можетъ допустить, чтобы „генуэзская знать сразу проявила въ XVI вѣкѣ такую подвижность и такія дѣловыя способности, какихъ она никогда до того не обнаруживала“.

Зомбартъ не можетъ также привести ни одного доказательства того, что евреи выработали понятіе объ акціи, какъ объ объективномъ долевомъ участіи въ предпріятіи. Но онъ думаетъ, что это можно вывести изъ того, что евреи первые занимались биржевою спекуляціей, и что они выработали бумагу на предъявителя. Какъ же онъ доказываетъ эти

послѣднія положенія? Евреи, по Зомбарту, родоначальники биржевой спекуляціи. Зачатки биржевой спекуляціи слѣдуетъ, по мнѣнію Зомбарта, искать въ началѣ XVII столѣтія въ Амстердамѣ, когда началась усиленная спекуляція акціями остъ-индской компаніи. Но, во-первыхъ, евреи только появились тогда въ Амстердамѣ (1593 г.) и, слѣдовательно, они не могли еще играть такой опредѣляющей роли на биржѣ. Во-вторыхъ, мы знаемъ, что остъ-индская компанія была основана помимо евреевъ. Въ третьихъ, изслѣдованіе Эренберга (Das Zeitalter der Fugger) прямо доказываетъ, что среди виновниковъ этой первой биржевой спекуляціи вовсе не было евреевъ. Вообще, изслѣдованія Эренберга достаточно показали, что къ этому времени, т.-е. къ концу XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, т.-е. какъ разъ въ ту эпоху, когда были созданы всѣ формы современнаго кредитнаго обращенія и биржевой спекуляціи, евреи играютъ въ финансовомъ мірѣ очень незначительную роль и рѣдко встрѣчаются среди финансовыхъ дѣятелей Европы.

Идея бумаги на предъявителя находитъ, по мнѣнію Зомбарта, свое полное выраженіе уже въ Талмудѣ. Онъ ссылается на извѣстное мѣсто въ Талмудѣ (трактатъ Баба Батра 172). Однажды передъ судебной комиссіей рабби Ханы былъ предъявленъ документъ, въ которомъ сказано было: „Я N сынъ N занялъ у тебя мину серебра". Рабби Хана рѣшилъ: „У тебя, значитъ у эксилярха, у тебя, значитъ и у царя Сопора!" Зомбартъ, ссылаясь на Ауэрбаха („Das jüdische Obligationenrecht") интерпретируетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что каждый можетъ предъявить этотъ документъ, хотя бы онъ не былъ дѣйствительнымъ кредиторомъ. На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго обсужденія, вопросъ идетъ о томъ, можетъ ли даже дѣйствительный кредиторъ предъявить этотъ документъ, хотя бы въ документѣ и не было обозначено его имя. Именно такъ понимали это мѣсто всѣ еврейскіе комментаторы Талмуда, и въ такомъ смыслѣ рѣшаютъ самые позднѣйшіе кодификаторы еврейскаго права. Такъ, извѣстный кодификаторъ Іосифъ Каро, жившій въ XVI вѣкѣ, говоритъ: „съ документомъ, въ которомъ сказано: „я такой то, сынъ такого-то, занялъ у тебя мину" можетъ каждый, кто его предъявляетъ, потребовать уплаты, ибо онъ утверждаетъ: ты у меня занялъ, и я не долженъ былъ въ документѣ обозначать своего имени, такъ какъ, при передачѣ документа, ты писалъ: я занялъ у тебя".

Этотъ документъ имѣетъ такимъ образомъ по своей правовой конструкціи очень мало общаго съ бумагой на предъявителя. Только въ XIII и XIV столѣтіяхъ постепенно изъ этой практики вырабатывается понятіе о бумагѣ на предъявителя, освобожденной отъ отношенія къ кредитору. Такъ, въ responsahъ рабби Ашера, жившаго въ Испаніи въ началѣ XIV вѣка (№ 68,8) и Соломона бенъ Адреша (№ 929) мы находимъ, что къ нимъ обратились съ вопросомъ, долженъ ли предъявитель такого документа имѣть особое свидѣтельство о передачѣ (жиро) со стороны первоначальнаго кредитора. Изъ этого вопроса вытекаетъ съ очевидностью, не допускающей никакого сомнѣнія, что идея бумаги на предъявителя чужда еврейскому праву. Наконецъ, въ раввинской литературѣ имѣется прямое указаніе на то, что бумага на предъявителя выработана не евреями. Къ жившему въ Германіи въ XIV вѣкѣ рабби Израилю Исраилсу обратились съ вопросомъ о передачѣ долговыхъ документовъ, при чемъ указывается, что въ нееврейскихъ кругахъ практикуется, что ростовщикъ обязуется уплатить кредитору и каждому предъявителю бумаги (responsa Israel. № 331).

Вся конструкція талмудическаго обязательственнаго права, которую даетъ Зомбартъ у Ауэрбаха и по которому кредитныя отношенія освобождены будто бы отъ отношенія къ лицамъ, въ

корнѣ, слѣдовательно, невѣрна, Ауэрбахъ просто вноситъ въ талмудическіе источники взгляды позднѣйшихъ комментаторовъ. На самомъ же дѣлѣ кредитъ и по Талмуду выражаетъ отношенія лицъ, и правъ Гольдшмидтъ, который говоритъ, что какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка мысль о возможности обязательства по отношенію къ неопредѣленнымъ лицамъ, идея, что бумага можетъ быть носителемъ заложеннаго въ ней обязательства по отношенію къ каждому держателю ея, была совершенно чужда правовому сознанію евреевъ.

Болѣе интересными и убѣдительными являются слѣдующія положенія Зомбарта. По мнѣнію Зомбарта, евреи внесли въ хозяйственную жизнь европейскихъ народовъ новый образъ мыслей (Gesinnung), который долженъ былъ проложить путь развитія капитализму. Въ тихій покой хозяйства европейскихъ народовъ, направленнаго на удовлетвореніе собственныхъ потребностей (Bedarfswirtschaft), они внесли образъ мыслей капиталистическаго хозяйства съ его необузданнымъ стремленіемъ къ экспансивности, къ наживѣ. Въ феодально-цеховую организацію хозяйства съ его принципомъ сословнаго разграниченія сферы дѣятельности каждаго, съ идеаломъ „пропитанія", они внесли принципъ свободной неограниченной конкуренціи съ идеаломъ безконечнаго накопленія. Евреи являются элементомъ, разлагающимъ всѣ прежнія основы хозяйства. Въ своей конкуренціи они не считаются со справедливой цѣной, обезпечивающей каждому нормальный доходъ, соотвѣтствующій его соціальному положенію. Многочисленныя жалобы на евреевъ, на которыя ссылается Зомбартъ, раздававшіяся въ различныхъ странахъ въ большинствѣ случаевъ со стороны заинтересованныхъ христіанскихъ круговъ, конечно, не могутъ служить доказательствомъ. Эти жалобы являются типичною реакціею ремесленнаго и торговаго сословія на всякую конкуренцію чужихъ и раздавались не только противъ евреевъ.

Болѣе вѣскимъ представляется другое доказательство Зомбарта. Онъ противополагаетъ еврейскую коммерческую мораль нормамъ морали христіанскихъ купцовъ. Эта норма исходила изъ идеала „пропитанія", изъ того, что производитель и торговецъ должны заработать на свое существованіе. Поэтому она принципіально ограничивала сферу дѣятельности каждаго, устраняла соперничество, конкуренцію. Еврейская же мораль не считалась со всѣми этими требованіями. Переманивая покупателей, понижая цѣны, рекламируя себя, евреи вовсе не чувствовали, что они совершаютъ безнравственное дѣло. Гутманъ справедливо указываетъ, однако, что по отношенію къ евреямъ еврейская мораль знаетъ тотъ же идеалъ „пропитанія", справедливой цѣны и защиты интересовъ каждаго отъ конкуренціи и соперничества. Еврейское право требуетъ уваженія источника доходовъ другихъ. Библейскій запретъ „не нарушай предѣловъ ближняго" толкуется въ расширенномъ смыслѣ, по которому возбраняется вторженіе въ чужую сферу хозяйственной дѣятельности. И если евреи всетаки нарушали это требованіе, то это объясняется тѣмъ, что они всегда жили среди чужихъ. По отношенію къ чужимъ, съ которыми отсутствуютъ всякія узы солидарности, на мѣсто традиціонной морали выдвигается формальное право. Поэтому не въ силу расовыхъ особенностей, какъ думаетъ Зомбартъ, а въ силу особенныхъ историческихъ условій евреи оказались способными развить ту практику, которая на мѣсто нормъ традиціонной морали выдвинула принципы формальнаго права. Правда, нельзя отрицать и того, что здѣсь сыграли роль и универсалистическіе моменты еврейской культуры, освободившіе ихъ отъ всего традиціоннаго, даже отъ родной почвы и способствовавшіе тому, что они въ своей дѣятельности больше придерживались формальнаго права, чѣмъ традиціонной морали.

Утвержденіе же Зомбарта, что эти черты вытекаютъ изъ сущности еврейской расы, что онѣ присущи еврейскому племени, какъ народу вообще, и что евреи обнаруживаютъ эти черты въ теченіе всей своей исторіи, что даже въ Палестинѣ евреи занимались не земледѣліемъ, а преимущественно торговлею деньгами, абсолютно невѣрно.

Ссылки Зомбарта на Библію и Талмудъ основаны въ большинствѣ случаевъ на совершенно произвольномъ толкованіи. Зомбартъ приводитъ, во-первыхъ, разсказъ изъ Исеміи (гл. 5), гдѣ бѣдные евреи жалуются, что для уплаты царскихъ податей они заложили другимъ евреямъ свои земли и даже своихъ дѣтей. Но весь этотъ разсказъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ профессіональнымъ ростовщичествомъ, а съ займомъ, вызваннымъ стѣсненнымъ положеніемъ по чисто случайнымъ причинамъ. Такіе случайные займы деньгами или натурой встрѣчаются именно у земледѣльческихъ народовъ, у которыхъ еще преобладаетъ натуральное хозяйство. Вторая цитата, приводимая Зомбартомъ, говоритъ какъ бы дѣйствительно о профессіональномъ занятіи ростовщичествомъ. Это мѣсто гласитъ такъ: „Ибо Господь благословитъ тебя, и ты будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы“ (Второзаконіе, 156). Гутманъ вполнѣ правильно доказываетъ однако, что здѣсь рѣчь идетъ именно не о денежныхъ займахъ, а о займахъ натурою, доставляемыхъ богатымъ земледѣльцемъ его обѣднѣвшему сосѣду. Это вытекаетъ изъ всего контекста этого мѣста, какъ и изъ другого мѣста Библіи: „Ибо Господь Богъ откроетъ для тебя сокровищницу свою: небо, чтобы оно давало дождь землѣ твоей въ свое время и чтобы благословлять всѣ дѣла рукъ твоихъ, и будешь давать взаймы другимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы“ (Второзаконіе, 28, 2), и изъ сопоставленія этого мѣста въ упрекахъ о наказаніи (Второзаконіе, 28, 43, 44). Мѣсто же въ Талмудѣ, на которое ссылается Зомбартъ, въ которомъ будто бы утверждается, что у евреевъ никогда не переводились деньги, что деньги, взятыя ими во исходѣ изъ Египта, всегда возвращались къ нимъ, совершенно непонято имъ. Тамъ въ дѣйствительности говорится, что деньги, взятыя изъ Египта, были возвращены обратно въ Египетъ египетскимъ царемъ Шишакомъ (Царствъ 1,14,25. Трактатъ Песахимъ, 87б).

Такимъ образомъ основное положеніе Зомбарта, что капитализмъ немыслимъ безъ евреевъ, и что евреи были необходимымъ элементомъ развитія капиталистическаго хозяйства, несомнѣнно невѣрно. Объективныя условія вызвали капиталистическое развитіе европейскихъ странъ и эти же объективныя условія создали соотвѣтствующую капиталистическую психологію у европейскихъ народовъ.

Зомбартъ только вѣрно схватилъ сущность евреевъ, объявляя ихъ субъективными носителями капиталистическаго хозяйства par excellence. Но и это вытекаетъ не изъ расовыхъ особенностей еврейства, какъ думаетъ Зомбартъ, а изъ особенностей универсалистической культуры евреевъ въ сочетаніи съ историческими условіями ихъ жизни въ діаспорѣ.

С. О. Марголинъ.

IV. Религія и церковь.

1. Изученіе религіи массъ.

По поводу книги Евг. Кагарова „Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ древней Греціи". Спб., 1913 г. Стр. 326.

Передъ нами книга, относящаяся къ области одной изъ самыхъ молодыхъ гуманитарныхъ наукъ, молодыхъ на Западѣ, а тѣмъ болѣе въ Россіи. Изученіе религіи, какъ одного изъ проявленій жизни народныхъ массъ, какъ одной изъ проблемъ науки объ эволюціи человѣческаго общества—едва началось. Религіей очищенной, религіей единицъ, прошедшей сквозь призму теологической спекуляціи и философіи, съ одной стороны, художественной обработки и поэтической легенды—съ другой, интересовались и занимались издавна, особенно въ области античной. Античныхъ боговъ, „вѣчно юныхъ, блаженныхъ и прекрасныхъ" запечатлѣнныхъ рѣзцомъ Праксителя или гекзаметромъ Гомера, знаетъ всякій, но какъ мало знакомы вѣрованія народной массы, греческаго рабочаго или италійскаго мужика, строившаго базу этой блестящей культуры и молившагося въ своей лачугѣ безчисленнымъ, неоформленнымъ богамъ и фетишамъ, имъ самимъ создаваемымъ!

А между тѣмъ, лишь на основѣ этой массовой и рудиментарной религіи возможенъ къ ней соціологическій подходъ, изученіе пережитковъ въ болѣе развитыхъ религіяхъ и выведеніе изъ этого нѣкоторыхъ обобщеній, выясненіе процесса развитія и простѣйшихъ элементовъ всякой религіи, которые сохраняются въ толщахъ народныхъ массъ и съ высоты религіи теологической и государственной считаются „суевѣріемъ". Изученіе этихъ суевѣрій есть поэтому вопросъ коренной важности для изученія исторіи развитія какъ человѣческаго сознанія, такъ и человѣческаго быта вообще.

Къ этой проблемѣ пытается подойти и книга Кагарова. По задачамъ она примыкаетъ такимъ образомъ къ новѣйшимъ теченіямъ въ исторіи религіи и на русскомъ языкѣ является одной изъ немногихъ въ данной области. Среди русскихъ мы знаемъ не мало этнографовъ, стяжавшихъ себѣ почетное имя и въ Европѣ, Богораза, Іохельсона, Штернберга, Михайловскаго, но къ Элладѣ съ этой точки зрѣнія не обращался еще почти никто.

По характеру работы книга Кагарова является прежде всего систематической. Какъ собраніе матеріала, она незамѣнима. Авторъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ детали, даетъ исчерпывающую классификацію фетишей, каменныхъ или деревянныхъ, натропутыхъ или обработанныхъ человѣческой рукою, растеній и животныхъ, которые играли роль въ греческой религіи. Слабость этой классификаціи состоитъ, однако, въ недостаточно выпуклой постановкѣ вопроса о томъ, почему именно обоготворялся *тотъ* или *иной* объектъ въ связи съ тѣмъ или инымъ богомъ. Лишь въ самомъ концѣ книги авторъ вскользь упоминаетъ объ этомъ, чтобы отвѣтить „non liquet" (стр. 315 „вопросъ объ отношеніи того или иного фетиша, растенія или животнаго къ божеству въ настоящее время рѣшить трудно"). Вѣрно то, что отвѣтъ *не всегда* возможенъ, но самый вопросъ первостепенно важный, и обойти его короткой фразой нельзя. Важенъ онъ для выясненія той основной эволюціи отъ магіи къ религіи, которую Кагаровъ какъ-то непонятно игнорируетъ. Освѣщенія прекрасно систематизированнаго имъ матеріала—нѣтъ. Между тѣмъ, въ культѣ растеній и животныхъ, примѣнительно къ тому или иному божеству, мы усматриваемъ опредѣленную закономѣрность и если въ рядѣ случаевъ связь для насъ и утеряна, то въ рядѣ другихъ она можетъ быть возстановлена. Такъ дѣлаетъ часто и самъ Кагаровъ;

нѣкоторые культы остаются совершенно необъясненными (напр., льва, волка, лошади, свиньи, яблока, розы и мн. друг.; стр. 153, 164, 217, 240, 268); для другихъ онъ даетъ ничего не говорящія тавтологическія толкованія, въ родѣ того, что „орелъ посвященъ Зевсу, потому что орелъ—символъ молніи“ (стр. 272), „ястребъ—Аполлону, потому что онъ вѣщій“ (стр. 274) и др.; но нѣкоторые онъ удачно пытается объяснить, напр., миндаль, гранатъ, собаку, голубя“ (стр. 147, 162, 228, 265). Однако эти обрывки мало даютъ намъ для вопроса объ эволюціи религіи и остаются висѣть въ воздухѣ; между тѣмъ, въ наукѣ въ этой области сдѣлано уже не мало, [1]) а именно, въ большинствѣ случаевъ, поддающихся выясненію, доказано, что такъ называемыя аттрибутныя растенія и животныя суть первоначальныя формы *самого* божества, что при развитіи отъ этихъ формъ къ антропоморфическимъ первоначальный образъ раздвоился: получился человѣкоподобный богъ и его священный звѣрь, растеніе и т. п. Раньше такое растеніе или животное было объектомъ магіи; именно, съ момента, какъ первобытное сознаніе признало въ немъ наличность жизненной силы, оно стало ее употреблять въ свою пользу или предохранять себя отъ ея вредныхъ проявленій, вырабатывая рядъ правилъ поведенія и дѣйствія по отношенію къ данному предмету; черезъ это онъ и подпадалъ подъ магію или волшебство.

Къ числу магическихъ дѣйствій относятся ритуальныя трапезы, ритуальное убійство, т.-е. закланіе и поѣданіе божества, чтобы пріобщиться его силѣ, миметическія пляски и т. п.

Эти формы *магическаго* культа надо отличать отъ культа *религіознаго* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, когда магическій объектъ обращается въ личное божество, которое надо *просить* и *умилостивлять*; на этой почвѣ развивается молитва и жертвоприношеніе. Въ книгѣ Кагарова это различіе не проведено; у него—полный разрывъ по существу между магіей и религіей, и первая относится какъ бы къ совершенно иной плоскости, о которой онъ не считаетъ нужнымъ и упоминать, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онѣ—звенья одной эволюціонной цѣпи. Правда, Кагаровъ проводитъ различіе между фетишемъ, съ одной стороны, и амулетомъ и талисманомъ—съ другой, и называетъ именно послѣдніе объекты магическими; но дѣлаетъ это у него чрезвычайно спутанно; онъ принуждаетъ повторяться и рядъ однихъ и тѣхъ же предметовъ относить въ обѣ рубрики; а эта двойственность объясняется только тогда, если мы установимъ, что одинъ и тотъ же предметъ изъ области магическаго воздѣйствія переходитъ въ область чисто-религіозной молитвы. Этой эволюціи авторъ не выясняетъ, какъ не различаетъ онъ обѣ формы и въ своей классификаціи обрядовъ, требуемыхъ надъ различными имъ объектами. У него красной нитью проходитъ понятіе фетиша, растенія и животнаго, не только какъ объекта чисто-религіознаго, а не магическаго культа, но и какъ „того предмета, въ которомъ обитаетъ духъ“. Если принять это чисто условное обозначеніе, то тогда въ три четверти отойдутъ объекты, называемые аттрибутными, и безформенные камни (стр. [illegible]), и органы человѣческаго тѣла, и рядъ растеній и животныхъ [illegible] „талисмановъ духа“; это—классификація нарочито сложная, что для нашей [illegible] представить [illegible] ясно; [illegible] не могутъ [illegible]чать съ представленіемъ о личныхъ [illegible]мостоятельныхъ духахъ, живущихъ въ предметахъ, [illegible]

[1]) Достаточно напомнить работы Rob. Smith'a („Relig. of the Semites“), Frazer'a („Golden Bough“), Reinach'a („Cultes, Mythes et Religions“), A. Lang'a, Jevons'a и др.

ныхъ душахъ, живущихъ въ человѣкѣ; для него все окружающее было просто дано, какъ живое, какъ самъ человѣкъ; этотъ примитивный *витализмъ* есть самый, можетъ быть, простой и неразложимый элементъ религіи. У Кагарова есть намеки на это пониманіе; онъ говоритъ: „каждое отдѣльное явленіе представляетъ собою существо, требующее жертвъ и поклоненія"; дальнѣйшимъ шагомъ является то, что „начинаетъ почитаться не самый предметъ, но духъ или демонъ, поселившійся внутри фетиша, растенія или животнаго" стр. 315). Мы можемъ поэтому не сомнѣваться, что автору хорошо извѣстна область „преанимизма", различіе между *имманентной жизненной силой* (стр. 15) и отдѣляющимся отъ предмета духомъ; но почему же въ своемъ анализѣ онъ упорно говоритъ лишь о второмъ, игнорируя именно первичныя формы, почему даже типичныя „тѣлесныя души"—органы тѣла, играющіе въ симпатической магіи роль pars pro toto—для него „обиталища духа?"

Это—главные и существенные упреки книгѣ Кагарова. Среди ея достоинствъ нельзя обойти молчаніемъ рядъ интересныхъ экскурсовъ—о буфоніяхъ, какъ о ритуальномъ убійствѣ (стр. 252), о ритуальномъ сѣченіи (стр. 124), о развитіи идола и о происхожденіи автропоморфическаго изображенія бога изъ „ксоанона"—неоформленнаго еще идола; хорошо освѣщена, какъ психологическое явленіе, первобытная стилизація и условность въ искусствѣ; дикарь, какъ и ребенокъ, довольствуется лишь намекомъ на сходство; но и это явленіе Кагаровъ недостаточно вводитъ въ общій рядъ эволюціи отъ магіи къ религіи; тѣмъ и объясняется условность фетиша, что онъ жизненнѣ самъ по себѣ, безотносительно къ его сходству съ человѣкомъ; что, далѣе, даже при переходѣ къ человѣкообразному еще дѣйствуетъ, въ силу закона магіи по сходству, даже небольшое сходство; что наконецъ, при полномъ переходѣ къ личному богу, требующему жертвъ и молитвъ, этотъ богъ долженъ уже вполнѣ удовлетворять человѣкообразному представленію о немъ, а не только быть магическимъ объектомъ, похожимъ на него.

Интересны и страницы о тотемизмѣ, разборъ его теорій, указанія на то, что не всякая зоолатрія есть непремѣнно тотемизмъ, что самый тотемизмъ, какъ первобытная соціальная связь между человѣческимъ и звѣринымъ кланомъ, развивается на гораздо болѣе широкомъ фонѣ вѣры въ оживленное животное царство вообще.

Такова эта новая книга,—чрезвычайно интересное явленіе въ области именно *русской* науки, какъ богатая систематизація матеріала, ожидающаго однако своего освѣщенія и соціологическаго обоснованія—будемъ надѣяться, со стороны самого автора.

Н. Брюллова-Шаскольская.

2. На перепутьѣ.

Мысли о соотношеніи матеріальнаго роста и религіозной культуры въ нашей дѣйствительности.

За послѣднее время въ русской жизни накопилось такъ много отрицательныхъ явленій, что вполнѣ законнымъ является вопросъ: куда же мы идемъ, въ какую форму въ ближайшемъ будущемъ выльется наша мятущаяся и, какъ кажется, не могущая себя осознать общественность? Внѣшняя сторона жизни, та повседневная дѣйствительность, которая бьетъ въ глаза и отражается въ литературѣ, въ искусствѣ, въ журналистикѣ,—все говоритъ о всеобщемъ духовномъ развалѣ и ребромъ ставитъ вопросъ, столь опредѣленно формулированный кн. Трубецкимъ въ его статьѣ „Новая земская Россія" [1]): „не рискуемъ ли мы съ ростомъ матеріальной

[1]) *Русская Мысль*, декабрь 1913 г.

культуры утратить ту величайшую духовную цѣнность, въ сравненіи съ которой—ничто всѣ матеріальныя блага"?

Попробуемъ формулировать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы думаемъ, что, несмотря на внѣшніе признаки оскудѣнія въ народѣ религіозности, въ которомъ его такъ обвиняютъ князья церкви, изъ глубинъ его подымается волна могучаго религіознаго движенія, разнообразнаго по проявленіямъ, но единаго по существу, которое можетъ быть охарактеризовано какъ исканіе праведной жизни, жизни по Божьей правдѣ. „Да пріидетъ Царствіе Твое"—для народа не только молитвенная формула, но дѣло жизни. Да пріидетъ Царствіе Твое не когда то, въ концѣ міровой исторіи, но сейчасъ, на землѣ,—такое пониманіе народъ вкладываетъ въ этотъ призывъ. Царствіе Божіе, Правда Его—въ устроеніи праведной, святой жизни, и въ стремленіи къ такому устроенію заключается вся сущность народнаго религіознаго движенія.

По условіямъ историческимъ народное богоисканіе выливается у насъ обычно въ форму сектантства, и къ этому такъ всѣ успѣли привыкнуть, что даже, напримѣръ, въ трезвенническомъ движеніи, чуждомъ сектантскаго духа, хотятъ непремѣнно видѣть уклоненіе отъ православія, и сообщества трезвенниковъ приравниваются то къ хлыстовщинѣ, то къ штундизму. Недавній процессъ братцевъ-трезвенниковъ воочію показалъ, какія мѣры принимаются для того, чтобы доказать еретичность трезвенничества, и самое гоненіе на братцевъ явно свидѣтельствуетъ, какъ плохо понимается защитниками офиціальной церковности подлинный духъ христіанства. Запросы народной мысли уже не удовлетворяются офиціальной церковностью—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Застывшая обрядность и сухой догматизмъ заслоняютъ собою подлинный ликъ Христовъ, а его то и ищетъ народъ, и это то толкаетъ наиболѣе сознательные элементы его на путь самостоятельнаго богоисканія, въ которомъ представители официальной церкви усматриваютъ религіозный индиферентизмъ, а то и атеизмъ. Правые круги общества также вопіютъ о безвѣріи народа, о паденіи его нравственности и взываютъ о воздѣйствіи власти въ соотвѣтствующемъ направленіи. Тутъ несомнѣнно больше лицемѣрія и фарисейской нетерпимости, чѣмъ дѣйствительно ревности о дѣлѣ Божіемъ. Да, народъ, можетъ быть, и отходитъ отъ церкви, но это отхожденіе не только не атеизмъ и не индиферентизмъ, а исканіе новой праведной церковности, вѣрнѣе—соборности, исканіе „града Грядущаго", праведной чистой жизни по завѣту Христа.

Эти исканія, правда, нерѣдко заводятъ искателей въ дебри узкаго неосмысленнаго сектантства, но они менѣе всего даютъ основаніе говорить объ исчезновеніи религіозности въ народѣ. Еще въ 1898 году Вл. Соловьевъ долженъ былъ выступить съ доказательствами полнѣйшей неосновательности подобныхъ разговоровъ. Покойный философъ, котораго ужъ, конечно, никто не посмѣетъ обвинить въ религіозномъ индиферентизмѣ, далъ горячую отповѣдь утверждающимъ, „будто нашъ народъ сталъ равнодушенъ къ религіи и въ послѣднія двадцать лѣтъ находится въ состояніи духовнаго паралича". Анализируя психологію обитателей тарновскихъ хуторовъ, усмотрѣвшихъ въ происходившейся тогда всероссійской переписи признаки пришествія антихриста и для спасенія отъ него прибѣгнувшихъ къ массовому самоубійству посредствомъ самосожженія въ домѣ, Вл. Соловьевъ, несмотря на ужасъ и жалѣвшую безмысленность тарновскаго дѣйства, не могъ не найти въ немъ проявленія огромнаго напряженія духовныхъ силъ. „Крайняя неуравновѣшенность и неосмысленность этихъ силъ, писалъ онъ тогда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тарновскихъ событій, — это

такъ, но при этомъ какая поразительная крѣпость и энергія духа, не останавливающагося ни передъ чѣмъ въ исполненіи того, что принято какъ нравственный долгъ. Духовная аномалія въ терновской трагедіи открывается глубокая. Но нельзя же принимать за упадокъ и, слѣдовательно, за бездѣйствіе духа это его могучее и лишь дурно направленное дѣйствіе. Помимо такого крайняго проявленія религіозной возбужденности, неравнодушіе русскаго народа къ духовнымъ вопросамъ достаточно доказывается появленіемъ у насъ каждый годъ новыхъ сектъ" (см. собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 143).

Можетъ быть споръ о томъ, куда устремляется религіозная мысль народа: въ сторону ли мистицизма, или же въ сторону раціонализма. Секты, какъ старыя, такъ и вновь возникающія, даютъ уклоны въ ту и въ другую сторону, но тѣмъ не менѣе не трудно подмѣтить объединяющую всѣ, нерѣдко враждебныя другъ другу, разновѣрія идею. Эта идея—стремленіе возстановить чистоту евангельскаго ученія и построить на немъ личную и общественную жизнь. Какъ бы ни были подчасъ абсурдны и даже изувѣрны ученія нѣкоторыхъ русскихъ сектъ, основная тенденція — устроеніе жизни по Божьей правдѣ—отъ того не умаляется, и ужъ конечно только фарисейское недомысліе можетъ усмотрѣть въ ней проявленіе религіознаго индиферентизма и упадка вѣры...

Въ этомъ горячемъ стремленіи устроить бытъ согласно выраженной въ Откровеніи волѣ Бога и кроется жизненная сила сектантства. „Всуе,—говорятъ сектанты,—смотрѣть на небо и призывать имя Божіе, а здѣсь, на землѣ ходить путями беззаконія и попирать ногами истину Христову". Это категорическое требованіе сектантской морали—осуществлять до крайнихъ предѣловъ абсолютную божественную истину въ практической повседневной жизни, этотъ максимализмъ, приводящій вѣрующихъ къ такимъ актамъ, какъ терновское самозакопаніе или къ самораспятію сектанта Никитина (во Владимірской губерніи), являются неотразимымъ доказательствомъ того, что живое чувство вѣры въ народѣ не только не изсякло, но и проявляется въ подвижничествѣ и мученичествѣ во имя религіозной идеи.

Религіозныя устремленія народа проявляются, нужно замѣтить, и внѣ сектъ. Трезвенническое движеніе послѣднихъ лѣтъ, напримѣръ, отнюдь не разрываетъ съ офиціальной церковностью. Проповѣдь братцевъ-трезвенниковъ, увлекающая массы на путь нравственнаго возрожденія, покоится на евангельскихъ завѣтахъ, требующихъ отъ человѣка безусловной нравственной чистоты. Чудо духовнаго возрожденія вчерашнихъ „бывшихъ людей", утонившихъ въ алкоголѣ образъ Божій, совершается у всѣхъ на глазахъ подъ могучимъ и животворнымъ вліяніемъ проповѣди „братцевъ". И что же, какъ не глубоко таящаяся въ нѣдрахъ народной души религіозная потребность самоисправленія и самоочищенія, дѣлаетъ массу воспріимчивой къ трезвенической проповѣди? Вѣдь братцы-проповѣдники трезвой жизни—не ученые богословы, не блестящіе, патентованные ораторы, способные увлечь слушателей красотой рѣчи и неотразимой логикой словесныхъ построеній: они — „простецы" въ полномъ смыслѣ этого слова, проповѣдь ихъ не отличается богатствомъ аргументаціи, и сила ея въ томъ, что идетъ она изъ глубины вѣрующей души и потому находитъ живой откликъ въ душахъ жаждущихъ найти вѣру. И этого довольно для успѣха проповѣди: подъ ея вліяніемъ люди духовно перерождаются, сбрасываютъ съ себя скверну грѣховной жизни и становятся лучше и чище...

Недавно пишущему эти строки пришлось слышать разсказъ интеллигентнаго и далеко не склоннаго къ мистицизму лица объ одной трезвенической бесѣ-

дѣ, посѣщенной имъ изъ любопытства. Руководитель трезвеннического движенія—на этотъ разъ не „братецъ", а православный монахъ въ одномъ изъ пригородныхъ монастырей (въ Тульской губерніи), человѣкъ еще не старый и несомнѣнно убѣжденный и преданный дѣлу трезвеннической проповѣди. Посѣтившее трезвенническое собраніе лицо прежде всего поразилось простотой обстановки, отсутствіемъ какой-либо казенщины или театральности, столь обычныхъ въ официальныхъ проповѣдяхъ. Просто кажется, что люди собрались для дружеской, семейной бесѣды. Нѣтъ ни заранѣе выработанной программы, ни подготовленныхъ рѣчей... Народу собралось много: просторная трапезная монастыря биткомъ набита; собравшіеся стоятъ плечомъ къ плечу, и только въ углу подъ образами оставлено свободное мѣстечко для проповѣдника, руководителя бесѣдой. Сначала общее пѣніе, поразившее разсказчика необыкновенной стройностью, затѣмъ просто, не по книжкѣ, „слово" монаха, затѣмъ декламація какого-то малолѣтка-школьника, снова пѣніе, сообщеніе нѣкоторыхъ трезвенниковъ объ обращеніяхъ къ трезвой жизни и вопросы, вопросы безъ конца, на которые руководитель тутъ же даетъ отвѣты. Бесѣда длилась болѣе двухъ часовъ, но никто не уходилъ съ нея, казалось, никто не чувствуетъ утомленія, несмотря на духоту и поздній часъ вечера. Чувствуется вѣяніе религіознаго экстаза, заражающаго даже тѣхъ, кто скептически относится къ значенію подобныхъ бесѣдъ.

Въ этомъ-то неумирающемъ въ народной массѣ исканіи чистой праведной жизни и лежитъ точка касанія съ подъемомъ матеріальной культуры. Здѣсь то мы и подходимъ къ вопросу о томъ, угрожаетъ ли послѣдній утерей тѣхъ идеаловъ народа богоносца, которыми жила и создалась Россія, къ вопросу о томъ, отдастъ ли этотъ народъ за чечевичную похлебку матеріальныхъ благъ то сокровище своего духа, которое пронесъ онъ неповрежденнымъ и черезъ дикую татарщину, и чрезъ вѣка безпросвѣтнаго рабства, и, наконецъ, чрезъ соблазнъ революціи?

И прошлое нашего „края долготерпѣнія", и настоящее, несмотря на великое множество отрицательныхъ явленій жизни, думается, не даютъ основаній для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Ростъ матеріальной культуры начался не вчера. Теперь онъ только идетъ болѣе быстрымъ темпомъ и оттого сталъ замѣтнѣе. Но замѣтнѣе, выпуклѣе стало и религіозное исканіе, и, несомнѣнно, въ силу успѣховъ матеріальной культуры, оно разливается болѣе широкой волной и захватываетъ тѣ слои народа, которые ранѣе, будучи задавленными неустаннымъ трудомъ добыванія куска хлѣба, оставались въ сторонѣ отъ нея. Вѣдь нищета сама по себѣ еще не есть условіе праведной жизни. По Евангелію нищета цѣнна постольку, поскольку она является актомъ добровольнаго отреченія отъ матеріальныхъ благъ. Откажись отъ богатства, — но не просто откажись, а раздай его неимущимъ, — таковъ евангельскій завѣтъ. Нищета недобровольная—не добродѣтель, и слово „раздай неимущимъ" не можетъ имѣть другого значенія, какъ: дай имъ возможность жить по-человѣчески, думать не только о пріобрѣтеніи куска хлѣба, но и о душѣ, глядѣть не только на землю, но и на небо. И несомнѣнно, что приростъ матеріальной культуры является той первооснованой, такъ сказать, плотью духовнаго строительства, безъ наличности которой послѣднее и невозможно. Сама по себѣ матеріальная культура—ни добро, ни зло. Изъ куска желѣза можетъ быть выкованъ плугъ или кинжалъ убійцы, изъ срѣзаннаго дерева можно сдѣлать крестъ или гильотину. Матеріальныя блага могутъ быть самоцѣлью или средствомъ духовнаго развитія. Земля и небо не разлучимы, и христіанскій идеалъ пріобрѣтенія къ землѣ есть одно-

бокій и—скажемъ потихоньку—ложный идеалъ, чуждый духу нашего народа, равно какъ и идеалъ животной сытости и самодовольства.

„Будемъ надѣяться,— заканчиваетъ свою статью кн. Трубецкой,—что тотъ новый экономическій подъемъ, который мы теперь переживаемъ, готовитъ орудіе для новой духовной культуры, и изъ-за средствъ не станемъ забывать цѣли". Это признаніе кн. Трубецкого, что экономическій подъемъ готовитъ орудіе для роста духовной культуры, что онъ не является самоцѣлью, особенно цѣнно. Вѣдь для того, чтобы поднять глаза къ небу, нужно имѣть возможность хотя бы на короткое время оторвать взглядъ отъ земли съ ея тяжелымъ, хлѣбнымъ трудомъ. Добровольное отхожденіе отъ земныхъ благъ—удѣлъ немногихъ избранныхъ, и нельзя, конечно, требовать его отъ массы. Вотъ подъемъ то благосостоянія этой массы и является необходимѣйшимъ условіемъ того, чтобы она, говоря простонародно, могла подумать о душѣ, о предметахъ высшаго порядка.

Да и одинъ изъ крупнѣйшихъ факторовъ экономическаго подъема Россіи,—какъ это отмѣчено кн. Трубецкимъ,—кооперативное движеніе, обнаружившее въ послѣ-революціонный періодъ необыкновенную мощь, свидѣтельствуетъ, что народъ уже идетъ по вѣрному пути преодолѣнія соблазновъ матеріальной культуры, используя ея положительныя стороны для устроенія справедливой общественности. Нельзя отрицать, что экономическій мотивъ является крупнымъ и наиболѣе замѣтнымъ стимуломъ, побуждающимъ людей объединяться въ кооперативные союзы, но столь крупнымъ и замѣтнымъ, что пока изъ-за него не видно психологически-религіозной стороны кооперативнаго движенія. А послѣдняя то и даетъ живую душу движенію. Ибо если мы признаемъ, что устроеніе Царства Божія на землѣ—а это вѣдь пламенная и сознательная мечта лучшихъ вождей человѣчества и безсознательная мечта народа—есть устроеніе новой свободной общественности, то не можемъ не признать, что кооператизмъ есть одинъ изъ путей, ведущій къ такому строенію.

Мы всѣ видимъ и знаемъ шатанія, развалъ всѣхъ нравственныхъ устоевъ, безумное прожиганіе жизни на верхахъ общества, хулиганство внизу,—было бы непростительной маниловщиной отрицать наличность и значеніе такихъ явленій современной жизни. Но на-ряду съ этимъ мы видимъ и неустанныя исканія высшаго смысла жизни; видимъ, какъ растутъ кооперативное и трезвенническое движенія; видимъ неудовлетворенность настоящимъ, сознаніе его скверны и грѣховности и жажду новыхъ истинъ и откровеній; видимъ, наконецъ, поиски новыхъ твердыхъ устоевъ для личной и общественной жизни...

Сочетаніе проявленій нравственнаго развала и этихъ исканій, все это—признаки, характеризующіе переходную эпоху, когда старое отжило и рушится, а новое еще не успѣло откристаллизоваться въ опредѣленную, ясную форму быта. На фонѣ отрицательныхъ явленій современности мы уже наблюдаемъ неустанную работу народной мысли въ направленіи созданія матеріальной культуры, подъема производительныхъ силъ страны и въ направленіи искавія праведнаго уклада жизни. Кооперативное движеніе и движеніе религіозное идутъ объ руку, и этотъ союзъ, объединяющій интеллигенцію и народъ въ общей работѣ устроенія жизни, является тѣмъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ воздвигается зданіе новой великой Россіи,—Россіи не утопической, не разорвавшей съ своимъ прошлымъ, но сохранившей изъ этого прошлаго все цѣнное, все добытое трудами ея святыхъ и геніевъ, сохранившей то великое сокровище, безъ котораго государство превращается въ географическій терминъ, а народъ—въ стадо.

В. Быстренинъ.

V. Естествознаніе.

Ученыя животныя.

„Мыслящія животныя" не перестаютъ служить предметомъ обсужденія на страницахъ спеціальныхъ и общихъ журналовъ и газетъ. Старый вопросъ о томъ, обладаютъ ли животныя способностью образовывать понятія, сужденія и умозаключенія, способностью къ разумному мышленію, существуетъ ли коренное различіе между душевной жизнью человѣка и животныхъ, вопросъ, выдвигавшійся уже Аристотелемъ, пріобрѣтаетъ почти злободневный интересъ, благодаря успѣхамъ, достигнутымъ въ дѣлѣ обученія высшихъ животныхъ.

Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ бывшему школьному учителю, Вильгельму фонъ-Остену. Въ 1904 году Остенъ демонстрировалъ въ Берлинѣ орловскаго рысака, котораго онъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ обучалъ чтенію и счету. „Умный Гансъ" рѣшалъ задачи на четыре дѣйствія, превращалъ обыкновенныя дроби въ десятичныя, читалъ написанныя на доскѣ слова и отвѣчалъ на различные вопросы. О результатѣ вычисленія лошадь сообщала путемъ выстукиванія числа передними копытомъ, о результатѣ чтенія—при помощи выстукиванья словъ по условному алфавиту. За короткое время Остенъ пріобрѣлъ восторженныхъ сторонниковъ, въ особенности среди любителей животныхъ, горячо отстаивавшихъ мнѣніе, что умный Гансъ обнаружилъ наличность высшихъ умственныхъ способностей, „человѣкоподобную разумность". Разслѣдованіе этого случая двумя комиссіями показало, что правильные отвѣты лошади обусловливались едва замѣтными движеніями, главнымъ образомъ головой и глазами, которыя производились задававшимъ вопросы, въ ожиданіи отвѣта. Эти непроизвольныя, безсознательныя движенія служили для лошади сигналомъ къ прекращенію выстукиванія. Психологъ Пфунгстъ, произвёдшій контрольные опыты по порученію руководителя второй комиссіи, проф. Штумпфа, установилъ, что лошадь переставала давать правильные отвѣты при такъ называемыхъ „слѣпыхъ опытахъ", т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда она не могла видѣть ставившаго вопросы, или когда отвѣтъ не былъ извѣстенъ ни этому лицу, ни другимъ присутствующимъ. Отрицая наличность умышленнаго обмана, Штумпфъ полагаетъ, что выводы Остена являются результатомъ самообмана: „Послѣдованіе, произведенное мною при значительныхъ внѣшнихъ затрудненіяхъ, не обнаружило у лошади никакихъ способностей къ мышленію и къ пониманію общаго смысла разговорной рѣчи... Если исключить нѣкоторыя свѣдѣнія спеціальнаго характера, то что новаго внесли всѣ эти явленія въ науку и въ наше міросозерцаніе? Прежде всего, они не совершили никакого переворота, котораго одни ждали, а другіе опасались, зато они доказали прямо обратное, именно: разъ даже безпримѣрное терпѣніе и выдающіяся способности Остена не могли выявить у Ганса—при ежедневныхъ занятіяхъ въ теченіе 4-хъ часовъ—и намёка на мыслительную дѣятельность, то этотъ экспериментъ высшаго стиля подтверждаетъ старое мнѣніе философовъ, что животныя не способны мыслить".

Это заключеніе авторитетнаго психолога положило конецъ спорамъ и сомнѣніямъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и ученыя лошади снова привлекли къ себѣ общее вниманіе. Послѣ смерти Остена въ 1909 году одинъ изъ его прежнихъ сотрудниковъ, Кранцъ, сталъ обучать двухъ арабскихъ жеребцовъ, Мухамеда и Цезаря, а впослѣдствіи еще и другихъ лошадей и достигъ результатовъ, которые, по-видимому, превосходятъ успѣхи умнаго Ганса. Лошади не только отвѣчаютъ на множество самыхъ разнообразныхъ вопро-

совъ, которые имъ задаются на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, извлекаютъ корни квадратные, кубическіе и четвертой степени изъ большихъ чиселъ, возводятъ числа въ степени, но даже, по увѣренію Кралля, самостоятельно выстукиваютъ свои мысли и желанія. Ювелиръ изъ Эльберфельда, Карлъ Кралль, неизвѣстный до сихъ поръ за предѣлами родного города, становится послѣ опубликованія своей книги [1]) европейской знаменитостью. На сеансы въ конюшнѣ Кралля съѣзжаются не только любители сенсацій, но и серьезные ученые. Подъ впечатлѣніемъ удачнаго сеанса швейцарскій зоологъ Sarasin пишетъ: „Я стоялъ у колыбели міровой славы". Не замедлилъ дать отзывъ о книгѣ Кралля также Вильгельмъ Оствальдъ: „Книга Кралля, вѣроятно, сыграетъ такую же крупную роль въ ученіи о положеніи человѣка въ природѣ, какъ это въ свое время сдѣлалъ капитальный трудъ Дарвина". Изъ русскихъ ученыхъ эльберфельдскій институтъ посѣтили д-ръ Безрѣдко и проф. Г. Кожевниковъ. Безрѣдко резюмируетъ свои впечатлѣнія въ словахъ: „Не можетъ быть сомнѣнія, что эти лошади разсуждаютъ и вычисляютъ", а проф. Кожевниковъ заканчиваетъ свою статью [2]) по поводу эльберфельдскихъ лошадей слѣдующими словами: „Началось что-то новое, крупное, удивительное. Нѣчто, около чего мы ходили вѣками, не подозрѣвая о его существованіи, или лишь смутно догадываясь,—способность животныхъ понимать и мыслить явилась передъ нами подтверждаемая неоспоримыми фактами".

При обученіи счету Кралль пріучилъ лошадей выстукивать единицы правой ногой, десятки — лѣвой, сотни правой и т. д. Онъ не ограничивался, подобно Остену, стереотипной формой вопроса, а разговаривалъ съ лошадьми такъ же непринужденно, какъ если-бъ передъ нимъ были ученики, вполнѣ понимающіе рѣчь учителя. Послѣ двухъ лѣтъ обученія лошадямъ предлагались задачи вродѣ слѣдующихъ:

$$\frac{\sqrt{36}\times\sqrt{64}}{50-2},$$

$$x\,.\,28 = 1792;\ \text{чему равенъ } x?$$

$$\sqrt[4]{614656}.$$

Въ началѣ обученія лошади давали отвѣты въ одномъ словѣ, но съ теченіемъ времени пріучились выражать свои мысли цѣлыми предложеніями. Кралль приводитъ слѣдующіе любопытные примѣры изъ протоколовъ своего сотрудника д-ра Шеллера:

„Какъ-то вечеромъ я спрашиваю Мухамеда: „Ты знаешь, какъ меня зовутъ?"—*i* (т.-е. ja). „Ну, отстучи это!"—*pao*. За $1^1/_2$ года мое имя называли ему лишь одинъ или два раза, такъ что едва ли онъ могъ его знать. Конечно, я былъ очень удивленъ этимъ *pao* и спросилъ его: „Такъ меня зовутъ на *вашемъ* языкѣ *pao*?"—*i*. „Хорошо, теперь скажи мнѣ какое-нибудь предложеніе",—*pao or heb*. Это любопытное высказываніе невольно разсмѣшило меня, и я сказалъ ему: „Мухамедъ, это *ты* можешь насторожить уши (=ohr heben), а я нѣтъ; ты долженъ сказать мнѣ другое предложеніе — что-нибудь, что я могу?"—*pao b* (*brod*) *geben*. — „Скажи еще предложеніе!"—*z* (zucker) *habn*.— „Тутъ нехватаетъ того, кто хочетъ сахаръ!" Мухамедъ не сразу понимаетъ меня; на повторный вопросъ онъ отстукиваетъ *ig*. Показывая ему часы я говорю: „Ты знаешь, что это такое? Отстучи какое-нибудь предложеніе на это!"—*ig ur sen*.—Я указываю ему на органъ: „Ну, еще предложеніе!" — *orgl tongeben*... и т. д.

Главная задача Кралля—доказать, что лошади способны понимать человѣческую рѣчь и выражать собственныя мысли—была бы блестящимъ образомъ исполнена, если бы къ приведеннымъ

---

[1]) Karl Krall. Denkende Tiere, 1912. Русскій переводъ подъ редакціей д-ра Котика, М., 1913. Изд. „Начало".

[2]) *Утро Россіи*, № 283 и 284 за 1913 г.

выдержкамъ можно было отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Но эти „факты" нужно принимать cum grano salis. Не говоря уже о томъ, что во многихъ затруднительныхъ случаяхъ Кралль почему то предоставляетъ веденіе опытовъ другому лицу и такимъ образомъ какъ бы снимаетъ съ себя отвѣтственность, книга даетъ вмѣсто подлинныхъ наблюденій почти исключительно комментаріи автора, по своей произвольности весьма напоминающіе толкованія отвѣтовъ медумовъ на спиритическихъ сеансахъ. Она не даетъ отвѣта на вопросы, наиболѣе существенные для оцѣнки результатовъ и пониманія хода развитія лошадей, напримѣръ, о томъ, какое число повтореній приходилось на каждое упражненіе, какое было среднее число вѣрныхъ и невѣрныхъ отвѣтовъ для каждой категоріи отвѣтовъ и т. п. Поэтому книга Кралля не заслуживаетъ въ сущности серьезной критики. [1]) Съ ней приходится считаться только потому, что она объединила вокругъ себя тѣхъ естествоиспытателей и натурфилософовъ, которые по всему своему міросозерцанію заранѣе были склонны отрицать существованіе непроходимой пропасти между психикой человѣка и животныхъ. Въ этомъ секретъ успѣха эльберфельдскихъ лошадей.

Любопытно отмѣтить, что на основаніи результатовъ, якобы достигнутыхъ по методу Остена—Кралля, уже дѣлаются общіе педагогическіе выводы. Ссылаясь на то, что обученіе лошадей не шло постепенно отъ легкаго къ трудному, Ferrari [2]) высказываетъ предположеніе, что вообще лучше вводить учениковъ сразу in medias res, чѣмъ начинать съ элементовъ.

Сторонники Кралля впадаютъ въ ошибку прежнихъ изслѣдователей душевной жизни животныхъ: они прибѣгаютъ къ сложнымъ гипотезамъ, не убѣдившись предварительно въ недостаточности болѣе простыхъ объясненій. На основаніи данныхъ, сообщенныхъ Краллемъ, и дополненій, сдѣланныхъ нѣкоторыми посѣтителями, напримѣръ, проф. Клапаредомъ, можно признать безспорнымъ фактомъ только то, что въ результатѣ продолжительныхъ упражненій и повтореній лошади научаются различать вопросы и реагировать опредѣленными движеніями. Для объясненія этого факта отнюдь не необходимо предполагать сложные процессы абстракціи и умозаключеній: они объясняются вполнѣ удовлетворительно законами ассоціаціи. Отвѣты эльберфельдскихъ лошадей на множество вопросовъ, напримѣръ: „чему равенъ 1—5?", „что ты хочешь ѣсть?", „ты хочешь моркови?" и т. п., ничѣмъ по существу не отличаются отъ автоматическихъ реакцій другихъ дрессированныхъ животныхъ на привычныя раздраженія. Какъ ни спутанны протоколы Кралля, нельзя сомнѣваться въ томъ, что одинъ и тотъ же вопросъ, одна и та же задача предлагались лошадямъ множество разъ. Правильные отвѣты могли слѣдовать автоматически, уже въ силу того, что между слуховымъ или зрительнымъ впечатлѣніемъ отъ вопроса и опредѣленнымъ комплексомъ движеній образовалась благодаря упражненію прочная ассоціація. Труднѣе, конечно, объяснить отвѣты на болѣе сложные вопросы, напримѣръ, вычисленіе корней изъ многозначныхъ чиселъ, выстукиваніе фамилій новыхъ посѣтителей и т. п. Чтобы объяснить ихъ механизмъ ассоціацій, необходимо признать весьма развитую способность различенія. Но, какъ извѣстно, изслѣдованія И. П. Павлова, В. М. Бехтерева и ихъ учениковъ въ методу „условныхъ рефлексовъ" обнаружили у высшихъ животныхъ, напримѣръ, у собакъ, чрезвычайную остроту различенія слуховыхъ и зрительныхъ впечат-

---

[1]) См. статью проф. В. Вагнера, *Рѣчь*, 29 января 1913 года.

[2]) Рецензія Pérès въ *Revue philos.* 75, 1913. S. Jankelewitch. Les chevaux pensants d'Elberfeld. Scientia I—X. 1913.

лѣній. Нужно, однако, замѣтить, что рѣшеніе трудныхъ задачъ удается лошадямъ гораздо рѣже, чѣмъ можно думать на основаніи приведенныхъ у Кралля примѣровъ. Всѣ посѣтители института обращаютъ вниманіе на чрезвычайно большое число ошибокъ въ отвѣтахъ лошадей. По подсчету сторонника Кралля, д-ра Гэнеля,[1]) число ошибокъ составляетъ приблизительно 66% общаго числа отвѣтовъ. По наблюденіямъ другого сторонника Кралля, проф. Плате, число вѣрныхъ отвѣтовъ при рѣшеніи трудныхъ задачъ „оказывается настолько малымъ, что возникаетъ сомнѣніе, имѣемъ ли мы передъ собою здѣсь дѣйствительно „рѣшеніе задачъ".

Несмотря на всѣ усилія Кралля доказать нелѣпость „гипотезы знаковъ", съ помощью которой Штумпфъ объясняетъ всѣ кунштюки умнаго Ганса, она все же остается неопровергнутой. Чтобы исключить предположеніе о какой-либо сигнализаціи, Кралль нерѣдко ставитъ „слѣпые опыты" въ присутствіи постороннихъ посѣтителей, т.-е., задавъ лошади вопросъ, оставляетъ ее одну, наблюдая за ходомъ рѣшенія изъ сосѣдняго помѣщенія. Эти опыты можно было бы считать рѣшающими: вся бѣда въ томъ, что они, повидимому, чаще всего даютъ *отрицательный* результатъ![2]) Невѣрные отвѣты въ этихъ, какъ и въ другихъ, случаяхъ Кралль охотнѣе всего объясняетъ упрямствомъ лошадей, желаніемъ поступать „на-зло" учителю, желаніемъ посмѣяться надъ нимъ или другими присутствующими,— словомъ, безъ достаточныхъ основаній приписываетъ лошадямъ цѣлый рядъ сложныхъ „человѣческихъ — слишкомъ человѣческихъ" мотивовъ. При этомъ Кралль замѣчаетъ, что „лошади очень чутки къ малѣйшему раздраженію, обнаруживающемуся даже въ интонаціи, и тотчасъ же отвѣчаютъ на это плохимъ настроеніемъ и сопротивленіемъ". Въ этомъ характерномъ указаніи нужно, быть можетъ, искать „ключъ дресспровки" эльберфельдскихъ лошадей! На возможность слуховыхъ сигналовъ указываетъ также Клапаредъ, хотя онъ и отрицаетъ наличность умышленнаго обмана. Быть можетъ, Клапаредъ недостаточно оцѣнилъ, какую притягательную силу представляетъ перспектива „міровой славы". Какъ бы то ни было, уже одинъ тотъ фактъ, что Кралль упорно отказывается предоставить контрольные опыты лицамъ, вполнѣ владѣющимъ техникой психологическаго эксперимента, и даже закрываетъ передъ критически настроенными посѣтителями двери своего института, во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о его научной добросовѣстности.

Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ аргументовъ въ пользу тезиса о самостоятельности мышленія лошадей служатъ описанные Краллемъ случаи „спонтанныхъ" высказываній. Однако, при внимательномъ чтеніи хотя бы тѣхъ выдержекъ изъ протоколовъ, которыя приведены въ книгѣ Кралля, трудно сомнѣваться, что такъ называемыя „самостоятельныя" выстукиванія представляютъ воспроизведеніе заученныхъ раньше и, вѣроятно, много разъ повторявшихся комплексовъ движеній. Защищая наперекоръ объективнымъ даннымъ основной тезисъ Кралля, сторонники его оставляютъ безъ вниманія глубоко интересный фактъ, что ученыя лошади весьма скоро утрачиваютъ умственную работоспособность. Умный Гансъ еще при жизни своего учителя забылъ все, чему научился, Мухамодъ уже теперь все рѣже и рѣже даетъ вѣрные отвѣты, а Царифъ въ настоящее время обнаруживаетъ полную неспособность поня-

---

[1]) Dr. H. Haenel. Zum Problem der Elberfeld. Pferde, *Zeitsch. f. angew. Psychol.* т. 7. 1913.

[2]) Отзывъ Köhler'а въ „Bericht über den V Kongress für experim. Psych.". M. Ettlinger. „Sammelbericht über Tierpsychologie. Zeitsch. f. Psych.", 65.

мать вопросы и приказанія и „разумно“ на нихъ реагировать.

Какъ и слѣдовало ожидать, у Крелля нашлись подражатели, старающіеся доказать способность къ разумному мышленію у другихъ высшихъ животныхъ. Проф. Кожевниковъ сообщаетъ о неопубликованныхъ еще протоколахъ г-жи Мэкель изъ Маннгейма, которая обучила собаку Рольфа и кошку Дэзи рѣшать задачи и высказывать „собственныя мысли“ путемъ выстукиваній по особой азбукѣ. „Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, удивительныя способности Рольфа и Дэзи станутъ общепризнаннымъ достояніемъ; неправдоподобное будетъ исключено, но суть дѣла останется — животныя могутъ выражать свои мысли человѣческимъ языкомъ“. Такимъ же оптимизмомъ проникнутъ отзывъ лица, присутствовавшаго на сеансахъ у г-жи Мэкель и получившаго затѣмъ продиктованное Рольфомъ письмо слѣдующаго содержанія: „lib! lol gibd dir glei lol grus dei lol“ (Милый! Рольфъ дастъ тебѣ маленькаго Рольфа. Привѣтъ. Твой Рольфъ). [1])

Можно, разумѣется, исходить изъ принципа: „все возможно“. Но въ данномъ случаѣ такой оптимизмъ не имѣетъ никакого научнаго основанія. Производившіяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ изслѣдованія говорящихъ собакъ показали, что способность собакъ къ членораздѣльной рѣчи въ дѣйствительности является результатомъ самовнушенія довѣрчивыхъ наблюдателей. При соотвѣтственной дрессировкѣ удавалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріучить собаку реагировать на вопросы и приказанія опредѣленными звуковыми сочетаніями, представляющими нѣкоторое—впрочемъ, весьма отдаленное—сходство съ такими словами, какъ, Mama, Ma maman, Grandmama, Haben, Hunger Kardamom, Haberland, Hallelujah и т. п., но ни высказыванія „собственныхъ мыслей“, ни даже *пониманія смысла* произносимыхъ ею звуковыхъ комплексовъ у собаки не наблюдалось. Такіе же отрицательные результаты дали повѣтки и сообщенія надъ обезьянами, также не обнаружившіе у нихъ способности образовывать понятія. [1]) Въ общемъ нельзя не признать основательнымъ заявленія Бэте, Фореля, Семона, Васмана, Вундта и многихъ другихъ выдающихся зоопсихологовъ, выступившихъ съ протестомъ противъ научныхъ пріемовъ Крелля, что сенсаціонныя сообщенія о мыслящихъ лошадяхъ, говорящихъ собакахъ и читающихъ кошкахъ могутъ „надолго дискредитировать вновь расцвѣтающую въ наукѣ и съ трудомъ разрабатываемую область психологіи животныхъ“.

П. Эфрусси.

VI. Некрологъ.

П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій. — Я. М. Гальперинъ. — О. К. Нотовичъ. — П. В. Чайковскій. — К. Е. Тропина. — В. В. Добржинскій. — М. А. Гольтисовъ. — К. Ф. Петровъ. — А. И. Соколова. — А. А. Ливенъ. — М. А. Михайловъ. — Ф. Альтъ. — Копъ. — Г. Іоахимсталь. — Питеръ. — Г. Грабоверъ. — П. Бартельсъ. — І. Франкъ. — Д. Фельсъ. — С. Кубельсъ. — Р. Свобода. — К. Пихельмайеръ. — Г. Ф. Бековъ. — А. Лиръ. — М. Ринтъ. — Е. Венцель-Гейманъ. — Кучукъ-Самдъ-паша. — Графъ Минто. — Г. Рулвиръ. — Г. Нитцкъ. — П. Аупингеръ. — Г. Кеттнеръ. — Т. Адамъ. — Ф. Вонгафе. — А. Эберле. — Ф. Мейли. — Д. Баракко. — Г. Пфальцъ. — М. Майръ. — А. Бертильонъ. — Графъ Ами. — А. Голдманъ. — Г. Ричель. — Ф. Каркано. — А. Латтеръ.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, Петръ Петровичъ († 26 февраля, 87 лѣтъ), членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ,

[1]) *G. Wolff*: „Die denkenden Tiere von Elberfeld und Mannheim. Suddeutsche Monatshefte“. Янв. 1914 г.

[1]) O. Pfungst. Über [illegible] Zur Psychologie der Affen. [illegible] V. Königstein [illegible]

вицепредсѣдатель И. Русскаго Географическаго Общества, государственный дѣятель и ученый, котораго выдающіяся заслуги въ самыхъ различныхъ областяхъ государственной, научной и художественной культуры давно получили общее признаніе. Онъ былъ естествоиспытателемъ, ботаникомъ, геологомъ, энтомологомъ, географомъ, путешественникомъ, изслѣдователемъ невѣдомыхъ странъ, ближайшимъ участникомъ великой реформы освобожденія крестьянъ, организаторомъ статистическаго дѣла въ Россіи, иниціаторомъ и руководителемъ многихъ работъ по географическому изслѣдованію русскихъ окраинъ, авторомъ и редакторомъ многихъ извѣстныхъ изданій, виднымъ сановникомъ, знатокомъ живописи, обладателемъ богатѣйшей картинной галлереи, лично имъ составленной. Во всѣхъ областяхъ покойный проявлялъ замѣчательную трудоспособность и талантливую иниціативу, всюду онъ умѣлъ добиваться успѣха и признанія. Не будучи либераломъ въ опредѣленномъ смыслѣ слова, онъ не былъ и послушнымъ слугой реакціи, часто ходатайствовалъ за жертвъ политическихъ преслѣдованій, многимъ помогалъ и пользовался популярностью въ широкихъ общественныхъ кругахъ.

П. П. Семеновъ родился въ 1827 г., окончилъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), а затѣмъ курсъ университета по естественному факультету. Вскорѣ послѣ окончанія университета онъ получилъ степень магистра за диссертацію „Придонская флора". Къ 1856—1858 гг. относится извѣстная экспедиція его для изслѣдованія горной системы Тянь-Шаня (въ воспоминаніе о сдѣланныхъ въ этой экспедиціи открытіяхъ Семеновъ впослѣдствіи, уже на склонѣ лѣтъ, по собственной его просьбѣ, и получилъ прибавленіе къ родовой фамиліи—Тянь-Шанскій). Къ выдающимся заслугамъ покойнаго въ области географіи относятся: изданіе перевода „Землевѣдѣнія Азіи" К. Риттера съ обширнѣйшими дополненіями, имѣющими характеръ самостоятельныхъ изслѣдованій, изданіе „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи" (1863—1885 гг.), и свыше чѣмъ шестидесятилѣтняя дѣятельность въ Географическомъ Обществѣ, котораго онъ былъ безсмѣннымъ вице-предсѣдателемъ съ 1873 г. и вся исторія котораго неразрывно связана съ именемъ П. П. Съ 1858 г. П. П. привлекается къ участію въ подготовленіи крестьянской реформы. Съ образованіемъ редакціонныхъ комиссій въ 1859 г. онъ вступаетъ въ нихъ въ качествѣ члена эксперта и завѣдующаго дѣлами. Онъ былъ близокъ къ Я. И. Ростовцеву и послѣ смерти послѣдняго лично передалъ предсмертную его записку государю. Съ 1864 по 1880 г. С.-Т.-Ш. былъ директоромъ центральнаго статистическаго комитета, съ 1875 до 1897 г.—предсѣдателемъ статистическаго совѣта. Онъ сдѣлалъ очень много для развитія русской административной статистики, особенно пока былъ непосредственнымъ главой статистическаго дѣла Имперіи. На работы по подготовленію первой всероссійской переписи онъ еще оказалъ, въ качествѣ предсѣдателя статистическаго совѣта, значительное и полезное вліяніе, хотя непосредственное завѣдываніе дѣломъ находилось, къ сожалѣнію, въ иныхъ, менѣе достойныхъ рукахъ. Членомъ Государственнаго Совѣта С.-Т.-Ш. состоялъ съ 1897 г. Въ реформированномъ Государственномъ Совѣтѣ онъ принадлежалъ къ группѣ центра. Онъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, нѣсколькихъ университетовъ, многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ. Собранная С.-Т.-Ш. коллекція картинъ фламандскихъ и голландскихъ художниковъ XVI и XVII вв., считавшаяся второй въ Европѣ по полнотѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была пріобрѣтена С.-Петербургскимъ

Эрмитажемъ, съ условіемъ сохраненія ея во владѣніи П. П. до его смерти; продажа этой коллекціи со стороны П. П. имѣла характеръ и весьма значительнаго пожертвованія, въ интересахъ сохраненія собраннаго художественнаго богатства въ предѣлахъ Россіи. Послѣ П. П. остались обширные мемуары, часть которыхъ, относящаяся къ крестьянской реформѣ, напечатана въ качествѣ рукописи.

Гальперн, Яковъ Марковичъ († 25 февраля въ Ниццѣ, 74 лѣтъ), юристъ, общественный дѣятель. Сынъ виленскаго ремесленника, онъ кончилъ юридическій факультетъ московскаго университета, и въ теченіе 45 лѣтъ служилъ въ министерствѣ юстиціи, гдѣ въ послѣдніе годы своей службы состоялъ членомъ консультаціи и вице-директоромъ II департамента. Вышелъ въ отставку въ 1910 г. съ чиномъ тайнаго совѣтника. Представляя рѣдкій примѣръ еврея, занимавшаго видное административное положеніе, Я. М. не только остался вѣрнымъ своему вѣроисповѣданію, но и принималъ живѣйшее участіе въ общественной работѣ на пользу еврейства. Онъ былъ предсѣдателемъ „Общества ремесленнаго и земледѣльческаго труда среди евреевъ", и дѣятельнымъ работникомъ въ „Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи". Написалъ рядъ статей на юридическія темы и по еврейскому вопросу, напечатанныхъ въ *Разсвѣтѣ, Будущности, Восходѣ, Правѣ, Журналѣ Министерства Юстиціи*, въ сборникѣ *Пережитое* и т. д.

Котовичъ, Осипъ Константиновичъ († 28 февраля 1914 г., въ Парижѣ, 65 лѣтъ), журналистъ, писатель. О. К. былъ сыномъ керченскаго раввина. Съ 1871 г. сотрудничалъ въ *Новомъ Времени*, которое вскорѣ перешло къ нему въ собственность отъ Ф. И. Устрялова, а затѣмъ отъ О. К. къ К. В. Трубникову. Съ 1877 г. О. К. становится издателемъ небольшой газеты *Новости*, которая послѣ закрытія *Голоса* была имъ значительно расширена и въ теченіе многихъ лѣтъ была единственной большой либеральной газетой въ Петербургѣ. Прочнаго и значительнаго успѣха и дѣйствительнаго вліянія *Новости* не сумѣли себѣ завоевать, хотя на страницахъ этой газеты въ теченіе долговременнаго ея существованія помѣщалось не мало статей, подписанныхъ популярными именами. Революціонное время тяжело отразилось на О. К. Газета его не могла приспособиться къ новымъ условіямъ и должна была закрыться. Самъ О. К. былъ присужденъ къ тюрьмѣ на 1 годъ и уѣхалъ за границу, гдѣ условія жизни для него сложились неблагопріятно. Кромѣ газетной работы, О. К. занимался и философскими вопросами и написалъ нѣсколько книжекъ въ этой области („Немножко философіи", „Еще немножко философіи", „Любовь и красота"). Составленное имъ популярное изложеніе „Исторіи цивилизаціи Англіи" Бокля выдержало много изданій. Имъ написано также нѣсколько пьесъ („Бракъ и разводъ", „Темное дѣло", „Дочь", „Безъ выхода", „Сюрпризъ", „Отверженный"), нѣкоторыя изъ нихъ ставились на сценахъ императорскихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Чайковскій, Петръ Васильевичъ († 15 февраля 1914 г., 66 лѣтъ), земецъ, общественный дѣятель, братъ извѣстнаго П. В. Чайковскаго. Земскую дѣятельность началъ въ качествѣ секретаря сарапульской земской управы, затѣмъ былъ уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, мировымъ судьей, городскимъ судьей.

Троцина, Константинъ Елисеевичъ († въ январѣ 1914 г., 87 лѣтъ), первый предсѣдатель черниговской губернской земской управы, старѣйшій общественный дѣятель въ этой губерніи. Неизмѣнный всю жизнь свою держался прогрессивнаго направленія и пользовался большимъ авторитетомъ въ мѣстныхъ кругахъ.

Добржинскій, Вильгельмъ Вильгель-

мовичъ († въ февралѣ 1914 г., 43 лѣтъ), адвокатъ, практиковалъ сначала въ Ригѣ, потомъ въ Петербургѣ, принималъ живое участіе въ корпоративной жизни петербургской адвокатуры. Былъ въ числѣ 83-хъ адвокатовъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за резолюцію, связанную съ дѣломъ Бейлиса.

Гольтисонъ, М. А. († въ февралѣ 1914 г.), артистъ и композиторъ, преимущественно въ области духовнаго пѣнія. Много работалъ въ комитетѣ по увѣковѣченію памяти русскихъ духовныхъ композиторовъ: Бортнянскаго, Турчанинова и Львова. Редактировалъ журналъ „Музыка и Пѣніе".

Петровъ, Константинъ Федоровичъ († въ февралѣ 1914 г., 67 лѣтъ). Одинъ изъ старѣйшихъ преподавателей русскаго языка. Преподавалъ въ различныхъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ хрестоматію для учащихся: „Звѣздочка" и учебникъ русской грамматики, выдержавшія болѣе 20 изданій.

Соколова, А. И. († въ февралѣ 1914 г., 78 лѣтъ), писательница (псевдонимъ „Синее Домино"), сотрудничала въ былое время въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ, Московскихъ Вѣдомостяхъ* и другихъ московскихъ газетахъ, писала театральные фельетоны и рецензіи, затѣмъ перешла преимущественно къ писанію романовъ для дешевой прессы. Ея разсказы, повѣсти и романы печатались въ *Нивѣ, Родинѣ, Сѣтѣ, Петербургскомъ Листкѣ, Петербургской Газетѣ.* Воспоминанія ея печатались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ.*

Ливенъ, А. А. князь († въ февралѣ 1914 г., 53 лѣтъ), вице-адмиралъ, начальникъ морского генеральнаго штаба. Получилъ образованіе въ берлинскомъ кадетскомъ корпусѣ, началъ службу въ Семеновскомъ полку, но вскорѣ перешелъ во флотъ. Во время послѣдней войны участвовалъ въ защитѣ Портъ-Артура. Начальникомъ морского штаба былъ съ 1912 года. Принималъ ближайшее участіе въ дѣлѣ возрожденія русскаго флота. Въ 1912 г. подписалъ отъ имени русскаго правительства франко-русское морское соглашеніе, являющееся дополненіемъ къ союзной военной конвенціи между Россіей и Франціей.

Михайловъ, Михаилъ Адольфовичъ († 19 февраля 1914 г., 69 лѣтъ), артистъ. Поступилъ на сцену поздно, въ возрастѣ больше 40 лѣтъ. Выступалъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Перми, игралъ (впрочемъ, недолго) въ театрѣ Коммиссаржевской, въ послѣдніе же годы—въ театрѣ А. С. Суворина (въ Петербургѣ). Въ числѣ удачныхъ ролей его были: роль Акима во „Власти тьмы", Мармеладова, отца Ванюшина и др.

Альтъ, Францъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 93 л.), вѣнскій художникъ-пейзажистъ.

Коппъ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 77 лѣтъ), кардиналъ, князь-епископъ Бреславльскій. Какъ сторонникъ примиренія католицизма съ государствомъ, игралъ большую роль въ политической жизни Германіи. Благодаря его посредничеству закончился знаменитый культуркампфъ въ Германіи—борьба между Бисмаркомъ и Ватиканомъ. Покойный былъ членомъ прусской палаты господъ.

Іоахимсталъ, Георгъ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 51 года), профессоръ и директоръ хирургической университетской поликлиники въ Берлинѣ, написалъ много работъ въ своей спеціальности, былъ редакторомъ *Журнала ортопедической хирургіи.*

Нитперъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 57 лѣтъ), профессоръ, генеральный секретарь германскаго центральнаго комитета по борьбѣ съ туберкулезомъ, авторъ многихъ сочиненій о туберкулезѣ. Большой успѣхъ имѣли его книги о школѣ и туберкулезѣ, и туберкулезѣ, какъ народной болѣзни.

Грабоверъ, Гейнрихъ († въ январѣ н. ст. 1914 г., 65 лѣтъ), выдающійся нѣмецкій ларингологъ, профессоръ.

Пользовался извѣстностью, какъ практическій врачъ и ученый.

Бартельсъ, Паулъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 39 лѣтъ) профессоръ анатоміи и антропологіи въ Кёнигсбергскомъ университетѣ (сынъ Макса Бартельса, написавшаго вмѣстѣ съ Плоссомъ извѣстную, выдержавшую много изданій книгу „Женщина").

Франкъ, Іоганнесъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 59 лѣтъ), нѣмецкій филологъ, профессоръ по каѳедрѣ нижнегерманскаго языка и литературы въ боннскомъ университетѣ. Издалъ много трудовъ по своей спеціальности.

Фельсъ, Джозефъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г.), американскій милліонеръ, владѣлецъ мыловаренныхъ заводовъ, еврей по происхожденію, послѣдователь идей Генри Джорджа. Увѣровавъ въ теорію „одинаго налога", онъ читалъ публичныя лекціи, писалъ статьи и брошюры и жертвовалъ большія деньги для осуществленія идей Джорджа. На устройство однѣхъ только колоній земледѣльцевъ въ Англіи онъ истратилъ больше 200.000 фунтовъ. Такіе же земледѣльческія колоніи онъ пробовалъ устроить и въ Америкѣ, но его опыты не имѣли большого успѣха.

Кубельсъ, Сальвадоръ († въ январѣ н. ст. 1914 г., 68 лѣтъ), испанскій художникъ, послѣдователь натуралистической школы. Славился какъ реставраторъ старыхъ картинъ. Его произведенія появлялись на многихъ европейскихъ выставкахъ и на берлинской выставкѣ 1891 г. онъ получилъ высшую награду. Извѣстенъ былъ также, какъ художественный критикъ.

Свобода, Рудольфъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 55 лѣтъ), нѣмецкій художникъ, сынъ художника Эдуарда Свободы, извѣстный и за предѣлами своей родины, преимущественно какъ портретистъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Египтѣ, а затѣмъ, по предложенію королевы Викторіи, поѣхалъ въ Индію, откуда привезъ множество интересныхъ портретовъ индусскихъ типовъ.

Пиперъ, Карлъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 46 лѣтъ), профессоръ машиностроенія и электротехники въ высшемъ техническомъ училищѣ въ Вѣнѣ. Извѣстенъ какъ конструкторъ и какъ авторъ научныхъ работъ о динамомашинахъ. Одно время былъ главнымъ инженеромъ фирмы Сименсъ и Гальске въ Берлинѣ.

Бекон, Генри Фредерикъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 49 лѣтъ) англійскій художникъ и иллюстраторъ. Послѣдніе годы занимался исключительно портретами.

Лиръ, Артуръ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 57 лѣтъ), профессоръ, художественный критикъ, долгое время сотрудничавшій въ газетѣ „Dresdener Nachrichten" и писавшій также статьи въ журналахъ по вопросамъ искусства.

Римъ, Морицъ († въ январѣ н. ст. 1914 г., 64 лѣтъ), главный редакторъ „Oesterreichischen Volkszeitung", одинъ изъ самыхъ популярныхъ вѣнскихъ журналистовъ. Какъ политическій дѣятель, онъ принималъ активное участіе въ нѣмецкомъ національномъ движеніи въ восьмидесятыхъ годахъ.

Венцель-Гекманнъ, Елизавета († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 81 года), единственная женщина, бывшая почетнымъ членомъ берлинской академіи наукъ (единственной ея предшественницей въ этомъ званіи была императрица Екатерина II), избранная въ благодарность за пожертвованіе академіи капитала въ полмилліона марокъ на научныя цѣли. Сдѣлала также много другихъ щедрыхъ пожертвованій на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли.

Кучукъ-Саидъ-паша († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 79 лѣтъ), президентъ турецкаго сената, бывшій девять разъ великимъ визиремъ. Въ послѣдній разъ онъ занялъ этотъ постъ уже во время новаго режима. Въ 1897 г., будучи сторонникомъ реформъ, онъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ англійское посольство, но затѣмъ снова вернулъ себѣ довѣріе султана. Саидъ-паша

въ теченіе всей своей политической дѣятельности боролся съ Кіамилемъ-пашей.

Минто, графъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 67 лѣтъ), бывшій вице-король Индіи (съ 1905 г.), одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Англіи. Въ Индіи онъ велъ политику примиренія и старался завоевать довѣріе недовольныхъ и революціонныхъ элементовъ Индіи. Онъ пошелъ на уступки, созвалъ законодательный совѣтъ, въ который вошли видные индусы, назначилъ нѣсколькихъ индусовъ на высшіе административные посты. Однако эта политика не имѣла непосредственнаго успѣха. Броженіе въ странѣ не утихало, и на жизнь самого Минто былъ сдѣланъ цѣлый рядъ покушеній. Оставивъ свой постъ, графъ Минто удалился отъ политической дѣятельности, но все же изрѣдка выступалъ въ палатѣ лордовъ, защищая примирительную политику въ Индіи.

Руландъ, Густавъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 57 лѣтъ), экономистъ, авторъ многихъ работъ по аграрному вопросу, видный дѣятель германскаго „Союза сельскихъ хозяевъ". Въ первыхъ своихъ выступленіяхъ по вопросамъ экономической политики Руландъ заявилъ себя сторонникомъ свободы торговли и даже выступилъ однажды съ предложеніемъ основанія „антиаграрной лиги". Въ 1888—1890 гг. Руландъ путешествовалъ по Европѣ, Индіи, Австраліи и сѣверной Америкѣ для изученія важнѣйшихъ хлѣбныхъ рынковъ. Въ 1891 г. онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ католической высшей школѣ во Фрейбургѣ въ Швейцаріи, съ которой сохранилъ постоянную связь и послѣ переселенія въ Берлинъ. Во взглядахъ Руланда произошла радикальная перемѣна, онъ сдѣлался выразителемъ аграрно-консервативныхъ тенденцій, и германскій „Союзъ сельскихъ хозяевъ", причислившій его въ качествѣ „сотрудника по экономическимъ вопросамъ" (Volkswirtschaftlicher Beirat), пріобрѣлъ въ немъ усерднаго и цѣннаго защитника аграрныхъ интересовъ. На русскій языкъ переведена работа Руланда: „Ученіе объ установленіи цѣнъ на хлѣбные товары" (перев. подъ ред. А. Ф. Волкова, Спб., 1908).

Ниссенъ, Германнъ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 61 года), извѣстный нѣмецкій актеръ, предсѣдатель товарищества сценическихъ дѣятелей Германіи. Ниссенъ принималъ живое участіе въ боевыхъ выступленіяхъ этого товарищества, въ частности, въ борьбѣ за пересмотръ устарѣвшаго „нормальнаго" договора между директорами театровъ и актерами. Въ 80-хъ годахъ Ниссенъ игралъ въ петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ.

Ауцингеръ, Петеръ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 78 лѣтъ), мюнхенскій народный поэтъ, составившій себѣ популярное имя своими стихотвореніями на баварскомъ діалектѣ.

Кеттнеръ, Густавъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 62 лѣтъ) нѣмецкій историкъ литературы, профессоръ. Его работы относятся преимущественно къ классикамъ нѣмецкой литературы — Шиллеру, Лессингу, Гёте.

Аулинъ, Торъ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 47 лѣтъ), шведскій музыкантъ и композиторъ, директоръ Филармоническаго общества.

Ваншафе, Феликсъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 63 лѣтъ), профессоръ берлинской горной академіи, выдающійся геологъ.

Эберле, Адольфъ († въ мартѣ н. ст. 1914 г., 71 года), мюнхенскій художникъ, жанристъ. Его картины находятся во многихъ картинныхъ галлереяхъ Европы.

Мейли, Фридрихъ († въ январѣ н. ст. 1914 г., 66 лѣтъ), швейцарскій ученый, спеціалистъ по международному частному праву, профессоръ университета и предсѣдатель кассаціоннаго суда въ Цюрихѣ. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ работъ его относятся: Das internationale Zivil- und Handelsrecht auf Grund der Theorie, Gesetzgebung und

Praxis" (2 тома, 1902 г.), „Das Internationale Ziviprozessrecht" (3 тома, 1904—06) и др. Въ послѣдніе годы Мейли занимался вопросами международнаго законодательства относительно воздухоплаванія и издалъ книгу „Das Luftschiff im internationalen Recht und Völkerrecht" (1908).

Барокко, Джіованни († въ январѣ н. ст. 1914), римскій археологъ и нумизматикъ, сенаторъ. Десять лѣтъ тому назадъ онъ пожертвовалъ городу Риму великолѣпный музей, выстроенный въ ассирійско-египетскомъ стилѣ и содержащій богатыя античныя коллекціи.

Пфальцъ, Густавъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г.), профессоръ, директоръ глазной клиники въ Дюссельдорфѣ. Былъ предсѣдателемъ рейнскаго союза врачей.

Майръ, Михаэль († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 62 лѣтъ), австрійскій филологъ, профессоръ морской академіи въ Фіумэ; занимался изученіемъ современныхъ литературныхъ теченій.

Бертильонъ, Альфонсъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 61 года), извѣстный французскій антропологъ, начальникъ антропометрическаго бюро при парижской полицейской префектурѣ. Ему принадлежитъ идея примѣненія антропометрическихъ методовъ для распознаванія преступниковъ-рецидивистовъ. Разработанная и усовершенствованная имъ антропометрическая система была принята, частью или цѣликомъ, почти во всѣхъ культурныхъ странахъ. Въ частности, большой практическій успѣхъ имѣли разработанные имъ методы дактилоскопіи, т.-е. распознаванія личности по отпечаткамъ пальцевъ. Изъ его научныхъ трудовъ извѣстны: „Ethnographie moderne", „L'anthropometrie judiciaire à Paris en 1889", „Identification anthropométrique", „La photographie judiciaire" и др. Во время дѣла Дрейфуса онъ участвовалъ въ каллиграфической экспертизѣ и доказывалъ, что знаменитое бордеро дѣйствительно было написано Дрейфусомъ. Умершій Альфонсъ Бертильонъ былъ сынъ антрополога и статистика Луи-Адольфа Бертильона, въ свое время стоявшаго во главѣ бюро статистики Парижа, и братъ по мнѣнію извѣстнаго Жака Бертильона, который подобно отцу, завѣдывалъ парижскимъ статистическимъ бюро.

Локи, графъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 70 лѣтъ), японскій государственный дѣятель, бывшій въ 1898—1900 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ. Получилъ образованіе въ Германіи и былъ женатъ на нѣмкѣ. Три раза былъ посломъ въ Берлинѣ.

Гольцманнъ, Адольфъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 75 лѣтъ), извѣстный нѣмецкій филологъ, профессоръ санскритскаго языка и сравнительнаго языкознанія во Фрейбургскомъ университетѣ. Кромѣ различныхъ статей по своей спеціальности, онъ оставилъ послѣ себя обширный трудъ „Das Mahabharata und seine Telle", представляющій подробное историческое изслѣдованіе знаменитаго индійскаго эпоса.

Рычель, Германъ († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 67 лѣтъ), профессоръ высшей технической школы въ Шарлоттенбургѣ, спеціалистъ по отопленію и вентиляціи.

Каркано, Филиппо († въ февралѣ н. ст. 1914 г., 73 лѣтъ), ломбардскій художникъ. Большой извѣстностью пользуются его венеціанскія картины и пейзажи изъ природы Ломбардіи.

Литтварка, Альбредъ (род. 1852 г., † въ январѣ 1914 г.), директоръ художественнаго музея (Kunsthalle) въ Гамбургѣ, знаменитый спеціалистъ по эстетикѣ изобразительныхъ искусствъ и исторіи искусства. Въ качествѣ директора гамбургской галлереи въ нѣкоторомъ родѣ открылъ гамбургское искусство—въ лицѣ мейстера Франке и мейстера Бертрама въ XV в. и въ лицѣ Ф. О. Рунге и Ф. Вагнера въ началѣ XIX в. и создалъ изъ гамбургской галлереи превосходное собраніе картинъ разныхъ эпохъ. Литтваркъ, между про-

чимъ, первый поднялъ значеніе Макса Либерманна и обогатилъ гамбургскую галлерею болѣе чѣмъ 30 картинами этого мастера. Былъ превосходнымъ популяризаторомъ и пропагандистомъ искусства, обращавшимся къ широкой публикѣ. Его сочиненіе „Palastfenster u. Flügeltür" (1901 г.) составило эпоху въ эстетикѣ жилищной культуры. Извѣстны также его „Uebungen in der Betrachtung von Kunstwerken", сочиненіе выдержавшее 8 изданій. Идеаломъ самого Лихтварка былъ директоръ музея, являющійся въ одно и то же время практическимъ организаторомъ и интуитивнымъ пророкомъ.

Письмо въ редакцію.

Правленіе Тургеневской Общественной Библіотеки въ Парижѣ проситъ Васъ не отказать напечатать настоящее письмо.

Въ № 8 *Русской Мысли* за 1913 годъ г. Вѣтринскій въ статьѣ „Г. И. Успенскій въ 70-е и 80-е гг." (стр. 97—119) указываетъ, что литературно-музыкальное утро, устроенное И. С. Тургеневымъ для сбора средствъ на основаніе въ Парижѣ русской библіотеки, состоялось (въ Парижѣ, въ квартирѣ П. Віардо) 27 февраля 1876 года. Послѣ опубликованія переписки Тургенева со Стасюлевичемъ годъ основанія библіотеки установленъ съ безспорной точностью. Изъ нѣсколькихъ писемъ, въ которыхъ шла между ними бесѣда о библіотекѣ, можно сослаться на письмо отъ 6/18 января 1875 г., когда И. С. Тургеневъ впервые упомянулъ о томъ, что въ Парижѣ „устраивается небольшая русская читальня" („М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ", т. III, стр. 48). Тѣмъ не менѣе утвержденіе г. Вѣтринскаго возбуждало сомнѣніе, на которое до самаго послѣдняго времени, по крайней мѣрѣ у Правленія Библіотеки, не было отвѣта, также основаннаго на документальныхъ данныхъ,—сомнѣніе о датѣ музыкальнаго утра. Въ настоящій моментъ и этотъ вопросъ долженъ быть устраненъ. Проф. М. М. Ковалевскій, разбирая бумаги недавно скончавшагося въ Парижѣ русскаго ученаго Г. Н. Вырубова, нашелъ письмо И. С. Тургенева отъ 17 февраля 1875 г., въ которомъ онъ предлагалъ Вырубову взять билетъ на устраиваемое имъ музыкальное утро, имѣющее быть 27 февраля *1875* г. (не 1876 г.). Сборъ съ этого концерта, пишетъ Тургеневъ, пойдетъ „на основаніе русской читальни для неимущихъ студентовъ", т.-е. цѣль указана та именно, какая и значилась на пригласительномъ билетѣ, французскій текстъ котораго приведенъ г. Вѣтринскимъ въ упомянутой выше статьѣ.

Правленіе Библіотеки, располагающей въ настоящее время около 20,000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій, заботясь не только объ ея развитіи, но и объ установленіи ея исторіи въ особенности того періода, когда она находилась подъ вѣдѣніемъ самого И. С. Тургенева—„въ библіотекѣ,—пишетъ онъ Стасюлевичу въ 1876 году,—я принимаю дѣятельный интересъ" (ib., стр. 74),—Правленіе обращается съ убѣдительной просьбой ко всѣмъ, располагающимъ какими-либо свѣдѣніями о жизни Тургеневской Библіотеки, не отказать въ сообщеніи объ этомъ Правленію Библіотеки по адресу: Франція, Paris, 9, rue de Val-de-Grâce, Bibliothèque Russe Tourguénev.

Предсѣдатель Правленія *д-ръ Л. Шейнисъ.*

Секретарь *Н. Золотаревъ.*

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Мартъ **1914 года.**

Содержаніе: I. Книги: Литература, исторія литературы и литературная критика. — Философія и религія. — Исторія. — Политическая экономія, статистика и финансы. — Публицистика и политика. — Естествознаніе и математика. — Педагогика и народное образованіе. — Книги для дѣтей. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 февраля по 1 марта 1914 года.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Н. П. Шульговскій. Теорія и практика поэтическаго творчества.—*Гёте.* Тайны. Фрагментъ. Перев. *А. А. Сидорова.*—Русская литература въ источникахъ. Курсъ VI кл. реальн. училищъ. Ч. I и II.

Н. Н. Шульговскій. **Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1914 г. Ц. 3 р. Стр. XXIV+522.**

Книга г. Шульговскаго отвѣчаетъ насущной потребности. Въ каждомъ искусствѣ имѣется техническая сторона, для усвоенія которой не достаточно никакого врожденнаго таланта, а требуется внимательное и трудолюбивое изученіе. А, между тѣмъ какъ въ распоряженіи художниковъ и композиторовъ имѣются школы и академіи живописи, консерваторіи и разнообразнѣйшіе учебники,—поэты у насъ до сихъ поръ обречены быть самоучками. Каждому изъ нихъ предоставляется вновь, своими силами, находить тѣ законы русскаго стиха, которые уже найдены его предшественниками. Съ другой стороны, стихъ, какъ всякое явленіе, несомнѣнно подлежитъ научному изученію. Наука не должна проходить мимо стиха, не попытавшись выяснить и его основные законы, и его историческую эволюцію. Все это въ Россіи находится еще въ зачаткѣ. Лучшія работы по русской метрикѣ и ритмикѣ были написаны чуть ли не сто лѣтъ назадъ, въ до-Пушкинское время. Съ тѣхъ поръ, кромѣ отдѣльныхъ статей, разрабатывавшихъ частные вопросы, не появлялось въ этой области ничего, заслуживающаго вниманія. Поэтому работу г. Шульговскаго, поставившаго себѣ цѣлью связно изложить законы русскаго стиха, нельзя не привѣтствовать.

Авторъ въ значительной степени подготовленъ къ своей задачѣ. Онъ знаетъ метрику русскую и античную. Онъ знакомъ съ [illegible] и свои выводы строитъ на основаніи стиховъ не только нашихъ старыхъ поэтовъ, но и новыхъ (Бальмонта и др.). Большая часть того, что говоритъ г. Шульговскій, совершенно справедливо, и его книга, конечно,

будетъ очень полезна для начинающихъ писать стихи. Все это не значитъ, однако, что мы считаемъ трудъ г. Шульговскаго совершеннымъ. Напротивъ, мы видимъ въ его книгѣ много недостатковъ. Прежде всего мы считаемъ ошибкой избранный авторомъ методъ. Г. Шульговскій имѣетъ въ виду цѣли практическія и ведетъ изложеніе, примѣняясь къ читателю, вовсе неподготовленному, не имѣющему понятія даже о элементарнѣйшихъ правилахъ стихосложенія. Въ силу этого, изложеніе г. Шульговскаго лишено настоящей систематичности; автору приходится повторять одно и то же по нѣскольку разъ и давать пространнѣйшія объясненія вещамъ простѣйшимъ. Въ противорѣчіи съ этимъ стоятъ обширныя части труда, посвященныя античной метрикѣ. Для практическихъ цѣлей автора онѣ совершенно излишни и безъ пользы увеличиваютъ объемъ книги: можно было свободно ограничиться всего нѣсколькими замѣчаніями въ этой области. Далѣе, хотя авторъ, какъ мы говорили, и подготовленъ къ своему дѣлу, весьма многія тонкости русскаго стихосложенія остаются ему, повидимому, неизвѣстными. Мы не винимъ въ этомъ автора, такъ какъ узнать эти тонкости ему было не откуда, но должны отнести это къ числу недостатковъ книги. Разбирать эти недостатки подробно здѣсь—мы считаемъ неумѣстнымъ. Укажемъ только, какъ примѣръ, на связь между употребленіемъ пиррихіевъ и цезуръ въ двусложныхъ размѣрахъ: связь эта въ книгѣ г. Шульговскаго не выяснена совсѣмъ, а безъ нея теряетъ свое значеніе и все ученіе о пиррихіяхъ. Весьма несовершенными мы считаемъ и главы, посвященныя риѳмѣ: вопросъ можно освѣтить гораздо глубже по существу и гораздо интереснѣе съ исторической точки зрѣнія. Изъ отдѣльныхъ недостатковъ отмѣтимъ, что считаемъ совершенно ненужной всю главу (10-ю) о русскихъ изонахъ. Пэона, какъ особой стопы, въ русскомъ стихосложеніи существовать не можетъ. Приводимые г. Шульговскимъ примѣры написаны просто ямбами и хореями съ пиррихіями,—въ чемъ, впрочемъ, косвенно, сознается и авторъ.

Все же, въ общемъ, какъ единственная и добросовѣстная работа въ своей области, книга г. Шульговскаго заслуживаетъ широкаго распространенія. Съ ней должны бы ознакомиться всѣ, желающіе писать стихи по-русски или относиться къ стихамъ сознательно. Знакомство съ данными, изложенными г. Шульговскимъ, столь же необходимо для пониманія стиховъ, какъ знакомство съ элементарнымъ учебникомъ „теоріи музыки“ для пониманія музыки.

Валерій Брюсовъ.

Гете. **Тайны. Фрагментъ. Предисловіе Г. А. Рачинскаго. Переводъ А. А. Сидорова. Москва, 1914 г. Стр. XX+27. Ц. 50 коп.**

Гете, какъ это ни странно, почти неизвѣстенъ русскому читателю. Вышедшіе когда то переводы избранныхъ его произведеній (въ двухъ изданіяхъ—Вейнберга и Гербеля) не удовлетворяли даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ критики. Переводы были въ огромномъ большинствѣ невѣроятно плохи, а во вступительной статьѣ Гербеля въ его изданіи мы натолкнулись на такой перлъ, какъ отождествленіе героини „Римскихъ элегій“ съ Беттиной Арнимъ (которая въ эпоху „Римскихъ элегій“ была грудным младенцемъ). Въ прошломъ году московское издательство „Окто“ выпустило новое изданіе избранныхъ сочиненій Гете, которое, надо надѣяться, будетъ хоть немного содѣйствовать зна-

комству русскихъ читателей съ Гете. Во всякомъ случаѣ, пока дѣло обстоитъ такъ, что средній русскій, такъ называемый образованный, человѣкъ знаетъ одного только „Фауста", да еще не всякій можетъ отличить „Фауста" Гете отъ „Фауста" Гуно. При этихъ условіяхъ переводъ всякаго еще неизвѣстнаго въ Россіи произведенія Гете обращаетъ на себя вниманіе. А если этотъ переводъ даетъ къ тому же произведеніе, принадлежащее къ самымъ глубокимъ и философски важнымъ твореніямъ гетевскаго генія, то интересъ нашъ еще усиливается. Вѣдь Гете-мыслитель уже совершенно неизвѣстенъ доселѣ у насъ, какъ въ прозаическихъ, такъ и въ подавляющемъ большинствѣ поэтическихъ своихъ созданій. Къ числу лучшихъ, поэтически и философски наиболѣе интересныхъ и глубокихъ созданій религіознаго генія Гете принадлежитъ и фрагментъ „Die Geheimnisse", предложенный теперь въ русскомъ переводѣ г. Сидор вымъ. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ свидѣтельствуетъ только о добрыхъ намѣреніяхъ переводчика, но ни о чемъ больше. И поэтическія, и философскія достоинства оригинала въ немъ исчезли безслѣдно. Справиться съ гетевскими октавами оказалось переводчику такъ трудно, что въ жертву тройныхъ риѳмъ принесены и точность, и поэтическое изящество, и даже простая понятность и литературность рѣчи. Кто, наприм., узнаетъ знаменитое опредѣленіе космическаго значенія самопреодолѣнія воли: „Von der Gewalt, die alle Wesen bindet, befreit der Mensch sich, der sich überwindet": въ неуклюжихъ, неточныхъ и мало вразумительныхъ словахъ перевода „Отъ тяжкой власти, *всѣхъ людей увязшей*, свободенъ—самъ себя лишь побѣдившій"? (Намъ невольно предносится здѣсь болѣе правильный, думается, и простой переводъ: „Надъ силой той, что естество связуетъ, себя преодолѣвшій торжествуетъ".) Вмѣсто трогательно-простого описанія значенія символа креста въ человѣческой жизни: Zu dem viel tausend Geister sich verpflichtet, zu dem viel tausend Herzen warm gefleht" мы имѣемъ по-русски: „Къ кому всегда весь родъ людской *стремило* моленно безчисленныхъ сердецъ". Иногда нѣмецкій текстъ, повидимому, просто остался непонятымъ (напримѣръ, въ послѣднихъ двухъ стихахъ первой строфы). Приводить здѣсь дальнѣйшія неудовлетворительныя мѣста изъ перевода невозможно—весь переводъ въ цѣломъ долженъ быть признанъ совершенно неудовлетворительнымъ. Г. А. Рачинскій снабдилъ его освѣдомленнымъ, основательнымъ предисловіемъ, но предисловіе не можетъ сдѣлать пустое мѣсто, какимъ для русскаго читателя, незнакомаго съ оригиналомъ, является переводъ г. Сидорова, содержательнымъ и интереснымъ.

Ничтожная попытка г. Сидорова должна была бы быть обойдена молчаніемъ, если бы она не служила свидѣтельствомъ несомнѣнной *потребности* имѣть по-русски хоть немногія, самыя цѣнныя жемчужины гетевскаго генія. Намъ думается, что на нашихъ русскихъ мастерахъ поэзіи, на людяхъ, дѣйствительно владѣющихъ техникой стиха, лежитъ прямая *обязанность* потрудиться надъ пріобщеніемъ Гете къ русской культурѣ. Что это есть задача, по трудности и благодарности достойная именно лучшихъ, подлинныхъ русскихъ поэтовъ, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. А что эта работа была бы для Россіи крупнымъ культурнымъ дѣломъ—въ этомъ, думается, тоже нельзя сомнѣваться.

С. Франкъ.

Русская литература въ источникахъ. Курсъ VI класса реальныхъ училищъ. Ч. I и II. Составили И. М. Владимірскій, М. И. Струженскій, В. О. Дудинъ. А. П. Стеблевъ и А. С. Толстовъ, преподаватели московскаго 1-го реальнаго училища. М., 1913 г. Стр. 424 + 442. Ц. 1 р. 25 к. за каждую часть.

Коллективный трудъ московскихъ педагоговъ охватываетъ русскую литературу XVIII и первой трети XIX вв., отъ петровской азбуки и до Пушкина включительно. Составители не дали предисловія къ своей хрестоматіи и уклонились отъ объясненія мотивовъ и пріемовъ работы. Жаль: кое-что нуждается не только въ объясненіи, но и въ оправданіи. Матеріалъ въ хрестоматіи собранъ большой; представлены не только первоклассные, но и второстепенные, даже третьестепенные поэты и писатели, напримѣръ, Даниловъ, Болотовъ, кн. Щербатовъ, Цыгановъ, Денисъ Давыдовъ; изъ Жуковскаго взяты не только стихотворенія, но и письмо о смерти А. С. Пушкина (къ его отцу) и письмо къ Н. В. Гоголю о поэтѣ и современномъ его значеніи; для Пушкина данъ интересный выборъ изъ его литературныхъ замѣтокъ. Но черты небрежности и вмѣстѣ съ тѣмъ претенціозности замѣтно проступаютъ въ книгѣ. На первой страницѣ первой части воспроизведена fac-simile петровская азбука, но не объяснено, откуда снимокъ сдѣланъ; для образца драмъ петровскаго времени взятъ „Сципіо Африканъ", но читателямъ-школьникамъ не указано, что приводятся только отрывки, и отрывки эти не связаны пересказами пропущеннаго; не воспроизведено ни одной интермедіи XVIII в.; взято предисловіе къ „Димитрію Самозванцу" Сумарокова, но отрывковъ самой пьесы нѣтъ; многія произведенія не датированы. Зато текстъ „Горя отъ ума" напечатанъ съ непонятною и безполезною роскошью: изъ изданія 1889 г. (подъ редакціей И. А. Шляпкина) взяты подстрочныя примѣчанія съ варіантами по всѣмъ спискамъ и печатнымъ изданіямъ; источникъ заимствованія составителями скрытъ, сокращенное обозначеніе у Шляпкина: *Рев.* (т.-е. ревельское нѣмецкое изд. 1831 г.) превратилось при этомъ въ загадочный „Ревъ", крупныхъ же и художественно законченныхъ варіантовъ Музейнаго автографа не приводится. Аналогичный пріемъ примѣненъ и къ „Трумфу" Крылова. Всѣ эти недостатки портятъ впечатлѣніе и понижаютъ шансы новой хрестоматіи въ ея состязаніи съ другими школьными изданіями того же типа.

Н. Пиксановъ.

ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ.

Новыя идеи въ философіи. Непеpіодическое изд. подъ ред. *Н. О. Лосскаго* и *Э. Л. Радлова.* Сборники №№ 10, 11, 12, 13 и 14.

Новыя идеи въ философіи. Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Изд. „Образованіе". Спб. Сборникъ № 9. Методы психологіи. I. № 10. Методы психологіи. II. № 11. Теорія познанія и точныя науки. № 12. Къ исторіи теоріи познанія. № 13. Современные метафизики. I. № 14. Этика. I. 1913—1914 г. Ц. каждаго сборника 80 коп.

Изданіе „Новыхъ идей въ философіи", о предыдущихъ выпускахъ котораго мы уже дважды давали отчетъ въ *Русской Мысли*, продолжаетъ выходить весьма энергично. За текущій сезонъ выпущено шесть сборниковъ, темы которыхъ обозначены выше. Не все, разумѣется, въ

этихъ сборникахъ имѣетъ одинаковую цѣнность; часто, повидимому, въ виду связанности объемомъ сборника и необходимости помѣщать только краткія и вполнѣ законченныя работы, редакція не имѣетъ достаточнаго матеріала для выбора и на-ряду съ дѣйствительно цѣнными и интересными статьями помѣщаетъ вещи, имѣющія развѣ только мимолетный интересъ. Но въ общемъ каждый выпускъ всегда даетъ въ предѣлахъ своей темы кое-что подлинно существенное, что иначе осталось бы неизвѣстнымъ русскому читателю. Въ двухъ первыхъ сборникахъ, посвященныхъ весьма актуальному вопросу о „Методахъ психологіи", особый интересъ представляетъ статья Г. И. Челпанова „Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи", впервые знакомящая въ общей и доступной формѣ съ интереснѣйшимъ направленіемъ современной психологіи мышленія (главнымъ образомъ школы Кюльпе), которое совершенно измѣняетъ общераспространенное пониманіе „экспериментальной психологіи" и ея отношенія къ общей психологіи; статья А. О. Кони о психологіи свидѣтельскихъ показаній, статьи гг. Филиченко, Суханова, Оршанскаго о зоопсихологіи, патопсихологіи и психологіи дѣтей. Напротивъ, статья Вундта „Психологія въ борьбѣ за существованіе", написанная по поводу нашумѣвшаго предложенія группы нѣмецкихъ профессоровъ объ отдѣленіи экспериментальной психологіи отъ каѳедры философіи, имѣетъ лишь чисто злободневное и мѣстное значеніе и почти ничего не привноситъ въ уясненіе теоретическаго вопроса о сущности психологіи. Сборникъ № 11 даетъ три статьи (Лассвица, Герце и Кунце) по общимъ вопросамъ физическаго и матеріалистическаго міровоззрѣнія; сборникъ № 13 даетъ основательное изложеніе трехъ современныхъ метафизическихъ системъ Гартмана, Ревувье и Вундта въ работахъ гг. Дебольскаго, Лавшина и Крогіуса; сборникъ № 14 предлагаетъ въ трехъ статьяхъ (Целлера, Зигварта и Бауха) изложеніе и оцѣнку этической системы критицизма (здѣсь слѣдовало бы воспользоваться—быть можетъ, редакція сдѣлаетъ это въ дальнѣйшихъ сборникахъ по этикѣ—замѣчательной критикой этики Канта въ статьѣ Макса Шелера, помѣщенной въ *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*). Но особенно насъ порадовалъ сборникъ № 12 „Къ исторіи теоріи познанія". Имъ редакція „Новыхъ идей", повидимому, дѣлаетъ первый шагъ въ расширеніи сферы своего изданія. Было бы несомнѣнной ошибкой понимать задачу изданія въ узкомъ смыслѣ, буквально соотвѣтствующемъ его названію, и давать дѣйствительно только „новинки", модныя идеи сегодняшняго дня. Въ философіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо то, что абсолютно ново, имѣетъ по большей части спорную цѣнность, а все дѣйствительно цѣнное и глубокое имѣетъ корни въ прошломъ и можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, найдено у старыхъ и забытыхъ мыслителей; воскрешеніе такихъ *старыхъ* идей можетъ имѣть значеніе подлинной *новизны* въ отношеніи господствующихъ въ настоящее время воззрѣній. Въ этомъ смыслѣ интереснымъ началомъ является разсматриваемый сборникъ, въ которомъ даны небольшія работы гносеологическаго характера—Якоби („О трансцендентальномъ идеализмѣ"), Фихте (классическое „Первое введеніе въ наукоученіе" и „Наукоученіе въ его общихъ чертахъ" (1810), въ сжатомъ видѣ излагающее позднѣйшее міросозерцаніе Фихте) и Шеллинга („Философскія письма о догматизмѣ и критицизмѣ" и „Иммануилъ Кантъ", послѣдняя статья, впро-

чемъ, теоретически ничтожна). Если редакція будетъ продолжать въ этомъ духѣ знакомить русскую публику по первоисточникамъ съ исторіей философскихъ идей, то этимъ будетъ внесенъ цѣннѣйшій вкладъ въ русскую философскую литературу. Отмѣтимъ еще, что въ этомъ сборникѣ, какъ и въ сборникѣ о современныхъ метафизикахъ, помѣщены хорошіе портреты мыслителей, идеямъ которыхъ посвящены эти книжки.

С. Франкъ.

ИСТОРІЯ.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа.—Сборникъ статей въ честь Д. А. Корсакова.—Война и миръ. Сборникъ, посвященный памяти Л. Н. Толстого. Подъ ред. *В. П. Обнинскаго* и *Т. Н. Полнера.*

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа. Приложеніе: отвѣтъ проф. Субботину. Изд. 2-е, М. С. Елова. Сергіевъ Посадъ, 1913 г. Стр. VIII+271. Ц. 2 р.

Интересная книга проф. Каптерева разсматриваетъ время патріаршества Іосифа — это „подготовительное время для реформы Никона". Книга имѣетъ свою исторію, характерную и поучительную. Этой исторіи слегка касается авторъ въ предисловіи ко второму изданію. Появленіе книги первымъ изданіемъ въ 1887 году и заключавшіяся въ ней „историческія разъясненія вопроса о перстосложеніи въ крестномъ знаменіи вызвали сильное негодованіе проф. Субботина, тогдашняго первѣйшаго и признаннаго авторитета въ сужденіяхъ о русскомъ старообрядчествѣ". Возраженіе автора (помѣщенное имъ въ *Прав. Обозр.* за 1888 г.) на обвиненія проф. Субботина, напечатано въ видѣ приложенія къ настоящему изданію книги и несомнѣнно представляетъ не только научный, но также и историко-культурный интересъ, показывая, въ какихъ условіяхъ еще недавно находился (да и только ли *находился?*) изслѣдователь при изученіи вопросовъ нашей церковной исторіи. „По настояніямъ проф. Субботина предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ дальнѣйшее печатаніе" изслѣдованія проф. Каптерева о Никонѣ „было совсѣмъ запрещено"; оно „появилось только въ настоящее время въ двухъ томахъ [1]), но уже какъ новое и оригинальное, сравнительно съ прежнимъ, изслѣдованіе" (стр. VIII).

Какъ извѣстно, негодованіе проф. Субботина Н. Ѳ. Каптеревъ вызвалъ главнымъ образомъ своимъ утвержденіемъ, что „двуперстіе не есть выдумка московскихъ книжниковъ, не есть обычай армянскій или латинскій, но обычай православный, очень древній, несомнѣнно, существовавшій въ греческой церкви, но потомъ ею оставленный" (стр. 190). Понятно все значеніе этой мысли Н. Ѳ. Каптерева для вопроса о культурной позиціи Никона и старообрядцевъ.

Книга проф. Каптерева появляется въ томъ же видѣ, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, безъ всякихъ измѣненій. Результаты послѣдующей научной работы на книгѣ не отразились. Нѣтъ и указанія новѣйшей литературы вопроса. Несмотря на это, нельзя, конечно, не привѣтствовать настоящаго изданія книги.

Г. Вернадскій.

---

[1]) „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. I, 1909 г., т. II, 1912 г.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. По поводу сорокалѣтія его ученой и пятидесятилѣтія учено-литературной дѣятельности. Исторія.—Исторія литературы.—Археологія.—Языковѣдѣніе.—Философія.—Педагогика. Казань, 1913 г. Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева. Стр. XIV+526. Цѣна 3 р. 90 к.

Такой книги нельзя рецензировать: для этого ея содержаніе слишкомъ разнообразно. [1]) Поэтому мы лишь отмѣчаемъ появленіе подобнаго сборника (кстати сказать, превосходно изданнаго) въ Казани какъ отрадный симптомъ роста русской научной культуры и научно-моральной солидарности ея дѣятелей.

---

[1]) Въ сборникъ вошли слѣдующія статьи: *Огородниковъ, В. И.*: „Сборникъ трудовъ Д. А. Корсакова". *Завитневичъ, В. З.*: „Особенности поэтическаго творчества А. С. Хомякова". *Чечулинъ, Н. Д.*: «Предпослѣднее слово объ источникахъ «Повѣсти». *Семенцевъ, А. М.*: «Карлъ Гавличекъ о русской литературѣ и «славяно-православной партіи"». *Огородниковъ, В. И.*: „Иванъ III и зарубежные евреи (Хозя Кокосъ и Захарія Гунзъ-Гурсисъ"). *Миротворцевъ, Н. В.*: „Къ вопросу о девальваціи египетской серебряной драхмы". *Грацианскій, Н. И.*: „Къ вопросу объ аграрныхъ отношеніяхъ древнихъ германцевъ времени Цезаря". *Миковельскій, А. О.*: „Этико-политическая система Гоббса". *Кизеветтеръ, А. А.*: „Къ исторіи внутреннихъ таможенъ въ Россіи". *Будде, Е. Ф.*: „Основы синтаксиса русскаго языка". *Харламповичъ, К. В.*: „Ломоносовъ Крижаничскій". (Изъ исторіи культурнаго вліянія западной Руси на восточную въ XVII в.). *Аналовъ, Д. В.*: „Два примѣчанія къ тексту Летописи Новгородскаго". *Клочковъ, М. В.*: „О тайномъ архивѣ" (при сенатѣ). *Готье, Ю. В.*: „Изъ исторіи областного управленія XVIII в. Постоянныя учрежденія и особыя порученія". *Писаревскій, Г. Г.*: „Путешествіе цесаревича Константина Павловича по Германіи въ 1825 г., имъ самимъ описанное". *Ильинскій, Л. К.*: „Русскій на западѣ въ 1659 г.". *Лаппо, И. И.*: „Лимитація господарскаго дворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предъ учрежденіемъ Главнаго Литовскаго Трибунала". *Синалевичъ, С. И.*: „О составѣ населенія города Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ" (30 г. до Р. Хр.—284 г. по Р. Хр.). *Миндалевъ, И. И.*: „Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ и былинный эпосъ". *Лясконоскій, В. Г.*: „Сѣверные князья и половцы передъ нашествіемъ на Русь монголовъ". *Тураевъ, Б. А.*: „Изъ абиссинскихъ историческихъ легендъ". *Петровскій, Н. М.*: «Идея поэмы «Іоаннъ Дамаскинъ» гр. А. К. Толстого". *Арцимовичъ, И. Г.*: „Къ вопросу о происхожденіи русской общины". *Шкурко, Е. Ф.*: «Кончина Петра Великаго и вступленіе на престолъ Екатерины I». (По данныхъ государственнаго архива въ Гаагѣ.) *Шестаковъ, С. П.*: „Византійскій посолъ на Руси Мануилъ Комненъ". *Доенаръ-Запольскій, М. В.*: „Война 1812 г. и современное ей русское общество". *Шахматовъ, А. А.*: „Нѣсколько словъ о Воронцовскомъ историческомъ сборникѣ XII в.". *Иванонскій, В. Н.*: „О нѣкоторыхъ недоумѣніяхъ, вызываемыхъ «интуитивизмомъ» Н. О. Лосскаго". *Богомоловъ, А. И.*: „О частяхъ рѣчи" (къ лингвистическій методологіи). *Щербаковъ, И. А.*: „Аполлійская полика". (Изъ собранія греческихъ и италійскихъ вазъ музея изящныхъ искусствъ имени им. Александра III при им. моск. университетѣ.) *Васильевъ, И. А.*: Логическій и историческій методъ въ этикѣ". (Объ этическихъ системахъ Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева.) *Хвостовъ, М. М.*: „О соціальномъ характерѣ воинской тиранніи VI вѣка". *Мураевъ, А. Г.*: „Emphyteuticario iure et libellario nomine". (Изъ исторіи земельныхъ отношеній въ Средней Италіи въ IX—XIII в.). *Красновскій, А. А.*: „Педагогика какъ наука". (Къ исторіи вопроса.) *Грушевскій, М. С.*: „Одна изъ легендъ Хмельниччины. Хмельницкій и Ливчиха". *Мальмберъ, В. К.*: „Воинъ на золотой общинкѣ изъ Черемисинскаго кургана и на вазѣ изъ Галы". Статья г. Архангельскаго, вышедшая отдѣльнымъ оттискомъ, была рецензирована А. А. Кауфманомъ въ *Русской Мысли* [illegible], для чего г. Грушевскому понадобилось печатать статью на малорусскомъ языкѣ. Это доказательство малорусскаго языка лишено въ данномъ случаѣ всякаго смысла и значенія, ибо совершенно ясно, что съ языковой точки зрѣнія гораздо разумнѣе въ такомъ сборникѣ было напечатать статью на общерусскомъ языкѣ. Наукоиздательскій ученый сборникъ есть мѣсто, гдѣ нужно и полезно демонстрировать богатство и развитіе малорусскаго языка? Вѣдь, слава Богу, г. Грушевскій не разучился писать на общерусскомъ языкѣ.

30 іюня 1912 г. исполнилось пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности Д. А. Корсакова, профессора казанскаго университета, извѣстнаго своими спеціальными трудами, относящимися къ разнымъ эпохамъ русской исторіи. 35 человѣкъ соединилось чтобы почтить юбиляра поднесеніемъ сборника ученыхъ статей—изъ этихъ 35 болѣе половины (19) дѣйствуетъ въ Казани, мѣсто дѣятельности юбиляра. Это обстоятельство само по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ русскихъ провинціальныхъ университетахъ существуетъ подлинная научная жизнь и въ *коллективномъ* творчествѣ создается и множится научная культура. Ростъ (количественный и качественный) русской науки есть одно изъ самыхъ безспорныхъ проявленій жизненности русской національной стихіи, и, наперекоръ разнымъ неблагопріятнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, этотъ ростъ неуклонно совершается. Наука русской исторіи, въ частности, есть, быть можетъ, наиболѣе зрѣлая и наиболѣе національно самостоятельная отрасль русской научной работы вообще. То время, когда въ этой наукѣ первое мѣсто занимали и руководящее значеніе имѣли иностранцы, далеко отстоитъ отъ насъ. Это опредѣляется ея національнымъ предметомъ, и въ настоящее время наукѣ русской исторіи можно лишь пожелать преодолѣть тотъ характеръ мало связанной съ другими историческими дисциплинами, замкнувшейся въ свой предметъ спеціальности, который эта научная дисциплина пріобрѣла именно въ силу особенностей ея національнаго предмета и который, какъ чрезмѣрная спеціализація вообще, вошелъ въ наши научные нравы, являясь однако признакомъ не культурной силы, а, наоборотъ, культурной слабости.

Петръ Струве.

Война и миръ. Сборникъ, посвященный памяти Льва Николаевича Толстого и изданный книгоиздательствомъ „Задруга". Подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. М., 1912 г. (Былъ наложенъ арестъ).

Мысль издать въ юбилей двѣнадцатаго года сборникъ, посвященный памяти автора „Войны и мира" и притомъ по содержанію своему непосредственно относящійся къ этому безсмертному произведенію, лучше всего могущему въ художественной формѣ передать и запечатлѣть въ нашей памяти общія черты той великой эпохи,—мысль, безъ сомнѣнія, законная и заслуживающая всякаго сочувствія. Редакторы сборника говорятъ въ своемъ предисловіи, что у составителей его была мысль: „соединенными силами дать комментарій къ великому творенію Толстого". Но осуществленію этой мысли прямо соотвѣтствуютъ лишь статьи, помѣщенныя въ первой части сборника. Это статьи Т. И. Полнера „Война и миръ" Л. Н. Толстого: а) „Авторъ, б) Произведеніе"; статьи К. В. Покровскаго: „Исторія работы Л. Н. Толстого надъ романомъ «Война и миръ»" и „Источники романа «Война и миръ»", и отчасти статья В. Н. Перцева: „Философія исторіи Л. Н. Толстого". Всѣ остальныя статьи выходятъ въ сущности за предѣлы простого комментарія къ „Войнѣ и миру". Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, наприм., статьи гг. Дживелегова и Мельгунова, стремятся, *въ противовѣсъ* изображенію Толстого, дать будто бы исторически вѣрное изображеніе, съ одной стороны, личностей Александра и Наполеона, а съ другой—самыхъ событій войны 1812 г. Но художественное изображеніе личностей обоихъ знаменитыхъ императоровъ неизмѣримо ближе къ исторической истинѣ

въ романѣ „великаго писателя земли русской", нежели явно тенденціозное изображеніе ихъ въ статьѣ г. Дживелегова, похожей болѣе на публицистическое произведеніе завзятаго поклонника Наполеона, нежели на безпристрастное историческое произведеніе. Въ статьѣ же г. Мельгунова явно сгущены краски для изображенія одной лишь ужасной отрицательной стороны войны, и потому получается въ результатѣ картина, быть можетъ, могущая хорошо служить для возбужденія ненависти къ войнѣ вообще, но дающая зато весьма тенденціозное и однобокое изображеніе событій той незабвенной эпохи. Авторъ этой статьи самъ сознаетъ, что краски у него „иногда сгущены". Въ своемъ стремленіи нарисовать ужасающую картину войны, для чего, конечно, война 1812 г. даетъ наиболѣе благодарный матеріалъ, авторъ обвиняетъ Толстого въ стараніи затушевать отрицательныя стороны народной войны двѣнадцаго года и нападаетъ на Толстого, автора „Войны и мира", во имя идей, проповѣдывавшихся Толстымъ въ послѣдующіе годы его жизни,—идей, которыхъ изложеніе дано въ заключительной статьѣ сборника „Война и миръ въ ученіи Л. Н. Толстого" Л. С. Козловскаго. Статьи г. Пичеты „Война и промышленность", какъ и другія его статьи, относящіяся къ эпохѣ 1812 г. (о которыхъ данъ отзывъ въ XII кн. *Р. М.* за 1913 г.), слѣдуетъ новой теоріи гг. Военскаго и Карцева и не имѣетъ уже никакого отношенія къ произведенію Л. Н. Толстого, такъ же, какъ и другія статьи этого сборника, трактующія о вліяніи войны 1812 года на духовную жизнь Россіи (г. Сивкова), о войнѣ 1812 г. въ живописи (г-жи Степановой) и о войнѣ сто лѣтъ назадъ и теперь (г. Обнинскаго); впрочемъ, эта послѣдняя статья пользуется для иллюстраціи изложенныхъ въ ней мыслей художественнымъ матеріаломъ, содержащимся въ романѣ Толстого.

Что касается основныхъ статей сборника, перечисленныхъ выше, то о статьѣ г. Полнера слѣдуетъ сказать, что она почти цѣликомъ составлена по даннымъ бирюковской біографіи Толстого и въ сравненіи съ ней даетъ мало новаго. Въ статьяхъ же К. В. Покровскаго заключается главный интересъ сборника, особенно во второй изъ нихъ, которая задается цѣлью выяснить всѣ источники „Войны и мира" и дѣйствительно очень добросовѣстно и интересно выполняетъ эту задачу.

А. Корниловъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ, СТАТИСТИКА И ФИНАНСЫ.

Жизнь деревни. Первый сборникъ.—*А. М. Гейрманъ.* Соціологія Уорда и ея отношенія къ соціологическимъ построеніямъ Маркса.—*Р. Б. Моргана.* Элементарныя графики. Перев. *М. Щербацевича.*

ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ. 1-Й СБОРНИКЪ. ИЗДАНІЕ СТУДЕНЧЕСКАГО КРУЖКА ОБЩЕСТВЕННОЙ АГРОНОМІИ ПРИ МОСК. СЕЛЬСКОХОЗ. ИНСТИТУТѢ (ПЕТРОВСКАЯ АКАДЕМІЯ). М., 1913 г. Стр. VI+91+98. Ц. 1 р. 30 к.

Это изданіе заслуживаетъ сочувствія не только по замыслу, но и по исполненію, по настроенію, какое мы находимъ въ этомъ первомъ выпускѣ сборниковъ, задуманныхъ „Московскимъ студенческимъ кружкомъ общественной агрономіи". Самое большое достоинство, которое

слѣдуетъ отмѣтить, это стремленіе сохранить объективность, отсутствіе тенденціозности въ оцѣнкѣ явленій народной жизни, при наличности, вмѣстѣ съ тѣмъ, у авторовъ самаго живого, сочувственнаго интереса къ деревнѣ и крѣпкой вѣры въ свою работу. Въ очеркахъ г. Н. Бабынина, имѣющихъ полубеллетристическую форму, изображается безъ прикрасъ, хотя и безъ осужденія, скорѣе съ болью въ сердцѣ, рядъ темныхъ явленій въ крестьянской массѣ; авторъ обнаруживаетъ умѣнье и желанье учиться у самой жизни, на непосредственныхъ живыхъ наблюденіяхъ; можно только было бы пожелать, чтобы онъ еще меньше заботился о внѣшней красивости формы, о приближеніи къ художественному изложенію. Живо написаны „впечатлѣнія отъ крестьянскаго хозяйства Олонецкой губерніи", авторъ которыхъ, г. П. Владыкинъ, „попалъ въ уголокъ далекаго прошлаго, гдѣ пашутъ такъ, какъ пахали до Петра, гдѣ поютъ старыя пѣсни и сказываютъ поэтичныя были": разумъ агронома радуется намѣчающемуся перелому, чувство противится исчезновенію стараго быта съ былинами, старинной одеждой, старымъ семейнымъ укладомъ. Интересны и очерки г. П. Гавсѣвича о крестьянскомъ хозяйствѣ Южной Волыни и о промыслѣ сбора лѣкарственныхъ травъ въ Лубенскомъ уѣздѣ. Менѣе подходятъ, какъ мнѣ кажется, къ идеѣ сборниковъ, задуманныхъ кружкомъ общественной агрономіи, такія статьи, какъ „Итоги четырехлѣтняго землеустройства на общинныхъ земляхъ"— это статистическій очеркъ, основанный на офиціальныхъ матеріалахъ, и и имѣющій въ виду изученіе общерусскихъ условій. Чѣмъ больше въ слѣдующихъ выпускахъ будетъ *непосредственныхъ* наблюденій, *лично* пережитого и прочувствованнаго опыта и *мѣстнаго* отпечатка, тѣмъ больше успѣха можно предсказать „Жизни деревни". Пожелаемъ, чтобы ничто не помѣшало продолженію этого хорошаго и интереснаго изданія.

А. Рыкачевъ.

А. М. Гвирцманъ. **Соціологія Уорда и ея отношенія къ соціологическимъ построеніямъ Маркса. (Нѣкоторые существенные моменты современнаго развитія соціологіи и ихъ связь съ тенденціями развитія экономической науки.) Труды экономическаго семинарія подъ руководствомъ М. И. Туганъ-Барановскаго при юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Выпускъ II. С.-Петербургъ, 1913 г. Стр. 200.**

Книга эта производитъ весьма смѣшанное впечатлѣніе. У автора есть несомнѣнный научный интересъ и проблески самостоятельныхъ мыслей научнаго порядка. Однако, въ такомъ видѣ, въ какомъ книга появилась въ свѣтъ, ее вообще рѣшительно не слѣдовало издавать. Въ частности же появленіе *семинарской* работы въ такомъ непряшливомъ и безпризорномъ видѣ прямо недопустимо. Въ работѣ нѣтъ никакихъ точныхъ литературныхъ ссылокъ. Изложеніе ведется pêle-mêle— невозможно сказать, гдѣ кончается Лестеръ Уордъ и начинается Гвирцманъ. Отдѣльныя интересныя мысли автора тонутъ въ морѣ словесности и схоластики, вообще характерной для бо́льшей части такъ называемой соціологической литературы. Несмотря на проблески интересныхъ мыслей, въ книгѣ обнаруживается отсутствіе серьезнаго соціологическаго образованія и философской культуры. Написать, напримѣръ, безъ всякихъ оговорокъ, что „кастовая дифференціація есть въ основѣ своей та же расовая" (стр. 135), можно въ настоящее время лишь при

полномъ незнакомствѣ съ современной литературой вопроса о кастахъ. Но у г. Гвиримана отсутствуетъ вообще сколько-нибудь ясное пониманіе того, что такое „каста", и слово это онъ употребляетъ въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, который былъ въ ходу до дѣйствительнаго изслѣдованія проблемы кастоваго строя. Это вообще характерно для автора: подъ его соціологическими обобщеніями, которыя являются варіаціями на темы Маркса и Лестера Уорда, нѣтъ солиднаго фундамента подлиннаго знакомства съ фактами, настоящей экономической и исторической эрудиціи. Такимъ образомъ о *книгѣ* г. Гвиримана слѣдуетъ безъ всякихъ оговорокъ высказаться отрицательно. Но *авторъ* этой незрѣлой и неудобоваримой книги—способный человѣкъ, который при надлежащей самокритикѣ и, можетъ быть, при надлежащемъ руководствѣ способенъ стать полезнымъ и подающимъ научнымъ работникомъ.

Петръ Струве.

Р. Б. Морганъ. Элементарныя графики. Съ чертежами въ текстѣ и 16-ю отдѣльными таблицами чертежей на миллиметровой бумагѣ. Переводъ съ англійскаго М. Щербацевичъ. Книжн. магаз. П. В. Луковникова. С.-Петербургъ, 1913 г. Стр. 84+6 стр. таблицъ. Ц. 75 к.

Повидимому, книжка предназначалась авторомъ для учащихся, находящихся на первыхъ ступеняхъ обученія. Въ ней въ очень элементарной формѣ излагаются нѣкоторые основные принципы аналитической геометріи, начиная съ понятій о положительныхъ и отрицательныхъ количествахъ и ихъ примѣненіи къ пространственнымъ представленіямъ и кончая графиками квадратныхъ уравненій. Книжка составлена толково и пересыпана большимъ количествомъ примѣровъ, иногда весьма занимательныхъ. Надо думать, что въ *англійскихъ* условіяхъ она является очень полезнымъ пособіемъ.

Переводчикъ замѣнилъ нѣкоторые примѣры, содержащіе статистическія данныя изъ жизни Великобританіи, примѣрами, взятыми изъ русской жизни, большую часть англійскихъ единицъ мѣры замѣнилъ русскими и прибавилъ рядъ новыхъ примѣровъ. Но всѣ эти измѣненія не превратили еще руководство Моргана въ *русскій* учебникъ: въ немъ осталось слишкомъ много чисто англійскихъ элементовъ, не приспособленныхъ для нашего ученика. Такъ, напримѣръ, понятіе объ отрицательныхъ количествахъ выясняется авторомъ на процессѣ бухгалтерскихъ записей въ дебетъ и кредитъ на примѣрѣ игры въ крикетъ. Поэтому едва ли книжка пойдетъ въ качествѣ пособія въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но въ извѣстныхъ случаяхъ она можетъ оказаться полезной для совсѣмъ другого читателя: для экономиста или статистика, уже позабывшаго математику. Руководство Моргана даетъ возможность *освѣжить* знанія.

Книжка издана старательно—въ очевидномъ подражаніи англійскому образцу, но всетаки и Россія за себя постояла: опечатки имѣются въ изрядномъ количествѣ и притомъ есть даже такія недопустимыя неряшливости, какъ неправильная нумерація рисунковъ (вмѣсто 28-го—29-й, вмѣсто 29-го—26-й) и т. д.

О. Андерсонъ.

ПОЛИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Вамбери. Моя жизнь. Авторизованный переводъ.—*Th. G. Masaryk.* Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie.

А. Вамбери. **Моя жизнь. Авторизованный переводъ съ англійскаго. Москва. 1914 г. Стр. 407. Ц. 1 р. 75 к.**

Съ именемъ Вамбери обыкновенно связывается представленіе о непримиримомъ противникѣ Россіи, который возбуждалъ въ европейскомъ и особенно англійскомъ общественномъ мнѣніи духъ недовѣрія и подозрительности къ русскимъ успѣхамъ въ Азіи. Здѣсь много вѣрнаго; достаточно вспомнить статьи Вамбери по поводу англо-русскаго кризиса, едва не кончившагося войной. Надо сказать однако, что эта ненависть не переходила въ ослѣпленный фанатизмъ. Въ своей чрезвычайно интересной книгѣ „Western civilisation in eastern Lands", вышедшей въ 1906 г., Вамбери указалъ всѣ благодѣтельныя послѣдствія русскаго господства въ средней Азіи (стр. 121). Повидимому, его антипатіи питались главнымъ образомъ впечатлѣніями отъ внутренней политической жизни Россіи и онѣ значительно ослабѣли съ переходомъ у насъ къ новому строю. Въ частности онъ отнюдь не оказался противникомъ англо-русскаго сближенія.

„Автобіографія" Вамбери—книга въ высшей степени интересная,—интересная главнымъ образомъ характеристиками Востока, столь близкаго и знакомаго автору. Онъ, который говорилъ на мѣстныхъ языкахъ, какъ туземецъ, который оказался въ состояніи принять на себя обликъ дервиша, подошелъ къ такимъ сторонамъ восточной жизни, которыя для обыкновеннаго европейскаго наблюдателя остаются вполнѣ закрытыми. При этомъ онъ отнюдь не сдѣлался романтикомъ Востока и могъ дать весьма безпристрастное сопоставленіе сильныхъ и слабыхъ сторонъ западной цивилизаціи и восточнаго быта (стр. 358). Живой историческій интересъ представляютъ разсказы автора о его встрѣчахъ съ Абдулъ-Гамидомъ (гл. XI), Насръ-Эдиномъ и Музафферъ-Эдиномъ (гл. XII), и основанная отчасти на нихъ характеристика восточнаго абсолютизма (стр. 352), какъ и впечатлѣнія отъ быта и настроеній турецкаго общества въ эпоху, слѣдовавшую за гаттишерифомъ 1856 г., и основанныя на этихъ впечатлѣніяхъ мысли о судьбѣ европейскихъ реформъ на Востокѣ (стр. 122).

Внѣшняя судьба автора представляетъ занимательность уже по ея чрезвычайнымъ контрастамъ. Какое превращеніе полуголоднаго забитаго еврейскаго мальчика изъ венгерскаго захолустья во властителя думъ Англіи конца 19 вѣка, въ собесѣдника императора Франца-Іосифа и королевы Викторіи, человѣка, способнаго вызывать политическій энтузіазмъ и политическую ненависть! И всетаки кажется, что судьба автора болѣе значительна, чѣмъ его личность, которая не вполнѣ могла осилить выпавшіе на ея долю и во многомъ заслуженные тріумфы.

Онъ не можетъ забыть, какъ принцъ Георгъ въ Сандрингемскомъ дворцѣ принесъ ему кувшинъ для умывальника (стр. 295). Есть какое-то противорѣчіе между внѣшнимъ разнообразіемъ и содержательностью этой жизни и довольно плоскимъ, убогимъ раціонализмомъ въ міровоззрѣніи Вамбери. Особенно это бросается въ глаза въ разсужденіяхъ

его о религіи (стр. 362). Здѣсь отраднымъ духовнымъ оазисомъ является эпизодъ, происшедшій на дорогѣ въ Хиву и разсказанный на стр. 178,— эпизодъ, читая который нельзя не вспомнить словъ Канта о звѣздномъ небѣ и нравственномъ законѣ.

Въ общемъ же переводъ Вамбери, сдѣланный хорошо и литературно, заслуживаетъ вниманія всѣхъ, интересующихся судьбами ближняго и средняго Востока.

С. Котляревскій.

Th. G. Masaryk. Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. Erster Band. Jena, 1913. Verlegt bei Eug. Diederichs. Ss. 388 (Th. Masaryk. Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Erste Folge). (Масарикъ. Философія исторіи и религіи въ Россіи).

Въ своемъ изученіи идейныхъ теченій въ Россіи Масарикъ исходитъ изъ Достоевскаго. Настоящій, первый томъ имѣетъ характеръ вступленія, здѣсь о Достоевскомъ еще нѣтъ рѣчи. Въ первой части этого тома дается бѣглое изложеніе русской исторіи отъ начала „кіевскаго царства" до выборовъ въ четвертую Думу и „сапниства". Вторая часть книги содержитъ очерки, посвященные Чаадаеву, славянофиламъ, Анн. Григорьеву, Бѣлинскому, Герцену. Авторъ много потрудился надъ изученіемъ русскаго прошлаго и особенно надъ изученіемъ сочиненій названныхъ русскихъ писателей. Его книга даетъ добросовѣстную и интересную сводку большого матеріала, чрезвычайно полезную для западно-европейскихъ читателей, а также и для русскихъ, хотя послѣдніе на каждомъ шагу будутъ чувствовать въ авторѣ иностранца. Безъ отдѣльныхъ промаховъ и фактическихъ неточностей, конечно, не обошлось (напримѣръ, на стр. 48 „Kormlenie" опредѣляется какъ „Belehnung mit Boden"). Но въ общемъ, какъ уже сказано, авторъ далъ добросовѣстную и полезную сводку матеріала. Что касается главной цѣли автора— проникновенія въ идейныя теченія въ Россіи и въ смыслъ русской культуры, то нужно замѣтить, что авторъ сильнѣе въ анализѣ, чѣмъ въ синтезѣ. Онъ съ удовлетвореніемъ объясняетъ читателю, чего „не нашли" и что „смѣшиваютъ" и къ чему не сумѣли „критически отнестись" изучаемые имъ авторы. Онъ любитъ водить читателя по сложнымъ родословіямъ идейныхъ теченій. Вотъ отмѣчаемыя имъ идейныя вліянія на Герцена, перечисленныя на одной страницѣ (s. 340): Контъ, Фейербахъ, немножко Штирнеръ, Прудонъ, Сенъ-Симонъ, Чаадаевъ, Руссо, французскіе соціалисты, Вико, Карлейль, Фогтъ, немножко Шопенгауэръ и Вольтеръ, также Гёте и Байронъ... По словамъ автора, Герценъ, какъ и Бѣлинскій,—но также и какъ Фейербахъ, и Контъ, и Юмъ, смѣшиваютъ миѳъ и миѳологію съ религіей. Авторъ не „смѣшиваетъ" этихъ двухъ вещей, и въ этомъ, повидимому, самое главное свойство его собственной, довольно блѣдной философіи. Въ книгѣ много отдѣльныхъ цѣнныхъ замѣчаній и удачныхъ характеристикъ, но внутренне убѣдительныхъ общихъ картинъ и портретовъ, и проникновенія въ духъ изучаемыхъ явленій мы у него не найдемъ. Онъ удачнѣе вскрываетъ слабыя стороны и внутреннія противорѣчія идейныхъ и культурныхъ теченій, сильныя же стороны и положительныя элементы остаются въ тѣни. Проявленіе русскаго національнаго духа въ Пушкинѣ и Гоголѣ, очарованіе идеализма 30-хъ и 40-хъ годовъ, общественный подъемъ

въ началѣ царствованія Александра II, глубокое положительное значеніе реформъ того времени—все это какъ то исчезаетъ въ работѣ разсѣкающаго критическаго анализа—не потому, чтобы авторъ недостаточно симпатизировалъ Россіи и русскимъ, но потому, что таково свойство его научной работы. Впрочемъ, первый томъ—только вступленіе къ главной части. Нужно подождать второго тома. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться тому, что западно-европейскій ученый проявилъ столько интереса и любви къ русской идейной культурѣ.

А. Рыкачевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МАТЕМАТИКА.

Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. *А. Р. Орбинскаго.*—Новыя идеи въ химіи. Сборникъ № 4.

Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. А. Р. Орбинскаго. Изд. „Mathesis". Одесса, 1914 г. Стр. VI+235. Ц. 1 р. 50 к.

Нѣсколько времени тому назадъ изд-ство „Mathesis" выпустило въ свѣтъ два тома сборниковъ „Успѣхи физики" (I и II); сборники эти давали возможность ознакомиться съ новѣйшими научными завоеваніями въ области физическихъ ученій. Въ настоящее время имъ же выпущенъ сборникъ „Успѣхи астрономіи". Редакторъ русскаго изданія, извѣстный астрономъ А. Р. Орбинскій, указываетъ въ своемъ предисловіи, что лежащій передъ нами новый сборникъ является какъ бы естественнымъ продолженіемъ недавно выпущеннаго перевода книги А. Кларкъ „Исторія астрономіи въ XIX столѣтіи", доводя исторію астрономіи вплоть до нашихъ дней (книга А. Кларкъ заканчивается эпохой начала XX вѣка). Въ лежащей передъ нами книгѣ мы находимъ двѣ статьи, посвященныя изученію Марса; одна изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго изслѣдователя Марса—Лоуэлля, являющагося убѣжденнымъ сторонникомъ взгляда о возможности жизни на Марсѣ; вторая—гринвичскаго астронома Маундера, оспаривающаго всѣ выводы Лоуэлля. Послѣдующія двѣ статьи разбираютъ вопросъ о кометахъ, причемъ первая, написанная Кроммелиномъ, даетъ объясненіе этого явленія съ точки зрѣнія астрономическихъ построеній, вторая же — Риги — знакомитъ насъ съ физическимъ обоснованіемъ этого явленія, связывая его объясненіе съ принятой въ настоящее время теоріей электроновъ. Вопросъ о спутникахъ планетъ и о самихъ планетахъ подробно освѣщенъ двумя слѣдующими статьями: Генкеля „Дж. Дарвинъ и его труды" и Лаллеманъ „Движенія и деформаціи въ земной корѣ". Къ этой части сборника нужно отнести и статью академика О. А. Баклунда о „Главнѣйшихъ теченіяхъ въ современной небесной механикѣ", дающей связный очеркъ тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ астрономами, въ связи съ аномаліями, наблюдаемыми въ движеніи солнечной системы. Работа извѣстнаго изслѣдователя солнца Дж. Гэля, стоящаго во главѣ солнечной обсерваторіи (Mount-Wilson), даетъ сводку новѣйшихъ знаній о строеніи солнца; статья Пюизё разсматриваетъ солнце, какъ одну изъ звѣздъ общей міровой системы. Наконецъ, послѣднія двѣ работы Эддингтона и Шварцшильда посвящены изученію звѣздныхъ системъ. Сборникъ составленъ очень интересно и, несомнѣнно, привлечетъ къ себѣ вниманіе русской читающей публики.

А. Лѣтникъ.

Новыя идеи въ химіи. Сборникъ № 4. Радіоактивныя вещества. II. Изд-ство „Образованіе". Спб., 1914 г. Стр. 164. Ц. 80 к.

Новый выпускъ „Новыхъ идей" посвященъ вопросу о радіоактивныхъ веществахъ, объ ихъ строеніи и измѣненіи, сборникъ № 4 является продолженіемъ сборника № 2, изучающаго тѣ же вопросы. Въ лежащей передъ нами книгѣ мы находимъ рядъ статей, принадлежащихъ перу W. Ramsay'я: „Электронъ, какъ элементъ", „Атомный вѣсъ радія" (въ сотрудничествѣ съ W. Gray'емъ), „Образованіе неона въ качествѣ продукта радіоактивныхъ измѣненій" и „Присутствіе гелія въ газахъ, полученныхъ внутри шарика для X-лучей"; кромѣ того, здѣсь же помѣщены работы: Rutherford and Royds („Природа α-частицъ"), Gray and Ramsay („Плотность нитона и теорія распада атомовъ") и др. Сборникъ заканчивается небольшой статьей редактора изданія, проф. Л. А. Чугаева: „Нѣсколько словъ о превращеніяхъ химическихъ элементовъ". Вышеприведенные очерки даютъ вполнѣ ясное представленіе о тѣхъ методахъ, которые примѣняются въ современной химіи для работъ съ безконечно малыми частицами вещества. Вопросъ о превращеніи элементовъ, такъ много занимающій умы ученыхъ нашего времени, достаточно полно освѣщенъ въ приведенныхъ очеркахъ, въ особенности въ послѣднемъ. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ.

А. Лѣтникъ.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Памяти П. Ф. Лесгафта. Сборникъ.—*А. Шубертъ.* Краткое описаніе и характеристика методовъ опредѣленія умственной отсталости дѣтей. Съ пред. *Г. И. Россолимо.*

Памяти Петра Францевича Лесгафта. Сборникъ подъ редакціей совѣта С.-Петербургской биологической лабораторіи П. Ф. Лесгафта. Изд. газеты „Школа и Жизнь". Спб., 1912 г. Стр. 318. Ц. 3 р.

Книга, которую надо читать, читать и читать. И чѣмъ пошлѣе и хуже становится время, чѣмъ больше появляется на свѣтъ гг. Колзаковыхъ, Прасоловыхъ, чѣмъ больше издается романовъ г. Арцыбашева, Вербицкой и К°, чѣмъ больше русская жизнь начинаетъ напоминать „пиръ во время чумы", тѣмъ больше надо распространять такія книги, въ особенности среди юношества.

Читаешь книгу, и личность Петра Францевича, личность прекрасная, сильная своимъ умомъ и волей, вырисовывается во весь ростъ. Читаешь и думаешь: „бываютъ же такіе люди на свѣтѣ и какъ безконечно много они могутъ и умѣютъ дѣлать! Какое соединеніе идеализма и практичности, глубокаго яснаго ума и прекраснаго сердца. И какъ полна ихъ жизнь, какъ много въ ней смысла, интереса, движенія. И насколько такіе люди счастливѣе тѣхъ типовъ, у которыхъ все время, всѣ мысли, всѣ средства заняты погоней за наслажденіями".

Читаешь книгу, и какъ то легко дѣлается на душѣ, опять начинаешь вѣрить и въ человѣка, и въ русскую интеллигенцію. Прочитаны всѣ статьи съ глубокимъ чувствомъ, да и можно ли писать и говорить иначе о Петрѣ Францевичѣ Лесгафтѣ?

А. Обуховъ.

А. Шубертъ. **Краткое описаніе и характеристика методовъ опредѣленія умственной отсталости дѣтей. Съ предисл. Г. И. Россолимо. Педагогическая библіотека. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1913 г. Стр. 54. Ц. 30 к.**

Эта небольшая брошюра могла бы быть полезна педагогамъ и врачамъ, интересующимся вопросомъ объ изслѣдованіи умственной отсталости, если бы авторъ не ограничился описаніемъ различныхъ методовъ, а привелъ бы также хотя бы нѣкоторые результаты, полученные при примѣненіи каждаго изъ нихъ. Незнакомый съ предметомъ читатель едва ли вынесетъ убѣжденіе, что пріемы изслѣдованія, предлагаемые психологами и психіатрами (Бинэ и Симономъ, Вейгандтомъ Норсворси-Годдаромъ, Пицоли, Россолимо, Санте-де-Санктисомъ и Цигеномъ), могутъ дать цѣнные въ практическомъ отношеніи результаты. Нѣсколько странное впечатлѣніе производятъ заключительныя слова, какъ будто не соотвѣтствующія общей тенденціи книги: „выяснить главный дефектъ психики, охарактеризовать болѣе легкій случай, можетъ пока еще только длительное, планомѣрное *наблюденіе*, и лишь *въ помощь* ему могутъ предприниматься многократныя, повторныя и тщательно поставленныя экспериментально-психологическія изслѣдованія душевныхъ способностей“.

П. Эфрусси.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Тэйгмутъ Шорэ. Въ царскомъ саду. Бесѣды съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности. Перев. *Н. П. Розанова.—Ал. Алтаевъ.* Впереди вѣковъ.

Тэйгмутъ Шорэ. **Въ царскомъ саду. Бесѣды съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности. Съ нѣмецкаго изданія перевелъ магистръ богословія Н. П. Розановъ. Москва, 1913 г. Стр. 102. Ц. 40 к.**

Книжка эта, иллюстрированная многими рисунками на библейскія темы, содержитъ 18 бесѣдъ автора, бывшаго законоучителемъ дѣтей англійскаго короля. Бесѣды эти преисполнены того піэтизма, сухого и морализирующаго, который такъ свойствененъ англійскому протестантизму. Можно пожалѣть о томъ, что переводчикъ не имѣлъ въ рукахъ подлинника на англійскомъ языкѣ, а переводилъ съ нѣмецкаго перевода, въ которомъ можно предположить нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ оригиналомъ. Самъ переводчикъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ русскомъ изданіи и неоднократно удостовѣряетъ въ примѣчаніяхъ, что толкованія текста не соотвѣтствуютъ подлинному смыслу Библіи. Въ смыслѣ популярности бесѣды эти тоже оставляютъ желать многаго. Но главный ихъ недостатокъ—непроходимая скука. Въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія по Закону Божію (а именно для этой цѣли предназначило ее т-во И. Д. Сытина) трудъ Шорэ совершенно не годится.

Издана книга изящно и дешево. Но можно пожалѣть о томъ, что она вообще издана. Русское благочестіе и набожность совсѣмъ иного стиля и характера, чѣмъ протестантскія, а потому переводы протестантской богословской литературы для *дѣтскаго* чтенія не должны бы у насъ вовсе имѣть мѣста.

П. Книжникъ.

Ал. Алтаевъ. Впереди вѣковъ. Историческая повѣсть изъ жизни Леонардо да Винчи. Т-во „Просвѣщеніе". Спб., 1913 г. Ц. 75 к.

Рѣзкими, ярко-пестрыми красками отливаетъ эта повѣсть и въ декораціяхъ мѣста дѣйствія, и въ описываемыхъ событіяхъ, и въ отдѣльныхъ фигурахъ ихъ участниковъ. Тутъ и цвѣтистый маскій праздникъ 1460 г. у итальянцевъ, и блескъ дворовъ Флоренціи и Милана, папы и короля Франциска I. Эстеты-насильники, вроде Медичи и Сфорца, на престолѣ, первосвященникъ Левъ X, отдающійся всѣмъ радостямъ жизни, и рой талантовъ — нѣжный Боттичелли, мощный Микель-Анджело, удивительный Рафаэль; а рядомъ выступленно-пламенный проповѣдникъ Савонарола. На этомъ фонѣ тянется біографическая нить, намѣчающая дни и труды многообразно-одаренного Леонардо да Винчи. Сначала онъ выступаетъ предъ нами мальчикомъ-красавцемъ, вызывающимъ всеобщее восхищеніе, затѣмъ—ученымъ и знатокомъ чуть ли не всѣхъ искусствъ, обожаемымъ руководителемъ своихъ учениковъ, создателемъ „Тайной вечери" и „Джіоконды". Капризные, честолюбивые монархи чуть не раздираютъ его на части, ибо Леонардо да Винчи нуженъ на всѣхъ поприщахъ культуры. Онъ всегда въ водоворотѣ страстей, интригъ, раздоровъ, которыми кипитъ тогдашняя Италія, цѣлая цѣпь мелкихъ, соперничающихъ между собою государствъ, постоянно вступающихъ въ союзы съ иноземцами. Среди всей этой сутолоки выдѣляется величавая фигура Леонардо да Винчи, отдающагося своимъ одинокимъ размышленіямъ и изслѣдованіямъ. Благородный, безпристрастный, непонятный для окружающихъ, онъ живетъ какъ бы „впереди вѣковъ".

Всѣ эти образы и мотивы повѣсти, несомнѣнно, задѣнутъ воображеніе, мысль, эмоцію юнаго читателя. Но разгадать личность Леонардо да Винчи будетъ ему не по силамъ, тѣмъ болѣе что г. Алтаеву не удалось представить сложную натуру художника въ чертахъ, достаточно связныхъ, убѣдительныхъ и четко-выразительныхъ. Леонардо да Винчи, какимъ онъ вышелъ въ его изображеніи, является не то узкимъ позитивистомъ, не то непредѣленнаго толка мистикомъ и имѣетъ съ тѣмъ довольно плоскимъ пересмѣшникомъ католицизма.

А. Палимовъ.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 12-е февраля 1914 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Амфитеатровъ, А. В.** Дрогнувшая ночь. Романъ. Собраніе сочин. Т. XXVI. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 354 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, П. Сибирскіе разсказы. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 123 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Арцыбашевъ, М. Жена. Спб., 1913. Изд. кн-ва „Освобожденіе". 43 стр. Ц. 10 к.

Асѣевъ, Н. Ночная флейта. Стихи. Пред. С. Боброва. М., 1914. Изд. кн-ва „Лирика". 31+5 нен. стр. Ц. 50 к.

Афанасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Редакція и пред. С. К. Шамбинаго. М., 1914. Изд. к-ва „Современныя проблемы". 316 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бернетъ, Ф. Таинственный садъ. М., 1914. Изд. к-ва К. И. Тихомирова. 343 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Боратынскій, Е. А. и **Веневитиновъ, Д. В.** Собраніе сочиненій со вступит. статьями. Спб., 1913. Изд. „Жизнь для всѣхъ". 410 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Брюсовъ, В. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Т. XXI. Французскіе лирики XIX вѣка. Спб., 1913. Изд. вздат. „Сирина". XVII + 296 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Бѣжецкій, Н. Невѣдомое. Фантастическіе разсказы. Спб., 1914. Изд. 2-е. 215 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гейнрихсенъ, Н. Трепетъ зари. Вѣрный, 1913. Изд. автора. 72+5 нен. стр.

Геонъ. Между прочимъ. Сто стихотвореній. Спб., 1913. 150+IV стр. Ц. 1 р. 25 к.

Гнѣдовъ, В. и **Широковъ, П.** Книга великихъ. (Стихи). Спб., 1914. Изд. „Бьета". 8 стр. Ц. 35 к.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе художественныхъ произведеній съ біографіей А. И. Кирпичникова. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. XXX+819 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Голощаповъ, С. И. Два разсказа. Спб., 1913. 97 стр. Ц. 75 к.

Городецкій, С. На землѣ. Разсказы. Спб., 1914. 232 стр. Ц. 1 р.

Гурвичъ, С. Л. Утренняя заря. Пѣсни и поэмы. 1907—1912. М., 1913. 176 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дарсановъ, В. Новая поэзія. Сборникъ стиховъ. Спб., 1914. 266 стр. Ц. 75 к.

Доринъ, Д. Тоскующій орелъ. Стихи. Спб., 1914. Изд. петербург. „Глашатай". 111 стр. Съ портр.

Ждановъ, Л. Третій Римъ. Романъ-хроника (1526—1532 г.). Съ планомъ древней Москвы и осады Казани. Т. IX. Собраніе сочиненій. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Прометей". 443 стр. Ц. 2 р.

Жуковскій, А. В. Струны дрожащія. Кн. I. Юрьевъ, 1913. 1 нен. + 42 стр. Ц. 1 р.

Жуковская, В. Марена. Разсказы. Кіевъ, 1914. Изд. к-ва П. П. Самопенко. 191 стр.

Изъ недалекаго прошлаго. Сборникъ стихотвореній А. М. Жемчужникова, Ю. В. Жадовской, И. З. Суракова, К. М. Фофанова, Л. Н. Трефолева, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, О. И. Берга, Б. Г. Бенедиктова и В. Л. Величко. Съ біографіями и портретами. Подъ ред. Д. И.

Тихомирова. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 72 стр. Ц. 15 к.

Карповъ, Н. Н. У пѣлебнаго источника. Разсказы. Т. II. Царское Село, 1914. 242 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Квашнинъ-Самаринъ, Н. Княжая пѣснь. Историческая поэма въ 48 пѣсняхъ. Ч. I. Спб., 1914. Изд. автора. 407 стр. Ц. 3 р.

Кильбахъ, Отто Ф. Миноры. Стихи. Одесса, 1913. Изд. „Гермесъ". 2 нев. стр. Ц. 20 к.

Куприпъ, А. Лавровые берега. Разсказы. Спб., 1914. Изд. журн. „Новая Жизнь". 189 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Крыжановская, В. И. (Рочестеръ). Желѣзный канцлеръ древняго Египта. Спб., 1914. Изд. книгоизд. „Товарищества". 363 стр. Ц. 1 р. 60 к.

— Сынъ побѣдителя. Историч. романъ. Спб., 1914. Изд. книгоизд. „Товарищество", 3-е. 363 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Лаппо-Данилевская, А. Н. Въ туманѣ жизни. Романъ. Спб., 1914. Изд. 3-е. 124 стр. Ц. 90 к.

Лазаревскій, Б. Повѣсти и разсказы. Собраніе сочиненій. Т. VI. Спб., 1913. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 304 стр. Ц. 1 р.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Спб.—М., 1914. Изд. М. Коврина. 191 стр. Съ рис. и портр.

Летучіе альманахи. Вып. XIV. Рѣпинъ, И. Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ. Сакинъ, Юр. Дѣвушки изъ Trocadero. Соломинъ, С. Чортовы кузнецы. Богдановъ, А. Праздникъ безсмертія. Гриньъ, А. С. Матъ въ три хода. Игнатьевъ, Е. Н. Помика. Сиирскій, А. Судъ плетъ. Лѣсной, И. Пустячные разсказы. Стихотв. Спб., 1914. Изд. „Рубиконъ". 135 стр. Ц. 60 к.

Летучіе альманахи. Вып. XV. Н. Рѣпинъ. Изъ моихъ общеній съ Л. Н. Толстымъ. Ю. Волгинъ. Гражданинъ вселенной. Л. М. Василевскій. Обида. А. Заринъ. Первое разочарованіе. Вл. Кохановскій. Исторія одной любви. А. Пазухинъ. Ложь. Н. Гозинъ. Радость любви. Д. Цензоръ. Царица бала. А. Ростовцевъ. Въ деревнѣ. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Рубиконъ". 135 стр. Ц. 60 к.

Моравская, М. На пристани. Стихи. Спб., 1914. 95 стр. Ц. 1 р.

Пастернакъ, Б. Близнецы въ тучахъ. Стихи. Предисловіе Н. Асѣева. М., 1914. Изд. к-ва „Лирика". 48 стр. Ц. 50 к.

Первый драматическій альманахъ. Юшкевичъ, С. Дрова въ домѣ. Толстой, Ал. Н., гр. Пасынки. Архиповъ, Н. Три отвѣта. Аусленгъ, С. Стаина князя Матвѣя. Поляковъ, С. Лабиринтъ. Вилинскій, Ал. Цѣпы на обѣих. Спб., 1914. Изд. „Новая Жизнь". 387 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Перовскій-Петрово-Соловово, М. М., гр. Роковая загадка. Романъ. Спб., 1914. IV—225 стр.

Романовскій, И. Г. Полное собраніе сочиненій съ біографіей. Въ одномъ томѣ. Спб. Изд. П. П. Сойкина. 287 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Потапенко, И. О ступенькахъ и др. разсказы. Спб., 1914. Изд. к-ва М. В. Попова. 159 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Рудинъ, Д. Эмаиъ. Разсказъ. Шубертъ, Э. Фаворитъ императора и братья Христа. Перев. В. В—нъ. Библиотека для всѣхъ, № 3. Спб., 1914. Изд. А. Л. Гарнинна. 80 стр. Ц. 10 к.

Рудичъ, В. Пятый сборникъ стиховъ. Спб., 1914. 59 стр. Ц. 50 к.

— Ступени. Спб., 1914. Изд. 2-е. 79 стр. Ц. 50 к.

Русовъ, Н. Н. Въ старой усадьбѣ. Пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ярославль, 1913. Изд. К. Ф. Некрасова. 100 стр. Ц. 60 к.

Самойло, Н. И. Христосъ. Священная поэма изъ святаго Евангелія въ стихахъ. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1914. Изд. П. Л. Тузова. 152+8 стр. Съ 15 рис. Ц. 50 к.

Сигнгинъ, Евгеній. Язычникъ. Разсказъ. Библ. для всѣхъ, № 1. Спб., 1914. Изд. А. Л. Гарнинна. 3. стр. Ц. 10 к.

Силаевъ, А. Разсказы: 1. Въ горахъ Савозаи. 2. Мамелъ Пеллы. 3. Сара. 4. Любящіе. 5. Хорошіе люди. 6. Одинъ пресѣдовалъ. 7. Лесъ шелетъ. 8. Такъ жизнь молодая проходитъ. 9. Начинъ. 10. По Волгѣ и. Тифлисъ, 1913. 85 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Слезкинъ, Ю. Повѣсти. Т. I. То, чего мы не узнаемъ. Негръ изъ Лѣтняго сада. Среди березъ. Дальнее. Улыбка Марты. Когда дьяволята не спи гаютъ. Дѣвушки изъ „Trocadero". Хризеры Астры. Спб., 1914. Изд. журн. „Новая Жизнь". 248 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Струве, А. Отраженія. Циклъ стиховъ. (1898—1913.) М., 1913. Изд. издат. „Фрамъ". 48 стр. Съ портр. Ц. 50 к.

Сумарина, А. А. На винтовкѣ. Очерки. Спб., 1914. 99 стр. Ц. 75 к.

Тепловъ, К. Сибиряки. Разсказъ. Дворецкій, Ив. Маленькіе разсказы. Библ. для всѣхъ, № 9. Спб., 1914. Изд. А. Л. Гарнинна. 3 стр. Ц. 10 к.

Футуристы. Рыжаковъ. Спб., 1914. 110 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Хомяковъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Т. III. М., 1914. Изд. 4-е. VIII+482+11 стр.+7 табл.

Чайка, Н. Варвины. Стихи. Поэма. Четыре тетради. Тамбовъ, 1914. Изд. Н. М. Варвина. 40 стр. Ц. 40 к.

Чаплинъ, С. Голубая тетрадь. Стихи. Ярославль, 1914. 89 стр.

Шутлевортъ, Н. На рубежѣ души. Теософскій романъ. Варшава, 1914. 159 стр.

Энергія. Сборникъ 2-й. Подъ ред. А. Амфитеатрова. Д. Айзманъ. Свѣтлый Богъ. Таффи. Стихотвореніе. С. Астровъ. Стихотворенія. Н. А. Римскій-Корсаковъ. Письмо. Молодое растетъ. Разсказы о дѣтяхъ. Н. Никандровъ. Искусство. В. Кадашевъ. Огонь. К. Волнивъ. Антипка. Неволя. Разсказы объ узникахъ. И. Вольновъ. Осенью. К. Лигскій. Via dolorosa. А. Амфитеатровъ. Сестра Елена. Времена и нравы. М. Новорусскій. Предѣлы науки. А. Петрищевъ. Побѣдоносное пораженіе. Спб., 1914. Изд. к-ва „Энергія". 328 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Юшкевичъ, С. Леонъ Дрей. Ч. I. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Спб., 1914. Изд. к-ва „Жизнь и Знаніе". 268+33 стр. Ц. 1 р.

§ 16. Влахтуцы, А. Птоги. Разсказъ. Перев. съ румынскаго З. Львовскаго. П. Войновичъ, Иво, кн. Сирена. Разсказъ. Перев. съ кроатскаго З. Львовскаго. Б-ка для всѣхъ, № 6. Спб., 1914. Изд. А. Л. Гарязина. 53 стр. Ц. 10 к.

Гофманъ, Э. Т. А. Нездѣшнее дитя. Пер. съ нѣм. А. Петровскаго. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 74 стр. Ц. 10 к.

Гра, Ф. Революція. Романъ. Перев. съ франц. А. Герингъ и В. Керженцева. Спб., 1914. Изд. М. И. Семенова, 2-е. 211 стр. Ц. 1 р.

Гюго, В. Восточныя стихотворенія. Пер. Н. А. Ѳедорова. Вып. I. М., 1914. Изд. кн-ва „Аяксъ". 45 стр. Ц. 50 к.

Келлерманъ, Б. Морс. Романъ. Перев. съ нѣм. З. Н. Журавской. Собр. сочин. Т. II. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Прометей". 223 стр. Ц. 1 р.

Клареси, Ж. Бумъ-бумъ. Разсказъ. Пер. съ франц. М. Ватсонъ. Спб., 1914. Изд. В. Яковевко. 10 стр. Ц. 5 к.

Корелли, М. Печаль Сатаны. Романъ. Перев. съ англ. кн. Е. Ф. Кропоткиной. Въ двухъ частяхъ. Спб., 1914. Изд. И. Л. Тузова, 2-е. 398+2 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Лемонье, К. Когда я была мужчиной. Пер. З. Н. Журавской. Пред. А. И. Куприна. Спб., 1914. Изд. кн-ва „Прометей". 288 стр. Ц. 1 р.

Лондонъ, Д. Путешествіе на „Спаркѣ". Авториз. пер. съ англ. I. А. Маевскаго. Собраніе сочиненій. Т. XIX. М., 1914. Изд. I. А. Маевскаго. 340 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Мольеръ, Ж. Б. Мѣщанинъ во дворянствѣ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Пер. В. П. Острогорскаго съ предисл. переводчика. Спб., 1914. Изд. Н. В. Ельманова, 2-е. 88 стр. Ц. 25 к.

Н. Е. М. (Ник. Раулло). Изъ грузинскихъ поэтовъ. Лирика. С. Абашели, Гр. Абашидзе, Б. Ахосиприли, Н. Бараташвили, Д. Гандегиди, I. Гришашвили, М. Гуріели, К. Макашвили, Д. Мегрели, Важа Пшавела, В. Рухадзе, Ак. Церетели, И. Чавчавадзе, Ал. Чавчавадзе, Чаладидзе, А. Шавшіашвили, И. Эвдошвили, Раф. Эристова. Тифлисъ, 1914. 225 стр.

Пардо-Басанъ, Э. Краеугольный камень и др. разсказы. Собраніе сочиненій. Редакція и критико-біографическій очеркъ М. В. Ватсонъ. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". XII+297 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ранси, Ж. „Разсказы сны". Авториз. перев. съ франц. М. Веселовской, съ пред. автора. Унив. б-ка. Изд. к-ва „Польза". 93 стр. Ц. 10 к.

Сербскій сборникъ. Повѣсти и разсказы въ переводѣ и съ предисл. С. Русовой. Унив. б-ка. М., 1913. Изд. кн-ва „Польза". 202 стр. Ц. 20 к.

Софоклъ. Драмы. Переводъ со введеніемъ и вступительнымъ очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. М., 1913. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. LXVI+432 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Тома, Л. Разсказы проказника. Перев. съ нѣм. А. Василевскаго и П. Бронштейна. Унив. б-ка, № 917. М., 1913. Изд. т-ва „Польза". 98+5 нен. стр. Ц. 10 к.

— Тетя Фрида. Юмористическіе разсказы. Перев. съ нѣм. А. Василевскаго. Унив. б-ка, № 908. М., 1913. Изд. т-ва „Польза". 103+1 нен. стр. Ц. 10 к.

Франсъ, А. Аметистовый перстень. Пер. съ франц. М. Бузанскаго. Унив. б-ка. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 268 стр. Ц. 30 к.

Шиллеръ, Ф. Сочиненія въ двухъ томахъ подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. II. Б-ка всемірной литературы. Европейскіе классики. М., 1913. Изд. кн-ва „Окто". VI+346 стр. Съ рис.

§ 4. **Заболотскій, П. А.** Очерки о русскихъ писателяхъ XIX в. у славянъ. Содержаніе: 1) Сорочинская ярмарка Гоголя въ славянскихъ переводахъ. 2) Чехи и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ и статей о Лермонтовѣ у чеховъ къ 100-лѣтію рожденія поэта. 3) Словаки и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ изъ Лермонтова у словаковъ. Нѣжинъ, 1913. 9+15+3 стр.

Фага, Э. Исторія всеобщей литературы. (Популярный очеркъ). Перев. съ франц. П. Т. Егунова. Спб., 1914. Изд. В. Яковевко. 126 стр. Ц. 50 к.

§ 5. **Евгеньевъ, В.** Писатели-борцы съ крѣпостной неволей. Очеркъ изъ исторіи русской художественной литературы XVIII и XIX вѣковъ. Спб., 1914. Изд. „Энергія". 128 стр. Ц. 75 к.

Покровскій, В. И. А. В. Кольцовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М., 1914. Изд. 3-е, дополн. 171 стр. Ц. 40 к.

Розановъ, И. И. Русская лирика отъ

поэзіи безличной къ непосѣдн[illegible] Историко-литературные очерки. М., 1914. Изд. изд-ва „Задруга". 416+1 нен. стр. Ц. 2 р. 50 к.

Синодинъ, В. Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М., 1914. Изд. 2-е, исправл. и доп. 484 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

§ 6. **Гинкенъ, А.** О чтеніи и книгахъ. Вып. II. Похвала книгамъ. О чтеніи. О выборѣ книгъ. Спб., 1914. 187 стр. Ц. 80 к.

Голованъ, К. В. (Орловскій). Русскій романъ и русское общество. Спб., 1914. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ. 3-е. 520 стр. Ц. 3 р.

Радинъ, Е. И. Футуризмъ и безумие. Параллели творчества и анализъ нового языка кубо-футуристовъ. Спб., 1914. Изд. II. П. Карбасникова. 48 стр. Ц. 50 к.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Аксеновъ, М. С.** Пѣть времени. Популярное изложеніе основныхъ началъ метагеометрической философіи. М., 1913. 80 стр. Ц. 60 к.

Вренскій, Б. А., бар. Основы философіи сознанія и ихъ гносеологическое значеніе. Спб., 1914. 73 стр. Ц. 1 р.

Герасимовичъ, А. Творящее въ религіи. Этюдъ матеріалистическаго истолкованія исторіи религіи. I. Религія на заре культуры. Спб., 1914. 164 стр. Ц. 1 р.

Гуревичъ, А. В. Философскія изслѣдованія и очерки. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Подъ ред. и съ предисловіемъ С. Л. Франка. М., 1913. Изд. книгоиз. „Трудъ". XXXI + 311 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Кудрявцевъ, Н. Д. Что такое теософія и теософическое общество. Съ приложеніемъ неизданнаго письма Е. П. Блаватской и передника „посвященнаго" массона. Спб., 1914. Изд. 2-е, перераб. и доп. 102 стр. Ц. 70 к.

Логосъ. Международный ежегодникъ по философіи культуры. 1913 г. Книга третья и четвертая. М., 1914. Изд. кн-ва „Мусагетъ". 373+7 нен. стр. Ц. 3 р. 50 к.

Соловьевъ, В. С. Собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. X. (1897—1900.) Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе", 2-е. LIV+527 стр. съ портр. Ц. 2 р.

Тихомировъ, А. и Побѣдоносцевъ, К. Личность, общество и церковь. Религіозно-философская б-ка. Вып. V. Сергіевъ Посадъ, 1913. Изд. 2-е перераб. и доп. 84 стр. Ц. 30 к.

§ 2. **Кочекинъ, С. Ф.** Этическое міросозерцаніе Спинозы. М., 1914. Изд. изд-ат. „Путь". Ц. 1 р.

§ 4. **Вундтъ, В.,** проф. Основы физіологической психологіи. О теченіи и связи душевныхъ процессовъ. Психическія связи сознанія. Аномалія сознанія. Перев. подъ ред. А. А. Крогіуса, А. Ф. Лазурскаго и А. П. Нечаева. Вып. XVI. Т. III. Спб., 1914. 371—786 стр. Съ портр. Ц. 4 р. 50 к.

Джемсъ, У. Бесѣды съ учителями о психологіи. Перев. съ англ. А. Громбаха. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 5-е. 132 стр. Ц. 50 к.

Ландау, Л. А., д-ръ. Графъ Л. Н. Толстой. Анализъ его психическаго и литературныхъ типовъ. I. Типы воспитателей и учителей. 2 гл. Гувернеры, гувернантки и домашн. учителя. (Продолженіе.) 2. Матеріалъ для психіатрическихъ анализовъ. V. Экспер. изслѣд. галлюцинаціи. 3 Изъ прошлаго о. Сахалина. I. Собственноручныя записи въ моихъ тетрадяхъ (Продолженіе.) Психіатрическія анализы. VII—VIII. Январь, 1914 г. Юрьевъ, 1914. 25—64 + 21 — 26 + 17 — 24 стр. Ц. 60 к.

Титченеръ, Э. Б., проф. Учебникъ психологіи. Университетскій курсъ. Перев. съ англ. А. П. Болтунова. Ч. I. Изд. т-ва „Міръ". М., 1914. X+263 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

§ 5. **Аугсбургъ, Ж.,** проф. Новая школа рисованія. Для дѣтей взрослаго и среднаго возраста. Перев. съ англ. И. И. Жилато. Кн. I. Б-ка нового воспитанія. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 5-е. 160 стр. Съ рис. Ц. 70 к.

Габбертонъ, Д. Чужія дѣти. Перев. съ англ. А. Самойлова. Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 211 стр. Ц. 40 к.

Грунскій, И. К., проф. Педагогическіе разсказы. I. II. Тифлисъ—Юрьевъ, 1913. Изд. 2-е. 30 стр. Ц. 30 к.

Деннисъ, М. И. Курсъ педагогики для учительскихъ институтовъ, высшихъ женскихъ курсовъ и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій. Ч. I. Общая педагогика, дидактика и методика. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 8-е. доп. VIII+354 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Ежегодникъ экспериментальной педаго-

гики 1913 г. Подъ ред. А. П. Нечаева. VI. Спб., 1914. 204+24 стр. Ц. 1 р.

Ивероновъ, С. Исторія одного опыта. Трудовыя колоніи для несовершеннолѣтнихъ. М., 1913. 61 стр. Съ рис.+2 плана. Ц. 50 к.

Найдановъ, О. и Глаголевъ, Ф. Питаніе школьниковъ (Школьные приварки.) Б-ка новаго воспитанія и образованія. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова. 29 стр. Ц. 15 к.

Кенеровъ, М. И. Основы наглядности и ихъ примѣненіе въ начальномъ обученіи. Б-ка народнаго учителя. М., 1914. Изд. журн. Народный Учитель. 80 стр. Ц. 25 к.

Острогорскій, В. и Семеновъ. Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. 1. Н. И. Пироговъ. В. Острогорскаго, 2. К. Д. Ушинскій его же, 3. Н. А. Корфъ—Д. Семенова. Спб, 1914. Изд. Н. В. Ельманова, 3-е 85 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. Перев. съ фран. Т. Хитрово. Подъ ред. Л. Д. Синицкого. М., 1914. Изд М и С. Сабашниковыхъ. 264 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Сахаровъ, Ив. „Разбойники пера" въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Картины современной литературно педагогической критики. Для учителей начальныхъ школъ. М., 1914. 14 стр. Ц. 20 к.

Улановъ, В. Я. Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 283 стр. Ц. 1 р.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2 Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Андреевъ, Ник.** Человѣкъ и нечистая сила. Культурно-историческій очеркъ. Спб., 1914. Изд. книгоиздат. „Жизнь и знаніе. 48+16 стр. Съ 13 рис. Ц. 20 к

§ 2. **Борецкій-Бергфельдъ.** Колоніальная исторія западно-европейскихъ континентальныхъ странъ. Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ редакц. Н П. Карѣева и П. В. Лучицкаго. Спб., 1914. Изд. Брокгаузъ и Ефронъ. 232 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Бузескулъ, В., проф. Античность и современность. Современныя темы въ античной Греціи. Спб., 1914. Изд. 2-е, доп. IV+210 стр Ц. 1 р. 25 к.

Глейхенъ-Руссвурмъ, А., фонъ. Блестящая Европа. Кн. I. (1600—1784.) Перев. съ нѣм. Э. Пименовой. Историческая б-ка „Сфинкса". Т. III. Изд. кн-а „Сфинксъ". 440+4 стр.+128 рис. Ц. 5 р.

Дембская, Р. Отъ Женщина прежде и теперь. (Первобытная женщина; женщина въ матріархатѣ, патріархатѣ, рабыня, крѣпостная, въ ремеслѣ, религіи, наукѣ и общественной жизни послѣднихъ дней. Тифлисъ, 1913. Изд С. С. Всеничуковой. 69 стр. Ц. 20 к.

Карѣевъ, Н. Исторія западной Европы въ новое время. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Т I. Спб., 1914. Изд. 5-е, перераб. IV+422 стр. Ц. 2 р.

Корелинъ, М. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Современники, друзья, ученики и послѣдователи первыхъ гуманистовъ въ XIV и въ первой четверти XV столѣтія. Спб., 1914. Изд. 2-е. V+448 стр. Ц. 2 р.

Кудрявцевъ, П. П., проф. Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. V. Вмѣсто эпилога—Неронъ, сынъ Агриппины Всеобщая библіотека. Спб., 1914. Изд. Гердольдъ. 115 стр. Ц. 20 к.

Меликсетъ-Бековъ, Л. М. Изъ матеріаловъ для исторіи армянъ на югѣ Россіи. Тифлисъ, 1913. Изд. кн. маг. Гуттенбергъ, 2-е. 27+3 нен. стр. Ц. 20 к.

— Къ вопросу о настоящемъ имени просвѣтительницы Грузіи. Тифлисъ, 1914. 27+1 нен. стр. Ц. 25 к.

Петрушевскій, Д. М. Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. М., 1914. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, 2-е. V+600 стр.+1 карта. Ц. 2 р. 75 к.

§ 3. **Бертенсонъ, В. Б.** Зъ 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній.) Спб., 1914. IV+283 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Богоявленскій, С. К. Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы. М., 1914. Изд. Имп. о-ва исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. XXI+189 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гладковъ, Б. И. Графъ Л. Н. Толстой какъ Богоискатель. Спб., 1914. Изд. автора. 64 стр.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. VI Ч. II. Славянство въ началѣ XIX в. и Россія въ царствованіе императора Николая I. (Историческая комиссія учебнаго отдѣла о. р. т. з.) М., 1914. Изд. „Сотрудника школъ" А. К.

Залѣсской и т-ва И. Д. Сытина. 384 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Львовская лѣтопись. Ч. II. Т. XX. Спб., 1914. Изд. Имп. археол. коммиссіи. 419—618 стр.

Русская правда. Подъ ред. А. И. Яковлева. Памятники русской исторіи. М., 1914. Изд. т-ва В. Думнова. 50 стр. Ц. 35 к.

Юнге, Е. Ѳ. (урожд. графиня Толстая). Воспоминанія (1843—1860 г.). Историческая б-ка „Сфинксъ". Т. X. М., 1913. Изд. кн-ва „Сфинксъ". XV+489 стр.+52 листа рис. Ц. 3 р. 50 к.

§ 5. Абрамовъ, И. Въ культурномъ скиту. Объ одной процвѣтающей коммунистической общинѣ. Спб., 1914. Изд. книгоизд. „Жизнь и знаніе", 2-е, перераб. 99+32 стр. Ц. 50 к.

Историческое паломничество нашего Царя въ 1913 г. Спб., 1914. Изд. Е. В. Богдановича. 175 стр. Съ рис.

Масловъ, С. А. Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія 1864—1914. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 98 стр. Ц. 25 к.

§ 6. Болотовъ, В. В., проф. Къ вопросу о filioque. Съ предисловіемъ проф. А. Бриллиантова. Спб., 1914. VI+138 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Вега. Апокрифическія сказанія о Христѣ. III. Книга Іосифа Плотника. Спб., 1914. 66 стр. Ц. 75 к.

Соколовъ, И. И., проф. Антіохійская церковь. Очеркъ современнаго ея состоянія. Спб., 1914. IV+95 стр. Ц. 75 к.

Соколовъ, Пл. Русскій архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV вѣка. Кіевъ, 1913. 577 стр. Ц. 4 р. 50 коп.

§ 7. Хвостовъ, В. М., проф. Теорія историческаго процесса. Очерки по философіи и методологіи исторіи. Курсъ лекцій. М., 1914. Изд. 2-е, Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева. 313 стр.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. Васинъ, Н. Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Гарин, Н. Что такое локауты? Спб., 1914. Изд. издат. „Наканунѣ". 46 стр. Ц. 15 к.

Калинтаръ, А. Экономическія перспективы Восточной Анатоліи. Тифлисъ, 1913. Изд. автора. 54 стр. Ц. 25 к.

Кечедзи-Шаловаловъ, М. В. Торгово-промышленная Бельгія. Спб., 1914. 23 стр. Ц. 20 к.

§ 2. Внѣшняя торговля по европейской границѣ за ноябрь и за всѣ 11 мѣсяцевъ 1913 г. Вып. 339 (II) 1913 г. Спб., 1914. Изд. Департ. таможен. сборовъ. X+68 стр.

Желѣзорудная промышленность южной Россіи въ 1912 году. Подъ ред. П. Ф. фонъ-Дитмара. Статистическое бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1913. XVI+44 стр. Ц. 1 р.

Каменноугольная промышленность Россіи въ 1912 г. Вып. I. Ежемѣсячная статистика. Подъ ред. П. Ф. фонъ-Дитмара. Статистическое бюро совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1913. XV+66 стр. Ц. 1 р. Вып. II. XL+177 стр. Ц. 1 р.

Мацерскій, Г. В., кн. Сравнительныя данныя, отчетныя и расцѣночныхъ вѣдомостей: среднихъ единичныхъ цѣнъ: поверстнаго количества и поверстной стоимости работъ и поставокъ по постройкѣ ж. д. въ Россіи. За время съ 1881—1914 гг. Спб., 1914. 76 стр. Ц. 3 р.

Шульцъ, А. К., фонъ. Изслѣдованіе о производствѣ и торговлѣ Германіи продуктами полеводства за 30 лѣтъ, въ связи съ русско-германскимъ торговымъ договоромъ. Г. У. З. и З. Отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики. Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Спб., 1913. 113+III+VII стр. Съ картограммами.

§ 3. Берендтсъ, Э. Н. Русское финансовое право. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Спб., 1913. 453 стр.

Кузнецъ, І. М. Коммунальное обложеніе въ Германіи въ его историческомъ развитіи. Опытъ изученія основныхъ теченій въ развитіи городскихъ финансовъ. Спб., 1914. VIII+465 стр. Ц. 3 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. 43. Сизинъ, П. Аграро-ипотечный банкъ. Изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между центральнымъ и земскимъ банкомъ и государствомъ. М., 1913. III+651 стр. Ц. 3 р. 5 к.

V. Соціологія и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; коопераціи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 3. **Бансель, А.** Кооперативизмъ. Задачи коопераціи. Матеріальныя и нравственныя блага коопераціи. Кооперація разныхъ видовъ: потребительныя и производительныя товарищества, земледѣльческія товарищества, кредитныя товарищества, международный кооперативный союзъ и конгрессы. Съ французскаго, съ добавленіемъ автора, сдѣланнымъ къ этому второму русскому изданію: „Потребительныя товарищества во Франціи" и съ добавленіемъ краткихъ свѣдѣній о современномъ положеніи коопераціи въ западной Европѣ. Взаимная помощь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. VII. М., 1914. Изд. 2-е. 207+1 нен. стр. Ц. 60 к.

Вильбрандтъ, Р., проф. Значеніе потребительныхъ обществъ. Перев. съ нѣм. А. Лунцъ-Карпачевой, подъ ред. и съ пред. В. Ѳ. Тотоміанца. М., 1914. Изд. книгоизд. „Трудъ". 24 стр. Ц. 20 к.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 4. **Болотниковъ, А. В.** Руководство къ изученію закона о преобразованіи мѣстнаго суда и вводнаго закона. Казань, 1913. 28 стр. Ц. 35 к.

Заемъ и заемное обязательство. Общедоступное изложеніе основныхъ началъ дѣйствующаго права. Права и обязанности заимодавцевъ и должниковъ съ приложеніемъ образцовъ договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ. Общедоступная юридическая б-ка, издав. подъ ред. В. Я. Крюковскаго. Спб., 1914. Изд. М. В. Попова. 150 стр. Ц. 60 к.

Идельсонъ, Н. И. Революціонный трибуналъ во Франціи. Судебно-историческій очеркъ. Спб., 1914. 83 стр. Ц. 1 р.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи. Подъ ред. проф. Л. І. Петражицкаго при ближайшемъ участіи проф. В. А. Кистяковскаго, М. М. Ковалевскаго, П. П. Люблинскаго, Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента и М. П. Чубинскаго. Сборникъ 1-й. Цѣли наказанія. Составленъ проф. П. П. Люблинскимъ. Спб., 1914. Изд. издат. „Образованіе". 135 стр. Ц. 80 к.

Розинъ, Н. Н., проф. Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ. Спб., 1914. Изд. книжн. маг. „Право", 2-е, измѣн. и доп. 546 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Фуксъ, І. Б. Гомосексуализмъ какъ преступленіе. Юридич. и уголовно-политич. очеркъ. Саб., 1914. 94 стр.

Хейфецъ, И. Я. Подстрекательство къ преступленію. Изслѣдованіе. Съ предисл. проф. С. В. Познышева. М., 1914. Изд. юрид. книжн. маг. „Правовѣдѣніе". 128 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 5. **Опоцкій, Н.**, свящ. Идеальная община и путь къ ея возстановленію. Два доклада о приходѣ и его реформѣ. Спб., 1914. 54 стр.

Соколовъ, И. И., проф. Епархіальное управленіе въ правѣ и практикѣ константинопольской церкви настоящаго времени. Спб., 1914. VI+657 стр. Ц. 3 р.

§ 6. **Александровскій, Ю. В.** Уставъ кредитный. (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1903 г. и по Прод. 1912 г.), комментированный законодательными мотивами, разъясненіями прав. сен. правилами, инструкціями и другими распоряженіями, послѣдовавшими въ порядкѣ управленія. Раздѣлы X—XII. Вып. IV. Спб., 1914. Изд. „Законъ и право". 955 стр. Ц. 5 р.

Брейтбурдъ, Р. А. Волостной и верхній сельскій судъ съ приложеніемъ предметныхъ алфавитныхъ указателей. М., 1914. Изд. кн. маг. „Право". 109 стр. Ц. 50 к.

Вольманъ, И. С. Нотаріальное положеніе. Практическое руководство. Спб., 1914. Изд. маг. „Законовѣдѣніе", 3-е, испр. и доп. XXIX+881 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Гессенъ, Я. М. Уставъ торговый. (Т. XI, ч. II, изд. 1903 г., по сводному продолженію 1912 года), съ разъясненіями по рѣшеніямъ бывшаго 4-го судебнаго гражд. кассац. деп. и общихъ собраній правительствующаго сената, съ относящимися къ уставу торговому статьями изъ прочихъ томовъ Свода Законовъ и проектъ

гражданскаго уложенія съ приложеніемъ гамбургскихъ общихъ правилъ морского страхованія, горкъ-антверпенскихъ правилъ о большой аваріи, правилъ о наслѣдованіи послѣ лицъ, пропавшихъ торговцевъ, законовъ о товариществахъ, акціонерныхъ обществахъ и артеляхъ, уставовъ биржъ и указателей, сравнительнаго постатейнаго и алфавитнаго предметнаго. Спб., 1914. Изд. юридич. кн. скл. „Право". XIII+890 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Крюковскій, В. Я. и Толстолѣсъ, Н. Н. Мировой судья. Практическое руководство для мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. CVII+892 стр. Ц. 6 р.

Мышъ, М. И. Руководство къ русскимъ законамъ о евреяхъ. Спб., 1914. Изд. 4-е, пересмотр. и знач. доп. XXI+652 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Обязательственное право. Подъ ред. Н. В. Сорина. Проектъ министра юстиціи. Объяснительная записка министра юстиціи. Текстъ первой и второй редакціи и редакціи объединеннаго проекта—съ постатейными объясненіями редакціонной комиссіи къ всѣмъ 3-мъ редакціямъ. Журналъ редакціонной комиссіи. Сводъ замѣчаній на проектъ книги 5-й Гражданскаго Уложенія объ обязательствахъ. Комментаріи, извлеченные изъ работъ, посвященныхъ критическому разсмотрѣнію проекта обязательственнаго права. Указатель. Вып. II. Объяснительная записка къ проекту министра юстиціи (часть 1-я). Спб., 1914. 167 стр. Ц. 75 к.

Сорнинъ, Н. В. Уставъ кредитный. (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1903 г. по прод. 1912 г.), комментир. разъясненіями прав. сената, зак. мотивами и др. матеріалами. Раздѣлы I—III. Раздѣлъ I. Уставъ госуд. комиссіи погашенія долговъ. Раздѣлъ II—О госуд. долгахъ въ особенности. Раздѣлъ III—О госуд. кред. билетахъ. Вып. I. Спб., 1914. 192 стр. Ц. 75 к.

— Уставъ кредитный. (Св. Зак., т. XI, ч. II, изд. 1903 г. по прод. 1912 г.) Комментированный разъясненіями прав. сената, законодательными мотивами и др. матеріалами. Раздѣлы XI—XIII. Раздѣлъ XI. Положеніе о городскихъ общественныхъ банкахъ. Раздѣлъ XII. Уставъ земскаго кред. о-ва губерній Царства Польскаго. Раздѣлъ XIII. О кредитѣ для городовъ и земствъ. Вып. VII. Спб., 1914. 194+186 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Станскій, Б. И. Уставъ гражданскаго судопроизводства для губерній Царства Польскаго. Варшава, 1914. XVI+294+4 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Узаконенія и распоряженія правительства и высшаго церковно-школьнаго управленія по дѣламъ церковныхъ школъ за 1902—1905 гг. Вып. I—IV. Спб., 1914. Изд. Училищ. сов. при св. синодѣ. 1[illegible] стр. Ц. 70 к.

Шейнонскій, П. А. Уставъ военно-судебный (Св. Воен. Пост. 1899 г. кн. XXIV, изд. 4-е.) Съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями главнаго военнаго суда, правительствующаго сената, приказами по военному вѣдомству, циркулярами главнаго штаба и главнаго военно-судного управленія и проч. Спб., 1913. Изд. кн. маг. „Законовѣдѣніе". LXII+1,254+195 стр. Ц. 7 р.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Аборигенъ.** Кровавыя лѣтописи Петербурга. Преступный міръ и борьба съ нимъ. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Можейко. 110 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бутневичъ, Т. И., проф.-прот. О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній въ христіанскомъ мірѣ и о такъ называемыхъ ритуальныхъ убійствахъ. Харьковъ, 1914. 14[illegible] стр. Ц. 45 к.

Василевичъ, В. (В. В. Корьяновъ.) Шагъ за шагомъ. Къ исторіи объединенія народныхъ учителей. Изъ личныхъ воспоминаній и переживаній. М., 1914. Изд. кн. скл. для народнаго учителя. 82 стр. Ц. 40 к.

Вязигинъ, А. С., проф. Разные вопросы. (Къ вопросу о замѣщеніи университетскихъ каѳедръ.) Харьковъ, 1914. 24 стр.

Галубинъ, А. Обобщенные. М., 1914. Изд. В. Португалова. 125 стр. Ц. 50 к.

Котвичъ, Вл. Краткій обзоръ исторіи и современнаго политическаго положенія Монголіи. Приложеніе къ картѣ Монголіи, составленной по даннымъ бывш. Россійскаго уполномоченнаго въ Ургѣ Н. Я. Коростовца. Спб., 1914. Изд. о-ва А. Ильина. 44 стр. Съ рис.

Кушнырь-Кушнаревъ, Г. Историческій очеркъ возникновенія и развитія академическихъ организацій въ Россіи. Спб., 1914. Изд. книгоиз. университетовъ для науки. 149 стр. Съ портр. и рис. Ц. 50 к.

Лебедевъ, Н. Самоубійство, какъ соціально-этическое зло. М., 1913. 20 стр.

Мацѣевичъ, К. А. Роль правительства, земства и другихъ организацій въ дѣлѣ поднятія сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1914. Изд. Агрономическаго журнала. V+22 стр. Ц. 25 к.

Смитъ, А. В. Поднятая завѣса. Перев. съ англ. Кіевъ, 1914. 382 стр.

Справочная книга по вопросамъ эмиграціи. Подъ ред. С. Я. Яновскаго и А. И. Кастелянскаго. Еврейское колонизаціонное общество. Спб., 1913. 237 стр. Ц. 2 р.

§ 2. **Кечеджи-Шаповаловъ, М. В.** Идеалы высшаго коммерческаго образованія. Спб., 1914. Изд. А. Е. Комендантовой. 15 стр. Ц. 15 к.

Новиковъ, Н. Н. Наука, школа и жизнь. Къ вопросу о принципахъ общественной организаціи учебнаго дѣла. М., 1914. Изд. 3-е доп. к-ва „Соврем. проблемы". 108 стр. Ц. 50 к.

Церковныя школы Россійской Имперіи къ 1913 г. Статистическія свѣдѣнія. Разработаны въ статистическомъ отдѣлѣ при синодальномъ училищномъ совѣтѣ. Спб., 1914. Изд. Училищ. совѣта при св. синодѣ. 29 стр.

§ 4. **Азбель, Г. З.** Талмудъ, евреи и еврейскій вопросъ. Кіевъ, 1914. Изд. автора. 8 стр.

§ 6. **Смоленскій, И. Л.** Этюды о половомъ стыдѣ. I. Стыдъ и половое воспитаніе. II. Старомодное воспитаніе и отрицательныя стороны европейской точки зрѣнія на стыдъ. III. О непониманіи дѣвушками и женщинами области половыхъ отношеній. IV. Стыдъ и первая ночь новобрачной. Съ приложеніемъ библіографическаго указателя по вопросу о половомъ воспитаніи. Вып. II. Одесса, 1913. 75—151+1 нен. стр. Ц. 75 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи; переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 1. **Евлаховъ, А. М.** Реализмъ или Ирреализмъ? Очерки по теоріи художественнаго творчества. Т. I. Варшава, 1914. 492 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шульговскій, Н. Н. Теорія и практика поэтическаго творчества. Техническія начала стихосложенія. Спб., 1914. Изд. М. О. Вольфъ. XXIV+522 стр.

§ 2. **Адамъ, Р. и Джемсъ.** Англійскій классицизмъ XVIII вѣка. Архитектурные проекты. Вып. III и IV. М., 1914. Изд. учащихся учил. живописи, ваянія и зодчества. 14+14 лист. рис. Ц. по 2 р. 60 к.

Жариновъ, Д. А., Никольскій, Н. М. и Радцигъ, С. И. Культурно-историческій путеводитель по музею изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III. М., 1914. Изд т-ва „Міръ". VI+2 нен.+302+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Ліонъ, Ю. Памятники итальянскаго искусства въ музеѣ Императора Александра III въ Москвѣ. М., 1914. 92 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

§ 3. **Николай Михайловичъ** великій князь. Русскій провинціальный Некрополь. Т. I. М., 1914. IX+1008 стр.

Путеводитель по Москвѣ, изданный московскимъ архитектурнымъ обществомъ для членовъ V съѣзда зодчихъ въ Москвѣ. Подъ ред. И. П. Машко и а. М., 1913. CCI+309 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Радловъ, Н. Э. Сѣровъ. Очеркъ „Современное Искусство". Серіи иллюстрированныхъ монографій. Спб., 1914. Изд. Н. И. Бутковской. 48+XIV стр. Съ рис.

Эдингъ, Б., фонъ. Ростовъ Великій. Угличъ. Памятники художественной старины. Игорь Грабарь. Русскіе города, разсадники искусства. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Спб., 1914. Изд. I. Кнебель. 198 стр. Съ рис.

§ 5. **Вальтеръ, В. Г.** Эдуардъ Францевичъ Направникъ. Къ 50-лѣтію его артистической дѣятельности. 1863—10 сентября 1913 г. 1914. 79 стр. Съ 19 рис. Ц. 75 к.

Пузыревскій, А., проф. Учебникъ элементарной теоріи музыки въ объемѣ курса консерваторій съ приложеніемъ вопросовъ и болѣе важныхъ практическихъ упражненій по всѣмъ отдѣламъ. Спб., 1914. Изд. 3-е, пересмотр. и доп. 117 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Финдейзенъ, Ник. Нюрнбергскіе Мейстерзингеры. 1) Тематическій очеркъ оперы Рих. Вагнера. II) Средневѣковые мейстерзингеры. М., 1914. Изд. П. Юргенсона. 30 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Чесноковъ, А. Учебникъ элементарной теоріи музыки. М., 1913. Изд. П. Юргенсона. 52 стр. Ц. 60 к.

§ 6. **Варнке, Б. В.,** проф. Исторія русскаго театра. Спб., 1914. Изд. П. П. Сергіевскаго, 2-е знач. доп. X+701 стр. Ц. 4 р.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика: механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, биологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка, гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Бикъ, А. Н.** Курсъ низшей геодезіи. Ч. III. Изд., переработанное И. А. Шероновымъ. М., 1913. Изд. 5-е. 412+XI стр. Ц. 3 р.

Дедекиндъ, Р., проф. Непрерывность и ирраціональныя числа. Перев. съ нѣм. С. Шатуновскій. Со статьей переводчика: Доказательство существованія трансцендентныхъ чиселъ. Бѣка классиковъ точнаго знанія. I. Одесса, 1914. Изд. „Матезисъ", 3-е. 39+8 нен. стр. Ц. 40 к.

Новыя идеи въ математикѣ. Подъ ред. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 7. Принципъ относительности съ математической точки зрѣнія. II. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Образованіе". 155 стр. Съ чертеж. Ц. 80 к.

Тимердингъ, Г., проф. Математика въ учебникахъ физики. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 131 стр. Ц. 60 к.

§ 3. **Бачинскій, А. І.** Ученіе о силахъ и о движеніи. (Механическій отдѣлъ физики.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 240 стр. Ц. 1 р.

Жуковскій, Н. Е. Механика. Ч. I. Кинематика, статика, точки и теорія притяженія. М., 1914. Изд. В. Родзевича, 2-е. 523 стр. Ц. 3 р. 75 к.

Рейсенъ, И. Неорганическая химія. Самостоятельная обработка К. Зейберта. Пер. подъ ред. И. А. Шилова. М., 1914. Изд. книгоизд. „Современ. проблемы". 230 стр. Съ рис. и табл.

Хвольсонъ, О. Д. Курсъ физики. Т. I. Введеніе. Механика. Нѣкоторые измѣрительные приборы и способы измѣренія. Ученіе о газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ. Спб., 1914. Изд. К. Л. Рикера, 4-е, перераб. и знач. доп. XVII+622+XIII стр. Съ 314 рис. Ц. 5 р.

Зихенвальдъ, А. А. Акустика и оптика. (Конспектъ лекцій.) Вып. II. М., 1914. VIII+117—184 стр. Ц. 2 р.

§ 5. **Мигг, Г.**, д-ръ. Ученіе о клѣткѣ и анатомія растеній. Авторизованный перевод. съ послѣдн. нѣм. изд. А. Я. Брусова. Русское изданіе „Sammlung Göschen". Рига, 1914. Изд. „Наука и Жизнь". 108 стр. Съ рис.

Новыя идеи въ біологіи. Подъ редакц. проф. В. А. Вагнера. Сборникъ 4-й. Наслѣдственность. I. Спб., 1914. Изд. изд-ва „Образованіе". IV+149 стр. Ц. 80 к.

Юшкевичъ, С. Голуби. Исторія краснозобаго голубя, его жизнь и приключенія. М., 1914. Изд. I. Кнебель, доп. 217 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 15 к.

§ 6. **Зернов, Д.**, проф. Руководство описательной анатоміи человѣка. Ч. I. Анатомія органовъ движенія. (Остеологія, синдесмологія, миологія.) М., 1914. Изд. 11-е. VIII+398 стр.+2 табл. Съ рис. Ц. 4 р.

Кулинъ, А. Ф., д-ръ. Популярная гигіена. Пособіе для учащихъ и учащихся. Въ двухъ частяхъ. Екатеринославъ, 1914. Изд. А. А. Кожевникова. VI+100 стр. Съ 38 рис. Ц. 60 к.

§ 7. **Вилъ, С. Н.**, фонъ. Путевыя замѣтки при зоологическихъ экспедиціяхъ на сѣверо-востокъ Индіи и на Голубой Нилѣ. Спб., 1914. 145 стр. Съ рис. и карт. Ц. 1 р.

Голованевъ, П. М. Экономическая географія Сибири. М., 1911. 183 стр. Ц. 70 к.

Рикло, Э. Землетрясенія и медленныя колебанія земной поверхности. Вып. VIII. Соч. „Земля". Полный перев. съ франц. А. В. Мезіеръ. Подъ ред. И. А. Рубакина. М., 1914. Изд. 2-е, кн-ва К. П. Тихомирова. 131 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Терновскій, С. А. Внѣшнія условія жизни въ Палестинѣ. Саратовъ, 1914. 142 стр. Ц. 40 к.

§ 8. **Галанинъ, Д. Д.** Леонтій Филипповичъ Магницкій и его ариѳметика. Вып. I. Личность Магницкаго и его время. М., 1914. 66 стр. Ц. 50 к.

Котсъ, А. Ѳ. Этюды по теоріи эволюціи. Вып. I. Ламаркъ и Дарвинъ, какъ историки въ естествознаніи. Страница прошлаго, идеи эволюціи въ свѣтѣ историческаго метода. М., 1914. 22 стр. Ц. 20 к.

Полянов, С. Н. О значеніи математики, какъ основѣ мышленія и общаго образованія. Сергіевъ посадъ, 1914. Изд. кн. маг. М. С. Елова. 52 стр.

Тиннери, Ж., проф. Основныя понятія математики съ приложеніемъ очерка П. Тиннери. Основныя свѣдѣнія изъ исторіи математики. Пер. съ франц. Н. К. Ромнова. Спб., 1914. Изд. т-ва А. С. Суворина. XVIII+406 стр. Съ 184 рис. Ц. 3 р.

§ 9. **Дресслеръ, Г.** О наглядныхъ пособіяхъ по математикѣ. Преимущественно для средней школы. М., 1914. 60 стр. Ц 50 к.

Лебединцевъ, К. Ѳ. Методъ обученія математикѣ въ старой и новой школѣ. Собраніе статей по вопросамъ преподаванія математики. Б-ка новаго воспитанія и образованія. М., 1914. Изд. П. Горбунова-Посадова. 99 стр. Ц. 55 к.

X. Книги для дѣтей.

Авиловъ, П. Изъ Уральской старины. Разсказы для дѣтей. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 110 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

Андерсенъ. Собраніе сказокъ. Кн. 3. Перев. М. Вовчка. М., 1914. Изд. т ва И. Д. Сытина. 270 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

— Собраніе сказокъ. Кн. 4. Перев. М. Вовчка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 283 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Анненская, Н. Братъ и сестра. Разсказъ для дѣтей. Спб., 1914. Изд. 4-е. 142 стр. Ц. 50 к.

Антоновъ, П. Въ царствѣ огня. Разсказъ. Въ школѣ и дома. М., 1913. Изд. М. В. Клюкина. 40 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Богдановъ, Н. М. Жозефъ Реми. Разсказъ изъ жизни Реми, открывшаго способъ искусственнаго разведенія рыбъ. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Бѣляночка и Розочка. Сказка для дѣтей средняго возраста. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Вадзинская, А. Бабушкина семья. Разсказъ изъ жизни домашнихъ животныхъ. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Въ своемъ кругу. Разсказъ изъ жизни куръ. Дѣтская б-ка. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Мой другъ Дунай. Разсказъ изъ жизни лягавой собаки. Дѣтская б-ка. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Васинъ, Н. Русскія народныя сказки и басни о звѣряхъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина, 2-е. 63+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Висковатовъ, П. А. Внучка бабушки Татьяны. 3-я Люшина книжка. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. 35 стр. Съ рис.

Гауффъ, В. Сказки. Перев. съ нѣмецк. Карноухова. Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 132 стр. Ц. 30 к.

Де-Виттъ. Исторія одной собаки. Кюуне. Орелъ. Гренфель. Бринъ. Мирская. Герда. Четыре разсказа. (Б-ка П. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества, № 265.) М., 1914. 52 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Дицъ, Е. К. Съ дѣтками о птицахъ и животныхъ. 14 разсказовъ. Съ пред. проф. Д. Н. Кайгородова. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 83 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Доганович, А. Ѳомка-дуракъ. Разсказъ для дѣтей. Б-ка малевькаго читателя. М., 1914. Изд. В. С. Спиридонова, 8-е. 45 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Дрожжинъ, С. Д. Четыре времени года. Сельскія идилліи для дѣтей. Рис. В. Комарова. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 50+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Дурылинъ, С. За полуночнымъ солнцемъ. По Лапландіи пѣшкомъ и на лодкѣ. Б-ка И. Горбунова-Посадова. М., 1913. 118 стр. Съ рис. и картами. Ц. 80 к.

Дѣтская энциклопедія. Т. VI. Подъ ред. проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, проф. Н. П. Козловскаго, Н. А. Морозова, проф. С. И. Метальникова, М. В. Новорусскаго. М., 1913. 256 стр. Съ рис.+ 6 лист. рис.

Жиженовъ, Ив. Избранныя русскія сказки. Кн. IV. Для средняго возраста. М., 1913. Изд. Рязанск. учебн. мастерской И. Жиркова, 7-е. 4+68 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Засодимскій, П. Въ зимнія сумерки. Сборникъ бывальщинъ, разсказовъ и сказокъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 398 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

— Сказки. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 169 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

— Чудодѣйственная флейта. Сборникъ разсказовъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 198 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Ивановъ, Ив. Ив. Какъ царь Петръ сталъ преобразователемъ Россіи. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 4-е. 126 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Каплачъ, М. И. Краткіе очерки по исторіи евреевъ. Пособіе для юношества при изученіи еврейской исторіи въ школѣ и дома. 1. Царь Давидъ. 2. Царь Соломонъ. Серія 1-я. 3-й вып. Днепрославъ, 1913. 15 стр. Ц. 10 к.

Карабанова, З. Польскія сказки. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 291 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Карась, Я. Мой шарикъ. Очерки изъ жизни степныхъ жителей. Дѣтская б-ка.

М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— На волѣ! Разсказы изъ дѣтской жизни. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Кормчій, Л. Набѣгъ. Переправа. На льдинѣ. Три разсказа изъ жизни гимназистовъ. Спб., 1914. Изд. В. Губинскаго. 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Коропчевскій, Д. А. Дикій человѣкъ. Дикіе охотники. Дикіе рыболовы. Спб., 1914. Изд. книгоизд. П. С. Аскарханова, 3-е. 96 стр. Съ 82 рис. Ц. 40 к.

Красная шапочка. Сказка для дѣтей младшаго возраста. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Крошечка-Хаврошечка. Русская сказка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Кругловъ, А. В. Совѣсть проснулась. Разсказъ. М., 1913. Изд. М. В. Клюкина, 5-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Круковскій, М. А. Маленькій герой. Разсказъ. Съ рис. П. В. Пирогова. М., 1914. Изд. к-ва К. И. Тихомирова, 2-е. 11 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Приключенія Сеньки. Разсказъ. Съ рис. П. В. Пирогова и П. В. Журбина. М., 1914. Изд. кн-ва К. И. Тихомирова, 2-е. 18 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

Куприпъ, А. Дѣтскіе разсказы. Съ иллюстраціями М. Соломонова. М., 1914. Изд. Московскаго книгоизд. 148 стр. Съ рис.

Лабулэ. Паша-пастухъ. Турецкая сказка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Лидина. Незримыя слезы. Разсказы и картинки. М., 1913. 32 стр. Ц. 25 к.

Лвзовой, А. Е. Другъ новой школы. Вып. I. 75 дѣтскихъ пѣсенъ на слова поэтовъ на 1, 2 и 3 голоса и замѣтки по методикѣ классного пѣнія. М., 1913. Изд. П. Юргенсона. 27 стр. Ц. 50 к.

Ломакинъ, К. С. „Школьный театръ". Сборникъ пьесъ и сценъ для школьнаго и домашняго дѣтскаго театра. М., 1914. Изд. книгоиздат. К. И. Тихомирова. 64 стр. Ц. 40 к.

Лукашевичъ, К. Красный цвѣточекъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Дѣтскій театръ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 36 стр. Ц. 15 к.

— Среди цвѣтовъ. Фантастическая комедія для дѣтей въ двухъ дѣйствіяхъ съ танцами и пѣніемъ. Пѣсенки аранжировавы В. Сокольскимъ. Дѣтскій театръ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 48 стр. Ц. 15 к.

Любимыя родныя сказки. Новая школьная б-ка „Кружка учащихъ". Подъ ред. П. Булгакова и Ив. Сахарова. М., 1914. Изд. „Сотрудника школъ" А. Залѣсской. 50 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Маленькій голубенькій мальчикъ и другіе разсказы, стихи и занятія для малышей. Б-ка И. Горбунова-Посадова для дѣтей. № 287. М., 1914. 63 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Мечъ, С. Кавказъ. М., 1914. Изд. 13-е. 128 стр. Ц. 50 к.

— Палестина и Аравія. Двѣ лекціи для учащихся, читанныя авторомъ въ Москвѣ. М., 1914. 64 стр. Ц. 30 к.

— Швейцарія. М., 1914. 84 стр. Ц. 30 к.

Мохначева, В. Дѣтскій сборникъ русскихъ поэтовъ. Т. I. Юрьевъ, 1914. XIII+244 стр. Ц. 75 к.

Назаретскій, В. Л. „Вся бѣда — черезъ мухъ". Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Собака. Разсказъ. Съ рис. А. П. Анспта. М. 1913. Изд. Д. П. Ефимова. 21+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Солнце въ росинкахъ. I. Въ дудкѣ. Разсказъ. Съ рис. А. П. Анспта. М., 1913. Изд. Д. П. Ефимова. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к. II. Сердце пастежь. 61 + 3 нев. стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Ѳедька-рудоконъ. Повѣсть. М., 1914. Изд. 8-е журн. „Юная Россія". 144 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Новицкая, В. Паташа Славина. Повѣсть для юношества. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 234 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Косиловъ, К. Д. Въ снѣгахъ. Разсказы и очерки изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. М., 1914. Изд. 7-е журн. „Юная Россія". 178 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Пальмъ, Ами. Лалли и ея щеночекъ Звѣздочка. Сказка. Б-ка для дѣтей. Подъ ред. И. И. Горбунова-Посадова. М., 1913. 24 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Перелыгинъ, Н. И. Сиротки. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. А. Л. Кучеренко. М., 1913. Изд. Г. П. Ефимова, 4-е. 24 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Позняковъ, Н. И. Подвалъ. Повѣсть для дѣтей. М., 1914. Изд. 2-е. В. С. Спиридонова. 42 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Покровскій, С. Путешествія И. М. Пржевальскаго. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1913. Изд. журн. „Юная Россія". 78 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Поспѣловъ, С. Денежные короли. Біографическіе очерки. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 68 стр. Ц. 20 к.

Родныя сказки. I. Бѣлая уточка. 2. Три желанія. 3. Пузырь, соломинка и лапоть. М., 1913. Изд. Е. Коноваловой и К°, 2-е. 24 стр+6 рис.

Розеггеръ, П. Лѣсные разсказы для юношества. Пер. съ нѣм. В. Лежнева. Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. т-ва „Дѣятель". 142 стр. Ц. 30 к.

Сатаровъ, Д. В. Живая ариѳметика въ часы досуга. Кн. 1. Пособіе семьѣ и школѣ для развитія смекалки въ дѣтяхъ. Содержаніе: Задачи-шутки. Разныя задачи. Спички. Звгадочные вопросы. Тѣни. Забавныя картинки. Рисованіе съ одного почерка. Отвѣты. 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Кн. 4. Содержаніе: Задачи-шутки. Вопросы—загадки, Рисованіе съ одного почерка. Завимательныя задачи. Шутки-прибаутки. Математическіе разсказы. Числовыя скороговорки. Отвѣты. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Сергѣенко, П. Дѣтскіе разсказы. Кузя. Докторъ. Вопросъ о дровахъ. Коршунъ. Мать и сынъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1913. Изд. журн. „Юная Россія". 128 стр. Ц. 50 к.

Скворцопъ, Н. А. Какъ играютъ и забавляются животныя. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Смирновъ, В. А. Лѣсная принцесса. Сказочка въ стихахъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 16 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Смирновъ, А. В. Рождественскій дѣдъ. Сказочка. Рис. Б. Зворыкина. М., 1913. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 8 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Тихомирова, Е. и Богданова, Н. Обезьяны, слоны и попугаи. Составлено по Брему, Фогту, Жаколіо и др. историкамъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 6-е. 95 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Туръ, Ев. (гр. **Е. В. Саліасъ.**) Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Для дѣтей средняго и старшаго возрастовъ. Спб., 1914. Изд. 15-е. 365 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Удивительныя путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. М., 1913. Изд. Е. Коноваловой и К°. 24 стр. + 6 лист. рис.

Харьковичъ, М. Джоаквино. Сцена изъ дѣтства Россини въ III дѣйствіяхъ. Дѣтскій театръ, издаваемый подъ ред. Н. Новича. Спб., 1913. 23 + 4 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Шретеръ, М. В. Пѣсни чижика. (Стихи.) Спб., 1914. 199 стр. Съ рис. Ц. 90 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ. Вмѣсто рождественской елки. Святочные разсказы. Дѣтская б-ка. М., 1914 Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Волчья приманка. Очерки изъ сибирской жизни. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Маленькіе богатыри. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сказка про Касьяна да про Швеца-Шельмеца. Дѣтская б-ка М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Сказки про умнаго дурака, да про няньку-вѣтака. Дѣтская б-ка. М., 1914. Изд. т-на И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§ 1. Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. Н. Лянге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Кн. XXIV. Т. VII. М., 1913. Изд. т-ва „Міръ". 128 стр. + 6 лис. рис.

Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева и К. А. Тимирязева, Т. XXI. Звукъ—Индія. Спб., 1914. Изд. А. и И. Гранатъ, 7-е. 640 столб. Съ рис. и табл.

§ 2. **Айзиковъ, Ш. и Фрадкинъ, Б.** Русско-еврейскій карманный словарь. Вильна, 1913. Изд. кн-ва „Іегудія". 1,522 стр. (въ 2 столбцы). Ц. 1 р. 50 к.

§ 3. О журналахъ для дѣтскаго чтенія. М., 1914. Изд. б-ки М. В. Вереденниковой. 133 стр. Ц. 60 к.

Саввинъ, Н. А. Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1913 годъ. Учительская б-ка. М., 1914. Изд. ред. журн. „Педагогич. Листокъ". 76 стр. Ц. 20 к.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 февраля по 1 марта 1914 г.

Абельдяевъ, Д. Лилія. М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Абрамовъ, И. Въ культурномъ скиту. Спб., 1914 г. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Ц. 50 к.

Авенаріусъ, В. П. На Парижъ! Изд. Луковникова. Спб., 1913 г. Ц. 1 р. 50 к.

Амфитеатровъ, А. В. Звѣрь изъ бездны. Собр. соч. Т. IV. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бартеневъ, П. И. Пушкинъ въ южной Россіи. М., 1914 г.

Бау, А. Опредѣлитель жуковъ средней Европы. Изд. Девріена. Спб., 1914 г. Ц. 2 р. 75 к.

Баштанникъ, А. Карманный словарь. М., 1914 г. Изд. т-ва Сытина. Ц. 10 к.

Безобразова, М. В. Изслѣдованія, лекціи, мелочи. Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Бибикъ, А. Къ широкой дорогѣ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Богдановъ, А. Наука объ общественномъ сознаніи. Книгоизд. писателей въ Москвѣ. Ц. 75 к.

Брокгаузъ и Ефронъ. Новый Энциклопедическій Словарь. Т. VIII—XVII.

Брусянинъ, В. В. Доктора и паціенты. Изд. д-ра Окса. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Будановъ, В. В. Къ новой жизни. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 30 к.

Бутовскій, И. Повѣсти изъ современной офицерской жизни. Изд. Березовскаго. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Вальтеръ, В. Г. Эдуардъ Францисачъ Направникъ. Спб., 1914 г. Ц. 75 к.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Изд. Н. П. Сергіевскаго. Ц. 4 р.

„Весна". № 1 за 1914 г.

Владиміръ С. Зарницы. Кіевъ, 1913 г. Ц. 1 р.

Волковыскій, Арнольдъ. Солнца поцѣлуи. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Вѣстникъ олонецкаго губ. земства. № 1 за 1914 г.

Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Итоги работъ за послѣднее пятилѣтіе (1909—1913 гг.). Спб., 1914 г.

Гоганъ, Поль. „Ноа-Ноа". Путешествіе на Таити. Изд. Маковскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Горскій, Владиміръ. Танго. 1914 г. Ц. 25 к.

Грамматчиковъ, Сергѣй. Міровой строй труда. М., 1914 г. Ц. 1 р. 40 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Въ глухомъ уѣздѣ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Спб. 1914 г. Ц. 1 р.

Гюго, Викторъ. Восточныя стихотворенія. Перев. П. А. Ѳедорова. Кн-во „Аяксъ". М., 1914 г. Ц. 50 к.

— Несчастные. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Дементьевъ. Доходы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ связи съ экономическими явленіями русской жизни послѣднихъ лѣтъ. Спб., 1913 г.

Дзыкъ, П. Г. Сборникъ стереометрическихъ задачъ. Изд. „Матезисъ". Одесса, 1914 г. Ц. 75 к.

Диль, Ш. Византійскіе портреты. Кн-во Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Донцовъ, Дмитро. Сучасне політичне положенэ нашї і наші завдання. Львовъ, 1913 г. Ц. 40 к.

Дрентельнъ, Н. С. Физическіе опыты въ начальной школѣ. Изд. Сытина. М., 1913 г. Ц. 1 р.

Дульскій, П. Памятники казанской старины. Изд. Соломина. Казань, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дунаевъ, Б. И. Библіотека старорусскихъ повѣстей. XVIII в. Петровская эпоха. Ц. 35 к.

Евгеньевъ, В. Писатели—борцы съ крѣпостной монолей. Кн-во „Энергія". 1914 г. Ц. 75 к.

Евреиновъ, Н. Драматическія сочиненія. Т. II. 1914 г. Ц. 2 р.

Егорьевъ, В. и Марковъ, В. Свирѣль Китая. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ежемѣсячная статистика желѣзной промышленности юга Россіи. № 516 и 518. Харьковъ, 1913 г.

Ефимовъ, Евгеній. Природа преступленія. М., 1914 г. Ц. 3 р. 50 к.

Ehrich Eugen. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München, 1913 г.

Желѣзная промышленность южной Россіи въ 1912 г. Вып. №№ 508, 511, 512, 517 и 519. Харьковъ, 1913 г. Ц. выпуска 1 р.

Жулавскій, Г. Побѣдитель. Кн-во Некрасова. М., 1914 г. Ц. 1 р. 40 к.

Заксъ, Г. Больничная касса. Ея устройство. Разборъ устава. Законы. Изд. „Будущность". Вольскъ, 1914 г. Ц. 5 к.

Заемъ и заемное обязательство. Общедоступная юрид. б-ка подъ ред. В. Я. Крюконскаго. Изд. Попова. Спб., 1914 г. Ц. 60 к.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Періодъ третій. Вып. I и II. Спб., 1913 г. В. I—60 к. В. II—1 р. 25 к.

Извѣстія московской губ. земской управы. № 12 за 1913 г.

Извѣстія министерства иностранныхъ дѣлъ. 1913 г. Кн. VI.

Инберъ, Вѣра. Печальное вино. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія западной литературы. Кн. 5. Подъ ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Изд. т-ва „Міръ". М.

Капустинъ, Вл. А. Десятилѣтіе оцѣночнаго производства по отчужденію участка земли въ Леононѣ для моск. окружн. желѣзной дороги. М., 1913 г.

Кащенко, В. П. и Крюковъ, С. Н. Воспитаніе - обученіе трудныхъ дѣтей. М. Ц. 60 к.

Квашнинъ-Самаринъ, Н. Княжая пѣснь. Спб., 1914 г.

Кедровъ, П. И., д-ръ. Врачебная экспертиза. Изд. т-ва Сытина. М., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кершенштейнеръ, Георгъ, д-ръ. Развитіе художественнаго творчества ребенка. М., 1914 г. Ц. 2 р. 75 к.

Клодъ—Ва. Оствальдъ. Электричество и его примѣненія въ общедоступномъ изложеніи. Кн-во „Космосъ". М., Ц. 5 р. 50 к.

Козьминыхъ - Ланинъ, И. М. Сверхурочныя работы на фабрикахъ и заводахъ Московск. губерніи. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Количество и стоимость топлива. № 521. Изд. Псиз. губ. земства. Харьковъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, Михаилъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Т. IV. Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Корфъ, С. А., баронъ. Автономныя колоніи Великобританіи. Спб., 1914 г. Ц. 3 р.

Крюковъ, Ѳ. Разсказы. Т. I. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Кулишеръ, I. М. Коммунальное обложеніе въ Германіи. Спб., 1914 г. Ц. 3 р.

Кулишеръ, А. Р. Учебникъ геометріи. Ч. I. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 90 к.

Къ вопросу о современномъ положеніи русской экспортной лѣсной торговли. Главн. упр. землеустр. и земледѣлія. Спб., 1913 г.

Лазаревскій, Борисъ. Собр. сочиненій. Т. VI. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

„Логосъ". Т. I. Вып. I. Изд. т-ва Вольфъ. 1914 г.

Лукомскій, Г. К. Старинные театры. Спб., 1913 г.

Львовъ, Г. Е., кн. **и Полнеръ, Т. И.** Наше земство и 50 лѣтъ его работы. Кн-во „Задруга". Ц. 20 к.

Любовь къ тремъ апельсинамъ. Журналъ доктора Дапертутто. № 1 за 1914 г.

La Vie des Lettres. Volume 4. 1914 г.

Маковскій, Ф. Въ цѣпяхъ прошлаго. Кн-во „Новая Жизнь". Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ. Сибирскіе разсказы. Т. III и IV. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. отд. тома 1 р.

Маръ, Анна. Идущіе мимо. „Московское книгоиздательство". Ц. 1 р. 25 к.

Медицинскій отчетъ сакской грязелѣчебницы Таврич. губ. земства сезонъ 1913 г. Симферополь, 1914 г.

Ми, Г. Курсъ электричества и магнетизма. Ч. I и II. Кн-во „Матезисъ". Одесса, 1912 г. Ц. за обѣ части 6 р.

Модестовъ, Н. Кандидъ Зеленко въ Оренбургѣ. Оренбургъ, 1913 г.

Національно - хозяйственное значеніе и нужды русскихъ курортовъ вообще и курорта Теберды въ частности. Ростовъ-на-Дону. 1914 г.

Наше хозяйство. № 2 за 1914 г.

Нечаевъ, А. П. О преподаваніи начальной географіи. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.

Николаевъ, П. П. Духовно - монистическое пониманіе міра. Изд. „Зеленая Палочка". М., 1914 г. Ц. 60 к.

Общество Мира въ Москвѣ. Вып. III. 1912—1913 гг. М., 1913 г.

Огановскій, Н. П. Обновленіе земледѣльческой Россіи и аграрная политика. Вып. I. Кн-во „Задруга". М., 1914 г. Ц. 2 р.

Орловъ, Г. Исторія православной христіанской церкви. М., 1914 г. Ц. 65 к.

Острогорскій, А. Н. II. Пироговъ. Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Отчетъ госуд. сберегательныхъ кассъ по сберегательной операціи за 1912 г. и приложеніе къ нему. Спб., 1913 г.

Отчетъ госуд. сберегательныхъ кассъ по страхованію доходовъ и капиталовъ. Спб., 1913 г.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Ч. II. Вып. I. Изд. Министерства торг. и промышленности.

„Очарованный странникъ". Вып. III. Ц. 35 к.

Павловъ, Анатолій. Ода на столѣтіе паровоза 1814—1914 гг. Тифлисъ, 1914 г.

Пардо-Басанъ, Э. Краеугольный камень и др. разсказы. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Паульсенъ, Ф. Педагогика. Изд. т-ва „Міръ". М., 1913 г.

Подворная перепись крестьянскаго хозяйства. Вып. X. Ц. 75 к. Вып. XI. 50 к. Изд. Пенз. губ. земства. Пенза, 1913 г.

Познеръ, С. В. Евреи въ общей школѣ. Изд. „Разумъ". Спб., 1914 г. Ц. 3 р.

Покровская, В. Моя первая географія. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г.

Протоколъ засѣданія торжественнаго юбилейнаго собранія по случаю 25-лѣтней дѣятельности харьковск. комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды. Харьковъ, 1914 г.

Посѣвная площадь и распредѣленіе полевыхъ культуръ въ 1913 г. въ Саратовск. губ. Бюллетень № 11. Оцѣночно-стат. отд. сарат. губ. упр.

Потапенко Наталія. Отступница. Кн-во бывш. Попова. Спб.. 1914 г. Ц. 1 р.

де-Ренье, Анри. Маркизъ д'Амеркёръ. Кн-во „Альціона". М., 1914 г.

Рильке, Райнеръ Марія. Замѣтки Мальте-Лаурядсъ Бригге. Т. I и II. Кн-во Некрасова. М., 1913 г. Ц. за оба т. 1 р. 30 к.

Розингъ, Б. Свѣтъ. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 65 к.

Ромеръ, Ѳ. Э. Въ средѣ образовъ звѣриныхъ. Изд. Маркса. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Rosenfeld, I. Die doppelte Warheit. Bern, 1913 г.

Рубакинъ, Н. А. Практика самообразованія. Кн-во „Наука". М., 1914 г. Ц. 2 р. 75 к.

Рудановскій, А. П. Общая теорія учета и оцѣнка московскаго городского счетоводства. М., 1912 г.

— Построеніе баланса. М., 1913 г. Ц. 30 к.

— Принципы общественнаго счетовѣдѣнія. М., 1913 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Руководящія начала фабричнаго счетовѣдѣнія. М., 1914 г. Ц. 50 к.

Рудичъ, Вѣра. Пятый сборникъ стиховъ. Спб., 1914 г. Ц. 50 к.

Русовъ, Н. Н. Въ старой усадьбѣ. Кн-во Некрасова. М. Ц. 60 к.

Рыбинцевъ, Георгій. Кн-во „Альціона". М., 1914 г. Ц. 1 р.

Сазавскій, Мыслиборъ. Славянская письменность и литургія въ IX—XI в. на Западѣ. II.-Новгородъ, 1914 г.

Сентивъ, П. Симуляція чудеснаго. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Слезкинъ, Юрій. Помѣщикъ Газдинъ. Т. II. Изд. Попова. 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Слобожанскій, С. Европа. Географическая хрестоматія. Ч. IV. Изд. „Вятскаго т-ва". 1914 г. Ц. 80 к.

Соловьевъ, Влад. Серг. Собраніе сочиненій. Т. X. Кн-во „Просвѣщеніе". Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Соляная промышленность южной Россіи. № 510. Харьковъ, 1913 г.

Сперанскій, Н. Кризисъ русской школы. М., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Списки населенныхъ мѣстъ Саратовской губерніи. Петровскій уѣздъ, Царицынскій уѣздъ, Хвалынскій уѣздъ, Саратовскій уѣздъ, Сердобскій уѣздъ, Кузнецкій уѣздъ, Камышинскій уѣздъ, Аркарскій уѣздъ, Балашовскій уѣздъ, Вольскій уѣздъ. Саратовъ. Ц. 25 к.

Сполохи. Книга 9. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Срезневскій, В. И. и Тукалевскій, В. П. Толстовскій музей въ Петербургѣ. Спб., 1914 г. Ц. 15 к.

Статистическій ежегодникъ по Симбирской губ. за 1912 г. Изд. Симбирск. губ. земства.

Струве, Алекс. Отраженія. Циклъ стиховъ. Изд. Фрамъ. М., 1913 г. Ц. 50 к.

— Пластическіе этюды. Изд. Решке. Ц. 50 к.

Стѣпная карта. Русскіе славяне и ихъ сосѣди въ IX—X вв.—съ приложеніемъ атласа. Памятники искусства русскихъ славянъ и ихъ сосѣдей до XII в. Изд. Башмакова. Спб., 1914 г. Ц. 5 р.

Stein, E. A manual of english. (in two parts.) I. Спб., 1913 г. Ц. 2 р.

Сѣверцовъ, А. Н., проф. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Кн-во „Наука". М., 1914 г. Ц. 80 к.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Гитанджали. Книгоизд. писателей въ Москвѣ. Ц. 40 к.

Тастевенъ, Генрихъ. Футуризмъ. Изд. „Присъ". М., 1914 г. Ц. 90 к.

Титченеръ, Э. Б., проф. Учебникъ психологіи. Ч. II. Изд. т-ва „Міръ". М., 1914 г. Ц. 1 р. 35 к.

Тихомировъ, В. В. Новая русская азбука. М., 1914 г. Ц. 8 к.

Толстой, Алексѣй Н., гр. Сказки. Сочин. Т. IV. К-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р.

Томпсонъ-Сетонъ, Э. Рольфъ въ лѣсахъ. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Труды харьковскаго общества сельскаго хозяйства. Вып. VIII 1913 г. Харьковъ, 1914 г.

Тугановъ, Б. Батаноко Темботъ. Кн-во „Востокъ". М., 1913 г. Ц. 75 к.

Усковъ, М. В. Математическая географія въ начальномъ курсѣ. Изд. Луковникова. Спб., 1914 г. Ц. 60 к.

Хижняковъ, В. В. Кооперативная дѣятельность земскихъ агрономовъ Московск. губ. Матеріалы по кооперацiи въ Моск. губ. Вып. VII. М., 1913 г. Ц. 30 к.

Ходасевичъ, Владиславъ. Счастливый домикъ. Кн-по „Альціона". М., 1914 г. Ц. 1 р.

Цензоръ, Дмитрій. Легенда будней. Изд. Аверченко. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Чезаро, Эрнесто. Элементарный учебникъ алгебраическаго анализа и исчисленія безконечно малыхъ. Ч. I и II. Одесса, 1914 г. Ц. I ч.—5 р., II ч.—4 р.

Шестаковъ, С. Рѣчи Либанія. Т. 1. Казань, 1914 г. Ц. 3 р. 60 к.

Шиловъ, Алексѣй. Кружокъ дѣятелей по борьбѣ со школьнымъ алкоголизмомъ по Москвѣ. М., 1914 г. Ц. 5 к.

Шретеръ, М. В. Пѣсни чижика. Спб., 1914 г. Ц. 90 к.

Штокманъ, д-ръ. Политико-экономическіе этюды. Кн-во Попова. Спб., 1914 г. Ц. 80 к.

Шульговскій, Н. Н. Теорія и практика поэтическаго творчества. Изд. т-ва Вольфъ. Спб., 1914 г. Ц. 3 р.

Щербина, А. М. Методологія этики. М., 1914 г. Ц. 25 к.

Экономическое описаніе раіона екатерининской желѣзной дороги. Изд. Мин. путей сообщ. Харьковъ.

Экспортная лѣсная торговля въ привислинскихъ губерніяхъ и ея нужды. Изд. Сельскохозяйственнаго комит. по пересмотру торг. договоровъ. Спб., 1913 г.

„Энергія". Сборникъ 2-й. Кн-во „Энергія". Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Эрато-Слуцкій, Л. Культъ жизни. Кн-во П. П. Самоненко. Кіевъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Эренбургъ, И. Дѣтское. 1914 г.

Юнгъ. Солнце. Изд. т-ва „Общественная польза". Спб., 1914 г. Ц. 2 р.

Юшкевичъ, С. Леонъ Дрей. Кн-во „Жизнь и Знаніе". Спб., 1914 г. Ц. 1 р.

Яроцкій, А. И. Альтруистическая мораль и ея индивидуалистическое обоснованіе. Юрьевъ, 1914 г. Ц. 50 к.

Яроцкій, А. И. Какова должна быть средняя школа? Юрьевъ, 1914 г. Ц. 60 к.

25 лѣтъ дѣятельности одесскаго общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ. 1889—1913 г. Одесса, 1914 г.

BINDING SECT. NOV 12 1975

AP
50
R8
g.35
kn.3

Russkaia mysl

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 02 009 3